

В
ВГ

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ГАСИТЕЛИ
СОЛНЦ



ЭКСМО

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ГАСИТЕЛИ
СОЛНЦ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО



Василий
ГОЛОВАЧЕВ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

**ГАСИТЕЛИ
СОЛНЦ**

ОСОВЫЙ КОНТРОЛЬ
ОГНЕТУШИТЕЛЬ ДЬЯВОЛА

Москва



2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Головачев В. В.

Г 61 Гасители солнц: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 672 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-13040-3

Когда человечество освоило мгновенную транспортировку материи на любые расстояния — «тайм-фаг», освоение Вселенной стало лишь вопросом времени. Именно тогда на Земле и других планетах начали происходить загадочные катастрофы, стали появляться непонятные артефакты, наличие которых нарушало все законы природы. Ведь могущество человеческого разума и неистощимая жажда познания порой ставят под вопрос само существование нашей Вселенной.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-13040-3

© Головачев В. В., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ОСОВЫЙ КОНТРОЛЬ

Глава 1

ИГРА

В мягкой фиолетовой полутьме ее лицо словно светилось изнутри розовым светом, и необычным казался его овал в черной волне ощутимо тяжелых волос. Станным было лицо, безжизненным, одно выражение застыло на нем — безнадежность. Может быть, темнота ее глаз скрывала и боль, и слезы, но слова были резкими, жесткими и беспощадно чужими. Жестокие слова, от которых замерло движение в воздухе и повеяло холодом... И Филипп сказал почти равнодушно, чтобы прервать этот разговор, чтобы ей было легче — он еще не понимал до конца, не хотел понимать, что она уходит, — чтобы тяжесть вины — да и была ли она виновата? — легла на двоих:

— Хорошо, не будем больше об этом.

Аларика облегченно вздохнула, вскинула голову и снова опустила, теперь уже виновато. И было в этом движении то, чего больше всего не понимал Филипп, — неуверенность. Непонятный получался разговор: говорила она прямо и энергично, но неуверенными выглядели жесты, неуверенность звучала в ее отрывочной речи.

Молчание заполнило комнату: она не знала, что делать дальше, он пытался понять, почему оказался в таком положении. Почему? Десять лет детской дружбы, множество ссор и примирений с помощью друзей — оба упрямы и горды — и любовь... Любовь ли? Может, не было любви?

— Прости, — сказал он, с трудом шевеля губами. — Я, наверное, от природы инфантилен и не могу понять, что происходит. Объясни мне наконец, это что, так серьезно?

Аларика судорожно кивнула. На слова не хватало сил, а еще она боялась, что решимость ее угаснет совсем и эта агония их любви, которой он не хочет замечать, продлится еще долго, долго...

— Я тебя всегда понимал с трудом, — продолжал Филипп, все еще на что-то надеясь. — Наверное, я слишком медленно взрослею. И все же... вот ведь парадокс — я тебе не верю!

Он подождал несколько секунд, всматриваясь в ее лицо, ставшее вдруг чужим и далеким, и рывком выбросил свое сильное тело из кресла.

— Что ж, прощай. Что еще говорят в таких случаях? Желаю удачи и счастья.

Прощагал до двери, оглянулся, ничего не увидев, и вышел. И только за сомкнувшейся дверью ощутил странную сосущую пустоту, холодную, как ледяной грот, и понял, что это действительно серьезно, серьезней не бывает, и ему до боли в груди захотелось броситься назад, стать на колени и пусть даже не видеть ее, только чувствовать рядом, ощущать ее тепло, дыхание... Но вернуться было уже невозможно, там выросла стена, толстая стена из двух слов: «Люблю другого... Люблю другого! Люблю другого!!» Когда она успела? И кто он, покоривший доселе независимый ее характер? Или это всего-навсего слова, проверка чувства?.. Нет, не может быть! Так жестоко шутить она не способна. Значит, на самом деле существует этот третий, замкнувший тривиальный треугольник! И не поможет никто. Никто! Потому что это, наверное, единственный случай, не подвластный даже аварийно-спасательной службе, когда — человек, помоги себе сам!

Кто-то прошел по коридору. Филипп открыл глаза...

Филипп открыл глаза и виновато улыбнулся, все еще пребывая во власти воспоминаний. Рядом с пультом вычислителя стоял Травицкий и смотрел на развернутый объем мыслепроектора, постукивая по груди пухленькими пальчиками. Метровый куб проектора был заткан цветами, и в его глубине, в раствор стационарной ТФ¹-антенны, было вписано лицо Аларики.

— Извините, — пробормотал Филипп, стирая изображение. — Задумался...

Травицкий грустно покивал.

¹ТФ — тайм-фаг — система мгновенной транспортиции материи.
(Здесь и далее примеч. авт.)

— Я не удивляюсь. Привык. У тебя, кажется, завтра ответственный матч?

— Финал Кубка континентов, — сказал Филипп, не поднимая глаз.

«Зачем я только пришел сюда сегодня, — подумал он, — все равно от меня толку, что от козла молока. У Травицкого и без меня забот хватает. Надо же, размечтался с эмканом на голове! Аларику нарисовал... Почему я вспомнил о ней? Согласно всем нормам психомodelистов я должен сейчас думать об игре. Или перегорел? Нет, просто запретил себе думать об игре. А на Аларику, выходит, запрета не хватает. Слаб ты еще, Филипп Ромашин, конструктор, спортсмен и так далее...»

— Иди отдыхай, — посоветовал Травицкий. — Эту конструкцию, — он кивнул на пустой объем мыслепроектора, — списываю только за счет твоего волнения. На твоём месте я слетал бы куда-нибудь один, например, в Музей истории. Кстати, у меня к тебе один не совсем обычный вопрос: не замечал ли ты каких-нибудь поразивших тебя явлений?

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросил Филипп.

— Ну... что-нибудь странное, экстраординарное, выходящее за рамки обыденности, ранее не встречающееся...

— По-моему, нет, не встречал. А может, не обращал внимания?

— Так обрати. — Травицкий кивнул, погрузившись еще больше, пожелал удачи и вышел. Маленький, круглый, грустный. Начальник конструкторского бюро, лучший специалист Института ТФ-связи.

Филипп снял с головы корону мыслеуправления, называемую в быту эмканом, постоял у пульта, размышляя о своих отношениях с людьми, которые понимали его больше, чем он сам. Начальник бюро Кирилл Травицкий... человек, сделавший из него конструктора-функционала, никогда не высказывающий недовольства его постоянными увлечениями, капризами... волейболом, наконец. Хотя волейбол не увлечение и не каприз, это жизненно важная потребность, без которой нет смысла в слове «спорт». Как их совместить — работу в институте, требующую постоянных занятий, и большой спорт, требующий полной самоотдачи? Как совместить несовместимое?

— Проблема! — пробормотал Филипп, пряча эмкан в ни-

шу под пультом. — Что хотел сказать Кирилл? Что он подозревал под словами «необычные явления»? Что-то конкретное или это просто очередной тест на внимательность? Странно... А я сегодня и в самом деле заторможен, не сказалось бы это на игре. Надо встряхнуться... как тогда, пять лет назад...

...Шаги смолкли. Филипп открыл глаза, сделал шаг, другой, все быстрее и быстрее пошел прочь от проклятой двери. Идти было мучительно больно, как босиком по битому стеклу, но он прошагал пустым коридором до метро¹ медцентра Дальнего Востока, где Аларика работала врачом-универсалистом «Скорой помощи», мельком увидел свое отражение в зеркальной плоскости входа, подождал, пока отпустит, и — всем корпусом в дверь!

На станции задерживаться не стал. Прямая линия сообщения с Москвой была занята, и он перенесся на Марс, так велико оказалось желание сбежать из этого вдруг опостылевшего места! Но на второй станции метро Марса Филипп задержался почти на сутки: решение было импульсивным и поэтому бесповоротным. Прямо со станции он ушел в горы, в один из наименее исследованных уголков Страны Огига. Боль сердца требовала выхода, каких-нибудь отчаянных действий, и он в бешеной удали пошел вверх, на гребень уступа Огига, через дикие скалы и каменные стены, над пропастями и обрывами, ухитряясь проходить там, где спасовали бы и более опытные скалолазы, привыкшие опираться на здравый смысл. Невесомый, как тень, он переносился по едва заметным полкам и карнизам над километровыми каньонами и ущельями горной страны... И — грудью о камни! пальцы в кровь! — беззвучный крик всего тела, всю мощь, и ловкость, и реакцию в едином порыве — на борьбу с камнем, на борьбу с самим собой...

А на совершенно лысой макушке одной из гор Огига он вдруг упал на колени и закричал:

— Аларика-а!..

Воздух Марса, воздух, созданный предками столетие назад, отозвался гулким вздохом и долго шумел, как океанский прибой, пока не смолкло эхо... солнце ушло за изломанную

¹Метро — «мгновенный транспорт», возврат термина одного из самых массовых видов транспорта в XX—XXI вв.

черту горизонта, и пришел смарагдовый закат... Назад Филипп спускался шесть часов...

Он очнулся, прошелся по комнате, легонько притрагиваясь пальцами к шершавым голубым стенам, гладким поверхностям аппаратуры, соседних конструкторских комбайнов — сотрудники лаборатории давно закончили работу, и комбайны на время осиротели.

Память... память — единственный мостик, связывающий прошлое с настоящим и будущим. Хрупкий, нематериальный мостик, по которому можно идти только в одну сторону — от прошедшего. Может быть, это и необходимо? Недаром кто-то в древности говорил: «Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе». И все же иногда до смертной тоски хочется вернуться назад, со всем своим приобретенным опытом и умением, сделать все по-другому, иначе, лучше и правильной...

Филипп вздохнул, выключил автоматику конструкторского комплекса и обесточил аппаратуру лаборатории. Но не успел он выйти из комнаты, как между ним и дверью сформировалась из воздуха полупрозрачная плоскость, похожая на жидкое стекло. Постояла секунду, подернутая рябью, и скачком превратилась в зеркало. На Филиппа смотрел он сам, оторопевший от неожиданности. Нога затекла, Филипп, опомнившись, отступил на шаг. Его отражение в зеркале послушно повторило жест.

«Шутки Угловского, — подумал Филипп, внезапно успокаиваясь. — Леня любит розыгрыши. Это или видеопризрак «динго»¹, или наведенная галлюцинация, и в том, и в другом случае я ничем не рискую. Ну погоди, шутник!»

Конструктор смело двинулся прямо на прямоугольник «зеркала», пробил телом неощутимую поверхность (точно, «динго»). Но вышел не к двери, а... в противоположную сторону, к пульту! «Зеркало» странным образом повернуло его обратно! Что за чертовщина!

Филипп еще раз шагнул в зеркальную плоскость... и снова вышел в глубь комнаты! Интересное «динго» получается, с пространственными вывертами. Не на это ли намекал Тра-

¹«Динго» — динамическая голография — генератор голографических изображений, способных двигаться.

вицкий?.. Но как он мог предвидеть? Или это его рук дело?.. Чепуха! Кирилл не способен шутить так примитивно!..

Упрямство не являлось фамильной чертой характера Филиппа, но его разобрало любопытство, и он еще раз шесть настойчиво проверял возможности «зеркала» по «выворачиванию наизнанку». Неощутимая, гладкая на вид поверхность, не имевшая толщины — если посмотреть сбоку, — невозможно разворачивала входящего в него на сто восемьдесят градусов. Пробовал Филипп зайти и с другой стороны — с тем же результатом, «перевертыш» действовал одинаково как с фронта, так и с тыла. А когда Филипп собрался начать поиски «шутника», «зеркало» внезапно свернулось в нить, нить собралась в точку — и та исчезла.

Конструктор разочарованно потоптался на месте, потерял интерес к явлению, привел себя в порядок, собрался выходить из комнаты, и вдруг что-то заставило его остановиться. Он посмотрел на окно-стену, за которым сгущались сумерки. Вечер. Часов девять, десятый... Вечер?! Филипп не поверил глазам. Его наручный видео показывал десять минут пятого, в окно только что лился полуденный солнечный свет! Не мог же он так увлечься игрой с «зеркалом», чтобы не заметить, как пролетело пять часов! В таком случае был бы неисправен видео, а он работает нормально. Что произошло?

Филипп торопливо запросил службу времени, и женский голос сообщил ему точное время: двадцать один час двенадцать минут сорок секунд!

— Чушь какая-то! — вслух сказал Филипп и подумал: «Если только «зеркало» не обладает свойствами замедлять течение времени... Неужели научились создавать такие «динго»?»

С этой мыслью Филипп наконец-то выбрался из рабочей комнаты, пообещав себе разобраться с этим делом позже.

Вечером следующего дня Филипп, начисто забыв свою встречу с «зеркалом», посадил пинасс¹ в парке у Центрального спортивного комплекса «Россия», почти в центре Москвы. Многие мировые чемпионаты Земли и встречи сбор-

¹Здесь и далее названия транспортных средств соответствуют названиям морских судов XV—XVIII вв.

ных команд Солнечной системы по игровым видам спорта проходили в залах и на площадках этого комплекса...

Филипп бегом направился по аллее к служебному входу величественного здания, узнал у автоинформатора шифр помещения, где тренировалась сборная Русских равнин по волейболу, и через три минуты появился в просторной комнате психомассажа.

Потолок комнаты отсутствовал — такой достоверной была иллюзия голубого неба, пол напоминал скользкую поверхность ледяного поля. Низкие, бесформенные с виду кресла походили на клубы облаков.

Его встретили хором шуточных замечаний и упреков. Филипп быстро огляделся, забрался в свободное кресло и вдруг почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы тела и участилось дыхание. Впрочем, обычная «предсмертная лихорадка», или, как испокон веков говорили спортсмены всех рангов, мандраж.

— Точен, как бог времени, — похвалил его Ивар Гладышев, показывая большой палец. — Я поспорил, что ты придешь последним, и выиграл.

— Что наша жизнь — игра! — с притворной смиренностью вздохнул проигравший пари Павлов. — Опаздывает тот, кто не боится вылететь из команды. Поэтому я всегда прихожу раньше на три часа...

Они смеялись, перебрасывались шутками, Филипп тоже смеялся со всеми, что-то рассказывал, но он-то знал, видел, что за всеми этими разговорами и пикировкой у ребят одна мысль — впереди игра! И каждый исподволь готовил себя к главному — к выходу на игровую площадку, и не важно, где ты был до этого, что делал, чем недоволен или, наоборот, от чего счастлив. Все мысли и движения уже подчинялись властному ритму игры, уже отчетливо в ушах становился слышен тугой удар по мячу, уже сердце готовилось работать в великом темпе силовой отдачи... а до начала игры оставалось почти полтора часа.

Солинд появился незаметно. Он стоял и хмуро смотрел на резвящихся спортсменов, покусывая травинку, ждал, пока все уюмонятся. Потом сказал негромко:

— Сейчас там встречаются японцы и сборная Европы. Счет по партиям два — один.

— Японцы? — осведомился Павлов.

— Что японцы? — поинтересовался Солинд.

Все засмеялись.

— Ну, выигрывают?

— Нет.

Наступила тишина. Павлов присвистнул:

— Это как же понимать?

— А вот так. — Солинд вырастил «бутон» кресла и сел к ним лицом. — Европейцы в ударе. Зденек Рослонец простреливает блок чуть ли не под любым углом. Японцы ничего не могут с ним поделаться. И хотя вы у Европы выиграли, сегодня вам пришлось бы туго, друзья мои.

— Почему? — удивился круглолицый Павлов, наивный, как пятилетний карапуз, в перерывах между играми; хитрый и мудрый, как змей Кецалькоатль, во время игры. — Разве мы играли плохо?

Солинд в задумчивости подергал себя за мочку уха.

— Вы играли хорошо, но слишком уверенно. Сегодня так играть вам не дадут. Поняли меня? Ну хорошо. Готовы? Сейчас массаж, потом разминка в полсилы. В стартовой шестерке пойдут Ивар, Виталий, Сергей, Филипп...

Зал был полон, несмотря на то что встречи розыгрыша Кубка континентов по волейболу транслировало Центральное интервьюение Земли по всей Системе. У Филиппа вдруг вспотели ладони, и он машинально потер их о майку. Оглядывая передние ряды болельщиков, он неожиданно встретил взгляд девушки, с интересом разглядывающей площадку и игроков. Девушка многим напоминала Аларика... впрочем, это же она сама! Здесь?! В зале?!

Сердце прыгнуло вниз, волна горячей крови ударила в лицо... Какими судьбами Аларика, всегда относившаяся к волейболу, к спорту вообще с предубеждением, оказалась в зале на соревнованиях? Аларика... тот же нежный овал смуглого тонкого лица, изгиб бровей, четкий рисунок губ...

Филипп смотрел на нее всего несколько мгновений, но этого было достаточно, чтобы воскресить в памяти прошлые встречи. Оказывается, он и в самом деле не властен над резцом сердца, вырубившим на каменной скале памяти образ Аларика...

— Идите сюда, — позвал Солинд, подходя к краю площадки. — Что оглядываешься, Ромашин? Учтите, прошлая жизнь осталась вот за этой чертой. И не спасут вас от пора-

жения ни рост, ни реакция, ни прочие совершенства, если вы не способны отключаться, уразумели?

Филипп покосился на Аларику, разминая кисти рук, словно это было главным делом жизни, подумал: «Кто же это с ней? Муж? И где, слева или справа? Белобрысого я никогда не видел, а второй как будто знаком... Впрочем, какое мне дело до нее и ее внезапного интереса к волейболу?»

— Играете первый вариант, — продолжал тренер, вглядываясь в спокойные и уверенные лица. Он знал своих игроков, наверное, больше, чем они сами; знал их бойцовские качества, физические, психологические и человеческие, знал давно и верил, что для победы они сделают все. Но для этого их надо чуть-чуть разозлить, вернее, расшевелить: самлюбие у классных игроков тоже много значит.

— Помните, что будущие неудачи... — Солинд помолчал и будто нехотя добавил: — не уравновешиваются прошлыми успехами.

Филипп с любопытством посмотрел на тренера. Тот как будто нарочно делал вид, что сомневается в успехе, и в то же время можно было понять, что он вызывает их на спор, поддразнивает. А может быть... может, он и в самом деле сомневается?

Запела сирена, команды построились у лицевых линий площадок.

— Финальная встреча по волейболу на Кубок континентов! — прозвучал в зале голос судьи-информатора. — Встречаются сборные команды Северной Америки и Русских равнин.

— Ну, орлы! — пробормотал Гладышев, когда команды обменялись приветствиями и была разыграна подача. — Наша площадка. Остаемся?

— Остаемся, — быстро сказал Филипп. Аларика сидела напротив площадки.

— В четвертом номере у них Кристо, — заметил Павлов. — Ему нужен как минимум двойной блок и аут-контроль.

— В третьей зоне я возьму его в аут-контроле, — сказал Филипп. — А Паша пусть следит за Иваром в блоке. Первая же передача со второго темпа — на «антенну», полупрострел.

— Не спеши срывать аплодисменты, — сказал мрачноватый Панченко. — Кристо — не Паша, его одним блоком не

возьмешь. Во втором номере у них согласующий Рамиро Менендес, вдвоем с Кристо они тебя съедят с майкой.

— Я, конечно, не Кристо, — обиделся Павлов, — но подстрахую в блоке не хуже Рамиро.

Филипп ободряюще хлопнул его по спине и несколько раз высоко подпрыгнул на месте, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Автомат уже включил игровое поле: все игры команд высших классов проходили при силе тяжести, равной ноль девяносто двум сотым земной. Северо Пальме дель Кристо, уроженец Кубы, а также капитан ее сборной команды, играющей в высшей лиге Северной Америки, тоже сделал несколько прыжков и приседаний на своей половине площадки и приветственно помахал рукой. Он выглядел спокойным и улыбчивым, но Филипп отлично знал: в игре Кристо становился неистовым и страстным, как черный ураган. Справиться с ним в блоке было действительно нелегко.

Раздался свисток. Разминка — три минуты. Затем первый сет.

И с первых же секунд у игроков сборной Русских равнин «не пошла» игра. Сначала Павлов, то ли расстроившийся от неосторожной шутки Панченко, то ли по другой причине, неудачно принял мяч, потом Сергей Никитин не довел его до Филиппа, и тот тоже с трудом перебросил мяч через сетку. Американцы — Рамиро, Кристо и Джон Констебл — тут же разыграли комбинацию «рапира», и Кристо со взлета на первом темпе пробил мяч под руки не успевшего с блоком Гладышева.

Один — ноль.

Второй мяч они снова проиграли. И третий. И хотя Филипп в этом виноват не был, он почувствовал смутное недовольство собой, хорошее настроение ушло. С точки зрения организации матча все было сделано безукоризненно: мягкое, рассеянное освещение площадок поляризованным солнечным светом, почти не дающим теней, не раздражало глаз; рельефная сетка ни на миллиметр не была выше стандартных двух метров семидесяти восьми сантиметров, растянутая между невидимыми силовыми столбиками; тугой белый мяч олицетворял мечту любого волейболиста; упругий кситановый пол мгновенно впитывал любую пролитую жидкость... Но все же что-то было не так, какая-то мелочь, реги-

стрируемая пока только подсознанием. Может быть, мешают фасеточные «глаза» киберсудей? Он никогда не замечал их раньше... Что же тогда?

— За спиной со второго! — бросил Филипп согласующему и... пробил в блок.

Солинд, с виду рассеянный и равнодушный, покусывая вечную травинку, подумывал — не взять ли минутный перерыв. Игра у ребят явно не заладилась. А у американцев получалась почти любая комбинация, любой удар. Что же, бывает, но «минуту» брать рано, прежде надо понять, чего им не хватает. Главное, понять самому, ребятам в игре сделать это трудней.

Первый сет они проиграли со счетом пятнадцать — одиннадцать.

Зал шумел. Филипп искоса посмотрел на трибуну. Аларика смеялась, говорила что-то соседу справа, плотному, молчаливому, с лицом длинным и узким, с жестким, в общем-то, лицом, сильным. Лет сорок пять — пятьдесят, прикинул Филипп и вдруг понял, что он все еще думает об Аларике, отвлекается, а ее присутствие и есть та заноза, которая мешает играть так, как он может.

Начало второго сета почти ничем не отличалось от первого.

Здесь Солинд, боясь, что игроки потеряют уверенность окончательно, взял первый перерыв.

— Вы что?! — негромко, но резко спросил он обступивших игроков, потных, разгоряченных и злых. — Сетка высоковата? Или судьи необъективны? Встряхнитесь! Паша, поменяй темп, возьми свою игру, стандарт, ничего не выдумывай. Филипп, ты сядь отдохни, вместо тебя поиграет Игорь. Ивар, только первый вариант, как договаривались, понял? Предложите свою игру, самую простую, ничего больше.

— Замена в команде Русских равнин, — гулко объявил судья-информатор. — Вместо номера четыре, Филиппа Ромашина, в игру вступает номер девять, Игорь Сосновский.

Филипп сел рядом с Солиндом, прополоскал рот и сделал глоток сока. Тренер, присмотревшись к нему, добродушно улыбнулся.

— Что нос повесил? Потенциально ты на голову выше всех в игре, но не играешь в полную силу. Почему?

Филипп иронически покачал головой.

— Ну и способ ты нашел для подбадривания! Выше всех...

Кристо, кстати, игрок сборной Земли. И Рамиро, и Сережа Никитин...

— Ну и что? Слушай, что говорят, и отвечай на вопросы. Где твой прыжок? Это первое. Где точность, чутье паса? Это второе. И третье: ты о чем, собственно, думаешь?

Филипп порозовел, исподлобья оглядел ряды зрителей. Аларика смотрела на него, как ему показалось, с веселым презрением, он вспыхнул до корней волос и разозлился. «Черт возьми! Неужто я и в самом деле так «сел»?»

— Валентин, сделай обратную замену.

— Рано, посиди немного.

— Ну я прошу!

Солинд прищуренными глазами ощупал лицо Филиппа.

— Ты мне это брось! Выйдешь в третьем сете. Все!

Солинд выпустил его, злого и жаждущего борьбы, как и обещал, только в начале третьей партии.

Филипп поднял руку и перебежал на площадку, подбадриваемый хлопками игроков по ладони. На трибуны зала он уже не смотрел. Сердце забилося сильно и ровно, исчезла скованность, пришло ощущение сказочной удачи, тело стало невесомым и легко управляемым. Он сразу стал видеть игру, мгновения полета мяча растягивались для него в секунды, в течение которых он успевал подготовиться к приему, найти партнера, принять мяч и дать пас кому следует. Сначала он, играя в защите на второй линии, достал «мертвый мяч», посланный Кристо обманным ударом в угол площадки. Зал ответил аплодисментами, но Филипп их не слышал.

— Второй вариант, — сказал он в спину Гладышева. — Второй, Ивар!

Тот отмахнулся было, потом оглянулся на товарища, словно не узнавая, и передал остальным игрокам:

— Попробуем второй, ребята.

Павлов сразу же выдал Филиппу пас на сетку, рассчитанный по второму варианту. Это был невероятно трудный по исполнению нападающий удар, получивший название «удар Солинда» — по имени первого его исполнителя: Филипп взвился в воздух из-за спины согласующего игрока, перевернулся на лету на девяносто градусов, показав противнику левую руку в замахе, тем обманув блок, и с сухим звоном вбил мяч в трехметровую зону у сетки.

Зал зашумел и смолк. И молчал до конца игры, словно болельщики боялись нарушить волшебство игры...

Филипп нападал с любого номера, с задней линии, с центра — согласно смене темпов. Он перепрыгивал блок чуть ли не на локоть, забивая мячи почти вертикально в первую линию площадки американцев, доставал в защите такие мячи, которые лишь теоретически считались доставаемыми. Он блокировал нападающих в труднейшем исполнении аут-контроля — ловящим блоком, угадывая направление удара в четырех случаях из пяти.

Это была игра на вдохновении, она зажгла остальных игроков команды, и те творили чудеса под стать Филиппу, разыгрывая комбинации хладнокровно и уверенно, словно на тренировке. Если играют команды, равные по классу, то именно такая игра, четкая, слаженная, когда партнеры понимают друг друга по жесту, по взгляду, когда все их движения подчиняются неслышному ритму и кажется, что на площадке находится всего один игрок, чье многорукое тело перекрыло ее, и мяч каждый раз с завидным постоянством натывается на руки, отскакивая с удивительной точностью в одну и ту же точку над сеткой — согласующему игроку. Только такая игра может дать положительный результат. И они, проиграв первые две партии, выиграли остальные три.

Зал еще несколько мгновений немо дивился на освещенные квадраты игрового поля, на обнимавшихся игроков сборной Русских равнин, и потом словно шторм обрушился на Дворец спорта.

Филипп пожал горячую ладонь Гладышева, ответил на объятия друзей, потом его дружно оторвали от пола и несколько раз подкинули в воздух. А он, оглушенный поздравлениями, чувствуя в теле приятную тяжесть, посмотрел на второй ряд трибуны, поискал глазами Аларику, не нашел, и радость и удовлетворение его вдруг померкли, уступив место тоскливому ожесточению.

«Расклеился от одного взгляда совершенно посторонней женщины! Чего ради я так разнервничался? Неужели остался какой-то след? И под слоем пепла дремлют угли догоревшего костра, как говорил поэт? Старая сказка... Я отрезал Аларику раз и навсегда, у нас две разные жизни. Что я знаю о ней? Она не одна, вот и все. И все! Хватит об этом... Я играл,

кажется, неплохо. До стрессовой отдачи, до сих пор ноги ватные...»

В коридоре Филиппа догнал Солинд, несколько шагов прошел рядом молча, потом сказал с неожиданной грустью:

— Ты играл сильно, Филипп! Я не знаю второго такого игрока ни в одной сборной Системы. А ведь ты способен на большее, я-то вижу.

Филипп сжал зубы.

— Но?.. Я отчетливо слышу «но».

Солинд остановился.

— Никакого «но» нет, просто... не забывай, что победы делают нас счастливее, а поражения — человечнее. Древний тезис, но он и сейчас не устарел. — Тренер легонько подтолкнул Филиппа в спину. — Ты поймешь это позже. Ну, иди, потом поговорим.

Филипп не разобрался до конца в смысле намеков тренера, лишь гораздо позже он вспомнил это странное напутствие и понял его настоящий смысл. Теперь же он только кивнул и свернул в раздевалку. А у дверей все еще улыбающийся Гладышев подвел к нему троих.

— Это к тебе.

Рослый длиннолицый мужчина в куртке «ночь» и черных брюках блеснул цепкими глазами, бросил коротко:

— Простите, — и протянул сильную руку. — Май Ребров.

Филипп только теперь узнал его — это был тренер сборной Земли по волейболу. И рядом — Аларика! Неужели он — ее муж?! Или мужем является второй ее спутник?

Ошеломление прошло не сразу, и Филипп еще раз пережил мгновенное чувство утраты и зависти к незнакомым людям, знавшим Аларику, вероятно, ближе, и ему снова показалось, что не было между ними пяти лет времени и странства, а был только странный сон, и стоит лишь трянуть головой — и Аларика засмеется и протянет руки...

Он уловил насмешливые искры в ее глазах, очнулся и назвал себя.

— Аларика, — подала руку девушка, тонко уловив его колебания. Молодой спутник Реброва, на голову ниже его, только слегка наклонил светловолосую голову:

— Леон.

Ребров взял Филиппа под локоть и отвел в сторону.

— Много говорить не буду, вы, наверное, уже догадываете-

тес, по какому поводу я пришел. Я знаю вас уже два года... да-да, не удивляйтесь, два года. Солинд мой друг, и потому я знаю все об игроках сборной Русских равнин. Начинали вы...

— В «Буревестнике».

— Да, в «Буревестнике», потом вторая молодежная сборная континента, потом первая... Вы спортсмен настроения. Это плохо, это большой недостаток для спортсмена экстра-класса, каковым вы, несомненно, являетесь. И несмотря на этот недостаток, я приглашаю вас в сборную Земли. Во-первых, потому что, когда пик формы совпадает у вас с пиком настроения, вы способны на великолепную отдачу. Во-вторых, верю — вдвоем мы сможем устранить ваш недостаток. Конечно, мое мнение еще не есть решение Земного спортивного комитета, но и оно достаточно веско. У вас будет неделя отдыха, во вторник следующей недели прошу на тренировку.

— Но Валентин... — начал Филипп.

Ребров усмехнулся.

— Солинда беру на себя. Он вырастил не одного выдающегося спортсмена, и это во всех отношениях были люди с большой буквы. Я верю в вас, иначе не было бы этого разговора. От вас зависит превратить мою веру в уверенность. Ну, до связи.

Ребров дружески стиснул плечо Филиппа, подмигнул и широким шагом вынес свое крепкое тело из теснины коридора. Филипп, опустив голову, постоял с минуту в задумчивости и не заметил, что Аларика оглянулась на повороте и окинула его не менее задумчивым взглядом.

Сзади слышались голоса, шаги — возвращались игроки, и он поспешил к своим.

— Я рад, что «прошел» Реброва, — сказал Гладышев, искоса поглядывая на задумчивое лицо Филиппа.

Они стояли на верхней смотровой площадке спортивного комплекса, шпиль которого возносился на шестьсот метров над уровнем зеленого океана — над панорамой Москвы двадцать третьего века. Зеленые волны рош, парков и заповедников не могли скрыть белых шатров, плоскостей и полированного пластика зданий, но с высоты бросалась в глаза сочная рассыпчатая зелень лесного массива. И лишь потом в этой зелени начинали сверкать жемчужины зданий.

«С решением проблемы транспорта исчезла и проблема городов», — вспомнил Филипп чью-то фразу, не слушая то-

варища. Посмотрел на недалекий тонкий силуэт Останкинской башни — Музея телевидения двадцать первого века — и повернулся к Ивару.

— Мне почему-то жаль Солинда. Конечно, мы не уходим от него навсегда, но все же словно теряется что-то в душе...

— Ребров очень похож на Валентина.

— Разве? По-моему, они совсем разные. Солинд сухой, жесткий и шершавый, как ветер пустыни, а Ребров холоден и тверд, как северный камень.

— О, заговорил как поэт. Они разнятся только внешне. У обоих одна общая черта, которая сближает их больше, чем сблизили бы родственные узы. Это их твердая уверенность в том, что доминанта человека — доброта. Именно поэтому они так требовательны к себе и другим.

У Гладышева пискнул зуммер личного видео. Он повернул руку браслетом вверх, из прозрачно-фиолетового глаза на черном квадратике приемника изображений возник тонкий лучик света, развернулся в плоскость и приобрел цвет и глубину. На друзей смотрело лицо жены Ивара.

— Я уже давно освободилась, Ив, — сказала она сердито. — Игру твою не видела, можешь хвастаться как тебе вздумается, но дома!

Гладышев виновато покосился на товарища.

— Я с Филиппом, Кира, буду через полчаса... ты к нам, Филипп?

— Нет, — покачал головой Филипп. — Я к себе, надо кое-что обдумать до завтра.

— Надумаешь — будем рады, — сказала Кира, шутливо погрозила мужу пальцем. Изображение растаяло.

— Я пошел? — сказал Гладышев. — Счастливо. Прилетай, если захочешь, мы ждем гостей, а ты был у нас всего два раза, это мало.

Он улыбнулся своей обычной доброй улыбкой и стал спускаться к лифту. Филипп остался стоять, рассеянно вертя в руках браслет своего видео. Потом вдруг сорвался с места:

— Ивар, подожди.

Они снова сошлись.

— Забыл спросить... Ты знаком с... ну, в общем, с Аларикой?

— Я знаком с двумя Алариками.

— С той, что была с Ребровым.

— А-а-а. — Гладышев лукаво прищурился. — Аларика Консолата. Это жена брата Реброва. Кстати, я удивлен ее присутствием на матче, насколько я знаю, она терпеть не может волейбола.

«Я тоже знаю», — подумал Филипп, но промолчал.

— Ее телекса я не знаю, — продолжал Гладышев, — но его знает, должно быть, Ребров. Дать тебе его телекс?

— Какой ты догадливый, — пробормотал Филипп. — А почему у нее фамилия другая, не Реброва?

— Сергей Ребров погиб два года назад при ликвидации аварии на подводной ферме. Консолата — девичья фамилия, она ее не меняла.

Филипп непонимающе уставился на Гладышева.

— Погиб?! Ребров погиб? Муж Аларики... Значит, сейчас она одна?

— Ну, этого я не знаю. Что, задело? Позвони ей. — Ивар засмеялся и помахал рукой. — Могу при случае познакомить. Ладно, до связи. Да, телекс Реброва: три единицы сорок семь тринадцать эс-бэ. Он живет где-то на Курилах, точного адреса, увы, не скажу.

Филипп постоял с минуту, шурясь на солнце, вздохнул глубоко, записал телекс на видео и тоже поспешил к лифту.

Поздним вечером он выключил в комнате освещение, походил из угла в угол в полной темноте, потом убрал стену и стал смотреть на бархатное одеяло неба, вспоминая однажды прочитанные строки:

В ночи небесную стреху
Термиты тьмы проели.
И видно звездную труху,
Что сыплется сквозь щели¹.

Вспомнился вдруг разговор с тренером, тогда он был еще во второй сборной Русских равнин.

«Ты прекрасный конструктор, я слышал это от Травицкого, — сказал Солинд. — Но ты еще более способный волейболист. Я далек от того, чтобы считать волейбол венцом спорта, как и Кирилл Травицкий от того, чтобы считать работу конструктора ТФ-аппаратуры вершиной творческой работы, но когда-нибудь тебе придется выбирать...»

¹Мурари (перев. с санскрита).

— Выбирать, — вслух повторил Филипп.

Он не хотел выбирать. Хотел быть и конструктором, и игроком, спортсменом высшего класса, и не видел причин бросать то или другое занятие. Да, современный волейбол требовал таких нагрузок и отбирал столько времени, что многие из игроков могли заниматься только спортом, и ничем иным; творческим, ищущим, но спортом. А Филиппа брала тоска, если он три дня кряду не надевал на голову эмкан и не «бросался» очертя голову в глубину очередной проблемы, испытывая при этом необъяснимое удовлетворение, снимающее любую физическую усталость и боль.

Выбирать... нет, это время еще не пришло, и дай бог, чтобы оно не пришло совсем. С другой стороны, Филипп понимал, что будь Травицкий или Солинд понастойчивей, то выбор мог бы уже состояться, причем не в пользу предлагающего.

Филипп некоторое время любовался небом, вспоминал «самостоятельный» визит «зеркала» (чья же это все-таки шутка? Кажется, в глубоком детстве он уже встречал такую шутку, но тогда она не казалась таинственной — зеркало и есть зеркало, что в нем необычного для ребенка?), потом сел перед панелью домашнего координатора. Над фиолетовым глазом виома встала световая нить, развернулась в плоскость и приобрела глубину. Напротив возникла другая комната, почти такая же, как и у Филиппа: одна стена в ячеях кристаллобиблиотеки, у второй — стол, два кресла, из третьей выросла кровать, четвертая — сплошное окно в начинающееся утро.

Прямо перед Филиппом сидел Май Ребров и выжидательно смотрел на него, ничем не выражая своего удивления или нетерпения. Филипп почувствовал, что краснеет.

— Доброе утро.

— Добрый вечер.

— Извините, что беспокою... я, собственно...

— Хотите поделиться мыслями о прошедшем первенстве?

— Да... н-нет! Дайте мне, пожалуйста, телекс Аларики, — бухнул Филипп напрямик.

Ребров продиктовал номер и снова посмотрел на молодого человека, все такой же ровный и спокойный, с плавными и точными движениями игрока в волейбол.

— Все?

Филипп кивнул, и тотчас же виом стал белым как молоко, Ребров выключил канал связи со своей стороны.

— Ф-фу! — выдохнул Филипп и с облегчением засмеялся. — Кремень, а не человек! Ничем его не удивишь. Но и я нахал! Для чего мне ее телекс? Что я ей скажу? Рика, привет, как дела? Не забыла, как мы с тобой?.. Тьфу! Что бы она ответила на мой вопрос? Пять лет — и ни голоса ее, ни изображения, только все реже, и реже, и злее — вскрики воспоминаний в сумбурных снах под утро, когда явь путается с бредом и тянет душу не заживший в подсознании шрам на памяти... Как отрезал! И уже два года она без мужа!.. Черт! Мне-то что за дело? Все было выяснено пять лет назад, срок достаточный, чтобы излечить любого. Но отчего вдруг барометр настроения повернул стрелку на деление «Ожидание»? Отчего так нестерпимо хочется увидеть ее, поговорить?..

Филипп поскреб щеку и набрал телекс Станислава Томаха. Это был единственный человек, с которым он мог позволить себе быть таким, какой он есть в собственных глазах, с которым можно было поделиться горем, радостью, сомнениями или тревогой.

Глава 2

СЕЗОН «ЗЕРКАЛЬНЫХ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ»

В три часа ночи Богданов встал из-за пульта вычислителя, снял с головы эмкан и кивнул Станиславу Томаху, сидевшему рядом в одних шортах.

— Порядок. Причина ошибки во втором ряду комплексного переменного. Рагимантас надеялся на свой гений математика, и... даже автомат не успел бы пройти все этапы решения задачи за то время, что оставалось у него до взрыва.

— Я рад и не рад, — хрипло ответил Станислав, вставая и потягиваясь мускулистым атлетическим торсом. — Жаль, что так случилось, и хорошо, что бремя вины не ложится на работников управления. Скверно, если аварии случаются вопреки всем принятым мерам, но уж совсем плохо, когда они случаются по вине спасателя. Может быть, поспим здесь? Все равно до утра времени кот наплакал...

— Нет. — Богданов накинуд рубашку. — Жена будет вол-

новаться. Я обещал, что буду сегодня... то есть вчера вечером уже.

— Тогда и я пойду.

Станислав запросил диспетчера вычислительного центра, сообщил, что машина освободилась, и не успел выключить виом, как изображение в нем сменилось: открылась темная комната, внутри которой угадывалась раскрытая постель, а в светлом конусе передачи стоял хорошо сложенный молодой человек. Лицо у него было открытое, слегка скуластое, глаза дерзкие, карие, губы большие, но твердые. Портила это лицо только нерешительная полуулыбка.

— Простите, что так поздно, — быстро сказал молодой человек: это был Филипп. — Не помешал? Я искал Станислава, и мне дали этот телекс.

— Знакомьтесь, — повернулся Томах к Богданову. — Это Филипп Ромашин — конструктор ТФ-аппаратуры. Я говорил тебе о нем.

— Никита, — назвался Богданов, разглядывая Филиппа, подумал: красивый юноша, однако чего-то ему недостает... уверенности, что ли? — Собственно, я удаляюсь, — продолжал он, надевая куртку и собираясь уходить, — а вы поговорите. В восемь ко мне, Слава.

— Если проснусь, — отозвался Томах. — Ну, что нового, Филипп? Что-то в последнее время я тебя редко вижу. Где пропадаешь? Ты, кажется, должен был играть за Континентальный кубок? Прости, не смог тебе позвонить...

Дальнейшего разговора Богданов не слышал. Выйдя из вычислительного центра, он вызвал пинасс и, чувствуя усталость во всем теле, сделал несколько упражнений дыхательного йога-тренинга. Усталость отступила.

Свет в парке был выключен, громада центра едва угадывалась на фоне ночного неба, но Богданов знал, как обманчива эта наружная спокойная неподвижность огромного здания, постоянно включенного в непрестанное тревожное бдение аварийно-спасательной службы, связанного неизмеримой сетью с десятками станций, баз и патрулей УАСС¹, с отделами одной из обширнейших — увы, но это так — служб человечества. Тем не менее миллиарды людей спокойны в своих поисках, стремлениях, экспериментах, рискованных

¹УАСС — Управление аварийно-спасательной службы.

действиях именно потому, что УАСС — действенная, оперативная и всюду успевающая служба, работа которой видна не всегда и не всем, но результативность не требует доказательств. Сколько же их, всматривающихся в черноту эмканов, глубь виомов, зелень индикаторов на пультах, мчащихся в патрульных машинах над Землей, в пространстве, у всех освоенных планет? Сколько их, близких по мысли и сердцу людей?

Богданов запрокинул голову, окидывая взглядом серебристую вуаль Млечного Пути, пробормотал:

— Легион!..

Подошел пинасс, мигнул значком индикатора, открывая колпак. Богданов сел, тут же запищал зуммер видео на руке. Над браслетом встало облачко света и превратилось в тяжелую голову Керри Йоса, начальника отдела безопасности Управления аварийно-спасательной службы. Богданов машинально отметил время — без десяти три ночи, перевел его на среднесолнечное. Получилось без десяти пяти по ССВ. Не одному Станиславу звонят посреди ночи, мелькнула мысль.

— Не спишь? — осведомился Йос скрипучим голосом. — Что-то я тебя плохо вижу. Где ты?

— Только что закончил со Славой цикл расчетов по аварии на сто третьем спутнике. Ты был прав — Рагимантас сделал ошибку, не дав сигнал на СПАС¹. Ближайший оперативный когг мог успеть, но...

— Я говорил.

— А мы проверили. Я сейчас выбрался из ВЦ², в парке нет света. Что случилось?

— Жми в управление, сколько тебе надо времени?

— Минут двадцать пять, если срочно.

— У нас не бывает не срочно. Даю тебе сорок минут. Кстати, у тебя нет знакомого специалиста по ТФ-связи?

— Нет... впрочем, погоди. — Богданов вспомнил недавнее знакомство с Филиппом Ромашиным. — Есть один специалист, конструктор ТФ-аппаратуры.

— Годится. Хватай его, где бы он ни был, и тащи в управление. Все.

Виом погас. Богданов немного посидел, чувствуя холодок

¹СПАС — станция приема аварийных сигналов.

²ВЦ — вычислительный центр.

тревоги, заползающий в сердце, потом вызвал сто семнадцатую комнату вычислительного центра, откуда только что вышел. К счастью, Станислав еще был там.

— Слава, тут такое дело: вызывает Керри, а что случилось, не говорит. Вероятно, что-то серьезное, иначе он не стал бы нас тревожить ночью. Еще ему нужен специалист по ТФ-связи. Твой Филипп хороший инженер?

— Он инженер-синектор¹.

Богданов уважительно прищелкнул языком.

— Неплохо! Охарактеризуй его вкратце.

— Тридцать один год, мастер спорта по волейболу, холост. Родители погибли во время первой разведывательно-контактерской экспедиции на Орилоух. Вот и все, если коротко. Могу добавить, что я его знаю с детства, жили в одном доме.

— Неплохо, — повторил Богданов. — Вызывай его немедленно, только не пугай. Где он живет?

— Живет-то он недалеко, в Басове, восьмой круг Москвы, минут десять лета до ближайшего метро, но неужели Керри не нашел специалистов в техническом секторе?

— Не знаю, значит, не нашел. Дай координаты управления твоему Филиппу и добирайся туда сам, сроку у тебя сорок минут, а я на минуту заскочу домой, предупрежу жену. Чует мое сердце, что освобожусь не скоро.

Богданов закрыл колпак, вскрыл запломбированную крышку спидометра ключом, имеющимся только у работников аварийно-спасательной службы, и отключил ограничитель скорости. Пинасс задрал нос и со свистом пошел в небо. А в следующее мгновение Богданов увидел летящий навстречу, прямо ему в лоб, такой же каплевидный аппарат с алой мигалкой. Он успел врубить экстренное торможение (Какого лешего?! Ненормальный он, что ли, встречный кибодводитель?!) и растопырился в кресле, упираясь ногами в переднюю стенку, ожидая страшного лобового удара. Но ниче-

¹Синектор — специалист, владеющий «механизмами творчества». От слова «синектика» — сложение разнородных элементов в творчестве. Синекторы используют четыре вида аналогий: прямые аналогии типа «паутина — мост»; функциональные — «кабель — лазерный луч»; фантастические типа «принцип работы — передача устройств потоком информации»; личностные аналогии, эмпатии.

го не произошло! Шедшая навстречу машина врезалась в пинасс неощутимо, как призрак, и растаяла, будто ее и не было. Зато богдановский пинасс оказался почему-то развернутым носом к парку.

— Что это было? — спросил Богданов у киб-водителя, вытирая вспотевший лоб. — Почему ты не затормозил?

— Не было приказа.

— А движущийся навстречу аппарат — не приказ?!

— Пространство впереди было свободно на глубину радарной видимости.

— Как это свободно?! А этот... «призрак»?

— Мы пересекли слой воздуха, отражающий все предметы, как зеркало. Шедший на нас аппарат был моим отражением.

Богданов посидел с минуту, растирая ушибленное колено, и скомандовал поворот. «Чертовщина какая-то, — подумал он уже спокойно. — Или я плохо знаю физику атмосферы? Что-то не припомню, чтобы кто-то описывал явления «зеркального воздушного слоя». Придется запросить информаций физиков, некомпетентность для безопасника недопустима...»

Богданов еще больше бы удивился, если бы узнал, что его часы с этого момента стали отставать от эталонов точного времени на пятьдесят минут.

Сопровождаемый Томахом, продолжая недоумевать по поводу неожиданного вызова, Филипп шагнул в дверь и остановился. Кабинет начальника отдела безопасности УАСС представлял собой в данную минуту поляну в глубине тропического леса. Сложно и сильно пахло зеленью, тиной, цветами и еще чем-то терпким и незнакомым, но дышалось легко и свободно, совсем не так, как в настоящем тропическом лесу.

Томах смело двинулся через всю «поляну» к группе людей, обступивших какой-то прозрачно-хрустальный шар. Филипп не решился идти за ним, хотя все это тропическое великолепие было иллюзией, созданной аппаратурой видеопласта.

Один из стоящих у шара обернулся, тотчас же лес вокруг исчез, а за ним и половина людей, из которых остались трое;

появилась обстановка кабинета: гнутые янтарные стены, с искрами в глубине, висящий над черной бездной пола пульт видеоселектора, прозрачный шар с роем золотых пчел внутри, семь кресел у стола.

— Проходите, — сказал хозяин кабинета, на виске которого иногда словно сам собой шевелился розоватый, едва заметный косой шрам.

Филипп, испытывая неловкость, прошел вслед за Томахом и сел рядом. Пока Керри Йос разговаривал с кем-то по виому, он исподволь осмотрел кабинет, шар, гадая, что это за устройство, и, осваиваясь со своим новым положением, стал изучать руководителя одного из самых легендарных отделов Управления аварийно-спасательной службы.

Керри Йос среди других ничем особым не выделялся — таково было первое впечатление. Невысокий, с плечами разной высоты; лицо тяжелое, с массивным подбородком, близко посаженными не то серыми, не то карими глазами; нос картошкой, прямые губы. «Красавцем его не назовешь, и кого-то он мне напоминает...» — подумал Филипп.

Станислав, очевидно, понял его состояние, хмыкнул, наклонился к уху соседа, которого Филипп видел впервые. Тот еле заметно улыбнулся и неожиданно подмигнул Филиппу, отчего конструктор снова почувствовал себя не в своей тарелке: как-никак в отдел безопасности его приглашали в первый раз.

Керри Йос закончил разговор и выжидательно посмотрел на присутствующих.

— А где Никита? Слава, разве он был не с тобой?

— Он ушел раньше, потом позвонил из кабины такси. Собирался на минуту заскочить домой...

— Понятно, подождем минуту. А пока давайте знакомиться. Меня зовут Керри, я начальник отдела безопасности.

— Это Филипп Ромашин, — представил Филиппа Томах. — С ним мы знакомы давно, практически с детства.

— Тектуманидзе, — представился улыбчивый сосед Томаха, судя по загару и чертам лица — грузин.

— Бассард, — коротко представился четвертый незнакомец.

— Филипп — конструктор ТФ-аппаратуры и мастер спорта по волейболу планетарного класса, — добавил Томах.

— Неплохо, — с уважением сказал Керри Йос, — весьма

неплохо. У нас будет время познакомиться поближе. Где же все-таки Никита? — Он наклонился к столу и вытащил из него «бутон» микрофона. — Андр, созвонись с Богдановым...

— Не надо, — раздался с порога голос заместителя начальника отдела. — Товарищи, со мной произошла любопытная история. — Никита прошел к столу.

Теперь Филипп мог разглядеть его лучше, чем давеча во время знакомства. Замначальника отдела был худощав, среднего роста, с неторопливыми движениями, полной уравновешенностью мимики и жестов и с пронзительными глазами ясновидца. И голос у него был глубокий и хорошо поставленный.

Богданов закончил рассказ о «столкновении» с «зеркалом», и Филипп тут же вспомнил свое недавнее приключение. Но рассказать об этом постеснялся.

— Все ясно, — сказал Керри Йос, — и не такое бывает с безопасниками ночью. Но я не понял, почему ты задержался.

— Как задержался? — удивился Богданов. — Я был в пути всего двадцать минут, причем включая крюк домой.

— Да? — в свою очередь удивился начальник отдела. — А где ты был еще пятьдесят минут?

— Пятьдесят минут? — Никита поднял руку с браслетом видео, вызвал отсчет времени и показал присутствующим. — Путаете вы что-то, друзья, вот, пожалуйста, двенадцать минут четвертого.

Керри Йос включил командный отсчет, киб-секретарь сообщил:

— Поясное время четыре часа две минуты сорок секунд.

Богданов побледнел.

— Чепуха какая-то!

— И я так думаю, — сухо сказал Йос. — Если это неизвестное науке явление, то его назовут твоим именем. Найдешь причину задержки — доложишь. Это действительно странно. Но к делу. Вызывал я вас вот по какой причине: три дня назад к системе звезды Садальмелек был послан транспорт с грузом. На финише транспорт не появился.

В комнате стало совсем тихо.

— Второй случай, — тихо обронил взявший себя в руки Богданов.

— Верно, второй, но главное — оба произошли в диаметрально противоположных точках пространства. Вы помните

первый случай — не прошел ТФ-посыл к гамме Суинберна. Средний радиус стационарной ТФ-связи пятьдесят парсеков. До Садальмелека — сто десять. Первая и вторая промежуточные станции просигнализировали, что груз прошел нормально, но на финише не появился. То же было и в случае посылки к системе Суинберна: до гаммы Суинберна сто восемьдесят парсеков, все три промежуточных передатчика дали «добро» и... груз к месту назначения не прибыл!

— Может быть, транспортники сорвались с трассы? — спросил Бассард, шевеля косматыми бровями. — Ведь был случай лет пять назад...

— Нет, — покачал головой Филипп. — В результате срыва летят и сами ретрансляторы — взрываются генераторы поля. Здесь же у вас станции отработали нормально... — Он прервал речь и недоверчиво посмотрел на Керри. — Но это же нонсенс! Для приема ТФ-передачи нужен как минимум ТФ-приемник. Иного просто не может быть!

— Да? — холодно бросил Йос. — Тогда где-то существуют ТФ-приемники, установленные... — он помолчал, — установленные не людьми.

Наступила тишина. Ее через минуту нарушил Богданов:

— Накладок нет?

Керри Йос, чуть прищурясь, покосился на него.

— Технический сектор в отличие от нашего ошибается редко. Эксперты перерыли все ТФ-станции в контролируемой нами области космоса — грузы исчезли бесследно. Но если верить словам Ромашина... — Начальник отдела запнулся. — Простите, Филипп, я оговорился, просто неудачный оборот речи. Я хотел сказать, исходя из вашей информации, следует сделать вывод, что грузы ушли к чужим станциям.

— Теперь понятно. — Богданов переглянулся с Томасом. — Значит, мы вышли на передовые посты чужой цивилизации, так?

— Это вам и предстоит выяснить, — сказал Керри Йос, и было в обыденности его тона нечто такое, от чего Филипп ощутил в душе тревогу и неуверенность. До него только теперь дошел смысл слов «чужая цивилизация».

— Мы пригласили вас, Филипп, вот почему, — продолжал начальник отдела. — Эксперты сектора сейчас все в разъездах, а вы опытный специалист по ТФ-связи. Не могли

бы вы помочь нам? Придется, конечно, на некоторое время покинуть Землю.

Филипп не удивился вопросу, он ждал его, и все же ответить сразу было трудно, мысли разбежались.

— Вы знаете... в общем-то, специалист я... вот если начальник бюро Травицкий...

— К сожалению, времени на переговоры у нас нет, да и немолод Кирилл Травицкий, такие беспокойные путешествия ему не по плечу. У вас есть иные причины для отказа?

— Да... н-нет, причин, собственно... тренировки в сборной, разве что, — забормотал Филипп, ненавидя себя за растерянность. — Я приглашен в сборную Земли, и тренер будет недоволен... если это надолго.

— Тренера я беру на себя, — сказал Томах. — Из формы ты не выйдешь, ручаюсь. Кстати, а насколько действительно рассчитана командировка?

— На неделю, — подумав, сказал жизнерадостный Тектуманидзе. — Может быть, на две, максимум на три.

— Вполне определенно, — усмехнулся Томах. — Плюс-минус год.

— Согласны? — Керри Йос остался серьезным и спокойным, и Филипп вдруг понял, кого он напоминает, вернее, откуда в нем иногда мелькают знакомые черты: сдержанность, спокойствие, готовность к действию, быстрота оценки собеседника, внутренняя убежденность и сила. Эти черты были присущи и Томаху, и Богданову, и, наверное, всем работникам аварийно-спасательной службы, и отражали они не случайное явление, а доминанту характера, состояние души и тела.

— Согласен, — сказал Филипп хрипло.

— Спасибо. Тогда — завтрак, сборы, и в дорогу. Слава, поспокойся обо всем необходимым. Старт «Тиртханкара» через три с половиной часа.

— Пошли, — будничным тоном сказал Томах и встал. Ему было не привыкать.

Они вышли, зажмурились от смены освещения: коридор был залит ярким солнечным светом.

— Слава, — сказал Филипп, — а зачем такая спешка? Подождали бы экспертов из технического сектора и спокойно занялись проверкой этих ваших ТФ-ретрансляторов.

— А чужая цивилизация? — напомнил Томах. — Мы от-

крыли пока всего одну цивилизацию, исследовав двести соток звезд, цивилизацию Орилоуха, да и та оказалась негуманной, отказывающейся от исследования космоса. А здесь, похоже, она, по крайней мере, не уступает нашей в темпах освоения Галактики! Понял? Нам нельзя не спешить.

— Да-а, работа у тебя — не позавидуешь! Добровольцы — шаг вперед! Так? А кто такой Бассард?

— Что, не понравился?

— Как тебе сказать... угрюмый он какой-то, непропорциональный и недоброжелательный.

— В наблюдательности тебе не откажешь. Генри Бассард — начальник второго сектора УАСС, того самого, который отвечает за безопасность системы Садальмелека и всего созвездия Водолея; я имею в виду — безопасность исследователей. Ну, бог с ним, со вторым сектором, тебе еще представится случай познакомиться с Бассардом поближе. Я заметил твою мину, когда ты оценивал нашего Керри. Как он-то тебе показался?

Они вышли под прозрачный купол центрального метро управления, где располагалось более двухсот кабин мгновенного масс-транспорта.

Станислав нашел свободную и посторонился:

— Входи. Ну так как? — повторил он вопрос.

— Вполне нормальный... я хотел сказать, обыкновенный. — Филипп вошел в светлую, с белыми «мраморными» стенами кабину. Станислав с некоторым трудом втиснулся следом: оба были широкоплечие, мускулистые, хотя Филипп весь — порыв, движение, а Станислав — невозмутимое «хищное» ожидание.

— Нормальный! — фыркнул Томах. — Обыкновенный! Он просидел на Орилоухе почти три года после той злополучной разведывательно-контактерской экспедиции, во время которой погибли твои родители. Именно после этого случая и организовали в УАСС отдел «слепого контакта», страхующий работу специалистов Института внеземных культур. Керри был первым начальником ОСК.

Станислав рассказывал что-то еще, но Филипп его не слышал. Он вспомнил, как домой к ним пришла целая делегация работников управления и Комиссии по контактам, чтобы сообщить о гибели отца и матери, и как он не поверил, и что потом, в кошмаре пустых комнат... Грозный Ори-

лоух, планета, физически почти тождественная Венере: океанов нет, плотность атмосферы «на дне» равна половине плотности воды, температура — плюс пятьсот градусов по Цельсию. И странная небιологическая «цивилизация жидких кристаллоподобных форм», разум, отказывающийся от любых контактов с другими разумными существами и без всяких объяснений уничтожающий гостей... первая открытая вне Земли цивилизация... А Керри Йос провел в этом аду три года!..

— Да-а, — занемевшими губами произнес Филипп. — Три года на Орилоухе — это много!.. Куда теперь?

Томах пожалел, что затеял разговор об Орилоухе.

— В кафе, знаю одно приятное местечко. Я, например, голоден. После завтрака будет время попрощаться. Тебе есть с кем?

— Не знаю, — пробормотал Филипп, вспоминая вдруг улыбку Аларики. — Разве что с Травицким?

Станислав набрал код выхода, ткнул пальцем в квадрат пуска, и их швырнуло в солнечный свет.

Керри Йос подвел Богданова к хрустальному шару, что-то щелкнуло, и внутренность шара наполнилась светом и жизнью. Это была объемная и почти масштабная модель второй спирали Галактики, так называемый Рукав Стрельца, в который входила и звезда-карлик Солнце.

— Есть еще одна проблема, — сказал Йос. — Более тревожная, чем остальные. Система Золотоволосой, планета Рыцарь...

— Орилоух на радиоязыке аборигенов, — уточнил Бассард.

— Да, Орилоух, мы тоже все чаще употребляем это название. Над планетой вращаются две наши орбитальные станции, одна обитаемая, вторая резервная, законсервированная. Вчера оттуда пришел сигнал: резервная станция вскрыта, кто-то ее посетил.

— Ого! — сказал Тектуманидзе. — Интересно. Неужели орилоуны?

— Исключено.

— Тогда кто-то из персонала рабочей станции.

— Тоже исключено. Раз в полгода на станцию отправля-

ется смена техников для проведения профилактических работ, эта смена и обнаружила следы чьего-то присутствия. Защита станции не пробита, продолжает работать, но следы тем не менее есть.

— Насколько я помню, у этих станций многослойная изоляция плюс ТФ-экран.

Керри молча нашел звезду, о которой они говорили, тронул в этом месте прозрачный шар кончиком шупа: шар отозвался тихим звоном.

— Но сквозь ТФ-экран не может проникнуть ни одно материальное тело!

— Мы не можем! — мрачно, с нажимом сказал Керри Йос. — Мы. А они, значит, могут.

— Кто они? Не орилоуны же в самом деле.

— Все эти сообщения нуждаются в проверке, — веско сказал Бассард. — Лично я сомневаюсь в их истинности. Наследить на станции могли и сами техники еще в прошлое посещение.

— Сто сорок три парсека, — пробормотал Керри Йос. — До Садальмелека сто десять, до гаммы Суинберна сто сорок три. И все три звезды в разных секторах, и все три — на границе исследованной нами зоны. О чем это говорит?

— Не знаю, — помолчав, сказал Богданов.

— И я пока не знаю. А если не знает отдел безопасности...

— Значит, надо объявлять «Шторм» по управлению?

— Ну, «Шторм» не «Шторм», а хотя бы степень АА: готовность службам наблюдения за пространством, усиление патрульного обеспечения, косморазведке перейти на формы «Экстра».

— Не рано ли? — Бассард скептически поджал губы. — Вы представляете последствия тревоги?

Они посмотрели друг на друга, четыре специалиста, знающие цену неожиданностям.

— Ну, Керри, что ты, право... — позволил себе улыбнуться Тектуманидзе. — Нас же двадцать миллиардов!

— Успокоил, — грустно усмехнулся начальник отдела. — Действительно, нас двадцать миллиардов, из них восемнадцать на Земле и в Системе, остальные у других звезд. И я подумал: а не много ли это для других звезд?

Бассард задвигал своими бровями Карабаса Барабаса из детской сказки.

— Что ты этим хочешь сказать?

Керри посмотрел на браслет видео, в квадратике которого проступили цифры времени, и медленно проговорил:

— Sapienti sat¹...

«Тиртханкар», дежурный спейсер УАСС — километровой цилиндр, увенчанный чудовищной гребенкой генераторов разгона, — вышел из собственного ТФ-коридора в метре от дрейфующей в свободном пространстве ретрансляционной ТФ-станции. До ближайшей звезды было немногим меньше семи парсеков, мизерность плотности космического звездного поля ощущалась здесь с особенной остротой, поэтому казалось, что станция давным-давно заброшена и не функционирует — уж очень неэффективно выглядела она на фоне звездной пыли Батыевой дороги, как звали Млечный Путь древние монголы. Именно с этой станции и ушел в неизвестном направлении транспорт с грузом, перед тем как спохватившиеся диспетчеры из Истории, второй планеты Сададьмелека, куда направился груз, растерянно докладывали Земле, что к Сададьмелеку пришло только волновое эхо передачи, а сам груз исчез в неизвестности.

Станция была автоматической, точно такой же, как и все промежуточные ретрансляторы, усиливающие стационарный ТФ-туннель между станциями метро Солнечной системы и планет у других звезд. Обслуживающий персонал появлялся здесь раз в два года для профилактических осмотров силовых агрегатов и настройки дубль-систем. Но сейчас на ней не было ни одной живой души. Состояла она из двухкилометрового диаметра колец, соединенных тремя спицами изоляторов и создающих между собой приемно-передающий объем. Кольца были сделаны из металла и опутаны спиралями эмиттеров, окутанных в свою очередь «шубой» нежного голубоватого сияния.

Прибывших в первую очередь интересовали не силовые конструкции, а отсеки управления, прилепившиеся к кольцам и напоминающие драгоценные камни на перстнях.

Филиппу как специалисту было интересно бродить в лабиринтах энергоголовушек и антенн, запрятанных в телах ко-

¹Умный поймет (лат.).

лец, сравнивать инженерные решения конструкторов Земли почти двадцатилетней давности с современными. Вместе с ним бродил по станции и Богданов, задавая иногда такие дельные вопросы, что Филипп только диву давался и однажды даже спросил, не работал ли инспектор когда-нибудь в Институте ТФ-связи.

— Не пришлось, — с улыбкой, смягчавшей пронзительный огонь в глазах, ответил Богданов. — Но я всегда интересовался ТФ-теорией и ее воплощением в действительность. Потому что от ТФ-транспорта — один шаг до перемещения в пространстве усилием мысли, а это моя мечта.

— Почему? — удивился Филипп.

— Тогда сама собой отомрет спасательная служба, каждый из нас сможет прийти на помощь другому, как бы далеко тот ни находился. Правда, тут возникает еще одна проблема — проблема мысленного общения, парасвязи. Причем проблема не физическая, а морально-этическая. Мысленный контроль над мгновенным перемещением в пространстве установить можно, а воспринимать чужую боль, страх, беду мы пока не научились.

— Для этого надо все время ощущать людей рядом, мысленно ощущать, эмоционально видеть их пси-сферу, желания и стремления. По-моему, это уже иные качества, другая энергетика тела, физические характеристики. Останется ли тогда от человека что-нибудь человеческое?

— Останется, — развеселился Богданов. — Доброта и стремление к совершенству. Разве не так?

На осмотр станции ушло два условных дня, хотя Филиппу помогала бригада инженеров спейсера под началом Станислава Томаха. К концу этого срока Филипп проникся к Богданову симпатией и уважением, малоразговорчивый и противоречиво-спокойный — по оценке Филиппа — заместитель начальника отдела безопасности оказался не только знающим дело специалистом и остроумным собеседником, но и тактичным и сдержанным человеком, в чем сказалась двойственность его натуры. По виду, мгновенной реакции на любой жест и беспокойному блеску глаз он должен был быть очень подвижным, нервным, суетливым человеком, на самом же деле богдановская выдержка даже вошла в привычку, такого самообладания не было у «железного» Томаха,

и это изумляло Филиппа и заставляло самого относиться к себе жестче, требовательней.

Отсек управления «левым» кольцом ретранслятора, как назвал его Томах, или «входом резонатора», как он назывался в паспорте, прятался под прозрачным куполом, способным выдержать ядерный взрыв, три одинаковых помещения с тремя совершенно одинаковыми компьютерами, координирующими работу оборудования станции. Два из них были дублирующими, но включенными постоянно в параллель с основным во избежание срыва канала.

При первом осмотре аппаратуры Филипп вдруг обратил внимание на панель терминала обратной связи, установленную специально для профилактического контроля работы компьютера, в рабочем режиме терминал был без надобности. Прямо над сенсором включения пульсировала необычайно красивая звезда, изменяющая со временем спектр излучения: три вспышки рубинового света, три оранжевого, три желтого, потом зеленого, голубого, фиолетового, и снова вся серия с начала... Озадаченный Филипп полюбовался чистыми переливами света и включил информ эксплуатации, однако в описании аппаратуры отсека не нашлось упоминания об индикаторе со сменой спектра. Судя по ответу информа, такая индикация не применялась на ретрансляторах вообще. Но «звезда» продолжала отсчитывать вспышки как ни в чем не бывало, а главное, источником света, как выяснилось, был просто участок панели, не имеющий подвода питания!

Филипп облазил весь терминал, сделал анализ материала панели и вынужден был сдаться: все параметры компьютера были в пределах нормы, а материал светящегося участка ничем не отличался от соседних. «Звезда» словно смеялась над ним, совершенно безобидная на вид, преобразившая панель в деталь сказочной декорации.

Может быть, это новейшая доработка оборудования? Но доработчики обязаны были оставить запись о реконструкции. Забыли? Маловероятно, хотя и не исключено. Что же это такое?

Ничего не придумав, Филипп поделился открытием с Богдановым, который отреагировал совершенно спокойно.

— Ну и что? — сказал он. — Вернемся и спросим у обслу-

ги ретранслятора, не копались ли здесь доработчики. Нам важнее другое: узнать причину срыва груза.

На самом деле Богданов был очень и очень встревожен, но поделился своей тревогой только с Тектуманидзе.

Вечером второго дня, возвращаясь из очередной вылазки с Богдановым на станцию, Филипп, повинаясь больше инстинкту, чем сознательному решению, завернул вдруг в небольшой зал отдыха спейсера, откуда в коридор просачивались звуки музыки. Кто-то, вероятно, забыл закрыть дверь, и Филипп, прежде чем войти, с минуту размышлял, что привело его сюда.

В зале царил красноватый полумрак, и был он пуст, лишь в дальнем углу, где мерцал созданный видеопластом костер, кто-то сидел за столиком, уронив голову на скрещенные пальцы рук.

Музыка стихла. Сидевший поднял руку, пошевелил пальцами — зазвучала новая мелодия, Филипп вздрогнул. Это была старинная мелодия «Знак беды», напоминавшая о горечи утрат. Она всегда вызывала у Филиппа лирически-грустное настроение, а что такое настроение, как не климат сердца? И климат сердца у Филиппа после разрыва с Аларикой долго носил дождливый характер.

Откуда же здесь эта мелодия?..

Душу защемило так, что Филипп прикусил губу, бездумно глядя на трепет оранжевых языков пламени. Музыка продолжала свое нежное, тающее журчание.

Человек за столом встал и растворился во мраке. Но Филипп вдруг с суеверным страхом понял — женщина! Он не верил ни в совпадения, ни в мистику, ни в предчувствия, но в этот раз ощутил в себе такой властный зов сердца, что не раздумывая шагнул в зал.

Женщина стояла у громадного черного провала в стене — один из внешних виомов был включен в направлении Южного галактического полюса, — стояла, будто падая в абсолютную черноту пространства; взгляд невольно начинал искать искры света в этой темноте и не находил.

Филипп подошел, мучимый сомнениями, остановился, глядя на абрис женской фигуры. Женщина повернула голову... Он не ошибся, это была Аларика.

— Это ты, — сказала она низким спокойным голосом, будто они расстались час назад, будто не разделял их океан

времени глубиной в пять лет, и неизвестности, и почти угасшей боли потери. Почти?... — Не думала, что встречу тебя среди безопасников.

— Я всего лишь эксперт по ТФ-аппаратуре, и то временно. — Голос у него оказался таким же спокойным, и он усмехнулся про себя: в глубинах памяти шевельнулась надежда, но это была такая эфемерная ее тень, что здравый смысл легко расправился с нею. И все же... не умерла в душе память рук, память губ, память тела... Память голоса, движения, мысли... и память сердца... «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной...» — всплыли вдруг строки. Чьи? Впрочем, какая разница? Случайные встречи только подчеркивают закономерность разлуки... — Я тоже не ожидал встретить тебя на спейсере.

— Я по-прежнему врач-универсалист «Скорой помощи» УАСС, хотя работаю в этом амплуа мало, практически один раз в месяц, дежурным врачом. Так получилось, что это мое дежурство совпало с экспедицией «Тиртханкара».

— Почему же я не видел тебя со времени старта?

— Была занята и... хотя вру. Просто не хотела, чтобы ты меня видел.

— Что же изменилось сегодня? На спейсере этого типа можно прожить год и не встретиться.

Аларика отвернулась к виому. Танцующее, немигающее пламя искусственного костра делало ее профиль загадочным, как изваяние древней богини.

— Мне рассказал о тебе друг моего мужа Никита Богданов. А я хотела проверить.

— Богданов? Друг мужа? — Вопрос прозвучал недостаточно естественно и спокойно. Он приказал себе быть поддержанней, но в грудь снова плеснуло волной грусти, и Филипп вдруг представил Аларику в объятиях мужа — абстрактной фигуры, смахивающей на Мая Реброва. Это отрезвило.

— Да, некоторое время они работали вместе. — Аларика осталась спокойной и ровной. — Он ведь тоже был спасателем, хотя и не безопасником. А ты все там же?

Темнота скрыла запылавшие щеки Филиппа. Вопрос прозвучал как незаслуженная пощечина. Грусть окончательно прошла, появилась злость.

— Все там же, — подтвердил он почти весело. — И по-прежнему играю в волейбол, как ты сама могла убедиться.

Я спортсмен настроения, как отметил Ребров, я обидчив и самолюбив и не осуждаю себя за это. Каждый из нас пять лет назад решил по-своему: в силу эмоций — я, в силу неведомого мне расчета — ты...

— Я... — повторила она задумчиво. — Тебе не кажется, что ты довольно часто употребляешь местоимение «я»?

— Может быть, но мы не об этом. Ты мне тогда ясно сказала, что спорт — это несерьезно, это на год, на два, пока ты молод, и неопытен, и на вершине успеха... Неверно! Моя вершина еще впереди, и с высоты пяти лет, пока мы не виделись, я могу только повторить свои слова: волейбол, спорт — это на всю жизнь! Потому что большой спорт всегда приносит радость людям, и тем, кто им занимался, и тем, кто просто «болел». Потому что в каждом из нас живет дух соревнования, а для меня волейбол — не просто игра для себя и для зрителей, это в первую очередь школа жизни, где есть все: радость победы и горечь поражения, ярость атаки, и гнев ошибки, и напряжение мысли, и действие, в котором ты вкладываешься весь до конца! — Филипп выдохся и остановился. — Впрочем, прости, я, как всегда, увлекаюсь, в этом я не изменился.

Она молчала, вспоминая, как впервые встретила Сергея Реброва.

В тот вечер Филипп, на свою беду, пригласил ее на встречу с друзьями — был праздник Отмены Границ, он обещал познакомить ее с легендарными безопасниками, асами аварижно-спасательной службы. Торжество было в разгаре, после фейерверка они заполнили с веселым шумом один из старинных банкетных залов Москвы, Филипп на минуту оставил ее одну — заметил кого-то из знакомых, и в это время в зал вошел Ребров.

Среди этих сильных парней он не был ни особенно широкоплечим, ни особенно красивым, ни особенно значительным, и все же она мгновенно выделила его из толпы, так и не поняв в тот момент, чем же он заставил обратить на себя внимание. Лишь потом, через несколько дней, после двух встреч с ним — он тогда тоже заметил ее сразу, — она поняла: Сергей Ребров был целеустремленным и уравновешенным во всех отношениях. Такого самообладания, как у него, твердых убеждений, принципов и уверенности в себе Алари-

ка не встречала ни у кого из своих прежних знакомых, и это решило ее судьбу, а заодно и судьбу Филиппа...

— Прощай, — сказал Филипп, делая шаг к двери. — Спокойной ночи.

— Постой. — Она подошла к столику, костер погас, вспыхнул белый свет. Щурясь от смены освещения, они разглядели друг друга. Конечно же, пять лет наложили отпечаток, он стал мужественнее, сильнее, хотя губы все еще хранили тень нерешительности или безволия, она — чуть полнее, женственнее... красивее, что ли? Как это выразить словами? Мы четко знаем, что такое уродство, а что такое красота?.. В памяти всплыли строки, прочитанные когда-то Станиславом на дне рождения Аларики:

А если так, то что есть красота?
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?¹

Слава умеет выбрать четверостишие, выражающее душу поэта, подумал Филипп. Стихи стары как мир, а воспринимаются как откровение...

— До свидания, — уже свободней произнес он. — Ты мне очень помогла сегодня, спасибо. Ты еще что-то хочешь сказать?

— Хорошо, если я ошибаюсь. — В глазах Аларики мелькнули упрямые огоньки. — Но и ты в одном ошибся. Пять лет назад я решила не в силу расчета, а в силу любви. Я любила Сергея.

Филипп несколько мгновений смотрел ей в глаза, поклонился и вышел, унося в душе все то, что она высказала взглядом, породившее смятение и бурю эмоций. Ему очень хотелось остаться, но прежде надо было разобраться в себе, в своих желаниях, иначе можно наломать дров... В том, что Аларика любила своего мужа, сомневаться не приходилось. И эта ее сожалеющая усмешка: «Ты все там же?» Филипп снова почувствовал прилив обидной горечи, но ему, как ни странно, стало легче. Аларика изменилась, но изменился и он...

¹Н. Заболоцкий.

На третий день Филипп наконец систематизировал свои соображения и решил доложить их руководству экспедиции.

Экспедиционный зал спейсера был небольшой, но благодаря видеопласту создавалась иллюзия громадного ледяного грота, со стен которого брызгали снопы разноцветных лучей.

— Не люблю экзотики, — проворчал Томах, по молчаливому согласию Богданова выключая видеопласт. Грот исчез, одна за другой видеостены открывались в пространство, пока освещенный квадрат пола с креслами, столом, пультом селектора не оказался висящим в пустоте.

Серебристый шлейф Млечного Пути искрился мириадами алмазных игл, глубина космоса раскрылась так, что казалось — ты падаешь, падаешь в засасывающую бездну, где ожидает тебя приглушенное бормотание Дороги Душ, неторопливое, но вечное течение Серебряной Реки¹ и бесконечность...

Филипп с усилием оторвал взгляд от пристального ока какой-то далекой зеленой звезды и повернулся к спасателям.

— Автоматика станции в полном порядке, — начал он, ощущая необычную робость и волнение: в качестве эксперта ему еще не приходилось выступать, да и обстрел пяти пар глаз, принадлежавших суровым и требовательным людям, был непривычен. — Это, наверное, и не подлежало сомнению, надежность ретрансляторов подобного типа практически равна единице. Чтобы изменить параметры хотя бы одной цепи, необходимо взорвать всю станцию, а это далеко не просто. Станция работает нормально, во всяком случае, наши депеши Земля получает, как и мы ответы оттуда. Необходим эксперимент с передачей груза на Садальмелек, только тогда можно будет с уверенностью сказать об эффективности линии. Вот, пожалуй, и все у меня.

— Вывод ясен, — сказал начальник экспедиции Шалва Тектуманидзе. Одетый в просторную белую рубашу со шнуровкой — компенсационный костюм спасателя он почему-то не любил, хотя тот был удобен и рассчитан на все случаи жизни, — сухой, жилистый, прокаленный солнцем, черноусый и чернобровый, он выглядел гостем, странником, гус-

¹Названия, которые давали астрономы древности Млечному Пути.

ляром, случайно забредшим в хижину, но оказавшимся в технически совершенном дворце. Филипп мысленно повесил ему через плечо холщовую суму и гусли, дал в руки посох и усмехнулся про себя — так великолепно начальник экспедиции вписывался в образ гусяра.

— Но позвольте вопрос, — продолжал Тектуманидзе, — можно ли запеленговать приемную станцию, если при передаче груз снова сорвется с трассы Сададьмелека?

— Нет, — подумав, ответил Филипп. — Во время возбуждения ТФ-поля при передаче любого сообщения или груза в пространстве образуется волновое эхо, но тут мы сталкиваемся сразу с двумя нерешенными проблемами. Первая — принцип неопределенности: чем длиннее и качественнее передача, тем слабее эхо и больше ошибок в определении координат передатчика. Вторая — аппаратуры для точной пеленгации ТФ-передач не существует, до сих пор она была не нужна. Обычный ТФ-приемник, как и корабельные трассеры, не годится. Дело в том, что ТФ-поле — это не физическое поле в нашем понимании, а свойство пространства, отражающее топологические особенности вакуума...

Филипп замолчал, интуитивно поняв, что объяснения его излишни: хотя его продолжали слушать, по едва уловимым признакам можно было понять — людей интересовало другое.

— Еще вопрос, — вмешался Томах. — Безопасен ли эксперимент для работников конечных станций на Земле и на Истории?

— Гарантии дать, конечно, трудно, но конструкторы давно ушли от техники безопасности к созданию безопасной техники. При малейшей угрозе жизни людей сработают автоматы защиты.

— Сказано неплохо, — проворчал кто-то из команды спейсера, — но тем не менее случаются аварии и с безопасной техникой.

Филипп пожал плечами и промолчал.

Совещание закончилось.

Через несколько часов провели экспериментальный запуск груза с Земли на Историю. Груз — генераторы кислорода — прошел спокойно, без всяких эксцессов. Несколько часов подряд Филипп с помощью бортинженеров спейсера «гонял» трассу между Землей и станцией: канал ТФ-переда-

чи в обе стороны работал безукоризненно, как и между станцией и Историей.

— Отсутствие результата — тоже результат, — утешил Томах Богданова, когда усталые они вернулись на корабль.

— Но первый груз исчез, — произнес тот отсутствующим тоном. — Куда? Кто его принял?

— Кто-нибудь принял. Надо просто обследовать все звезды этой области в радиусе пятидесяти парсеков — это предел для прямой ТФ-связи на тех частотах, которые мы используем.

— Гениально! В радиусе пятидесяти парсеков тысячи звезд!

— Ну что ж, — не сдавался Станислав, — тогда мы пошлем сообщение по всей Галактике — верните, мол, наши грузы!

Богданов невольно улыбнулся.

— Разве что.

— Я пошутил.

— А я нет. Идея неплохая. Кстати, от всего нашего копания на станции у меня осталось нехорошее чувство, будто мы что-то упустили из виду.

— Не из-за тайны ли «звезды Ромашина»? Ведь мы так и не установили, что это такое и по какой причине возникло. Знаем только, что доработчики здесь ни при чем.

— Может быть, есть смысл еще раз замерить параметры среды в этой точке? Но будет ли результат?

Томах пожал плечами.

— Филипп замерял, я, ты тоже. Конечно, придется проверить еще раз, что нам остается? Твое мнение о Филиппе?

— Хороший парень. Правда, выдержки маловато, да и вяловатый он не по возрасту, но это дело поправимое, со временем из него мог бы получиться...

— Ну-ну, договаривай.

— Что договаривать? Я ведь тебя знаю, неспроста ты заостряешь на нем внимание так?

— Да. — Томах остался серьезным. — Выдержка — это важное, и вялость жизненной позиции — дело поправимое. По моему мнению, он находка для Службы, только не знает об этом. Что скажешь?

— Поживем — увидим. Прежде всего надо получить его согласие, а я вижу, что он не хочет бросать свою работу в бюро Травицкого.

Спустя двое суток «Тиртханкар» подходил ко второму ТФ-ретранслятору, с которого не прошел груз к планетам звезды гамма Суинберна. Но и там людей ждало разочарование: станция работала в пределах нормы, никаких следов вмешательства посторонних сил в ее работу не нашлось. Кроме одного: «звезда Ромашина» сияла и там, не связанная ни с одним источником энергии, никоим образом не действующая на приборы, не проявляющая никаких других свойств, кроме ритмичной пульсации спектра излучения.

Передав на Землю неутешительную информацию, Текту-манидзе неожиданно получил приказ следовать к Кохабу — бете Малой Медведицы, возле которой на планете Шемали начала недавно работать первая, «квартирьерская», как их называли, экспедиция.

Двести девяносто парсеков — сто восемьдесят от Солнца и сто десять от Солнца к Кохабу — «Тиртханкар» преодолел за трое суток.

Еще через сутки карантина Филипп ступил на почву Шемали, слегка оглушенный избытком впечатлений и астрономическими расстояниями, которые преодолел вопреки своим желаниям. Его уже перестала удивлять «безумная» щедрость Земли в отношении снабжения спейсеров аварийно-спасательной службы энергией, ибо он понял — делается все это ради той же Земли, ради ее повелителей, покинувших колыбель и углубившихся в безмерное поле тьмы космоса.

Вокруг Шемали вращалась одна базовая орбитальная станция, на которой недавно вступила в строй стационарная линия метро. С включением ее в рабочий режим вопрос доставки научных материалов на Землю превращался в совсем простую операцию, несмотря на колоссальные расстояния в десятки парсеков.

За время карантина Филипп познакомился с настройщиками, такими же, как и он, выпускниками Рязанского института ТФ-связи, и помог им в калибровке главной антенны, за что получил благодарность руководителя группы.

Спуск на планету происходил стандартно, как и возвращение на Землю с ее орбитальных лабораторий, оранжерей и космодромов — по каналу орбитального лифта, соединяющего станцию с пунктом приема на планете. Единственное, что отличало здесь операцию спуска, — одевание компенсационного костюма.

Филиппа пригласили в цилиндрический бокс, на минуту подключили к блоку медико-биологической изотермии для замера физических и физиологических параметров тела, всунули в рот мундштук, надели на глаза телескопические очки, а на уши аудиофоны и впихнули голого в странную черную массу, заполняющую бак без крышки. Из бака Филипп вылез в черном «трико», облегающем тело от макушки до пят. В таком наряде спасателям предстояло пребывать на планете неопределенное время, отведенное для решения новой задачи — какой, об этом знал пока один Тектуманидзе.

Филипп с любопытством опробовал странную одежду. К его удивлению, она ничуть не стесняла движения, была легкой и вызвала удивительное чувство силы. Томах, похожий на черта, как и остальные, отсмеявшись, пояснил:

— Костюм служит одновременно и экзоскелетом, увеличивающим любое мускульное усилие.

По словам инспектора, костюм выдерживал выстрел из «универсала», температуру до тысячи градусов, служил кондиционером и одновременно удалял все отходы метаболизма тела.

— Здорово! — сказал искренне Филипп. — А из чего он сделан? Что за материал?

Они уже входили на галерею станции, откуда начинался трехсоткилометровый туннель к поверхности планеты, кажущийся прозрачной голубоватой трубой. Труба упиралась в слой змеящихся облаков и пропадала в их зеленовато-серой мути.

— Материал? — переспросил Станислав. — Да самый что ни на есть простой — колония микроорганизмов, запрограммированная определенным образом. Не отставай, пойдем парой, остальные уже внизу.

Ошеломленный Филипп ощупал на себе «колонию микроорганизмов».

— Вот так костюм! А почему он черного цвета? Не могли покрасить в разные цвета?

— Во-первых, потому, что микроорганизмы поглощают солнечный свет и почти все виды радиации, а во-вторых, любое красящее вещество для них — продукт питания.

— Теперь понятно. Одно только неясно — зачем они нам вообще? Ведь Шемали — планета земного типа, как мне сказали.

— Земного, да не совсем. Что ты привязался ко мне со своим мундиром? Не нравится, попроси легкий скафандр, а в «гражданском» тебя вниз никто не пустит, планета еще не проиндексирована по шкале безопасности.

Они молча продолжали путь по галерее, сопровождаемые стрелкой путеказателя, плывущей по стене, потом Филипп спросил:

— А как это — в «гражданском»? Ты говорил, не пустят в «гражданском»...

Томах не выдержал и засмеялся.

— Ох и дотошный ты мужик, Ромашин! В «гражданском» — это словарный запас почти трехсотлетней давности, тогда почти половина населения Земли ходила в военном обмундировании, а остальные соответственно в гражданском. Ты часом не издеваешься? Историю-то в школе проходил, как и все.

В конце галереи они надели вакуум-маски, вошли в белый конус кабины лифта с цифрой «десять» на дверце, автомат-лифтер отсчитал десять секунд в обратном порядке, и мягкая, но властная лапа швырнула кабину с начинкой в туннель, в невообразимой дали сходящийся в точку.

Полет продолжался ровно шесть минут. Видимо, чтобы не травмировать путешественников эффектом падения в бездну планеты, стены кабины не становились прозрачными во время полета, и Филипп не увидел Шемали с разных высот.

Прозвучал предупреждающий сигнал автомата, та же мягкая лапа без усилий поймала кабину и почти нежно внесла в приемный зал лифта. Дверца отошла вверх, спасатели вышли из здания лифта в шемалианский день.

Филипп остановился, пораженный открывшимся пейзажем.

На первый взгляд на Шемали царили два цвета: черный и желтый! Черный — почва, пологие склоны гор, полуразрушенные временем скалы, желтый — мутное небо с яркими прожилками, лес и группа каких-то построек явно земного происхождения. Со временем Филипп разобрался в оттенках шемалианского ландшафта, но в первый момент своеобразие контраста — черное с золотым — буквально потрясло его.

Догнав ушедшего вперед Томаха, он подумал: «А все же костюмы делают нас чересчур похожими на участников мас-

карада, разве что хвостов не хватает. Действие первое: черти спускаются в потухший ад! Вопрос — зачем?»

— Слава, мне толком никто и не объяснил, почему мы здесь.

— Мне тоже, — отозвался Томах. — Потерпи, эксперт. Кстати, эксперту УАСС необходимо быть выдержанным, уверенным и многозначительно молчаливым. Хотя, с другой стороны, спасатели тоже люди и могут...

— Ошибаться? — подхватил Филипп.

Томах с недоумением оглянулся.

— Нет, эксперт, сомневаться. Только не ошибаться.

Они вошли в самый большой из желтых куполов жилого комплекса экспедиции и, миновав тамбур, очутились в круглом помещении, просторном, уютном, с «настоящим» солнечным светом, льющим с «небес», — весь потолок служил фоном видеопласта, отчего казалось, будто крыша купола отсутствует и внутрь заглядывает веселое земное солнце.

Купол, вероятно, был кают-компанией и одновременно командным пунктом экспедиции, за полупрозрачной перегородкой, делившей помещение на две почти равные части, виднелись силуэты каких-то аппаратов, низких пультов с виомами и мигающими индикаторами. Оставшаяся половина площади помещения была заставлена изящными столиками и всевозможной формы креслами, а у стены стояли рядом автобар и кухонный универсальный автомат, модель «Комфорт-91» на пятьдесят персон.

Кают-компания была почти пуста: за двумя сдвинутыми столиками расположились гости с «Тиртханкара» и хозяева, хотя кто из них кто — понять было трудно, одеты они были в такие же черные костюмы. Филипп, приглядевшись, опознал только Богданова и Тектуманидзе — по глазам. Остальные «черти» были незнакомы. Один из них, широкий, громоздкий, встал из-за стола и пошел навстречу вновь прибывшим.

— Заходите, гости дорогие, заходите смелее. Давайте знакомиться, Тарас Вернигора.

— Ну, меня ты мог бы и узнать ради приличия, — сказал Томах, подавая руку. — Год назад вместе посещали секцию тайбо.

— Вай, как нехорошо! — огорчился Вернигора. — Про-

сти, дружище. Как же это я не узнал соперника по ковру, мавшего мне бока в течение трех лет?

— Ромашин, — представился Филипп, протягивая руку, и словно попал в капкан.

— Филипп — наш новый эксперт, — сказал Тектуманидзе, хотя это было не совсем верно.

— А я начальник экспедиции, — сказал Вернигора. — Эксперт, вы случайно не спортсмен? Мне кажется, я вас уже где-то видел. Да и рука у вас крепкая, тренированная.

— Не случайно, — сказал Филипп, чувствуя себя неловко из-за того, что все внимание оказалось прикованным к нему. «Интересно, откуда видно, что я спортсмен? — подумал он. — По глазам, что ли? Или он меня действительно видел где-нибудь на соревнованиях?»

— Извини, Тарас, давай о деле, — вмешался Тектуманидзе. — Повтори еще раз те данные.

— Да, о деле, — согласился Вернигора, отпуская руку Филиппа и возвращаясь к столу. — А дело состоит вот в чем. Экспедиция у нас квартирьерская, исследовательская группа немногочисленна, в ее составе всего двадцать восемь человек, а строительный отряд почти в девять раз больше. Вы, наверное, видели с воздуха некоторые наши сооружения, имеется в виду — законченные, остальные только начинают строиться. План застройки большой, экспедиция нуждается и в людях, и в технике, особенно в технике. И тут на тебе — груз с Земли не приходит!

— Не понял? — удивился Томах.

— Пока мы исследовали причины исчезновения грузов на Истории, точно такой же случай произошел здесь, — пояснил Богданов. — Четверо суток назад. Они решили дать пробный пуск линии, на Земле старт-камера освободилась, а финиш-камера здесь, у Шемали, даже не мяукнула.

— Вот оно в чем дело. И Шалва знал об этом, но не сказал ни слова?

— Не стриги мне усы на ходу, — проворчал осуждающе Тектуманидзе, хотел по привычке погладить усы, но наткнулся на гладкую черную поверхность костюма.

— Но это еще не все, — продолжал Вернигора. — До исчезновения груза, вернее, до того как с Земли нам передали, что груз к нам ушел, мы заметили «зеркала» не совсем про-

стые, но об этом я рассказывать не буду, пощупайте их сами. Ну а вслед за открытием произошел срыв транспорта с грузом.

— В таком случае нам надо проверить ретрансляционные станции, а у вас нам делать нечего.

— Кто знает... — загадочно сказал Вернигора. — Именно после появления «зеркальных перевертышей» и случилась эта история с грузом. Так что вполне вероятно, что они каким-то образом связаны.

— погоди, ты же сначала говорил о «зеркалаx». А «перевертыши» что такое?

— Это одно и то же.

— О «зеркалаx» мы узнали уже от вас, — сказал Тектуманидзе. — С Земли на спейсер пришла ТФ-депеша об исчезновении груза на Шемали, и вот мы здесь. Кстати, какого характера груз должен был к вам прийти?

— В основном оборудование терраформистов: комбайны для грунтовых и горных проходок, плазменные резаки, аппаратура объемного взрыва и так далее.

— Весьма любопытно.

Вернигора помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Мы разбили лагерь на Шемали два месяца назад. Сейчас, конечно, здесь почти никого нет, исследователи разбрелись по всем материкам планеты, строители и терраформисты успели построить себе стационарный поселок, и база, по существу, превратилась в пункт обслуживания отрядов, тем более что лифт от орбитального метро тоже опущен сюда. И все было бы хорошо, если бы не инцидент с грузом. Ну, и «зеркальные перевертыши» — тоже интересная штучка. — Начальник экспедиции подождал вопросов, не дождался, кхекнул и продолжал: — Представьте, что на скале, возле которой проходили раньше десятки раз, вдруг начинает отражать свет одна из плоских граней! Как самое настоящее зеркало. Это тем более впечатляет, что цвет скал здесь, сами видели, черный или темно-коричневый. Естественно, мы заинтересовались явлением, обнаружили еще несколько «зеркал» в разных местах; стали изучать и... давайте я вас провожу к одному из них. Лучше один раз увидеть, чем сто раз слышать. Самое интересное, что «зеркала» способны перемещаться. То есть видеть их в момент перемещения никто не видел, но стоит группе сменить место базирования или ра-

боты, как на новом месте вскоре обязательно возникает «перевертыш». А на старом исчезает.

— Не очень-то это впечатляет, — проговорил Томах. — Похоже, вы открыли новое физическое явление — и только. С чем и поздравляем. Разве разведчики не предупреждали вас о подобных явлениях?

— В том-то и дело!

— Это не аргумент. Я все равно не вижу причины, из-за которой нас погнали за тридевять земель.

— Слава, ты просто плохо информирован, — вмешался Богданов. — Дело в том, что и на Истории, вращающейся вокруг Садальмелека, обнаружены какие-то «зеркала». И у меня смутное предчувствие, что я нечто подобное... — Он замолчал.

Томах подождал продолжения.

— Вот как? Зачем же тогда мы не высадили десант на Садальмелеке, а сразу двинули сюда?

— Те «зеркала» на Истории с исчезновением транспорта никто не связывал, — сказал Тектуманидзе. — Когда пришел приказ двигаться к Шемали, еще не было известно о здешних «зеркалах». Но теперь понятно, что «зеркала» и пропажи действительно взаимосвязаны, и нам придется заняться ими вплотную. Физические параметры «зеркал», я надеюсь, зафиксированы?

Вернигора восторженно кивнул.

— Конечно. Одно из них совсем рядом с базой, на Вепре — это скала такая. Не удивляйтесь, скалы на Шемали — одно из чудес света! Формы их столь разнообразны и удивительны, что ребята уже не раз докладывали мне о находках «развалин городов». Пойдемте, покажу вам «зеркало». Захватите антигравы, а то пешком ходить по местным буеракам не слишком приятно.

Спасатели вышли из помещения, окунувшись в мрачное «подземелье» шемалианского ландшафта, такие же угрюмо-черные в своих костюмах, как и окружающие долину скалы, словно они искони принадлежали этому миру и могли в нем растворяться без следа.

И тут Филипп понял причину своего недовольства: костюмы рожают мрачные ассоциации. Недаром крупные видеописатели современности обращали внимание на моральную сторону космической экспансии человечества, и в связи

с этим Филипп даже вспомнил тему одной из видеоповестей: «Всегда ли человек несет с собой добро?» Факт — должен! Но вот несет ли? Слишком часто в поисках новых сырьевых и энергетических ресурсов он не заботится о побочных явлениях своего вмешательства в природу и в результате приходится восстанавливать экологическое равновесие чуть ли не в масштабах планеты, как это было век назад с Землей. Других примеров Филипп не знал и решил при случае расспросить об этом Томаха, не ведая, что своими расспросами даст толчок к решению завязавшейся глобальной проблемы, первые признаки которой — исчезновение грузов и появление «зеркал» — они только начали изучать.

Он оглянулся назад, по-новому всматриваясь в расположение базового лагеря экспедиции, и вдруг заметил над входом в соседнее здание огромную лучистую звезду, «играющую» цветовую гамму, от голубого до багрового, по три вспышки на каждой частоте. Филипп живо припомнил найденную им «звезду» на пульте управления ретранслятором.

— Что остановился? — окликнул его Богданов. — Не зевай, эксперт.

Один за другим люди поднялись в воздух, и Томах, стартовавший последним, весело прокричал:

Это в пору полнолуния
В ночь Иванову случилось —
Кавалькада чертовщины
Пронеслась тесниной духов¹.

Лагерь остался позади, приблизилась цепь скал, и в самом деле напоминавших руины. Вернигора резко спикировал к одной из них и стал на толстый ковер мха коричнево-красного цвета. Остальные опустились рядом, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Скала с «зеркалом» напоминала очертаниями диковинного зверя, сходство с ведром она имела весьма отдаленное, но ощущение мрачной мощи, реальной угрозы от этого не уменьшалось.

«Зеркало» представляло собой трехметровую плоскость, отполированную до такой степени, что она отражала свет не хуже настоящего металлического зеркала. Фигуры людей в

¹Г. Гейне. «Райнеке-лис».

нем искажались самым причудливым образом, хотя поверхность «зеркала» на глаз казалась абсолютно ровной. Филипп поймал себя на мысли, что это «зеркало» весьма напоминает ему недавний розыгрыш с «динго» в рабочем кабинете института, розыгрыш, так и оставшийся неразгаданным.

— Вот такие пироги, — сказал Вернигора, разводя могучими руками; его двойник в «зеркале» тоже развел руками, но вывернутыми в локтях. — Из физических параметров, отличающих это место от других, следует отметить слабую магнитную аномалию да еще, пожалуй, микроволновый фон. Все материалы я вам выдам в лагере. Ну, посмотрели?

— А ведь отсюда открывается отличный вид на весь лагерь! — заявил вдруг Томах со странной интонацией. Он был единственным, кто не подошел сразу к «зеркалу», а сначала обошел площадку кругом.

— Может быть, — пожал плечами начальник экспедиции. — Никогда об этом не задумывался.

Он подошел к Станиславу, приставил руку козырьком ко лбу.

— Гм, действительно... ну и что?

Томах оглянулся на Богданова.

— Не знаю... ничего определенного, просто показалось странным. Филипп, я помогу тебе с контрольными замерами. Какая нам понадобится аппаратура?

— Вся, что есть, — резонно заметил Филипп, толком еще не зная, что именно придется замерять.

— Снабдим, — заверил спутник Вернигоры. — Хотя мы сами тут обнюхали все до камешка.

— Кстати. — Вернигора поднял с площадки угловатый черный обломок камня. — Это знаменитая шемалианская горная порода псевдоникс. Смотрите.

Он с размаху ударил камнем о выступ скалы, и камень рассыпался фонтаном осколков. Начальник экспедиции поднял несколько кусков и подал спасателям. В местах сколов обломки отливали фиолетовым и красным цветами, и каждый из них напоминал недоработанную скульптуру — удивительные фигурки людей, зверей, птиц, изделий рук человеческих.

— Что это? — спросил скептически Тектуманидзе, вертя в руках одну из фигур. — Как ты это делаешь? Фокус?

— Отнюдь. Это так называемая спонтанная асимметрия

кристаллизации породы. Явление сверхредкое, если не единственное в своем роде. Но псевдоникс не последняя достопримечательность планеты, здесь много работы и для ксенобиологов, и ботаников, и зооморфологов. Нам повезло, что мы тут первые. Планета, как мне кажется, подпадает под статью эстетических ресурсов человечества, как зона отдыха, но я еще не все показал. Ждите.

Вернигора повернулся к «зеркалу» и с ходу вошел в него, как в открытую дверь.

Филипп ожидал стеклянного удара и фейерверка осколков, но поверхность «зеркала» чуть помутнела, а потом восстановила зеркальный блеск, отражая мир перед собой. Вернигора исчез!

Потрясенные гости переглянулись. Филипп открыл рот, собираясь рассказать Томаху о своей встрече с подобным зеркалом в своем институте, но передумал.

— И что дальше? — спросил Тектуманидзе спустя минуту.

— Подождем, — сказал один из старожиллов. — Он появится минут через десять-пятнадцать. Максимальная задержка выхода из «перевертыша» тридцать три минуты, минимальная — восемь, мы замеряли. Чем объясняется разброс, неизвестно.

— А что там происходит с входящим?

— Да ничегошеньки. Не успеваешь сообразить, как уже выходишь! То есть для входящего проходит буквально мгновение, а выходит он через полчаса, причем не задом, а так, будто его незаметно повернули на сто восемьдесят градусов.

Спокойная гладь «зеркала» вдруг пошла рябью, затуманилась, из нее вынырнули нога и рука идущего человека, потом весь Вернигора.

— Ну как?

— Потрясающе! — сказал Тектуманидзе. — Дверь в параллельное измерение, не иначе. Я даже не уверен, что оттуда вышел именно ты. Вдруг вы обменялись?

— С кем? — опешил начальник шемалианской экспедиции.

— Со своим двойником из зеркального мира. Представляешь последствия? Придется тебя подвергнуть изучению и обследованию, как и само «зеркало».

Вернигора рассмеялся.

— Шутишь.

— Ничуть, — жестко сказал Тектуманидзе. — Вероятность существования «зеркальных миров» после работ Баташова — Каэдо — Сайкса доказана наукой, так что смеяться рано. Ты мог бы и сам скумекать, где можно рисковать, а где нет. Я, конечно, не верю в подобный обмен, но я безопасник и обязан проверить любую возможность.

Вернигора посерьезнел.

— Пожалуй, ты прав, я не учел всех последствий. Но ведь и мы не лыком шиты и прежде, чем уходить в «другие измерения», проверили все дистанционно. Что ж, будем исследовать феномен со всех сторон, в том числе и со стороны медицины и биологии. Я готов.

Через полчаса, побродив по скалам, спасатели вернулись в лагерь, нагруженные ворохом впечатлений от «зеркальных перевертышей» и диких ландшафтов Шемали, размышляющие о ее поразительных особенностях. Филипп прикидывал, сообщить ли Томаху о встрече с «зеркалом» на Земле, но решил повременить, сначала изучив феномен «перевертыша», хотя его и поразила полная идентичность явлений. Он не придавал значения серьезности того, о чем предупредил Тектуманидзе, такая мера ответственности была ему пока не по плечу.

Филипп продиктовал дежурному бортинженеру «Тиртханкара» список необходимой аппаратуры, которой не оказалось у гостеприимных хозяев, и в ожидании ее прибытия решил еще немного побродить в окрестностях лагеря. Томах с Богдановым на антигравах отбыли на корабль, так что новоиспеченный эксперт остался в одиночестве, предоставленный самому себе.

У лагеря он, к своему удивлению, встретил Аларику. Разговора не получилось: она явно хотела остаться одна, а Филипп так остро чувствовал это ее желание, что вовремя остановил язык, готовый завести куда угодно. Во взгляде Аларики мелькнула благодарность, она оценила его сдержанность. Они разошлись в разные стороны, хотя Филиппу как никогда ранее хотелось многое поведать и многое услышать в ответ. Дразнящая женственная красота Аларики, которую не портил даже черный костюм, превративший ее в лукавую ведьму из старинных сказаний, разбредила душу, и, чтобы восстановить утраченное душевное равновесие, Филипп заставил тело работать физически — взобрался на вал древней

морены, превращенный выветриванием в стену бастиона с башнями и бойницами. И обнаружил здесь еще одно «зеркало». Воровато оглянувшись, сунул руку в гладкую плоскость. Рука исчезла. Ни тепло, ни холодно. Филипп попытался выдернуть ее обратно — не тут-то было! Впечатление такое, что рука вмурована в монолит! Вперед — пожалуйста, а назад — легче отрезать. Потоптавшись у «зеркала», понимая, что выглядит со стороны смешно, он вынужден был пройти «перевертыш» и вышел обратно без всяких вторичных эффектов — кроме задержки во времени (на двадцать две минуты, как он узнал потом).

Вспомнив замечание Станислава, Филипп посмотрел на лагерь, и странное подозрение зародилось в мозгу — с этой точки лагерь также просматривался великолепно!

Эксперт оперся рукой о камень и невидяще уставился на какое-то тшедушное существо, уползавшее под защиту каменного козырька. Черт возьми! Развивая мысль Славы, «зеркала» можно представить как своеобразные следящие устройства! С туннельным пространственным эффектом. Но кому это нужно — следить за лагерем! Аборигенам? Чушь! Планета признана необитаемой... Тогда кому?

Филипп поморщился, а подозрение уже крепло, превращалось в уверенность: не чушь, не чушь! Недаром и Шалва связал события — грузы и «зеркальные перевертыши». И Земля тоже, случаи-то уже не единичные! Сначала на Истории, теперь на Шемали, да и дома, на Земле, хотя непонятно, за кем там следить? За ним, Филиппом? Невелика шишка... А может быть, совпадения? С чего это у него вдруг заиграло воображение? Как там говорил Слава: эксперт должен быть выдержанным и многозначительно немногословным... если нечего сказать.

Он усмехнулся, сделал шаг и... шарахнулся в сторону: ползущее лохматое существо, похожее на шапку-ушанку, вдруг подпрыгнуло, плюнуло в его сторону чем-то желтым и издало такой дикий вопль, что с минуту со всех сторон доносилось каркающее эхо.

Существо как ни в чем не бывало опустилось на камни и поползло прочь, не сводя с замершего человека несколько пар глаз-бусинок.

— Однако! — пробормотал оглохший Филипп и вежливо приподнял несуществующую шляпу. — Простите, сэр, я вас,

кажется, напугал? Но и вы в долгу не остались, так что дуэли не будет.

Засмеявшись, он повернул назад, прыгая с камня на камень, спустился к подножию «крепостной стены», еще раз посмотрелся в «зеркало», невозмутимо отражающее желтый пламень неба, и припустил к таким же чистым и желтым куполам лагеря.

Три дня провел Филипп возле таинственных «зеркальных перевертышей». Ему помогали инженеры «Тиртханкара», неразговорчивые парни, понимающие друг друга с полуслова, и Томах.

На исходе вторых суток при погружении в «зеркало» универсального всеволнового измерителя внезапно сработал один из малых ТФ-трассеров, несмотря на «малость», весивший на Шемали вместе с гравитационной антенной около трех тонн. ТФ-трассеры применялись на космолетах для определения координат выхода корабля из ТФ-канала, Филипп настоял взять два аппарата скорее из упрямства, чем по необходимости, все-таки тайм-фаговая аппаратура была его слабостью, и вот один из взятых с собой трассеров выкинул красный сигнал.

Филипп сначала даже не поверил глазам, узрев сигнал, но раздавшийся вслед за этим гудок заставил его подскочить к пирамиде трассера.

— Эхо! — растерянно сказал он, заметив вопросительный взгляд Томаха. — Трассер обнаружил волновое эхо в пространстве! Кто-то где-то рядом только что провел сеанс ТФ-связи!

— Точно, — подтвердил один из инженеров, подходя к трассеру и наклоняясь над плечом Филиппа. — Трассер обнаружил тайм-фаговый «след», еще тепленький.

— Ну и что? — сказал Томах. — «Тиртханкар» передал на Землю ТФ-депешу... или Вернигора разговаривал с Землей.

Филипп отрицательно мотнул головой.

— Частоты наших каналов ТФ-связи лежат далеко в стороне от принятого «эха». Да и мощность невелика... Кстати, почему-то не сработал второй трассер, странно...

— Ничего странного, — сказал инженер. — Диапазон частот второго на порядок меньше, вы же видите класс. Мы ис-

пользуем его только для определения фона и грубой ориентации в евклидовом пространстве.

Филипп вспомнил свои странные предположения, и сердце снова сжала холодная лапа тревоги. Он бегло просмотрел данные, полученные с помощью многочисленных датчиков, измерителей полей и другой аппаратуры, высвеченные на терминале компьютер-координатора исследовательского комплекса, и решил поговорить с Томахом. Но Станислав сам подошел к нему, удивительным образом уловив его смятение: лица людей скрывались под масками и мимику лица Филиппа он видеть не мог.

— Что-нибудь случилось? Ты какой-то растерянный.

Филипп невольно посмотрел на блистающее «зеркало».

— Отойдем, — решил Томах и отвел его в сторону. — Рассказывай. Что, встречал «зеркальные перевертыши» раньше? Я видел, как ты реагировал на эффектный вход Вернигоры в «зеркало».

— Мне кажется, точно такое же сначала появилось на Земле. — Филипп рассказал о своей встрече с «зеркалом», которое он принял за видеопризрак «динго».

— М-да. — Станислав по-новому взглянул на друга. — Интересный крен получается. Сначала Никите на Земле повстречалось «зеркало», теперь, оказывается, и тебе тоже...

— Никите?! Когда?

— В тот вечер, когда нас собирал Керри. Его «прыгун» врезался в нечто напоминающее «зеркальную стену» и... оказался развернутым на сто восемьдесят градусов без всякого ущерба. Из-за этой встречи Никита и опоздал, помнишь? «Зеркало» держало его около пятидесяти минут.

— Вот так номер! Что же это означает?

— Только одно, мой друг, — за нами кто-то установил наблюдение. Ведь если я тебя правильно понял насчет «эха», «зеркало» только что передало сообщение, так?

— Примерно так. Никогда не думал, что такое возможно! В таком случае «зеркальные перевертыши» суть тайм-фаговые станции с негативным выходом и временной задержкой, иными словами — накопители-передатчики информации. Они явно не имеют своих энергопитающих систем и тем не менее не связаны со своими хозяевами все время ТФ-каналами, а выдают информацию только при облучении. Направленная ТФ-волна инициирует их и «снимает» запасен-

ную информацию. Только в этом случае энергия им не нужна. Зато теперь мы можем попытаться запеленговать их ТФ-передатчик, надо только разработать и изготовить на основе трассеров пеленгационную аппаратуру в нужных диапазонах и с необходимой чувствительностью. Одно мне непонятно: зачем «зеркалам» такие экзотические свойства? Имею в виду «вывертывание наизнанку».

Станислав хмыкнул, оглянулся на «зеркало», равнодушное ко всему, как казалось недавно, вздохнул:

Драгоценное зеркало ждет,
Чтобы в нем отразился цветок,
Но об этом узнает лишь тот,
Жду кого я в назначенный срок!¹

Филипп озадаченно посмотрел на спасателя.

Томах улыбнулся глазами.

— Учись удивляться спокойно, эксперт... хотя твои предположения несут больше вопросов, чем ответов. Да, «зеркала», вероятно, следящие устройства. Но чьи? На Шемали нет и не было разума, как и на Истории, кстати. — Томах задумался на мгновение. — Ты не обижайся, в твоей компетентности никто не сомневается, но... не ошибаешься ли ты?

Филипп улыбнулся, собираясь ответить, что обижаться тут не на что и надо будет, конечно, не раз проверить новые свойства «зеркал», но Томах угадал его мысли и благодарно сжал руку.

— А не напрасно мы тебя взяли, ей-богу! Помог ты нам здорово! Но все-таки постарайся проверить свои выводы, а?

— Буду ждать следующего «эха», — сказал Филипп; ему, конечно, давно осточертели мрачные, подавляющие психику пейзажи Шемали, хотелось скорее очутиться на Земле, окунуться в привычную атмосферу забот, тренировок и творческого поиска в «мыслительном» центре ТФ-института, но вслух он этого не сказал.

«Тиртханкар» вернулся на Землю лишь спустя две недели после разгадки тайны «зеркальных перевертышей», относительно, разумеется: свойства «выворачивателя» остались неразгаданными. Повторные, более тонкие измерения полей вокруг них, а также вблизи «звезды Ромашина», бесстра-

¹Вэнь Тинъюнь. «Мелодия Пусамань».

стно продолжавшей высвечивать «нотную гамму», не подтвердили и не опровергли пассивные следящие системы, выдающие ответ при облучении их ТФ-полем. Кем они были установлены и с какой целью, осталось также неизвестным. Вернее, можно было догадаться, что целью неведомых любопытных, получивших собирательное название Наблюдатель, является слежение за действиями исследовательских групп на Истории и Шемали («зеркала» на Истории изучали «настоящие» эксперты управления, об этом Филипп узнал от Томаха уже на Земле), но так ли это на самом деле, никто наверняка знать не мог. К сожалению, запеленговать передачи хозяев «зеркал» не удалось: во-первых, потому что чувствительность имеющейся в распоряжении людей аппаратуры была на два порядка ниже, чем следовало, во-вторых, работала она в узкой полосе спектра и, в-третьих, «зеркала» вскоре исчезли, сначала на Шемали, потом на Истории. Как они образовывались — то ли вырастали, как живые существа или растения, то ли передавались по ТФ-каналу с планет Наблюдателя — физики установить не могли.

Но отделу безопасности УАСС это обстоятельство не помешало пробить тревогу, и полетели во все концы контролируемого космоса, на периферию исследуемой зоны ТФ-депешей о странных явлениях в пограничных ее слоях, на переднем крае неизведанного, где появлялись пока только земные разведкорабли, и напряглась в настороженном молчании, чутко вслушиваясь и всматриваясь в поле тьмы непознанных пространств, гигантская защитная система человеческой цивилизации...

Глава 3

ФОРМУЛА

Под утро ему приснился сон, будто сдает он экзамен на сертификат работника аварийно-спасательной службы и принимают этот экзамен четверо: обстоятельный, деловой Керри Йос, сдержанный Никита Богданов, угрюмый Бассард и Аларика... Подробностей сна Филипп не запомнил, осталось ощущение стыда, неудачи и тревоги, но тело было легким, послушным, хотелось дышать, двигаться, есть и работать, одним словом, жить.

После возвращения с окраин освоенного космоса, куда закинул его неожиданный зигзаг судьбы, Филипп не вспахивал память плугом пережитых событий, но она сама давала о себе знать: то мигающей алой лампой над колпаком патрульного куттера, принадлежащего УАСС, то картиной видеопласта, включающегося по утрам и выдающего иногда пейзажи Шемали.

Филипп повернул голову. Дальняя стена комнаты отсутствовала, вместо нее уходила к горизонту холмистая, поросшая сосновым бором равнина, а над одним из холмов парила голубовато-белая пирамида, сверкающая тысячью полярных окон. Сегодня домашний координатор, повинувшись неосознанным командам мозга в последние минуты сна, выдал вид с высоты на здание Института ТФ-связи, и Филипп понял, что соскучился по работе, по своему уютному конструкторскому «аквариуму», по грустной физиономии Кирилла Травицкого. Конечно, было еще и желание выйти на площадку, но оно ушло на второй план — тело и так каждый день получало свою дозу упражнений, потому что без самотренировки любой спортсмен потерял бы форму в три дня. А мозг — мозг можно было тренировать только в привычных условиях, во всяком случае, Филипп не знал иного способа получить неограниченную власть над собственной мыслью, машинной памятью и быстротой операций, исследовать сразу несколько десятков вариантов, анализировать, отбирать самые перспективные из них и наконец найти один-единственный, дающий право называться конструктором-профессионалом и синектором.

Сорок минут Филипп уделил отработке суплеса, используя общественный гимнастический зал, занимающий верхний этаж дома, постоял под ионизированным душем и долго рассматривал себя в зеркале, пытаясь угадать в себе те черты, которые, по его мнению, были присущи спасателям и особенно безопасникам. Не найдя таковых, он вернулся в спальню, включил сумматор моды, поставив регулятор в положение «рабочая одежда», и извлек из приемной камеры прямые светло-серые брюки, такую же рубашку с широкими рукавами и серые сандалии с серебристым узором, напоминающим стремительный росчерк молнии. Хмыкнув — мода общества не претерпела изменений за те три недели, что он отсутствовал, — Филипп натянул костюм, закрыл дверь квар-

тиры и поднялся пешком до ближайшей остановки метро. С крыши открывался вид на вольный простор подмосковных лесов, искристая лента Москвы-реки пересекала березово-хвойную их шкуру и пряталась за холмами, сверкали над вершинами сосен шпили, ажурные башни и ртутно-прозрачные колонны Басова, и весь этот зеленый, теплый, насыщенный дремотным покоем летний пейзаж охватывал со всех сторон чистый голубой купол неба, пронизанный над горизонтом раскаленным взглядом смеющегося, умытого росой солнца.

Уже в воздухе Филипп, спохватившись, вызвал по видео Томаха, но тот не отзывался: то ли спал, то ли, наоборот, работал, а может быть, его вообще не было в данный момент на Земле.

«Работает, наверное — подумал Филипп. — У них там теперь много проблем: «зеркальные перевертыши», исчезновение грузов, Наблюдатель, странные мигающие «звезды» на панелях аппаратуры... Не забыть бы подробнее рассказать о своей встрече с «зеркалом»... Хотя, возможно, это все-таки чья-то шутка с «динго»... Да, придется Славе попотеть с этим делом. И вообще у него просто оперативная работа — не позавидуешь! Это какое же надо иметь терпение, чтобы работать даже в моменты отдыха!.. Интересно, справился бы я с такой работой? Если бы можно было попробовать, а не получится — беззаботно махнуть рукой и спокойно заняться своим прежним делом... Наверное, Слава бы понял, но есть другие... Хотя, кроме прочих, есть свое собственное «я», у которого наличествует гордость и прочие психологические кунштюки. За дело надо сразу браться всерьез или не браться совсем... Любопытно, удовлетворила ли моя помощь УАСС? Тектуманидзе как будто был доволен, а Керри Йос?.. И еще не забыть бы спросить у Славы, похожа ли эмблема квартирнеров на след человека, или я снова видел «странное»...»

В третьей расчетной лаборатории отдела работали двое, мужчина и женщина, но его комбайн никто не занял.

«Прекрасно! Значит, Травицкий меня ждет. Где он, кстати? Надо бы узнать, не решил ли кто-нибудь вместо меня мою прежнюю проблему».

Автомат нашел ведущего конструктора в чьей-то пустой

лаборатории возле работающего комбайна. Кирилл поднял голову от пульта вычислителя, и взгляд его потеплел.

- Вернулся? Все в порядке?
- У меня — да, у них — не знаю.
- У них — это в управлении спасателей?
- В отделе безопасности.

Травицкий знакомым нерешительным жестом потерел мочку уха, слабо и грустно улыбнулся.

— Ну, когда у них было все в порядке — не та служба... Я спрашивал про тебя, но ты, оказывается, был очень далеко. Если все хорошо, приступай к работе, темой твоей никто не занимался.

Филипп выдержал его пытливый и добрый взгляд, теплая волна странной стеснительной нежности вошла в него с этим взглядом и вызвала ответную нежность и резь в глазах — реакция на любовь со стороны этого маленького, терпеливого, всегда почему-то грустного человека. И Филипп вдруг с раскаянием подумал: почему он ничего, ну совсем ничего не знает о Травицком? Может, Кирилл пережил какое-то горе, мучившее его до сих пор? Может быть, у него что-то случилось в семье? Ведь и теперь, как и сто, и двести лет назад, человек не застрахован от неурядиц в личной жизни. Да и вообще есть ли у него семья?.. Казалось бы — кто ему Филипп? Инженер-конструктор, подчиненный по общественному рангу, а значит, пока и по таланту, посторонний человек, проходящий на работу в зависимости от эмоционального состояния... Но нет! Почему же тогда нежность в глазах? И радость тоже? Почему?..

— Вызывай, если понадобится, я тут занимаюсь мелким ремонтом. — Травицкий погасил улыбку, кивнул и углубился в настройку комбайна.

Филипп включил виом, покосился на соседей — они полулежали в креслах с закрытыми глазами, спрятав головы в сетках эмканов, в то время как эмканы мыслепроекторов перед ними то взрывались потоком схем, то потухали, чтобы вспыхнуть снова, и надел свой голубой эмкан.

Сначала пришло ощущение легкости тела — это включился контур стеномоциатора, стимулирующий положительные эмоции. Потом тело вдруг выросло в объеме, возникло чувство колоссального знания — подключились блоки памяти вычислительной и информационной машин. Вычис-

литель и киб-информатор в институте был один на всех работающих, из-за чего его называли Умником; это был киб-интеллект, способный не только вычислять и выдавать информацию, но и быть умным собеседником, но работал он в режиме разделения времени, и каждый из включившихся в цепь считал машину безраздельно принадлежащей ему.

Последним сработал мыслерапид — ускоритель мышления, и для Филиппа минута превратилась в час. Он без труда вызвал в памяти конструкцию тайм-фага, сосредоточил внимание на антенне, закрепил ее изображение на эмкане и представил, что он — невидимый, неслышимый и неосязаемый стужок ТФ-поля, возбужденный в антенне и готовый прыгнуть в пространство...

Решение зрело постепенно, от одного цикла расчетов к другому. Филипп, оторванный на время от привычного ритма и порядка, с жадностью ворвался в проблему и «крушил» физические и субъективные препятствия фантазией и натиском всей запасенной эмоциональной энергии, готовый отменить, если потребует, любые законы природы. Наконец решение созрело окончательно, но оно оказалось неожиданным даже для самого конструктора.

Филипп просидел оглушенным несколько бесконечно длинных секунд, потом с яростью принялся за проверку основных положений расчета. Однако проделать анализ до конца не успел: мир вдруг сжался до размеров комнаты, пропало ощущение небывалой власти над временем, над запасами знаний, отданных ему машиной... Очнувшись, он увидел на пульте красное светящееся табло: «Предел психонагрузки!» — и понял, что сработал таймер и отключил его от машины.

Сразу навалилась усталость, в ушах зашумело, словно дождь по сухим листьям. Филипп откинулся в кресле, мельком заметив, что в лаборатории он один: соседи — Леонид Угловский и Лия Бексултанова, очевидно, отработали свои задачи и ушли, они всегда уходили вместе.

«Сколько же времени я работал?... Хм, всего-то три часа с четвертью, а устал — как будто ворочал десятипудовые мешки! Или мое решение стоит того?»

В экранном объеме дисплея красовалось его творение — антенна тайм-фаговой связи, преодолевающей практически мгновенно межзвездные расстояния. Только теперь вместо

двух параллельных колец она имела вид тонкой иглы с зонтикообразным ушком. Формула, выведенная Филиппом, утверждала, что такая антенна выигрывает в мощности около шестидесяти процентов против прежней и позволяет перебрасывать любые массы на любые расстояния без промежуточных станций! И это было еще не все: в формуле потенциально скрывалось решение, от которого буквально захватывало дух, но проанализировать его у Филиппа уже не хватило сил. Решением этим была возможность обходиться вообще без антенн, а это значит — и без тысяч передатчиков и приемников, то есть без тайм-фагов! Любой человек мог бы путешествовать через космос с помощью мыслеприказа; усиленного, конечно, соответствующей аппаратурой — без нее обойтись было еще невозможно. Управление ТФ-полем оказывалось энергетически несложным, потому что ТФ-поле — это не силовое физическое поле, а топологическое свойство...

«Стоп-стоп, — сказал сам себе Филипп, — где-то я уже говорил нечто подобное, а раз повторяюсь, следовательно, устал. Не будем спешить с выводами, позволим только один: иногда полезно пережить впечатления, на которые не рассчитывал, сменить ритм жизни и характер нагрузки. Банальная, древняя, но мудрая истина...»

Он записал формулу в память машины и стер изображение антенны на экране, потом зажег стандартный сигнал: «Вычислитель свободен».

А собственная память все еще сопротивлялась выключению из работы, все еще перебирала этапы конструирования, и перед мысленным взором исследователя проплывали вереницы замысловатых конструкций, многоэтажные формулы различных состояний вакуума, пока наконец не осталось одно видение: летящий сквозь космос, подобно лучу света, человек в огненном комбинезоне с маленьким диском на поясе — это все, что осталось от громад ТФ-станций, вставившихся в несколько кубических сантиметров! ТФ-блок... Индивидуальный ТФ-блочок вместо ТФ-станции...

— Завтра, завтра, — пробормотал Филипп, вставая и выходя из лаборатории, — хорошего понемножку...

Он не заметил, что из соседней комнаты вышел Травицкий и проводил его долгим взглядом, в котором было больше тревоги, чем удивления.

Дома Филипп принял душ, сняв интеллектуальную уста-

лость, и его потянуло в спортзал. Однако время только-только перешагнуло за полдень, да и была ли сегодня тренировка, он не знал. Пришлось набирать телекс спорткомитета и узнавать расписание тренировок сборной Земли. Оказалось, что тренировки проходят в спортзалах комплекса «Победа» в Петербурге через день, начиная с понедельника, а сегодня был четверг.

Филипп огорчился, потом решил обзвонить друзей и тем повысить тонус. Но и здесь его ждала неудача: Ивара Гладышева не было дома, как и его жены, и домашний координатор пообещал, как только они вернутся, сообщить Ивару о видеовизите. Солинда тоже найти не удалось, автомат объявил, что тренер улетел куда-то к внешним планетам и не оставил координат. Филипп слегка удивился — Солинд редко покидал пределы Земли, да и то лишь в случае межпланетных соревнований и первенств мира, как по традиции называлось первенство Солнечной системы.

Задумавшись, молодой человек выбрал в пенале музфона кристалл с записью и вставил в приемник. Комнату заполнил пульсирующий звенящий ритм, в который вплетался тонкий человеческий голос. Звук был объемным, мягким и отзывался во всем теле волнами удовольствия. Ритм в музыке всегда был основой положительных эмоций, а перуанская группа «Инки» в последние годы считалась непревзойденной исполнительницей ритмичных музыкальных произведений, центральным сюжетом которых были старинные национальные мелодии. Филиппу эти мелодии доставляли истинное наслаждение, но слушать их одному не хотелось. И вообще ничего не хотелось, и к людям особенно не тянуло, и проводить время в одиночестве не было желания.

И тут ему пришла в голову идея позвонить Аларике. Почему бы и нет? Что в этом особенного? Бывший эксперт УАСС звонит знакомой сотруднице медсектора УАСС узнать, как ее здоровье и вообще.

Филипп улыбнулся, но мысль уже заработала, а вместе с ней и сердце, и он в конце концов решил не звонить, а повидать Аларику наяву. Он быстро набрал телекс диспетчера информационного сектора УАСС, данный ему Станиславом, и спросил, где можно найти Аларику Консолата, дежурно-экспедиционного врача.

— Ваши координаты? — оживился диспетчер.

— Мои? — растерялся Филипп и понял. — А-а, вызов личный, не беспокойтесь, ничего у меня не случилось.

Диспетчер сделал строгое лицо (парню сравнялось от силы двадцать лет, видимо, стажер) и с минуту что-то искал на пульте селектора. Потом сухо продиктовал адрес Аларики и отключился.

— Институт видеопластики... — пробормотал сбитый с толку Филипп. — При чем тут видеопластика?

Но делать было нечего. Диспетчер не стал объяснять, что делает Аларика на Луне, в Геоградском институте видеопластики, а спрашивать его вторично не хотелось. Филипп бесцельно побродил по комнатам, прибрал на кухне и с грустью, задержавшись на пороге, подумал: «Правы мыслители прошлого, мы никогда не бываем у себя дома, мы всегда пребываем где-то вовне. И все же дом для нас — частица нас самих, просто для одного он равен размерам комнаты, а для другого — всей Земли, а есть, наверное, и такие бродяги, для которых дом — космос... Странно, однако, меня почему-то тянет именно сюда, где я вырос, а не в другую географическую точку, где я имел бы такую же квартиру или по желанию две... Своего рода атавизм? Отомрет ли он когда-нибудь, или Земля для нас всех — дом космического масштаба, запрограммированный эволюцией для «конца света»?»

В комнате смолкла музыка, и Филипп тихо закрыл за собой дверь, впервые покидая дом как доброго и ласкового друга, которому предстояло провести время до ночи в одиночестве.

Решив испытать судьбу, Филипп наугад набрал код лунного метро и оказался на седьмой станции метро Луны, которая располагалась на западном побережье Моря Ясности. Поскольку Геоград вырос на востоке, в кратере Лемонье, Филиппу, пережившему мимолетное разочарование — он рассчитывал «по зову души» попасть в Геоград сразу, — пришлось брать на стоянке вакуумплотный, способный летать в безвоздушном пространстве куттер и в течение пятнадцати минут полета терпеть скудные «удобства» рейса. Но этот транспорт он выбрал сам, чтобы рассмотреть с высоты птичьего полета древний лик естественного спутника Земли.

За последние полстолетия не раз выдвигались проекты заселения Луны и снабжения ее атмосферой, как у Марса, однако идеальные условия наблюдений за космосом для ас-

трономов и лечебной профилактики для медиков каждый раз брали верх над экономическим эффектом расчетов в проектах, и Луна до сих пор оставалась такой, какой была тысячи и миллионы лет назад: прокаленной солнцем, высушенной холодом пространства, безводной и безатмосферной. Но мертвой назвать ее было уже нельзя. Глаз то и дело выхватывал с высоты гигантские чаши и параболоиды антенн радиотелескопов, стеклополя надземных медцентров, домов отдыха и лабораторий всевозможного назначения, которым слабое лунное притяжение было более выгодно, чем земное.

Вскоре куттер, повинаясь командам общего для данного сектора Луны центра автоматического управления транспортом, плавно пошел вниз, и среди гигантских борозд Литтров и Шакорнак Филипп увидел пятидесятикилометровый кратер Лемонье, в середине которого блестел серебром широкий десятикилометровый конус Геограда. За ним вздымались сильно расчлененные и испещренные кратерами горы Тавр, но Филипп не успел разглядеть их как следует. Куттер нырнул к стремительно растущему конусу, звякнул предупреждающий звонок, на пульте мигнул красный огонек — аппарат миновал силовой приемник-окно в оболочке Геограда, мелькнули по сторонам какие-то конструкции, и почти без толчка аппарат остановился. Отскочил на замках колпак кабины, Филипп, оглядываясь по сторонам, вылез на круглую белую площадку причала и увидел в десятке метров на небольшом постаменте странную машину с восемью ажурных колесами, похожую на бак с откинутой крышкой. Заинтересовавшись, подошел и прочитал на боку машины: «Луноход-2, СССР, 16 января 1973 года».

Памятник, догадался он, памятник первопроходцам Луны. В Геограде, значит, установили памятник луноходу. В Радуге — насколько помнится, первой автоматической станции «Луна-9», в Орле — «Аполлону-11», в Сервейере... забыл! Надо же, забыл, кому там памятник поставили...

Филипп отметил время и заторопился к кабине монора.

Притяжение в Геограде с восьми часов «утра» до четырех часов «дня» устанавливалось равным земному — человеческий организм требовал привычную порцию тяготения, зато с четырех часов и до позднего вечера начиналось время отдыха, а помноженное на восхитительное чувство легкости

оно давало полное отдохновение и радость человеку. Филипп не раз бывал на спутнике Земли, сам испытывал это чувство и давно понял, почему Высший координационный совет Земли (ВКС) не дает согласия на технизацию и экологическую перестройку планеты, она была нужна как база отдыха, и моральная сторона дела играла здесь главную роль.

Бесшумный мотор, совсем пустой — в Геограде, как и везде, на Луне и на Земле, любили ходить пешком, транспортом пользовались редко, лишь в тех случаях, когда кто-то куда-то спешил, как сейчас Филипп, — доставил его к Институту видеопластики, невысокому зданию, выстроенному в стиле «мангровый лес».

Киб-информатор сообщил ему местонахождение комнаты сто двенадцать, где в данный момент находилась Аларика Консолата, и через несколько минут, пройдя два ломаных, разного сечения коридора и никого в них не встретив, Филипп стоял перед белым прямоугольником двери с зеленым светящимся кругом номера и раздумывал — войти сразу или сначала позвонить. Ему очень захотелось сбежать отсюда, перспектива непрошеного гостя была не слишком блистательной, да и собственная выдумка с посещением перестала казаться счастливой находкой, однако решить самому Филиппу не дали: дверь внезапно и неслышно свернулась валиком влево, конструктору волей-неволей пришлось войти.

Казалось, он вышел на снежный склон одной из земных гор! Ослепительно сверкал язык ледника под солнцем, курились струйками облаков спины уходящих за горизонт гор, белое снежное поле падало в долину, упираясь в темно-зеленый гребень хвойного леса... Но не это остановило Филиппа: прямо перед ним врезалось в ледяную шею хребта глубокое черное окно пещеры, в окне текла звездная вуаль, и по этой вуали шагала женщина в сияющем белом платье... Это была Аларика!

Вдруг панорама заснеженных гор исчезла, появилась обстановка модельной видеомастерской, напоминающей убранством конструкторскую лабораторию: вделанные в стены экраны мыслепроекторов, кресла, опутанные ажурными конструкциями, аппаратные стойки, видеопроекторы, подставки для голографических скульптур, музыкальные устройства... Одно не исчезло — черное, как вход в преисподнюю, окно и женщина в белом платье, шагающая по звез-

дам... Она смотрела на пришельца строго и испытующе, словно спрашивала, зачем он сюда явился.

Послышался тихий низкий смех.

Филипп оглянулся и увидел вторую Аларика, только одетую иначе — в голубую кофточку, такую же юбку с черной каймой.

Снова прозвучал низкий смех женщины.

— Что, нравится?

Филипп кивнул.

— Видеопласт?

— Конечно. Работа одного из наших дипломантов-дизайнеров на конкурс земного худсовета «Жизнь в космосе», он почему-то решил изобразить меня в качестве прототипа, и вот результат. Правда, он говорит — незавершенный.

Филипп кивнул снова, переживая вдруг приступ ревности, и позавидовал художнику — тот мог любоваться Аларикой каждый день.

— Ангел в поле тьмы, — пробормотал он.

Аларика, прищурясь, посмотрела на него.

— Стихи?

Филипп продекламировал:

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел...

В глазах женщины мелькнуло удивление, она улыbnулась и закончила:

И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

— Лермонтов. Ты любишь Лермонтова?

Она подошла к пульту, провела рукой над датчиком программ, и объемная видеокартина разбилась на огненные осколки.

— Я не знаю. Кстати, как ты меня нашел? Впрочем, наверное, через диспетчера, хотя не понимаю, почему он дал мои координаты постороннему человеку.

Это «постороннему» больно кольнуло Филиппа, и он даже сделал движение к двери, но Аларика опередила:

— Проходи, коль зашел, садись. Еще несколько минут, и ты меня не застал бы. Что стряслось?

Филипп сел напротив, стараясь не смотреть на спокойное красивое лицо женщины.

— Ничего не стряслось. Просто захотел тебя увидеть. Если ты торопишься, я могу уйти.

Она качнула головой, открыто рассматривая его.

— Не спешу. Просто на сегодня работа моя закончена.

Помолчали. Филипп перестал награждать себя в душе не лестными эпитетами, осмотрелся, потом начал рассматривать Аларiku.

— Ты не женат? — наконец спросила она, удовлетворенная осмотром.

— Нет.

— И не был?

— Нет. — Он слегка улыбнулся. — Не из-за тебя...

— Верю.

Снова помолчали. Потом Филипп обвел глазами комнату.

— Почему ты здесь?

— Потому что я, кроме всего прочего, еще и художник-видеопластик. Год назад окончила ПИЭ — Петербургский институт эстетики.

— Я не знал.

— Ты многого не знал. Например...

— Что твой муж, Сергей Ребров, два года назад...

— Не надо об этом, я не то хотела сказать. Его смерть мало что меняет.

Филипп заставил себя промолчать. Аларика хотела казаться независимой и счастливой, но не следовало опускаться до словесных опровержений ее неправоты. Пять лет назад он слишком много говорил... И все-таки до чего же она красива! И недоступна!

— Устал от космических путешествий? Все же незапланированные мероприятия. Как тебе показалась работа спасателей-безопасников?

— По-моему, однообразна и утомительна.

Аларика снова засмеялась знакомым грудным смехом. Давно он не слышал этого смеха — вечность!

— Специфика работы безопасников весьма далека от молвы. Их работа не так заметна, как работа линейных спасательных отрядов. Надеюсь, из формы ты не вышел? Ты ведь всегда так пекся о своей форме...

Знакомые выпады, знакомые интонации... Все возвращается на круги своя... все ли?

— Из формы я, конечно, вышел, все-таки потерял уйму тренировок. Наверстаю.

— Не сомневаюсь. Май говорил, что ты пиккер...

— Кто-кто?

— Пиккер, это его собственное словотворчество, означает — спортсмен, зависящий от совпадения пиков формы: физической, психической, эмоциональной, интеллектуальной.

Филипп с интересом посмотрел на Аларiku.

— Май — это Ребров? К сожалению, он мне сказал, что это отрицательное качество для спортсмена и от него надо избавиться.

— Разве ты сам думаешь иначе?

Теперь уже засмеялся он.

— Ого! Ты снисходишь до разговора о спорте! Это явный прогресс! Кстати, твое появление в зале во время игры было для меня настолько неожиданным, что я чуть не сошел с дистанции.

На мгновение лицо Аларики стало холодным, чужим. Только на мгновение. Она отвернулась и сказала своим низким контральто, совсем спокойно, как о пустяке:

— Просто Сергей думал о спорте так же, как и ты, хотя у него была иная цель в жизни.

— Интересно. — Филипп хмыкнул. — Ты знаешь мою цель? Какова же она?

Аларика встала и прошлась по комнате, касаясь рукой расставленной аппаратуры. Филипп невольно залюбовался ее фигурой и не успел отвести глаза — женщина в упор посмотрела на него:

— Твоя цель — просто жить! Не так ли? Не уверяй меня в обратном, не поверю, хотя я была бы рада... — Она смолкла и снова села напротив. — Я бы поняла тебя, если бы ты стремился стать великим спортсменом или великим конструктором, честолюбия нет только у дураков и мертвых, но просто жить... Извини, не понимаю.

Тягостное молчание погасило разговор, как дождь гасит угли костра.

Филипп думал над словами Аларики, причем без обиды, что удивляло его самого, и умирал интуицию, подсказы-

вающую ему самые сказочные варианты дальнейших встреч с ней. Однако трезвый рассудок видел все в ином свете.

— Ты, наверное, права, — сказал он медленно через некоторое время. — Не во всем, конечно. Честолюбие у меня, к примеру, имеется. Говорят, я неплохой спортсмен и талантливый конструктор... Не знаю, как насчет таланта, но я действительно кое-чего стою. И все же это не то, по-моему... Так? Дай мне подумать. Может быть, я тебя пойму...

— Подумай. — Аларика кивнула, в глазах ее снова мелькнуло удивление. Но Филипп слишком хорошо знал эти глаза, чтобы обмануться в выводах. И все же пять лет — не могли же они не изменить ее хотя бы в малом?..

— Что бы ты хотел посмотреть у нас? — Она взглянула на браслет видео, показавший лунное время.

— Если не возражаешь, запиши на мое видео ту картинку, где ты шагаешь по леднику.

— Ну, если ты хочешь...

Филипп снял браслет и отдал Аларике. Та вставила его в нишу копира, коснулась нескольких сенсоров, подкрутила лимб настройки.

— Вот и все, держи. Правда, не знаю, зачем он тебе.

— Отвечать, надеюсь, необязательно, — пробормотал Филипп, надевая браслет. — Спасибо. Когда-то много лет назад после изобретения фотографии говорили, что умрет искусство живописи. С изобретением голографии говорили, что умрет искусство скульптуры... Я не великий знаток искусства видеопластики, но этот твой портрет, по-моему, подлинный шедевр!

— Если бы твои слова слышал Григорий, творец портрета, он был бы польщен.

Разговор иссяк. Время ощутимо утекало сквозь пространство, разъединяющее их. Оно было густым и красным, как лава, текущая по склону вулкана. Филиппу стало жарко и неудобно, хотя ему казалось, что он давно научился не теряться в любых обстоятельствах.

— Над чем ты работаешь? — спросил он, чувствуя, как ускользает куда-то нить понимания, соединившая их несколько минут назад. — И как тебе удастся совмещать работу дежурного врача и художника?

— А как ты совмещаешь спорт и работу конструктора?

— Не знаю, — улыбнулся Филипп. «Умница! — подумал

он. — Как давно мы не разговаривали в таком ключе! К сожалению, пять лет назад я не углядел за ее внешностью серьезности думающей женщины... а сейчас, кажется, поздно!» — И все-таки? Не думал, что твои школьные, да и институтские, опыты с объемными картинками позволят тебе стать художником.

— Я тоже не думала, это все Сергей... — Она прикусила губу. — А занимаюсь я практически видеопластикой, а не тем, чем хотелось бы. Как сейчас говорят: эстетическим оформлением замкнутых пространств. Создаю интерьеры для рабочих кабинетов, комнат отдыха, кают-компаний на космолетах дальней разведки и так далее. Нельзя сказать, что рутина, однако... — Аларика махнула рукой и вдруг ожилилась. — Зато в свободное время мы занимаемся «свободным творчеством». В данный момент ребят интересуют две темы: одна — моделирование чувственного восприятия мира, описанного в древних художественных произведениях, вторая — сравнительный поиск хомо сине ира эт студио, человека среднего, жившего в разные эпохи. Я веду вторую тему, и уже удалось кое-что раскопать. Мы с Витторио, это наш инженер-видеомоделист, провели сравнительный анализ исторических хроник и сохранившихся художественных полотен великих мастеров прошлых веков, вплоть до семнадцатого. Увы, глубже опуститься пока не удалось, сведения о физическом облике наших предков становятся чересчур скудными. К тому же дело осложняется ярко выраженными национальными особенностями народов, разнообразием типов лиц и методов работы художников.

— В таком случае ваш «человек средний» — фикция, — произнес скептически настроенный Филипп. — Едва ли смешение типов даст нужное решение.

— К счастью, выход нашелся — женщина, — улыбнулась Аларика. — Женщина — мерило красоты и совершенства во все эпохи. Как говорят индийские тантры: «Женщина — пальцы природы и драгоценные камни мира». Отсюда и исходит наш метод.

— Но физический облик человека изменяется очень медленно, на протяжении сотен тысячелетий, а вы хотите увидеть изменения через сотни лет...

— Ты, безусловно, прав, изменения в строении человеческого тела почти незаметны за век, зато изменения в челове-

ческой морали гораздо разительней, и наш метод определения «человека среднего» — это отношение к нему сообразно нормам морали каждого столетия.

— Теперь понятно. И что же получилось?

Аларика включила ряд темных экранов, похожих на стеллажные ниши, в них за клубилась мгла, исчезла, оставив «живые» фигуры людей.

— Это восемнадцатый век. Слева — «узаконенный» средний тип женщины евроидной группы, справа — отображение идеала великих художников этого века: Рафаэля, Рубенса, Ван-Дейка, Карреджо, Рейсдаля и других.

— М-да, — хмыкнул Филипп, рассмотрев обеих женщин в странных нарядах. — Я не скажу, что идеал в данном случае выглядит лучше «среднего»... Или у меня нет вкуса?

Аларика покачала головой.

— Твой вкус формировался нашим временем. Подожди, посмотрим дальше.

Виомы погасли, затем вспыхнули вновь.

— Это уже девятнадцатый век.

Филипп приподнял брови. В правом объеме видеопроектора он увидел знакомые черты «Девочки за столом» Жана Батиста Греза. Этот портрет он видел у Станислава Томаха дома, вернее, копию, выполненную женой Томаха.

Аларика заметила его удивление.

— Тебе знакома эта композиция?

— Жан Батист Грез, «Девочка за столом».

— Верно! — теперь уже удивилась Аларика, заинтересованная его познаниями в области искусства. — Хотя и не совсем. Мы совместили два прототипа, один — «Девочка за столом» Греза, второй — «Девушка с веером» Ренуара. Я не знала, что ты знаток живописи девятнадцатого века. И кого же ты знаешь из художников, необязательно девятнадцатого столетия?

— Джона Констебля, — подумав, ответил Филипп. — Я очень люблю пейзаж, хотя с удовольствием смотрю и портрет. Еще Шишкина, Шилова, Маулара Кенье... и много других, у меня нет ярко выраженного любимца. Ну а как дела обстоят в наш просвещенный век?

Аларика вдруг смутилась.

— Понимаешь, с нашим веком все просто и все сложно.

Средний тип выбрать легче, тем более что человечество постепенно приближается к единой расе, а вот идеал...

Снова сменилось изображение в виомах.

Филипп не выдержал и засмеялся. Правый «идеальный» виом отображал Аларику, левый — тоже был чем-то на нее похож.

— Извини, — сказал он, заметив, что женщина нахмурилась, и прервал смех. — Я смеюсь, потому что невольно ожидал увидеть тебя и справа, и слева.

— Шутка ребят, — пробормотала она, отворачиваясь, и украдкой посмотрела на часы. Филипп с грустью понял, что пора уходить.

— Ты кого-то ждешь? — Он встал.

— Да, — со вздохом призналась она, убирая аппаратуру в стены мастерской, выпрямилась. — Честно говоря, я хотела, чтобы ты позвонил. Теперь уходи, за мной сейчас придут.

«Кто?» — хотел спросить он, но вместо этого спросил:

— Мы еще увидимся?

— Это будет зависеть не только от тебя.

Филипп сдержал вздох и кивнул в ответ, словно не ожидал иного.

— Тогда до связи.

— До связи, конструктор, — сказала Аларика, подавая руку, хотела что-то добавить, но передумала.

В коридоре он наткнулся на бегущего человека, прошел несколько шагов, и только потом его озарило. Он оглянулся, но мужчина уже завернул за угол, слабо пискнул входной сигнал двери.

Дома он с полчаса слушал новости космоцентра, передаваемые по каналу всемирного информвидения. Попробовал вызвать Томаха, но бесстрастный голос домашнего координатора сообщил, что Станислав не появлялся. Киб-секретарь отдела, куда осмелился позвонить Филипп, ответил лишь, что инспектор Томах на задании, но какое задание, где его выполняет Станислав — секретарь не знал или не имел права сообщать.

Филипп снова загрустил, потом вспомнил совет Травицкого и решил навестить один из любимых уголков лесной природы, дабы развеять легкую меланхолию от дум. На этот

раз он выбрал Центрально-лесной заповедник, расположенный в северо-западной части Среднерусской возвышенности, на водоразделе Волги и Западной Двины.

С тех пор как погибли отец и мать, уроженцы здешних мест, Филипп не посещал заповедник и «те места, куда нет-нет по зарастающему следу уводит память прежних лет», говоря словами древнерусского поэта Глинки.

Центрально-лесной заповедник — царство елей, берез, липы, клена, вяза и ясеня. Леса Подмосковья возле Басова в основном березовые и сосновые, заповедный же лес удивительно разнообразен.

Выключив пояс антиграва, Филипп с треском вломился в чащу рябинника и жимолости, оцарапался и пошел напрямик через гибкие кусты волчьего лыка и лещины.

Напившись из родника, он долго выбирался на знакомую поляну, чуть было не зашел в болото, расшитое по краям не созревшей еще клюквой, а когда выбрался-таки на поляну в кольце берез и ольхи, замер от неожиданности. В центре бело-розовой от клевера поляны, подмяв под себя метелки иван-чая и медуницы, лежала рысь и смотрела на человека прозрачно-желтым взглядом, поводя изредка кисточками ушей.

Филипп сделал шаг вперед, рысь встала, глядя на него внимательно и спокойно, без угрозы. Так они и стояли несколько минут, оценивая друг друга, потом Филипп решил отступить — не из боязни, просто не хотелось тревожить красивого зверя, — и в этот момент с противоположной стороны поляны, метрах в ста, из подлеска сверкнул бесшумный тоненький голубой язычок. Рысь, мяукнув, подпрыгнула, свалилась в траву и осталась лежать без движения.

Немой от изумления и гнева, Филипп смотрел, как из-за деревьев вышли на поляну двое в зеленых, почти полностью маскирующих их костюмах и направились к нему. Один был молод, белобрыс, но черен от загара, сверкал улыбкой, хотя Филипп не назвал бы ее в этот момент ни доброй, ни веселой. Второму наверняка перевалило за восемьдесят, если не за все сто. Высокий, худой, он слегка сутулился, и лицо у него было не коричневое, а каменно-серое и застывшее, как ритуальная маска. В руках он держал бинокль. Молодой на ходу закидывал на плечо ремень электрокарабина.

— Вообще-то ходить одному тут небезопасно, — заметил

молодой охотник вместо приветствия, подходя и осматривая рысь. — Охотничья зона. А хороший экземпляр, Влад, будет чем похвастаться. — Он разогнулся. — Как вы сюда попали?

— Разрешите посмотреть ваш карабин? — также вместо приветствия вежливо попросил Филипп.

Белобрысый удивленно посмотрел на спутника и с некоторым колебанием протянул карабин.

— Не приходилось видеть раньше?

— Приходилось, — сказал Филипп, примерился и одним ударом о землю отломал прозрачную трубу ствола.

— Да вы что?! — сделав движение к нему, с угрожающим изумлением воскликнул молодой незнакомец. — С ума сошли?!

Филипп швырнул разбитый карабин на землю, повернулся и молча пошел в лес. Белобрысый догнал его, схватил за плечо, неожиданно больно сдавил сухожилие. Филипп сбросил его руку.

— По какому праву вы это сделали? — прошипел охотник.

— Оставь его, Рон, — глуховатым голосом произнес старший. — Раз он так сделал, значит, считал, что имеет на то право.

Филипп почувствовал в его словах упрек и, повернувшись, угрюмо буркнул:

— Я же разговаривал с ней, неужели не поняли?! А ваш выстрел — это предательство в такой момент!.. Кто разрешил вам стрелять в заповедной зоне?

— Стрелять! — фыркнул молодой Рон. — Слышите, Влад? Да кто вы такой, чтобы судить наши действия?

— Кстати, насчет заповедной зоны. — Старший нагнулся, потрогал рысь за нос и выпрямился. — ВКС подписал вердикт от девятнадцатого июня, объявляющий заповедной зоной всю Землю. Так что преимуществ заповедника теперь не имеет ни один район земного шара, вернее, имеют одинаково все. А насчет стрельбы... рысь парализована, и только. И у нас есть охотничьи удостоверения. Вас устраивают мои объяснения?

— Это к делу не относится. — Молодой охотник уже успокоился и озабоченно осматривал карабин. — Надо же, отдохнули, поохотились! Нервы надо беречь, молодой человек! Излишняя впечатлительность — далеко не положительное качество. — По его тонким губам скользнула усмешка. —

Знакомство с этой кошкой вплотную не прошло бы для вас даром, это только в сказках писали, что хищные звери способны стать ручными, на деле все гораздо проще и естественней. Кстати, все-таки кто вы такой?

— А вы? — в тон спросил Филипп, чувствуя на себе изучающий взгляд старика.

— Я Рональд Клитгورد, старший инспектор отдела общетранспортной инспекции, а мой друг — Владибор Дикушин, руководитель первого сектора УАСС. Член совета, кстати...

Филипп невольно взглянул на каменнолицего.

— Меня зовут Филипп Ромашин, конструктор Института ТФ-связи.

— И мастер спорта по волейболу планетарного класса, — добавил Дикушин без улыбки.

На молодого его спутника это не произвело никакого впечатления.

— Что ж, — сказал он, — не слишком приятное знакомство, но тут уж виноват случай.

— Взаимно, — сказал Филипп и холодно добавил: — Спасибо за доброту по отношению к кошке, как вы изволили выразиться, но она уже просыпается, и думаю, что вам лучше отойти от нее подальше. Рыси не любят тех, кто причиняет им боль.

Клитгورد и Дикушин озабоченно посмотрели на шевельнувшегося зверя, но не тронулись с места, и Филипп понял, что эти люди в чем-то превосходят его, хотя он и не чувствовал к ним расположения. Было ли это превосходство ума или превосходство знания, он не знал, но это глубоко уязвило его и заставило задуматься.

Махнув на прощание рукой, он включил антиграв и пологой дугой поднялся в воздух, словно подхваченное ветром семя одуванчика. Через полчаса стремительного полета сквозь тугой, гудящий колоколом воздух к ближайшей станции метро он вдруг открыл, в чем было превосходство новых знакомых: в уверенности! Уверенности в том, что они правы, в сдержанности и, может быть, в великодушии.

«Ладно, — сказал он себе сквозь зубы. — Пусть я погорячился, но стрелять в животное, которое не может ответить охотнику тем же, — жестоко! Это все равно что стрелять в красоту и правду! Пусть я не охотник, пусть излишне впечатлителен, главное — чтобы я не остался равнодушным! Охот-

ники, черт бы их подрал!.. Не исчезло, выходит, это племя узаконенных убийц, несмотря на исчезновение ГОСТов на охоту и «забой бычков молочных и свиней». Не перестало тешить себя стрельбой по беззащитным тварям, щекотать нервы мнимой опасностью и приятным риском... Словно никогда не было страшных столетий войн и бессмысленного уничтожения тысяч исчезнувших видов зверей, словно память человечества коротка и не тревожит совесть, когда первые охотники выходят в леса вновь открываемых планет...»

Филипп так задумался, что едва не пролетел мимо светлого вокзала транспортного узла на окраине Вологды. Очнувшись, дал себе слово разыскать в ВКС ведомство по восстановлению экологических ресурсов и узнать там цену охоте. «Кто знает, может быть, я все же перебаршиваю, — подумал он. — Прав этот белобрысый Клитгорд, никто не давал мне полномочий судьи, и первый порыв далеко не всегда правилен. И еще он прав в том, что я слишком возбудим. Это не единственный, но самый крупный мой недостаток... после любви к сладкому. Тут его мнение совпадает с мнением Станислава, а ему я верю больше, чем себе. Кто бы мне сейчас помог разобраться во всем, так это Слава Томах. Куда он запропастился?..»

Глава 4

ДИЛЕММЫ

Тренировка прошла хорошо.

Филипп познакомился со всеми членами команды, хотя со многими уже встречался в играх чемпионатов Земли, правда, в качестве противника. Обнял Гладышева, обрадовавшись его улыбке, как теплому весеннему утру.

У Реброва была иная тактика, чем у Солинда. Он давал задания индивидуально и наблюдал за их выполнением с каменным бесстрашием и молча. Если у кого-то не выходил какой-нибудь из элементов задания в групповой связке после второго и третьего раза, он просто отсылал игрока в зал электронного моделирования, где можно было мысленно «проиграть» любой вариант игры с любыми партнерами и научиться решать данную задачу до ее реального исполнения на площадке.

Филипп дважды побывал в зале, отрабатывая имитацию нападения с шестого номера и третьего темпа для обмана блока противника и перевода мяча в закрытую позицию второго, в то время как «настоящий» нападающий наносит удар без блока. И дважды на площадке у него это не получалось.

Ребров по обыкновению промолчал, но после тренировочной игры отвел хмурого Филиппа в сторону и сказал:

— Вы отвлекаетесь, Филипп, что-то мешает вам работать в полную силу. Вернее, не работать, а думать. У вас какие-то неприятности?

— Нет, — пробормотал Филипп. — По-моему, нет.

Ребров ждал продолжения, но его не последовало.

— Бывает. — Тренер сделал вид, что все идет нормально, а может, и не делал никакого вида специально, просто был уверен в себе. — Постарайтесь в играх переводить аппарат мышления только на игровую основу. Это, конечно, аксиома, но это и целая наука, одному она дается легко, другому труднее, но все же безвыходных положений в этом смысле не бывает.

— Принцип оптимизма...

Ребров внимательно присмотрелся к Филиппу и вдруг улыбнулся совсем по-солиндовски.

— Согласен, но в том аспекте, что принцип оптимизма есть принцип внешнего дополнения, исходящий из разрешимости в конечном счете любых ненадуманных противоречий. Думаю, у вас есть свои противоречия, мешающие вам не только в спорте.

— Не замечал.

— А кто из нас способен заметить их своевременно? Я, например, в ваши годы тоже конфликтовал с самим собой. Что касается вас — желание играть с полной отдачей есть, вижу, но в то же время оно блокируется не менее сильным желанием... каким — вам лучше знать, я могу лишь догадываться. И не огорчайтесь, Филипп, право слово, у нас с вами все впереди.

Филипп с облегчением проводил взглядом Реброва, встретил насмешливый взгляд Леона Хрусталева, но не придал ему значения. Мысли его были заняты другим.

На другой день он позвонил Аларике утром, но дома ее не застал, а домашний координатор не знал ее местонахождения. Не было ее и в Институте видеопластики, видимо, де-

журила в патруле спасателей. Поразмыслив, Филипп направил стопы на работу.

В лаборатории его встретил Травицкий. Он сидел в кресле и разглядывал экран мыслепроектора, отражающий рожденную Филиппом конструкцию ТФ-антенны. Лицо у начальника было какое-то странное, будто он хотел засмеяться и заплакать одновременно. Заметив вошедшего конструктора, он кивком приветствовал его и рассматривал так долго, что у Филиппа появилось ощущение невосполнимой потери, вернее, трагедии, происшедшей перед его приходом.

Однако ничего страшного не произошло. Травицкий стер изображение на экране, воспроизвел выведенную Филиппом формулу ТФ-трансгрессии и с минуту разглядывал ее все с тем же недоумением на лице. Потом сказал:

— Мальчик мой, я не люблю громких слов, как ты знаешь... Сядь на минуту и послушай.

Филипп, обеспокоенный таким вступлением, с тревогой посмотрел на изящную вязь цифр и знаков формулы и осторожно присел на краешек «гостевого» дивана.

— Я знал, что ты хороший конструктор, что ты овладел несколькими видами синектических аналогий в конструировании, но... прости меня, я не заметил, как ты вырос в синектора высшего класса! Ведь то, что ты сделал, возможно только при использовании всех синектических элементов и, главное, аналогий четвертого вида! Кстати, а сам ты понял, к каким последствиям ведет твоё открытие?

Филипп кивнул.

— Понял, наставник.

Травицкий разом погрузился, стал похож на обычного Травицкого, носящего в себе чью-то боль, или тоску, или вину.

— Да, признаюсь, это достаточно великое открытие... — говорил он теперь совсем тихо. — Достаточно великое, чтобы быть единственным. Но дай бог, чтобы я ошибался!

Он внезапно встал и увлек Филиппа за собой.

— Пойдем-ка со мной.

Они вышли в коридор, спустились на нижний, подземный этаж института, где царили холод и синий свет, и подошли к двери с надписью: «Запасник». Дверь свернулась в трубку, недоумевающий Филипп переступил порог вслед за Травицким.

В помещении вспыхнул неяркий желтый свет, вскрыв чистый серый пол и громады ящиков по сторонам прохода. Травицкий направился куда-то в глубину лабиринта, пролез между штабелями баллонов древних вакуумных экранов и остановился в углу возле странного сооружения. Сооружение состояло из плоской четырехугольной пластмассовой доски, опирающейся на массивную металлическую станину с противовесом, и длинного суставчатого рычага с лимбом и расхожими линейками, составлявшими некогда прямой угол.

— Что это за хлам? — полюбопытствовал Филипп, рассмотрев сооружение.

— Так называемый кульман, — сказал Травицкий с благоговением. — Устройство для вычерчивания на бумаге различных чертежей конструкций. Такими устройствами пользовались наши прадеды около двухсот лет назад.

— Но бумага... это же двухмерный лист... плоскость. Как же они видели объем?

— Они чертили конструкции в изометрии, а также в нескольких проекциях: спереди, сверху, сбоку. Делали разрезы для пояснения.

— Так просто?!

— Просто и достаточно мудро для своего времени, но... простота метода или конструкции не всегда есть достоинство. Уразумел?

Филипп поразмышлял и признался:

— Не совсем, наставник.

Травицкий повернулся и пошел к выходу. У поворота оглянулся на покрытый пылью времен кульман и сказал:

— Подумай, зачем мы сохранили у себя этот «хлам». Может быть, поймешь не сразу, не огорчайся. В свое время мне тоже задавали эту задачу, а понял я только годы спустя.

В лаборатории Филипп долго дивился на свое умеренно надоевшее отображение в стеклопанели проектора и думал над словами Травицкого, и снова к нему пришло ощущение вины, будто он чем-то обидел своего последнего учителя, а потом в сознание из хаоса мыслей пробилась одна — все ли он учел в своем открытии, и он ухватился за эту мысль. Она позволяла отвлечь совесть и второе «я», противного скептика, и Филипп достал из ниши корону эмкана и включил аппаратуру...

Открытие Филиппа, сделанное им на стыке многих наук физики пространства, обсуждалось на очередном заседании Технического совета Земли, породив лавину восторженных откликов со стороны несведущих и волну замечаний и экспериментальных проверок формулы всеми специалистами по ТФ-связи.

Травицкого вызвал к себе председатель Технического совета Хейдо Уессон по поводу присвоения Филиппу Ромашину звания магистра технических наук. Против звания Травицкий не возражал, но просил подождать с присвоением месяц-два. Уессон не стал расспрашивать начальника бюро о мотивах его просьбы, само собой разумеется, что они достаточно серьезны.

— Этот Ромашин — теоретик тайм-фага? — спросил он.

— Нет, конструктор ТФ-аппаратуры, — ответил Травицкий.

— Странное явление! Для вывода формулы локальной трасгрессии, как это сделал он, нужны глубокие познания в области структуры пространства, вакуума и ТФ-поля.

— Вы правы, случай оригинальный. Ромашин подошел к чисто теоретическому, математическому, умозрительному открытию с противоположной стороны, от конструкции, в то время как нормальным считается обратное, от теории к конструкции. Что ж, еще по учебному институту он был известен как неплохой математик, автор трех оригинальных работ по повышению информационной емкости ТФ-канала.

— Тогда это скрытый гений.

— Не гений, но рядовой талантливый творец. — Травицкий улыбнулся. — Один мой знакомый сказал бы: не гений, но уже достаточно близок к сумасшествию. К сожалению, Ромашин неуравновешен, разбрасывается, он отличный спортсмен, и, возможно, это обстоятельство мешает ему быть... гением.

Уессон поднял на собеседника спокойные прозрачные глаза.

— А может, наоборот? Я думаю иначе: спорт никоим образом не мешает гению, если это, конечно, гений. Спорт воспитывает человеческое в человеке, пожалуй, больше, чем любая научная дисциплина.

Травицкий, не желая возражать, только пожал плечами, у него было свое мнение.

По возвращении из Твери, где находился управленческий аппарат Технического совета, Травицкий собрал всех работников бюро и сообщил:

— Наш институт будет головным разработчиком нового типа ТФ-аппаратуры. Но не торопите время: эта формула пока рай только для теоретиков, для экспериментаторов и практиков же она является адом. Поэтому лучшие наши математические умы — Ильга, Филипп, Денис — займутся «частными» выводами и поиском возможных отрицательных эффектов, а остальные примутся за детализовку и узловую проработку антенны и блока управления. Это сейчас главное. Осознаете, какая на нас теперь ответственность?

Все осознавали.

— Тогда за работу, — вздохнул Травицкий. Он-то знал, с какими трудностями придется столкнуться работникам бюро.

Филиппу досталось продолжение поиска оптимального объема ТФ-передачи, дающего каждому человеку возможность перемещаться по ТФ-каналу из любой точки пространства, не прибегая к услугам транспорта. Остальные конструкторы начали работать с энергетикой и автоматикой новых микростанций.

К концу августа восторги вокруг открытия поутихли, природа не хотела сдавать свои позиции без боя. Всем было известно, что механика мгновенного перемещения в пространстве наталкивается на издавна известный в физике принцип неопределенности, согласно которому в применении к ТФ-связи невозможно с конечной точностью определить одновременно энергию тела, импульс и координаты. Стационарная ТФ-связь обходила этот закон тем, что перемещаемые тела жестко «привязывались» к тайм-фаговым линиям и, покидая передатчик, финишировали в приемнике. Для индивидуального же использования векторная связь не годилась, потому что, образно говоря, путешественник, исчезая в одном месте, не знал точно, когда и где он «вынырнет» в другом: в воздухе, на земле или под землей, плюс неизбежная неопределенность в скоростях движения субъекта и выбранной финишной зоны.

Филипп работал чуть ли не до изнеможения, по шесть-семь часов в день, яростно гоня мозг мыслерапидом, и дважды пропустил тренировки, из-за чего имел не совсем приятный разговор с Ребровым, хотя и не мог не признать, что

тренер прав. С Аларикой он виделся за это время всего один раз, да и то случайно — в театре миниатюр, где она была с Леоном Хрусталевым, игроком сборной. Женщина выглядела веселой, но самодовольная физиономия Хрусталева отбила все желание подойти, и Филипп ушел из театра, даже не досмотрев спектакль. Не думать об Аларике он не мог, но странная апатия и сосущая пустота в груди после встречи надолго омрачили его настроение, заставляя заполнять пробел в сердечной сфере работой и тренировками.

Однажды после работы, когда Филипп полулежал в кресле с эмканом на голове, рисуя в объеме экрана тонкий девичий профиль «идеальной подруги», в лабораторию зашел Травицкий, как всегда бесшумно и неожиданно, и, посмотрев на его «художества», обронил:

— Мне звонил Май Ребров...

Филипп поспешно стер изображение, выключил машину и снял эмкан. Травицкий мелкими шажками измерил расстояние от двери до пульта комбайна и остановился напротив. Глаза у него были усталые и запавшие, работал начальник бюро много и уставал, наверное, не меньше Филиппа.

— Ты пропускаешь тренировки без уважительных причин.

Филипп отвел угрюмый взгляд.

— Ты думал, что вывел формулу и все? — Тон у Травицкого неожиданно сдвинулся в область отрицательных температур. — А я ведь не напрасно показал тебе старинное чертежное приспособление — кульман, помнишь? Не понял ты намека, жаль. А намек был совсем прозрачный, для того чтобы сделать что-нибудь выдающееся с помощью таких неуклюжих сооружений, нашим дедам необходимо было терпение! Понимаешь? Терпение! Проблема оказалась зубодробительнее и сложнее, чем ты думал, и, не решив ее с первого наскока, ты...

— Разве я не работаю? — не выдержал Филипп.

— Работаешь, — согласился Травицкий. — Но как?! Ты перестал быть синектором, ты сейчас раб машины, ее знаний и логики, и только! Ты уже не творец, а фанатик идеи — хватаешься за тысячи возникающих новых путей и не доводишь до конца ни одного. Если будешь работать в том же духе, я не разрешу тебе нагружать вычислитель больше двух часов в день... не перебивай! Слушай, что скажу.

Завтра мы слетаем на Меркурий, где строится новая ан-

тенна, опробуем аппаратуру пуска — и ты свободен. Даю неделю отдыха, можешь по желанию взять даже две или три, смени обстановку, впечатления, переживания, лети куда хочешь, хоть в другую галактику, но не смей думать о теории тайм-фага! Никаких попыток надеть на голову эмкан! Когда-то смена впечатлений помогла тебе набрести на формулу, может быть, то же произойдет и еще раз. Вообще категорически запрещаю думать о работе! Это первое. Второе: если не хочешь, чтобы я думал о тебе плохо, не пропускай тренировок ни в ущерб себе, ни в ущерб остальным, тем более Реброву, который в тебя поверил. И третье: вернешься, проведем общий мозговой штурм по нашей проблеме с привлечением всех ведущих теоретиков тайм-фага, и тут твое психическое здоровье должно быть на высоте. Вопросы есть?

Филипп вздохнул и сгорбился, боясь поднять на руководителя бюро виноватый взгляд.

— Нет.

— Тогда до завтра.

Травицкий постоял немного рядом, погрузившийся, добрый, как всегда, и вышел, оставив после себя предчувствие беды.

Филипп помял лицо ладонями и скорчил своему отражению презрительную гримасу.

— Долго еще ты собираешься взрослеть, игрок? Инфантильная личность?

«Инфантильная личность» в зеркальной панели в ответ скорчила рожу и промолчала.

— Понятно. — Филипп вздохнул. Значит, безнадежен...

Завод был огромен. Зона солнечных конденсаторов, составляющих верхний ярус завода, занимала площадь в двести пятьдесят тысяч квадратных километров. Второй ярус представлял собой зону трансформаторов энергии, а нижний, основной, состоял из преобразователей и реакторов синтеза и упаковки капсул МК — мини-коллапсаров, служащих источником энергии для кораблей космического флота человечества.

Филипп стоял на обзорной башне завода, поднимавшейся над поверхностью Меркурия на триста метров, и не отрываясь смотрел на исполинский раскаленный туннель Солн-

ца, просверленный в зените: именно туннель — таким представлялось светило сквозь светофильтры и защитный экран башни.

Завод работал автоматически, под неусыпным надзором киб-интеллекта, тем не менее он требовал участия людей. В шести обзорных башнях над территорией завода солнечных конденсаторов еще шесть человек дежурили в центральном управлении заводом. Кроме того, круглосуточно дежурили смены механиков, инженеров ядерной защиты и бригады по ремонту всех энергоустановок завода, всего сорок семь человек.

Вдали над кажущимся бесконечным сверкающим полем конденсаторов встал вдруг язык лилового, бледного в сиянии солнца огня. Тотчас же внутри обзорного купола рявкнул гудок, дежурные ответили переключениями на своих изломанных волей разработчиков пультах, и язык пламени втянулся в поле.

— Бригаде ремонта на выход! — сказал один из операторов. — Выгорела секция сто сорок шесть. Киб-ремонт не подлежит. Главный пост — перераспределяю энергоотдачу района.

— Принято, — отозвался гулкий бас из невидимых динамиков.

В это время в куполе появился Травицкий в сопровождении главного инженера завода. Оба были в полужестких вакуум-скафандрах, как и Филипп.

— Думаю, часов через десять-двенадцать мы восстановим линию, — обратился главный инженер одновременно к Травицкому и Филиппу. — Редкий случай, вы уж поверьте.

— Верю, — сказал Травицкий. — Не ко времени, конечно, но ничего не поделаешь. За двенадцать часов восстановить разрушенную линию вам, очевидно, не удастся, скажем, если мы привезем аппаратуру послезавтра, вы будете готовы к пуску?

— Наверняка, можете быть уверены.

Травицкий кивнул. Главный инженер, смущенный своей ролью, пожелал им удачи и удалился.

— О чем это он? — спросил Филипп, ничего не понявший из разговора.

— Неувязки, — нехотя сказал Травицкий. — Как раз перед нашим прибытием возбудился вулкан, и лава повредила

энерголинию от завода к нашей стройке. Какой-то умник повелел монтировать антенну на плато Шерхова, напичканное вулканами, как подсолнечник семечками. А виноват я, потому что не проконтролировал. В общем, эксперимент откладывается, поэтому на сегодня и завтра можешь быть свободен. Завод уже осмотрел?

— Да так, местами... Без провожатых ходить по территории запрещено, а здесь — сами видите, не до нас.

— Ну, на Меркурии и кроме МК-заводов много интересного. Если хочешь, могу поговорить с кем-нибудь из старожилов, тебе покажут все, даже знаменитую Серую Колонну на плато Жары.

Филипп подумал и отрицательно покачал головой.

— У меня есть дела на Земле... если вы не возражаете.

Травицкий развел руками.

— Ради бога. Кстати, зайди, пожалуйста, в институт и заведи в моем столе голубую кассету, там расчеты пробного канала. Я, наверное, останусь здесь, кое-что выясню. После завтра в десять по среднесолнечному встретимся у главного инженера, найдешь? Это почти под нами, на втором горизонте.

— Кто из вас Кирилл Травицкий? — повернулся к ним один из операторов. — Меркурий-исследовательский на связи.

Травицкий просеменил к пульту. Филипп проводил его глазами, чувствуя неприятный осадок в душе, и шагнул к двери. Эксперимент с новой ТФ-антенной, формулу которой он рассчитал, почему-то перестал его интересовать. С одной стороны, результат эксперимента не мог не волновать его как разработчика, все-таки проверялось его детище, но с другой — Филипп перестал удовлетворять сам процесс подготовки эксперимента, слишком длительный и однообразный, поэтому и настроение складывалось соответственно: Филипп ощущал в себе раздвоенность и неопределенную досаду неизвестно на кого.

На Землю он попал спустя час через вторую станцию метро Венеры. В институт зашел поздно, забрал из кабинета Травицкого кристаллы кассет и не стал задерживаться в лаборатории. За стенами института властвовал поздний вечер. Темная мгла сгустила тени в зарослях леса, и он потерял свои великолепные летние краски, взамен выпустив на свободу

тысячи запахов и мириады звуков от скрипа коростелей до кваканья лягушек в пруду. Над горбами холмов умирал последний солнечный свет, рассеянный вязью перламутровых облаков. Кое-где в темно-фиолетовый купол неба уже вонзались лучи далеких звезд. Небо вокруг натертого до блеска лунного диска запотело серебристой влагой.

Филиппа вдруг охватило желание немедленно увидеть Аларика, причем не в рабочей обстановке, а дома, неожиданно для нее, без предупреждения. Желание было наполовину неосознанным, но в том и была его прелесть — оно заставляло работать сердце с полной отдачей.

Филипп вернулся домой и первым делом связался со справочной Дальнего Востока, выясняя адрес Реброва. Он уже знал, что Аларика после гибели мужа продолжала жить в семье Ребровых, в доме Мая, с его женой и взрослой дочерью. Затем он позвонил в Лунный Институт видеопластики и в управление спасателей, убедился в том, что Аларики там нет. Следовательно, у него появился шанс застать ее в домашней обстановке.

После этого выбрал костюм, сам, не пользуясь сумматором моды, и в три часа ночи покинул спящий дом. Самому спать совершенно не хотелось.

Пинасс доставил его из Басова к первой московской станции метро, откуда он мгновение спустя переместился в Хабаровск.

Добраться до Симушира оказалось непросто: рейсовые куттеры летали редко и медленно, со многими остановками, а ждать Филипп не захотел. Сначала, пользуясь попутным транспортом, он попал в Южно-Сахалинск, в родные пенаты Станислава Томаха; заходить к нему, однако, не стал, надо было бы объяснить свое появление, а этого он как раз бы и не сумел. Затем пинасс метеослужбы отвез его на Итуруп, самый большой остров Курильской гряды, и лишь потом на нефтяных местных линиях он добрался до Симушира, который фантазия кого-то из предков Мая Реброва выбрала в качестве домашнего уголка.

Был уже вечер, когда Филипп добрался до поселка Шаншири, расположенного на берегу бухты Броутона. Небосклон был занавешен тучами, и Луна лишь изредка откидывала их вуаль, чтобы показать свое полное белое лицо.

«Та же Луна, что и у нас в Басове, — подумал конструктор

мимолетно. — Интересно все же, почему Ребров выбрал для местожительства остров Курильской гряды? Прямого ТФ-сообщения с материком здесь пока нет, погодные условия не всегда соответствуют нормам для жилых зон... Любовь к океану? Или привязанность к жилью отцов? Это, кстати, мне ближе по духу... не любящий свою родину также никем не любим... Однако где же их «вигвам»?»

— Простите, — остановил Филипп двух женщин, толкающих впереди себя что-то серебристо-стеклянное, звенящее и гудящее от легкого ветерка. — Вы не подскажете, где живут Ребровы? Вам помочь? — спохватился он.

— Спасибо, мы сами, — отозвалась старшая, откидывая прядь волос со лба. — Это оптимизатор среды для новорожденных ихтиозавров, он легкий, а до фермы уже близко. А дом Реброва справа от вас, через парк, увидите сами.

Поблагодарив, Филипп двинулся в указанном направлении, чувствуя на затылке взгляды женщин. Пройдя темный парк, наткнулся на каменную ограду, прошел вдоль нее с полсотни шагов и увидел дом Реброва — смутный силуэт, полускрытый деревьями. На лужайке у дома стояли три пи-насса, четвертый медленно снижался поодаль. Из полураскрытой двери, ронявшей сноп белого света на террасу, выглянул незнакомый мужчина, мельком взглянул на проходившего Филиппа и крикнул в темноту:

— Александр, ты скоро? У женщин лопается терпение.

— Скоро, — донесся сверху из темноты густой бас. — Только коня привяжу.

Незнакомец засмеялся, повернул голову к Филиппу.

— Вы к кому?

— К Реброву, — сказал Филипп первое, что пришло в голову.

— Я Ребров.

— Я... мне нужен другой...

— Другой, значит. А какой именно? Сегодня здесь много Ребровых. Проходите в дом, разберемся.

— Кто там, Глеб? — раздался из прихожей знакомый голос, и на террасу вышел Май Ребров, одетый во все черное. — А-а, Ромашин... это ко мне. Проходите, Филипп.

— Спасибо, — пробормотал Филипп, проводил взглядом Глеба. — Извините, Май, могу я видеть Аларику?

— Ага... — сказал Ребров, глаза его похолодели. Он по-

молчал, внимательно разглядывая лицо конструктора, хмыкнул. — К сожалению, ее нет дома.

— А где ее можно найти?

Ребров снова хмыкнул, хотя лицо его осталось неподвижно-спокойным и твердым.

— Она пошла к морю. Правда... не хотелось бы, чтобы ее тревожили. Сегодня день памяти Сергея.

Филипп неловко кивнул, уши его запылали, и он, не зная, что сказать, мучаясь налетевшим вдруг косноязычием, проговорил:

— Понимаю, вы правы... однако же... я, пожалуй, пойду к себе, извините.

— До свидания, — сказал Ребров, повернулся и ушел в дом. Дверь при этом он за собой не закрыл.

Филипп сбежал с террасы, уязвленный до глубины души необычной холодностью тренера, злой на себя, на Реброва, на весь мир, и, лишь оказавшись на причале, опомнился и перевел дух.

Волны с упорством маньяка пытались разбить причал, сдвинуть его с места, но разбивались сами, сея густую водяную соленую пыль на черный гранит мола. Неумолчный гул сопровождал эту схватку, и Филипп представил, каково здесь в шторм.

Подставив пылающее лицо брызгам, он постоял с минутой, все еще переживая свое неудачное randevu с Ребровым, потом вытер лицо ладонью и сказал неизвестно кому:

— Ну, мы еще посмотрим!

Он вышел из освещенной зоны причала, совершенно безлюдной в этот час, нашел какую-то тропинку и по ней пустился в обход поселка по берегу моря. Там, где скалы отступали в глубь острова, было холодно, откуда-то издалека, из седой мглы, катились стеклянные хребты волн, накатывались на валуны и скалы, ветер срывал с разбитых волн фосфоресцирующую пену и бросал на берег, словно сеятель — семена жизни.

В стороне пика Прево над морем повисли три рубиновые полосы, и Филипп успел заметить косо падающие за горизонт стремительные стрелы истребителей ураганов. Он подождал несколько минут, прислушиваясь, но все было спокойно, лишь прибой заполнял пространство музыкой канонады. Балансируя на кромке обрыва, Филипп раздумывал,

куда направиться дальше, и вдруг на фоне светящихся волн заметил на выступе скалы чей-то силуэт. Человек сидел повернувшись к морю лицом, и что-то знакомое почудилось Филиппу в его позе. Он осторожно приблизился, хор прибора заглушал его шаги.

Это была женщина в мерцающем зеленовато-белом платье.

Филипп замер. Сами собой пришли на ум пушкинские строки:

Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури,
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури...

Женщина оглянулась и встала.

Сердце отозвалось падением и взлетом, он ощутил радость и тревожное изумление одновременно: предупреждение Реброва еще стояло в ушах. Аларика, спокойная, как и всегда, желанная и чужая, заставляющая вздрагивать во сне и в последнее время всплывающая в памяти в самые напряженные моменты работы, смотрела на него и молчала. Интуиция вывела его сюда? Или Его Величество Случай?

— Как ты нашел меня? — первой нарушила молчание женщина. — И зачем?

Филипп приблизился.

— Мне сказал Май... но я не искал тебя, честное слово... хотя вру, не искал, но ждал. А зачем?.. Может, потому, что хочу разобраться...

— В чем?

— В тебе... в себе тоже.

— Странные слова в твоих устах. Обычно ты более категоричен. И все же ты напрасно пришел сюда.

Филипп стиснул зубы.

— Наверное, ты права. Мне говорил Ребров, я не послушал. Но, уж коль так получилось, позволь побыть с тобой немного...

Он взял ее за руки, холодные, как скалы вокруг. Аларика покачала головой, высвободила руки.

— Ты напрасно пришел... во всяком случае, сегодня. Слишком легко тебе даются слова, я знаю. И еще ты забыл, что между нами прошел третий, которого я любила.

— Тогда я приду завтра.

— Не знаю. Пусть это будет завтра, а сегодня — уходи.

Филипп молча поклонился и пошел в темноту, унося взгляд Аларики, твердый взгляд взрослой женщины, знавшей, что такое любовь. И все же... «Она сказала — любила, — бормотал он про себя. — Любила, а не люблю! Значит, не все еще потеряно? Кто бы помог разобраться, возможно ли это? Или не надо разбираться, ставить точки над «і», пусть все идет так, как идет?..»

Хор приборя уже не казался ни торжественным, ни грозным — он был скорее насмешливым и угрожающим, веяло из фосфоресцирующего мрака холодом и безнадежностью...

Если не знает никто, почему улыбаемся мы,
И не знает никто, отчего мы рыдаем.
Если не знает никто, зачем рождаемся мы,
И не знает никто, зачем умираем...

Филипп оступился, больно ударился коленом о камень и погрозил кулаком океану. Оглянувшись, но Аларики уже не было видно. Только ключья светящейся пены проносились над мокрыми скалами, словно странные электрические птицы из неведомого мира.

Если мы движемся к бездне, где перестанем быть,
Если ночь перед нами нема и безгласна...
Давайте, давайте, по крайней мере, любить!
Быть может, хоть это не будет напрасно...¹

— Когда это произошло? — спросил Никита Богданов, чуть более бледный, чем обычно.

— Вчера утром, между завтраком и обедом, — сказал угрюмый Йос.

Два часа назад из сектора «Скорой помощи» УАСС пришло сообщение о смерти эфналитика отдела безопасности Василия Богданова. Его нашли мертвым после сеанса компьютерного расчета, но тема расчета оказалась стертой в памяти Умника — большого киб-интеллекта управления, и это было необъяснимо: стереть расчет не мог бы и сам оператор.

Томах невольно сравнивал это происшествие с недавними событиями: появлением «зеркальных перевертышей», пропажей грузов и, главное, с проникновением в наглухо за-

¹Амадо Нерво (Мексика, 1870—1919 гг.).

капсулированную космостанцию над Орилоухом. Не есть ли это звенья одной цепи?

— И никаких предположений? — спросил он глухо.

Начальник отдела безопасности покачал головой.

— Никаких. Диагноз — колоссальное нервное переутомление и как следствие обширный отек мозга.

— Кто ведет расследование? — спросил Богданов. Он тоже выглядел достаточно спокойным, только у губ легли скорбные складки.

— Пока Шалва, но что он может сделать, не имея предположений? Врачи разводят руками, случай беспрецедентный. Непонятно уже то, что Умник, связанный с медсектором напрямую, не вызвал «скорую» сразу после происшествия. А на вопрос: «Почему ты этого не сделал?» — ответил: оператор с ним не работал.

— Откуда же тогда переутомление? — спросил Томах. — Свидетели включения Умника есть?

— Нет, — коротко ответил Йос. — Тестирование Умника показало, что он работал с Василием в режиме «один на один», но какую проблему они решали — неизвестно.

— Я догадываюсь, над чем работал Василий, — медленно проговорил Богданов. — Я подкинул ему проблему «зеркальных перевертышей» в интерпретации Славы — что они суть средства наблюдения плюс исчезновения грузов, идущих на периферию. Видимо, он пытался сделать глубокий прогноз.

— Над прогнозом даже эфналитики не работают до сверхизнеможения. — Керри Йос встал, подошел к Богданову и положил ему руку на плечо. — Нужен профессионал-вычислитель, который смог бы выдержать гонку с Умником в режиме «один на один». Это вывод кибернетиков, конструкторов Умника. Только тогда появится шанс заставить его при перенапряжении восстановить память хотя бы частично по «рассеянному эху» прежних вычислений в блоках эмоций. Ваш друг Филипп Ромашин, по-моему, подошел бы по всем статьям, я слышал о его открытии, но он не сотрудник отдела, а риск в этом деле превышает границы допуска для гражданских лиц. Тебя я тоже не пошлю, на вас со Славой и без того повисло дело Наблюдателя. Кто подойдет?

— Надо подумать, — сказал Станислав. — Идея взять Филиппа...

— Что, не подходит?

— Почему же, подходит, просто я думал... не рано ли? Вы же сами вспомнили открытие, связанное с его именем, он талантливый конструктор и к тому же спортсмен высокого класса...

— Вот-вот, одни добродетели. — Керри позволил себе пошутить. — Именно это меня и привлекает, особенно то, что он спортсмен. Кто-нибудь из вас знает его физические данные?

— Я знаю, — сказал Томах, — не раз его массажировал. По нашей классификации, Филипп — эктомидиал¹. Чуть-чуть больше, чем надо, вспыльчив, но энергичен, великолепно развит, реакция феноменального типа плюс, кстати, пробуждающийся вкус к риску.

— Ну, последнее, пожалуй, лишнее, — проворчал Керри Йос. — Я бы хотел, чтобы этот вкус не развивался по экспоненте.

— У Василия тоже была реакция феноменального типа и чутье опасности, — напомнил Богданов. — Плюс двенадцатилетний опыт работы в управлении.

Начальник отдела в задумчивости прошагал вокруг лужицы воды в сверкающем ледяном гроте — так был настроен видеопласт кабинета — и сказал, легонько стукнув кулаком по стене:

— Не о нем сейчас разговор, я имею в виду, не о Ромаши-не. Подумайте до вечера, потом поговорим. Надеюсь, вы понимаете важность своей работы по «зеркалам». Уж очень похоже, что кто-то недавно начал «пасти» нас, человечество, хотя и очень робко, на дальних подступах к нашему центру.

— Как мы за Орилоухом? — уточнил Богданов.

Керри Йос остро посмотрел на заместителя.

— Аналогия есть, однако различий между нашим и их наблюдением гораздо больше, чем сходства. Тем более что мы не знаем целей Наблюдателя.

— Правильно, — согласился Томах. — При тех возможностях, что демонстрирует наш Наблюдатель — вспомните вскрытую станцию над Орилоухом, — он мог бы следить за нами, не открываясь, очень долго. У меня создалось впечатление, что открылся он намеренно. Зачем?

¹Эктомидиал — сухой, жилистый, подвижный спортсмен, поражает вспышками энергии, смел, но не любит силовой борьбы.

— Мне тоже хотелось бы знать, — пробормотал Керри Йос. — Однако отвечать на этот вопрос некому... кроме нас самих.

— А не перестраховываемся ли мы? — спросил Богданов, глядя на «лужицу», в которой плавали крохотные радуги. — Не выдаем ли нежелательное за действительное? Слишком уж искусственны наши построения, вам не кажется? Все три случая: «зеркала», пропажа грузов и вскрытие станции — могут оказаться неизвестными проявлениями неразумной природы и вообще не связаны друг с другом.

— Могут, — согласился Йос. — Но если сто лет назад ученые для всех космических явлений искали естественные объяснения, то мы обязаны искать неестественные, ибо за этим стоит контакт с разумными существами, о которых мы не знаем ровным счетом ничего! Для того и существует УАСС, организация, отвечающая за безопасность цивилизации, и в частности наш отдел, чтобы остальные люди не ждали от контакта беды. Не убедил?

— Чего уж там, — буркнул Томах. — Нас убеждать не надо. Кто из СЭКОНа работает сейчас по «зеркальным перевертышам»?

Керри перестал обходить «грот», выключил видеокартину.

— Генри Бассард, — сказал он хмуро.

Томах и Богданов переглянулись.

— А вы думаете, зря я вас тут пугаю? Мнение Генри, кстати, полностью совпадает с твоим, Никита, мол, «неразумная природа». Это плохой симптом. Доказать Бассарду что-либо, когда он упрется рогом, весьма сложно. Короче, с разгадкой смерти Василия я управлюсь без вас. А вам даю два дня на архивы — поищите информацию разведчиков обо всех явлениях, схожих с «зеркалами» и прочими нашими чудесами, потом соберемся и обсудим тактику и стратегию поисковых групп. А так как работать им придется в пограничных районах контролируемой нами зоны космоса, то вопросу отбора, психологическим качествам поисковиков уделите особое внимание. Лучше всего подобрать кадры среди пограничников, знающих сюрпризы космоса не понаслышке. Все понятно?

— А как же, — с иронией произнес Томах. — Обычное дело: поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

Томах нашел Филиппа дома погруженным в размышления, судя по выражению лица — не очень приятные.

— Где это ты был? — спросил его конструктор вместо приветствия. — Я тебя ищу уже вторую неделю.

— Работа, — пожал плечами Станислав. — Я был там, куда не достает связь через личный видео.

— Снова тайны...

— Завидуешь? — Томах вынул из окна доставки на кухне бокал с дымящимся соком, принес в гостиную и стал не торопясь пить мелкими глотками. — Я был у пограничников, на периферии. Если хочешь, переходи к нам на работу, у тебя тоже появятся тайны.

— Кем? — невесело засмеялся Филипп. — Экспертом?

— Можешь и экспертом, но лучше инспектором на оперативную работу отдела.

Филипп перестал улыбаться и недоверчиво посмотрел в карие, спокойные глаза Томаха, в которых время от времени мелькали иронические или насмешливые огоньки.

— Шутишь?

— Абсолютно серьезно.

Филипп подумал, отобрал пустой бокал у друга и сел напротив, расставив ноги.

— Выкладывай, что у вас там случилось.

Томах испытующе посмотрел на него.

— Разве по мне заметно, что у нас что-то случилось?

— В общем-то, нет... нет, но я...чувствую.

Томах слегка нахмурился, все еще рассматривая Филиппа, потом отвернулся и пошел на кухню за следующим бокалом.

— Ты мне не ответил на предложение, — сказал он оттуда.

— Ты тоже — на мой вопрос.

Томах появился в проеме двери, на ходу прихлебывая тоник из запотевшего бокала.

— Умер эфаналитик Василий Богданов, брат Никиты.

— Брат Богда... Как умер?

— От умственного и нервного перенапряжения. Работал в паре с Умником, вот как ты со своим вычислителем, решал какую-то футур-задачу... Через два часа его нашли мертвым с эмканом на голове. А Умник ничего не помнит. Такой вот фокус. Но это наши заботы. — Томах сделал ударение на слове «наши». — Хотя в скором времени они могут стать и твоими. Я понимаю, мое предложение для тебя неожиданно,

поэтому не торопись с ответом. Все взвесь и проанализируй. Позволю заметить, что не каждого приглашают работать в управление, а тем более в отдел безопасности. И еще: УАСС — это организация, для работы в которой необходимо иметь призвание, а работа требует столько сил, что упаси тебя бог согласиться и не выдержать! Не помню, кто сказал, что работа без нравственного оправдания — бессмыслица или, того хуже, жестокая необходимость, но знаю, что сказано это о спасателях и безопасниках. Если хочешь, для меня работа безопасника — призвание. Вот когда ты сможешь так сказать про свою — не важно, будешь ли ты конструктором или спортивным деятелем, — тогда я возьму свое предложение назад. А пока думай. Согласен?

Филипп качнул головой.

— А что мне остается? Ты прав, в последнее время я не нахожу удовлетворения в своей конструкторской работе, только едва ли когда-нибудь...

Томах протестуя поднял руку.

— Я же сказал, не спеши, время покажет.

Филипп задумался, вертя в руках пустой бокал. Томах принялся разглядывать комнату, отмечая новые штрихи в интерьере, появившиеся с тех пор, как он был здесь в последний раз. Он встал с дивана, прошел к панели домашнего координатора и в нише под стенным виаом увидел миниатюрный видеопласт: горы, язык ледника, снежное поле и в черной пасти пещеры женщина в сияющем белом платье. Аларика.

Станислав некоторое время рассматривал лицо женщины и вернулся к дивану.

— Откуда это у тебя?

— Что?.. Она мне сама подарила.

— Вот как? Интересно!

Филипп остановился напротив друга и через силу, не глядя на него, спросил:

— Ты знал Сергея Реброва?

— Кто же его не знал?

— А почему не сказал мне, что он погиб?

— Зачем? Разве это что-нибудь изменило?

Филипп угрюмо посмотрел в глаза Станислава.

— Думаю, изменило.

— Ну а я так не думаю. И коль уж зашел разговор, ответь мне: ты что же, всерьез решил наверстать упущенное? Не поздно?

Филипп вспыхнул, уловив в словах инспектора скрытый и неприятный подтекст. Но сдержался.

— Не надо так, Слава, ты же не знаешь...

— Э-э, брат, шалишь! Я все о тебе знаю, даже то, чего ты сам не подозреваешь. Что касается Аларики... Зря ты все это затеял. Слишком хорошо я знаю их жизнь. И любовь. Но зная тебя так, как знаю, я бы подумал, что у тебя выиграло самолюбие, но не могло же оно молчать столько лет? Ты же абсолютно ничего не знал об Аларике, так? И не пытался узнать, хотя меня это всегда поражало. Что же изменилось? Случайная встреча всколыхнула омут былых чувств? А смерть Сергея развязала руки?

Филипп потемнел, сжимая кулаки. Станислав с любопытством смотрел на него снизу вверх, сплетя пальцы на животе.

— Не нравится? Что ж, иначе не могу. Мне было больно за вас обоих пять лет назад, хотя я уже тогда знал Сергея Реброва. Но не причиняй новой боли Аларике, она этого не заслужила.

— Постараюсь, — глухо ответил Филипп. — Ты со мной так никогда раньше не разговаривал.

— Потому что, по-моему, ты был счастлив. Ну, или будем говорить иначе, был уверен в правильности твоей линии жизни.

— А сейчас не уверен?

— Сейчас нет. Это меня и пугает, и радует. И если все объясняется только влиянием Аларики — это плохо.

— Разве? — Филипп опустил на диван. — Хотя ты прав, плохо. В последнее время со мной что-то непонятное творится. Понимаешь... и Ребров отмечает... и сам я чувствую, иногда словно срываюсь, будто не срабатывает что-то внутри, какой-то выключатель в нервной системе. И тогда я либо теряюсь в обстановке: затормаживаются реакции, уходит точность движений — в игре это особенно заметно, — или, наоборот, переоцениваю свои возможности, бываю грубым и злым... а это уже, сам понимаешь, явный перебор.

— Еще какой, — согласился Томах. — Один мудрец говорил: «Недобор ближе к умеренности, чем перебор. Второй оправдывается гораздо труднее»¹. Тебе надо поменять режим работы, хотя бы на время, можно также пройти курс

¹М. Монтень.

гипноиндукционного внушения, хотя гипнопрофилактика и терапия прописываются обычно слабонервным натурам. Кстати, у меня появилась идея: ты бывал когда-нибудь на СПАСах?

— СПАС? А-а... эти — станции аварийных... — пробормотал Филипп, гадая, кого Станислав подразумевает под «слабонервными натурами».

— СПАС — это станция приема аварийных сигналов.

— Не приходилось.

— Я тебе устрою экскурсию, не пожалеешь.

— Ты думаешь, мне это необходимо?

— Уверен — для смены впечатлений и проверки собственного терпения. Начну знакомить тебя со спецификой работы спасателей. Тем более что тебе придется поработать у нас.

По лицу Филиппа скользнула тень.

— Это называется вербовкой.

Томах тихо засмеялся.

— А это и есть вербовка. Удивительно, что ты помнишь смысл столь древнего термина. Наш шеф дал тебе очень лестную характеристику и просил меня провести «среди тебя» работу по выяснению твоего отношения к аварийно-спасательной службе вообще и к отделу безопасности в частности. Если серьезно, Керри предлагает тебе прикинуть свои возможности в поединке с Умником в режиме «один на один» и участвовать в операции «Наблюдатель», которую ты уже начал, будучи экспертом. Кстати, у меня ощущение, что операция эта небезопасна.

Филипп стал молча переодеваться в выданный сумматором моды костюм: обтягивающие бедра и прямые внизу брюки, белые у пояса и чернеющие к краям штанины, и обтягивающую тело рубашку, также белую у плеч и чернеющую к поясу.

— Я не понял, при чем тут Умник.

— Богданов работал с ним именно в режиме «один на один».

— Ясно. А если я не соглашусь?

— согласишься, — ответил Томах уверенно. — Иначе я переквалифицируюсь в... управдомы не управдомы, но в конструкторы одежды точно.

Когг скользнул мимо исполинского «уха» антенны станции и воткнулся в одну из причальных ниш стыковочным узлом рядом с таким же полосатым шлюпом дежурной смены.

— Давно собираются установить на СПАСах метро, — буркнул Томах, отстегиваясь от кресла, — да все никак не соберутся. Вот и приходится колупаться на когге битых полчаса.

Он первым ступил на эстакаду, и движущаяся дорожка вынесла их в кольцевой коридор станции, опоясывающий ее «мозг» — зал управления и автоматики.

— У них как раз сейчас пересменка, — посмотрел на часы Томах, ступая бесшумно и мягко по матово-белому, словно фарфоровому, полу коридора. — Мы не помешаем. А стажироваться тебе все равно надо, не вздыхай.

Зал оказался не круглым и не таким уж большим, как ожидалось, судя по радиусу изгиба коридора; он был треугольным. Все три стены служили панорамными виомами, пульт управления помещался в тупом углу треугольника, и над ним была врезана в стены наклонная черная плита экрана пеленгатора с крестом визира по центру. У пульта стояли три кресла, два из них занимали старший дежурный смены и его помощник, третье было запасным.

При входе в зал слабо звякнул предупреждающий звонок, и мужчины у пульта, одетые в серо-голубые комбинезоны спасателей пространственной службы, оглянулись. Филипп с удивлением узнал в старшем смены... Леона Хрусталева, напарника по сборной! В свою очередь тот тоже удивился не меньше, только реагировал менее доброжелательно.

— Почему здесь посторонние? — с ударением на последнем слове спросил он.

— Ну-ну, я уже посторонний, — добродушно усмехнулся Томах, подходя к пулту. — Ребята, знакомьтесь, это Филипп Ромашин, конструктор, — он подмигнул Филиппу, — и кандидат в спасатели, стажер. У меня к вам просьба: пусть он тут послушает космос вместе с вами. Мешать не будет, парень дисциплинированный, идет?

— Я против, — возразил Хрусталев. — По инструкции во время дежурства в зале управления не должны находиться посторонние лица, даже если они спортсмены экстра-класса и кандидаты в спасатели.

Филипп вспыхнул: от Хрусталева таких слов он не ожидал.

— Вы что, знакомы? — Томах внимательно посмотрел на обоих.

— Мир слухом полнится, — нехотя произнес Леон.

— По сборной, — уточнил Филипп.

— Пусть остается, — вмешался помощник Хрусталева, красивый парень, видимо, уроженец Мексики. — Насколько помнится, программа стажировки включает в себя и работу на СПАСе. Меня зовут Рафаэль. — Он первым протянул руку и улыбнулся.

Хрусталев демонстративно отвернулся.

— Что вы не поделили? — шепнул Томах на ухо Филиппу. Тот пожал плечами, хотя и догадывался о причинах подобного к себе отношения товарища по сборной: Аларика... Филипп не раз встречал ее в обществе Хрусталева, и того не могла не насторожить его настойчивость...

— Ну и ладненько. — Томах посмотрел на часы. — Мне пора, время моего дежурства прошло, а вы заберете его на «материк» после смены.

Филипп, ощущая неловкость, и злость, и желание как-то помириться с Леоном, словно был виноват перед ним, сел в первое свободное кресло и принялся разглядывать панель перед собой.

— Берите эмкан, — подсказал ему улыбчивый Рафаэль. — На него сводятся каналы прослушивания всех диапазонов электромагнитного излучения и ТФ-спектра. Наша станция рассчитана в основном на ТФ-диапазон. Вообще-то космос слушают больше автоматы, интеллекtronика на СПАСах мощная, но бывают ситуации, когда зов о помощи может выделить из шумов и запеленговать только человек. Ну, и управляем автоматикой тоже мы.

— Не отвлекайся, — буркнул Хрусталев, — не на лекции.

Филипп молча достал из ниши ажурную корону с тремя выводами светодакабеля и подогнал по размеру головы.

— Проверка, — бросил Хрусталев, покосившись в его сторону.

Рафаэль ответил шелчком включения аппаратуры.

...Двести лет плыл он вокруг Солнца по колоссальному кругу диаметром в сто миллиардов километров, безмолвный, холодный, как дыхание смерти, и сам — смерть! Двести лет потратил он на один виток вокруг Солнца, вглядываясь

во тьму бессмысленными глазами фотоэлементных пластин, вонзаясь в пространство щупальцами локаторов, ловил в перекрестке визирных меток астероиды, ядра комет в афелии, и тогда на короткое время пробуждался его кристаллический «мозг», сравнивая полученные данные с теми, которые заложили в него создатели, и летел мимо, и ждал, ждал, запрограммированный нести смерть всему, что создано людьми и что не ответило на его радиозапрос.

Уже давно канули в Лету те, чей злой гений создал его, сменились поколения, исчезли из лексикона людей Земли слова «война» и «гонка вооружений», а он все мчался вокруг Солнца, электронно-механический безумец, обуреваемый холодной жадой убийства, один из тех автоматических аппаратов, которые запустили некогда бежавшие с Земли поклонники «звездных войн», озверевшие от страха и яда собственных замыслов.

И вот локаторы выхватили из тьмы сооружение, отвечающее эталонам, сохранившимся в памяти аппарата. Трижды бросал он вперед угрожающий окрик: «Кто идет? Дайте позывной!» Ответа не было. А по вложенным в память инструкциям молчать мог только враг. И тогда ракетный спутник-убийца включил боевые системы, в течение минуты проверил боеготовность отсеков, определил точные координаты цели и произвел залп. Шесть ядерных ракет типа «Спейсмен» вырвались из люков боевых палуб и умчались к ничего не подозревающему объекту, унося в своем чреве смерть весом в сто двадцать мегатонн.

Объектом нападения чудовищного пришельца, порожденного военным психозом прошлых веков, был космотрон-коллайдер, самый большой из ускорителей элементарных частиц на встречных точках. На беду, автоматы его защиты были запрограммированы на отражение метеоритных атак и мелких болидов, поэтому стремительное приближение искусственных тел не пробудило в их памяти тревожных ассоциаций. Еще худшую беду несло то, что на космотроне шел эксперимент.

Катастрофа произошла внезапно: ракеты, начиненные смертоносным грузом, автоматически произвели противоракетный маневр, хотя никто их не собирался сбивать, вышли в расчетные точки поражения цели и взорвались. Защитное поле космотрона лопнуло, как мыльный пузырь, ис-

парились в безжалостном ядерном огне многочисленные пристройки комплекса, потекли силовые секции ускорителя, исчезло управляющее поле и... два сверхплотных потока антипротонов, помноженные на громадную скорость, близкую к скорости света, ударили по касательной в разные стороны, доуничтожая все, что пощадил взрыв ракет, и, миновав мишени, ушли в пространство. Пятисоткилометровое кольцо космотрона испарилось почти мгновенно, породив вспышку жемчужного света. Две лавины яростной энергии, сравнимые разве что с солнечными протуберанцами, но невидимые глазу, устремились под углом к плоскости эклиптики, одна — в направлении на марсианский жилой пояс, вторая к созвездию Треугольника...

Филипп откинулся в кресле, решив не обращать внимания на поведение Хрусталева, и в это время тот включил слежение.

Плотная накидка глухоты внезапно прорвалась, Филиппу показалось, что он рухнул в глубокий колодец, наполненный звенящим гулом, свистами разных тональностей, скрипами, шорохами, писками, нечеловеческим бормотанием и вздохами и шелестами морского прибоя... Это была великая «тишина» космоса!

Потом, через час, Филипп привык к этой «тишине» и даже научился отличать радиошумы от тайм-фагового эха, порожденного взрывами далеких сверхновых звезд, но первое впечатление было именно таким — стремительное погружение в бормочущую, шепчущую бездну, от которого кружилась голова и затуманивало мысли.

— СПАС-семь, дежурство принял, — сказал Хрусталев, причем его слова не проникли в «колодец» космической тишины — этот диапазон связи не прослушивался станциями системы СПАС. — Старший смены Леон Хрусталев.

— Добро, — отозвался динамик на пульте. — Рапорт принят. В вашем распоряжении патрульная группа Денеши, эстакада семь, пять коггов типа «Коракл». Спокойного дежурства.

Хрусталев проверил связь с отсеками станции, снова покосился на замершего в своем кресле Филиппа и попросил помощника погасить свет в зале. В течение четырех часов

дежурства им предстояло вслушиваться в «шепот звезд»; такова была специфика работы дежурных смен станций приема аварийных сигналов.

Но пока обменивались шутками дежурные других станций системы СПАС, вели переключку оперативные группы спасательных патрулей, готовые прийти на помощь любому, кто бросит призыв о помощи, страшная радиоактивная лавина уже безмолвно вспарывала пространство, с каждой минутой приближаясь к густо заселенной людьми области Солнечной системы...

В девять часов тридцать две минуты по среднесолнечному времени в диспетчерской фобосской станции ТФ-связи, подчиненной опознавательной сети УАСС, прозвучал требовательный гудок: станцию запрашивала обсерватория «Полюс», располагавшаяся в девяти астрономических единицах от Солнца, над полюсом эклиптики. Автоматы обсерватории зафиксировали в направлении на гамму Треугольника вспышку света необычного спектра, и заведующий обсерваторией просил сверить свои наблюдения с наблюдениями обсерватории системы СПАС солнечного пояса.

Старший диспетчер переглянулся с оператором, отметив время: ТФ-связь доносит вести практически мгновенно, свет же вспышки должен был достичь орбиты Марса только через пятьдесят минут.

— «Полюс», повторите информацию и дайте точные координаты вспышки, — попросил диспетчер. — Что вас смущает конкретно? И почему для проверки вам потребовалась система СПАС?

Обсерватория не ответила. Два, три и пять раз повторил вызов оператор, но ответа с обсерватории так и не поступило.

— Странно! — задумался диспетчер, опытный инженер, в прошлом работник аварийного патруля. — С чего бы ему молчать? Похоже, они даже передатчик вырубили — не видно контакта. И с чего бы ему вообще звонить по тревожной сети? Что он увидел в Треугольнике? М-да, придется потревожить кое-кого из старых знакомых, не нравится мне эта загадка...

Хмыкнув, он соединился с отделом УАСС на Земле.

Томах прилетел домой, когда семья уже спала. Приняв душ, он залез в кухонный комбайн, собираясь поужинать, как вдруг в гостиной тихо прозвенел сигнал вызова.

Окошко универсальных часов, запрятанное в толще стены, показывало девять часов тридцать семь минут по среднесолнечному времени, но для Сахалина, где жили Томахи, шел уже двенадцатый час ночи.

Филипп, наверное, уже привык к своему положению, подумал Станислав. Ничего, это ему позволено — послушать то, что невозможно услышать ухом. Кто же звонит?

Он прошел в гостиную, утопая ступнями в теплом ворсе ковра, включил виом.

— Слушаю, Томах.

Томившийся ожиданием диспетчер отдела встрепнулся:

— Извините, Станислав, только что получено сообщение от специальной-три с Фобоса. Обсерватория «Полюс» зафиксировала яркую вспышку с необычным спектром в квадрате Треугольника с галактическими координатами... — Диспетчер продиктовал ряд цифр. — На дальнейшие вызовы обсерватория не отвечает.

— Сигнал SOS?

— Нет, диспетчер фобосской станции сигнала тревоги не получал, хотя просил повторить сообщение. «Полюс» молчит.

— Тогда почему вы обращаетесь ко мне? Есть отдел контроля пространства, линейные службы...

— Диспетчер просил найти вас лично.

— Вот как? — Томах приподнял бровь. — Кто же этот смельчак?

— Станислав Грехов, — покраснев под пристальным взглядом инспектора, сообщил диспетчер после секундной паузы.

— Грехов? — Томах задумался, взгляд его стал жестким. — Любопытно. Что СПАСы?

— Планетарные на контроле, станции пространства всех поясов «целуют вакуум».

«Целовать вакуум» на жаргоне спасателей означало не слышать ничего.

— Любопытно, — повторил Томах, мысленно прощаясь с отдыхом. — Свяжитесь с Богдановым и оповестите все СПАСы внутренней зоны о вспышке. Я буду через полчаса.

— Богданов уже предупрежден, — виновато сознался дис-

петчер. — Он сказал, что все это очень напоминает ему признаки цунами... Извините, пояснить, что имеется в виду, он не стал.

Станислав выключил виом, досадуя на неопытность и разговорчивость молодого дежурного, и повторил про себя: признаки цунами... Что ж тут непонятного?

Через минуту, никого из домашних не предупредив, он сел в куттер, дежуривший на стоянке недалеко от дома, сорвал ограничитель скорости и включил форсаж.

Ему надо было пересечь Татарский пролив и достичь Хабаровска, возле которого располагалась одна из немногих пока станций метро Приморского края. Куттер успел покрыть примерно половину этого расстояния, когда на крохотной панели киб-водителя загорелся красный огонек и зажужжал сигнал предупреждения.

Томах нажал рычажок, в кабину аппарата ворвался чей-то недобрый голос:

— Борт-икс, высота двенадцать, скорость три единицы, вы нарушили режим воздушного сообщения! Немедленно покиньте чужой коридор! Борт-икс, высота двенадцать, скорость три единицы, немедленно покиньте чужой коридор! Ответьте по седьмому каналу «контрольному сто три». Если через минуту не покинете транспортный коридор среднетоннажных линий, буду вынужден применить «красную завесу».

«Это же мне! — догадался Томах. — Черт, совсем плохой стал, не предупредил никого...»

— «Контрольный сто три», — быстро проговорил он в микрофон. — Я борт «сорок пять» Сахалинского ведомства УАСС, заместитель начальника отделения безопасности Томах. Освободите горизонт до Хабаровска, в опасности жизнь людей!

После трехсекундного молчания тот же голос, скорее суровый, чем недобрый, отозвался:

— Борт «сорок пять», горизонт среднетоннажного транспорта на высоте двенадцать освобожден до Хабаровска. До метро триста два километра, дайте разворот на полтора градуса влево по курсу. Желаю удачи.

— Благодарю, — отрывисто бросил Станислав, не удивляясь прозорливости неведомого ему инспектора по транспорту.

До метро оставалось около шести минут полета...

В зале царила обычная дежурная тишина, Филипп украдкой посмотрел на часы: оказывается, он просидел всего сорок минут, до конца дежурства оставалось еще шесть раз по столько. Что ж, придется «продолжать дежурство», слушать, слушать и слушать мерное дыхание космоса, его вечное дыхание, рожденное возникновением и гибелью звезд, кипением ядер галактик и квазаров, криком коллапсаров и бесплотным дождем реликтового излучения, и ждать в этом хаосе «звуков» зов о помощи, и услышать, и понять, и определить — чей это зов и где находится вызывающий...

Пришли на ум пушкинские строки:

Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?

Действительно, самое время спросить: что ты значишь, скучный шепот? Все спокойно в этом лучшем из миров, все тихо, техника безопасности соблюдается неукоснительно, автоматически, аварии исключаются тоже автоматически. В таком случае поэт задавал вопрос не зря, и придется время дежурства включить в «ропот утраченного дня». Если сидеть здесь минут пять-десять, то интересно даже, но не четыре же часа?

Внезапно Филипп уловил в общей звуковой каше, омывающей мозг, какой-то инородный звук, даже не звук — тень звука.

Тотчас же более опытные дежурные отреагировали на это каждый по-своему: Хрусталева занялся автоматом пеленга, а Рафаэль дал сигнал тревоги по отсекам.

Из-под пульта прозвучал резкий гудок, затем голос автомата:

— Сигнал SOS! Квадрат Треугольника, координаты: плюс двадцать три градуса галактической долготы, минус девятнадцать галактической широты.

Станция напрягла все свои чудовищные «уши», ориентируя их на определенный квадрат пространственной сферы, и усилия автоматов не пропали даром: динамики донесли людям торопливый скрип — будто ножом по стеклу — передачи, адресованной только станциям СПАС, оснащенным самой чувствительной из всей той аппаратуры, что мог поро-

дять технический гений человечества в конце двадцать третьего века.

Рафаэль, спохватившись и заработав злой взгляд Хрусталева, подключил дешифратор.

— Говорит «Полюс», антипротонная атака... говорит «Полюс», антипротонная атака... говорит «Полюс», антипротонная...

Передавал кибер, сомнения не было, и голос его постепенно слабел, пока не смолк совсем.

— Патруль, на старт! — сказал Хрусталева. — Сигнал SOS, квадрат Треугольника, радиант три секунды дуги. Обсерватория «Полюс», антипротонная атака. Люди, видимо, погибли, сигнал передает робот. Позаботьтесь о защите.

— Понял, на старт, — лаконично отозвался старший патруля.

— Откуда там антипротоны? — пробормотал Рафаэль.

— Спроси что-нибудь полегче, — сказал Хрусталева с явным удовлетворением, что было совершенно неуместно в сложившейся ситуации, по мнению Филиппа. — Мы отработали все, что могли, остальное — дело патруля. Попадаем в сводку отличившихся по управлению, как ты думаешь?

Рафаэль уловил косой взгляд Филиппа и, не говоря ни слова, пожал плечами.

Глава 5

ЦУНАМИ

Томах прибыл на базу одновременно с Богдановым, ничуть не удивившись этому. Лифт стремительно вынес их на верхний горизонт гигантского сооружения и выбросил у входа в зал оперативного управления и связи с селекторами УАСС.

Полукупол зала был размером с Большой театр, но благодаря видеопластическому эффекту казался бесконечным. Богданов отстал, Станислав прошел к рядам главных пультов, над которыми мерцали виомы оперативной связи с другими центрами УАСС, с патрулями, со станциями СПАС на Земле, на других планетах и в космосе. Несмотря на избирательное звуковое поглощение, в зале стоял легкий гул человеческих переговоров, писк и стоны зуммеров, таймеров, гудки и звонки сигнальной и передающей аппаратуры.

Возле пультов видеоселектора уже толпились начальники других отделов, руководители оперативных спасательных групп, начальники секторов, в том числе и Керри Йос. Командовал селектором коричневолицый Владибор Дикушин, начальник первого сектора, к которому относилась служба безопасности космических сообщений Солнечной системы.

— Ну что? — негромко спросил Томах у Керри Йоса.

— Идет информпоиск, — ответил рассеянно Керри. — Антипротонное излучение само по себе не возникает. Запросили службу Солнца, может, проморгали хромосферную вспышку?

— Едва ли, — сказал подошедший с озабоченным видом Богданов. — Обычно о вспышках на Солнце предупреждают заранее, наблюдатели за нашим светилом работают аккуратно. Тут что-то иное. Кстати, как тебе интуиция Грехова? Тебя тоже он разбудил?

— Кто же еще? Да, тезка не потерял формы, только и он не сказал бы, откуда в квадрате Треугольника антипротоны. Что-то многовато сегодня народу здесь, твоих рук дело?

— Я сразу дал «ВВУ-экстра»¹ по управлению и позвонил Дикушину. Как видишь, не напрасно.

Вдруг в группе людей, стоявших у панорамного во всю стену виома, произошло общее движение. Кто-то вывел оперативную связь на динамик интеркома, и под потолком зала зазвучал искаженный расстоянием и перегрузками голос:

— Подойти к обсерватории не могу! Защита течет, радиация вне всяких норм!

Главный виом показывал искристую бездну. Звезды зигзагами исчерчивали ее, и Томах представил, какие эволюции выполняет спасательный когг, повинувшись пилоту.

— Что с обсерваторией? — так же глухо, на весь зал спросил Дикушин.

— Обсерватории не существует, вижу часть отсека обеспечения и блок антенн, остальное — облако радиоактивной пыли!

— Возвращайся, к тебе сейчас подойдет «панцирник» Федотова, копать в радиоактивной пыли — его работа.

¹ В ВУ — штатно разработанная форма тревоги по сигналу «внезапно возникшая угроза».

Возьми еще один шлюп и прочеши трассу по вектору Треугольника, возможно, отыщутся пострадавшие.

Начальник сектора обернулся к обступившим его людям.

— Закончили поиск? Что это такое?

— Это космотрон-коллайдер, — тихо ответил один из операторов. — Три часа назад там начали эксперимент с антипротонной накачкой, все было нормально... на вызовы никто не отвечает... а по данным измерений, излучение, уничтожившее обсерваторию, полностью совпадает с характеристиками пучков космотрона.

Дикушин остался бесстрастным, только слегка раскосые глаза его превратились в узкие щелочки, словно он пытался разглядеть что-то за стенами зала.

— Свяжитесь с научным центром, нужны точные данные максимального пучка: скорость, масса, градиент ослабления, радиант расхождения.

— Уже все известно, — вмешался с третьего ряда пультов человек в вязаной безрукавке. — Луч, воткнись он в Марс, способен содрать с него атмосферу и превратить в гладкий бильярдный шар!

Наступила тишина. Все взгляды вернулись к Дикушину. Тот молча повернулся к своему командирскому пульта и сел в кресло.

— Внимание! Патрулю УАСС зон Юпитера, пояса астероидов, Марса и свободного пространства в секторе Треугольника подготовить средства к перехвату антипротонного пучка! — Дикушин кинул взгляд на оператора слева. — Расчет координат точки перехвата, быстро! — Взгляд через плечо. — Расчет оптимального экрана для перехвата системе ПОД¹ — пять минут!

— Пост сорок девять принял!

— Время подхода?

— Час — час десять.

— Патрулю: время подхода — один час. Через пять минут получите характеристики защитного экрана. Готовьте энерготрассы.

— Принято.

— Готовность к старту — десять минут, системе ПОД обеспечить прохождение сведений операции всем исполни-

¹ПОД — пост оперативного дежурства.

телям вне очереди. Где начальник марсианской зоны? — обернулся Дикушин.

Из-за спин вышел кряжистый медлительный Савин. Он был угрюм и озабочен.

— Какие хозяйства затронет антипротонный луч?

Оператор подсунул Савину расчет траектории антипротонного пучка, произведенный по данным патруля.

— Сейчас. — Савин подумал, выпятив губы. — Коридор входа в Систему разведкораблей уже задет. Затем идет СПАС-семь, рабочая зона завода безгравитационного литья. Большой телескоп, детский полигон... Что еще? Сектор пассажиро-туристских сообщений Примарсианья. Это, пожалуй, наиболее серьезное из всего.

— Вполне достаточно, чтобы... — Дикушин не договорил, он знал степень ответственности спасательной службы. — Очередь СПАС-семь наступит минут через двадцать, а потом пойдет такая густая мешанина сооружений, что треск будет слышен по всей Системе!

Савин промолчал, в данный момент он ничем не мог помочь руководителю сектора.

— Сколько времени дают расчетчики на монтаж экрана для остановки луча? — подошел к Дикушину Керри Йос.

— Час, — отрывисто бросил тот. — Вернее, минут пятьдесят, учитывая время выхода в точку монтажа и доставки материалов. Это максимум того, что может дать патруль, и если он не успеет... представляешь силу удара солнечного протуберанца?

— Ты, кажется, говорил, что на пути луча СПАС-семь?

— Ну?

Керри Йос почесал горбинку носа.

— На СПАСах, кажется, имеется собственный реактор?

— Средней мощности, кварк-кессон. Да не тяни ты душу!

— Что, если попробовать взорвать СПАС навстречу лучу?

Взрыв создаст контрволну энергии...

Дикушин не дал ему договорить, у него не было времени ни на анализ предложения, ни на благодарность за помощь.

— Аварийную волну, срочную связь с седьмой станцией.

Только Богданов заметил внезапное волнение Станислава Томаха, который слышал весь разговор.

— Ты что? — негромко спросил Никита.

— На СПАС-семь сейчас сидит Филипп, — так же тихо ответил Томах.

Богданов еле слышно присвистнул.

Антенны поймали еще один сигнал SOS, и Хрусталев накричал на помощника, перепутавшего в волнении каналы запроса-ответа. Филипп предложил было свою помощь, но его попросили убраться из зала и не мешать, и он с грустью признал всю нелепость своего положения.

В который раз в тесноте виома раскрылось знакомое Филиппу по словам Томаха пространство зала оперативного управления УАСС. На переднем плане располагались ряды пультов, над одним из них навис высокий человек в белой форме официала управления, с жестким, словно рубленным лицом и прищуренными глазами. Филипп не сразу узнал в нем одного из охотников, с которыми ему привелось познакомиться в лесу на берегу Западной Двины: это был Владимир Дидушин.

Хрусталев, видимо, ориентировался мгновенно: он тут же зауценно отрапортовал о принятых мерах, а также о количестве сигналов SOS, которые выловила станция, чем вызвал невольное оживление в группе спасателей всех рангов, стоявших за спиной Дидушина.

— Прекрасно, — сказал начальник сектора сухо, не выказывая удивления при виде Филиппа. — Слушайте приказ: экипажу немедленно покинуть станцию на резервном когге! Старшему смены обеспечить переориентировку командных цепей станции с тем, чтобы в нужный момент произошел направленный взрыв реактора. Все!

— Что? — удивился Хрусталев. — Зачем?

— Взрыв реактора создаст контрволну энергии, — пояснил Керри Йос, он стоял ближе всех к виому. — Эта волна, по расчетам, ослабит плотность антипротонного пучка раз в десять-двенадцать.

— Понятно... — Хрусталев говорил с заминкой, словно ему что-то мешало. — И сколько времени в нашем распоряжении?

— Около двадцати минут. За этот срок надо составить программу координатору станции и эвакуировать персонал. Поспешите с эвакуацией. Когг у вас один?

— Есть еще «орех».

«Орехом» на жаргоне спасателей называлась капсула индивидуальной защиты, имеющая собственный двигатель. При необходимости в ней могли уместиться двое не слишком громоздких мужчин.

— Отлично. «Орех» останется для того, кто покинет станцию последним.

У Хрусталева вспотел лоб, хотя внешне он держался неплохо.

— Тогда это для меня.

Керри Йос убрался из виома. Подошел Томах.

— Возьми из бригады обслуживания любого БС-механика, он переориентирует цепи по указке центра. Быстрее, Леон, у нас почти нет времени. Уходи следом на «орехе».

Хрусталев потянулся к микрофону внутренней связи, но Филипп опередил его:

— Не надо никого искать, я сделаю.

Томах посмотрел на него из виома странным взглядом, Филипп понял его по-своему:

— Не беспокойся, Станислав, я справлюсь.

— Не сомневаюсь, — буркнул тот, отворачиваясь.

— Командуй эвакуацией, — с облегчением сказал Рафаэлю Хрусталев, и помощник, виновато разведя руками, исчез в люке.

Дикушин коснулся нескольких клавиш-сенсоров на панели селектора и негромко произнес:

— Внимание! Экстренное сообщение всем ТФ-станциям опознавательной сети УАСС! Кораблям в квадрат-векторе Треугольника покинуть зону с немедленным отлетом в порты назначения! Правительству и Техническому совету Марса принять меры к эвакуации приграничных районов по вектору Треугольника, к орбите приближается радиоактивное облако! Срок эвакуации — полтора часа. Патрулю УАСС приступить к монтажу поглощающего экрана. Ответ кодом. Конец.

Дикушин повернулся к молчаливой группе спасателей.

— Всех, кто не участвует в операции, прошу вернуться к исполнению непосредственных обязанностей. Вам, Савин,

придется помочь отрядам эвакуации. Главное, не допустить паники, это будет страшнее самого взрыва. Ясно?

Савин кивнул и исчез так быстро, словно растворился в воздухе: исход событий теперь зависел от скорости выполнения операции и умения организовывать людей. Спасатели стали постепенно расходиться, остались только дежурные операторы, инженеры и диспетчеры командного комплекса.

— А вам что здесь надо? — заметил Дикушин Томаха и Богданова, пристроившихся в углу за первой линией пультов. — Безопасники мне пока не нужны.

— На СПАС-семь наш друг. — Станислав кивнул на виом связи со станцией. — Стажер отдела. Мы подождем.

Дикушин шевельнул каменными желваками.

— Этот, что согласился перемонтировать управление? Я думал, что он из экипажа СПАС. Каким образом он там оказался?

— Стажировка на терпение в обстановке сенсорной депривации.

— Умники... Расхлебаем эту кашу, я с вас спрошу, почему вам вздумалось стажировать безопасника на СПАС. — Дикушин отвернулся к оператору. — Дайте мне прямую связь с ВКС.

— Я уже в курсе, — сказал появившийся в зале видеопризрак заместителя председателя ВКС Чеслава Пршибила. Он «вышел» из объема передачи и пожал руку Дикушину. — Причины катастрофы?

— Неизвестны. Расследованием причин уже занимается отдел безопасности, но причина должна быть из рук вон! Космотрон был защищен от всех мыслимых случайностей.

— Значит, не от всех. — Пршибил прижал губу пальцем; у него была странная манера при разговоре быстро и сильно жмуриться, словно от солнца, особенно в минуты волнения.

Дикушин покосился на Томаха, подошедшего ближе.

— «Панцирник» Федотова заметил недалеко от эпицентра взрыва космотрона необычный обломок, похоже — старинный спутник или ракета.

— Предполагаешь, столкновение?

— Не знаю.

— Жертвы?

— Восемь человек — космотрон, — угрюмо сказал Дику-

шин, отводя глаза, — и пять — обсерватория «Полюс». Плюс сорок два пропавших без вести.

— Какая страшная цена! — невольно прошептал Пршибил. — Какая цена!

— Пойду-ка приготовлю «орех», — сказал Хрусталеv, маявшийся от безделья. — Не возражаешь? Здесь я тебе не помошник.

— Давай, — кивнул Филипп, залезая с головой во внутренности пульта с лазерной насадкой для перепайки БС-переходов. Перед ним светилась схема перестройки цепей управления реактором станции, переданная с базы, и он изредка бросал на нее взгляды, хотя и так уже запомнил, что необходимо сделать.

— Луч вышел точно вам в лоб, — сообщил Томах, сменивший Дикущина у виома связи. — Никакой корректировки положения не потребуется. Диаметр луча около двухсот километров, радиант расхождения полторы секунды дуги.

— Знаю, — глухо отозвался Филипп из утробы пульта. — Сколько времени в нашем распоряжении?

— Минут тринадцать, а то и все четырнадцать.

— Успею, осталось сблокировать узлы и вывести за пределы схемы автомат защиты, запуск внешней программы — ваше дело. Остальное сделают автоматы.

Томах помолчал, нервно пригладил волосы на затылке, чего с ним никогда не было, и сказал:

— Монташники закончили первое кольцо экрана, осталось еще два. Не успеешь — бросай все к чертям и давай деру. Скорость у «ореха» черепашня.

Филипп оторвался от работы, глянул на черный диск над центральным пультом.

— Я уже вижу луч: красивая хвостатая звезда по оси пеленгатора. Знаешь... — Филипп не договорил.

В зале станции взвыла сирена, на пульте зажегся алый квадрат. Толчок в спину едва не выдернул Филиппа из кресла.

— Что там у вас? Что случилось? — донесся утасаящий голос Томаха. Объем передачи пошел цветными радужными кольцами, так что главный зал УАСС утонул в помехах.

Виом прояснился через минуту, хотя голос Томаха оставался таким же слабым, словно он говорил из-под земли.

— Что произошло, Филипп? Что молчишь?

— Не знаю, — растерянно сказал тот, сдерживая на спине пресс тяжести и удивляясь этому. — Крен какой-то... — И вдруг понял. — Да это же... станция включила двигатели!

— Ты включил?

— Н-нет, не касался.

— Слева на ручке кресла черная клавиша под колпачком, разбей и нажми. Быстрее!

Филипп ребром ладони разбил прозрачный колпачок над черной клавишей, нажал.

Тотчас же его кинуло вверх, тяжесть исчезла, вернее, исчезла перегрузка, вызванная ускорением, но психологическая отдача действовала не хуже физической. Двигатели станции вырубались, алый квадрат погас, зажглись голубые огни на табло координатора.

— Отбой-ноль! — доложил координатор. — Прошла команда «отбой-ноль». Прошу смены режима безопасности.

— Что случилось? — спросил Филипп, сглотнув вязкую слюну.

— Действовал согласно программе «Спасайся и беги».

Филипп не знал, что это за программа, но знал Томах; в этом режиме координатор действовал самостоятельно для обеспечения безопасности экипажа, по каким-то причинам не имеющего возможности управлять станцией.

— Где старший смены?! — сдавленным голосом произнес побледневший Томах. — Где Хрусталев?

Филипп оглянулся на люк.

— Пошел готовить «орех»...

Ни слова не говоря, Станислав бросился из зала базы.

Богданов понял Томаха раньше, чем остальные.

— Причал-один, — позвал он в микрофон, вырвав его у оператора. — Стартовый коридор второй приземельской на аварийный пуск! Через минуту прибует пилот Томах, отдел безопасности. Обеспечьте сопровождение по пеленгу СПАС-семь. Шлюп на позицию, без экипажа. Конец.

На Богданова, прищурясь, смотрел Дикушин.

— Ну у вас и реакция! Куда он? Что случилось на станции?

— Старший смены оставил включенными системы безопасности, вернее, не проверил программу координатора. Киб-интеллект действовал в автономном режиме, заметил

приближающийся сгусток антипротонов и включил двигатели, чтобы уйти из-под удара.

— Где он сам?

— Вы же видите — в рубке его нет. Сомневаюсь, что он готовит «орех» к полету. Большого не скажу, боюсь быть необъективным.

— Насколько я помню доклады слухачей, он на хорошем счету.

— Не спорю, но Хрусталева никто никогда не проверял в настоящем деле, в экстремальной ситуации. Это первая.

Дикушин опомнился, повернулся к виому, откуда на него смотрел уже взявший себя в руки Филипп.

— Не ищите его. Заканчивайте работу, наденьте скафандр и попытайтесь выбраться из станции через аварийный колодец.

Филипп кивнул, чувствуя, как деревенеет спина, словно от наведенного в затылок оружия, и лихорадочно принялся доделывать начатое. Через три минуты закончил пайку, отбросил лазерную насадку и быстро собрал блоки пульта. Затем по сигналу с базы проверил прохождение команд, скорректировал станцию по последним данным патрульных кораблей и подключил автоматику реактора к перестроенному на дистанционное управление пульту.

— Все! — выдохнул он, вытирая влажный лоб ладонью. — Что дальше?

Начальник сектора поднял руку, задерживая его, повернулся к встревоженным людям и стал что-то быстро говорить. Дежурные операторы базы тотчас же занялись какими-то переключениями на пультах и переговорами с невидимыми абонентами. Наконец Дикушин снова повернулся к Филиппу.

— Мы тут проанализировали положение, координатор подчиняется сейчас, после отстрела самостоятельности, звуковым командам. Найдите на третьей секции пульта голубую панель, нажмите красную кнопку и поставьте переключатель режимов в положение «А». Затем скомандуйте координатору включить двигатели. Достаточно трех-четырех импульсов на пределе тяги, чтобы уйти из-под удара луча.

— А заводы? — тихо спросил Филипп, стискивая зубы, чтобы никто не видел, как их разъедает коррозия дрожи: что

ж, умение достойно встречать опасность надо вырабатывать. — А Примарсианье?

— Заводы мы потеряем, — кивнул Дикушин, — но до Примарсианья луч не дойдет. Что вы рассуждаете?! — вдруг взорвался он. — Выполняйте приказание! Геройство проявить захотелось? Или для вас дисциплины не существует? Это уже не электрокарабин — помощней штучка!

Филипп понял намек, медленно покачал головой. С одной стороны, ему страшно хотелось послушаться совета и увести станцию с пути антипротонного сгустка, с другой — было ясно, жертва станции не напрасна, а разрушенные заводы, вынесенные с планет в невесомость, далеко не безобидное происшествие, да и выдержит ли поглощающий экран, создаваемый в дикой спешке, никто не знал, и никто гарантий дать не мог; с третьей стороны, в глубине души Филипп был доволен своим решением, что тоже имело немаловажное значение, ибо равновесие гордости, страха держалось у него не на самообладании, и он понимал это, а на самолюбии. Ему хотелось сказать что-нибудь «героическое», значительное, такое, что запомнилось бы всем до конца жизни, но он только шмыгнул носом и пробормотал:

— Я все-таки поищу Хрусталева, потом подожду Славу на выходе аварийного люка. Может быть, он успеет... До свидания.

Было страшно сделать только первый шаг, уведивший его от пульта, но он его сделал. Вслед неслись крики людей, требовательный голос Дикушина, но Филипп ничего не слышал, в ушах стоял струнный звон сирен: автоматы предупреждали экипаж станции о приближении грозной лавины энергии.

А в коридоре он наткнулся на Леона Хрусталева! Это было до того неожиданно, что Филипп отпрянул. Начальник смены стоял на коленях у стены коридора и пытался встать на ноги. Лицо его было разбито в кровь, руки изранены, и ничто в нем не напоминало того щеголя, который десять минут назад убежал за скафандрами.

— Что с тобой? — воскликнул Филипп, опускаясь на корточки.

Хрусталев поднял страшное лицо, судорожно ухватился за протянутую руку и, прошептав разбитыми губами: «Прости, это я виноват, «орех» готов», завалился набок.

Измученный Филипп подхватил Леона на руки и бегом устремился к боксу с «орехом». Он не знал, за что просил прощения Хрусталева, но был рад, что не придется искать его по всей станции в цейтноте. К этому чувству примешивались теперь и тревога за товарища, и сожаление, что он не послушался Дикушина. Спасать надо было двоих, а двое — это уже иная арифметика, и поэтому он спешил изо всех сил, зная одно — Томах постарается сделать все, чтобы вытащить их из готовой к взрыву «бомбы».

Ориентируясь по светящимся красным указателям в коридорах, Филипп нашел бокс с аварийным снаряжением, кое-как втиснул в разверстый люк «ореха» бесчувственного Хрусталева (где он умудрился так разбиться? Не успел сгруппироваться во время включения двигателей станции?) и влез сам.

Здесь и нашел их Станислав Томах, свирепый, как джинн, вырвавшийся из бутылки. Он сам врубил автоматику пуска «ореха», поймал его ловушкой спасательного шлюпа и рванул машину прочь так, что едва удержался на грани беспмятства от страшного удара ускорения, пробившего даже противоинерционную защиту. Еще через минуту позади уносящегося в бездну корабля вспыхнула красивая голубоватая звездочка, расплылась зонтиком чистого смарагдового пламени, стала гаснуть — это взорвался реактор СПАС-семь. Но через мгновение на этом месте вспыхнул другой свет — радужный шлейф, похожий на след парусника в светящейся воде: это засветился антипротонный луч, проходя через энергетическую преграду, созданную взрывом станции. Он странно вспенился, выбросив вперед и в стороны струи света, похожие на перья невиданной птицы, оставил после себя тающее изумрудное облачко и умчался, ослабевший, туда, где люди приготовили ему более достойного противника, победить которого он был уже не в силах.

Томах притормозил шлюп, дал в эфир «три двойки» — отбой тревоги, чтобы знали, что все в порядке, и вдруг, погрозив кулаком неведомо кому, ликуяще закричал:

— Что, взяли, взяли?!

Но если бы Филипп мог видеть друга в этот момент, он бы его понял.

Комплекс зданий Высшего координационного совета располагался у впадения в Оку ее левого притока Пры, в краю необъятных лесов, спокойных рек, многочисленных озер, заливных лугов и болот. Край этот носил название Мещера и лежал на рязанской земле — один из самых древних и красивых заповедных краев европейской тайги.

Еще пролетая над ним, Богданов несколько минут любовался убранством сосновых боров, дубрав по долинам рек и обширных лугов, пока с сожалением не констатировал, что слишком долго находился вне природы, не сливался с нею в одно целое, не проникался ее ритмом, чистотой и спокойствием, давно не снимал усталость с помощью ее целительного дыхания и, быть может, именно поэтому перестал в последнее время думать о Земле как о родине. Конечно, сказывалось еще и то, что семья его жила на Марсе — отец, мать, сын. Делия работала на кондитерской фабрике в Марсопорте, но это не могло служить оправданием ему самому, несмотря на полуторавековую привязанность пятого поколения колонистов Марса к своей планете; к этому поколению принадлежал и Богданов.

Но Земля... Не становится ли симптоматичным отрешение от всего земного у переселенцев? Или просто Земля постепенно расширяется до величины Солнечной системы?

Такие мысли, скорее грустные, нежели серьезные — привычка к логическому анализу настолько въелась в душу и кровь, что даже в абсолютной безопасности, в земном лесу, мозг искал некую систему отсчета, чтобы выявить несуществующую опасность и дать сигнал к действию, — приходили на ум Богданову, когда он шел за руководителями двух организаций, отвечающих за спокойное бытие человечества. Впереди шагал Керри Йос, чуть поодать Дикушин, Чеслав Пршибил и Иван Морозов, руководитель СЭКОНа, живое воплощение бога скорби. Богданов имел счастье не однажды встречаться с Морозовым в управлении, и каждый раз его поражало то ощущение глубочайшего несчастья, которое исходило от всей фигуры председателя комиссии. Он был молод, невысок и незаметен в толпе, и лишь страдающее выражение лица надолго врезалось в память, заставляя впервые сталкивающихся с ним людей в недоумении прикидывать причины несчастья, свалившегося на этого человека.

За деревьями иногда мелькали серебристые плоскости

зданий, напоминая о своей причастности к творениям рук человеческих, и Богданов изредка останавливал на них взгляд, удивляясь, что лес вокруг отнюдь не ухоженный, а дикий, самый настоящий, тайга.

Над головой внезапно вскрикнула птица, захлопали невидимые крылья. Первой реакцией Богданова была мысль броситься на землю, потом за доли секунды промчался каскад впечатлений и чувств: мгновенное напряжение мышц тела, поиск аналогий услышанному крику и звукам, недоумение, облегчение и, наконец, грустная усмешка в душе. «Заработался с техникой! — подумал он с некоторым удивлением. — Даже на птичий крик реагирую не по-человечески... Кому нужен такой профессионализм? Если на малейший шорох реагировать как спасатель в операции, надолго ли тебя хватит, инспектор?»

Шедший впереди Пришибил нагнулся, сорвал с кустика несколько ягод брусники и отправил в рот.

— Попробуйте, — предложил он, прищелкивая языком. — Я каждый день хожу по этим зеленомошникам пешком и не могу удержаться, чтобы не зайти в брусничник. Кстати, не удивляйтесь, что едите бруснику в сентябре, она здесь сохраняется до зимних холодов.

Богданов, все еще расстроенный самоанализом, тоже попробовал освежающих, кисло-сладких и одновременно горьковатых, терпких на вкус ягод и показал Керри Йосу большой палец.

— Вкусно, отведай.

Керри выбрал кустик покрасивее, нарвал горсть ягод, высыпал в рот, начал жевать и вдруг выплюнул ягоды.

— Проклятие!.. Смеетесь вы, что ли?

— Ты что? — встревожился Пришибил.

— Да брусника ваша!.. Дробь железная, а не ягоды!

Пришибил подошел, нагнулся к кустикам и засмеялся.

— Да это же толокнянка! — Он утешающе похлопал Керри по спине. — Неопытному глазу трудно с первого раза отличить ягоды толокнянки от брусники, так что не казись. У толокнянки листья кажутся свежее, совершенно плоские, посмотри, а у брусники загнуты вниз по краям и усеяны мелкими черными точками.

— Предупреждать надо, — буркнул Йос, ощупывая языком зубы.

Морозов, выглядывающий из кустарника, засмеялся тихонько. Потом засмеялся Богданов, а через секунду смеялись все.

— Ладно, отдохнули, — сказал наконец Пршибил и уселся на старый пенёк на вершине холма, окруженного со всех сторон заросшими мхом соснами.

— Что произошло на СПАС-сёмь во время катастрофы? — заместитель председателя Всемирного совета вытер руки о траву. — Садитесь, поговорим здесь. Думаю, аппаратура нам не понадобится.

— А что там произошло? — вопросом на вопрос ответил Дикушин и сел на траву.

— Я имею в виду старт шлюпа без экипажа.

— А-а, это... — Дикушин подумал и лег, не собираясь продолжать. Вместе него ответил Богданов:

— Глупая история. Старшему смены зачем-то понадобилось профилактически включить в шлюпе системы автономной безопасности, и киб-координатор шлюпа, естественно, узрел приближавшуюся опасность и стартовал... Вопрос, как мне кажется, непростой, потому что я не вижу в объяснении Хрусталева необходимой доказательности. И уверенности. Странно еще, что он не ушел на «орехе» один.

— Только не забирайся в дебри социальной психологии, — сказал Дикушин, лица его не было видно из травы. — Из-за этой обычной, по моему мнению, халатности, или как там ее назвать, могли погибнуть оба, да и сорвалась бы тщательно подготовленная операция по взрыву станции. Кстати, мне так никто толком и не объяснил, почему на СПАСе оказался Ромашин.

— Филипп — друг Славы, — нехотя сказал Керри Йос. — Томах готовит его в оперативники, а программу стажировки со мной не согласовал. Выговор за самостоятельные решения он уже получил. Джентльмены, имею честь сообщить вам, что причины катастрофы на космотроне известны, но они несколько нетривиальны, поэтому я и настоял на встрече здесь, обеспечив полную секретность разговора: район блокирован.

— Будто нельзя было обеспечить секретность в отделе, — пробормотал Дикушин. — Играем в таинственность, как дети...

— Хотел бы я просто играть, — вздохнул Керри Йос. —

Так вот, космотрон взорвался потому, что его атаковал ракетный катер, вершина военно-космической техники двухвековой давности.

Дикушин молча поднялся из травы и уставился на Керри, Чеслав Пршибил перестал растирать в ладонях листики брусники и, нахмурившись, посмотрел в лицо руководителя отдела безопасности.

— Как ты сказал? Ракетный катер?!

— Автомат с ядерным боезапасом. Его нашли случайно при очистке зараженной радиоактивной пылью зоны от прошедшего антипротонного луча. Вернее, нашли часть устройства: сделав залп, оно, видимо, не успело уйти далеко, и луч уничтожил большую его часть. Несколько дней эксперты вертели в руках этот обломок, ну а вывод вы слышали.

— Да, страшное наследие! — нарушил молчание Морозов. — На моей памяти это второй случай подобного рода.

— А первый? — заинтересовался Пршибил.

— Взрыв прогулочно-туристского теплохода в Японском море около двадцати лет назад.

— Я помню, — кивнул Керри Йос. — Какие-то мерзавцы почти двести лет назад оставили в пещерах скал Лианкур самонаводящуюся торпедную установку с ядерными боеголовками... Наследие, что и говорить, страшное! До чего жуткие формы может принимать равнодушие, если нам до сих пор приходится расхлебывать последствия его действия!

— Почему равнодушия? — пожал плечами Дикушин. — По-моему, здесь уместен другой термин — злоба! Или ненависть.

— Нет, дорогой Влад, злоба и ненависть — просто термины равнодушия, вернее не скажешь. Достаточно вспомнить потрясающее равнодушие предков к загрязнению среды, последствия которого мы ощущаем по сей день! До сих пор ведь работают очистные установки в океанах и на суше.

— На двадцать первое намечено торжественное выключение установок в Тихом океане, — сказал Пршибил. — Вероятно, этот день объявят праздником.

— Праздником Памяти Ошибок! — фыркнул Дикушин. — Неумно это, ибо праздновать мы будем осознание человеком своей глупости и неадаптивности.

— Не согласен, — сказал Морозов. — Почему бы человечеству не вспомнить цену ошибкам? В том числе и цену рав-

нодушию? Прав Керри, до сих пор мы наблюдаем рецидивы равнодушия, и наше дело лечить эту болезнь, чтобы она не выросла до космических масштабов. Представить страшно, что может натворить в наше время один человек, вооруженный технической мощью цивилизации! Однако мы действительно уходим от темы нашей встречи, решение социальных и психологических, моральных и этических проблем — удел соответствующих органов ВКС и СЭКОНа, не так ли? — Морозов повернулся к поникшему Пришибилу.

— Я это знаю, — ответил тот. — Но не стал бы делить функции столь категорично, мы — и ВКС, и СЭКОН¹, и УАСС — в одинаковой степени ответственны за человечество, за человека как элемент общества и за человека как личность.

Морозов кивнул, соглашаясь.

— Теперь еще одно сообщение, — сказал Керри Йос после недолгого молчания. — Пока что мы решали внутреннюю, так сказать, «домашнюю» проблему, «семейную беду», но есть и проблемы внешние, и здесь не все так ясно и просто. Никита, введи их в курс дела.

Богданов снял с руки браслет видео, положил на срез пня и, пояснив: «Домашняя заготовка», включил запись.

На поляне зазвучал голос Богданова и повел рассказ о «зеркальных перевертышах» и многом другом...

Томах шагнул вслед за Богдановым в кабинет начальника отдела и остановился. Керри Йос стоял на четвереньках возле стола-пульта и кашлял. Из распахнутых внутренностей стола, как из печки, валил синий горький дым.

Аппаратура инженерно-технического обеспечения, очевидно, вырубилась, и кабинет представлял собой голую серую комнату с закругленными углами, неудобную до неприличия.

Керри Йос заметил вошедших, встал и вытер слезящиеся глаза.

— Слаботочные системы!.. — пробормотал он. — Это на-

¹СЭКОН — комиссия социального и этического контроля за опасными исследованиями.

зывается слаботочные системы! Проходите, чего встали. Сесть не предлагаю, не на что пока.

— Вызвать техника? — предложил Богданов.

— Через минуту прибежит сам, должна была сработать линия аварийного оповещения.

— Авария в Управлении аварийно-спасательной службы! — фыркнул Томах. — Нарочно не придумаешь.

— Разве первый раз нас подводит техника? — спросил хладнокровный Никита. — Забыл историю с коггом Хрусталева?

Томах перестал улыбаться и пожал плечами.

— Все равно это нетипично, вот и смешно. А техника, кстати, делается человеческими руками.

— Что ты хочешь сказать?

— Кто-то не слишком добросовестно смонтировал стол, вот и все. В этих словах можно найти объяснение любой аварии: «Не слишком добросовестно». Кстати, в конечном итоге и это следствие равнодушия. Да-да, равнодушия: к работе, к порученному делу, к результату своего труда.

— Пресловутая теория равнодушия... Скоро ты станешь применять ее везде, где можно и где нельзя.

— Разве я не прав?

— Прав, — буркнул Керри Йос, горестно пригнувшись к запахам сторевшей изоляции, нагретого пластика, металла. — Но не увлекайся. И вообще соперничать в остроумии разрешено только вне кабинета. Докладывайте о проделанной работе.

Богданов вынул из кармана белых брюк кассету видеозаписи и протянул начальнику отдела.

— Здесь подробный отчет.

— Потом просмотрю. Вкратце основные положения.

— Сесть бы... — сказал Томах себе под нос, озираясь. — Надо было вместе с конформной мебелью предусмотреть обычную.

Керри и Никита посмотрели на него с одинаковым выражением, но в это время в кабинет вошел молодой человек в синем универсальном костюме техника. Он вкатил за собой низкую тележку с какими-то коробками, вежливо поздоровался и подошел к столу. Видимо, ему не надо было объяснять, что делать.

Он вскрыл боковину стола, достал оттуда моток тонкого

шнура-световода со штекером, разматал шнур и воткнул штекер в разъем на стене у пульта. Потом подключил к блокам в нескольких местах миниатюрные датчики в коробках, соединил их паутиной проводов, надел на голову эмкан и принялся за устранение неисправностей. Все это он делал так быстро, споро и со вкусом, что у молча наблюдавших за ним инспекторов «слюнки потекли» от его профессиональной, мастерской работы.

Через несколько минут русоволосый техник снял эмкан, потряхнул чубом, улыбнулся смущенно, заметив, что за ним наблюдают, и с треском отсоединил несколько блоков стола, маслянисто-желтоватых, узорчатых, словно изъеденных жуком-древоточцем.

— Вот причина дыма. — Он бросил тяжелые кубики в коробку; на блоках не было видно ни одного следа пожара. — Кто-то перепутал сигнальные и силовые разъемы видеопласта, произошло небольшое КЗ¹, и автомат защиты вырубил всю аппаратуру кабинета. Сейчас все будет работать.

Техник вставил в гнездо на столе странной формы ключ, и тут же одна из стен превратилась в окно, а остальные приобрели нормальную янтарно-золотистую окраску.

— Все. Разрешите идти?

— Идите, — сказал Керри Йос. — Спасибо. Да, постойте, а блоки! Вы же вынули из стола какие-то блоки...

— А, это... — Парень собрал инструменты и покатил тележку к двери. — Я заменил неисправные системы дублирующими. Как-нибудь принесу смену и вставлю. До свидания.

Дверь закрылась.

— Он принесет, — успокоил начальника Томах с изрядной долей иронического сочувствия. — Если только «кто-то» снова не перепутает разъемы... не представляю, как это можно сделать.

Керри Йос почесал затылок и, обойдя стол, сел в свое «официальное» кресло, выращенное автоматом. Тронув нужные сенсоры, вырастил стулья для посетителей, и они сели, посерьезневшие, словно только сейчас вспомнили о статусе начальника отдела безопасности УАСС.

¹КЗ — короткое замыкание.

Керри выбрал видеокомпозицию, кабинет превратился в любимый ему уголок джунглей Мадагаскара.

— Ромашин признался, что встретил «зеркальный перевертыш» на Земле, — начал Богданов, — причем у себя в кабинете, и принял его за фантом «динго». И еще он говорит, что часто видел подобные «зеркала» в детстве: они сопровождали все его игры и возникали и исчезали внезапно. Но в те времена он не искал им объяснений — не представляли интереса.

— Это точно?

— Если верить Филиппу, да, а я склонен ему верить.

— И все же документально подтвердить это невозможно. Возьмем на заметку, хотя я и не верю, что Наблюдатель действовал двадцать лет назад, следя за одним человеком. Мелко это для него... если только... Вы предлагали Ромашину стать спасателем-безопасником? Стажировка стажировкой, а его желания могли измениться.

— С ним все в порядке, характер у него есть.

— Не спешим ли мы? Я слышал, он сделал какое-то открытие в области ТФ-связи.

— Вывел формулу ТФ-трансгрессии, за что и получил степень магистра технических наук.

— Но, насколько мне известно, он не смог довести работу до конца. Терпения не хватило или смелости?

«Однако, — подумал Станислав, — ну и осведомленность у Керри!»

Вслух же сказал:

— Дело не в терпении или смелости. Просто наша земная математика пока не в силах постичь всю глубину открывшейся проблемы. Не доросла. Филипп не захотел работать над локальными задачами, не осилив всей проблемы сразу. — Максимализм в высшей степени! Мне это не очень-то нравится. А что за проблема? Говоря проще, я не ТФ-физик.

— В формуле Ромашина — под таким названием она и войдет в научную информатуру — заложена потенциальная возможность передвижения на сверхдальние расстояния без громд метро.

— Идея интересная! Способный парень. Может быть, ему место не в оперативном секторе, а, скажем, в техническом центре управления? На крайний случай в бригаде эфнали-тиков.

— Я предлагал ему альтернативу, но он выбрал оперативную работу.

— По правилам, ему бы надо пройти испытательный срок...

— Конечно, что он и делает. Программу испытаний я составил лично, сегодня представляю на ваш суд. Но случай на СПАС-семь, мне кажется, в какой-то мере помог Филиппу определиться. Работа в Институте ТФ-связи и спортивные достижения давались ему слишком легко, что и определяло его кредо-скольжения по жизни, а он самолюбив и, познав вкус борьбы, многого добьется. В нашей же работе борьбы хватает: со временем, с пространством, с обстоятельствами, с самим собой, наконец. К тому же у него есть личная цель.

— Звучит интригующе.

— Нет, все просто — любовь. Хотя для него как раз все очень непросто. Но если он выиграет и это сражение, быть ему...

— Кем же?

— Начальником отдела.

Керри Йос, хмыкнув, посмотрел на Богданова.

— Твое мнение?

— Ему виднее, — заметил Никита. — Поживем — оценим. Я, например, ни разу не видел Ромашина в игре, а Слава так увлеченно расписывал его достоинства как волейболиста, что разжег во мне любопытство.

— Скоро чемпионат Системы, я тебя свожу, — пообещал Томах.

— Ладно. — Керри Йос ткнул пальцем в сенсор на пульте под мигающим индикаторным окошком и, бросив: «Занят, освобожусь через полчаса», произнес: — Мы уклонились от темы. Что еще?

— Мы провели информационный поиск, — продолжал Богданов свой короткий доклад. — За всю историю метро грузы исчезали четырежды: два нам известны, третий — двадцатипятилетней давности история со спасательным шлюпом и четвертый — в самом начале эксплуатации линий метро, протянутых к звездам.

— Уточнили, какие именно грузы не дошли до назначения?

— Я как раз к этому и подхожу. Во всех случаях, кроме второго, исчезало оборудование терраформистов: туннелепро-

ходчики, лазерные комбайны, автоматы гравитационного взрыва, плазморезы и так далее.

Помолчали.

— Интересный факт, — тихо сказал Керри Йос.

— Вернее, настораживающий, — уточнил Богданов. — Но пока это информация к размышлению, не больше. С выводами подождем. По «зеркалам» сведения собрать было труднее, и, хотя многое сделано, наши запросы в главные информрии и банки данных ВКС, Академию наук и архив погранслужбы остаются открытыми. Единственная удача — нечто похожее на «зеркала» наблюдалось на Марсе около ста лет назад в ущелье Грез, область Малого Лаокоонова Узла.

— Я был там, — кивнул Томах в ответ на вопросительный взгляд начальника отдела. — Сейчас там ничего нет, имею в виду «зеркала», а вообще ущелье Грез — красивейшее место марсианских оазисов. Хорошо, что предки сообразили не трогать ландшафты ущелья. В связи с чем у меня возникла мысль провести один эксперимент.

— Слава богат на сумасшедшие идеи, — серьезно сказал Богданов. — Хотя, не спорю, некоторые из них плодотворны. Сегодня, например, он предложил провести поиск «зеркал» на Земле среди АЯ или НЛО.

— Чего-чего? — переспросил Керри Йос.

— АЯ — аномальные явления, НЛО — неопознанные летающие объекты. Последние потрясли Землю почти три века назад. Первые сведения о них появились в девятнадцатом веке, максимум противоречивой информации падает на двадцатый, ну а в двадцать первом — закономерный спад.

— Почему закономерный?

— Потому что информация об этих объектах в основном бездоказательна, сугубо личностна, спекулятивна и носит характер дутый, а подчас и подстроенной сенсации.

— Тогда в чем ценность идеи?

— В том, что из десятков тысяч «достоверных» появлений НЛО и аномальных явлений можно выбрать около полусотни таких, в которых они действительно необъяснимы даже с научной точки зрения нашего столетия.

— Это ничего не доказывает. Возможно, через сто лет или даже меньше и эти наши «действительно необъяснимые» явления станут легко объяснимыми наукой того времени. И все же идея небезынтересна. Какие же случаи вы отобрали?

- Самые интересные из них — четырехугольные «зеркала».
- Даже «зеркала»?

— Вот именно. Появление этих «зеркальных» НЛО отмечено в тысяча девятьсот сорок пятом году над Японией, в тысяча девятьсот восемьдесят втором году над Китаем после испытаний ядерного устройства, в тысяча девятьсот девяносто втором на территории Соединенных Штатов Америки во время испытаний одной из установок пучкового оружия и в тысяча девятьсот девяносто девятом на Луне. Всего известно пять случаев. Естественно, тогда не было такой аппаратуры анализа, как сейчас, и характеристики объектов бедны. Но тут нужно мнение специалиста, возможно, некоторые параметры «зеркал» характерны и для наших. Поиск не окончен, и, может быть, в прошлом отыщутся новые следы. Вопрос — чьи?

— Да, негусто. — Йос характерным жестом погладил шрамик над бровью, сцепил пальцы на груди. — Главное, чего мы не знаем, какие последствия несут появления «зеркальных перевертышей», странные пропажи грузов... Да и смерть Василия я отношу пока в разряд тех же таинственных событий... пока не убедимся в отсутствии между ними связи. Поэтому никому из нас не придется спать спокойно. Через неделю, двадцать девятого, состоится закрытое совещание Совета безопасности, к этому времени вы должны быть готовы к принятию тревоги по форме «Шторм».

— Ого! — поразился Богданов. — Отделу безопасности будет дан «Шторм»?

Удивлялся Никита не зря. По форме «Шторм» вся полнота власти над деятельностью УАСС, гигантской защитной системы человечества, ветви которой протянулись в пространство на десятки парсеков, к другим звездам, сосредоточивалась у одного сектора или отдела, а не Совета безопасности, руководившего обычной оперативной работой будней. На памяти Богданова еще ни разу совет не разрешил применить форму «Шторм», даже в недавних событиях со взрывом космотрона.

— А ты думал, проблема пустяковая? — прищурился Керри Йос. — Нет, брат, если вдуматься, мы на пороге кардинальных событий. Земля контролирует область пространства диаметром всего около двухсот парсеков, хотя «контролирует» — слишком сильно сказано. В этой области обнаружено

только две цивилизации: наша и, удержитесь от иронии, орилоухская. Так? И если «зеркала» суть аппараты чужого разума, то легкость их появления и вездесущность ставят их создателей на ступеньку выше нас, а может быть, и не на одну. Разгадать смысл всех их действий — значит определить стратегию человечества в прямом контакте. Понятно? Отсюда и «Шторм». Я знаю, уже много лет наш отдел не имеет такой нагрузки, как остальные отделы управления или погранслужбы, что ж, пришло время. Только не думайте, что я страшно рад этому, наоборот, я был бы рад, если бы и впредь отдел общественной безопасности не имел работы, тем более в глубоком космосе. Слово «тревога» у безопасников звучит по-иному, чем в других отделах: там спасатели ведут борьбу с природными явлениями, мы же вынуждены сталкиваться с разумом, чаще со своим собственным, реже с другими. Тем тяжелее ответственность, тем выше цель, тем больше спросят с нас в случае ошибки.

Керри замолчал, глаза у него стали печальными.

— Все, ребята, идите. Но помните — менторствую я оттого, что вижу дальше вас.

— Ты нам не все сказал, — помолчав, произнес Богданов.

Йос задержал на нем изучающий взгляд.

— На сегодня я сказал все.

Богданов кивнул и встал.

— Пошли, Слава.

Начальник отдела проводил их задумчивым взглядом и подумал, что Богданов вполне способен заменить его на посту главного координатора отдела, интуиция у него развита неплохо.

Глава 6

СТАРЫЙ ЗАВОД

Диктор был очень молод и заметно волновался, хотя вполне могло быть, что волнение рождено актерским талантом. Во всяком случае, это не мешало ему вести передачу.

— Друзья! В программе центрального информвидения торжественное выключение очистных автоматических установок Тихоокеанского пояса! Наши видеокамеры установлены...

Филипп полюбовался стальным зеркалом океана, снимаемого с высоты двух километров, и выключил информ. Настроение было неважным, и не столько из-за последних событий, сколько из-за мыслей об Аларике. Он вскочил с дивана, кругами походил по комнате и снова сел.

Что делать? Поговорить с ней напрямик? О чем? Сказать: «Аларика, я работаю в управлении, что тебе еще нужно?» Нет, некорректный прием, по выражению Реброва. К тому же он пошел в спасатели не для того, чтобы произвести впечатление на близких. Кстати, что же ей нужно в действительности? Обрел ли он цель в жизни, перейдя в отряд безопасников?

Филипп пожал плечами, подошел к домашнему видео, нерешительно набрал телекс Аларики и тут же стер цифры.

«Я теперь как рыцарь на распутье: направо поедешь — коня потеряешь, прямо — голову, а налево... запомнил, что там потеряешь, если поедешь налево, тоже, наверное, что-то нужное. А у меня что получается? Направо — это спортивная арена: игрок, потом, возможно, тренер. Налево — конструкторская работа: конструктор, потом начальник отдела, потом директор института, почему бы и нет? А прямо? УАСС? Управление аварийно-спасательной службы?»

— УАСС, — повторил Филипп вслух и засмеялся невесело. — Странное слово... плач ребенка и полусвист-полушипение змеи... Безопасник, инспектор...

Он задумчиво покачал головой.

— Не очень надежный прогноз. С чего вдруг Слава решил, что это мое призвание? Не может быть, чтобы со стороны было видней.

Мысли снова вернулись к Аларике. Он начал вспоминать ее походку, жесты, смех, то, как она, слушая собеседника, откидывает со лба прядь волос или смеется... Вспоминал запах ее тела, вкус губ... Вспоминал нежность рук и упругость кожи... и не мог вспомнить! Память на этот раз почему-то не могла найти выхода из тумана пятилетнего забвения. Может быть, потому что перед глазами все время стоит Аларика сегодняшняя? Совершенно чужая, неприступная, иронично-недоверчивая... и чего-то ждущая... Потом стал думать о себе, пытаюсь трезво оценить свои возможности и сосчитать достоинства, не обращая внимания на саркастические замечания «я»-скептика.

Посидев еще несколько минут и разочаровавшись в себе до глухой досады, он с усилием выбрался из дебрей самоанализа, потом, будто бросаясь в ледяную воду, набрал телекс Аларики.

— Здравствуй, — сказал он, вглядываясь в ее милое усталое лицо.

— Привет, — сказала она ровным голосом.

— Я хочу тебя видеть.

— Разве у тебя не включена обратная связь?

— Не по видео. Может быть, встретимся?

— Ты уверен, что хочешь этого?

Видимо, несмотря на попытку самоконтроля, у него вытянулось лицо, потому что в глазах женщины мелькнула усмешка — «младшая сестра пощечины», как однажды выразился Станислав.

— К сожалению, сегодняшним вечером я занята. У Мая день рождения, и мы идем в «Мещеру».

— Мне туда нельзя?

— Нельзя.

— Тогда привет Маю.

— До связи, конструктор.

Аларика кивнула, и виом опустел.

Поговорили...

Филипп несколько минут рассматривал пустой объем работающего вхолостую аппарата и ни о чем не думал. Чувство внезапной потери подхватило его на гребень отрицательных эмоций, оглушило, потащило в бездну памяти. Ситуация повторялась. Но если Аларика не запретила звонить, значит, не все еще потеряно? Правда, некогда было разбираться, есть ли что терять... впрочем, есть, не надо обманывать себя. Отчего все его беды? Он никогда не страдал от избытка решительности, умения настоять на своем. Может быть, в этом все дело? Вперед под девизом «Проснись, мужчина!»?

Филипп вспомнил разговор с Томахом, происходивший почти четыре года назад, когда он признался другу в том, что потерял любимую. Станислав тогда впервые вспылил.

— Постой, постой, — утрюмо сказал он в ответ на признание. — Ты плачешь, мальчику больно... Но разве ты пытался изменить ход событий?! Пытался вернуть ее, убедить в своей любви, в мужестве, в красоте, в силе, наконец?! Нет! Ты просто сделал красивый жест: прощайте, сударыня, коль я вам

неугоден, будьте счастливы. Браво, какой благородный жест! А о ком ты думал, когда хлопал дверью? О ней? Ты думал о себе! Так чего же ты хочешь, отказавшись от борьбы? Чего ждешь от меня? Сочувствия? Да разве мое сочувствие спасет тебя от самого себя?

— От самого себя, — тихо повторил Филипп. — Ты прав, Слава, от самого себя не спасет.

Он очнулся, бросил взгляд на циферблат универсальных часов — шел третий час дня — и, потянувшись так, что хрустнули кости, побежал в душ.

Сумматор моды выдал ему вечерний туалет для осеннего сезона Европейской географической зоны, и Филипп долго не мог прийти в себя от изумления. Он даже повторил заказ, но получил тот же костюм: сплетенный из темно-серых нитей, с искрой, пиджак, золотистую рубашку и такие же брюки, но плетенные из широких лент. Дополняли костюм туфли, мерцающие огнями.

Вздохнув, Филипп облачился в костюм, несколько минут рассматривал себя в зеркале и, в общем, остался доволен. Модельеры, несомненно, знали свое дело: костюм был строг и гармоничен, Филипп в нем выглядел прекрасно.

Он уже собирался уходить, когда мягкий звон вызова заставил его подойти к виому. Это был Ивар Гладышев, загорелый до черноты.

— О! Красавец мужчина! Ты куда это собрался?

— По делам, — смутился Филипп. — Что, плохо?

— Нет-нет, — засмеялся Гладышев. — Я же говорю — выглядишь соблазнителем женских сердец, костюм превосходный. А я хотел пригласить тебя к нам. Кира сдала последний экзамен, и теперь она мастер по эстетической организации замкнутых пространств. Звучит? Будет работать в Лунном Институте видеопластики. Кстати, вместе с Аларикой, как говорили раньше — с невесткой Мая Реброва. Помнишь?

— Помню? А-а... да, конечно.

— Ага. — Гладышев понимающе кивнул. — Мне показалось, что у тебя легкая потеря памяти, с волейболистами это бывает. Значит, не придешь? Жаль, будут все наши: Журавлев, Павлов, Сережа, Кристо... Не жалеешь, что ушел в СПАС-службу?

Филипп покачал головой.

— Некогда жалеть.

— Однако счастливым ты не выглядишь.

— Смотри глубже, о всевидящий! — Филипп усмехнулся. — Проглядишь главное. Просто у меня поменялась полярность счастья. Если честно, я словно рыцарь на распутье. Знаю только, что идти надо в ту сторону, где можно или все найти, или все потерять. Что гораздо легче.

— Понятно. Вижу, в советах ты не нуждаешься, но все же прими по старой дружбе один: не бойся выйти в чемпионы мира по ошибкам, а не ошибается только тот, кто ничего не делает. Ну, желаю удачи. Надумаешь — приходи, будем рады.

Ивар улыбнулся, и его изображение растаяло.

— Еще один наставник... — пробормотал Филипп, однако произнес он эти слова не раздраженно, а задумчиво. Советы Гладышева никогда не были менторскими, навязчивыми, как и его доброта. Ивар обладал редким даром понимать другого человека, проникаться его мыслями и чувствами, сострадать, сорадоваться, сопереживать, и души его хватало на всех...

Без пятнадцати минут шесть Филипп покинул стоянку такси и смешался с толпой людей третьего метро Рязани. Кратчайший путь в знаменитый рязанский банкетный зал «Мещера» шел именно от этого метро. Конечно, Ребров и его спутники могли избрать и другой путь, более длинный, но Филипп почему-то был уверен, что рационализм Мая Реброва не позволит тому отклониться от самой короткой и проверенной «траектории». Поскольку перед этим Филипп узнал точное время банкета, он заранее рассчитал, когда Ребров может прибыть в Рязань.

Поток людей постепенно увеличивался. Многие возвращались с работы — те, кто имел обыкновение начинать ее поздно или поздно заканчивать или шел на дежурство и возвращался с него, но в основном все спешили по личным делам, как и Филипп. На него посматривали искоса, с доброй усмешкой, все-таки до вечера было еще далеко, и его костюм выделялся на общем деловом фоне.

Он встал возле входа в распределительный зал, чтобы сразу увидеть Аларику, когда она появится в дверях. В зале было сто сорок восемь кабин, люди входили и выходили непрерывным потоком, и приходилось напрягать внимание, надеясь на свою реакцию и память жеста.

Он не ошибся. Ребров появился в четверть седьмого под руку со своей женой, похожей на него строгим лицом. Аларика шла сзади, ведя под руки двоих молодых людей, в одном из которых Филипп с неудовольствием узнал Хрусталева.

Она всегда одевалась со вкусом, вот и сейчас на ней был строгий костюм: дымчато-голубой жакет с черным поясом и палевые брюки, напоминающие кружевную ткань клена. Этот костюм делал ее изящной, тонкой, женственной и до боли желанной... Едва ли обнаженное женское тело сказала бы Филиппу больше, чем костюм женщины, и он стоял и смотрел, волнуясь, пока не заметил, что на Аларику засматривается не только он один. Тревожное чувство неустроенности, проистекающей из того факта, что Аларика оставалась далекой и чужой, охватило его душу.

Она прошла рядом, в двух шагах, не заметив его, и оставила тонкий и нежный запах маттиолы, запах, многие годы мучавший его, заставлявший в толпе искать любимую.

Филипп пошел сзади, стараясь не отстать и одновременно не показываться на глаза всей компании. В таком порядке проследовали к стоянке такси — от метро до «Мещеры» было около десяти минут лета. Компания стала рассаживаться по машинам, Аларику тянули сразу в две стороны, она смеялась, оглядывалась на что-то говорившего ей Реброва, и в этот момент Филипп с риском сшибить кого-нибудь на пути подогнал свой миниатюрный пинасс с открытым верхом вплотную к женщине, чуть не сбив с ног Хрусталева, потянул Аларику за рукав, и та от неожиданности села, почти упала на сиденье. Пинасс тотчас же взмыл в воздух, оставив онемевших от изумления друзей и приятелей Аларики, и спустя несколько секунд здание метро скрылось из глаз.

— Интересно, — очень спокойно проговорила Аларика, поправляя волосы. — Я так и думала, что ты что-нибудь выкинешь.

Филипп задал курс киб-пилоту и повернулся к ней, молчал, не отводя взгляда. Она так же молча смотрела на него. Потом едва заметно улыбнулась.

— Ты стал неразговорчив.

— Это достоинство или недостаток?

— Пока не знаю. Раньше ты говорил больше. Тебе не кажется, что ты позволяешь себе слишком многое? Впрочем,

это не важно. — Она вздохнула. — Поворачивай и вези меня обратно.

Он отвернулся, пробормотал:

— Нет.

— Нет? — удивилась она. — У тебя хватит решимости не послушаться меня?

— Хватит.

— Тогда мы поссоримся.

Теперь улыбнулся Филипп.

— Я считал, что наши ссоры канули в прошлое.

Аларика прикусила губу, с интересом оглядела Филиппа, словно видела его впервые.

— Так. Похищение, значит. Похищение века! И куда же ты меня везешь, похититель? В свой родовой замок? В замок людоеда, который ты отнял у несчастного?

— Нет, на завод.

— На завод?! — Аларика не могла скрыть растерянности и засмеялась. — Ну и фантазия у тебя, пан спортсмен.

— Это не совсем завод, как бы памятник заводу. Ему уже лет двести, и он не работает, законсервирован. Я часто прилетаю туда, помогает думать.

— Ты уверен, что мне нужно думать?

— Нет, — помолчав, сказал Филипп, — не уверен. Но мы пролетели уже полпути.

Аларика откинулась на сиденье, искоса наблюдая за лицом Филиппа. Покачала головой и улыбнулась, представив, что сейчас творится у метро Рязани.

— Меня будут искать.

— Хрусталеv?

Молчание.

— И он тоже. Наблюдательность? Или ревность?

— И то, и другое.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись. В этот момент пропел трезвучный сигнал вызова.

— Слушаю, — отозвался Филипп с заминкой, ткнув пальцем в сенсор связи.

— Аларика? — раздался характерный, глуховатый, но твердый голос Реброва. — Аларика с вами, Филипп?

Женщина зажала Филиппу рот ладонью и наклонилась к пульту.

— Я здесь, Май. Не беспокойся, скоро вернусь, похититель жизнь мне гарантирует.

Тишина и дыхание фона в приемнике.

— Хорошо. Ждем.

Звонок конца связи.

Они продолжали сидеть в том же положении, пока пинасс несея над облаками в коридоре скоростных трасс. Потом Филипп поцеловал ее ладонь, и Аларика убрала руку.

— Однако быстро он нашел нашу волну! Не ожидал такой оперативности!

— Он все может, ты плохо его знаешь. Скоро там твой завод, похититель? Как ты на него набрел? Кстати, мне действительно надо быть в «Мешере», хотя бы через час, иначе Май обидится.

— Я понимаю, не волнуйся, твое возвращение в «Мешеру» я тоже гарантирую. Что касается того, как я набрел на завод, то тут все просто: мне показал его отец, когда мне было всего восемь лет. Его деды работали в промзоне, на этом заводе, а он хранил память...

Несколько минут прошло в молчании. Филипп изредка ловил на себе взгляды Аларики, но в ее сторону не смотрел, боялся спугнуть минутное свое счастье. «Пытка ожиданием, — думал он, каждой клеточкой тела ощущая присутствие Аларики. — Самая мучительная из пыток! Недаром кто-то из предков увековечил ее словами: «Если бы люди строили Дворец Счастья, самым большим залом был бы в нем зал ожидания»¹. Я уже просидел в этом зале по своей вине несколько лет, сколько еще осталось?»

Наконец пинасс, ведомый киб-пилотом, достиг Каховского моря и остановился в воздухе, предупредив пассажиров гудком, что дальше пути не знает. Филипп взял управление на себя.

Пинасс спикировал на свободную от леса площадку, мелькнули в стороне странные конструкции и пропали за старой тополиной рощей. Филипп лихо посадил машину на поляну возле заросшей ивняком и лозой просеки. В той стороне, куда уходила просека, виднелись какие-то здания серого цвета, четыре громадных конуса из металлических плит и ферм, высокие закопченные трубы и мачты.

¹А. Эроз.

Аларика, с интересом оглядываясь, прошла по поляне, почти лишенной растительности, нагнулась.

— Странно... Почему здесь не растет трава?

— Потому что под нами не земля, а бетонная площадка, этому бетону уже два века, видишь, как потемнел?

Филипп подал Аларике руку и повел за собой к просеке, обходя кусты и молодые тополя. Через несколько минут они выбрались на свободное пространство перед высокой, черно-коричневой, в ржавых потеках стеной одного из корпусов завода. Все видимое пространство у стены и в просветах между деревьями занимали шедшие параллельно земле пучки труб от тонких, толщиной в руку, до громадных, двух- и трехметровых в диаметре.

Аларика споткнулась о какой-то ржавый выступ, тянувшийся довольно далеко и исчезавший в стене подступающего вплотную к зданиям леса. Рядом параллельно первому тянулся второй такой же выступ.

— Что это?

Филипп оглянулся.

— Это рельсы, железная дорога.

— Они такие... я не узнала. Как здесь странно пахнет...

Филипп кивнул. У стен корпуса витал неистребимый запах ржавого железа, мазута, асфальта и угля, весь комплекс заводских запахов двадцатого века, хотя завод не работал, по крайней мере, полтора столетия, с тех пор как вступили в строй заводы матричной репликации, вынесенные в космос. Но запахи продолжали жить, напоминая об ушедших в прошлое веках железа, пара, стали и каменного угля. Конечно, металлы использовались человеком и сейчас, и в гораздо большей степени, чем сто и двести лет назад, но, во-первых, современные металлургические заводы-автоматы ничем не напоминали прежние, они представляли собой самостоятельные комплексы с замкнутой технологией по добыче и переработке руд, установленные прямо в местах этой добычи, во-вторых, металлы ушли из быта людей в космос, под землю, в лаборатории, а основную тяжесть обихода приняли на себя полимеры и активные композитные материалы.

«Экскурсанты» медленно прошли вдоль стены корпуса, огибая выходящие из бетонных колодцев трубы, антенны, заглядывая в распахнутые двери. Один раз даже зашли в ворота, из которых выходили нитки ржавых рельс. В темноте

смутно угадывался громадный объем цеха, решетчатые пролеты кранов, лестницы, фермы под потолком на высоте добрых полусотни метров, едва освещенные сочившимся сквозь запыленные ряды стекол светом. Цех был длинным, чуть ли не километровым, и по мере того, как глаза привыкали к полутьме, в его чреве постепенно проступали контуры каких-то застывших машин, конструкции, круглые туши ковшей для разливки стали, колонны изложниц — Филипп не первый раз посещал завод и успел изучить названия его оборудования.

— Пойдем, не бойся, — сказал он, обнимая Аларику за плечи. Голос гулко взлетел под шатер цеха и вернулся басовитым уханьем. Аларика не отстранилась.

— Прохладно здесь... и страшно.

— Чего же тут страшного? — удивился он. — Никого нет.

Они подошли к одной из конструкций высотой в два десятка метров, сработанной из металлических швеллеров, громадных цилиндров, положенных на бок и утопающих в мешанине труб, лесенок, загоронок и настилов.

— Мартен, — сказал Филипп. — Устройство для выплавки стали, последний из оставшихся, остальные вымерли, как динозавры.

Аларика посмотрела вверх и потянула его за рукав.

— А это, над нами?

Филипп проследил за ее взглядом.

— Это мостовой кран, видишь крюки? На них вешали ковш и перемещали расплавленную сталь к другим установкам цеха.

С крюков свешивалась железная цепь, Филипп толкнул ее от себя, раздался металлический скрип.

Аларика поежилась, оглянулась.

— Мне почему-то кажется, что за нами кто-то наблюдает.

Филипп рассмеялся, хотя ему тоже стало не по себе.

— Будет шутить, никого здесь нет. Завод обычно пуст, экскурсии посещают его редко, тогда здесь бывает шумно. А сейчас... — Он замолчал. Показалось, что вверху, под потолком, возникла зеркальная плоскость, изогнулась пузырем и лопнула. С минуту прислушивался к грустной тишине цеха, чувствуя вздрагивающий локоть Аларики.

— Тебе показалось. Под крышей гнездятся птицы, вот и все.

Он привлек Аларика к себе, поцеловал в губы, потом стал целовать плечи, шею, руки, пока она вдруг не оттолкнула его, выдохнув:

— Нет!.. — И чуть тише еще раз: — Нет, Филипп... не надо, прошу тебя.

Он стоял, опустив руки, и эхо шуршало из всех углов гигантского помещения обрывками слов: нет, нет, нет...

Потом Аларика взяла его за руку, робко, как никогда раньше.

— Не сердись, пожалуйста, и прости... я сама дала повод... Ты помнишь стихи? «Не прилепить отрезанный ломоть, снег прошлогодний ходит в небе тучей...»

— Помню, — хрипло ответил Филипп. — Я помню. Правда, я помню и другие стихи... Идем?

Через несколько минут они тихо вышли из сумрака пустого здания наружу. Аларика вздохнула полной грудью и спокойно улыбнулась.

— На воле все же лучше. Нет-нет, — остановила она попытку Филиппа оправдаться. — Ты ни при чем. Я вижу, ты во многом изменился, но... понимаешь, мне есть с кем тебя сравнивать. И, боюсь, идти тебе далеко, лучше бы ты не брался за это... А вообще, честное слово, было очень интересно! Я никогда не видела старых заводов, а на экскурсию прийти сюда и не подумала бы. Знаешь, он уж и не такой маленький по сравнению с современными, да?

— Не маленький, — подтвердил Филипп. — Может быть, ты не хотела этого, но, ставя точки над «i»...

— О господи! Сколько раз ты ставил точки над «i»! Неужели я ошиблась и ты все такой же?

— Подожди с выводами, я неудачно выразился. Просто ты вдруг дала мне шанс, и я подумал, что сделала это нарочно. Не так ли?

Аларика ковыряла носком туфли сухую землю, потом посмотрела прямо в глаза Филиппу.

— Нарочно. Я хотела бы, чтобы ты достиг той вершины, которая даст тебе право... на то, что забыто... если только это возможно... но лучше бы тебе не ворошить пепел...

Аларика вздрогнула, словно от холода, посмотрела на окошко видеобраслета.

— Расскажи что-нибудь еще о заводе... и пойдем отсюда. Мне пора возвращаться.

Филипп с трудом преодолел в себе приступ отчаяния и стал рассказывать все, что знал о заводах прошлых столетий, не вдумываясь в суть сказанного. Наконец увлекся и заговорил о том цехе, что они видели.

— Мы с тобой посмотрели только один из цехов, а таких на заводе около десятка. Да это, кстати, и не самый крупный завод из всех известных, в Кривом Роге и в Запорожье заводы побольше, я был там. Так что масштабы деятельности предков достаточно велики. Но я прихожу сюда не восхищаться размахом строительства дедов — здесь очень хорошо думается. Впечатление старины заставляет работать память.

— Да, ощущения старины и мне, наверное, не хватало. Так и кажется, будто внутри этого покинутого людьми гиганта пульсируют столетия... Где находится завод?

Они шли через пустырь к лесу.

— В Днепропетровске, — пробормотал Филипп, приглядываясь к неожиданно возникшей преграде на пути. — Часть древнего металлургического комплекса, одного из самых больших на Земле... Знаешь, странно все это...

— Что именно?

— Да вот, перед нами...

Пустырь, по которому они шли, начинался от торца цеха, заросший травой и пустырником, ни деревья, ни кустарник на нем почему-то не росли. Филипп обычно доходил до этого места, любовался лесной полосой за пустырем, горой ярко-синих контейнеров одинакового размера в конце пустыря, на каждом из которых стояла эмблема космических колонистов — скрещенные серп и кирка в венке звезд (он как-то проверил), — и шел обратно. Теперь же Филиппа осенило: контейнеры лежали здесь, сколько он себя помнил, лет двадцать! И никому до них не было дела. Странное безразличие к общественному добру со стороны его владельцев. Кто же оставил контейнеры у завода? И зачем? Или они пусты?

Филипп обошел гору контейнеров, принюхался: запах здесь стоял какой-то незнакомый, вернее, знакомый, но чужой, чужой пустырю, лесу и старому заводу. Постучал по стенке крайнего параллелепипеда — звук глухой, явно не пустая скорлупа. Интересная деталь...

— Наверное, будут что-нибудь строить, — продолжила Аларика, не понимая его недоумения. — Вот и сбросили груз.

— Он лежит здесь с тех пор, как отец показал мне завод, двадцать лет, если не больше. Да и что тут можно строить? Территория завода не подлежит застройке. К тому же и эмблема у строителей другая... Не нравится мне это. Почему-то кажется, будто я уже встречал подобные контейнеры... Но где?

Аларика нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

— Потом вспомнишь.

Солнце уже застряло в зубастой пасти леса, готовясь кануть в небытие ночи. С севера росла грозного вида туча, постепенно заволакивающая небосвод.

— Пошли, Филипп, — уже сердито проговорила Аларика. — Потом вернешься или лучше сообщи в информцентр, они тебе все объяснят и найдут владельца.

— Дело, — согласился Филипп. — Ну, бежим, а то попадем под ливень.

Не удержавшись, он погладил шершавую поверхность контейнера и вдруг увидел глубоко в щели между контейнерами мерцавшую искру света: красная, желтая, зеленая, голубая вспышки, две секунды темноты и снова та же гамма.

«Черт возьми, «звезда Ромашина», моя звезда! Здесь? На пустыре, у завода?»

Приблизив лицо вплотную к щели, Филипп застыл от изумления, смотрел на равномерно мигающую «звезду» и вспоминал недавние свои приключения в космосе. Опомнился только после оклика Аларики, не понимавшей, почему он медлит.

Взявшись за руки, они побежали к пинассу, так и не встретив на территории завода ни одной живой души, хотя рядом, в двух километрах, кипела жизнь города на Днестре. Старым заводам не суждено было служить памятниками цивилизации, хотя они могли многое поведать уму и сердцу потомков тех, кто их строил. А в голове Филиппа поднялся кавардак, вызванный появлением странной «звезды», встреченной им впервые в десятках парсеков от Земли, знака, не похожего ни на одну из эмблем космических служб человечества и относящегося к проблеме появления «зеркал».

Дождь начался, когда они уже взлетели.

Всю дорогу до Рязани молчали, вслушиваясь в струнное гудение ветра в оперении пинасса; о том, что добраться быстрее можно было бы из Днепропетровска на метро, никто

из них не подумал. Аларика была спокойна и задумчива, Филипп окаменел в одной позе, накрыв своей ладонью руку женщины. Вернулись они спустя полтора часа после «похищения».

Прощаясь у голубого кристалла «Мещеры», Аларика задержалась у двери, то и дело вбиравшей новые порции прибывающих гостей.

— До связи, похититель. Передавай привет Кириллу Травицкому, мы с ним знакомы.

— Я не работаю в Институте ТФ-связи, — ровным голосом сообщил Филипп.

— Вот как? А где же ты работаешь?

— В настоящее время стажер отдела безопасности.

Аларика несколько мгновений смотрела на него как-то странно, недоверчиво и радостно-испуганно, потом вдруг поцеловала и исчезла за полупрозрачным занавесом двери. На губах Филиппа остался тающий горьковато-нежный привкус. Ему хотелось плакать и смеяться одновременно, но он только глубоко вздохнул и пошел к стоянке такси, никого и ничего не видя.

Человек, помоги себе сам...

На следующий день Филипп вспомнил о находке на территории завода, соединился с информационной службой Днепропетровска и попытался хоть что-нибудь выяснить об оставленных неизвестно кем и неизвестно когда контейнерах. Однако операторы украинского информцентра ничем не смогли ему помочь, кроме регионального поиска, который ничего не дал: ни за одной организацией Днепропетровского региона означенные контейнеры не числились.

Тогда Филипп разыскал Станислава Томаха и осторожно поведал ему о своем открытии. Томах отнесся к его сообщению серьезно, не преминув, правда, вставить странную поговорку, знатоком которых он был.

— Какая, говоришь, там была эмблема? — спросил он погодя, хмуря выгоревшие брови.

— Серп, кирка и венок из звезд.

О том, что он заметил еще один знак, «звезду Ромашина», Филипп решил не говорить, а показать ее на месте.

— Да, это эмблема колонистов. Странно... Ну хорошо,

спасибо за сигнал, я узнаю и позвоню. Или лучше ты позвони после дежурства, часов в семь.

— Позвоню, — кивнул Филипп и погрузился. — Завтра наши будут играть на первенство Системы, первая встреча со сборной Луны-главной...

— Вот те раз! — удивился Томах. — Ты говоришь так, будто сам не играешь.

— Играю, но, понимаешь... не хочу. Не хочу, вот что удивительно! Перегорел? Или возраст?

— Возраст здесь ни при чем. Первенство отыграть ты обязан, а там посмотрим, откуда растут ноги твоего настроения. Кстати, тебя искала Аларика.

— Искала Ала... — Филипп замер. — Так что же ты молчал? Когда? Не мог позвонить?

— Сегодня утром. — Томах помолчал, разглядывая Филиппа пронизательными глазами. — В этом деле ты тоже игрок или всерьез? Я к тому, что женщина она редкостная... «Ом мани падме хум». «Драгоценный камень в цветке лотоса», — перевел он.

— Шел бы ты, Слава, — пробормотал Филипп. — Вместе с лотосом.

— Ага, благодарю, очень доходчиво. Уже иду.

Виом погас.

Филипп некоторое время мерил шагами комнату, потом набрал индекс информатора культуры и искусства и узнал программу вечера в Большом театре. В программе стоял Шекспир «Укрощение строптивой». Филипп поспешно заказал два места в тринадцатом ряду партера. Вежливый голос автомата сообщил ему номера мест, и Филипп суеверно сплюнул через левое плечо — по приметам начиналась полоса удач.

На одиннадцать утра в малом зале олимпийского комплекса была назначена тренировка, но Филипп прилетел туда почти на час раньше, лелея надежду успеть насладиться предгрозовой атмосферой будущих соревнований. К его удивлению, почти вся команда была в сборе, а Ивар Гладышев развлекал ребят своими знаменитыми голографическими слайдами глубокоатмосферного мира Юпитера. Филипп уже смотрел их в свое время и тихонько удалился из комнаты психомассажа в пустой зал, задумавшись над той тайной притягательности, которая кроется в любой игре. Человек

выдумал огромное количество игр, каждая из них находила своих поклонников и каждая была для игроков не только средством развлечения, но и поводом к полету мысли, к интеллектуальному напряжению, которое в конце концов и рождало в человеке жажду самовыражения, стремление к самосовершенствованию и наслаждение борьбой, возвышая его до уровня творца. В конечном итоге игра — это моделирование той ситуации, с которой человек нередко сталкивается в жизни, и разве риск правильного решения игровой ситуации не является творчеством?..

Филипп так задумался, прохаживаясь по прохладному залу, что не заметил появления Хрусталева. Тот вошел и остановился возле стены, засунув руки в карманы. Филипп очнулся лишь тогда, когда Леон заступил ему дорогу.

— Привет.

— А, это ты?.. Привет.

С минуту они рассматривали друг друга: рассеяннo-задумчиво Филипп, усмехаясь чему-то, Леон Хрусталева.

— Ну? — сказал наконец Филипп. — Ты что-то хотел сказать?

— Да, — высокопарно кивнул Леон. — Имею честь предупредить вас: не стойте у меня на пути!

Филипп с иронией посмотрел на его пышную шевелюру, покачал головой.

— По-моему, это ты стоишь у меня на пути.

Хрусталева хмыкнул.

— Ты что, в самом деле не понимаешь? Я говорю об Аларике.

— А-а... — протянул Филипп, теряя интерес к разговору. — Но это же, по крайней мере, несерьезно. Даже во времена оны соперника не отговаривали свернуть с пути, а грозили, предупреждали, протыкали шпагой.

— Я пошутил. — Хрусталева вздохнул. — Хотя... не вовремя ты появился на сцене. Дар у тебя, что ли, особый? Пони-маешь, я ведь знаю Аларика уже больше двух лет... а тут пришел ты и все разрушил!

— Может, не я, а кто-то другой?

Хрусталева улыбнулся безнадежной улыбкой.

— Я же не слепой. Сначала я тебя ненавидел... даже обрадовался тогда на СПАСе, что погибнем оба... прости дурака! А потом понял, что дело не во мне...

— В ней самой.

— Да, к сожалению. Только не думай, что мне некому поплакать в жилетку, кроме тебя. Ей-богу, был бы я посмелее, вздул бы тебя по первое число!.. Ладно, живи!

Филипп засмеялся.

— Ну, спасибо.

— Друзьями мы, наверное, не станем, — продолжал Леон, — но, во всяком случае, будем хотя бы искренними. Я искренне желаю тебе сломать шею на пути к Аларике. Шучу.

Филипп пожал протянутую руку и проводил сторбившегося Хрусталева взглядом. «Как в один миг может поменяться мнение о человеке, — подумал он. — Леон, оказывается, неплохой парень, и так же раним, как и я. Только вот в части наших с Аларикой отношений он ошибается. Все чертовски зыбко, расплывчато... Что это был за человек, Сергей Ребров, если она до сих пор считает его эталоном?.. Интересно, зачем она меня искала? Звонок вежливости? Впрочем, у меня теперь есть предлог увидеть ее. Пусть попробует отказаться пойти на спектакль...»

— Сегодня в основном электронная тренировка, — сказал им Май Ребров, когда игроки сборной разделились и построились в зале. — Разминка, стандартные тесты на реакцию и прокручивание игровых положений. Противник у вас завтра не самый сильный, но отыграть встречу надо будет в полную силу, ибо на старте турнира обычно и случаются неприятные сюрпризы.

Размявшись в зале, спортсмены приняли электродуш и разбрелись по местам в зале электронного моделирования.

Филипп удобно устроился в кресле, надел эмкан и расслабил мышцы, ожидая команды. Программы индивидуальной электронной подготовки составляли психомоделисты с Ребровым во главе, а также инженер-кибернетик центра спортивной подготовки. «Включившись» в тренажер, игрок как бы оказывался на площадке и проигрывал ту ситуацию, которую моделировал компьютер, повинаясь заложенной в него программе. В сборной Земли основной функцией Филиппа была игра в третьем номере, он выполнял работу подыгрывающего нападающего, который отвлекал игроков противоположной команды на блок и тем самым давал возможность нападающим своей команды провести удар без помех. В то же время, если пас шел ему, он был обязан завершить атаку в

десяти случаях из десяти, то есть сыграть безошибочно, и, несомненно, играть подыгрывающим первого темпа было трудно.

— Включаю, — донесся сквозь наушники тихий голос Реброва, и Филипп оказался на площадке, среди игроков, словно это были не иллюзионные призраки, вызванные хитроумными аппаратами в его мозгу, а реальные люди.

В первом положении Филипп играл с подачи противника «взлет» в третьем номере, у центра сетки, а Ивар Гладышев забегал за него и проводил атаку с метровой высоты над сеткой — обычная комбинация, известная издревле как «зона», нападение со второго темпа. Филипп «прокрутил» ее два раза и скомандовал контролеру вводить программу дальше, «зону» он выполнял хорошо, и неожиданностей эта комбинация принести не могла. Затем шла комбинация «рапира», в которой Филипп в четвертом номере нападал с так называемого «прострела», когда мяч от рук согласующего игрока вылетал над сеткой резко и быстро, и надо было успеть провести удар только тому игроку — прыгали сразу двое, — перед которым не было блока. И с этой комбинацией Филипп справился неплохо, только удивился, почему Ребров выбрал ему простые положения, не требующие, в общем-то, электронного тренажера. Но затем одна за другой пошли комбинации, от которых он взмок по-настоящему, как если бы отработывал их на площадке. Комбинации были сложными: «лист» — двойной пас в одно касание и обманный нападающий удар «на плече» блокирующего; «самум» — сложная перебежка при подаче и атакующий удар с острого угла у «антенны»; «зеркало» — удар вдоль сетки с четвертого номера по своему же игроку во втором номере, который обязан был «срезать» мяч в площадку противника. Но дело было не в самих комбинациях, а в коллегам по площадке. Впечатление было такое, будто согласующие игроки выполняют пас не с той степенью точности, какая требуется для проведения скоростных комбинаций профессионалами.

Закончив тренировку, Филипп снял эмкан и вытер вспотевшее лицо.

— Молодец! — сказал подошедший Ребров, внимательно разглядывая его ошеломленное лицо глубоко запавшими глазами. — Темп держали хорошо, но в третьей и пятой позиции я заметил растерянность.

— Но ведь это ненормально... я хотел сказать, нереально с точки зрения игровых положений. Ваши согласующие призраки перестали быть мастерами, пасы их были неточны, вот и приходилось играть нестандартно. В действительности, в нормальной обстановке ни один координатор игры просто не способен играть так... неаккуратно, даже примитивно, поэтому ваша программа, мне кажется, не отражает истинного положения дел.

— Надеюсь, что это именно так. — Ребров кольнул Филиппа испытующим взглядом, помедлил. — У меня к вам вопрос не по существу.

— Слушаю, — сказал Филипп, внутренне собираясь.

— Почему вы перешли на работу в СПАС-службу?

У Филиппа несколько отлегло от сердца, он ожидал услышать другой вопрос. «Зачем ему это? — подумал он, разглядывая свои ладони. — Неужели будет читать мораль?»

— Из-за Аларики? Или по зову души?

«Так, приехали! Все-таки спросил... Что он спросит еще? И что ему ответить?»

— Не отвечайте, — сказал Ребров, словно читая мысли. — Плохо, если только из-за Аларики, некорректный прием.

— А по какому праву вы судите? — не выдержал Филипп.

— По праву брата ее мужа, пусть и погибшего. Не обижайтесь. — Ребров положил руку на плечо спортсмена. — Мы любим ее и не хотим, чтобы ей причиняли боль... любую.

«Еще один говорит о боли, будто я специально собираюсь эту боль ей причинить».

— Я думал, вы скажете — честь брата...

— Не честь — память. Но Аларика жива, и ей жить дальше, хотя без любви жить трудно. Я хочу, чтобы она любила достойного. Если сможете, станьте им, не сможете...

— Я понял.

— Тогда идите. — Ребров легонько подтолкнул его к двери. — Судьбу не выбирают, ее творят.

Лишь через час Филипп унял наконец бурю чувств, поднятую в душе коротким разговором с тренером. Ни злости, ни обиды на него он не чувствовал. наоборот, оценил прямоту и благородство Реброва как доказательство расположения к своей особе. Видимо, Май Ребров чем-то похож на своего брата, иначе трудно было понять его власть над Аларикой по сей день...

«Пусть... — сказал сам себе Филипп по пути домой, продолжая делать вид, что слушает Гладышева. — Посмотрим. Она сказала, что идти мне далеко. Пусть так, но цель видна, и я дойду. Иначе просто не стоит жить. Странно, что я этого не понимал раньше...»

Куттер бесшумно опустился рядом с горой контейнеров, ослепительно синих в лучах полуденного солнца. Томах сдвинул прозрачный колпак и первым выпрыгнул на траву.

За контейнерами шел лес, преимущественно липа и ясень. В противоположную сторону раздвигался вширь пустырь с редкими кустиками бересклета, поросший в низине лопухами и чертополохом. Неухоженный, в общем-то, был пустырь, забытый. Дальний его конец утыкался в стену длинного серого здания — одного из корпусов старого завода, чьи трубы подпирали небо и были видны издалека.

Возле контейнеров уже стояли машины: куттер с синим пульсирующим «глазом» оперативной службы УАСС и пинасс, белый с зеленой полосой, аппарат технического сектора управления.

От группы суесящихся у контейнеров людей отделился высокий, худой и остроносый, с редкой сединой в волосах старик в форме эксперта первого ранга.

— Материал стенок контейнеров деформационно неустойчив, — сказал он с басовитой хрипотцой. — Впечатление такое, будто контейнеры испытали многовекторный ТФ-резонанс. Лежат они здесь ровно двадцать один год.

— Спасибо, Бруно, — произнес Станислав. — Вы уже проверили содержимое?

— Естественно. Оборудование терраформистов: комплекты для горновзрывных работ, генераторы плазмы, вакуум-бомбы и тому подобное.

Томах повернулся к Богданову.

— Несомненно, это исчезнувший груз, предназначавшийся для Сададьмелека. Совпадает все до мелочей. Но как он оказался здесь, да еще двадцать один год назад — ума не приложу! Неужели мы плохо знаем ТФ-теорию и она преподносит сюрпризы? Ведь получается, что контейнеры испытали путешествие не только в пространстве, но и во времени!

— Комплекты для горновзрывных работ... — медленно проговорил Богданов. — М-да... Точно такого же характера груз предназначался на Шемали и в систему Суинберна.

— Помню. Станный вывод напрашивается. Надо бы узнать в центре Даль-разведки и у пограничников — не пропали у них подобные грузы?

— Даль-разведка не использует комплекты для терраформистских работ, как и пограничники, но запросить можно. Но если контейнеры и в самом деле вынырнули здесь двадцать лет назад...

— Ты сомневаешься?

— Слишком уж экзотична гипотеза. Выходит, наш Наблюдатель более могущественная личность, чем мы себе представляем. Чего он только добивается, хотел бы я знать? Кстати, контейнеры обнаружил Филипп, тебе не кажется это символичным? Везет парню на открытия.

— Он приглашал меня на игры чемпионата Системы, завтра первый матч. Не хочешь сходить ради любопытства? Все же игрок он классный, да и игра сама по себе красивая, не пожалеешь.

Богданов с сомнением приподнял бровь.

— Едва ли удастся выбраться, но на всякий случай напомним завтра. Я пойду только из-за того, что Филипп, возможно, играет на таком уровне в последний раз. Ну, теперь в Даль-связь или сразу в отдел?

— Надо узнать, что нового у Тектуманидзе, потом уже к себе в отдел. По-моему, Керри недоволен медленным течением дела.

— Вины нашей в этом нет, уж очень рассеяна нужная информация, да и состав оперативных групп ограничен. Ты в вопросе с Филиппом прав в одном, его помощь пришлась нам очень кстати.

К ним снова приблизился эксперт техсектора, похожий на журавля.

— Скоро заканчиваем, подробные данные по анализу доставим сегодня вечером.

— Хорошо, Бруно, — кивнул Богданов. — Я вызвал бригаду транспортного обеспечения, они доставят контейнеры по назначению. Благодарим за работу.

— Не за что, — буркнул Бруно, потоптался и добавил: —

Ваш стажер обнаружил на контейнерах любопытную деталь, не хотите взглянуть?

Инспекторы переглянулись. Бруно подвел их к одному из контейнеров и мотнул головой:

— Полюбуйтесь.

Богданов потрогал невозмутимо мерцавшую в материале стенки звезду, нагнулся.

— Все правильно, — сказал он, рассматривая искру света. — Наблюдатель честен, он везде оставил свой след, чтобы мы не спутали его с кем-нибудь другим.

— Слишком честен, — повел плечом Станислав. — Одним словом, джентльмен. Непонятно, зачем ему все это? «Зеркала» с палиндром-эффектом, «звезды», кража грузов... их возвращение... в прошлое! Чушь собачья!

— Нет-нет, далеко не чушь, скорее намек. — Богданов задумался. — Нам необходимо понять главное, что мы затронули там, в космосе, из-за чего Наблюдатель решил напомнить нам о себе? — Он с сожалением покачал головой. — Не вижу. А «звезда» красивая, спору нет.

Эксперт с укоризной посмотрел на него.

— Эх вы, безопасники! Дело не в красоте, хотя и она заставляет задуматься: в районе «звезды» нарушаются на микроуровне законы причинно-следственной связи! Это прямое доказательство того, что контейнеры действительно заброшены в прошлое. ТФ-специалисты до сих пор в шоке.

Бруно снова оглядел безмолвствующих инспекторов и махнул рукой.

— Потом поймете, насколько важно открытие вашего работника, мы пришли в отдел сводку с результатами анализа и нашими выводами.

Богданов подивился горячности старшего эксперта, еще раз потрогал странную «звезду» и сказал:

— Не волнуйся, Бруно, мы возьмем это на заметку.

Они вернулись к куттеру.

— Садись. — Томах влез в кабину и закрыл колпак. — Ты думаешь, это серьезно?

— Пока не знаю.

Куттер подпрыгнул вверх, пустырь с контейнерами и корпусами завода сразу превратился в маленькую заплатку на желто-зеленом ковре.

— Ну и Филипп! — медленно проговорил Богданов. —

В наблюдательности ему не откажешь. Такое впечатление, что Наблюдатель заинтересован именно в нем. Где бы он ни появился — появляется его «звезда»...

Станислав с молчаливым изумлением смотрел на друга.

В отделе их ждало сообщение от Тектуманидзе, полученное по каналам отдела.

— Легко Шалва на помине, — сказал Томах, включая запись. — Что ж, послушаем, что он хочет нам сообщить.

Прямо посреди комнаты возник странной формы пульт и возле него трое в форме погранслужбы, одним из которых был начальник следственной группы отдела безопасности Шалва Тектуманидзе.

— Слава и Никита, — сказал Тектуманидзе, словно заранее знал, что его сообщение первыми будут слушать именно эти двое, — привет. Я кое-что раскопал по вашей части. Керри мне обмолвился, что вы работаете по форме «Поиск-экстра», это, очевидно, продолжение работы с «зеркалами». Первое: мои эксперты чуть ли не по винтику разобрали вторую станцию над Орилоухом, ту самую, резервную, которая была вскрыта неизвестно кем. Следов — никаких, если не считать таковыми полное отсутствие программ в бортовом компьютере. Такое впечатление, будто записи на ферроиглах стерты. Как это можно осуществить без нарушения структуры феррокристаллов, я не знаю. Эксперты тоже. Кроме того, обнаружена «звезда Ромашина», что прямо указывает на присутствие на станции Наблюдателя. Второе: груз, предназначенный для экспедиции Вернигоры на Шемали, найден... — Тектуманидзе посмотрел прямо в раствор видеокамеры, глаза у него были красные, с припухшими веками, — на Шемали.

Томах невольно посмотрел на Богданова, но тот остался невозмутим.

— Да, на Шемали, — повторил Тектуманидзе, — но, по оценкам экспертов, груз пролежал на планете, в одной из пещер, около ста лет! Контейнеры не выдержали испытания временем и без подкачки энергии рассыпались в пыль, оборудование сохранилось, хотя и прокорродировало. Теперь думайте, у меня все. Полный отчет привезу дня через четыре.

Шалва слабо помахал рукой, вином свернулся в нить и угас, запись кончилась.

— Устал Шалва, — после непродолжительного молчания произнес Томах, хотя сказать хотел совсем другое.

— Заметно, — тихо согласился Богданов, тоже думая о другом. — Что будем делать? Временные прыжки грузов — это почище самих «зеркал»! Шалва еще не знает о находке груза на Земле. Может быть, и остальные пропажи скоро обнаружатся? Дадим ТФ-депешу на Историю, пусть поищут получше на планете. И везде один и тот же знак — «звезда»! Не только в дальнем космосе, но и на Земле! Понимаешь, чем это пахнет!

— Наблюдатель нас предупреждает, — пробормотал Томах. — Ты это хотел сказать? На кой ему это потребовалось? Не мог предупредить нас в открытую? Не хочет раскрывать координат своего дома? Чего ему бояться? И что означает его знак? Кто его ставил? Каким способом?

Богданов помолчал, наводя порядок на своем столе.

— Ты задаешь слишком много вопросов. Все наши загадки хорошо коррелируются между собой... кроме одной — смерти Василия. Не верю, что Наблюдателю была выгодна его смерть.

— Не торопись с выводами, — раздалось с порога.

Друзья оглянулись. Керри Йос задумчиво рассматривал их от двери. Подошел, неодобрительно покосился на стол Богданова, сел в ближайшее кресло.

— На одном из блоков Умника, с которым работал твой брат, тоже обнаружена «звезда Ромашина». Правда, медэксперты твердо уверены в его естественной смерти; насколько я их понял, у Василия резко возросло артериальное давление — следствие ускоренной работы мозга, — с которым не справилась система магистральных артерий, и почему-то не сработала система спинальных артерий. Отек мозга развился за минуту...

У Богданова резко вспухли желваки и сузились потемневшие глаза.

Керри посмотрел на него снизу вверх цепким взглядом, однако Богданов молчал.

— Над чем работал Василий, установить пока не удалось. Умник пытался «пошарить» в своей памяти, но едва не заработал синдром «общего склероза», по выражению кибернетиков. А в режиме «один на один» из наших спецов никто с ним не работал и не умеет, да и рискованное это занятие. Вот и все новости. Будут еще, сообщу.

— Спасибо, — сказал Богданов.

— Чего уж... Ваши соображения о действиях Наблюдателя? Зачем ему забрасывать грузы в прошлое? О технической стороне дела я и не говорю, она поставила в тупик даже ученых-теоретиков, важно разобраться в психологии.

— Наблюдателю не нравится, что мы все чаще и уверенней вмешиваемся в жизнь нашего звездного региона, — предположил Томах. — Не могу только понять почему.

— А я могу, — проговорил тихо Богданов. — Он хочет заставить нас почаще «оглядываться вперед», пока человечество еще не вышло из возраста капризного ребенка, вопреки воле воспитателей делающего то, чего делать не следует, а уже пытающегося диктовать свою волю. Вот Наблюдатель и предупреждает нас, что след капризного ребенка на клумбе с цветами — не лучшее, что он может оставить после себя.

— Просто, но образно. Не продолжай, мораль твоей тирады ясна даже мне, — с иронией обронил Томах. — И все же я бы на вашем месте не торопился с гипотезами. Мне лично действия Наблюдателя непонятны. И повозиться с его следами нам еще предстоит немало.

— Я и не говорил, что проблема решается однозначно. Видимо, придется просить помощи у пограничников, оперативных групп в отделе не хватает. Я попробую просуммировать новые данные и дам их машинам типа Умника для анализа и поиска аналогий, а Слава займется поиском сведений по планетам Системы. Землю тоже перетряхнуть не мешало бы, надо обратиться в Институт истории Земли, в Академию наук — пусть помогут найти «звезды» и «зеркала» в документах архивов.

— Сделаю, — вздохнул Томах. — Что-то у меня после ваших обобщений фантазия разыгралась. Кажется, будто и за мной лично кто-то установил наблюдение.

— Кому ты нужен... — проворчал Керри Йос.

Глава 7

СОВЕЩАНИЕ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Они стояли на террасе, нависающей над морем. Внизу, метрах в десяти, грохотал прибой, и брызги порой залетали на террасу, заставляя людей отворачиваться.

— Резерва у меня нет, — сказал Керри Йос, запахивая куртку. — Вы же знаете, почти все линейные отделы до сих пор заняты ликвидацией последствий аварии на космостроне, а пограничники сейчас рыщут в приграничных зонах в поисках следов Наблюдателя. К тому же ВКС наконец определил сроки строительства зоны солнечных конденсаторов на орбите Меркурия. Строительство начнется в середине января, и спасателям хватит возни на долгие годы. Так что придется обходиться силами отдела. Тревогу по управлению давать преждевременно. Нет причин... пока.

— Плохо, — сказал Богданов.

Порыв ветра принес соленую водяную пыль и рассеял по террасе, которая сразу стала скользкой и мокрой, как после дождя.

Из-за плотной стены кустарника, отгородившей террасу от комплекса зданий грузового метро, слышалось рычание транспортных платформ, лязг металла, гулы и свисты механизмов, обслуживающих метро. Кусты шевельнулись, и на площадку вышел невысокий, худощавый, загорелый до медного свечения Януш Микульский, безопасник из отделения Томаха.

— Нас ждут, — сказал он коротко, попятившись от очередной порции брызг. Океан разыгрался не на шутку, по небу неслись низкие хмурые облака, сливаясь в одну сплошную черно-серую пелену.

— Смилуйся, государыня рыбка! — взвыл вдруг не своим голосом Томах, протянув руки к океану. — Пуше прежнего старуха вздурилась, не дает старику мне резерва...

— Что это с тобой? — осведомился Керри Йос неприятным голосом.

— Это не с ним, — улыбнулся Богданов. — Это Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке».

Начальник отдела несколько мгновений смотрел на Станислава, потом, не оглядываясь, пошел на звуки напряженной человеческой деятельности, исчез за кустами.

— Нашел когда шутить, — укоризненно сказал Богданов.

— Ничего не сказала рыбка, лишь хвостом по воде плеснула... Виноват я, что ли, что Пушкин не учел его настроения?

Станция метро чем-то напоминала крупный аэропорт столетней давности. Собственно, она и сама была портом — в том смысле, что служила людям узлом коммуникаций, про-

межуточным звеном в колоссальной системе транспортных линий, достигших десятков звезд и более двух сотен больших и малых планет.

Здание метро представляло собой половину шара, опиравшуюся вершиной на землю и торцом смотревшую в небо. В нижней части полушария зияло отверстие для приема транспорта любого типа, широкий пандус позволял доставлять к стартовой камере любые грузы, вплоть до десантных модулей и коггов. Отверстие и пандус были забраны решеткой защиты, а все полушарие станции охватывала сложная паутина силовых отражателей, гасящих ударную волну при неудачных пусках. Диаметр торца полушария достигал километра, высота станции превышала четыреста метров.

Рядом с основным зданием располагались куб энергостанции, два купола технических служб и управления, параллелепипеды складов, невысокий косой парус пассажирской линии метро и сотканный из световой вуали канал орбитального лифта, по которому грузы с приземельных заводов доставлялись из космоса на Землю, к метро. Во избежание столкновений с транспортными трассами атмосферы канал лифта делался видимым даже днем, и он вонзался в небо исполинским копьем, похожим издали на след стартовавшего древнего звездолета, как его рисовали старинные художники.

К комплексу примыкала взлетно-посадочная полоса для крупнотоннажного воздушного транспорта и дирижаблей и две эстакады наземного транспорта — для магнитных поездов и автопоездов на воздушной подушке. По одной из них медленно уходила в сопки цепочка магнитных платформ, нагруженных веселыми желтыми кубиками продовольственных контейнеров.

Над полушарием метро и возле всех его построек висели и перемещались десятки гравикранов с трубами, цистернами, штабелями ящиков, контейнеров и деталями всевозможных конфигураций.

Керри Йос вслед за Микульским направился ко входу в основное здание. Вид у него был озабоченный, лицо невеселое.

В ангаре стартовой камеры, способном вместить Исаакиевский собор, бесшумные гравикраны хлопотали над очередной «посылкой», устанавливая контейнеры на отполированный до синевы диск передающей антенны.

Богданов впервые наблюдал за работой крупного грузового метро, поэтому с любопытством осматривался по сторонам, разглядывая странные многовитковые спирали из белого металла, усеивающие раструб ангара, колоссальную решетку потолка, в ячейх которого прятались выпуклые щиты, похожие на чьи-то внимательные глаза. Он обратил внимание, что людей в ангаре почти нет, только возле черного штыря в центре диска ковырялись с приборами двое парней в форме инженерно-технической службы ТФ-связи да у многоэтажных контейнеров стояла группа людей, явно не принадлежавших к персоналу станции.

Здесь были руководитель СЭКОНа Иван Морозов, начальник технического сектора УАСС Кими Озава, раскосостью глаз походивший на Дикушина, Станислав Томах, двое инженеров и директор таймырской станции метро Илона Велиава, высокая строгая блондинка с водопадом золотых волос.

— Все готово, — сказал один из инженеров. — Аппаратура по всей трассе функционирует нормально, можно приступать.

— Пойдемте в бункер управления, — предложила Велиава. — Груз проверен, техники заканчивают контроль систем.

— А можно откуда-нибудь изнутри камеры понаблюдать за пуском? — спросил Морозов.

Велиава в сомнении подняла тонкую бровь.

— Разве что в перископы, да только ничего вы не увидите. Никаких световых и прочих видимых эффектов при ТФ-запуске в камере не возникает.

— Тогда ведите в свой бункер.

— Кто проверял груз? — спросил Керри Йос.

— Я, — ответил Томах, — и смена техников, конечно. Все в порядке, груз точно такой же, что и не дошедший до Садальмелека.

Все вышли в хмурый октябрьский день Таймыра, под нависший накрапывать дождь.

— Нельзя было обойтись без дождя? — буркнул Томах.

— Это не мы, — виновато проговорила Велиава, обернувшись на его голос. — Северный гидрометцентр предупредил еще утром, что Таймыр попадет в зону штормовой отдушины.

— Ты что? — шепнул Богданов на ухо другу. — Форму потерял?

— Меня все раздражает, — буркнул Томах. — Кажется, что мы что-то упустили из виду, какую-то важную деталь. Не аукнулось бы нам другим манером, ведь вслепую играем... неизвестно с кем. Но уж то, что этот «кто-то» не слабее нас, это наверняка.

— Ну-ну, не паникуй. Эксперимент нужен, ты сам прекрасно понимаешь. Не пройдет груз на Историю — значит, будем думать, пройдет — все твои страхи напрасны.

— Ой ли? Больно категоричен ты в своих суждениях сегодня, на себя не похож. Посмотрим. Есть такая интересная штука — интуиция, так вот она мне шепнула по секрету, что груз пройдет нормально, однако тревогу с души не сняла.

Богданов мельком посмотрел на угрюмо-спокойное лицо Томаха и шагнул в дверь, открывшуюся в малом куполе.

Зал управления метро изнутри представлял собой стандартный куб со встроенным в стену пультом и радугой экранов над ним. Видимо, он давно не подвергался капитальному ремонту, потому что здесь стояли не виомы, а старые плоско-мозаичные световые экраны, создающие слабый стереозэффект.

— Располагайтесь. — Велиава радушно указала гостям на кресла, принесенные скорее всего заранее.

— Все рассчитали? — еще раз спросил Морозов. — Не хотелось бы неприятных сюрпризов.

— Предусмотрели все, что может предусмотреть современная наука прогноза, — неожиданным басом отозвался Кими Озава.

Морозов неопределенно покачал головой.

— Верю, но... лучше десять раз проверить, чем один ошибиться.

— Кредо теоретика, — сказал Богданов задумчиво.

— Что?

— Кредо теоретика: семь раз отмерь, один отрежь. Есть еще кредо практика: один раз отмерь, семь раз отрежь.

Все присутствующие в зале засмеялись. Морозов тоже улыбнулся, хотя было заметно, что смеяться он не умеет.

— Поехали, что ли? — буркнул Керри Йос, переждав смех. — Корреспонденты на Истории готовы?

— Еще вчера, — подтвердил диспетчер станции.

— Системы контроля?

— Готовы. — Это уже Кими Озава, общавшийся с работниками своего ведомства посредством рации.

— Старт!

Илона Велиава, оглянувшись на «высокое начальство», сделала три быстрых переключения на пульте, рывкнул гудок, и белый диск над пультом загорелся дрожащим зеленым светом.

По залу прокатился общий вздох.

— Груз прошел, — доложил диспетчер. — Потери в норме, поле по глубине струны ниже интервала трансляции.

— Спасибо, Ник, — прервала его Велиава. — Груз прошел нормально, джентльмены.

Морозов встал.

— Я ждал этого. Спасибо и вам, Илона. Надеюсь, своим экспериментом мы не очень выбили вас из графика?

— Какие могут быть претензии? — развела руками Велиава. — Наверстаем. Я понимаю, что безопасность УАСС не экспериментирует зря.

— Вот это уж точно! До свидания.

Они вышли из зала. Дождь лил вовсю.

— В пятнадцать ноль-ноль совещание, — напомнил Морозов. — У вас есть ко мне вопросы? Соображения относительно сегодняшнего запуска?

— Нет, — сказал Керри Йос, поднимая воротник куртки. — Соображения еще надо обдумать.

Морозов кивнул и удалился к пассажирской камере метро в сопровождении Озавы и его инженеров.

— Ну и что теперь? — спросил Керри Йос, глядя ему вслед.

— Будем продолжать работу. — Богданов остался спокоен. — Искать. Грузы почти такого же назначения не проходили еще к Шемали и к планетам Суинберна. Проведем экспериментальные запуски, убедимся, что эффект исчезновения не повторяется.

— Действуйте. Я в отдел, понадоблюсь — найдете. Людей дам, но не больше группы.

Керри, пряча лицо в воротник куртки от колючего дождя, пошел к парусу метро.

— Я на базу, — сказал Томах. — Мои мальчишки заканчивают работу по каналу поиска особой срочности. Система

дорогая, зато отдача великолепная. А главное — не надо тратить недели и месяцы на поиск документов в архивах.

— Будут новости, сообщи. Кстати, заметил, у Морозова те же выводы, что и у тебя? Он сказал, что ожидал благополучного исхода с запуском груза на Историю.

Томах отвернулся и глухо ответил:

— Значит, и у него развита интуиция. Ну, потопали, а то промокнем насквозь, мне такой климат не по нутру.

Издали здание оперативного центра Управления аварийно-спасательной службы напоминало подсвеченную изнутри кристаллическую глыбу аквамарина. Однако, подлетая ближе, Филипп все меньше находил сходства здания с кристаллом, пока наконец оно не выросло в исполинский горный хребет, сверкающий на гранях холодным голубым огнем.

Километра три в длину, прикинул Филипп, и метров шестьсот в высоту! Что ж, объемы центров организации, ответственной за безопасность и нормальную работу цивилизации, должны соответствовать и размаху ее деятельности...

А уж в полукилометре от здания Филипп понял, что оно не сплошное, а состоит из тысяч модульных блоков, соединенных хитроумным способом в ажурную конструкцию, напоминающую атомную решетку какого-то минерала. В следующее мгновение из дна чашки, венчающей «отросток минерала», метнулась ввысь гибкая лапа, подхватила пинасс и втянула его в глубину здания.

— Приехали, — сказал Томах, первым выпрыгивая из кабины на пол эллинга. Вслед за ним вылез Богданов, потом Филипп.

Следуя указателям, они нашли нужный лифт и через минуту стремительного падения сквозь сплетение лифтовых линий центра стояли перед входом в зал совещаний, откуда в коридор доносился странный рокошующий гул.

Филипп вошел и остановился. Стен и потолка в зале не было. Амфитеатр с рядами кресел нависал над грохочущим двойным водопадом, левая часть которого, шириной около трехсот метров, была гораздо выше правой — километровой подковы, полускрытой под громадным облаком водяной пыли.

«Ниагара! — догадался Филипп. — Красиво, надо признаться!»

— Пошли, пошли, не останавливайся на пороге, — потянул его за рукав Томах. — В первый раз, что ли?

Усевшись, Филипп принялся рассматривать водопад с высоты птичьего полета, созданный иллюзией хорошо настроенного видеопласта. Однако насладиться зрелищем в полной мере не успел: сначала кто-то выключил звуковое сопровождение, предупреждая собравшихся, а затем исчез и водопад. Зал замкнулся золотистыми стенами со множеством ниш, решеток и круглых щитов.

Трибуны в зале не было: по желанию каждый выступавший включал на подлокотнике своего кресла систему спикера, и автоматика воспроизводила его объемное изображение в нижнем круге амфитеатра, откуда он был виден всем.

Совещание начал генеральный секретарь Совета безопасности ВКС и он же директор УАСС Норман Спенсер, громадный, темнолицый, с гривой седых волос, скрывающих уши и лоб. Он вкратце коснулся проблем, стоящих перед аварийно-спасательной службой, привел статистику аварий и катастроф на Земле и в зоне космоса, осваиваемой землянами. Самой крупной из них была катастрофа на космостроне, в результате которой погибло сорок семь человек, а громадная область Солнечной системы между орбитами Земли и Марса оказалась загрязненной радиоактивным газом.

Затем очень кратко ответственные руководители служб и секторов доложили о результатах своей работы, принимаемых мерах и методах контроля за безопасностью человеческих коллективов.

Предпоследним выступал Дикушин. Руководитель первого сектора был явно озабочен, потому что обычная его бесстрастная насмешливость переросла в язвительность.

— С космостроном все ясно, — сказал он. — Это образец человеческого «авось», когда зло, содеянное предками, отражается на потомках, но самое обидное — оно создано нами против нас же! Расчистка зараженной зоны продвигается успешно, а также принимаются меры по розыску подобных «сюрпризов» во всех уголках Системы и за ее пределами.

— Однако патрульная служба проморгала-таки ракетоносец? — сказал кто-то в зале.

— Самое интересное, что его обнаружили, — отрезал Ди-

кушин. — Но сочли за автомат, какими полно пространство Системы. Так что в дополнение к сказанному необходимо провести еще и чистку пространства от громадного количества отслужившей свой век техники. Но мы отвлеклись.

Не секрет, что с января следующего года управление строительством планетарных сооружений, Центроземстрой, планирует начать строительство ЗСК — зоны солнечных конденсаторов в орбитальном поясе Меркурия. Дело чрезвычайно нужное, ибо человечество как никогда нуждается в энергии: пояса надземных гелиоэлектростанций уже на пределе возможностей, а мы еще далеко не завершили освоение Системы, да и другие миры ждут своих исследователей. Однако требуется специальная система мер по предотвращению несчастных случаев, а не простое указание отдела прогнозирования: «Усильте контроль». Масштабы новой работы грандиозны, а мы только люди, способные ошибаться, да еще как ошибаться!

И последнее. В связи с открытием формулы Ромашина Академия наук и Земплан предполагают в ближайшее время провести эксперимент так называемого «галактического просвечивания», а точкой эксперимента выбрана Феба, спутник Сатурна. Так вот, я категорически против Фебы! Да и вообще любой другой планеты Системы! Эксперимент сложен, опасен, и проводить его надо в глубоком космосе.

Дикушин, собравшийся было сесть, задержался и посмотрел на Спенсера.

— Поясни, — коротко сказал тот.

— Пусть лучше это сделает Хейдо, — буркнул Дикушин. — Это его епархия.

Спенсер повернулся к председателю Технического совета.

— Как известно, — начал Уэссон, включая свой спиквизор, — современной космологией до сих пор не решена проблема «инфляционной эры» в эволюции нашей Вселенной, связанная с проблемой Большого Взрыва, породившего космос. Назрела необходимость проверки некоторых оригинальных гипотез, что даст возможность ученым уточнить космологическую модель Вселенной и приступить к практической реализации новейших теорий. Это первая предпосылка эксперимента. Кроме нее, есть еще несколько: проблема топологии черных дыр, эффекты общей теории поля, поиск реликтовых «кварковых мешков» и монополей, изме-

рение кривизны пространства. Или, скажем, такая практическая вещь: область космоса, контролируемая нами, постепенно расширяется, и для безопасности прокладки ТФ-трасс необходимо знать точное расположение тяготеющих масс в этой области. Кроме этого, эксперимент позволит физикам решить проблему пресловутого «телекинеза», вернее, «психокинеза», то есть возможности управлять ТФ-перемещением с помощью мысленного приказа. Как видите, диапазон вопросов, которые сможет разрешить эксперимент «просвечивания», достаточно серьезен, хотя я не назвал всего. Сам же эксперимент состоит в возбуждении галактического ТФ-поля посредством ТФ-взрыва. Ударная ТФ-волна практически мгновенно obeжит Галактику, отразится от всех тяготеющих масс: звезд, туманностей, черных дыр, «кварковых мешков» — и даст полную картину их гравитационного взаимодействия. Вот и все.

— Спасибо, — сказал Спенсер. — Настолько просто и доходчиво, что не впечатляет. Следовательно, ученые предлагают провести ТФ-взрыв на спутнике Сатурна? Есть уже расчеты взрыва?

— Количественных нет, — сказал Дикушин. — Мы дали задание Институту ТФ-связи рассчитать параметры взрыва, но качественные характеристики известны уже сейчас.

Спенсер помолчал.

— Хорошо, отложим обсуждение этого вопроса до выяснения полного объема данных по эксперименту. Остался последний вопрос, самый непростой. Это операция «Наблюдатель». Говорите, Керри.

Перед амфитеатром появилось увеличенное изображение Керри Йоса.

— Все уже в курсе, поэтому начинать ab ovo не буду, — начал сосредоточенный руководитель отдела безопасности. — Сообщаю факты, только факты, ничего кроме фактов.

Несмотря на ироничный подтекст речи, в зале никто не улыбнулся, Филипп отметил это без удивления.

— Трижды с мая месяца этого года и четырежды за всю историю существования пространственного метро грузы, посылаемые с Земли на планеты других звезд, не доходили до адресата. Один из пропавших грузов, направленный в систему Сададьмелека, на Историю, обнаружен недавно на

Земле, второй, направленный в систему Шемали, найден там же, я имею в виду Шемали, но оба груза оказались заброшены во времени на двадцать и сто лет назад.

Керри Йос помолчал, но не для эффекта — в зале и так было тихо, — а просто давал время поразмыслить над сообщением.

— Все грузы — оборудование терраформистов, машины для активного воздействия на планетографию, отметьте это. Второе: уже шесть раз косморазведка и большие экспедиции, контролируемые погранслужбой, встречаются с так называемыми «зеркальными перевертышами». По мнению специалистов, «зеркала» — устройства для сбора информации, вернее, своеобразные видеокамеры, передающие запись деятельности людей... Куда — неизвестно. «Зеркала» трижды замечали на Марсе — полвека назад, во время перераспределения горных хребтов, и четырежды на Земле — два и полтора века назад. Данные проверены архивно и не подлежат сомнению. Третье: над Орилоухом вскрыта резервная станция, законсервированная, работающая в холостом режиме. С точки зрения сегодняшних рубежей науки и техники мы, люди, делать этого еще не умеем. А три дня назад, предположительно во время расчета глубокого прогноза направленности действия и последствий деятельности Наблюдателя, погиб эфналитик отдела безопасности Василий Богданов. Расследование обстоятельств его внезапной смерти, которое только что закончилось, показало, что смерть наступила в результате крайне маловероятного стечения обстоятельств, что уже само по себе предполагает вмешательство разумной и... злой силы. С какой целью — мы начинаем догадываться. Нас таким образом предупредили, чтобы мы задумались над последствиями своей звездной экспансии. Кому-то хочется, чтобы космос остался таким, каков он есть, чтобы он служил не только нам, но и тем, кто придет после нас.

Керри Йос помолчал. Кто-то кашлянул, и снова в зале повисла тишина.

— Четвертое, — продолжал начальник отдела. — Мы провели экспериментальные запуски тех же грузов, что планировались раньше, на те же станции, куда раньше эти грузы не прибыли. Все запуски прошли благополучно, но!.. Двое суток назад с Истории, Шемали и планет гамма Суинберна пришли сообщения: снова появились «зеркальные перевер-

тыши!»! Это прямое подтверждение нашим догадкам. И последнее: на Землю вернулся дальний галактический разведчик «Хевсур», исследовавший звезду Ригель, бету Ориона: шестьсот световых лет, предел наших автоматических экспедиций. На его борту случайно обнаружен странный знак, вот такой. — Керри повозился, и перед аудиторией появилось увеличенное изображение «звезды Ромашина», невозмутимо играющей цветную гамму спектра.

— Диаметр «звезды» двадцать микрон, материал оболочки корабля — перестроенный бериллий — в месте ее появления не нарушен, зато изменены характеристики защитного поля в этой точке. Но и это осталось бы достоянием экспертов и ученых, если бы не одно обстоятельство: такие же знаки обнаружены уже на трех разведчиках первого класса, ведущих разведку на дальностях порядка двухсот парсеков, а также на станции над Орилоухом, на промежуточных ТФ-ретрансляторах трасс метро к Шемали, Истории и Суинберну и... на Земле.

Керри сел и выключил спиквизор.

Некоторое время в зале никто не двигался. Потом раздался голос Спенсера:

— Факты впечатляют. Итак, ваш вывод?

— Вывод достаточно прост и тревожен, — пробормотал Морозов, появляясь перед собранием. — Хотя начальник отдела безопасности занимает в этом вопросе слишком благодушную позицию, как мне кажется. Тот факт, что нами заинтересовалась цивилизация высшего типа, должен заставить нас пересмотреть принципы «звездной экспансии» и серьезно заняться экзотикой. Правда, некоторые намеки Наблюдателя слишком прозрачны, как, например, «кража» грузов. На предупреждение это мало похоже.

— Только на первый взгляд, — возразил Керри Йос. — Я отнюдь не благодушен и недаром обращаю ваше внимание на характер исчезнувших, вернее, закольцованных во времени грузов. Дело, вероятно, в том, что История, Шемали, планеты Суинберна — прекрасные планеты, словно специально созданные для созерцания, получения эстетического наслаждения. А мы туда взрывную технику, оборудование терраформистов для перемещения горных хребтов и морей! Представьте, в наш земной музей, скажем, в Эрмитаж, придет некто и начнет передвигать стены, сдвигать картины, ве-

шать их вверх ногами, класть скульптуры на бок! Только потому, что ему так удобнее смотреть или, скажем, отправлять естественные потребности!

— Вы считаете, что для указанных планет мы уподобляемся этому варвару? — спросил кто-то в зале, не уловив иронии в словах Керри.

— Вы хорошо улавливаете суть дела, — сухо ответил Йос, вызвав сдержанные улыбки.

— Но Шемали, — не унимался оппонент, — выпадает из этого списка. Неужели вы считаете, что черные пейзажи Шемали вызывают чувство эстетического наслаждения? Помоему, черный цвет угнетает, а не радует.

— А почему вы считаете, что мы, люди, единственные ценители прекрасного в Галактике?

Богданов дважды бесшумно хлопнул в ладоши.

— Браво, Керри!

— Да, предположение хорошо коррелируется с приведенными фактами, хотя сравнение рода людского с варваром... — Спенсер покачал головой, — с варваром, не ценящим красоту, мне не нравится. Что касается внутренних проблем нашей цивилизации, то их хватает, и некоторые из них тоже вполне могут тревожить нашего гипотетического Наблюдателя.

— Но кое-кто в ВКС склонен полагать, что мы преувеличиваем, — сказал Морозов.

— Знаю. — Спенсер нахмурился. — Однако считаю, что применять экстренные меры рано, несмотря на приведенные примеры. Прямой угрозы человечеству, к счастью, нет, а то, что нами интересуется другая цивилизация, более зрелая, — факт скорее огромного научного значения, чем защитно-прикладного. Просто погранслужба и служба безопасности — простите за тривиальное напоминание — обязаны реагировать на любую, даже прогнозируемую в далеком будущем опасность, и здесь никто не снимет с нас ответственности, если мы не подстрахуем друг друга.

— И все же следует высказать в совете наше отношение к происходящему. До сих пор человечество осваивало пространство экстенсивно: мы овладели уровнем энергопотребления в масштабе звезды, предполагается, что в дальнейшем овладеем энергией соседних звезд и так далее.

Но ведь из опыта прошлого мы знаем, что экстенсивное

развитие неизбежно ведет к появлению кризисных ситуаций, ибо потом приходится прибегать к разного рода регулирующим факторам, как, например, восстановление природных ресурсов или уничтожение загрязнения среды.

Космическая экспансия человечества требует все более значительного усиления управляющих и регулирующих воздействий на общественную систему, что мы ощущаем уже сейчас. До сих пор мы справлялись, но в масштабе одной планеты. А когда будут сотни, тысячи планет?! Не пора ли приостановиться? И попытаться найти выход на принципиально ином пути, нежели арифметическое освоение безграничных пространств? Перейти на интенсивное использование космоса?

Морозов умолк.

— Мы несколько отвлеклись от темы, — сухо сказал Спенсер. — Возможно, ВКС наконец отреагирует на предложения отдела дальнего координирующего прогноза СЭКОНа. Нас же сейчас интересуют проблемы не столь глобальные, хотя и не менее важные. Считаю, что вопрос, чем мы заинтересовали Наблюдателя, остается открытым до тех пор, пока не появятся прямые доказательства обратного. Каковы принимаемые отделом безопасности меры?

Керри Йос посмотрел на Морозова, тот кивнул.

— Меры приняты следующие, — сообщил начальник отдела. — Во-первых, применен сигнал «Экстра» по информационному поиску, что сократило время поиска нужных данных вдесятеро против обычных методов. Во-вторых, группы экспертов и работников отдела заняты исследованиями «зеркальных перевертышей», «звезд Ромашина» и расчетом вероятного вектора вмешательства Наблюдателя, если, конечно, он намерен вмешаться. В ближайшем будущем начнем на местах анализ причин появления «зеркал» и звездных знаков, исследование посещенных разведчиками планет. В дальнейшем предполагается обработка результатов анализа на Умниках — больших универсальных вычислительных комплексах Института внеземных культур. В качестве крайней меры... — Керри Йос исподлобья оглядел зал. — В качестве крайней меры — тревога по форме «Общий шторм».

Станислав, Филипп и Богданов переглянулись.

Потом Богданов продемонстрировал всем видеофильмы: первый — снятый на Шемали, когда изучались «зеркальные

перевертыши», второй — станция над Орилоухом, посещенная неведомым Наблюдателем, и третий — следы, оставленные Наблюдателем на обшивке разведкораблей, на контейнерах и на станциях ТФ-связи: странные знаки в виде звезды.

После совещания Филипп возвращался до ближайшего метро вместе с Томахом и Богдановым. По тихим коридорам центра УАСС, потом по липовой роще шли молча, погруженные каждый в свои думы; воспользоваться метро центра никто не догадался.

Под ногами шуршали сухие листья, вокруг полыхал пожар золотой осени, деревья постепенно обнажали головы перед приходом Ее Величества Зимы...

Филипп по-своему любил осень, то красивую и грустно-величественную, в золотом и багряном убранстве, то дождливую и сырую, как капризный ребенок, когда у метеопатруля случались непредвиденные накладки в разработке погоды, но в этот раз ему было не до красот природы, он размышлял о той великой, повседневной, будничной работе Управления аварийно-спасательной службы, которая как щитом закрыла огромное тело человечества, чтобы оно не оступалось, не ранилось, не получало тяжелых ударов извне и изнутри и не забывало ошибок прошлого и настоящего на своем долгом пути в будущее...

Уже у сине-белого паруса метро, над которым горела видимая даже днем буква «М», Филипп спросил:

— Разве Спенсер не знает о принимаемых вами мерах? Почему он задал этот вопрос на совещании?

— Знает, конечно, — ответил Томах. — Но не знают другие начальники секторов и отделов.

— А почему ты потащил на совещание меня? Разве я уже состою в руководстве отдела?

— Пока нет, но первый шаг ты уже сделал.

— Какой же? — удивился Филипп.

— Когда взорвал СПАС-семь.

— А если серьезно?

— Я тебе уже говорил: через месяц, может быть, два мы отправимся в новую экспедицию, туда, где работают пока одни пограничники и разведчики. Это и станет твоей проверкой, полной, от физики тела до психики и интеллекта. Правда, физику ты имеешь неплохую, даже эффектную, что весьма неплохо действует на некоторых женщин.

— В наше время видимость мускулатуры не может служить критерием силы, — сказал задумчиво-рассеянный Богданов. — Некоторые юноши выращивают мускулы с помощью биотрансляции за два дня. Модно.

Филипп усмехнулся, заметив изучающий прищур его глаз.

У Станислава мелькнули в глазах веселые искорки.

— Ну, лично я в него верю, драться он умеет. Тебя еще что-то смущает, старик?

Филипп замялся, потом глухо проговорил:

— Как я понял, рано или поздно придется оставить большой волейбол?

— У тебя появятся другие тренировки, ты ведь будешь работать в оперативной группе, а там нужна не только умная голова, но и сильное, хорошо тренированное тело, и мгновенная реакция, и много такого, о чем ты еще не догадываешься.

— Значит, терять-таки придется...

Томах покашлял, вместо него ответил Богданов:

— Эта боль в груди почти у каждого из нас. Может быть, ты не знаешь, но Слава, например, был мастером спорта по регби, наш начальник отдела имел в двадцать пять лет черный пояс по гайбо, руководитель СЭКОНа Морозов — чемпион Земли по стрельбе из пистолета. Продолжать?

— Не надо, — пробормотал Филипп. — Мне-то... — Он хотел сказать: «Мне-то от этого не легче», но передумал.

Они постояли у входа в метро еще несколько минут, словно не решаясь расстаться. Затем Богданов молча пожал им руки, собираясь уходить, и тут Томах сказал:

— Знаете, у меня мелькнула странная мысль...

Богданов остановился на полшаге, обернулся.

— Странная, ей-богу, мысль... Не заинтересовалась ли нами, человечеством в целом, организация типа нашей спасательной службы? Так сказать, УАСС Галактики? А то и всего космоса?

— Ого, ну и масштабы! — усмехнулся Никита. — От чего же нас, то бишь человечество, надо спасать?

— Ну, мало ли... Хотя бы не спасать, а провести профилактику или, скажем, лечение от равнодушия. Разве не проявляются у нас рецидивы этой болезни? Вплоть до настоящего времени?

— Опять твоя пресловутая теория равнодушия! Когда-нибудь тебя за нее хорошенько вздуют теоретики-социологи.

— Так разве я виноват, что прав? — обиделся Томах.

— Прав? — Богданов улыбнулся с грустью. — К сожалению, прав. Тут я с тобой согласен. Ну, до связи.

Он ушел.

— Истина ничуть не страдает от того, что ее не признают, — пробормотал Томах старинное изречение. — Ты к себе, в Басово?

— Скорее всего к... в общем, не домой.

— Тогда до связи, безопасник. В понедельник в восемь утра ко мне: комната сто три.

Филипп кивнул, вскинул вверх кулак, и они разошлись по кабинам.

Глава 8

БУДНИ

Филипп снял эмкан, выключил информсопровождение и потянулся в кресле всем телом. «Завтра Слава устроит разнос, — подумал он, — за неурочные занятия. Я бы и рад заняться чем-нибудь другим, если бы знал чем...»

В коридоре было темно и тихо. Лишь иногда по потолку пробегал ручей бледного света — какой-то из роботов обслуживания здания проверял неведомо какие цепи.

Он закрыл кабинет и покинул здание североамериканского филиала управления, полупогруженное в темноту: оперативные отделы и диспетчерские пункты бодрствовали круглосуточно.

Через полчаса вышел на второй станции метро Москвы.

Здесь был полдень, солнечный и тихий. Людей на улицах и у метро было мало, и Филиппу вдруг страшно захотелось в конструкторское бюро, за комбайн. Не раздумывая, он шагнул обратно и вскоре вышел из кабины метро Института ТФ-связи.

В свою лабораторию вошел робко, словно проситель по личному делу, и вздохнул с облегчением: она была пуста. Он не сразу заметил перемены в комнате, потом понял и грустно улыбнулся. В комнате вместо трех комбайнов стало четыре, а над экраном ближайшего к выходу мыслепроектора, с

которым он работал, висело его стереофото. Филипп на нем о чем-то сосредоточенно размышлял: брови сдвинуты, вертикальная морщина прорезала лоб, губы упрямо сжаты. Чья же это фотография? Лии? Кирилла?

Вздохнув, он сел в свое старое кресло, которое привыкло к нему за три года работы, и долго сидел, не шевелясь, вспоминая тех, с кем пришлось работать, и какие проблемы решать, и как все было просто, хорошо и спокойно. Да, именно просто! Он был уверен в завтрашнем дне, уверен в себе, в значимости задач, которые стоили долгих вечеров, а иногда и нервных перегрузок. А что теперь? Уверен он в себе, как прежде? Спокоен? И можно ли вернуться, не вспоминая того, что он уже постиг в отделе безопасности УАСС? Не думая о замечательных ребятах, жизнь которых подчинена неслышному другим ритму частых тревог, заканчивающихся схватками со стихией или с последствиями веками творившихся преступлений эпохи разобщенного мира? Правильно ли он решил? И решил ли?

Сзади раздался шорох, Филипп вздрогнул, оглянулся. В комнату вошел руководитель бюро Кирилл Травицкий.

Несколько секунд они рассматривали друг друга, потом Филипп выбрался из кресла, неловко пробормотал:

— Здравствуйте...

— Привет, — кивнул Травицкий, шевеля выгоревшими бровями. — Тянет?

— Тянет, — помедлив, признался Филипп. Ему показалось, что Травицкий сейчас поймет, что у него на душе, и начнет читать наставления: «Я же говорил... надо было крепко подумать...»

— Если хочешь, приходи сюда, когда вздумается. — Травицкий погладил подбородок. — Только у меня к тебе один вопрос... Не обижайся, Филипп, но все ли ты взвесил, прежде чем перейти в УАСС? Понимаешь меня? Отвечает ли работа в аварийно-спасательной службе твоим возможностям?

«Все-таки я становлюсь неплохим психологом, — подумал Филипп, — он спросил то, чего я боялся...»

— Не знаю, — сказал конструктор наконец. — Не знаю, но мне кажется, вопрос надо ставить иначе: отвечаю ли я требованиям службы. Мой друг, а теперь непосредственный начальник — я хотел сказать, я работаю в его отделе — говорил, что спасателям нужна не только умная голова, но и

сильное тело. Понимаете? Не наоборот... ну как бы вам это объяснить... работа в управлении требует в основном умов, и там их достаточно...

— Избыток, так сказать, — серьезно вставил Травицкий. Филипп сбился с мысли и замолчал.

— В общем, мне интересно...

Травицкий в грустном недоумении вздернул бровь.

— Вернее, не то чтобы интересно, — заторопился Филипп, начинавший злиться, — а... как бы сказать... ритм работы безопасника не оставляет времени на самокопание... и ненужный самоанализ... — Филипп запутался окончательно, уже не представляя, что хотел сказать. Но Травицкий не стал иронизировать.

— Странное дело, — сказал он с удивлением, собрав морщины на лбу. — Умные, безусловно одаренные люди идут работать туда, где их талант почти не используется! Где нужна прежде всего не ясная голова, а крепкие ноги и бицепсы, «талант» мгновенно нажимать нужные кнопки, быстро бегать и высоко прыгать! Физика тела!.. Почему?

— Неправда, — возразил хмурый Филипп. — Может быть, я не умею объяснять, но там ясная голова нужна еще больше, чем физика тела. Просто спасатель, а тем более безопасник, обязан быть сильным физически, потому что в некоторых случаях приходится спасать людей без техники и кнопок, надеясь только на свою силу и ловкость.

Травицкий не расслышал, словно говорил сам с собой.

— И был бы это единичный случай, тогда бы я понял, страсти молодости часто неуправляемы и решения импульсивны. Но, кроме тебя, я знаю других ушедших в УАСС: Керри Йоса, Тектуманидзе, Василия и Никиту Богдановых... Не понимаю...

— Керри Йос? — удивился в свою очередь Филипп. — Керри пришел в управление? Откуда?

— Ты не знал? — очнулся Травицкий и снова погрузился. — Керри Йос в двадцать восемь лет защитил степень магистра планетологии, он был одним из крупнейших вулканологов Системы, а теперь — всего лишь начальник отдела безопасности.

— А Богданов?

— Никита — психосоциолог, а его брат был ксенотехнологом. Эфналитиком он стал уже в управлении. Страшное

слово — был! Почему он умер? Какую сверхважную задачу решал, перейдя предел выносливости? А ведь он мог стать ученым с мировым именем и обогатить науку крупными исследованиями! Стоило рисковать такой жизнью ради сомнительных расчетов вариантов будущего? Разве место ученому... — Травицкий увидел лицо Филиппа и замолчал.

— Не знаю, жалел ли Богданов о своем решении стать безопасником-спасателем, — проговорил тот с трудом, — но, к сожалению, формула морали, которая входит в нашу кровь с детства — в мире нет чужой боли! — для спасателя ощутима материально. Вдвойне! Втройне! Потому что, видя чужую беду, он забывает о своей боли, и для него нет и не может быть иного выбора! Поэтому и эфаналитик, рассчитывающий пути безопасного развития общества или отдельных коллективов, как Богданов и многие другие, тоже спасатель, а его идеи — интеллектуальный резерв человечества в целом! И на этом пути нужны блестящие умы, иначе простая «физика тела» может наломать таких дров!.. — Филипп задохнулся и умолк.

Начальник бюро знакомо покивал, склонил голову к плечу и остро посмотрел ему в глаза.

— Вот теперь вижу, что ты решил окончательно, парень, — сказал он безрадостно. — Была у меня искра сомнения, а я все не решался спросить прямо. Правда, ты меня не убедил, из множества профессий, требующих от людей, к сожалению, рисковать жизнью там, где этого уже можно избежать, ты выбрал самую трудную. Могут возразить, такова человеческая натура, мол, без риска нет удачи и великих открытий... Неверно! Гибнет человек — гибнет Вселенная, и никакими целями во благо эту гибель оправдать нельзя! Спасательная служба должна базироваться на точных расчетах опасных путей и на выполнении всеми правил обхода этих путей... Впрочем, мы отвлеклись, философия — мой конек. Недавно наш сектор закончил доводку твоей антенны, скоро начнем замену старых на всех метро. А решение свободного полета, без камер и антенн, к сожалению, привело к новой проблеме — проблеме многомерного дублирования, мы ее назвали «проблемой ТФ-двойников». Чего-то мы еще не понимаем в ТФ-теории, она оказалась гораздо глубже, чем думали теоретики... Не хочешь поработать? — внезапно спросил Травицкий. — В удобное время, конечно.

Филипп с недоверием посмотрел на начальника бюро.

— А можно?

— Включай аппаратуру. Академия дала Институту задание рассчитать параметры ТФ-взрыва, ты слышал об эксперименте галактического ТФ-просвечивания? Нужно вычислить конечные числа ударной волны, напряженность поля, излучающую сферу, вязкость ТФ-поля во время взрыва, степень рефракции и все остальное. Эквивалентная масса взрыва равна примерно массе Фобоса. Возьмешься?

— Где предполагается разместить установку инициирования?

— На спутнике Сатурна, Фебе, хотя это не окончательное решение. Все необходимые для расчета данные уже записаны в машину, код прежний. Когда приступишь?

— Сейчас, — быстро ответил Филипп.

Травицкий усмехнулся, кинул взгляд на стереофотографию на стене и вышел.

Филипп с минуту смотрел ему вслед, потом тряхнул головой, привычно подогнал кресло под позу размышления, включил вычислитель и жадно схватил корону эмкана, будто не прикасался к такой же, по крайней мере, месяц.

Через полтора часа, слегка ословелый от мыслительной нагрузки, он закончил вычисления, полюбовался выводом в растворе мыслепроектора — кроме характеристик взрыва, он рассчитал и глубину погружения установки под землю, исключаящую любые помехи, — и снял эмкан. По расчетам выходило, что ТФ-взрыв на Фебе опасен только этой небольшой ледяной планетке, используемой как рудник дейтериевого и тритиевого льда. На всякий случай Филипп приписал внизу: расчет проверить и повторить на компьютерных комплексах информцентра Даль-разведки. Он не верил, что более мощные машины космоцентра или погранслужбы сделают расчеты намного точнее, но все же будет спокойнее, если кто-то проверит его выводы.

Выключив аппаратуру, Филипп с грустью погладил панель пульта, аккуратно поместил эмкан в нишу, положил на панель карточку с отпечатанным решением — Травицкий, несомненно, найдет ее сразу — и прошагал к двери. У порога оглянулся, остановил взгляд на своей фотографии («Знаменитость номер один института!»), поколебался немного и тихо, на цыпочках, пошел прочь от двери.

Сойдя с лестницы парадного входа института, он некоторое время решал, какой выбрать транспорт: такси-пинасс, монор или индивидуальный антиграв, затем распрямил плечи, огляделся, словно только теперь понял, где находится, и пошел пешком через парк, окружавший институт.

Был солнечный морозный день середины декабря. Лес по сторонам дорожки стоял торжественный и тихий, усыпанный алмазными иглами изморози. Под ногами поскрипывал первый снежок, обещанный синоптиками, воздух был чист и свеж. Не хотелось ни о чем думать, только идти по снегу, оставляя четкие следы, и дышать.

Пройдя парк, Филипп порядочно продрог, потому что был одет не по сезону, в светло-серый джемпер и брюки со шнуровкой, осенняя модель. Поискав глазами вход на платформу монора, он вдруг очнулся окончательно и с удивлением посмотрел на часы: с момента выхода из института прошло больше часа. И тут до сознания дошло, что руку давно «кусает» биосигнал личного видео. Он поспешно повернул браслет, и над серебристым квадратиком возник миниатюрный Станислав Томах.

— Где тебя носит, Ромашин? Никак не могу дозвониться.

Филипп невольно смутился.

— Я был в институте...

— ТФ-связи! Так! Закончил рабочий день в управлении, а потом пошел еще и в институт? Хорош! Медом намазан твой вычислитель, что ли? В управлении их мало...

— Да не мало, но я привык... Веришь — иногда даже sny снятся, будто я работаю за комбайном!

— Так в чем же дело? Тянет — приходи и работай, если твое место не занято, только предупреждай, куда уходишь и на сколько. Едва ли Травицкий будет возражать.

— Он-то не возражает, — вздохнул Филипп.

Томах начал сердиться.

— Чудак-человек, кто же тебе запрещает? Лишь бы не перегружал организм, да хватало бы времени на занятия в школе стажировки.

Филипп отвел виноватый взгляд.

— Извини, Слава, а то я уже начал было создавать в себе культ хандры. Я нужен?

— Вылетай на третью южную базу, знаешь, где это?

— Австралия?

— Западная Австралия, Алис-Спрингс, седьмой блок метро, выход на эстакаду «Т». Запомнил?

— Что-то случилось?

— Привыкай повиноваться без вопросов. Ничего не случилось. Я кое-что поменял в твоей программе стажировки. Жду, скажем... — Станислав бросил взгляд на часы, — через сорок минут.

Изображение над квадратиком видео расплзлось в облачко света, Филипп выключил браслет. Австралия... Когда-то очень давно Аларика приглашала его туда отдыхать, но он не поехал. Тогда он не боялся ссориться...

Филипп выбрал в парке прямую дорожку к метро и пустился бегом. Ровно через сорок минут он стоял на эстакаде «Т» седьмого австралийского метро в Алис-Спрингсе. Томах уже ждал его на стоянке куттеров местных линий. Заметив крупную фигуру Ромашина, поднял руку.

Молча уселись в кабину, шелкнул, закрываясь, прозрачный колпак, машина поднялась в воздух.

— Куда это мы? — любопытствовал Филипп, наблюдая, как под ними зелень зарослей буша сменяется красновато-бурой поверхностью песков, расцвеченной пятнами серовато-голубых кустарников банксии, зеленоватого молочая и буро-желтого колючего спинифекса.

— На полигон управления, — коротко ответил Томах.

Через четверть часа полета под ними промелькнула странная куполовидная гора красного цвета, удивительно монолитная, иссеченная параллельными бороздами, с крутыми, почти отвесными склонами.

— Местная достопримечательность, памятник природы, — заметил Томах, — гора Айерс-Рок. Чуть левее — горы Маунт-Ольга.

Горы Маунт-Ольга представляли собой причудливую цепочку каменных горбов, также крутых и неприступных.

— Я нарочно решил показать тебе их издали, хотя мог бы назначить встречу прямо на полигоне. Выберем время, слетаем и посмотрим вблизи, с этими горами связано много красивых легенд.

Вскоре куттер пролетел над отлогими песчаными холмами с красными макушками скальных обнажений, над каким-то пересыхающим соленым озером, где в окружении белоснежных солончаков поблескивали досыхающие лужи-

цы воды, за ними показалась металлически отсверкивающая полоса, совершенно не гармонирующая с пустынным миром. Тут же на панели курсографа запульсировал красный огонек.

— Я Пятый, — проговорил Станислав в микрофон. — Отдел безопасности, ключ «тысяча сто одиннадцать».

Огонек погас.

— Что это означает? — любопытствовал Филипп.

— Если бы я не знал пароля, нас бы уже посадили. Металлическая полоса, над которой мы пролетели, это радарно-защитная линия полигона.

Куттер пролетел над полосой, уходящей за горизонт в обе стороны, и снова потянулась рыхлая, с пятнами солончаков поверхность пустыни. Вскоре Филипп заметил впереди какие-то колеблющиеся в знойном мареве многокилометровые громады, похожие на плывущие по пустыне старинные дредноуты. Но чем ближе безопасники подлетали к полигону, тем больше он становился похожим на парк геометрических фигур. Здесь были и цилиндры с шипами, и диски с трубами, ряды ослепительно желтых призм, додекаэдров, икосаэдров, пирамид, куполов и башен. Подлетев ближе, Филипп узнал в цилиндрах спейсеры звездного флота, остальные гиганты, разбросанные среди песчаных барханов насколько хватало глаз, были ему незнакомы.

Куттер скользнул над широким рвом, в глубине которого мерцала какая-то жидкость, и опустился на круглую коричневую площадку причала, сделанную, очевидно, из расплавленного песка. Томах со звоном откинул блистер, стали слышны звуки полигона: звонки, гулы, свисты, бормотание громкоговорителей и шумные вздохи воздушной продувки шлюзов. На разных уровнях пронеслись потоки грузовых платформ, пинассов и магнитных поездов, мелькали незнакомые решетчатые шары с бушующим внутри желтым пламенем, падали с неба и уходили ввысь черные иглы с дымными хвостами, сустились роботы всевозможных форм и назначений, плавали на разных высотах диски гравикранов...

— Что? — усмехнулся Томах, понаблюдав за реакцией товарища. — Ни разу не был на полигоне?

— Не довелось, — пробормотал Филипп. — Что это за бруски?

Станислав проследил за его взглядом: неподалеку робот-

погрузчик брал с платформы манипуляторами тяжелые черные параллелепипеды и погружал их в недра одной из призм.

— Это металлоорганты — пища для химреакторов. На каждом спейсере есть свой завод-репликатор и запас матриц, с помощью которых реакторы воспроизводят важнейшие детали и узлы недублированных систем и механизмов.

— А это что за зверь? — Филипп указал на одно из гороподобных страшилищ: широкий, с километр в основании, купол, соединенный с тремя конусами гигантскими фермами, на которые были нанизаны десятки колец и спиралей.

— Вульгарный ТФ-космолет, — сказал Томах со странной нежностью. — Это первенец ТФ-космоплавания крейсера «Илья Муромец».

— «Илья Муромец»? — удивился Филипп. — Но ведь ему уже больше полувека!

— А никто и не говорит, что он летает. Ходовые генераторы с него давно сняты, и теперь это тренажер для экипажей; памятника из него решили не делать из-за неэстетичной формы. Зато вот тот, справа, «Россия», спейсер первого класса, лидер нашего спасательного флота.

Филипп прошелся взглядом по колоссальному диску «России», загородившему треть небосклона, и подумал, что современные космолеты ничем не напоминают стреловидные ракетные корабли начала звездоплавания. К тому же надо обладать безудержной фантазией, чтобы верить в то, что эти гиганты способны летать вообще.

Вдруг над пустыней пронесся короткий вой. Потом еще и еще с секундным интервалом взывала сирена.

— О! — оживился Томах. — Тебе повезло, объявлен старт «Тиртханкара». Ты, наверное, еще не видел старта спейсера издали, да еще с Земли?

Станислав поискал глазами возвышение и быстро направился к решетчатой толстой башне, на вершине которой вращался плоский зеркальный квадрат.

— За мной, не отставай.

По трехмаршевой лестнице они влезли на площадку башни, под квадрат, поверхность полигона легла перед ними на десятки километров желто-оранжевой барханной скатертью с рельефным узором сооружений и машин.

Километрах в семи от них, на северо-западе, над широким черным конусом спейсера «Тиртханкар» горели верти-

кальные алые огни — предстартовое предупреждение. Снова раздался вой сирены, оборвался, словно ей заткнули глотку, и одновременно с этим конус спейсера вдруг посветлел, наполнился золотым сиянием и медленно поднялся в воздух, оставляя за кормой клочья и струи сияния, будто с него сползала позолота. Громкое ядовитое шипение перекрыло все звуки полигона, от него заломило зубы, как от холодной воды...

Потом тяжкий удар потряс воздух, поднимающийся спейсер вдруг превратился в копье света, вонзившееся в зенит, а когда люди открыли ослепленные глаза, звездолета уже не было над полигоном. Деловитые летающие гномики — роботы технической службы полигона — кинулись к дымящемуся пятну на месте старта и залили его белой пеномассой.

— Все, — сказал Томах и полез вниз.

— Я ожидал большего, — проворчал разочарованный Филипп.

— Наоборот, слишком много шума и огня. Было бы хорошо, если бы старты проходили бесшумно и незаметно. Грохот и огонь говорят лишь о несовершенстве техники, ясно? Мысль далеко не новая, но абсолютно правильная.

Станислав миновал громадное белое кольцо орбитального лифта, над которым светился толстый столб воздуха, безгравитационный туннель лифта, и направился в обход глубокой воронки, обрамленной множеством колец, вложенных друг в друга. Оглянувшись на Филиппа, нырнул в темное отверстие люка в наклонной стене какого-то здания.

Филипп последовал за ним, гадая, зачем на полигоне установили эмиттер ТФ-генератора, да еще таких размеров.

В овальных коридорах строения сновали молчаливые люди в рабочих комбинезонах, от двери к двери ползали неуклюжие с виду «черепахи» киберслужбы, на которых никто не обращал внимания; по потолку неслись, обгоняя друг друга, какие-то надписи; волнами накатывался многоголосый шум и спадал до шепота.

Догнав Томаха в слабо освещенном коридоре, Филипп спросил:

— Слава, зачем рядом с лифтом установили ТФР?

— Для наглядности, — с иронией ответил Станислав. — Откуда ты знаешь, что это ТФ-разрядник?

— Какой бы я был конструктор ТФ-аппаратуры, если бы не знал, как выглядит ТФ-эмиттер с плавающим фокусом и

меняющейся геометрией разряда. Только размеры его несколько необычны...

— Этот эмиттер, по мысли тех, кто его устанавливал, предназначен для защиты полигона. Монтировался он очень давно, в настоящее время заблокирован, но... демонтировать его никто не решается. Вдруг наш неизвестный Наблюдатель вздумает напасть на Землю?

Филипп споткнулся.

— Ты серьезно? Зачем ему это?

— Может быть, для того чтобы понаблюдать за нашей реакцией. А вообще ерунда, конечно, я неудачно пошутил.

Они миновали перекресток, коридоры, казалось, уходили в бесконечность, пустые и гулкие — в этой части подземного строения людей встречалось мало. Вдруг наткнулись на сидящего прямо на полу человека в расстегнутом комбинезоне. Томах замедлил шаг, но почему-то прошел мимо. Филипп остановился. Поза незнакомца показалась ему неестественной, словно человек согнулся от боли. Филипп собрался предложить ему помощь и тут только заметил, что человек спит. Лицо у него было невероятно усталое, измученное и в то же время спокойное, словно он спал дома, в кровати.

Филипп, оглядываясь, догнал Томаху.

— Что это он здесь уснул? — шепотом спросил он.

— Разве не видно, устал. Очевидно, попалась трудная смена.

Станислав свернул налево и с размаху вошел в дверь со светящимся предупреждающим транспарантом: «Не входить! ПОД- 42».

Комната была невелика: куб со стороной метра три. Из одной стены вырастал странной формы пульт, остальные стены представляли собой нечто вроде туманных драпировок. Возле пульта стояли четыре кресла, в одном из них, откинувшись, сидел коричневолицый мужчина с эмканом на голове. На вошедших он не обратил никакого внимания.

— Садись, — вполголоса сказал Томах, указывая на кресло, и сел рядом. — Ты представляешь, где мы находимся?

Филипп покосился на темнолицего. Тот не двигался и не открывал глаз. Интересно, чем можно заниматься с эмканом технуправления на голове?..

— Не представляю.

— ПОД — пост оперативного дежурства спасательной

службы. СПАС еще не забыл? Так вот посты ПОД мало чем отличаются от станций приема аварийных сигналов, только назначение их разное.

Станислав достал шлем, напоминающий эмкан конструкторского комбайна, а также шлем хоккеиста, протянул Филиппу.

— Надевай и подгоняй.

Конструктор приладил шлем на голове, поправил круглые диски аудиофонов на ушах. Тишина стала абсолютной, не было слышно даже собственного голоса, только ток крови в голове.

Томах что-то сказал, надевая такой же шлем.

— Сядь удобней, — понял Филипп по движению губ. Он последовал совету, и тут ему показалось, что он провалился в какой-то глубокий, бесконечно глубокий колодец, наполненный звенящим гулом, тоненькими свистами, шипением и шорохами. От неожиданности ухватился за подлокотники кресла, потом понял — включилось псизвуковое сопровождение — и разжал кулаки. Подобное ощущение он уже испытывал на СПАС-семь.

В комнате стало темно, исчезли куда-то стены. Филиппу стало казаться, что у него выросли десятки голов и рук, протянувшихся в пространство на многие миллионы километров. Он оказался одновременно в десятке мест, в башенке поста над полигоном, у пульта вычислителя, у экранов какой-то видеосистемы, на Луне, под землей, в пространстве... Связи множились, превращались в многосложную систему, он уже не успевал реагировать на рост «новых рук и глаз», тело стремительно распухало, усложнялось, делилось, пока не заполнило собой весь космос!..

Потом в ушах отразилась мгновенная очередь точек и тире, повторилась сотни и тысячи раз в сотнях и тысячах голов Филиппа и сама собой распалась на слова: «Внимание! Проверка положения. В Системе все спокойно».

И снова потекло пространство сквозь пальцы, запульсировали в голове шумы излучений, тихие голоса неведомых дежурных, и Филипп понял — он сейчас «видит» изнутри часть системы мгновенной ТФ-связи УАСС, соединяющей дежурные посты на важнейших промышленных объектах Земли и ее ближайшего планетарного окружения. Благодаря этой системе предупреждались сотни больших и малых ката-

строф, аварий и стихийных бедствий — на тех планетах, где еще не работала глобальная служба изменения погоды. Благодаря этой системе двадцать миллиардов человек, составляющих земную цивилизацию, могли работать и творить без оглядки на собственные ошибки, потому что УАСС обязана была рассчитывать последствия всех рискованных шагов человечества и всегда успевать! Для аварийно-спасательной службы не существовало законов инерции — ни физических, ни моральных, ибо она отвечала за жизнь людей, за каждого из них и за все человечество в целом...

Прошло какое-то время, прежде чем Филипп освоился со своим положением. К его удивлению, оказалось, что по желанию он мог почти полностью переключать внимание на какой-то объект и следить за работой персонала УАСС на любой из баз или полигонов и космодромов. Однако, как только он попытался «зафиксировать» себя над полигоном Австралии, послышался бестелесный голос:

— Я Сорок третий, до конца смены два часа. Кто вызывает?

Филипп не успел понять, в чем дело, Станислав стремительно переключил что-то на пульте и снял шлем. Филипп внезапно «оглох» и, недоумевая, стащил свой.

— Мыслесвязь, — пояснил Станислав. — Через ТФ-передатчики и обычный свето- и радиоконтроль. Ты пытался «влезть» на чужой канал, и дежурный тут же заметил постороннего.

— А как же другие дежурные? Не мешают друг другу?

— У каждого свой позывной и своя область ожидания.

— Но зачем они постоянно соединены между собой?

Не проще ли каждому иметь выход на свою базу, как на СПАСе?

— Дело в масштабах работы. СПАСы — периферийная ветвь системы, они как бы «подметают» пространство, подбирают остатки невыловленных аварийных сигналов и призывов о помощи. Есть еще сеть автоматических станций — третий пояс УАСС. ПОД — ось всей деятельности аварийно-спасательной службы. Допустим, где-то произошла авария, которую надо устранить в течение нескольких минут, причем сначала надо решить задачу — как! Одному человеку это иногда не под силу, несмотря на колоссальные возможности интеллектроники и вычислительной автоматики; сам зна-

ешь, головы у всех разные, уровень знаний и реакции тоже. Вот тут-то и приходят на помощь ближайшие дежурные, причем не надо тратить времени на переключения, вызовы соседей и объяснения ситуации — решение приходит мгновенно. Понятно?

— А если помощь приходит не от одного дежурного, а от нескольких? Надо же выбрать наиболее оптимальное решение...

— Бывает и так, но тогда уже выручает техника: подключенный кибер-комплекс, проанализировав предложенные решения, передаст дежурному оптимальное.

— Понял. — Филипп с уважением посмотрел на соседа с эмканом. — Он тоже дежурит?

— Тот самый «сорок третий», который почувствовал твое мысленное присутствие. Я вижу, у тебя на языке вертится вопрос: зачем я тебя сюда приволок? А затем, что до января ты будешь дежурить на полигоне, на этом посту. Керри хочет проверить тебя на дисциплину мысли и на скорость и результативность мышления. Не возражаешь?

— А если бы и возражал?

Станислав рассмеялся и встал.

— Тоже верно, ничего не изменилось бы. Пошли, покажу полигон изнутри и представлю главному диспетчеру, у меня еще час в запасе. Посмотришь «Россию», мы готовим ее к походу, в котором, кстати, примешь участие и ты.

— В качестве эксперта? — рассеянно пошутил Филипп, приглаживая волосы. Однако Станислава своим спокойствием не обманул.

— Волнуешься? Правильно делаешь. Пойдем мы далеко, к разведчикам и пограничникам, в те области космоса, которые еще недоступны освоителям. Честно говоря, я тоже волнуясь, потому что надеюсь встретить нашего Наблюдателя, того, кто потихоньку подсовывает нам то «зеркальные перевертыши», то странные «звезды», то ворует грузы, чтобы тут же их возвратить... Старт двадцать четвертого февраля, если за это время ничего не случится.

Они вошли в коридор, прорубленный в толще гранитного массива под пустыней Гибсона, и световая завеса прикрыла за ними вход в пост оперативного дежурства.

Зал был светел и гулок. В одном из его секторов упражнялись девушки-волейболистки, и оттуда часто доносился смех и звонкие возгласы. В секторе физического совершенствования тренировались борцы тайбо.

Томах заметил наблюдавшего за ними Керри Йоса, прекратил схватку, показав сопернику ладонь, и вышел на балюстраду, опоясывающую зал по периметру.

— Пришел позаниматься? Показать класс молокососам?

Керри усмехнулся.

— Годы не те, да и растренирован я изрядно. Кстати, не вижу Филиппа. Обычно на тренировках вы неразлучны. Где он?

— В Институте ТФ-связи, разрабатывает с Травицким систему мысленного управления тайм-фагом.

Керри нахмурился.

— Не перегружен ли он? Бывает так, что человек вроде бы успевает делать многое, не чувствуя усталости, а в один ответственный момент срывается. Для спасателя же, а тем более безопасника этот срыв подчас равнозначен гибели.

— Знаю, — пробормотал Станислав. — Но, по-моему, Филипп в прекрасной форме, а работа в лаборатории для него своего рода допинг, без которого он начинает хандрить.

— А волейбол? Не скучает?

— Скучает, конечно, но, когда удастся, продолжает тренироваться в залах управления. Для молодых спасателей и стажеров он кумир в волейболе. Первое время его тренер Ребров нам проходу не давал, мол, он гений волейбола, прирожденный спортсмен-волейболист, не ломаете ли вы ему жизнь, и так далее. Я даже засомневался, может, я был не прав, перевернув вертикаль его жизни? Однако Филипп уже решил все сам, причем так твердо, как я от него не ожидал. Я присутствовал при его разговоре с Ребровым, по-моему, тот его тоже понял, хотя и не без сожаления.

— Значит, тренироваться — тренируется, а за сборную Земли уже не играет?

— Пока играет, но все реже и реже. Да и времени свободного почти не остается. Школа требует творческого подхода не меньше, чем конструкторская работа и спорт.

— Убедил. Что он уже прошел?

— Первую ступень йога-тренинга: власть над болевыми ощущениями, ускоренная регенерация кожи, психомассаж.

Физически он одарен, пожалуй, лучше, чем мы в молодости, и постоянные тренировки вывели его в оперативники высокого класса. Реакция у него исключительная, координация феноменальная...

Керри Йос снова нахмурился.

— Не слишком ли много хвалебных эпитетов? Как правило, феномены и супермены в службе не удерживаются.

Томах прищурил один глаз.

— Задело? Между прочим, я вовсе не преувеличиваю его способностей. Вот пример: до школы он никогда не занимался тайбо, а на второй тренировке едва не «связал» меня в трехминутке! А ведь у меня оранжевый пояс!

— Оранжевый — не черный, мало тренируешься. — Начальник отдела стал разглядывать пары борцов.

Из игровой зоны зала донесся взрыв криков, мяч от рук волейболисток пролетел весь зал и подкатился под смотровую галерею в том месте, где сидели Томах и Йос.

Станислав вдруг подмигнул начальнику отдела и в том положении, в каком сидел, одним прыжком перемахнул балюстраду, упал с высоты трех метров на пол зала — мягко, беззвучно, сгруппировавшись в полете, и безошибочно подкатился к мячу, тут же вскочил и подал его оторопевшей девушке.

Керри Йос сошел вниз, буркнул:

— Любишь дешевые эффекты... Твое мнение: где можно использовать Ромашина?

Томах поморщился.

— Использовать?

— Прости. — Керри дернул щекой. — Застарелый жаргон политической разведки. Нет-нет да и ляжет на язык. Наверное, слишком много читаю исторических хроник. Так что, дадим ему группу?

— Чуть позже. Я хочу, чтобы он поработал сначала в группе Панченко рядовым исполнителем.

— У Панченко, в «Аиде»?

— А что? Для общего развития. С дежурством в системе ПОД он справился хорошо, работа в «Аиде» будет его последней проверкой перед экспедицией.

— Что ж, не возражаю. Но я не хотел бы, чтобы в группе Панченко получилось то же, что и на СПАС-семь во время катастрофы на космотроне. Парни там лихие.

— А я на что? Первые два-три дежурства я побуду с ним в смене, а потом он освоится, тоже не из робких.

Йос кивнул и пошел к выходу.

— Ты только за этим и приходил? — спросил вслед Томах.

Керри остановился и бросил через плечо:

— Никиту пока не ищи. На Шемали снова появились «зеркала», и он ушел туда с дежурной группой. Ты со своими говорежами в резерве.

— Так-так! — пробормотал Томах, глядя мимо подошедшего тренера.

— Зачем Керри пожаловал? — спросил тот.

— Предупредить, что я в резерве, — ответил Станислав.

— По делу Наблюдателя?

Томах очнулся, покрутил головой.

— До чего осведомленные люди кругом — жуть берет! Ты-то откуда знаешь о Наблюдателе?

— Слухом земля полнится, — я, что ли, не работаю в управлении? Кстати, где Никита? Пропускает третью тренировку подряд.

— Он в поиске, вернется не раньше чем через две недели.

— «Зеркала»?

Станислав засмеялся, тренер тоже.

— Ты не из свиты Наблюдателя часом? Ну пока, с меня на сегодня довольно.

Они разошлись.

Стоя под душем, Томах думал о том, что обнаружит Богданов на Шемали...

Глава 9

ПРЫЖОК «ИСКАТЕЛЯ»

Перед ним лежали две раскрытые папки с какими-то документами и желто-коричневый диск кристаллокартотеки. Папкам было, вероятно, лет сто, если не больше. Богданов заметил блестящие, залитые консервирующим составом листы бумаги и какие-то старые фотографии.

— Ты доволен?

— Начинать надо с экспедиции «Парящего орла», — сказал он. — Первыми о «зеркала» сообщили они.

Керри кивнул, по-прежнему не отрывая взгляда от бумаг.

— «Парящий орел» ушел к гамме Дракона.

— Звезда Этамин, спектральный класс К5, сто пятьдесят световых лет. Они открыли богатую планетную систему, а на второй планете, близкой по параметрам к Венере, жизнь.

Керри задумчиво склонил голову набок.

— Согласен, первый бросок сделаете к Дракону. Правда, пришлось надавить на Земплан через Совет, возникли некоторые проблемы.

— Какие же?

— Энергетические в первую голову. Уже сейчас мы висим на балансе: полеты разведчиков к новым звездам так энергетически дороги, что ВКС вынужден маневрировать за счет сокращения внутрисистемных потребностей. Прибавь к разведчикам наши рейды. А в Системе еще столько нерешенных проблем...

— Ну, эти разговоры я слышал не раз. К чему нам космическая экспансия, когда мы погрязли в заботах о планетах Системы?.. Давайте решим внутренние задачи, а потом подумаем о звездах...

Богданов встретил иронический взгляд начальника отдела.

— Примерно так. Если бы не экспортировали в космос эти свои нерешенные внутренние задачи... а то получается: еще на Земле не уничтожены полностью следы эпохи капитализма, а они уже появляются в десятках световых лет от нее! — Керри грустно улыбнулся. — Экспорт равнодушия.

— Что?

— Экспорт равнодушия — по терминологии Станислава. Ты же знаком с его теорией.

Богданов сделал неопределенный жест.

— По-моему, можно уже считать доказанным, что появление Наблюдателя — следствие этого самого экспорта. Станислав, к сожалению, прав.

Они встретились глазами, помолчали. Потом Никита тихо сказал:

— Итак?

— За тобой руководство экспедицией. Если все обстоит так, как предполагаю я, благодушный Керри Йос, то бояться Наблюдателя не следует, просто, руководствуясь советом Морозова, надо серьезно задуматься о космоэтике.

— Когда старт?

— Начало февраля. Давай пройдемся по составу и комплектровке, только сначала вызовем Бруно.

Йос тронул сенсор селектора и приказал вызвать к себе эксперта технического сектора Бруно Осинниго.

— Кстати, — вспомнил Богданов, — а каким образом стало известно, что экспедиция «Парящего орла» встретила «зеркала»? Как правило, разведчики не посылают ТФ-сообщения о проделанной работе из-за ограниченных энергетических ресурсов.

— Знаю, но «Орел» все же послал сообщение спустя три месяца после старта от промежуточной базы «Дракон-2».

— Значит, у них случилось что-то серьезное.

— Судя по сообщению, — хмуро сказал Керри, — жизнь на открытой ими планете не слишком гостеприимна к пришельцам.

— Существенное дополнение. И «зеркала» они, конечно, заметили не сразу...

Начальник отдела внимательно посмотрел на Богданова.

— Договаривай.

— «Зеркала» появляются лишь в том случае, когда люди в чужих мирах начинают вмешиваться в события в планетарном масштабе. Уже на Шемали можно было убедиться в этом.

— Не знаю. — Керри Йос задумался. — А тебе не становится страшно от таких предположений? Ты понимаешь? Над нами кто-то установил контроль!

Богданов неожиданно рассмеялся.

— Страшно? Нет. До контроля еще очень далеко. Контроль предполагает такое развитие событий, причина которых должна быть скрыта от контролируемого объекта, а в нашем случае все наоборот. Наблюдатель открылся нам намеренно. Другое дело — разгадать его намерения, вот что заставляет напрягать ум и силы. Но я верю, что высший разум не менее гуманен, чем наш. Наблюдателя я не боюсь, он просто напоминает нам один старинный спор; в двадцатом веке, когда прошла волна модных дискуссий, — что могут дать человечеству звезды, если ему всего хватает на Земле? Помогите, дискутировать надо было совсем по другому поводу — не что могут дать нам звезды, а что мы им принесем!

Керри Йос молча разглядывал заместителя...

Спейсер погранслужбы первого класса «Искатель» стартовал с австралийской базы второго февраля две тысячи двести восемьдесят первого года. Первый его прыжок длиной в десять парсеков к промежуточной базе разведфлота «Дракон-2» был облегчен стационарным каналом метро — точно так же пересекают расстояние грузы для человеческих поселений в разные концы обитаемой зоны космоса. Дальше в глубину созвездия спейсер направлялся своим ходом.

«Искатель» был полностью специализированным и до предела автоматизированным кораблем пограничной службы. По энерговооруженности он уступал только флагману СПАС-флота «Россия» и мог справиться с любым планетарным катаклизмом типа извержения вулкана, землетрясения или цунами. Экипаж «Искателя» состоял всего из пяти человек: шкипера, двух инженеров бортовых систем и двух инженеров-пилотов. Группа безопасников и пограничников в двенадцать человек, среди которых находился и Филипп Ромашин, разместилась в шести каютах пассажирского отсека, способного при необходимости уместить до ста пятидесяти человек. Но в данном случае спейсер не собирался исполнять функции спасательного паромы или пограничного рейдера, задача перед ним стояла посложней, поэтому и экспедиция была экипирована гораздо серьезней, в расчете на появление всякого рода неожиданностей, вплоть до вооруженного столкновения с Наблюдателем (разрабатывался и такой вариант). То, что вместо «России» в экспедицию ушел «Искатель», объяснялось сложившимися обстоятельствами, среди которых была срочная эвакуация персонала двух энергоконсервных заводов на Меркурии: за три дня до старта к звездам «Россия» ушла туда по тревоге.

Руководство экспедицией осуществлял Богданов, получивший карт-бланш официала УАСС, то есть в случае необходимости имевший самые высокие полномочия.

Филипп, несмотря на некоторый опыт работы в управлении, поначалу чувствовал себя неуютно среди профессионалов-безопасников, но уже на второй день полета вполне освоился со своим положением, хотя и не принимал участия в дискуссиях, которые обычно завязывал Станислав.

Однажды после ужина Томах снова начал разговор о предназначении разума вообще и человека в частности. Богданов в спорах не участвовал, как и Филипп, и они вдвоем с

интересом следили за развитием событий, переглядываясь и вполне понимая друг друга.

«Искатель» уже покинул базу «Дракон-2» и готовился к самостоятельному рейду, поэтому в кают-компании никого из членов экипажа не было, все уютное звездообразное помещение было отдано пассажирам.

— Разум вообще — явление довольно ординарное, — сказал активный участник всех бесед Януш Микульский. Невысокий, сдержанный поляк по образованию был лингвистом, выделяться не любил, но по каждому вопросу имел свое мнение, которое и отстаивал умело и аргументированно, невольно вызывая уважение оппонентов. — Давно прошли времена, когда хомо сапиенс считался великим исключением как носитель разума. По-моему, ответ на вопрос: «Зачем природе разум?» — кроется в теории гибкого реагирования.

— Не совсем так, — проговорил врач экспедиции Борис Лихолетов, единственный незагорелый среди коричневых от загара ребят; главной его чертой была аккуратность, а еще он был чрезвычайно вежлив, что особенно замечалось в среде иногда грубоватых и резких на слово спасателей.

— Теория гибкого реагирования годится только для термина «жизнь». Ваш вопрос, Слава, уместно было бы сформулировать так: «Зачем природа создала разум?»

— Не знаю, — сказал Томах. — Жизнь попросту одно из проявлений заурядного в космосе процесса гомеостатической организации. Кстати, мне кажется, в применении теории гибкого реагирования к заданному мной вопросу есть рациональное зерно.

— Конечно, — кивнул Микульский. — Разум — гомеостатический регулятор второй степени, способный противостоять возмущениям среды посредством действий, опирающихся на исторически приобретенный опыт. Это определение из учебника. Вот и ответ на ваш вопрос: разум лучше противостоит ударам среды.

Томах подумал и признался:

— Меня этот ответ не удовлетворяет. Борис прав, вероятно, я несколько туманно сформулировал вопрос. Надо было спросить, а зачем природе жизнь вообще. Ну и разум тоже, но только после того, как выясним первую часть вопроса. Ведь природа в широком смысле слова — это не та оболочка существования человека, под которой мы обычно подразуме-

ваем природу: леса, реки, моря, воздух и так далее. Природа — это в основном космос: вакуум, излучение, галактики, звезды, планеты, квазары, черные дыры, газ и пыль, то есть — мертвая материя! Исходя из этого, зачем мертвой материи, хотя и живет она по-своему, во времени, энтропийно, живая материя? Жизнь?

— Жизнь — основа разума, — пробормотал флегматично-унылый Бруно Осинниго. — Януш тут уже предлагал определение разума, что еще нужно? Это же естественно, что разум более гибко реагирует на изменение условий существования, причем уже в начальной стадии развития.

— Смотря какие изменения, — возразил Лихолетов. — К примеру, справился бы хомо габилис с ледниками, пройди они по всем материкам Земли?

— Не справился бы. С ними не справились бы, наверное, и наши предки в двадцатом веке, вплоть до ассимиляции системы капиталистически-социалистических государств.

— Правильно! — поднял палец вверх Томах. — Что ж, выходит, разум не сразу выступает на арену деятельности природы? Значит, мы, люди, да и другие разумные существа нужны природе не сейчас, а позднее? Когда?

— Теперь понятно, к чему ты клонишь, — заметил молчавший до сих пор Романенко, эксперт технического сектора. — Ты хочешь сказать, что разум нужен природе тогда, когда по мощи, по крайней мере, сравняется с мертвой материей? Когда же это произойдет? Чтобы завоевать Вселенную, нужна вечность.

— Вечность... — поморщился Станислав. — И это речь инженера.

— Ответ пессимиста, — сказал Микульский. — Уже через двадцать лет мы овладеем энергией Солнца, ну, хотя бы близко подойдем к этому пределу. Еще через пару сотен лет — энергией всего Рукава Ориона. Через каких-то полтысячи лет вся Галактика будет у наших ног!

— А дальше?

— А дальше весь Космос! А он-то как раз и не вечен, и не бесконечен.

— Пока мы будем овладевать галактиками, Вселенная начнет сжиматься, и в конце концов все наши честолюбивые помыслы упрутся в черную дыру сингулярности!

— Наконец-то! — сказал Томах с удовлетворением. — Вот

потому-то природе и понадобился разум, ибо только с его помощью она может предотвратить свой конец в черной дыре Биг Хоул! После цикла красного смещения наступит цикл фиолетового, Вселенная начнет сжиматься, тут и выйдет на арену Разум, чтобы спасти себя, а тем самым и Вселенную! Ту, что станет нашим домом.

В кают-компании наступила тишина. Спорщики сдержанно переваривали гипотезу Томаха, высказанную им в полужутливой форме, популярно. И хотя все понимали, что в гипотезе этой почти нет науки и она, скорее, любопытный мысленный эксперимент, безопасников она заинтересовала.

— Но есть мнение ученых, что срок существования цивилизации — всего лишь несколько десятков тысяч лет, — сообщил Микульский. — У нас же до «конца света» после фиолетового смещения — десятки миллиардов! Где же тут цель Разума как главной защитной силы Вселенной? К тому времени во всем мире останется только «мертвая материя» — электронно-нейтринный газ.

— Миллиарды, — согласился Станислав. — Но кто может с уверенностью сказать (не знать, нет, знать и даже прогнозировать так далеко в будущее невозможно), что для той великой цели мы не должны развиваться непрерывно миллиарды лет? Или, с другой стороны, что, если мы, люди, — тупиковая ветвь Разума, возникшая слишком рано, но возникшая как одна из бесчисленных попыток природы создать именно тот тип Разума, который способен достичь цели — сохранить Вселенную такой, какая она есть?

Снова молчание. Потом голос Романенко:

— Со всем согласен, кроме одного: что я тупиковая ветвь! В кают-компании вспыхнул смех.

Потом вдруг ожил динамик общих команд под потолком кают-компаний, пискнул, глубокомысленно прокашлялся и продекламировал:

— «Поскольку Ничто не есть Нечто, все, что не Нечто, есть Ничто; а тот факт, что Нечто не есть Ничто, является чрезвычайно веским доводом в пользу Ничто, особенно для людей, искушенных в житейских делах»¹.

Видимо, в рубке прислушивались к разговору в кают-

¹Г. Филдинг.

компании, и теперь кто-то из экипажа высказывал свое мнение по этому вопросу.

Смех вспыхнул с новой силой.

— Интересно, зачем тебе понадобилось затевать дискуссию о миссии Разума? — спросил Богданов Томаха, когда они шли по коридору к каютам пассажиров. Филипп шел сзади, у него вертелся на языке тот же вопрос.

— Во-первых, потому что он меня интересует, — лукаво усмехнулся Станислав. — А во-вторых, проблема «миссии Разума», как ты назвал, тесно смыкается с нашей проблемой Наблюдателя.

— Это каким же образом?

— А таким, что единственное, ради чего стоило бы сохранить Вселенную любой ценой, — ее красота и гармония! От атома до пейзажей, радующих нас, людей, и до невиданных еще красот, которыми любят другие разумные существа, опередившие нас в развитии.

— Наблюдатель?

— И он тоже. Мы же, к сожалению, часто выносим в космос пагубный опыт земной практики хищников! Вот и приходится Наблюдателю вмешиваться.

— Сильно! Долго думал?

— Иронизируешь, несчастный? — рассердился Станислав. — Думал я долго, да и фактов у нас немало. Кстати, я развил свою гипотезу о «галактической службе УАСС». Судя по всему, Наблюдатель то же самое, что и погрансектор, а может быть, и еще хуже — выполняет функции нашего отдела безопасности, только в галактическом масштабе. Годится? Уверен, что факт исчезновения грузов — это предупреждение не применять технику, способную глобально изменить облик и климат тех планет.

Богданов замедлил шаг.

— Меня убеждать не надо, я давно это понял. Но почему «зеркала» появились у разведчиков? Они-то не полномочны применять подобную технику, да и нет ее у них.

— Прилетим на место, разберемся.

Никита вздохнул.

— Твоими бы устами да мед пить. Договорим после финиша, спокойного старта.

Он скрылся за дверью каюты, куда уже вошел Бруно.

Томах шагнул в соседнюю дверь, остановился на пороге,

Филипп попробовал сдвинуть его с места, и они с минуту молча боролись, пока Филиппу не удалось двумя рывками нарушить равновесие друга.

— Старею, — грустно сказал Станислав, поднимаясь с ковра на полу каюты. — А?

— Много болтаешь, — в тон ему ответил Филипп. — Вся энергия уходит на разговоры.

Томах включил автоматику каюты и вырастил из стены кровать, сел, глядя в пол перед собой.

— Ты знаешь, что Никита перед нашим полетом был на Шемали?

— Слышал краем уха, но подробностей не знаю, вы же все засекретили.

— Так вот, «зеркала» появились там сразу же после того, как мы послали туда грузы с Таймыра.

— После проверочных посылов?

— Да. Снова послали технику терраформистов для планетарной реконструкции. Похоже, мы правы, и наш Наблюдатель не хочет, чтобы люди слишком активно перекраивали космос по своим меркам.

Филипп сел на свою кровать.

— Но если так, то, следовательно, мы не должны разрабатывать Шемали.

Томах кивнул.

— Никита предложил начальству выйти с этим предложением в ВКС, то есть прекратить терраформистскую работу на Шемали, Истории и на планетах Суинберна.

— Ну и?..

— И Генри Бассард нас не поддержал.

— Чем он мотивировал отказ?

— По словам Никиты, — Томах слегка поморщился, — Бассард говорил о том, будто Шемали и Суинберн — редкие жемчужины среди сотен других планет, имеющие не просто атмосферу и жизнь, а земноподобные атмосферу и жизнь, причем жизнь создана там природой на белково-органической основе. Словно специально для людей. Разве можно упускать такой случай и не присоединить к земным владениям еще несколько? Это основные аргументы Бассарда.

— Но он прав.

— Конечно, прав. Только как подумаешь, что не всегда мы хозяева в космосе, а иногда хозяйчики, заботящиеся лишь

о временных благах, не желающие думать о последствиях... — Он остановился.

Филипп молча смотрел на него.

— Что, повторяюсь? Потому что не равнодушен к тому, как оценит нас, человечество в целом, тот же Наблюдатель.

— Знаешь, Слава, — тихо сказал Филипп, — может, вовсе и нет никакого Наблюдателя? А все эти «зеркальные перевертыши», «звезды», случаи с грузами — просто проявления какой-то глобальной, всегалактической совести Природы? Так сказать, обратная связь между будущими исканиями человечества и сегодняшними надеждами?

Томах скептически хмыкнул, оперся спиной о стену.

— Всегалактическая совесть Природы? Но при чем тут тогда мы, люди?

— При том, что Природа — это мы, а мы прежде всего — Природа.

— Фраза.

— Истина.

Станислав засмеялся.

— Сдаюсь, философ! Что ж, может, ты и прав в какой-то мере, но все же Наблюдатель реален и материален, а все перечисленные тобой факты скорее всего не что иное, как призыв к нашей, человеческой совести, следствие, а не причина событий.

— Внимание! — раздался из стены тихий вежливый голос. — Просим пассажиров лечь и заблокироваться по формуле штатного старта. Старт — в десять ноль-ноль по зависимому времени.

— У нас всего двадцать минут на подготовку, — спохватился Томах. — Надевай компенсатор и ложись. Штатный режим довольно приятен, если к нему подготовиться.

Они быстро принялись укладываться согласно строгой формуле нормального ТФ-старта: пассажиры космолета должны были превратить кровати в защитные камеры, принять горизонтальное положение и погрузиться в сон.

— Кстати, — сказал Томах, придерживая рукой крышку своей камеры-кровати. — Ты слышал, что готовится первый межгалактический полет к Магеллановым Облакам? Не хочешь попасть в состав экспедиции? Могу посодействовать.

— Странно.

— Что странно? Боишься, что хочу от тебя избавиться?

— Нет, в конце двадцать третьего века — первый полет за пределы Галактики. Почему так поздно? Разве ТФ-кораблям это было не под силу хотя бы полвека назад?

— Все не так просто, как ты думаешь. К твоему сведению, полеты ТФ-кораблей на дальность свыше тысячи парсеков требуют на порядок больше энергозатрат, чем мы себе можем позволить. А до Большого Магелланова Облака, между прочим, тридцать три тысячи световых лет! Или десять тысяч парсеков! Уразумел разницу?

— Но если полеты на такое расстояние слишком дороги, что же заставило готовить экспедицию в Облако?

— Астрономы открыли там совершенно уникальное явление — мост между белой и черной дырами. Что ты меня сбиваешь с толку? — внезапно рассердился Станислав. — Не хочешь участвовать в экспедиции, так и скажи.

— Я подумаю. — Филипп засмеялся и захлопнул над собой прозрачную крышку камеры.

До того как заснуть запеленутым в кокон защитного поля, он увидел, как ожил виом на стене, в каюту заглянул один из пилотов корабля, что-то весело сказал товарищам рядом, и на его месте вспыхнула исполинская звездная река Млечного Пути...

«Искатель» вышел из ТФ-канала в двух астрономических единицах от Этамина, гаммы Дракона. Определившись в пространстве и запеленговав маяк «Парящего орла», он начал разгон с помощью планетарных двигателей, направляясь к маленькой оранжевой звездочке, почти не выделявшейся на звездном фоне с расстояния в триста миллионов километров.

Через пять часов он подходил ко второй планете Этамина, еще не имевшей названия в каталогах земного астрономического центра, стараясь уравнивать скорость с неторопливо плывущим по орбите «Парящим орлом».

— Не так уж и далеко они забрались, — сказал Филипп, глядя на приближавшуюся «каплю» разведкосмолета, отражавшую густой оранжевый свет звезды. — Всего-то около пятидесяти парсеков. До Шемали и то дальше.

— Есть неисследованные звездные системы еще ближе к Солнцу, — произнес Богданов; они в составе группы десан-

та, уже одетые по-походному в компенсационные костюмы спасателей, стояли в кают-компании у главного виома. — В пределах ста парсеков вокруг Солнца находится около шести тысяч звезд! А мы добрались лишь до четырех десятков!

— Почему же разведчики так непоследовательны? Еще не исследованы ближайшие звездные окрестности, а мы прокладываем дороги за сотни парсеков!

— Это, брат, решает Даль-разведка, — сказал своим роскошным, рокошущим басом Романенко, похожий на былинного богатыря в доспехах.

— Вернее, центр координации Даль-разведки, — уточнил Томах. — Разведчики в первую очередь работают с наиболее интересными с точки зрения астрофизики объектами. Экспедиции до недавнего времени укомплектовывались в основном астрономами и физиками.

— А теперь?

— Ну, сейчас на первом месте ксенобиология, все-таки уникальность жизни во Вселенной, особенно разумной жизни, заставляет нас пристальнее присматриваться к любым ее проявлениям. Теперь экспедиции чуть ли не на две трети — сотрудники Института внеземных культур и планетографы.

В полусотне километров от внешне безмолвного «Пярящего орла» спейсер пограничников затормозился окончательно. С торца инженерно-технического диска, выдвинутого из его недр, протянулся к кораблю разведчиков тонкий и прямой, как копье, полупрозрачный рукав — безынерционный лифт. В корпусе «Пярящего орла» разгорелась и мигнула три раза зеленая звездочка.

— Лихая стыковка! — подал голос Микульский.

— Автоматика, — пожал плечами врач. — Чему тут удивляться?

Но он был не прав: в звездном флоте не было ни одного уважающего себя пилота, который не делал бы стыковку лифта да и вообще все операции поворота и сближения в космосе вручную. Считалось особым шиком, проявлением мастерства экстра-класса состыковаться со встречным кораблем на дальности не ближе двадцати километров с первого раза, что и продемонстрировали пилоты «Искателя».

В кают-компанию зажегся на стенках и потолке сигнал: «Выход разрешаю». Богданов поднял руку вверх и первым покинул зал.

Устройство катапульты лифта было уже знакомо Филиппу: точно такая же, только в несколько раз крупнее, запустила его, как камень из пращи, на Шемали. Здесь десантников пропускали в лифт поодиночке.

Он ступил на белый круг, звякнул предупреждающий звонок, ударило в ноги, и ребристый ангар «Искателя» провалился вниз, мгновенно затерявшись в эфемерной черноте пространства.

Через двадцать секунд незаметного полета внутри мерцающей трубы Филиппа приняла упругая посадочная силовая подушка финиш-камеры лифта, и он соскочил с диска на пол ангара «Парящего орла».

Ангар отличался от подобного помещения на спейсерах погранслужбы довольно разительно. Филипп, поздоровавшись с двумя встречающими, стал с любопытством осматриваться.

Большую часть объема стометрового конуса занимали летательные аппараты разных классов и два танка-лаборатории типа «Мастифф». Один из танков имел весьма плачевный вид, и возле него копошились трое механиков в черном, почти не обращая внимания на гостей. У наклонной стены напротив выхода из лифта стоял на длинном верстаке странный механизм с длинным и черным, словно обугленным, дулом, и Филипп с недоумением задержал на нем взгляд.

— Импульсный разрядник, — прогудел над ухом бас Романенко. — Для рыхления скал.

— Не только, — услышав его бас, сказал один из хозяев, бледный, с кругами под глазами невысокий человек. На его рукаве алел шеврон заместителя начальника экспедиции.

— А для чего же еще? — удивился Романенко.

— Увидите, — криво улыбнулся бледнолицый, шагнув навстречу появившемуся из лифта Богданову. Они представились друг другу.

— Дарий, — подал руку встречающий. — Заместитель начальника экспедиции по экоэтике.

— Богданов, — отозвался Никита. — Шеф-официал спецгруппы отдела безопасности УАСС. А где сам начальник?

— В базовом лагере. — Дарий замялся. — Внизу, на планете. Понимаете, я пытался доложить ему о вашем визите, но связь...

— Что связь?

— Вы не беспокойтесь, у нас часто такое бывает, — вмешался второй сопровождающий.

— Нет связи с лагерем? — удивился Богданов.

— Нет, — тихо проговорил Дарий, виновато опуская голову. — Связи с базовым лагерем в данный момент мы не имеем.

— Дела-а... — пробормотал Томах, переглядываясь с Никитой.

— Планета имеет индекс «Ад-8» по шкале безопасности, — еще тише продолжал Дарий. — Перерывы в связи не самое плохое из всего.

Филипп встретил взгляд Дария, и ему на мгновение стало зябко. Все, что угодно, но тоска в глазах!..

— Идемте, — сказал Богданов. — Введете нас в курс дела, а потом мы нырнем на планету. Сообщение с лагерем на поверхности — лифтом?

— Нет, модульное. У нас было четыре когга, осталось... три плюс восемь куттеров, но куттеры для здешних условий не годятся.

— «Ад-8» — это же биомаксимум! — шепнул на ухо Томаху Филипп. — И посмотри в глаза этому заму — за версту видно, что живется ему несладко.

— Узнаем, — буркнул Станислав.

Планетологической экспедиции «Парящего орла» повезло, хотя, по зрелом размышлении, Филипп пришел к выводу, что везение — вещь относительная. Во-первых, у Этамина обнаружилась планетная система из пяти планет и трех поясов пыли и газа. Во-вторых, на второй планете разведчики открыли жизнь, активную и даже буйную. Может быть, чересчур буйную, потому что лагерь экспедиции в первую же ночь был атакован фауной планеты со всех сторон. Обошлось без жертв, но пребывание на планете оказалось для разведчиков тяжелым испытанием, планы исследования летели один за другим, сроки срывались, а жизнь Триаса — так назвали планету — каждый день преподносила сюрпризы. Людям приходилось силой пробиваться на всех маршрутах, отбивать нападение яростных живых волн, спасать друг друга от страшных животных и вести разведку в основном на мощных «Мастиффах», что сужало районы поиска и планетографических исследований в несколько раз.

— Таким образом, — продолжал Дарий, — мы находимся,

выражаясь древними понятиями, в состоянии войны с фауной планеты. И конца этому не видно.

— А вы не пробовали разобраться в причинах агрессивности животного мира к вам? — спросил Томах.

Дарий криво усмехнулся, слегка порозовев.

— Предлагали, но начальник экспедиции сказал, что в плане работ нет такого пункта.

— А вы?

— Что я?

— Вы же его заместитель!

— Заместитель. — Дарий исподлобья взглянул на Станислава. — Да, я заместитель по экоэтике, но это все равно, что «лишний рот» в составе экспедиции.

— Ну, напрасно вы так, — мягко сказал Богданов. — Полномочий и у вас не меньше, тем более в таких условиях.

Дарий пожал плечами, красноречие его иссякло.

— Хорошо, об этом поговорим отдельно. Когда вы впервые заметили «зеркала»?

Дарий задумался.

— По-моему, с месяц назад, но сначала не придали им никакого значения, думали — случайные природные образования.

— А когда поняли, что они вовсе не случайные образования?

— Не иронизируйте, пожалуйста, — сказал сосед Дария, худощавый молодой человек с выдающимися скулами и раскосыми глазами. — Из-за этих «зеркал» пришлось устроить поисковый аврал: думали, что проморгали на планете цивилизацию.

— Мы не иронизируем, — покачал головой Богданов. — С «зеркалами» столкнулись и мы, причем в других секторах космоса, у нас интерес к ним особый. Что ж, пора знакомиться с обстановкой на Триасе, — обратился он к Томаху.

— Может быть, все-таки сначала предупредим Момму? — нерешительно сказал Дарий. — Перерывы связи не бывают длительными.

— Нет, в неожиданностях есть свои преимущества. Если связь восстановится, сообщите начальнику о нашем прибытии, а специально ждать сеанса не будем.

— Тогда хоть изучите особенности Триаса, его животного и растительного мира, иначе...

— Иначе мы будем выглядеть авантюристами, — заключил Богданов. — Конечно, начнем с изучения планетарных характеристик. Материала у вас, очевидно, достаточно.

К «вечеру» десантники знали о животном мире планеты примерно то же, что и Дарий, после чего Богданов собрал группу.

— Отчаливаем, ребята, вопросы к хозяевам есть? Нет? Прекрасно.

— Пойдете на нашем шлюпе? — спросил Дарий.

— Он еще не отремонтирован как следует, — вмешался скуластый.

— А что с ним? — полюбопытствовал Микульский.

— Нападение маунта, — неохотно ответил Дарий. — Один из них прополз через когг, у которого была выключена защита.

Десантники покинули зал связи «Парящего орла», провожаемые взглядами дежурных инженеров.

Богданов задержался, подождал Дария и тихо спросил:

— Сообщение о «зеркалах» передали вы?

— Я, — усмехнулся своей специфичной кривоватой улыбкой заместитель начальника экспедиции. — Из-за этого и сижу сейчас здесь, в корабле. Момма отстранил от планетарных работ, предъявив обвинение в использовании служебного положения в личных целях, преступном перерасходе энергии и несоответствии занимаемой должности.

Глава 10

ТРИАС

Через полчаса когг с десантной группой из пяти человек, в которую вошел и Филипп, оторвался от цилиндра «Искателя» и вонзился в серо-голубое месиво атмосферы Триаса.

Посадка оказалась не из легких: когг попал сначала в мощные широтные ветры, отбросившие его от намеченного коридора входа на космодром наземной базы «Парящего орла» на двести с лишним километров, а затем, возвращаясь, наткнулся на крыло урагана, к счастью, уползающего на север.

В космодром — если так можно было назвать площадку размером полкилометра на километр — он все же промахнулся и сел в двух километрах от базы.

— Что будем делать? — спросил Богданов, глядя на угрюмый пейзаж в виоме. — Ждать, пока прояснится?

Когг сел в неглубокой низине, заросшей кустарником, напоминающим мотки спутанной проволоки. В бледно-сером свете, сочащемся сквозь лохматую, мчащуюся с дикой скоростью облачную пелену, все вокруг было черно-зеленым: почва, кустарник, гигантские многоходульные деревья, окружающие низину, но в прожекторном свете все изменилось. Почва, похожая на рыхлый шлак, оказалась кроваво-красного цвета, кустарник — коричневого, с фиолетовым отливом, и только молчаливый великаний лес, состоящий из древесных исполинов высотой около полусотни метров, так и остался темно-зеленым, от пупырчато-чешуйчатых стволов до коленчатых ветвей и пучков метровых листьев-игл.

— Тут же недалеко, — пожал плечами Филипп. — Наде-нем антигравы и через три минуты будем на месте.

— Нельзя на антигравях, — возразил пилот; по настоянию Дария они взяли с собой пилотом одного из старожилов. — Мы давно ими не пользуемся, как и пинассами. Во-первых, диноптеры. Представьте летающую машину с размахом крыльев в двадцать метров! Атмосфера здесь плотнее земной раз в пять, вот и летают. Во-вторых, «лесные стрелки». Летишь эдак на бреющем над лесом, а снизу в тебя вонзается стрела весом до двадцати килограммов, по прочности почти не уступающая бериллиду.

— Мы знаем, — сказал Богданов. — Наш товарищ пошутил. Связи до сих пор нет?

Пилот виновато шевельнулся в кресле, поправил дугу эмкана.

— С базой нет, с вашим спейсером и «Орлом» есть.

Он пошевелил пальцами, и над пультом ожил виом связи.

— Пожалуйста, осторожнее, — сказал им Дарий. — Все же это Триас.

— А с ними не могло произойти чего-нибудь... непредвиденного? — спросил Томах.

— База хорошо защищена. — Дарий помялся. — Если только не случилось что-нибудь с одной из рабочих групп. Тогда резерв с базы мог уйти на выручку.

— Все равно в лагере остаются дежурные, — буркнул пилот.

Дарий ничего не ответил.

Богданов помолчал и встал.

— Выступаем. Скафандры ПС, антигравы — на всякий случай, пистолеты, аптечки, НЗ. Все?

— Я возьму переносной автомед, — сказал врач.

— Еще генераторы поля, — подсказал Бруно. — Будет спокойнее.

Богданов кивнул.

— А может, все-таки легче подскочить на когге? — тихо спросил Филипп, надевая скафандр и пристегивая к энергопоясу необходимое снаряжение. — Надо было взять пилотом Януша.

— Мы только что пробовали, — с обидой произнес пилот, обладавший прекрасным слухом. — При низком ветре подскочить на когге с нужной точностью не удастся. Отнесет еще дальше или побьет машину, несмотря на автоматику. Вы что же думаете, ваши пилоты — боги?

Богданов мельком посмотрел на Филиппа, и тот, покраснев, пробормотал:

— Простите, я не хотел вас обидеть.

— Иди уж, — подтолкнул его в спину Томах. — Что-то ты сегодня не в форме. Эти ребята не раз и не два высаживались на планету в таких условиях.

— Да я не обижаюсь, — смягчился пилот. — Только в ураган не спасает иногда и мыслеуправление. К тому же диноптеры летают в любую погоду, и встретить их даже на ЛК я бы не хотел.

Первым на почву Триаса сошел Богданов, тут же споткнулся и упал на пружинящую «проволоку» кустарника. Поднявшись, включил генератор поля, горбом выделявшийся на спине, утвердился на голой почве, утопая в ней чуть ли не по колено, и махнул рукой остальным.

Филипп вышел последним, вовремя включил поле и стабилизировал себя в вертикальном положении.

Атмосфера планеты действительно была намного плотнее земной, она затрудняла движения почти так же, как и вода, несмотря на некоторую потерю веса из-за выталкивающей силы.

— Маяки не включайте, — посоветовал из люка оставшийся пилот. — Маунты реагируют на свет и на радио ментально, а вы еще не видели их в натуре. Направление запомнили?

— Да, спасибо, — сказал Богданов. — Постараемся не ввязываться в конфликты, в крайнем случае отступим. Я буду держать вас в курсе.

— Эх, на вашем месте я бы все же подождал, — с сожалением признался пилот. — Момма снова спросит за это с Дария. — Он развел руками и скрылся в отверстии люка. Короткая плита пандуса скользнула на место и наглухо закрыла двухметровое отверстие.

— Не отставать. — Богданов оглянулся и шагнул вперед, выбирая дорогу. За ним гуськом потянулись остальные: Томах, Бруно, Лихолетов и Филипп.

Поднявшись из низины, они миновали петлистый, цепляющийся за ноги кустарник и вступили в лес, чуть ли не целиком скрывший небо над головой. Ветер здесь притих, путаясь в миллионах ветвей, идти стало легче, хотя ноги вязли в почве до колен. Видимость из-за нехватки освещения ухудшилась, и Богданов приказал перейти на инфразрение и снять с поясов «универсалы».

Филипп лишь в Школе стажеров познакомился с этим оружием, оказавшимся родственником антиграву. Пистолет «универсал» мог излучать гравитационное поле в виде импульсов различной пространственной формы, и привыкнуть к оружию, способному пробить, как пулей или шпагой, любое материальное тело или опрокинуть и раздробить скалу, было непросто.

Богданов останавливался два раза, сверяясь со светящейся нитью путеуказателя на руке. Трижды из чаши леса слышался какой-то гроыхающий клекот, перекрывающий звуки бури. А когда они спускались по косогору к небольшому ручью с черной водой, над ними со свистом и уханьем пролетела громадная бесформенная масса, исчезнув из глаз прежде, чем люди схватились за оружие.

Пройдя около двух километров, группа без приключений выбралась на опушку леса, за которой начинался плоский прямоугольник космодрома базы, освещенный инфракрасными прожекторами из четырех бронеколпаков по углам поля. В центре прямоугольника высился одинокий когг, безмолвный и черный. За полем шла освещенная вертикальными фонарями дорожка, оббегающая строения лагеря, видимая, как сквозь бликующую прозрачную пленку, и Филипп по-

нял, что видит дорожку и строения сквозь защитную энергетическую завесу.

— Дошли, — угрюмо пробормотал Бруно. — А войти как? Сквозь энергостену не пройти даже в наших ПС.

— Никки, — позвал Богданов. — Связи все еще нет?

— Нет, — отозвался пилот мгновенно. — Пока не снята защита, ее не будет.

— По-моему, у них все нормально, на вид все цело, все на месте, тихо и спокойно.

Филипп осторожно приблизился к полю космодрома, нагнулся — это был спрессованный до плотности бетона грунт, и вдруг краем глаза уловил какое-то движение на опушке леса. Он мгновенно развернулся и, еще толком не рассмотрев, что это, дал предупреждающий сигнал.

То, что они приняли за холм в ста метрах от них, слева от космодрома, оказалось живым существом! Оно одним движением покрыло расстояние до людей и замерло, возвышаясь над ними черной массой. В полутьме трудно было что-нибудь разглядеть, Филипп видел только два каких-то светлых косых треугольника в застывшей громаде и что-то непрерывно шевелящееся невысоко над почвой, как сжимающиеся и распрямляющиеся пальцы...

— Не стрелять! — тихо и жестко проговорил Богданов. — Поле на максимум, поменьше движений!

Люди сдвинулись тесней, не дыша разглядывая чудовище, в свою очередь разглядывающее их. Так прошла минута, вторая, пятая...

Гигант не шевелился, словно решая, что ему делать с незванными гостями. Медленно текли минуты, людьми постепенно овладевало беспокойство, стремление двигаться, что-то делать, прыгать, кричать — лишь бы не стоять на месте и не молчать... Потом ощущения резко изменились: нахлынуло безразличие, равнодушие ко всему на свете, захотелось лечь и спать, ни о чем не думать и не вспоминать...

«Об этом Дарий не рассказывал, — подумал Филипп. — Похоже, что маунты излучают пси-поле... Только этот экземпляр почему-то не нападает. Стоит ему шевельнуться, и он втопчет нас в землю, несмотря на «универсалы»! Чего он ждет? Пытается загипнотизировать, а потом сожрать?»

— Пси-индукция, — пробормотал Лихолетов, — близко к

волне «омега семьсот тридцать»: ощущение сонливости, усталости.

— Ну хватит, что ли, — прошептал Томах. — Поглядели друг на друга и хватит. Долго еще мы будем терпеть это равновесие? Надо что-то делать, или бежать, или...

— Стрелять?

— Не стрелять, но действовать. Отпугнуть, например.

Словно в ответ на слова Станислава черная громада вытянулась вдруг в высоту, чуть ли не дотянувшись до низких стремительных облачных струй, попятилась так, что дрогнула почва, и с низким урчанием, от которого завибрировали скафандры, поползла в тень близкой горной гряды. Еще несколько раз дрогнула почва, и все стихло, только ветер продолжал бесноваться в вышине, иногда словно срываясь с цепи и раздавая весомые оплеухи тем, кто внизу под ним цеплялся за неровности почвы.

— Подойдем ближе, — решил наконец Богданов, поглядев на часы. — К защитной завесе.

— Странно все же, — задумчиво сказал Лихолетов. — Почему он не напал? Дарий говорил, стоит им выйти из-под защиты, как маунты бросаются на людей и на технику.

— Вот-вот, — кивнул Томах. — Тут что-то не так... Никита, у тебя есть соображения по этому поводу?

— Первое соображение, наверное, — не стрелять, — не удержался Филипп. — Ведь маунт тоже кинулся к нам, будто хотел напасть... а мы не стреляли. Озадаченный, он не решился на нападение. Может, у работников экспедиции выработался стереотип: мчится на них во всю прыть, значит, хочет напасть.

— Правильно, — сказал Богданов. — И соображение резонное: постараемся и впредь не применять оружия. Дарий мне сообщил... — Он замолчал.

Десантники помолчали, ожидая продолжения, но его не последовало.

— Посмотрим, — вздохнул Томах. — Ну что, братцы, устроим иллюминацию? Должен же у них кто-то быть в лагере. Допустим, аэросторож сбит диноптером или стрелком, но автоматика-то защиты наверняка заметит...

Лихолетов вдруг присвистнул.

— Посмотрите-ка на космодром!

— Что там еще?

— Шлюп!

Десантники оглянулись на прямоугольник ВПП. Когда на нем уже не было. Вернее, он был втоптан в почву кормой вперед до самого носа, отчего издали казалось, что в центре поля образовалась звездообразная яма, похожая на черную кляксу.

— Можно прикинуть массу маунта, — флегматично заметил Бруно. — Чтобы вмять шлюп в эту землю, надо создать давление примерно сто килограммов на квадратный сантиметр. Отсюда масса маунта должна быть порядка десяти тысяч тонн. Странно одно, почему он не опрокинул шлюп, а вдавил в почву.

Филипп вспомнил когг на «Парящем орле», через который прополз, по словам Дария, маунт. Десять тысяч тонн! Что было бы, проползи он через них?

Богданов хмыкнул и зашагал к границе освещенной зоны лагеря.

Заметно посветлело. Облака все еще продолжали нестись во весь опор, но слой их стал тоньше. Пепельный свет дня возвращался на помрачневшую под ударами стихии равнину.

— Не догадались взять прожектор, — сказал Томах. — Помигали бы, и дело с концом. Попробуем синхронно помигать нашлемными фонарями?

— У меня случайно оказался «блейзер», — пробормотал Бруно, протягивая Богданову ребристый цилиндрик толщиной в палец.

— Случайно! — хмыкнул Томах. — Запасливый ты мужик, Бруно! У тебя случайно нет с собой ТФ-разрядника?

— Разрядника нет, — подумав, сказал Бруно. — А что такое «мужик»? Твое новое ругательство?

Станислав развеселился.

— Успокойся, это словечко из лексикона двадцатого века, означает оно... — он поразмыслил, — в общем, уменьшительно-ласкательное от слова «мужчина».

Бруно с сомнением посмотрел на инспектора, но проверить правильность «перевода» было не у кого.

В это время Богданов вставил цилиндрик «блейзера» в короткий ствол «универсала», тщательно прицелился и выстрелил. Из дула вылетела огненная стрела, упала на купол защитного поля над базой и вспыхнула чудовишно яркой звездой. По земле заплясали черные тени, люди вынуждены

были отвернуться, чтобы не ослепнуть; световой поток сгорающего «блейзера» достигал такой величины, что не спасали фильтры шлемов.

Через три минуты «блейзер» погас, и всем показалось, что резко стемнело.

Богданов терпеливо ждал. Наконец из жилого коттеджа в освещенном круге лагеря выглянул человек в легком скафандре, взгляделся в их сторону, воздел руки к небу и скрылся за дверью. Филипп первым догадался, что означает его жест, поднял голову и увидел пикирующую на них фиолетовую тень.

— Ложись! — рявкнул он, падая и отстегивая с пояса «универсал».

Все попадали на почву, но «тень» не думала нападать: пахнуло ветром, что-то проскрежетало в воздухе, затем с треском и хрустом многометровая машина захлопала крыльями и взмыла к тучам. Снова прозвучал скрежет «металла о металл», и все стихло.

По ту сторону защитной завесы к ним бежали двое, завеса исчезла, и в наушниках раздался свирепый голос:

— Быстрее, какого дьявола копаетесь, диноптер сейчас вернется, и не один.

Богданов без слов поспешил на освещенное пространство. Едва они перебрались в защищаемую зону, как энергозавеса замерцала сзади вновь, отрезая доступ к домикам лагеря любому живому существу.

Филипп сбоку посмотрел на провожатых, увидел в руках одного из них знакомый кожух плазморазрядника и покачал головой: видимо, шутить разведчики не любили.

Пройдя тамбур и сняв скафандры, десантники оказались в коридоре. Провожатый — косолапый, слегка горбившийся парень с копной выгоревших до желтого блеска волос, оживился, разглядывая их форму с эмблемой отдела безопасности.

— Безопасность? Ну и дела-а... У нас, кажется, соблюдаются все пункты инструкции, и происшествий особых нет.

— Почему у вас нет связи с кораблем? — спросил холодно-спокойно Богданов.

— А-а. — Парень помрачнел. — Большую антенну повредили маунты, аэросторожа уничтожили диноптеры, а малые ТФ-передатчики не пробивают защитную завесу.

— Так выключите защиту, и будет связь, — проворчал Бруно. — Там же люди беспокоятся.

Парень усмехнулся.

— Выключить защиту!.. В том-то и дело, что мы не можем ее выключить. Это вот только перед вашим приходом немного успокоилось, а то продохнуть нельзя было из-за маунтов. Вы еще не знаете, что это за звери и на что они способны.

— Уже встречались, — пожал плечами Тома. — Нас он не тронул, а вот шлюп ваш втоптал в почву.

Молодой человек озадаченно посмотрел на Станислава.

— Не тронул? Не может быть!

Десантники переглянулись, парень смутился.

— За шлюп не беспокойтесь, — заторопился он. — Это просто болванка из пластика, копия — для отвода глаз. Маунты обычно после расправы с коггом уходят, втопчут в поле и уходят, словно у них это какая-то игра, вот мы и придумали им забаву. Пойдемте со мной. У нас тут в лагере почти никого нет, — продолжал он уже на ходу. — Весь отряд ушел на плато Нежданного Спокойствия. Там обнаружена невероятно разветвленная система пещер со следами каких-то двуногих существ. Группа Шемисса ушла туда третьего дня и — ни слуху ни духу! Ну, Момма и отправил всех на поиски... Мы пришли.

Провожатый отступил в сторону, прямоугольник двери перед гостями просветлел, и десантники оказались в небольшом помещении, похожем на кают-компанию спейсера: гнутые янтарные стены с бегущими искрами, стандартные кресла, стол с черной матовой поверхностью, громадное «окно» виома, отражающее низкое, совсем светлое небо с редкими убегающими космами туч, пульт видеоселектора у стены.

В комнате находилось всего двое: один — краснолицый здоровяк с руками-лопатами, второй — седой, сухой, длинноногий, с руками, сложенными на груди, с морщинистым лицом и жестким запавшим ртом. Глаза второго смотрели холодно и изучающе. Он только повернул к вошедшим голову и остался стоять в прежней позе.

— Безопасники, — упавшим голосом произнес их провожатый и отошел к столу.

— Вот уж кого не ждали, — глухо сказал здоровяк. — Какими судьбами пожаловали к нам пограничники? Да еще и асы безопасности к тому же, а?

— Не надо, Крут, — почти не разжимая губ, голосом, похожим на шелканье бича, проговорил сухопарый. — Очевидно, это по поводу ТФ-депешки моего заместителя. Так?

— Совершенно верно, — кивнул Богданов. — Именно по поводу ТФ-депешки вашего заместителя по экоэтике Дария.

У седого прыгнули вверх брови и в глазах на миг промелькнули озадаченность и любопытство.

— Что ж, гостям мы рады, проходите. Я Исиро Момма, начальник экспедиции «Парящего орла». Это мой заместитель по техническому оснащению групп Крут Зотов. — Говорил Момма без обычного «японского» акцента, четко выговаривая букву «л». — Инженер защиты Владриг. — Небрежный кивок в сторону недавнего провожатого.

— Богданов, шеф-официал спецгруппы отдела безопасности УАСС. Это мой заместитель Станислав Томах, Осинниго — эксперт технического сектора, врач Лихолетов и Ромашин.

— Прекрасно. — Момма указал на кресла и сел сам. — Итак, чем вас заинтересовало сообщение Дария? За которое, кстати, он получил нагоняй... Насколько я помню, за здорово живешь управление не станет гонять спейсер в эдакую даль? На чем вы прибыли?

— К Этамину на спейсере погранслужбы «Искатель», сюда на шлюпе.

— Шлюп ушел?

— Нет, — помедлив, сказал Богданов. — Ждет связи.

По лицу Моммы прошла тень.

— Влад, — обратился он к инженеру защиты. — Сними на минуту энерголист и дай команду пилоту: пусть немедленно уходит на корабль.

Владриг кивнул и встал.

— Минуту, — сказал Богданов, — не надо давать такой команды.

Момма нахмурился.

— Вы не понимаете, что говорите, с маунтами не шутят. Иди.

— И все-таки, — невозмутимо произнес Богданов, — пилот подчиняется только мне, это раз; нашему коггу не страшны маунты, это два; и три — лучше свяжитесь с кораблем, люди ждут сообщения, беспокоятся за вас.

Момма откинулся в кресле, глаза его сузились. Он побарабанил пальцами по столу, усмехнулся.

— Интересное положение. Вы, не зная особенностей Триаса, берете на себя ответственность за жизнь человека. А что такое маунты, знаете?

— Именно потому и берем ответственность, что знаем особенности Триаса.

— Видно, Дарий им успел выложить собственную теорию, — сказал Зотов с пренебрежением.

— Они говорят, что встретили одного маунта вблизи базы, и он не напал, — пробормотал Владриг, стоя у двери.

Момма прищурился.

— Это что-то новенькое! Простите, но позвольте усомниться. Маунт увидел вас и не напал? Нонсенс! Сколько себя помню на Триасе, столько маунты не упускают ни одной возможности, чтобы напасть на людей. Может, вы спутали маунта с дурнеем? Внешне они немного похожи, хотя дурней и в десять — пятнадцать раз меньше. Или с диноптером?

— Диноптера мы повстречали тоже, — сказал Томах. — Но и он не причинил нам особого беспокойства.

— Тогда сдаюсь! — Момма развел руками. — Мир перевернулся.

— Я не уверяю, что мы твердо убеждены в реальности встреч, — произнес Богданов. — Может быть, это был сумасшедший маунт, может, вовсе и не он. Проверим. Мы, собственно, прибыли на Триас по другому поводу: ваши исследователи встретили «зеркала»...

Момма пренебрежительно сморщился:

— Ах, это... из-за такого пустячного дела?.. Простите, не понимаю.

— И не надо. Вы решаете свои задачи, мы свои. Кстати, я уполномочен разобраться в обстановке и принять соответствующие меры.

— Какие же?

— По обеспечению экспедиции необходимым оборудованием, — с иронией закончил Томах.

Момма тонко улыбнулся, он понял.

— Теперь следующее. — Богданов помолчал и очень мягко сказал: — Вы все же сообщите на корабль о положении дел. Там ждут связи.

В глазах начальника экспедиции мигнули колющие огонь-

ки, он с минуту смотрел на небо Триаса, потом нехотя проговорил:

— Дай им минутную сводку, Влад.

Владриг, томившийся у двери, вышел.

— Так что же вы собираетесь предпринять? Учтите, машин лишних у меня нет, людей тоже. План исследований горит, и я не вправе остановить поисковые работы, даже если бы захотел.

— Постараемся не отвлекать вас от дела, единственная просьба — показать «зеркала». Без провожатого, конечно, не обойтись.

— Одного я вам дам — того молодого человека, что вас встретил, Владрига. Достаточно?

— Пока достаточно. — Богданов поднялся. — Вопрос: наша помощь в поиске пропавшей группы Шемисса не нужна?

Момма, нахмутив брови, тоже встал. Голос у него был сух и подчеркнуто бесстрастен.

— Уже проинформированы? Справимся сами, благодарю.

— Но мы ускорили бы поиск, — сказал Филипп с недоумением. — Высвободили бы ваших товарищей для плановых работ. Опыт у нас в подобных делах, смею вас уверить, имеется немалый.

— Ничего, полдня-день не играют большой роли, — с оттенком нетерпения произнес начальник экспедиции. По всему было видно, что он не привык менять своих решений, даже если они были и не лучшими.

Богданов задержался у двери.

— Нам еще нужна связь со своей базой.

— Сколько?

Никита понял и посмотрел на Бруно. Тот поднял пятерню.

— Минуты четыре-пять.

— Четыре — куда ни шло. Крут, проводи.

Грузный заместитель начальника экспедиции, равнодушно прислушивающийся к разговору, молча направился к двери. Он наверняка не имел здесь права голоса и знал это. Как и Дарий, подумал Филипп. Привык, что все решает Момма. Ну и характерец у начальника экспедиции! С первого взгляда видно — властен и крут! Но, может быть, для начальника такого масштаба это хорошо?

В рубке связи было тихо. Кроме Владрига, тут сидели

двое инженеров-связистов, молодые, загорелые, чуть смущенные визитом ребята.

Владриг снял защиту над базой, и Бруно, быстро разобравшись в управлении, соединился с «Искателем» и продиктовал дежурным бортинженерам список необходимого снаряжения.

— Кроме того, нужен киб-лингвастат, — добавил Богданов. — Поищем интеллект у некоторых симпатичных тварей планеты.

— Что взять из машинного парка?

— Погрузите один «Мастифф», пинассы и другие летательные аппараты не понадобятся.

— Выполняем, ждите.

— Все, — обратился Богданов к хозяевам. — Включайте свою защиту.

— А когг? — напомнил Томах.

— Да, — спохватился Никита. — Бруно, колдуй связь со шлюпом.

Через полминуты откликнулся пилот. Лицо его, когда он увидел десантников, посветлело.

— Я уже начал беспокоиться. Что мне делать?

— Возвращайся. — Богданов показал рукой вверх. — На спейсере загрузишься и обратно сюда, аллур три креста!

— Есть аллур три креста!

Пилот отключился.

— Подождем, — сказал Томах с улыбкой. — Посмотрим лагерь, если хозяева не возражают, поиграем в шахматы.

Хозяева не возражали. Эмблема отдела безопасности создавала вокруг безопасников такой ореол, который молодые парни еще не могли переносить без душевного трепета.

Глава 11

ПРЕЛЕСТЬ НЕОЖИДАННОСТИ

После завтрака, напутствуемые полуироничным замечанием Моммы «соблюдать режим безопасности не ниже пункта «срам», десантники выгрузили из прибывшего с орбиты когга танк-лабораторию «Мастифф» и быстро загрузили кормовой отсек оборудованием для исследования «зеркальных перевертышей».

К этому времени маунты полностью сняли осаду лагеря, и защитную завесу, требующую громадных расходов энергии, выключили.

— Вы уж не обижайтесь, — извиняющимся тоном сказал провожавший их Зотов. — У начальника слишком много забот, да и ладится не все, сами видите. Так что войдите в положение. По пути вы наверняка столкнетесь с кем-нибудь из представителей местной фауны, и хотя танкам маунты не страшны — относительно, конечно, — лучше не подпускать их близко.

— Учтем, — сказал Богданов. — Спасибо. Вперед! — бросил он Томаху, надевшему эмкан управления.

Танк легко, без толчка снялся с места.

Они проехали мимо поля космодрома, на котором трое сотрудников базы с помощью универсального корабельного погрузчика вытаскивали из ямы вдавленный в почву муляж когга; неподалеку торчал трехлапый, похожий на коленчатого металлического жирафа сторожевой автомат.

Лагерь базы располагался на ровном месте, занимая площадь чуть больше гектара. Со всех сторон он был окружен великаньим лесом, хотя Филипп обратил внимание, что в полосе двухсот метров от его границ не росло ни одно дерево.

— Вы что же, лес возле базы уничтожили? — спросил он.

— Сожгли, — отозвался Владриг, подумал и добавил: — Иначе нельзя: мимикрозавры.

Танк в это время, поднимая голубоватую пыль, проезжал под деревом. Станислав несколько замешкался, и Владриг предложил:

— Давайте поведу я, быстрее доедем, дорога мне известна лучше.

Томах посмотрел на Никиту и передал управление провожатому.

— О мимикрозаврах мы наслышаны, — сказал он. — Хочется убедиться воочию.

Владриг уверенно нацепил эмкан.

— Увидите, не сомневайтесь, но не уверен, что это зрелище доставит вам удовольствие.

Филипп сидел слева от Богданова и справа от кресла водителя, созерцание чужой природы заставляло сердце сжиматься в ожидании каких-то необычных встреч, поэтому он не особенно прислушивался к разговорам в кабине.

Сначала они ехали вдоль цепи невысоких валов, поросших все тем же лесом, создающим впечатление непроходимой чащи. Деревья напоминали земные мангры: короткий толстый ствол опирался на множество «ног» — ходульных корней, и пускал ввысь пучок точно таких же по форме «рук»-ветвей, так что если бы дерево можно было перевернуть, оно нисколько не изменило бы свой вид. Потом танк вывернул в речную долину и, пустив многохвостовую радугу за кормой, всплыл над гладью реки на поддерживающем поле. Кабину сразу перестало раскачивать и бросать с боку на бок.

Берега реки заросли густым лишайниковидным ковром, цветом напоминающим запекшуюся кровь, и среди этих толстых «подушек» и «колючих покрывал» Филипп заметил редкие оранжевые языки пламени. Лишь взглядевшись, понял, что это скорее всего тоже растения.

— Цветы? — спросил он, показывая на «огни».

— Спороносы, — повернув голову, ответил Владриг. — Мы называли их пламениками. Красивы только издали. То, что светится — язычок пламени, — на самом деле плесень со спорами, колонии микроорганизмов. Стоит «цветок» сорвать, как плесень бурно распадается, выделяя непередаваемо гнусный запах. Однажды наш биолог принес его в кают-компанию...

В этот момент дерево на холме, мимо которого они проезжали, вдруг выдрало свои корни из почвы и обрушило на танк тысячерукие ветви.

Владриг остановил машину, искоса поглядев на пассажиров. Те молчали. «Дерево» обхватило танк со всех сторон и стало трясти и раскачивать. Ствол его изменил цвет на фиолетовый и словно треснул щелью громадной пасти. По броне с визгом прошли шипы и когти лап, потом полуметровые зубы.

— Красавец! — нарушил молчание Томах.

Владриг включил защитное поле, и странное «дерево» шарахнулось от машины в воду, раздался шипящий скрежет — крик зверя.

— Вот вам и мимикрозавр, — со смешком сказал Владриг. — Вы так рвались его увидеть.

— Только не я, — буркнул Бруно. — Похоже, человек ему — на один зуб. Но вообще он довольно симпатичен.

«Симпатичный» зверь на глазах превратился в корявую

фиолетовую торпеду и с плеском нырнул в глубину реки. В ответ на его скрежет издали, словно эхо, донесся пронзительный крик-клекот, от которого у всех заныли зубы.

— О, дьявол! — сказал Владриг, увеличивая скорость. — Если она нас учует!..

— Кто?

— Разве вам не говорили? Ребята называли ее рок-птицей. Невелика, чуть больше орла, но кричит так, что энергозавеса спадает.

— Ультразвук, — проворчал Бруно.

— И ультразвук, и целый набор противных обертонов. Если они заметят танк, работы не получится, придется уходить на базу.

— Отпугнуть, и дело с концом!

— Отпугнуть — значит убить. Никого и ничего птица-рок не боится. Если только ранить — через минуту тут будет светопреставление! Каким-то образом сотни этих исчадий ада узнают о происшествии, собираются в стаю, и тогда приходится или бежать сломя голову под защиту базы, или...

— Ну-ну?

— Или стрелять!

Владриг подумал, вырвал танк из теснины реки и направил его в расщелину между стенами расколотого надвое непонятным катаклизмом холма. Однако вскоре раздался знакомый крик, и над танком мелькнул силуэт таинственной птицы.

— И-и-р-р-р-ра-з-з-зла-щ-ш-ш! — Словно визг раздираемого железа, скрип стекла и шипение выпускаемого пара.

Владриг резко затормозил.

— Попробуем ее сбить.

— Не надо, — тихо сказал Богданов. — Пусть кричит. Едем дальше. Далеко еще?

— Километров семь, но...

— Не обращайтесь внимания, потерпим. Станет неважно, попробуем отпугнуть, но это в крайнем случае.

Владриг пожал плечами и повиновался.

Сопровождаемые криками дьявольской птицы, от которых ныли зубы и сверлило в ушах, они направились в заросли леса, состоящего из странных толстых, изъеденных дырами и полых внутри деревьев. Светло-голубые у основания, деревья постепенно темнели с высотой и к вершинам, напо-

минавшим сжатые кулаки, становились черными. Пространство под ними было усеяно черными сморщенными плодами с метровыми колючками.

— Каштаны! — хмыкнул Лихолетов.

— Точно, — не оборачиваясь, сказал Владриг. — Мы их так и назвали: каштаны Триаса.

Над танком снова пролетела рок-птица, заставив людей замолчать. Впереди открылась гладкая черная площадка, машина с ходу вылетела на ее середину, дернулась и... стала тонуть.

Владриг выругался сквозь зубы, подключил поле поддержки, танк с трудом выполз на край вязкой трясины.

— Асфальт, — пояснил провожатый в ответ на взгляды десантников. — Таких асфальтовых трубок в этом районе много. Район термально активен, иногда трубки выбиваются метановым паром под давлением и получаются асфальтовые озера или «стадионы».

Через полчаса въехали на обширную лысую поверхность, на которой кое-где торчали гибкие хлысты какого-то растения. Возле громад знакомых «мангров» Владриг остановил танк.

Богданов шевельнулся в кресле.

— Приехали?

— Приехать-то приехали, только почему-то не видно «зеркал».

— А разве здесь не работают ваши группы? — осведомился Томах.

— Конечно, нет. Это место старой базы, мы переехали отсюда неделю назад. Одно «зеркало» было врезано в ствол лабиринтопода, — Владриг показал на самое большое полое дерево, — а второе было мерцающим, то есть то появлялось на пустом месте, то исчезало. А сейчас — ничего...

— Завел, Иван Сусанин! И мы хороши: надо было сразу спросить, куда едем, только время потеряли.

— Но они были, честное слово! — Владриг порозовел под взглядами.

— Мы верим, — вздохнул Богданов. — Но дело в том, что «зеркала» появляются только там, где есть люди. Вы ушли отсюда, исчезли и они. Теперь «зеркала» наверняка появились возле базы, на новом месте, просто вы их там не искали. Придется возвращаться. А где работают ваши группы?

— В разных местах. На нашем материке работают три: биологическая и две планетологических. На плато Нежданного Спокойствия потерялись как раз биологи. А на другом материке четыре группы: атмосферники, океанологи, биологи и планетоморфологи. Все группы автономны, базируются на «Мастиффах», имеют передвижные реакторы и инструментальные бункера. До ближайшей группы около семидесяти километров.

Богданов кивнул.

Танк развернулся и углубился в лес, пускаясь в обратную дорогу.

Через полтора часа вернулись к базе, объехали ее по периметру и обнаружили два «зеркала». Одно пряталось на мощном стволе полого лабиринтопода, второе расположилось на противоположном конце пустыря, в перистом кустарнике.

Момма только хмыкнул, выслушав сообщение, а его заместитель Зотов равнодушно порадовался случившемуся: вблизи лагеря работать было несравненно удобнее и безопаснее, чем вдали от него.

Десантники выгрузили аппаратуру и приступили к исследованию «зеркальных перевертышей», разделившись на две группы.

К вечеру первого дня стало известно, что «зеркала» ничем не отличаются от своих предшественников на Шемали, вплоть до палиндром-эффекта. ТФ-трассеры дважды фиксировали эхо волновых передач: «зеркала» исправно передавали накопленную информацию неведомому Наблюдателю. Однако определить направление передач не удалось, не помогли ни разработанные специалистами техсектора методы ТФ-пеленгации, ни сверхчувствительные датчики направления.

Филипп работал в паре с Бруно на трассерах: оба одинаково хорошо разбирались в ТФ-аппаратуре, знали все ее сильные и слабые стороны. Остальные эксперты техсектора под началом Романенко занимались изучением физических свойств «зеркальных перевертышей», спектральным распределением излучений и плотностей полей вблизи этих объектов и анализом свойств предметов, пропущенных через «зеркала». Спокойная сдержанность безопасников, очевидно, понравилась Владригу, и он находил время помочь новым товарищам «и словом, и делом».

За все время работы вблизи базы не появился ни один маунт, только однажды выполз мимикрозавр, но тут же укувылял в чашу, словно устыдившись своего грозного вида.

— Странное затишье, — признался Владриг Томаху. — Будто вымерло все кругом. Обычно мы не можем даже спокойно выйти из дома, как появляются маунты, или диноптеры, или те и другие разом. А тут целый день возимся почти без защиты, и никого!

— Им стало скучно, — пошутил Станислав, охранявший «тылы» групп на «Мастиффе».

— Нет, действительно что-то странное. Во время нашей поездки тоже было тихо, даже рок-птица не проявила всех своих качеств. Не готовится ли новая волна нападения?

Богданов оторвался от работы и посмотрел на лиловатое небо с кляксами облаков.

— Да, — согласился он. — Странно. Если не сказать иначе.

А спустя несколько минут из леса выпрыгнул маунт, будто подслушав разговор. Взвыла сирена сторожевого автомата.

— Все в танк! — закричал Владриг, хватаясь за «универсал».

До зоны, охраняемой энергозавесой, было всего около двухсот пятидесяти метров, но никто из десантников не тронулся с места, видя, что Богданов не торопится убежать.

— Спокойно, ребята, я вас прикрою, — сказал из танка Томах. — Только подойдите друг к другу поближе.

Работавшие, побросав приборы, сдвинулись тесней. Владриг попятился к ним, выставив короткий ствол пистолета навстречу маунту.

Теперь Филипп мог рассмотреть необычное животное более подробно, чем во время первой встречи. Тело маунта не имело определенной формы, больше всего оно походило на многогорбый, складчатый наплыв лавы высотой около полусотни метров и длиной больше двухсот. Головы у него тоже не было, впереди по ходу движения туловища торчал округлый бугор с двумя пятнами, напоминающими косые треугольники, более светлые, чем все остальное фиолетово-черное тело животного.

Складки на «груди» маунта сократились, и он почти бесшумно, только дрогнула почва, передвинулся вплотную к замершей группе людей. Филипп не ощущал страха, несмотря на нависшую над ними многометровую махину величиной с

двадцатизэтажное здание. Увиденное им существо и размах природы, сотворившей это чудо света, потрясали.

С минуту длилось томительное равновесие: обе стороны с интересом разглядывали друг друга, хотя определить, где у маунта глаза, было невозможно, разве что светлые трехметровые треугольники на лобовом вздутии? Потом со стороны базы донесся сигнал, и из дверей ангара выкатилась платформа с хищным силуэтом плазменного разрядника. Управлялась она, очевидно, дистанционно.

— Не стрелять! — яростным шепотом сказал Богданов. — Не смей стрелять!

Но его то ли не услышали, то ли не поняли. Платформа выкатилась на поле космодрома, с решетчатого кожуха разрядника сорвалась неяркая голубая молния и вонзилась в бок маунта. Животное всколыхнулось всеми своими складками и наростами, стремительно развернулось в высоту, как бы «встав на ноги», так что люди увидели его брюхо со множеством отверстий, и бросилось в лес, по пути задев танк Томаха.

С платформы плюнуло вслед громадным языком прозрачно-синего пламени, в лесу ухнуло, и всех накрыла волна грохота, словно где-то рушились скалы. Грохот удалился и стих.

— Повезло! — с облегчением сказал Владриг, пряча «универсал».

— А что там загрохотало? — пробормотал Бруно. — Маунт столкнулся со скалой?

— Нет, это его крик.

Десантники переглянулись. С другой стороны поляны к ним бежали Романенко и члены его группы.

— Кто командовал стрельбой? — медленно проговорил Богданов.

Все разговоры смолкли.

— Я, конечно, — раздался в наушниках голос Моммы. — Надо же было его отогнать. Только плазмопушки они и боятся, в следующий раз берите ее с собой сами.

— Вы слышали крик? — сердито спросил Лихолетов.

— Слышал. — В голосе начальника экспедиции прозвучало удивление. — Ну и что?

— Ничего особенного, но нет крика без боли! Понимаете?

Богданов предупреждающе сжал локоть врача, и тот умолк.

Момма не отвечал. Филипп представил его жесткое усмехающееся лицо и поморщился: начальника экспедиции мало трогали эмоции окружающих.

— Слава, — сказал тихо Богданов, перейдя на другую волну. — Возьми Януша и Романенко и пройди с ними по маршруту до ближайшей остановки планетологов, поищи «зеркала», поговори с разведчиками. Связь будем держать на этой же волне через каждые два часа. В конфликты с живностью не вступать, оборона в случае нужды — пассивная.

— Есть, — лаконично отозвался Томах.

— Куда это они? — спросил Владриг, провожая глазами танк. — Опасно же?

Никто ему не ответил.

Вечером к исходу третьих суток пребывания на планете группа безопасников собралась в кают-компании базы, негромко делясь впечатлениями прошедшего дня. Томах с Миккульским и Романенко вернулись поздно, их каждодневные таинственные отлучки интересовали многих, но по лицам невозможно было судить о результатах рейдов, а спрашивать, куда они ездят, у десантников было не принято. В этот вечер они имели короткий разговор с Богдановым, после чего уселись в уголке рядом с Филиппом, рассеянно прислушиваясь к голосам товарищей.

— Как там дела с пропавшей группой? — спросил Томах Филиппа, вырабатывающего привычку к немногословию.

— Нашлась перед вашим приездом. Их завалило в одной из пещер, с трудом пробились на поверхность.

— Нашли кого-нибудь?

— Новый вид животных, нечто вроде двулапых кротов.

— Нападений не было?

— Не интересовался.

Станислав расслабленно шевельнул рукой.

— Напрасно. Если бы интересовался, набрел бы на интересный парадокс.

В помещение, широко шагая, вошел прямой, холодно-официальный Момма. Остановившись возле Богданова, сдерживаясь, сказал:

— Кто вам дал право снимать энергозавесу вокруг базы ночью?

В кают-компании установилась тишина.

Богданов с недоумением посмотрел на начальника экспедиции.

— Разве я вас не предупредил? Простите, я, кажется, о своем решении сообщил Зотову. По-моему, нет смысла постоянно включать защиту в ночное время. Над базой висит аэросторож, он подаст сигнал тревоги, если появится опасность. К тому же выяснились некоторые любопытные обстоятельства, мне необходимо было их проверить.

— Меня не интересуют обстоятельства, не относящиеся к компетенции начальника экспедиции. За безопасность экспедиции отвечаю я, и ваши аргументы... — Момма поискал слово, не нашел и закончил: — Впредь попрошу решения, направленные на изменение статуса базы или внутреннего распорядка, согласовывать со мной.

Богданов молча вынул из кармана куртки оранжевый прямоугольник.

— Посмотрите, это мой сертификат официала УАСС, там написано, что я могу, а что нет.

Момма поиграл желваками, метнул холодное пламя взгляда на лица насторожившихся десантников и работников экспедиции, делавших вид, что они заняты обсуждением насущных проблем.

— Ваши полномочия не могут распространяться на организацию работы экспедиций Даль-разведки. Здесь командую я, и только я имею право отменять собственные распоряжения.

— Сбавьте свой тон. Я вас предупреждал, что мы будем экспериментировать, искать новые способы охраны базы, но вы пропустили мои слова мимо ушей. Ваши распоряжения я не отменял, защита выключалась по ночам в порядке, предусмотренном первоначальной программой, и ничего за это время не случилось. А единоначалие руководителя экспедиции распространяется до известных пределов. Я не был готов к сегодняшнему разговору, но, коль уж вы начали, слушайте. Право выносить решения, направленные, кстати, не только на соблюдение режима работы и необходимой степени безопасности, но и на выполнение норм экоэтики, имеют и ваши заместители. Почему же ни одно из требований заместителя по экоэтике Дария не только не записано в журнал распоряжений, но и вообще не выполняется? Почему Дарий, место которого здесь, на поверхности планеты, нахо-

дится на борту корабля? И, наконец, последнее: почему вами поощряется конфликтная ситуация экспедиции с животным миром Триаса?

Момма сжал губы так, что они превратились в линию.

— Так! Отвечаю по порядку. Первое: требования моего заместителя по экоэтике полностью расходятся с действительностью, отражаются на графике работ и поэтому, естественно, не выполняются. Второе: Дарий, находясь на базе, бесполезен как специалист. Говоря прямо, он нам попросту мешает... всем. И третье: конфликтная ситуация с фауной Триаса создана не нами. Мы вынуждены защищаться, и только. Вы удовлетворены ответами?

Богданов медленно покачал головой, глядя на Момму с неопределенным сожалением.

— У меня есть еще вопросы. Как вы думаете, почему на нас, я имею в виду прибывший отряд, за трое суток не было совершено ни одного нападения?

Момма пожал плечами.

— Случайность. Причем счастливая случайность.

— Хорошо, пусть будет случайность. Тогда почему на базу тоже до сих пор нет нападения? Я ведь снял защиту двое суток назад.

— Я не ксенобиолог. В психологии и инстинктах маунтов пусть разбираются специалисты. К чему вы клоните?

— Правильно, специалисты, — согласился Богданов. — А главный специалист в этом вопросе, кстати, Дарий. Слушать его, однако, вы не стали, как не послушали молодых биологов из группы Шемисса, предложивших провести эксперимент — прекратить стрельбу и посмотреть, что из этого выйдет. Ну как же, это ведь могло повлиять на план, утвержденный за сто световых лет на Земле. Но вот еще задачка: мой заместитель Станислав Томах трое суток провел вдали от базы, встретил стадо маунтов и целую «рощу» мимикрозавров, выходил к ним в скафандре и, заметьте, без оружия. И что бы вы думали?

Момма скривил губы.

— Они, конечно, не напали, так? Хорош эксперимент! Но, по-моему, исключения только подтверждают правила.

Богданов оставался самим собой, словно не замечал колкости и резкости высказываний Моммы.

— У биофизиков есть такие понятия: излучение страха,

излучение зла и так далее. Каждый человек излучает целый набор биоволн, в том числе и указанные волны страха и зла, а также и противоположные им волны доверия и дружелюбия. Оказывается, маунты остро реагируют на эти излучения, чувствуют их.

Богданов заметил, что его слушают все, и слегка повысил голос:

— Говорю это не для красивого аргумента в споре. Эти данные добыты вашими же товарищами из групп Шемисса и Старикова, только и к ним никто не прислушивался, не анализировал факты. Экспертам десанта пришлось потрудиться, чтобы успеть проверить всю накопленную информацию и уловить связь между излучением наших с вами мозгов и поведением маунтов.

— Видимо, ваши эксперты одинаково компетентны во всех вопросах физики и биологии, — заметил Крут Зотов из-за спин товарищей. При этом он посмотрел на Момму, и Филипп понял значение этого беглого взгляда: Зотов перестраховывался. Ему предстояло еще долго работать с командиром в одной упряжке, и рисковать он не хотел.

— Да, эксперты технического центра УАСС профессионалы не только по отыскиванию ошибок в технических системах, — сухо отрезал Богданов.

— И все же я не понял. — Момма отвел глаза. — Вы нашли способ, как избавиться от нападений маунтов?

Томах, так и не вставший со своего места, покачал головой. Филипп успел заметить на его лице тень сожаления, как и у Богданова. Мыслили и оценивали людей они одинаково.

— Вы не догадываетесь? Когда прекратились нападения маунтов на базу?

— Вы же знаете, перед вашим прилетом.

— Очень хорошо. А ваш резерв, все восемь человек, когда покинули базу в поисках группы Шемисса?

Момма задумался, бывая уверенностью покинула его каменные черты.

— Тоже перед нашим приходом. Но на этот отряд при переходе на плато Нежданного Спокойствия было совершено пять нападений маунтов и мимикрозавров, а на базу ни одного! Легко подсчитать — и мы подсчитали, — что тот поток излучения отрицательных эмоций, который исходил от всех находящихся в лагере девяти человек, недостаточен для то-

го, чтобы пробить энергозавесу, отсюда и умиротворение маунтов. Эти ползающие горы чудовищно чувствительны ко всем биополям, в чем состоит их основное оружие в борьбе за существование: чтобы прокормить себя, они должны чужать добычу задолго до того, как добыча учует их, замаскироваться-то им, как мимикрозаврам, нет никакой возможности. Вероятно, они относятся к вымирающему классу, да так оно и есть, потому что, по данным биологов, на планете обнаружено всего одиннадцать стад маунтов, из них семь — на вашем материке, и в каждом стаде всего по два десятка особей. Двести двадцать маунтов на всю планету! А вы ведете с ними настоящую войну! «Охотники на бизонов»...

Богданов замолчал, молчали и все остальные.

— Вы можете спросить: почему же маунты не напали на нашу группу, когда мы только-только приземлились? Ответ прост: мы не излучали в диапазоне страха и зла! И не излучаем до сих пор, поэтому и на базу прекратились нападения, несмотря на выключенную защиту. А чувство, или, если хотите, инстинкт, заставивший маунтов обратить внимание на человека, не что иное, как любопытство! Да-да, любопытство! А вы с первого своего шага приняли его за проявление агрессивности, палите из всех стволов по существам, которые по интеллекту в родстве с нашими дельфинами.

«Чепуха!» — говорил взгляд Моммы, но вслух он этого не сказал.

— Ловко! — кряхтя, снова вмешался Крут Зотов. — Ловко вы подвели платформу под идеи Дария! Однако позволю себе усомниться в некоторых ваших выводах. Очень уж быстро у вас получается: пришел, увидел, победил! Фактического материала у вас почти нет? Я имею в виду, обработанного материала, а не тех фантазий, которыми снабдили вас наши мальчишки. А такие утверждения, что начальник...

— Не надо, Крут, — поморщился Момма, и Зотов сразу замолчал.

— Я думаю, вы поняли, — тихо сказал Богданов. — Действительно, фактов у нас мало, но поэтому-то и надо все проверить, а не переть вперед а-ля йови. Правда, я не сказал о главном доказательстве. — Он помедлил. — Судя по ситуации на Триасе, «зеркала», к которым вы поразительно равнодушны, появляются именно в тех местах, где человек вольно или невольно начинает вести себя... не как человек, где

он переступает грань дозволенного, четко определенную нормами экоэтики. Вдумайтесь в это слово: экоэтика! Глобальная ответственность человека за все, что живет! А вы — плазменные пушки, «универсалы»... лазеры!

В кают-компании разлилось тяжелое молчание, прерываемое тонкими писками пульта возле незрячей стены виома.

— Маунты! — доложил вдруг кто-то из дежурных наблюдателей. — Три с юго-востока.

Момма сделал шаг к пульту, но посмотрел на Богданова и остановился.

— Включить защиту? — обернулся от пульта Владриг.

Богданов молчал.

— Нет, — поколебавшись, сказал начальник экспедиции. — Будьте наготове, если они полезут за черту безопасности.

— Мы завтра уходим, — сказал Богданов, подзывая Томаха. — Слава, твое мнение?

Остальные поняли, что разговор вошел в русло конфиденциальности, задвигались, заговорили о своем, разбившись на группки.

— Мое мнение — отстранить Исиро Момму от руководства экспедицией, — жестко сказал Станислав. — За несоблюдение второго параграфа должностной инструкции о руководстве экспедиционными отрядами Даль-разведки, а также за игнорирование норм экоэтики в планетарном масштабе.

Богданов пристально наблюдал за Моммой. Тот дрогнул ноздрями, губы сжались, словно перекусывая готовые вырваться слова.

— Согласен, — сказал наконец Никита. — Однако отстранять от руководства экспедицией я вас не буду. Пока. Только теперь все требования Дария будут выполняться так же, как и ваши собственные, а сам он должен находиться здесь. Согласны?

— А что мне остается? — сердито сказал Момма. Он не был способен признаваться в поражении, и, хотя требовательность его была однобока и граничила с жестокостью, руководить он умел. «Что ж, — подумал Томах, — не верится, что столь прямолинейный в стремлении доверять только своему опыту, считать свое мнение единственно верным че-

ловек вдруг «исправится», но, может быть, он хотя бы способен идти на компромиссы?»

«Мы достаточно легко проникаем в космос, — думал Филипп, — технически просто. Вот только решить, как вести себя там, далеко от Земли, в глубинах пространства, непросто. Вернее, решить-то, наверное, легко, а претворять решения в жизнь...»

— Так что же такое ваши «зеркальные перевертыши»? — осторожно спросил Момма у Богданова, когда все разошлись на отдых и кают-компания опустела.

— Видеопередатчики с палиндром-эффектом, — ответил тот, глядя на багровое зарево заката, расчерченное в косую линейку стрелами облаков. — Кто-то через них наблюдает за нами. А может быть, «зеркала» просто нечто вроде указательных знаков: «Осторожно! По газонам ходить воспрещается!» Или так: «Капризным детям вход воспрещен!»

Момма хмыкнул.

— Не слишком ли вы упрощаете? К чему тогда им палиндром-эффекты? Задержка предметов во времени и выдача в повернутом положении? Мне кажется, причина появления «зеркал» намного сложнее, чем вам представляется.

— Это нас и тревожит.

Из черной стены леса бесшумно выпрыгнула нелепая масса маунта, и впервые за месяцы пребывания экспедиции на поверхности Триаса в кают-компании не прозвучал сигнал тревоги.

Утром следующего дня, начавшегося угрюмым серым туманом, Богданов первым рейсом отправил на спейсер ненужную больше технику, затем группу экспертов во главе с Бруно; третьим рейсом отправлялись последние десантники: Богданов, Томах и Филипп, мрачно-неудовлетворенный тем, что его помощь никому не понадобилась.

Ни один из «зеркальных перевертышей» захватить с собой не удалось: наутро их просто не стало — свое дело они сделали.

Провожал десантников Владриг, смущенный непривычностью ситуации и неумением прощаться.

— Извините, коли что не так... Ребята передают вам привет и пожелание чистого пространства.

— Спасибо, взаимно, — поблагодарил Богданов, пожимая ему руку. — Только не выставляйте напоказ свое бесстрашие при встрече с маунтами. Не всегда ведь животные поступают так, как нам хочется, осторожность в контактах подобного рода не помешает.

Десантники помахали руками работающим на космодроме инженерам экспедиции и скрылись в когге.

— Ну и тип этот Исиро Момма! — проговорил Филипп, когда они расселись в рубке.

— Полегче, полегче, — вполголоса заметил Богданов. — Все же он вдвое старше любого из нас. Любить его необязательно, но то, что он опытен и решителен, заметно.

— Его же боятся. Откуда браться уважению и любви?

— А что? Мне он нравится, — заявил Томах, вызвав беглую улыбку на губах Никиты. — Серьезный, знающий, целеустремленный, немного жестковат, правда, в отношениях с подчиненными...

— Грубоват, а не жестковат, — возразил Филипп.

— В меру, в меру, дружок, кто из нас не бывает груб в иные моменты? Плохо, конечно, когда эта черта превращается в норму поведения, но, по-моему, Момма просто уверен в непогрешимости, правильности и логичности своих поступков.

— Чересчур уверен, на грани культа. — Богданов сам сел в кресло пилота. — Однако, думаю, наше решение заставит его пересмотреть шкалу личных ценностей ориентации.

— А если нет?

— Тем хуже для него. У Дария большие полномочия, просто он не привык требовать от других выполнения тех правил, которые считает само собой разумеющимися. Это, кстати, большой минус ему как руководителю. А с Моммой... в случае продолжения практики фауноцида Даль-разведка сменит руководителя экспедиции. Ну, поехали?

Когг ярко-голубой стрелой вонзился в низко нависшую иссиня-фиолетовую пелену облаков. Внизу осталось серое море тумана и грязно-зеленые острова великаньего леса. А затем впереди показался летящий навстречу аппарат, как две капли воды похожий на когг десантников, и, как ни старался, Богданов отвернуть не смог. Когг на всей скорости воткнулся в... громадное зеркало! Тьма хлынула в рубку, погасив сознание пилотов, как вода — тлеющие угли костра...

Филипп поднял гудящую голову и в первую очередь осмотрелся, пытаясь сориентироваться и определить, что ему угрожает. К его удивлению, рубка оказалась абсолютно целой, а не разбитой вдребезги, если принять во внимание потрясший их удар. Пульт по-прежнему играл спокойной желто-зеленой гаммой индикаторных огней, а в обзорном виоме разворачивалась в плоскость близкая планета.

— Ничего не понимаю! — подал голос Томах. — Голова гудит, будто меня здорово ушибли обо что-то твердое. И не один раз...

— Мы падаем, — показал на виом Филипп.

Станислав повернулся к молчавшему Богданову.

— Ты жив? Куда мы там падаем?

— Не знаю, — ровным голосом отозвался Никита.

— Как это — не знаю? Включай двигатель и дуй подальше от этого неуютного Триаса! Мне показалось, что мы столкнулись с чьим-то коггом. И в результате у меня от толчка случилось какое-то минутное отключение.

— Во-первых, мы столкнулись с «зеркалом», во-вторых, со времени «толчка» прошло полтора часа, по зависимому времени, конечно, а в-третьих, мы не над Триасом.

Станислав и Филипп переглянулись, потом одновременно стали разглядывать приближающуюся поверхность планеты.

— Да, это не Триас, — сказал Томах наконец. — Где это мы, мужики?

Богданов мельком посмотрел на него и снял с головы эмкан.

— Спроси что-нибудь полегче. Я знаю только, что когг на всей скорости «провалился» в «зеркальный перевертыш», отсюда удар и потеря сознания. А вышли мы из «зеркала» уже здесь, и теперь нас ведут на силовом поводке. Двигательная установка не включается, можете попробовать.

По рубке поползла настороженная тишина. Трое молча смотрели на мозаичное поле планеты, составленное из разноцветных, удивительно ровных квадратов. Каждый квадрат занимал площадь не менее десяти тысяч квадратных километров и с высоты напоминал обработанное поле. Однако в окне дальновидения одно из таких «полей» распалось на холмы и долины, горные страны и равнины, окутанные стран-

ным волокнистым туманом, и Филипп перестал подбирать аналогии к удивительной картине.

Когг ускорил движение, провалился вниз сразу на несколько десятков километров. Пол и потолок временно поменялись местами, потом последовал двойной рывок, и когг прочно утвердился на дне странного четырехгранного колодца с разноцветными стенами, уходящими вверх на неизвестную высоту. Ошеломленные безопасники, готовые тем не менее к действию — автоматическое проявление специфики спасательной работы, ввевшейся в душу и кровь, — смотрели на туманные стенки «колодца», пропускающие ровно столько света, чтобы не напрягать зрение. Дно «колодца» имело густой черный цвет, так что казалось — его нет совсем.

— Ирония судьбы, — нарушил молчание Томах. — Случись это с кем-нибудь — не поверил бы!

— Ирония судьбы — это нечто вроде слепого невидимки, — возразил Богданов. — К нашему случаю сие определение не подходит, уж очень явно вмешательство какого-то заинтересованного фактора.

Станислав с минуту раздумывал, потом вдруг что-то вспомнил:

— А ну-ка проверь, двигатель все еще не включается?

Богданов посмотрел на него с удивлением, надел эмкан и через несколько секунд снял.

— Странно, команды проходят! Может стартовать хоть сейчас.

— В этом все дело. Ты прав, нас «похитили» с определенной целью, посадили здесь специально и ждут, что мы поступим как разумные существа.

— Не мудри.

— Ну, то есть бегство — не критерий разумности в нашем положении. Давайте выйдем, осмотримся, взлететь мы всегда успеем, раз нам оставили эту возможность. Любопытно все же, куда нас занесло.

Спустя несколько минут, уточнив характеристики атмосферы неизвестной планеты и надев легкие «прогулочные» скафандры, они ступили на черное, как свежий асфальт, дно «колодца».

Филипп топнул ногой: черное вещество пружинило и поглощало звук. Отойдя от когга на несколько шагов, он огляделся. Дно «колодца» было квадратным со стороны метров

сто двадцать. Стены его казались стеклянными и в то же время зыбкими, колышущимися: одна из них была зеленоватой, вторая — тоже зеленой, но гораздо более яркой, третья — фиолетовой, четвертая — белой.

Филипп коснулся рукой в перчатке зеленоватой стены. Рука свободно прошла сквозь зеленое нечто, исчезая, как в слое тумана, а он почувствовал тепло и выдернул руку.

— Что там? — подошел Богданов.

— Туман... никакого сопротивления... только руке стало тепло.

Никита осторожно повторил эксперимент: рука по локоть вошла в струящуюся зелень стены, пропав из поля зрения.

— И правда, тепло... Вероятно, какое-то физическое поле. Интересно, а другие стены?

Другие стены реагировали на прикосновение точно так же: видимое нечто не препятствовало проникновению в него твердых предметов, но давало о себе знать ощущением возникающего тепла.

Побродив по черной площадке, десантники собрались у надежной башни десантного шлюпа.

— Стоит рискнуть проникнуть сквозь одну из стен, — сказал Томах, посмотрев на часы. — По-моему, вещество или поле — из чего оно там состоит — безвредно. В глубине души убежден, что все происходящее с нами запрограммировано и контролируется Наблюдателем, иначе наше приключение не имеет смысла. Он решил либо испытать нас, что требует доказательств, либо что-то показать. Отсюда вывод: мы должны быть или сообразительнее, или...

— Ого, — усмехнулся Богданов. — Каскад гипотез! Ну, и второе твоё «или»?

— Или решительнее. Второе «или» может оказаться верным. Уж в том, что мы часто гораздо более решительны, чем сообразительны, Наблюдатель должен был убедиться.

Филипп привык к тому, как Станислав, внешне грубовато, резко и небрежно утверждал свою точку зрения. Впрочем, Богданов тоже к этому привык.

— Может быть, может быть, — рассеянно заметил он.

— Но почему стены разного цвета?

— Да потому, что выходят, очевидно, в разные квадраты «мозаики». Помните, какой выглядела планета с орбиты?

Нас посадили на стыке нескольких таких квадратов, и этот колодец, наверное, своеобразный тамбур.

— Логично, — кивнул Томах.

— Вопрос: что же нас, собственно, ждет там, за стенами? — продолжал Никита, словно разговаривая сам с собой.

Томах снова отметил время.

— Мы топчемся без толку уже полчаса. Что касается твоего вопроса, то у меня нет особого желания окунаться в неизвестность. Предчувствие совершенно дурацкое; будто нас ждут неприятные сюрпризы. Но ведь делать что-то надо...

— А вдруг наоборот — нас ждет контакт с Наблюдателем?

Станислав неопределенно пожал плечами.

— Не уверен, что контакт будет приятным. К тому же способ доставки нас сюда излишне претенциозен, Наблюдатель давно мог бы установить контакт с нами менее экстравагантным способом. Если бы хотел.

— Хорошо. — Богданов выпрямился и оглядел спутников. — На всякий случай переоденем эти костюмчики на что-нибудь помощней и — на разведку. Вы правы, надо действовать, раз путем размышлений нельзя решить подsunутую задачу.

Через четверть часа, экипированные так, будто им предстояло выдержать осаду десятка природных катаклизмов сразу, безопасники опробовали автоматику скафандров и сошли по трапу на черное дно «тамбура».

— В какую сторону подадимся? — спросил Томах, похожий на угловатую каменную глыбу, впрочем, все они сейчас ничем не отличались друг от друга — остроконечные, непрозрачные внешне конусы шлемов и горбы генераторов поля на спинах делали их уродами, вернее, выходцами из «иных измерений».

— Может быть, сюда? — Богданов показал на белую стену.

— Давайте жребий, — предложил Томах.

— Да что вы, в самом деле! — взбунтовался Филипп. — Все равно придется все стены проверить. Еще неизвестно, попадем ли мы куда-нибудь. Меня лично тянет в эту сторону. — Он ткнул пальцем в фиолетовую стену, самую темную из всех.

— Логично! — с восхищением сказал Томах.

Богданов засмеялся. Подошли к стене.

— Можно, я первым? — быстро спросил Филипп и, не дожидаясь ответа, шагнул в зыбкую пелену.

По всему телу прошла волна тепла, будто он окунулся в теплую воду. Подождав неприятных ощущений — их не было, — он высунул голову назад, что явилось неожиданностью для оставшихся, и сказал:

— Все нормально, иду дальше.

Затем снова залез в стену и очутился в странном сумеречном мире: перед ним простиралась черная равнина с разбросанными кое-где по ней белыми, как снег, глыбами. Над равниной нависало угрюмое фиолетовое небо с тремя яркими синими звездами, лучи которых высекали в глыбах ослепительные голубые искры. К горизонту уходили какие-то темные массивы, не то горы, не то лес — света трех звезд не хватало, чтобы рассмотреть все более подробно. И еще: здесь мелко-мелко тряслась почва и откуда-то доносился глухой рокот, словно за горизонтом грохотал вулкан. Кроме того, сила тяжести в этом мире превышала земную почти в два раза, пришлось включить генератор поля, снявший с тела пресс силы тяжести.

Филипп огляделся и присвистнул. Сзади него простиралась та же мрачная равнина, никакой стены не было.

Рядом возникла чья-то фигура и изрекла голосом Богданова:

— В следующий раз высеку за самодеятельность!

Томах появился, как чертик из коробки:

— Что-то тяжеловато здесь, братцы.

Богданов сделал два шага вперед и оглянулся.

— Ага. Я было начал сомневаться.

Томах стал рядом, посмотрел на то место, где стоял раньше, и хмыкнул. Филипп с любопытством оглянулся и увидел висящее в воздухе тонкое светящееся кольцо.

— Выход, — сказал Богданов, прошел к кольцу, шагнул в него и исчез. Через несколько секунд появился снова. — Порядок.

Томах осмотрелся.

— Жутковатое место, вы не находите?

Равнина уходила за горизонт, мрачная, выжженная, усыпанная не то сажей, не то пеплом, не то черным песком, и лишь белые глыбы, похожие на ледяные айсберги, играю-

шие в гранях холодным огнем, да три колющих глаза звезды вносили некоторое разнообразие в необычно монотонный пейзаж.

— Похоже на Шемали, — произнес Филипп. — Там тоже все черное и угрюмое.

— Все да не все, — возразил Богданов. — Цветовая гамма не та, слишком напоминает потухший ад. Так и кажется, что здесь недавно все горело.

— Не знаю, потухший ли, мой термо показывает температуру почти плюс двести сорок по Цельсию.

— Тогда те глыбы — не лед и не снег.

Помолчали, чувствуя себя неудобно.

— Не нравится мне этот ландшафт, — пробормотал Томах. — Не знаю почему, но не нравится.

У Филиппа тоже появилось какое-то гнетущее чувство тревоги. В воздухе «пахло» угрозой, но эта угроза не была обращена к ним, она была давняя, застарелая и пропитала все вокруг так основательно, что невозможно было сомневаться в неблагоприятии странного «потухшего ада».

Вдруг что-то изменилось. Филипп не сразу понял, что просто прекратилась дрожь почвы и умолк далекий глухой рокот, единственный звук, будоражащий воздух не то ночи, не то дня.

— Не забудьте о записи, — предупредил Богданов, поправляя на плече зрачок видеокамеры. — И запомните, куда надо бежать в случае осложнений.

— Думаешь, придется бежать?

— Не знаю. Давайте пройдемся немного, до первого «айсберга», что ли, и вернемся.

Рассредоточившись так, чтобы видеть друг друга и в то же время наблюдать за обстановкой, они двинулись по скрипящей под сапогами «саже» к одной из сияющих белых глыб.

Не успели пройти и сотни шагов, как вдруг из-за горизонта взметнулась дугой длинная искра и вспыхнула над равниной ослепительным клубком голубоватого пламени. Все предметы на равнине выступили четко и рельефно, протянув угольно-черные тени. Лишь неясные темные массы так и остались неразличимыми, словно застывшие бурые клубы дыма.

Из-за горизонта вынеслась еще одна звезда, затем еще одна. И в тот же момент из дымоподобных громад выпрыг-

нули стремительные ручьи жидкого пламени и потекли, причудливо извиваясь, к белым «айсбергам».

По нервам людей ударило болезненно и сильно.

Филипп увеличил напряженность защитного поля, стало легче, но в довершение ко всему ему показалось, что он слышит чей-то долгий, тонкий, мучительный крик, чей-то зов о помощи, хотя рядом не было никого, кто мог бы так кричать.

Ручьи преодолели расстояние до белых глыб, и те внезапно зашевелились, стали растрескиваться, окутались белым паром... «Крик» захлебнулся, перешел в хрипящее бульканье — все это на уровне мысленного приема — и пропал.

Сквозь пар, окутавший ближайший «айсберг», люди увидели золотистый факел огня, осветивший какую-то сложную многогранную фигуру, нечто вроде груды кристаллов, затем раздался глухой взрыв, и все скрылось в густом фонтанирующем пару...

Словно сделав свое дело, играющие холодным ртутным блеском «ручьи» возвращались обратно, укорачивались, уходили в пухлые нечеткие массивы другого «дыма», бурого. Исчезли. Световые «бомбы» в небе погасли, и стало почти темно. По всей равнине вместо белых «айсбергов» некоторое время светились странные алые холмики, похожие на кучи углей, но и они потухли. Равниной завладела тьма.

Из-за горизонта донесся знакомый рокот, и снова затряслась почва.

— Вот и весь концерт, — пробормотал Томах.

— Пошли назад, — скомандовал Богданов. — Иначе мы рискуем стать мишенями вместо этих «кусков льда».

Словно в ответ на его слова из густой клубящейся тьмы, оконтуренной только фиолетовым свечением небосвода, вылетел серебристый ручеек и направился к попятившимся разведчикам.

— Не останавливайтесь, — хладнокровно сказал Богданов. — Быстро на холм!

Друзья повиновались и в несколько прыжков достигли точки выхода — красное кольцо исправно показало дорогу в «тамбур».

Богданов терпеливо дождался, пока ручей пересечет те несколько сот метров от своего облакоподобного обиталища до людей (даже в полусотне метров от него у Филиппа появились болезненные ощущения в позвоночнике и крупных

нервных узлах тела), и включил прожектор. Яркий клинок света вонзился в ручей, и тот резко снизил скорость течения, затем остановился совсем. Никита выключил прожектор, подождал и снова включил.

«Озадаченный» ручей попятился и вдруг... загорелся по-настоящему! Все вокруг озарилось дрожащим пугливым светом. В буром «дыму» прозвучали два глухих удара, вздрогнула почва, и люди увидели, как из тьмы на них сначала медленно, а потом все быстрее покатился бурый бесформенный вал. Голову Филиппа охватила усиливающаяся боль, по нервам словно стегнули горячим кнутом!

— Никита! — крикнул Томах, но Богданов не стал дожидаться новых сюрпризов и метнулся назад. Все трое, тяжело дыша, вывалились на матово-черную поверхность «колодца». В центре квадрата уютно светила габаритными огнями башня когга.

— Тишина и спокойствие, — отдышавшись, сказал Томах.

— Развели, — в тон ему отозвался Филипп.

В рубке разделись, без единого слова позавтракали и принялись изучать вытянутые физиономии друг друга.

— Что дальше? — спросил наконец Богданов, уходя взглядом в себя; Филипп понял, что Никита взвешивает собственное решение.

— Мы слишком мало видели, — пробормотал он.

— Да, — согласился Томах, — понять что-либо трудно.

— Придется идти снова, — кивнул Богданов.

— Только уж выбирать направление на этот раз буду я, — поднял руку Станислав.

Они снова облачились в тяжелые противоядерные балахоны, известные в Даль-разведке под названием «панголины», и на всякий случай предварительно прощупали эфир в радиодиапазоне антенны шлюпа. Но эфир был пуст и тих, динамики лишь слабо потрескивали немногочисленными, прорвавшимися сквозь толщу атмосферы колодца быстрыми ионами.

— Я предлагаю нырнуть сюда. — Томах остановился возле темно-зеленой стены.

Богданов пожал плечами, и они почти одновременно шагнули в малахитовое строение перегородки, отделяющей колодец-тамбур от квадрата со своей жизнью. Десантники уже поняли особенность мозаичной планеты: каждый квадрат ее

мозаики представлял, очевидно, ограниченную силовыми завесами область с резко отличающимися от соседних жизненными условиями.

Они оказались в котловине, придавленной низкими, несущимися с большой скоростью облаками. Котловина заросла черными шарами с густой щетиной колючек, в центре ее обнаружилось не то озеро, не то болото с проплешинами тяжелой, похожей на ртуть жидкости, затянутое по краям ржаво-зеленой пленкой. Сила тяжести и в этом мире не соответствовала земной, хотя и была близка к ней.

В нескольких шагах от людей на берегу озера возвышался странный холм, покрытый чем-то вроде металлических плит. Филипп первым обошел его, оскальзываясь на зеленых буграх, скользких, как жидкое мыло, и с содроганием обнаружил, что холм — лежащий на боку зверь! Мертвый зверь, судя по гигантской многометровой ране в его боку.

В длину гороподобное страшилище достигало не менее пятидесяти метров и заканчивалось короткой шеей с жуткой головой, похожей больше на грибообразный, весь в перепонках, нарост. В полураскрытой пасти зверя, откуда еще шел синеватый дым, лежало нечто напоминавшее черное скользкое бревно, перекушенное почти пополам. Ног у мертвого чудовища, как и у «бревна», не было видно, и Филипп вспомнил маунта на Триасе: маунт был, конечно, в три раза крупнее этого гиганта, но и мертвый зверь впечатлял.

— Мать честная! — выдохнул Томах, не подходя близко. — Ну и велика же творческая потенция у природы!

— А ведь его убили недавно, — пробормотал Богданов, стоя у борозды в боку исполина, сочащейся сизым дымом. — Рана свежая.

— Похоже, в него всадили ракету, — сказал Филипп, падая на бок; удержаться на зеленых склонах, покрытых пастообразной, чрезвычайно скользкой массой, было нелегко. И вдруг у него возникло острое чувство тревоги.

— Слава, — позвал он, озирая окрестности, — чую опасность.

Но предупреждать никого не требовалось: и Богданов, и Томах уже насторожились, отзываясь на «звонок» тревоги, включенный подсознанием.

— Все сюда! — негромко проговорил руководитель группы, скрываясь за скопищем черных «ежей», как они окре-

стили растительные шары. Укрытие было ненадежным, но все же защищало от любопытных взглядов, появившись здесь другие существа. И существа появились — собраты погибшего исполина. Издавая гулкие шлепки, с треском вспарывая заросли «ежей», чудовища выползли из-за обрыва на склон котловины и заскользили вниз. Ног у них при движении не было видно, так что невозможно было понять, как они передвигаются.

Одно из чудовищ вдруг замедлило скольжение, и его безобразная голова повернулась в сторону спрятавшихся в сотне метров людей. В ту же секунду из болота с плеском вылетела громадная черная торпеда и вонзилась в бок гиганта. Грохот, короткое оранжевое пламя, из бока животного с шипением вырвалась струя синего дыма. «Ящер» молниеносным движением, какого от него трудно было ожидать, поймал «торпеду» раскрытой пастью. Каменно-металлический лязг, хруст, сдавленный вопль — и все стихло. Только из бока раненого продолжала со свистом хлестать струя дыма, на глазах меняя цвет с синего на бурый.

Трое из оставшихся бронированных великанов окружили раненого, остальные направились к мертвому, остановились и — Филипп не поверил глазам — склонили страшные свои головы у трупа! Через минуту к ним присоединились остальные трое вместе с раненым и также застыли неподалеку в недвусмысленном ритуале.

— Честь отдают, ей-богу! — прошептал Томах.

Чудовища разом вздернули головы, покачивая наростами, осмотрели заросли колючих шаров. Одно из них долго и подозрительно глядело в сторону замерших разведчиков, в то время как его приятели что-то делали вокруг мертвого собрата. Когда они закончили возню, от трупа не осталось и следа. То ли они зарыли его, то ли сбросили в болото, то ли вылечили (Филипп пожалел, что не догадался подсчитать, сколько их было вначале). Потом всей группой неподвижно постояли около минуты на берегу, вглядываясь в воду и ворочая головами-локаторами, и один за другим поползли прочь, причем тот, что стоял на страже, всматриваясь в заросли, все время оглядывался. Они бы так и уползли, если бы не Томах, пробормотавший:

— Могу побиться об заклад, что... — Фразы он не закончил.

Оглядывающийся исполин метнул вдруг в их сторону сто-

метровый огненный язык. Сильно зашипело, с треском вспыхнули «черные ежи», людей бросило силой удара на склон холма, однако реакция у всех была отменной, и генераторы поля защитили их от еще одного огненного удара.

Гигант, очевидно, не видя того, что предполагал увидеть, подозрительно поворачивал головой и с достоинством удалился за поджидавшими его товарищами.

Постояв с минуту и вслушиваясь в наступившую тишину, десантники наконец зашевелились.

— Что ты хотел сказать? — спросил Богданов. — Ты же хотел с кем-то биться об заклад.

— А-а... уж очень осмысленными выглядели их действия. Вот я и подумал: не разумны ли они?

— А сейчас так не думаешь?

Станислав нагнулся, растер в руке ком пепла, оставшийся от колючего черного шара.

— Не знаю.

— Кто же в них стрелял? — спросил Филипп. — Прямо из озера... как будто торпеду запустили из подводной лодки.

— Никто не стрелял. Эта черная «торпеда», что ударила в бок дракона, скорее всего тоже какое-то животное. Вспомните, точно такое же торчало из пасти погибшего.

— На драконов эти звери не похожи, — педантично отметил Богданов, — нет крыльев.

— Надо же их как-то называть. Впрочем, ты среди нас единственный, кто близко знаком с ксенобиологией, можешь классифицировать местную фауну сам.

— А ведь интересная ситуация. — Богданов выглянул из-за уцелевших «ежей»; с десятком их догорало малиновым пламенем на склоне котловины. — Мне тоже их действия показались целесообразными. А ну как в самом деле разум!

— Давайте посмотрим, куда они дели убитого, — предложил Филипп.

Но посмотреть им не дали. Потому что из свободных от зарослей окон в болоте полезли на берег знакомые черные «торпеды» толщиной с туловище человека и длиной около десятка метров. Издали они больше напоминали черных скользких червей, но вблизи — громадные столбы с тупыми концами. Ни глаз, ни рта, ни конечностей люди у них не заметили, и тем не менее «бревна» ползли, прямые, ровные, круглые, ни дать ни взять — телеграфные столбы в смоле!

Они выползли на берег, порыскали вокруг, потом собрались вместе и странным образом соединились в какую-то решетчатую конструкцию, нечто вроде скелета пирамиды.

Филипп едва сдержался, чтобы не выразить удивления вслух, но вовремя вспомнил реакцию «драконов» на их разговор. «Бревна» тоже могли воспринимать радиоволны.

«Скелет пирамиды» простоял минут пятнадцать — полчасика, а так как он и не думал распадаться, Богданов дал знак возвращаться. Знакомая алая окружность указала направление, и вскоре они стояли на черном полу колодца, обляпанные зеленым с ног до головы.

— Мыться, — со вздохом сказал Богданов. — Потом еще раз попытаем счастья.

— Зачем? — буркнул Томах.

— Затем, что я все еще не знаю причин, по которым нас забросили сюда. Может быть, ты уже разобрался?

— Но и в этих картинах нет намека на ответ. В одном квадрате дерутся, в другом... — Станислав замолчал и задумался.

Филипп насторожился, показалось, что он понял, почему их без предупреждения бросили на планету-мозаику, но мысль мелькнула и исчезла, оставив острое чувство сожаления и досады.

Переодеваться не стали, только очистили в коридорных фильтрах когга скафандры. Богданов заторопился, решив осмотреть оставшиеся квадраты за полчаса.

— Белый? — спросил он, выходя из корабля.

— Меня тянет в зеленый, — заколебался Томах. — Эта стена светлей, чем та, где мы только что побывали.

Никита кивнул, и десантники дружно шагнули в дымную стену, не ведая, какой сюрприз преподнесет им Его Величество Случай...

Глава 12

КРАСНАЯ КНИГА

Того, что они увидели, никто увидеть не ожидал. Они вышли из стены тамбура и оказались... на Земле!

Перед ними лежало поле неубранной ржи, а может быть, и пшеницы — Филипп слабо разбирался в культурных зла-

ках полуторавековой давности, просто знал, что когда-то хлеб получали из зерна. Слева поле отгораживала полоса осеннего, будто объятая пожаром леса, а справа поле и в самом деле горело, и черно-бурые клубы дыма плыли над проселочной дорогой, догоняя странные приземистые машины в пятнах камуфляжа, с крестами на бортах.

Издалека на поле выливалась каша грохочущих, металлических звуков, в которой изредка бухали громкие раскаты, и Филипп догадался, что это перестрелка.

— К ракитнику! — резким, неприятным голосом скомандовал Богданов; они, пригибаясь, перебежали пригорок и спрятались в негустом кустарнике за поваленным недавно деревом.

В воздухе над ними раздался сверлящий уши звук, над полем тенью промелькнул знакомый по историческим хроникам силуэт военного самолета.

Перестрелка за лесом усиливалась, приближалась, приземистые машины с длинными дулами орудий остановились на пыльной дороге и развернули башни к лесу. Неподалеку от спрятавшихся зрителей остановился тупорылый грузовик, из кузова на поле посыпались люди в серо-зеленом обмундировании. Донеслись лающие звуки команды, люди бросились к лесу через рожь.

— Мне знаком их язык, — медленно проговорил Томах.

— Немецкий, — бросил Богданов. — Все, что мы видим, это Земля середины двадцатого века. Более точно — сороковые годы двадцатого, действие — вторая...

— Вторая мировая война!

Богданов прижался всем телом к земле.

— Для моих предков это была Великая Отечественная война. Да, сюрприз что надо!

Он снова приподнялся на локтях, всматриваясь в чужие машины для уничтожения — танки. На Земле и в двадцать третьем веке существовали танки, но то были исследовательские машины, предназначенные для работы в экстремальных условиях, а тут кто-то решил напомнить людям о грозных предках этих машин. Зачем?..

Танки с крестами на бортах оглушительно замолотили воздух выстрелами. Возле них тоже запрыгали кусты разрывов — ответных выстрелов десантники не видели, но поняли, что по врагам открыла огонь артиллерия русских...

— Наши бьют, — буркнул Филипп, невольно причисляя себя к тем, кто защитил когда-то Землю от варварства фашизма. Никто его не поправил, не бросил шутку, память о том времени была священна, и мысль у всех была одинаковой.

Танки на дороге дрогнули, попятились. Одна машина вспыхнула, остальные, отстреливаясь, повернули к дуге леса, взбегающего на цепь холмов километрах в пяти отсюда.

— Что будем делать? — спросил Станислав, когда с другой стороны показались русские танки и донеслось долгое «ура», от которого у десантников невольно сжались сердца. — По-моему, все понятно.

— Что тебе понятно?

— Ну, с этим вот. — Томах повел рукой, очерчивая круг. — Показана часть человеческой истории, далеко не лучшая часть, прямо скажем. Единственное, что пока неясно, видеофильм этот вроде наших голографических видеопластов или материальное воплощение.

Филипп потрогал рукой голые ветки раkitника, попробовал пальцем упавший ствол дерева, ощущая его неподатливую твердость, хотел сказать, что предметы здесь не похожи на голографические призраки, но тут совсем рядом в нескольких шагах разорвался снаряд. Взрывной волной десантников швырнуло на дерево, и, пока они приходили в себя — скафандры выдержали, но сотрясение было приличным, — их заметили.

Филипп сначала не понял, что за толчки пересекли грудь, потом понял — пули! В них стреляли, причем стреляли с двух сторон: отступающие немцы и приближающиеся русские солдаты.

— Назад, к выходу! — приказал Богданов, первым включая защитное поле. Он встал, не обращая внимания на выстрелы — со стороны русских стрельба прекратилась, — сделал несколько шагов и словно споткнулся: пригорка, с которого они вступили в этот мир, не существовало. На его месте дымилась воронка глубиной около двух метров, и алая округлость выхода в «тамбур» светилась точно над центром воронки. Допрыгнуть до нее в скафандрах даже при наличии генераторов поля они не могли.

— Надо было взять антигравы, — сказал Томах, оглядываясь. К ним приближались два квадратных танка, угрожающе покачивая орудийными стволами.

Филипп тоже оглянулся, чувствуя, как ему целятся в спину. Он представил, какими чудовищами выглядят они со стороны — широкие, горбатые, с конусовидными головами, на поясе ряд непонятных аппаратов, — и его охватило сложное ощущение ирреальности происходящего. Прошрое Земли ушло, отступило за гранит веков, но здесь оно почему-то возродилось и властно напомнило о себе, рая душу и заставляя память судорожно рыться на полках забытых терминов в поисках нужных слов для объяснения ситуации. И снова Филиппу показалось, что знает он, зачем им все это показывают, и снова мысль «сорвалась с крючка», спряталась в глубинах ассоциаций, ненужных воспоминаний, да и время торопило.

— За мной! — негромко скомандовал Богданов и побежал в распадок, туда, где горела рожь. Через минуту они укрылись за пеленой огня и дыма, сопровождаемые редкой трескотней выстрелов. Атакующие цепи русских воинов прокатились дальше к лесу, «ура» смолкло, и наступила хрустящая тишина, нарушаемая только дальним рокотом уходящего боя.

— Хочешь отсидеться до ночи? — осведомился Томах, усаживаясь на почерневшую, в сажу и копоти, землю. — А если смены суток у них не предусмотрены?

Богданов подкинул в руке сплюсненную пулю и протянул ее Филиппу. Тот несколько минут разглядывал свинцовую лепешку, несшую в себе чью-то несостоявшуюся смерть.

— У кого это «у них»?

— У них. — Томах снова широко повел рукой. — У тех, кто все это создал. Не будете же вы утверждать, что мы на Земле.

— И люди тоже созданы? — не сдавался Филипп. — Может быть, все привезено с Земли.

— Что же, по-твоему, они здесь так два с половиной века и воют без роздыху? С тех пор как их «привезли»?

— Ну-у... — Филипп пошевелил пальцами. — Время здесь необязательно должно идти с той же скоростью, что и на Земле. У нас прошло два столетия, а тут, скажем, два месяца. Вспомните, «зеркальные перевертыши», один из которых зашвырнул нас сюда, каким-то образом связаны с преобразованием времени.

— Нерационально, — тихо сказал Богданов. — Техниче-

ская мощь существ, создавших мозаику миров, велика, но и они не боги и наверняка более рациональны, особенно когда дело касается энергетических затрат. Уверен: «Земля военного времени» — не более чем объемный сенсорный видеофильм. Причем включается он только при наличии зрителей.

— Положим, это спорно, — возразил Томах. — Сверху мы видели, что квадраты не пусты, а заняты ландшафтами, а если бы ты был прав, то и мозаики этой не надо: прилетают зрители — включается фильм.

— Ландшафты могут быть созданы навечно, — сказал Филипп. — А все остальное — фильм.

— Очень уж реален этот фильм. Пуля-то у тебя в руках настоящая, а? И стреляли в нас по-настоящему...

— Вы не учитываете, что зрителей может быть множество, и картина крутится постоянно: кто-то обязательно смотрит фильмы в каждый момент времени, поэтому и нет «голых» квадратов.

Помолчали.

Перестрелка за лесом стихла, только изредка доносились щелчки выстрелов, вполне безобидные из-за расстояния. Рожь у дороги сгорела, и дым поредел, открыв хмурое осеннее небо, начавшее слезиться редким дождем.

— Нет, вы только представьте! — воскликнул вдруг Станислав. — Планета разделена на тысячи квадратов, и в каждом своя жизнь!

— Причем не просто жизнь, — добавил задумчиво Богданов, — а скорее всего разумная. Все это не наводит на размышления?

Филипп вспомнил фиолетовую пустыню со сгоревшими «айсбергами», о разуме в человеческом понимании там ничто не напоминало, и вдруг поймал-таки упорно убегавшую мысль. Тысячи миров на одной планете! Тысячи жизней! Но жизней неблагополучных, судя по событиям в трех наугад взятых квадратах! Кунсткамера, вот что это такое! Паноптикум особых ветвей развития жизни во всей Галактике! А то и в скоплении галактик! Но какой же мощью надо обладать, чтобы сделать такой «паноптикум»!

— Так что будем делать? — Деятельный Станислав вскочил и прошелся по сгоревшей стерне, поднимая облачка пе-

пла. И в ту же секунду бросился ничком на землю. — Ложитесь! Тихо!

Десантники попадали рядом, толком не поняв, в чем дело, инстинктивно располагаясь спинами друг к другу, чтобы иметь круговой обзор.

Томах похлопал их по спинам, поднес руки к шлему, давая понять, что разговаривать нельзя, и показал в ту сторону, откуда они бежали пол часа назад. В это время ветер отнес последние клочья дыма в сторону, и Филипп увидел странную фигуру, состоящую из нескольких блестящих кубов, выползавшую из «пустоты» входа. Оттуда же, откуда попали в земной квадрат они сами.

Фигура, карикатурно напоминавшая робота, как их рисовали два столетия назад — голова — куб, руки — параллелепипеды, ноги и туловище — тоже кубы, — выползла совсем, голова ее качнулась два раза, налево и направо, словно существо осматривалось, потом неизвестный посетитель взвился в небо и скрылся из глаз.

Прележав четверть часа и никого больше не дождавшись, десантники зашевелились, принимая более естественные позы.

— Кто это был? — спросил Филипп, отряхивая живот.

— А ты не догадался? — сказал Богданов. — Зритель, как и мы с вами. Я же говорил, их должно быть много, со всех концов Галактики. Удивляюсь, как мы не столкнулись с ним раньше.

— С ним?

— Не с ним, так с другим, а то и с целой делегацией... если мои догадки верны.

Богданов повертел в руках сплюсненную пулю и зашвырнул в поле.

— Пошли, нет смысла прятаться.

Он вошел в иссякающий струйками дым и быстро поднялся на холм. Товарищи потянулись следом. А у дороги, возле дымящегося подбитого танка наткнулись на лежащего ничком человека. Он был мертв, спину пересекала цепочка рваных кровавых дыр.

— Наш, — зачем-то сказал Томах, останавливаясь.

Филипп с трудом сглотнул, отвернулся и шагнул прочь.

— Нет уж, — встал на пути Станислав. — Смотри! Такого больше не увидишь! Непривычно? Жестоко? А ты думал, им

было легче?! — Он мотнул головой в сторону сгоревшей ржи. — Не здесь — на Земле! Смотри, парень, и запоминай...

— Не надо, Слава, — оглянулся Богданов. — Он запомнит и без твоего напутствия. Не для того ли нас перенесли сюда и ткнули носом, чтобы мы вспомнили, какими были? Вернее, чтобы не забывали? Не для того ли нам напомнили последнюю из Великих войн, за гранью которой осталось Великое уничтожение цивилизации? Разве не чудо, что человечество сумело остановиться на лезвии суицида?

Несколько минут прошло в молчании, тяжело, как физическая боль, потом Томах пробормотал:

— Керри как-то спросил: чем измеряется история человечества? Как это выразить кратко? Я отвечу, а тогда не мог: история человечества — это не история покорения Галактики, как считают многие, это прежде всего история покорения человеком самого себя.

Никто ему не возразил. Перед ними лежал мертвый. Русский солдат. Человек! И если оглядеться вокруг, на поле лежало еще много людей, своих и врагов, и какая была для Филиппа разница — фильм ему показывали или кусочек настоящей человеческой истории, он и к слову «смерть» не мог оставаться равнодушным...

У воронки, над которой при их приближении загорелась в воздухе алая окружность, Богданов остановился.

— Попробуем допрыгнуть? — с сомнением предложил Станислав.

— Нет, что-то мы упускаем из виду. Мир этот не бесконечен, как нам кажется, и мы это знаем, граница его здесь... — Никита прошел слева от воронки, фигура его странно заколебалась, и... он оказался развернутым на сто восемьдесят градусов!

— Так! Убедились, стена на месте. Эффект поворота — словно у «зеркального перевертыша», видимо, это все-таки дело рук Наблюдателя, используются одни и те же приемы. Может, мы просто не умеем пользоваться входом?

— Давайте прикажем ему... — Филипп не договорил. Светящаяся окружность погасла и возникла рядом с воронкой.

— Молодец! — хмыкнул Томах, обходя Филиппа.

— Но я еще ничего не...

— А ничего и не надо. Достаточно того, что ты подумал об

этом. И здесь автоматика мыслеприказа, разве что почувствительнее нашей.

На знакомом черном полу «колодца» остановились, разглядывая когг.

— Тот, квадратный, вылез отсюда, — высказал общую мысль Томах.

— Ну и что? — Богданов обошел шлюп кругом. — Зритель он, вероятно, квалифицированный, не чета нам, что ему чужая машина? Посмотрел и помчался по своим делам. Может быть, он часто прилетает на спектакли.

Томах потрогал броню шлюпа.

— Куда теперь? Домой?

— А как? — спросил Филипп. — И куда?

Богданов хмыкнул.

— Вот именно. Мне кажется, у нас у каждого складывается свое мнение об увиденном. Не будем спешить с выводами, для полноты впечатлений можно было бы посмотреть еще одну картинку, у нас осталась в запасе белая стена, но у меня есть идея. Хотите — идите туда без меня, а я еще раз погляжу на земной ландшафт.

Он повернулся и нырнул в зеленую стену, за которой его ждал мир Земли.

Филипп повернулся к Томаху, но так как скафандры не позволяли видеть лиц друг друга, пришлось задавать вопрос вслух:

— Пойдем?

— Куда? — осведомился Станислав.

— За Никитой.

— Иди, а я лучше посещу белый квадрат, все какое-то разнообразие.

Они разошлись в разные стороны.

Ради любопытства Филипп вошел в знакомую зеленоватую стену в полусотне шагов от того места, куда вступил Богданов, но вышел рядом с ним: у субстанции защитных стен имелось свойство выводить гостей в одну точку выхода в квадрат. Он вышел и остановился.

Знакомого пейзажа со сгоревшим хлебным полем не было. С трех сторон их окружал лес. Вернее, джунгли: сочный, зеленый ад, делящийся на три уровня. Первый — тунговый кустарник, второй — фикус и пальмы, третий — диптерокарпусы и бамбук. Сразу за лесом начиналась выжженная пус-

тыня, упиравшаяся на горизонте в угрюмые черные горы. Пустыня делилась надвое неширокой рекой, вода в которой была цвета кофе с радужными разводами.

Вдоль противоположного берега реки цепочкой брели усталые люди в пятнистых комбинезонах, в руках у каждого была автоматическая винтовка (название оружия Филипп вспомнил позже), на головах каски с пучками увядшей травы. Внезапно из-за кромки леса послышался нарастающий рокот, и люди у реки мгновенно попадали на землю. Над лесом показался вертолет с какими-то фермами по бокам и под днищем кабины. С одной из ферм сорвалась дымная молния, вонзилась в то место, где лежали люди, и тех накрыл смерч разрыва. Филипп невольно рванулся вперед, но рука Богданова остановила его.

— Спокойно, парень, спокойно. Это и в самом деле только фильм, сенсорный фильм.

Оставшиеся в живых на берегу открыли огонь по вертолету, но чем закончился поединок, Филипп не узнал.

— Пойдем, — сказал Богданов. — Я так и думал.

Они вернулись в тамбур.

В когге разделись, подсели к столу, который развернул Станислав, вернувшийся чуть раньше. Поужинали (обедали еще на Триасе).

— Стартуем? — Томах посмотрел на задумчивого Богданова. — На орбите разберемся, что делать дальше. Если наш хозяин забросил нас сюда не по нашей воле, он же должен и вернуть. Я, правда, мало что понял, каша в голове.

— Можем посетить еще пару квадратов. У них здесь, по идее, должна существовать какая-то автоматика посадки в разные зоны планеты. Вспомните, как нас сажали.

— Этот колодец может оказаться единственным переходным тамбуром, и, чтобы попасть в другой квадрат, надо пересечь ближайшие от колодца.

— Едва ли, чересчур громоздко и неэкономично, пришлось бы на пересечение квадратов тратить слишком много времени. Колодцев должно быть много.

— Ну а ты что увидел в белом квадрате? — осведомился Филипп у Томаха, насытившись.

— Почти ничего. Снег там идет — ни зги не видно! Снежинки — с ладонь величиной, а самое интересное — они живые! То есть падают и... ползут! А у вас что?

Филипп оглянулся на Никиту.

— Война там идет, по-моему. Одна из войн двадцатого века, но не Великая Отечественная, попозже...

— Вьетнам, — рассеянно отозвался Богданов. — Или Ливан, трудно разобраться. Впрочем, скорее всего все же Вьетнам.

Сев за пульт управления, он жестом приказал всем зарастить скафандры и поднял шлюп в воздух. Никто не препятствовал полету, не предупреждал об ответственности за самостоятельные действия.

Из колодца-тамбура вышли на высоте тридцати километров. Панорама мозаики выступила отчетливо, хотя с этой высоты поверхность планеты больше напоминала соты. Богданов повел когг над слоем облаков — единственным, что было общим для каждого квадрата и для планеты в целом.

— Зачем ты возвращался в земной квадрат? — спросил Томах.

— Убедиться кое в чем, — коротко ответил Богданов.

— Убедился?

— Вполне.

Пролетели над зеленым квадратом, заросшим вполне земным по виду лесом, потом над голубовато-фиолетовым, за которым шел совершенно серый, ровный и голый, как стол. Встречались квадраты белые, и черные, и красные, а над желтым Богданов даже остановил шлюп — в этом квадрате шла война, что было видно и без оптики: армии необычного вида машин методически уничтожали друг друга ракетами, режущими лучами и Бог знает чем еще.

В соседнем квадрате исчезал в синем ядерном огне город, а чуть поодаль от него черная, выжженная до блеска равнина раскололась на глазах багровыми трещинами, которые выплеснули ослепительные языки лавы...

— Да, — вздохнул Богданов, — все правильно. Это мозаика истории.

— А ты что думаешь? — повернулся Станислав к Филиппу.

— То же, что и Никита, — схитрил тот, застигнутый врасплох: свою идею он хотел приберечь под занавес. — Здесь собрана коллекция войн, разве не так? Ты мне как-то рассказывал, что в двадцатом веке существовала так называемая «Красная книга исчезающих видов животных и растений».

— Была такая книга, она и сейчас существует как любо-

пытный документ потребительского отношения человека к природе на Земле. Ну и что?

— Мне кажется, вся эта планета — «Красная книга гибнущих цивилизаций нашей Галактики». Не просто исчезающих видов животных, а именно цивилизаций. Ведь мы с трудом излечились от болезни национализма, я имею в виду человечество, войны — только видимая сторона этой болезни. А здесь вот... — Филипп встретил взгляд Богданова и сбился с мысли.

— М-да... — пробормотал Томах, с любопытством рассматривая порозовевшее лицо товарища. — В тебе прорастает социолог. — Он повернулся к Никите. — Ты тоже так считаешь?

Богданов перестал оценивающе смотреть на Филиппа, отвел взгляд и сказал:

— Ты действительно молодец, Филипп Ромашин. Я пришел почти к такому же выводу, но ты дал лучшую формулировку. «Красная книга Галактики»!.. Перечень цивилизаций, нуждающихся в срочной охране генофонда, или, иными словами, состоящих на учете в какой-то высшей инстанции Галактики как неблагополучные формы жизни...

Они не успели сориентироваться в пространстве, что желал сделать Богданов. Внезапная темнота упала на когг, хлынула в тела людей и оборвала сознание. Невидимый хозяин «Красной книги» возвращал их назад, к людям. Он показал все, что хотел.

Филипп снова очнулся первым.

В рубке было темно, лишь на пульте горели два зеленых огонька да над люком светилась алая надпись: «Блокировка».

Экраны работали, в этом он убедился, приблизив кресло к пульту, но снаружи было темно. Ночь, что ли? Шлюп вроде бы стоит на твердом грунте, но где, на какой планете? Где тут прожекторы?

Филипп нашел сенсоры включения прожекторов, но те не сработали. Темнота, казалось, стала гуще. В чем дело? Что с прожекторами?

Филипп нашарил сенсор включения борт-координатора.

— Ускорение ноль, тяготение единица, воздух годен для

дыхания, индекс безопасности АД-ноль, скафандры для выхода необязательны.

— Почему не работают прожекторы?

— Выработан электроресурс.

— Что там? — раздался за спиной голос Станислава.

— Мы остались без энергоресурса, — оглянулся Филипп. — Но, по-моему, мы на Земле. Сейчас посмотрю.

Он снял скафандр, открыл люк. Темнота и тишина.

— Снова ТФ-прыжок в неизвестность без подготовки, — продолжал Томах. — В стационарных метро ничего не чувствуешь, а тут прямо удар по организму... Куда-то нас теперь занесло? Неужто и впрямь на Землю?

— Включите свет, — попросил Богданов. — У нас в аптечке были тонизирующие иглы, не Бог весть какое средство, но от встрясок немного помогает.

Дальнейшего разговора Филипп не слышал. Спрыгнув из внешнего люка на землю с высоты двух метров, он не удержался на ногах, перекувырнулся через голову и угодил лицом во что-то колючее и знакомо пахнущее. Отодвинувшись, провалился рукой в какую-то яму, ошупал ее край и ползком сдал назад, потом встал на ноги и выпрямился. Глаза уже адаптировались к темноте: над ним повис фиолетово-черный небосвод с золотистым шарфом Млечного Пути, знакомые созвездия добродушно подмигивали с высоты, откуда-то налетел ветерок и принес терпкий запах зелени, сырого песка и смол: рядом с глыбой шлюпа шелестели крупными листьями деревья, знакомо крикнула птица, и Филипп улыбнулся: он был на Земле.

В рубке его встретило многоголосие эфира и вопросительный взгляд Богданова.

— Определился? Или включать связь?

— Скорее всего север Южной Америки. Хорошо виден Южный Крест, да и запахи специфичные — сельва.

Никита набрал шифр тревожного канала УАСС, выключив звучание каналов связи и сети радиовещания. Над пультом вспыхнула нить виома, развернулась в квадрат, обрела глубину, встрепенувшийся дежурный американского филиала, сделав сосредоточенный вид, произнес:

— Слушаю, сорок третий южный тропический.

— Дайте прямую связь с начальником отдела безопасности центрального бюро Керри Йосом.

Дежурный нахмурился.

— По времени у них сейчас поздний вечер... Что-то срочное?

Богданов кивнул.

— «Две девятки».

Дежурный молча соединился с Европой и исчез из виома. Через две минуты на его месте показалась недовольная физиономия Керри Йоса.

Встретив легкую усмешку Богданова, начальник отдела от неожиданности закрыл глаза и потряс головой. Убедившись, что видит своих работников наяву, хмыкнул.

— Вот это номер! Я сплю или вы уже вернулись? Где вы сейчас?

— В Америке, где-то у дельты Амазонки.

— Но я только что имел с вами беседу, вы собирались уходить с Триаса!

Десантники с «Искателя» переглянулись.

— Как давно?

Керри мигнул, он был озадачен.

— Разве вы не знаете сами? Ну и дела!.. Минут двадцать назад. А вы часом не разыгрываете старика?

— Не до розыгрышей. — Богданов посмотрел на Томаха, тот подтверждающе кивнул. — Нас вернули в ту же минуту, что и похитили, только не на Триас, а на Землю. Так, Слава?

— Причем с легкостью невероятной.

— Может быть, объясните, в чем дело?

— При встрече.

— Хорошо. Сами сумеете добраться или прислать транспорт?

— Ресурс шлюпа высосан, но мы доберемся. Придем в себя и доберемся.

— Тогда жду! Уфф! Час от часу не легче.

— Не забудь дать отбой на Триас, чтобы не начали авральный поиск. «Искатель» пусть продолжает работу по плану.

— Сделаю. — Керри выключил связь.

Через два часа рассвело.

Перед тем как улететь, Филипп на минуту выскочил из когга посмотреть, куда это он едва не свалился ночью.

Корабль стоял на ровной серой площадке, покрытой кое-где пучками метельчатой травы и сморщенными засохшими

плодами величиной с кулак, напоминавшими каштаны Триаса. Пахло ванилью, прелью и почему-то ржавым железом. Площадка была окружена со всех сторон четырехъярусным лесом. В первом ярусе, высотой около трех метров, Филипп узнал фикус, петли лиан и папоротник, а над ними высились гигантские сейбы с мощными досковидными корнями, кое-где взломавшими серый материал площадки. Подойдя к глыбам взломанного покрытия, Филипп убедился, что это бетон.

Дыра, в которую он угодил рукой ночью, оказалась идеально круглым колодцем диаметром около четырех метров, уходившим вниз на неведомую глубину. Филипп представил, как он летит в колодец, и передернул плечами. Его ночной прыжок мог закончиться весьма плачевно.

Рядом со стволом сейбы он обнаружил в бетоне квадратное углубление и в нем выпуклый ржавый щит люка с выдавленной шестиугольной звездой в центре. Он безуспешно подергал ручку люка, прикинул возраст сооружения: лет двести, если не больше. Обошел когг кругом, недоумевая, кому на Земле двести лет назад понадобилось строить в центре сельвы площадку с колодцами, и столкнулся с Томахом.

— Мы его ждем, а он прогуливается, — осуждающе проговорил Станислав, оглядываясь. — Что ты здесь обнаружил?

Филипп молча показал колодец.

— Как ты думаешь, что это такое? Бетон... все заброшено. Надо, наверное, археологов вызвать, это в их компетенции.

— Зачем археологов? Я догадываюсь, что это такое. Сюда, скорее, надо вызывать ребят из «Аида». — Томах обошел площадку, заглядывая под корни сейб, подозревал Филиппа. — Видишь? Еще колодец. Это, вероятно, древняя ракетная база. Колодцы — пусковые установки. Некогда существовала стратегическая система ракетного нападения, основа получения власти и могущества монополий и одновременно вынужденная мера защиты. Учил в школе? Вот мы и наткнулись на одну из баз. Совпадение? Мало того, что нам показали «Красную книгу», так еще и перенесли в такое место, которое ярче других напоминает худшие страницы человеческой истории.

— Что вы там нашли? — спросил Богданов, когда они вернулись в рубку.

— Ракетную базу, — сказал Томах. — Стартовые колодцы пусты, оборудование демонтировано, но все же предупредить «Аид» не помешает, пусть проверят.

Через час, посадив посланный за ними куттер на стартодроме сорок третьей южноамериканской базы УАСС, путешественники отправились на метро в секториат управления, расположенный под Брянском, на берегу Десны.

Керри Йос ждал их в отделе; он так и не ложился спать. Вместе с ним в кабинете находились седовласый Норман Спенсер, вечно усмевающийся чему-то Генри Бассард, председатель СЭКОНа Морозов и Тектуманидзе, сухой, жилистый, седоусый, бросившийся их обнимать, как только все трое переступили порог.

— Рассказывайте, — коротко сказал Керри Йос после сдержанных восклицаний и приветствий.

Богданов на мгновение замялся, но Керри его понял.

— На «Искатель» я сообщил, он пошел к Шемали. Будет там послезавтра, потом пройдет вдоль погранпостов Ориона и вернется на Землю через «Темные облака».

Богданов достал кассеты с видеозаписью, которую сделал на планете-мозаике, и включил проектор.

Во время рассказа и демонстрации фильмов Филипп исподтишка наблюдал за реакцией слушателей. Керри Йос и Спенсер были задумчивы и спокойны, хотя по разным причинам. Морозов иногда морщился, словно от зубной боли, но это была его обычная манера держаться. Бассард шевелил густыми бровями и вздыхал, и на лице его недоумение сменялось скептической усмешкой и неприветливой холодностью.

— Да, это весьма интересно! — сказал Керри, когда Богданов закончил, и повернулся к Филиппу: — Мысль, что и говорить, занятная. «Красная книга Галактики»!.. А может, не только одной нашей, а всего местного скопления галактик?

— Не увлекайся, — проворчал Морозов.

— Я анализирую, и только. По всем самым оптимистическим подсчетам, в нашей Галактике не более двухсот цивилизаций, а по рассказам «путешественников», на планете около девяти тысяч областей-клеток, и в каждой своя жизнь! Что ж это получается — в нашей родной Галактике около десяти тысяч цивилизаций!

— Не забывай, что твои «путешественники» видели только несколько «клеток», со своими сценариями, остальные могли быть пустыми, подготовленными для очередных хищных обитателей.

— Смею напомнить, — вмешался Бассард, — что все это не более чем предположение — я насчет «Красной книги». Может статься, что эта «книга» к цивилизациям не имеет никакого отношения.

— Тогда наше приключение не имеет смысла, — пожал плечами Томах. — Зачем кому-то понадобилось переносить шлюп с экипажем на эту планету? Показать разнообразие ландшафтов? Не слишком ли щедр Наблюдатель — уверен, что это его рук дело, — развлекая нас подобным образом?

— А почему вы связываете этот случай с Наблюдателем? Четких доказательств-то нет.

— Мы столкнулись с «зеркальными перевертышами», — не согласился Богданов. — Видели все трое, так что у нас сомнений нет.

— И все же на отсутствии сомнений не построишь ни теории, ни дальнейшего плана работ, ни доклада Совету.

— Но совпадения разительны. Налицо еще одно доказательство того, что космическая экспансия человечества кому-то очень не по душе. Вернее, не кому-то, а именно Наблюдателю.

Бассард поджал губы.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, нас придерживают. Но позвольте спросить, почему? С какой стати? И почему именно теперь, когда мы покончили с антагонизмом в планетарном масштабе, когда социальная ветвь эволюции почти достигла наконец вершины?

— Потому что мы, к сожалению, продолжаем экспорт равнодушия, — сказал Томах. — Только раньше, два века назад, мы «владели» им локально, в пределах Земли, а теперь экспортируем равнодушие в космос.

— Поясните, — попросил молчавший до сих пор Спенсер.

— Пожалуйста. Давно ли мы согласились с тем, что космос — не свалка отходов человеческой технологии?

Бассард нахмурился.

— Сказано сильно. Мы давно используем безотходную технологию.

— Ошибаетесь! В Солнечной системе — да, используем,

потому что это наш дом, но безотходная технология с замкнутыми циклами водо-, воздухо- и энергоснабжения дорога и применяется нами далеко не на всех планетах колонизируемой зоны. Примеры? Шемали, История, гамма Суинберна...

— Но это же... — начал Морозов. — Простите, я вас перебил.

— Вы правильно поняли. Именно на этих планетах, где не все благополучно с чистотой исследований, с экоэтикой, и проявил себя Наблюдатель. «Зеркала», например, впервые обнаружены на Шемали, хотя есть сведения, что нечто подобное наблюдалось и на Земле, и в Системе. А нарушения экоэтики? Ведь случай с экспедицией Моммы вовсе не единичен! Давайте посмотрим на себя со стороны, какими мы выглядим в глазах Наблюдателя? А то и многих Наблюдателей. Что мы успели сделать великого за двести лет выхода в космос? По-моему, самое великое — это успели кое-где исправить содеянные ошибки! Нет? Я читал дошедшие до нас произведения писателей-фантастов и футурологов прошлых веков. В одном из них говорилось, как Мироздание начинает бороться с нечеловечеством, чтобы сохранить себя, то есть Мироздание, таким, какое оно есть. Верх пессимизма! Мать рождает дитя в надежде, что оно станет заботиться о ней, любить, ценить и помогать. Мы, человечество, — дитя Мироздания, дитя Природы, почему же мы зачастую забываем о ней? Забываем до такой степени, что пробуждается обратная связь Природы, по выражению Филиппа, «глобальная совесть Вселенной», голос которой мы и слышим-то не всегда!

Но наконец заметили. «Зеркальные перевертыши» и все такое прочее. Дали формулировку — Наблюдатель. Да, возможно, это наш старший брат в семье Природы, так давайте же чаще оглядываться на уроки истории, лучше прогнозировать последствия своих действий, чтобы надежды Матери сбылись. Иначе снова когда-нибудь упруемся в тупик загрязненной среды обитания. «Человек-разрушитель» — красиво звучит? А ведь именно так мы, наверное, выглядим в глазах Наблюдателя!

— Выбирал бы выражения... оратор, — поморщился Басард. — С экспедицией Моммы надо еще разобраться, а то мы любим вешать ярлыки. Нарушил инструкцию — хищник! Усилил требовательность — эгоист!

Богданов и Йос переглянулись.

— В торжественной речи Станислава, конечно, многовато патетики, — сказал Морозов, подмигивая Томаху, — но во многом он прав. Итак, ваш вывод — нет повода для тревоги?

— Повада нет, и он есть, — подумав, сказал Керри Йос. — Уверен, извне человечеству ничто не грозит. Поэтому поводов для тревоги такого масштаба нет. Наблюдатель в очень деликатной форме — смерть Василия Богданова не в счет — предупредил нас о пагубности экспорта равнодушия, говоря словами Станислава, и тут повод для тревоги есть. Он в нас самих, в нашем отношении ко всему, к чему прикасается человеческая рука.

— Схоластика, — буркнул Бассард. — Психологические этюды. Может, нет никакого Наблюдателя, а все эти ваши «проявления его деятельности» не что иное, как непознанные явления неодушевленной природы, фантазия которой, в отличие от нашей, безгранична.

— Такая мысль уже высказывалась, — мрачно сказал Томах. — Мне лично больше нравится выдвинутая Ромашиним идея глобального галактического поля совести. Все, что мы, люди, делаем, — отражается и преломляется в космосе и возвращается к нам обратной связью в качестве тех самых «психологических этюдов», о которых вы так пренебрежительно отзываетесь, то есть в качестве напоминаний: нельзя быть равнодушным к последствиям своих действий, слишком часто мы обжигаемся на этом; нельзя быть равнодушным к красоте, ибо в результате мы теряем ценнейшие качества души; нельзя быть равнодушным к чужой боли, потому что в этом случае мы в конечном итоге становимся равнодушными к самим себе.

Бассард усмехнулся.

— Ты, Станислав, со своей «теорией равнодушия» становишься в управлении притчей во языцех.

— А знаете, Генри, — сказал Спенсер, усмехаясь в свою очередь, — я с вами не соглашусь.

Бассард промолчал, у него был свой метод доказательства правоты.

— Считаю, что вы действуете правильно, — продолжал Спенсер, не меняя позы. — Но до конца ли вы представляете всю важность открытия Наблюдателя? И те последствия, которые нас ожидают в результате неправильной оценки событий?

В комнату вместе с молчанием вполз зябкий туман тревоги. От стен повеяло холодом и неудобным ощущением скрытно присутствующего среди них Чужого, словно Наблюдатель знал о встрече и встроил свое «зеркало» в одну из стен.

— Может быть, стоит перестраховаться? Дать по всем секторам общий «Шторм», объявить поиск Наблюдателя?

— Экстренные меры для перестраховки не годятся, — покачал головой Морозов. — Прямой угрозы человечеству нет, да и не верю я в то, что такое возможно. Не исключаю, но не верю. Генри может меня упрекнуть в ненаучности моей веры, — Морозов слабо улыбнулся, — но она тоже рождена из фактов. Несмотря ни на что, человечество существует и намерено существовать и впредь!

— Хорошо. — Спенсер встал. — Я тоже верю, в людей в первую очередь. Действуйте, как сочтете нужным, но информируйте меня обо всех новостях. — С этими словами он исчез: присутствовал руководитель УАСС визуально, как и Бассард, «испарившийся» следом.

— Я помню его выступление на контроль-отчете полгода назад, — сказал Томах. — Тогда он был против «Шторма».

— Он и сейчас против, потому что понимает — «Шторм» мало даст нам в сложившейся ситуации, — прищурился Богданов. — Эта форма тревоги хороша для предотвращения катастрофы планетарного масштаба и выше, но никто из ее разработчиков не рассчитывал на вмешательство разума, опередившего нас, по крайней мере, на тысячу лет.

— Глобальные проблемы надо решать на свежую голову, — сказал Керри Йос и тронул пальцем сенсор: кабинет принял вид кусочка амазонской гилеи, влажно-тропического леса. — Даю вам сутки отдыха. Завтра подключу ребят из отдела Шалвы и пограничников, они сделают машинный анализ вашего путешествия, а через пару дней вернется «Тиртханкар» и привезет сведения о «перевертышах» на планетах Суинберна. После этого будем пробиваться в Совет с нашими заключениями и рекомендациями. Да-а... — вдруг задумчиво протянул он. — Хотел бы я побывать на этой вашей «Красной книге»! Знать бы, где, у какой звезды вращается эта планета. Может быть, она расположена где-то рядом?

Филипп молча попрощался с Богдановым, торопившимся домой, и остался в зале метро вдвоем с Томахом.

— Ты в медцентр? — Станислав искоса посмотрел на товарища.

— Не знаю... — пробормотал Филипп. — Может быть. Боюсь я туда идти, Слава.

Томах едва заметно улыбнулся.

— Интересное признание. Боишься — не ходи.

Филипп хмуро посмотрел на него.

— Тебе легко говорить. А ты бы пошел?

— Я? — Глаза у Томаха похолодели. — Я не упустил бы своего шанса еще пять лет назад. Не обижайся, но это правда. Ну, пока?

— Я не обижаюсь. — Филипп опустил голову, потер лоб. — Подожди, еще вопрос, у Керри я постеснялся спрашивать. Мы согласились, что проникновение человека в дальний космос начинает притормаживать Наблюдатель, так? Но если он так силен и вездесущ, а мы так порочны и бездумны, почему же, образно говоря, он не «захлопнет дверь космоса» перед нашим носом?

Станислав с минуту размышлял, посматривая сквозь прозрачную стену станции метро на веселое око солнца в океане сини, потом мягко обнял Филиппа за плечи.

— Видимо, он надеется на нас. Понимаешь? Он верит, что мы сами справимся со своими слабостями, сами в состоянии управлять своей историей.

Филипп мастерски посадил пинасс на белый снежный пятачок между красной кирпичной стеной и шеренгой молодых лип и бесшумно выпрыгнул из кабины на снег, оставив зажженным желтый огонек — предупреждение, что такси занято.

Вечерело. Парк, расчерченный безлистыми деревьями, как рисунок тушью, был погружен в полутьму и тишину, и теперь стало видно, что он недостроен: птицы еще не успели его обжить.

Проваливаясь по колено в сыпучий снег, выпавший совсем недавно, вдыхая холодный, чистый до головокружения воздух, Филипп пробрался к стене, недоумевающе оглядел ее — кладка выглядела чересчур древней — и, опираясь на руку, перемахнул на другую сторону. Только теперь, попав сюда второй раз, он смог рассмотреть дом Ребровых. Вы-

строенный в стиле древнекорейской пагоды, дом стоял перед ним молчаливый и темный, как и парк вокруг. Не надо было даже проверять, чтобы удостовериться — никого в нем сейчас нет.

Филипп приуныл, задумчиво прошелся по дорожке, очищенной от снега: автоматика дома исправно несла службу и в отсутствие хозяев.

Как и все специалисты с высоким коэффициентом социальной значимости, Май Ребров имел право на постройку отдельного дома в любом уголке земного шара. Не все из них пользовались своим правом, предпочитая селиться с друзьями в общественных домах, снабженных к тому же всеми чудесами современной бытовой техники, но Ребров, по мысли Филиппа, использовал свое право с лихвой.

— Так! — сказал инспектор сам себе, усаживаясь на ступеньки мансарды со стороны главного входа, не замечая укусов мороза: начало марта на Курилах — это еще зима, причем зима без всяких там легкомысленных солнечных дней и оттепелей, и вечером шестого марта две тысячи двести восемьдесят первого года мороз на Симушире стоял нешуточный — минус двадцать четыре по Цельсию.

«Где же они могут быть? — подумал Филипп, включая тепловой обдув воротника; уши сразу перестало щипать и на затылок пахнуло приятным теплом. — Аларики нет ни в медцентре, ни на Луне, в Институте видеопластики. Реброва нет ни в Москве, ни в спортцентре, ни дома. Запросить диспетчера управления? У них-то уж наверняка есть координаты Аларики, особенно если она дежурит. Но не хотелось бы терять преимуществ неожиданности. А может быть, она не ждет меня так рано?»

Перепрыгнув полутораметровую стенку уже без помощи рук, Филипп отыскал пинасс и рванул навстречу снежному заряду, спешно перебрасываемому метеопатрулем в океан.

Через час он добрался до метро Южно-Сахалинска, введенного в строй всего месяц назад, и перенесся в Москву. Еще через четверть часа он стоял перед дверью квартиры Ивара Гладышева, досадуя на себя, что не догадался позвонить ему раньше.

Ивар был дома, но собрался уходить: по московскому времени шел десятый час утра. Увидев Филиппа, он с удивлени-

ем и обрадованной полуулыбкой пожал ему руку и крикнул, разглядывая слипшиеся пальцы.

— Полегче, братец! Ты же мне чуть руку не раздавил! Проходи, что встал на пороге? Не узнаешь?

— Извини. — Филипп прошел в гостиную. — Какие новости, семьянин? Кстати, где Кира?

Гладышев сел на один из кубов пневмомебели, разбросанных по комнате в художественном беспорядке, с любопытством разглядывая инспектора, жестом пригласил его сесть тоже.

— Однако за то время, что мы не виделись, ты возмужал. Даже хочется встать в стойку «смирно», честное слово. Не оглядывайся, Кира в Рязани, с сыном. Отдыхает после родов.

— У тебя сын?! Поздравляю! Не знал. Сколько же ему?

— Два месяца. Вот фото.

Филипп подошел к столу, на котором стоял объемный снимок ревущего во всю глотку малыша.

— Богатырь!

— А ты думал! — Ивар выпятил грудь. — Бери пример с меня. А насчет новостей — у тебя их наверняка больше. Поделишься, надеюсь? А у нас... Солинд спрашивает о тебе изредка, интересуется. Зашел бы ты к нему как-нибудь или позвонил в крайнем случае.

Филипп промолчал, ощутив укол вины.

— Что еще? Из команды ушел Леон Хрусталеv. Говорят, он вообще бросил большой спорт, но точно не знаю. Кристо получил травму, проходит курс лечения. Скоро будем выступать в розыгрыше Приза Весны... Вот и все, пожалуй.

— А Ребров?

— Что Ребров?

— По-прежнему остается тренером сборной?

Гладышев как-то странно посмотрел на Филиппа.

— Разве ты не знаешь?

— Нет, — встревожился инспектор. — Что я должен знать? С ним что-то случилось?

— Ребров утвержден начальником первой межгалактической экспедиции.

Филипп от неожиданности лишился дара речи. Гладышев, оценив его состояние, засмеялся.

— Для тебя это неожиданность? Странно, что ты об этом не знаешь. Уже больше двух недель прошло с момента объ-

явления состава экспедиции. Или ты удивляешься по другому поводу? Почему именно он?

— Н-нет... хотя, если честно...

— Тогда ты просто плохо знаешь Реброва. Он не только тренер сборной Земли по волейболу, но и еще выдающийся социолог, доктор истории и ксенопсихологии Института внеземных культур.

Сообщение было полнейшей неожиданностью для Филиппа. Ни Солинд, ни Томах, ни Аларика не говорили ему об этом.

Ивар встал.

— Останешься у нас? Извини, я на час-два отлучусь в цех приземельного ЗВЛ, у них что-то застопорилось с пуском новой линии, а я, как ты знаешь, наладчик-энергетик. Подождешь?

Филипп качнул головой.

— Вечером забегу, сейчас некогда.

— Ну, как знаешь. А то раздавили бы бутылочку шипучки. Кстати, если ты ищешь Аларику, — Гладышев хитро прищурился, — то она скорее всего в Центре подготовки экспедиций Даль-разведки.

— Спасибо, телепат.

— Не за что, влюбленный.

Они поднялись на крышу тридцатиэтажного дома, выстроенного в стиле «пшеничный колос», Ивар вызвал такси.

— Подброшу тебя к метро, а дальше доберешься сам.

Больше они не разговаривали. Филипп смотрел перед собой и видел лицо Аларики, то улыбающееся, то грустное, но чаще задумчивое, спокойное, и думать о чем-нибудь другом был просто не в состоянии. Ивар искоса посмотрел на него и увеличил скорость. К пятой станции метро, ближайшей в этом районе, они примчались через несколько минут, побив все рекорды скорости и вызвав легкий переполох у патруля общетранспортной инспекции.

Высадив Филиппа, Гладышев молча поднял над головой кулак, и пинасс улетел к далекой белой спице орбитального лифта, а Филипп с минуту стоял на месте, провожая его взглядом. Рядом приземлился синий куттер с эмблемой инспекции, но Филипп, целиком поглощенный мыслями о встрече с Аларикой, не обратил внимания на жесты патрульных, же-

лавших познакомиться с личностью гонщика, и растворился в толпе у метро.

Вскоре он уже выходил из финиш-камеры метро в кратере Арнстарх на Луне, под поверхностью и на поверхности которого располагался Центр подготовки звездных экспедиций.

Разобраться непосвященному в расположении отделов и комиссий Центра было непросто. Прошло время, пока Филипп уяснил наконец, где находится комплекс служб, занятых подготовкой первой межгалактической экспедиции. И лишь еще через полчаса он добрался через путаницу коридоров, лифтов и транспортных линий к отделу снабжения экспедиции, который нес на данном этапе основную нагрузку и где должен был находиться Ребров, а с ним, по мысли Гладышева, и Аларика.

В широком стерильно-белом коридоре с десятками дверей и ниш бесшумно сновали люди в форме службы звездного флота. Они ловко лавировали в потоке таких же спешащих людей, появлялись из дверей и исчезали в проходах, и Филипп несколько растерялся, не ожидая столь интенсивного движения на глубине двухсот метров под поверхностью Луны. Открыв наугад одну из дверей, снабженную обычной кнопочной защелкой, он оказался в темноте.

— Наконец-то, — раздался из темноты голос, — тебя только за смертью посылать. Принес? Вываливай.

— Извините, — пробормотал Филипп, выбираясь обратно.

Присмотрев в толпе симпатичное лицо, он снова извинился, преграждая незнакомцу путь.

— Простите, не скажете, где можно найти Мая Реброва?

— Реброва? — быстро переспросил встречный, оглядывая инспектора черными смородинами глаз. — Это сложно, знаете. Если у вас дело не спешное, обратитесь к любому из его заместителей.

Филипп отвернул лацкан куртки, показывая значок отдела безопасности управления. Энергичный незнакомец кивнул.

— Тогда другое дело. Вы найдете его в зале инженерного обеспечения. Прямо по коридору и направо в дверь с алой полосой.

Филипп кивнул и поспешил по указанному пути. У двери с красной полосой его задержали. Пришлось снова прибег-

нуть к запрещенному приему со значком. Однако его вежливо попросили объяснить причину, по которой он стремится пройти в зал и которая соответствовала бы «шкале обстоятельств», как туманно объяснил один из дежурных на входе.

Причина у Филиппа была веская, но было бы смешно пытаться доказать это незнакомым людям. «Вот влип! — подумал он с веселой злостью. — Автоматика у них, что ли, не работает? Дежурные на входе — люди! Анахронизм!..»

— Вы пройдите на пост управления залом, — с сочувствием подсказал пожилой дежурный, видя его колебания. — Ребров может находиться и там, а если нет — вам его вызовут.

Филипп молча двинулся к лифту.

Реброва на посту управления не оказалось, зато один из немыслимо молодых диспетчеров — лет семнадцать, не больше! — подсказал ему, где найти Аларика:

— Реброва вы можете найти через видеопластиков, — сказал он, не поднимая головы от панели пульта. — Он сейчас занят интерьерами кораблей экспедиции, выбирает видеопласты для оформления внутренних помещений. Спуститесь на третий горизонт и спросите, где комната видеопластических композиций.

Филипп не дожидался новых пояснений: он не собирался искать Реброва, ему нужна была Аларика, художник-видеопластик по оформлению замкнутых пространств.

Перед дверью с зеленым кругом он остановился на секунду, задержал дыхание и шагнул вперед, будто нырнул в воду.

Он оказался в сыром осеннем лесу. Пахло прелью, горьковатой осиновой корой и увядшею травой. Под ногами зачавкало, словно Филипп и в самом деле стоял на лесной почве, мокрой от только что прошедшего дождя. Деревья стояли плотной стеной: замшелые сосны и ели, могучие березы, клены и осины с бархатной зеленоватой корой. Слева от тропинки сверкнули кустики ежевики, Филипп невольно протянул к ним руку, и подлесок осыпал его крупными каплями воды с ветвей и листьев. Не очень радостный пейзаж, подумал инспектор, или для психоразгрузки и такие нужны?

Из-за деревьев послышались приглушенные голоса:

— Уменьшить хотя бы наполовину, — мужской, хрипловатый.

— Тогда пропадет впечатление глубины, — женский.

— Пойдем на компромисс, — второй мужской, чуть тоньше.

— Не люблю компромиссов, Эд, — снова женский.

— Я не возражаю, — хриплый.

Женщина засмеялась. Аларика?..

— И все же надо уменьшить процентов на двадцать пять, — снова мужской тонкий.

— Что ж, попробуем.

Голоса смолкли, а Филипп почувствовал, что стало легче дышать, с толстого ковра опавшей листвы и сосновых иголок исчезла влага. Регулируют, догадался он. Однако идти напрямик или подкрасться незаметно? А вдруг это не она?

Инспектор тихо свернул с тропинки, раздвигая ветви осинника и рябины, пробрался к небольшой поляне, откуда раздавались голоса.

На поляне у трех небольших дисковых пультов возились двое мужчин в серых комбинезонах и Аларика в брюках и спортивной футболке. Они были заняты делом и по сторонам смотрели изредка, когда нужно было проверить результаты корректировки видеопласта, запрограммированного не только на воспроизведение голографических «призраков», но и на сенсорные эффекты.

— Оставим так, — предложил молодой небольшого роста мужчина с залысинами.

— Я проверю границы, не нравится мне остаточная вязкость среды, — сказал второй, высокий, черноволосый, с хриловатым голосом. Он то и дело поглядывал на Аларику, и Филиппу это не очень понравилось.

— Я сама, — сказала женщина, разгибаясь. — А вы пока закрепите лес в развитии, от дождя до сухого солнечного дня. И смоделируйте фауну — птиц, пару белок, сохатого и так далее.

Она потянула за шнур, и диск пульта поплыл за ней в метре от земли.

Филипп подождал, пока она пройдет мимо и углубится в чашу, и беззвучно скользнул следом. «Охотник! — посмеиваясь над собой, подумал он. — Мальчишество это, уважаемый безопасник, любите вы эффекты». Однако от исполнения замысла отступать не стал и, когда Аларика выбралась к стене помещения и остановилась, наклонясь к пульта, прыгнул из-за дерева и подхватил ее на руки.

Аларика ахнула, попыталась высвободиться, потом увидела его лицо и судорожно ухватилась руками за шею.

— Филипп!.. Пусты, — сказала она через минуту, продолжая обнимать Филиппа и прижимаясь к нему всем телом.

Он молча покачал головой и снова потянулся к ее губам.

Аларика высвободилась из его рук, поправила волосы.

— Рика, — позвал он негромко, как называл очень давно в детстве. — Рика, я за тобой.

Рука Аларики дрогнула, она с испугом, как ему показалось, посмотрела на его значок, выглянувший из-под лацкана куртки. Филипп взял слабо сопротивлявшуюся женщину за руки, привлек к себе, и в этот момент в комнату вошел Май Ребров.

Покашляв, он обогнул кустарник и подошел к смущенному, злому, не знающему куда себя деть Филиппу.

— Рад тебя видеть, Ромашин. И, насколько берусь судить, не только я.

Аларика отняла руки и твердо взглянула на Реброва.

— Он не виноват, Май.

— Какое право я имею кого-то винить?

— Имеешь, но только меня. Я дала ему повод надеяться.

— И что же?

— Не знаю.

Филипп наконец сбросил оцепенение и вмешался в диалог.

— Извините, Май. Я знаю, что вы любили брата. Сергей был настоящим человеком... — Слова прозвучали беспомощно, и Филипп замолчал.

Ребров поднял на него тяжелый взгляд и несколько мгновений смотрел, будто обдумывал, что с ним делать.

— Дело не в том, что он мой брат. Но он любил ее! Понимаешь, юноша? И я люблю ее, и моя жена, и дети. А ты?

— Май! — сердито сказал Аларика.

Ребров лишь повел плечом.

Филипп выдержал его взгляд, потом повернулся к женщине.

— И я люблю ее... разве что понял это совсем недавно... Да свидания, Рика. Прощайте, Май.

Он повернулся уйти, но Ребров остановил его.

— Погоди. Как ты понимаешь, я имею право требовать. Я улетаю, улетаю надолго, а ты остаешься. Что ты намерен делать?

— Май! — снова проговорила Аларика, искоса посмотрев на Филиппа.

— Что? Жить. Вместе с ней. Я хочу назвать ее своей женой.

— Это будет непросто.

— Знаю. Но это случится.

Каменное лицо Реброва дрогнуло, тень тоски промелькнула на нем, промелькнула так быстро, что Филипп усомнился, было ли это на самом деле.

— Что ж, удачи! В конце концов выбор всегда был уделом женщины, хотя я не уверен в правильности выбора Аларики. Я уже говорил это, когда она стала женой Сергея, говорю и еще раз.

— Май! — в третий раз сказала женщина.

— Но почему? — спросил угрюмый Филипп, хотя уже догадался, к чему клонит Ребров.

— Потому что ты уже не конструктор ТФ-аппаратуры и не спортсмен, ты — безопасник. И значит, основной твой дом — база погранслужбы, основное свободное время твое — время завтрака, и основное ваше с ней счастье — сомнительное счастье ожидания счастья, и для этого обоим нужно обладать неким достоинством — запасом терпения. За нее я спокоен.

— Я понял, — сказал Филипп.

— Иди, — сказала Аларика. — Иди же, я позвоню тебе...

Филипп поклонился и вышел, унося в душе два разных взгляда: умоляющий — Аларики и холодно-вопрошающий — Реброва.

Когда он вышел, Ребров прошелся по лесу, касаясь стволов рукой, и проговорил:

Причин не знаем.

Ясно лишь для нас —

Любовь проходит сквозь цензуру глаз.

Рассудочность не зажигает кровь.

Не вечно ль первый взгляд родит любовь.

— Кристофер Марлоу. Ты любишь его? Я имею в виду Филиппа.

Аларика выключила аппаратуру и зажмурилась, потому что ей внезапно захотелось плакать. Она вдруг бросилась к Реброву, уткнулась лицом в его грудь, борясь с рыданиями.

— Не знаю я ничего, не знаю... дайте мне время разобраться-

ся самой... Ты улетаешь, и никто, никто... не посоветует... и Сергей... и Сергей тоже...

— Ничего, ничего, — пробормотал Ребров, глядя ее вздрагивающие плечи. — Сергей бы тебя понял...

Из-за деревьев на них с молчаливым недоумением смотрели напарники Аларики.

Глава 13

АВСТРАЛИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Керри Йос выслушал диспетчера и посмотрел на часы:

— Через десять минут соедините, я закончу инструктаж.

— Земплан? — спросил Богданов.

— Земплан. — Керри нахмурился. — А ты почему знаешь?

— В твоё отсутствие звонил их инспектор. Наш отдел за январь — февраль превысил какие-то там нормы расхода материальных ресурсов.

— Какие-то... Надо было соединить их с плановым бюро и сообщить в секториат. Впрочем, теперь я сам. Продолжим. Отделу вменили в обязанность обеспечение безопасности эксперимента «Галактическое просвечивание», в связи с чем я перераспределил обязанности. Богданов будет продолжать осуществлять мероприятия по Наблюдателю, в его распоряжении остается группа Микульского. Станислав с этого момента занимается только экспериментом, в его распоряжение поступает группа Ромашина. Текущая работа переходит к Щеголеву. Вопросы?

— По эксперименту. Кто ответственный за его проведение?

— Институт ТФ-связи и Академия астрофизики. Конкретное распределение обязанностей выясните в консультативном комитете СЭКОНа. Если вопросов больше нет, все свободны.

Керри Йос знаком показал Томаху остаться, подождал, пока руководители групп покинут кабинет, и сказал:

— Забыл тебя предупредить, Слава. Первым делом проверь расчеты по эксперименту. Эксперты просчитали его, но...

— Ученые утверждают, что эксперимент безопасен. Во

всяком случае, место его проведения выведено достаточно далеко за пределы обитаемой зоны Системы.

— У Дикушина иная точка зрения. Нептун, как и Сатурн, — не лучшее место для эксперимента такого масштаба. У тебя есть свои ТФ-специалисты, тот же Ромашин... В общем, ты меня понял.

Томах кивнул.

— Перестраховаться в таком деле не помешает.

Керри задумчиво посмотрел поверх его головы, и у Станислава вдруг возникло ощущение неловкости, словно он сказал что-то неважно...

Филипп вошел в кабинет и остановился у порога.

— Проходи, — сказал Томах, несколько удивленный его хмурой сдержанностью. — Чем-то расстроен?

— Нет, все в порядке. — Филипп прошел к столу и сел на диван.

— Ага. Как говорится: и на челе его высоко не отразилось ничего. Тогда слушай. С сегодняшнего дня твоя группа переходит в мое непосредственное подчинение. Начинаем вплотную заниматься экспериментом физиков «Галактическое просвечивание». Отсюда первое твое задание: проверь расчеты ТФ-взрыва, проведенные экспертами.

— Так я сам его считал, по заданию Травицкого.

— Вот как? Мне он ничего не говорил. Тогда это меняет дело.

— Если необходимо, покручу цифры еще раз. Вторичных эффектов я не рассчитывал, только глобальные характеристики.

— Договорились. Повидайся с Травицким, пусть поможет с аппаратурой. Кстати, он добился разрешения у ВКС на свой эксперимент, так сказать, тайм-фаговый мини-взрыв для проверки некоторых сообщений частного порядка, как он выразился. Мощность эксперимента невелика, всего шесть кларков, и проводить его разрешили на нашем полигоне в Австралии. Если хочешь, можешь поучаствовать не только как инспектор-безопасник, но и как ТФ-инженер. Но сначала проверка, потом небольшая инспекция по местам строительства новых ТФ-антенн, твоих, кстати, антенн, а дальше работа на полигоне.

— При чем тут мои антенны? Какое мы к ним имеем отношение?

— Самое прямое. Мы отвечаем за безопасность всего эксперимента, антенны же нужны для улавливания ТФ-эха от всех звезд и тяготеющих масс Галактики. При взрыве обычно образуется ударная волна, при ТФ-взрыве — ТФ-волна... — Томах посмотрел на лицо Филиппа и засмеялся. — Что я тебе объясняю, профессионалу? Короче, антенны поймают эхо взрыва, остальное — дело теоретиков, считать и анализировать, что получилось. Задание понятно?

— Так точно! — вскочил Филипп. — Когда прикажете начинать?

— Вчера, — не моргнув глазом, ответил Станислав.

Два дня Филипп потратил на проверку параметров намечающегося в эксперименте «Галактическое просвечивание» ТФ-взрыва. Подтвердились все выводы специалистов и первый собственный о том, что взрыв на Тритоне, спутнике Нептуна, где решили проводить эксперимент, никак не отразится на поселениях человечества в Солнечной системе. В пересчете на эквивалент старинного ядерного оружия он был равнозначен взрыву мощностью в шесть миллионов мегатонн, но так как его намеревались осуществить под поверхностью Тритона на глубине в тридцать километров — планетологи отыскивали вулканический канал такой глубины, — то никаких видимых разрушений рельефа на поверхности не должно было появиться: вся энергия взрыва уходила на ТФ-излучение, почти свободно пронизывающее вещество планет и звезд.

Филипп дважды проверил результат окончательного расчета, все сошлось, но у него остался на душе какой-то тяжелый осадок, словно он чего-то не учел или был недобросовестен в работе. Наверное, это был чисто психологический отзвук работы, уж очень много людей занималось расчетами и перепроверкой выводов, но что-то заставляло их еще и еще раз просчитывать варианты взрыва, его влияние на окружающую среду, и эта настойчивость порождала неуверенность и желание отыскать причины такой многократной перестраховки.

Доложив Станиславу о результатах анализа, Филипп отбыл на Меркурий, где строилась одна из приемных ТФ-ан-

тенн нового типа, рассчитанная по его формуле, «формуле Ромашина».

На Меркурии Филипп не задержался: антенна, километровая металлическая игла, была уже готова к работе, а у него не было желания разгуливать по раскаленным плоскогорьям, усеянным оспинами кратеров и шрамами трещин и разломов. К тому же это было не первое его посещение Меркурия, полгода назад он уже побывал здесь с Травицким, на испытании прототипа настоящей антенны, и подробности посещения еще не стерлись в памяти.

Следующая из шести антенн строилась на Плутоне.

Здесь дела шли похуже: был закончен только монтаж центрального вибратора, эталонные ТФ-генераторы еще ждали часа своей установки, не были готовы и лепестки-отражатели.

Филипп в вакуум-скафандре облазил существующие конструкции, с интересом осмотрел прозрачно-голубое озеро жидкого кислорода, необходимого для заполнения волноводов, и записал все желания и просьбы прораба стройки, не уверенный, что сможет выполнить их в полной мере.

Плутон его не поразил, несмотря на то, что спутник Плутона Харон был настолько близок к планете, что отороπή брала, когда он, занимая четверть небосклона, пухлой снежной глыбой нависал над ледяными равнинами Плутона. Сам же Плутон, форпост земной цивилизации на границе Солнечной системы, служил идеальным полигоном для разного рода астрономических и физических экспериментов. Несмотря на присутствие десяти тысяч работающих, планета казалась необитаемой — небольшой каменистый шар, укутанный в пятнистую шкуру снежно-ледяного покрова. Три стандартных городка астрономов, физиков и планетологов не могли, конечно, создать иллюзии его заселения.

Филипп было задумался над тем, что эксперимент с ТФ-взрывом могли бы проводить и здесь, раз уж Плутон самой природой предназначался для «громких» экспериментов, но молодые планетологи, «старожилы» Плутона, рассеяли его недоумение: оказывается, Плутон не был мертвой в геологическом смысле планетой, он имел раскаленное ядро, вязкую, но жидкую мантию, и взрыв мог породить в его оболоч-

ке колебания, которые смели бы все на его поверхности, полностью перестроив рельеф.

Единственное, что позволил себе Филипп, это полюбоваться восходом Харона и заходом Солнца — крупной голубоватой звезды, дробящей свои лучи на алмазные брызги отражений и преломлений во льдах Плутона.

Остальные три антенны строились в открытом пространстве: одна в поясе астероидов, две другие над полюсами эклиптики Солнечной системы. Они были почти готовы и не вызывали беспокойства темпами монтажа.

Последним в своем инспекционном вояже Филипп посетил Тритон.

Этот естественный спутник Нептуна относится к самым крупным спутникам планет системы, наряду с Титаном, спутником Юпитера, земной Луной и Ганимедом Сатурна. Сила тяжести на его поверхности в три раза меньше земной, так что люди здесь передвигались своеобразной семенящей ходьбой; прыгать не рекомендовалось — было трудно сохранить равновесие. Несмотря на это, старожилы, в основном спортивная молодежь, часто прибегали к полубегу-полуполету, устраивая шуточные соревнования на скорость бега или точность приземления после прыжка.

Филипп пробыл на Тритоне два дня, но привыкнуть к своеобразию его ландшафтов не смог. Трижды он был свидетелем восхода Нептуна, и трижды это зрелище потрясло его фееричной красотой неожиданных сочетаний форм и красок облаков.

Нептун зарождался на горизонте мерцающим облаком, ничуть не похожим на диск или шар планеты. На серебряную гладь аммиачных озер ложились первые зеленые блики, и озера превращались в чаши необыкновенного прозрачного хрусталя. «Облако» продолжало расти, медленно и торжественно, пока не закрывало полнеба; свет от него усиливался, преобладали в нем зеленые и пепельно-палевые тона, тончайшие оттенки серого цвета, однако на пятнисто-полосатой громаде Нептуна можно было отыскать все цвета спектра, причем соседствующие друг с другом в самых произвольных сочетаниях. Но лишь тогда становилось понятным, что перед вами планета, исполинский газо-жидкостный шар, когда Нептун поворачивался к Тритону освещенной солн-

цем стороной. Тогда по передвижению облачных струй и спиралей становилось видимым его вращение. Особенно сильным впечатление грозной планетарной массы оказывалось в момент прохождения по диску Нептуна его небольшого спутника Нерейды...

Оторвавшись от созерцания пухлой дымящейся горы Нептуна, Филипп в сопровождении одного из работников постоянной исследовательской станции «Тритон-9» направился к ангару, вмещающему четыре пинасса, с десятком флейтов и куттер — весь машинный парк станции. Провожатым на этот раз была на удивление малообщительная девушка, физик-оптик станции. Разговаривала она мало, чем невольно заставляла Филиппа чувствовать себя обязанным ей за хлопоты.

До места строительства шахты для взрыва было около двухсот километров. Пинасс преодолел их за полчаса, и Филипп, поблагодарив девушку, тут же отослал ее обратно, сославшись на то, что дальше ему помогут строители. Провожатая не возражала, и вскоре ее оранжевая машина искрой вонзилась в распухшее тело Нептуна, напоминавшее зыбкую полосатую гору тумана, опрокинутую за горизонт. С высоты посадочной площадки, расположенной на плоской вершине одного из столообразных холмов, Филипп не смог оценить размеры стройки. Устье шахты было невелико, метров десяти в диаметре, и возле него сновали всего три машины, не то киб-укладчики, не то подъемно-транспортные механизмы, не то переработчики вещества. Правда, чуть поодаль от шахты стоял широкий конус грузового когта, из вспоротого брюха которого автоматы выгружали лиловые блины контейнеров, а рядом с ним — искристо-белый куб стандартного кварк-реактора, похожий на кусок сахара-рафинада.

Сойдя вниз и заглянув в жерло шахты, Филипп несколько призадумался, а когда, объяснив цель визита начальнику стройки, спустился на всю тридцатикилометровую глубину шахты и оказался в гигантском естественном зале, словно нарочно созданном природой для нужд человека, заполненном десятками сложных машин и устройств, возле которых работали сотни людей, еще раз убедился, что оценить масштабы какого-либо явления по внешним признакам нельзя.

— В настоящее время ведем монтаж импульсных трасс,

силовую проводку, тянем цепи управления, — сказал начальник стройки, скафандр которого не позволял оценить его возраст. — Через два дня начнем установку опор инициатора. Думаю, закончим все работы точно по графику. Если, конечно, снабжение не подкачает.

— Не подведет, — заверил Филипп. Ему вдруг захотелось самому участвовать в стройке, монтажником или механиком, в ладонях даже появилось ощущение прикосновения к шершавому металлу силовых конструкций, требующих в известной мере применения ручного труда, но такого задания у инспектора не было, и он только вздохнул, сожалея о потерянной свободе выбора. «Впрочем, — вспомнил он древнее изречение, — что такое свобода выбора, как не осознанная необходимость?»

Спустя несколько дней Филипп вернулся в управление и сообщил о ходе строительства Томаху и Керри Йосу, заодно передав все пожелания монтажников и строителей.

— И еще один момент, — сказал он, вспоминая свои ощущения. — Все исследовательские станции на Тритоне на время эксперимента придется эвакуировать. Волна сотрясения коры планеты в местах их расположения достигнет десяти — двенадцати баллов. Купола станции не приспособлены к таким встряскам.

— Эвакуируем, — кивнул Керри. — Нет проблем.

Филипп не стал уточнять границ возможностей отдела безопасности и, получив разрешение на участие в австралийском эксперименте, подготавливаемом группой специалистов Института ТФ-связи во главе с Травицким, покинул отдел.

Аларика все еще жила на Луне в центре подготовки экспедиции Реброва, до старта, назначенного на двадцатое мая, оставалось всего десять дней, и она была занята чуть ли не круглосуточно. Филиппу не удавалось добиться встречи с ней, и это обстоятельство, конечно, не способствовало улучшению его настроения. Странное предчувствие надвигающейся беды не покидало его ни днем, ни ночью, и он, не зная, откуда ждать этой беды, в чем она заключается, когда случится, был настолько невнимателен на работе, что удивил даже Станислава.

Двенадцатого мая Филипп прибыл на австралийский полигон УАСС вместе с Томахом и Керри Йосом.

Место для проведения малого ТФ-взрыва, или, как его называли физики, «эксперимента предупреждения», выбрали на окраине полигона, переходящего в пустыню Гибсона.

Филипп, выпрыгнув из куттера, с недоумением осмотрелся по сторонам. Видимо, здесь когда-то что-то взрывалось и горело: влево до горизонта уходила безотрадная коричневая плоскость спекшегося в корку песка. Справа на горизонте вырастали пологие вздутия гор Макдональд. Площадку, где сел куттер, окружало несколько валов перепаханной, взломанной земли; углубления между валами были заполнены чем-то черным и рыхлым, как слежавшийся намокший пепел.

В отличие от стройки на Тритоне установку для ТФ-взрыва на Земле монтировали на поверхности полигона. Со стороны она выглядела внушительно: стометровой высоты рупор, расширяющийся в небо, укутанный в ажурную вязь вторичных конструкций.

Представителей отдела безопасности встречал Кирилл Травицкий, неторопливый и грустный, как всегда. У Филиппа шевельнулось в душе чувство вины, но Травицкий, проницательный Травицкий, знавший его, как отец, не дал ему уйти в дебри самоанализа. Сдержанно поздоровавшись со всеми, он задержал руку Филиппа в своей, сказал:

— Ты, конечно, хочешь поработать на материале?

— Хочет, хочет. — Томах беспечно махнул рукой. — Мне он порядком надоел, забирайте его к себе.

— Спихиваете? — пошутил Травицкий с едва уловимым упреком, направленным неизвестно кому, и задумался. — Угловский работает на каскаде автоматики инициатора, возьми на себя контроль управления... если не утратил навыков.

Еще один маленький укол Филиппу-инженеру, но Филипп-безопасник принял его как должное. Кирилл Травицкий имел право быть недовольным его выбором, хотя выражал чувства в очень корректной форме.

Керри Йос и Томах остались с руководителем эксперимента, а Филипп, прежде чем отправиться на определенный ему участок, для ознакомления обошел стройку кругом. Одет он был в универсальный рабочий костюм: голубовато-серую

куртку и такие же брюки с автоматической регуляцией температуры, так чтобы не пришлось переодеваться.

Конструкторы, с которыми он проработал бок о бок шесть лет, приняли его без лишних расспросов, и, обрадованный их реакцией, Филипп с головой ушел в работу.

— Прежде всего такой вопрос, — сказал Керри Йос и в упор посмотрел на Травицкого. — Почему вы решили провести этот предупреждающий эксперимент?

Тот выдержал взгляд и попытался улыбнуться, но так как улыбаться он не умел, то Керри пожалел, что задал вопрос.

— Потому что я вдруг испугался, — сказал Травицкий. — Научно обоснованного ответа у меня нет, не надейтесь, есть только предчувствия, а это, сами знаете, из сферы психологического субъективизма, весьма далекого от всякой науки.

— Однако ВКС и СЭКОН вы убедили, — сказал Керри. — Как и Земплан. А им подавай аргументацию, а не предчувствия. Дело в том, что у меня тоже есть нехорошие предчувствия, и я хотел бы их развеять. Надеюсь, ваш опыт «малого» взрыва расставит точки над «i», и большой эксперимент на Тритоне пройдет успешно.

— Я тоже надеюсь, — вздохнул Травицкий.

— И все же странно, что Земплан пошел на расходы, связанные с этим дорогостоящим опытом. Насколько я знаю, есть более важные задачи, требующие больших затрат энергии и материалов. Ведь в научном плане ваш эксперимент не слишком информативен?

Травицкий поморгал.

— Я бы так не сказал. По сравнению с чем он не слишком информативен?

— Земплан пошел на расходы потому, что вмешался отдел дальнего координирующего прогноза ВКС, — вступил в разговор скучающий Томах. — Обнаружилось, что совпадают мнения двух разных организаций: УАСС в лице руководителя первого сектора Дикушина и СЭКОН в лице его председателя Морозова. Плюс мнение руководителя бюро Травицкого.

— Ага, — сказал Керри Йос. — Ну, если ВКС заинтересовался... Все равно непонятно. Что касается Владибора, то я знаю, чем он руководствовался, а какие соображения, кроме предчувствий, выдвинул Травицкий?

— Кирилл чересчур восприимчив к ТФ-эху, — сострил Томах. — Отсюда все его страхи.

Керри недовольно посмотрел на Станислава.

— С чего это ты веселишься? Шутки какие-то плоские...

— А может быть, я тоже... — туманно пояснил Томах.

— Видите ли, — начал Травицкий; на панели видеоселектора заработал виом, начальник стройки выслушал сообщение, кивнул и выключил связь. — Видите ли, человечество до недавнего времени было географически незрелой цивилизацией. С тех пор прошло определенное количество лет, мы полностью обжили Землю, и география перестала быть романтической наукой. Сейчас мы обживаем космос, Солнечная система теперь для нас все равно, что Земля для путешественника, скажем, двадцатого века. Но вот стало ли человечество космически зрелой цивилизацией?

Керри Йос искоса посмотрел на Станислава. Тот, казалось, тоже был удивлен преамбулой.

— Кирилл, друг мой,

— сказал он, — ты стал длинно говорить.

— Длинно, — грустно согласился Травицкий. — Но короче не умею.

— Не перебивай, — негромко произнес Керри. — Продолжайте, Кирилл.

— Собственно, я уже все сказал. — Травицкий беспомощно посмотрел на неподвижного Йоса и пожал плечами.

— М-да... Если я вас понял правильно, вы говорите о способности человека совершать ошибки? Нет?

— Собственно... н-нет. Ошибки — это уже результат каких-то стремлений, понимаете? Я говорил о несоответствии, в первую очередь о несоответствии научных и психологических стремлений человека философскому содержанию познавательного процесса, психологии и этике космического масштаба. Не об этом ли, кстати, предупреждает нас Наблюдатель? Такое отставание в двадцатом веке грозило гибелью цивилизации, а теперь?

— Страшно подумать! — фыркнул Томах. — Развалим весь космос!

Травицкий улыбнулся.

— Может быть.

— Вы и о Наблюдателе знаете? — пробормотал Керри Йос.

— Может, и в самом деле мысль можно выразить иначе, — через некоторое время сказал начальник конструкторского бюро. — Если говорить о несоответствии, то в двух словах можно сказать так: мы не всегда замечаем несоответствие своих желаний и возможностей.

— Мысль, честно говоря, не новая.

— А разве от этого она потеряла смысл?

— Хорошо, кажется, я вас понял, — вздохнул помрачневший Керри Йос. — Показывайте свое взрывчатое хозяйство.

— Чего ты меня будишь среди ночи? — сердито сказал Томах, протирая кулаками глаза. — Не мог подождать утра? Что стряслось?

Филипп молча протянул пуговку объемного фото.

Станислав сдвинул пуговку пальцами, и сон его как рукой сняло.

— Где?!

— В блоке ограничителя, на крышке каркаса.

Томах еще раз взгляделся в мигающую в материале «звезду Ромашина», вернул фото.

— Ч-черт! Этого нам только не хватало!

— Не нравится мне это.

— Думаешь, мне нравится? Видишь, и Наблюдателю тоже... знать бы, что именно.

— Полагаешь, это он?

— Кто еще?

— Н-ну, пошутил кто-нибудь... Бассард, например. Что делать?

— Бассард шутить не способен. Погоди, дай сообразить... Во-первых, сообщи Никите, ну и Керри, само собой. Во-вторых, обыщи всю аппаратуру, может, отыщется еще что-нибудь странное. Ну а потом решим, что делать дальше. Беги.

Филипп не совсем понял, что он должен искать, но переспрашивать не стал. Тревожное чувство приближающейся беды снова всколыхнуло душу, заставляя ум напрягаться в поисках причин тревоги. Он походил по комнате, ожидая, пока оденется Томах.

— Тебя еще что-то беспокоит? — спросил тот.

Филипп остановился на полушаге, очнулся.

— Извини, замечтался. До связи.

Томах удивленно смотрел ему вслед.

Спустя полчаса Филипп подлетел к стройке, выросшей на горизонте гроздью огней и световых конусов, рассеивающих ночной мрак на сотни метров вокруг. Негромкий, равномерный шум стройки разносился ночью довольно далеко, не прекращаясь ни на минуту. Строители торопились, и работы велись непрерывно, днем и ночью.

Отпустив машину, Филипп подвесной дорогой доехал до верхней строительной площадки, а оттуда пневмолифтом опустился на дно установки, где располагались основные узлы энергораспределителя и каскад автоматики.

Как и ожидалось, в помещении каскада ничего нового не обнаружилось, хотя Филипп обшарил буквально все углы и закоулки. Потрогав как ни в чем не бывало «поющую светом» «звезду» на крышке прибора — единственное доказательство присутствия здесь Наблюдателя (в чем Филипп сомневался, так как получалось, что Наблюдатель либо совсем потерял осторожность, либо стал вмешиваться во все события, что было явно несолидно с его стороны), — Филипп стал развивать свою идею о причинах появления мерцающих «звезд», и в это время в гулком объеме конуса установки сквозь шум слышались громкие голоса. Он выглянул из помещения каскада автоматики и спросил пробежавшего мимо монтажника, в чем дело.

— Канавокопатели возле основного фундамента наткнулись на какой-то старый кабель, — крикнул парень на бегу.

Филипп поспешил выбраться наверх и через несколько минут подходил к группе людей, сгрудившихся у замерших роботов-диггеров.

— Разрешите? — сказал он негромко. Люди расступились. В канаве на глубине двух метров, выхваченные из тьмы прожекторами машин, уходили из стены в стену очищенные от земли два толстых кабеля в черной оплетке. Вид у них был совсем не старый, но Филипп понял, почему строители употребили слово «старый». Канавы были прорезаны в окаменевшем до твердости скалы грунте, а чтобы песок и пыль могли слежаться до такого состояния, должен был пройти не один десяток лет.

Филипп разогнулся и посмотрел на замолчавших строителей.

— Прошу вас ничего здесь не трогать. Диггеры убрать подальше, а вокруг этого места хорошо бы поставить ограждение.

— А кто вы такой? — не выдержал стоявший впереди остролицый некрасивый парень. — Сейчас придет координатор, он и будет распоряжаться.

Филипп спокойно пожал плечами.

— Я работник отдела безопасности УАСС. Пожалуйста, выполните мою просьбу, пока я вызову тревожную группу.

Еще раз оглядев безобидные с виду кабели, Филипп поспешил к пункту координации строительства и набрал телекс дежурного полигона:

— Я Ромашин, официал-девять отдела безопасности. Дайте вызов технической бригаде отдела и экспертам «Аида».

— Тревога степени А? — спросил невозмутимый дежурный.

— «Штормовое предупреждение».

— Координаты?

— Новая стройка на границе полигона. Нашли в земле кабель, возраст примерно сто — сто пятьдесят лет, но я могу и ошибаться.

— Принял. — Дежурный выключил связь.

Вскоре к месту находки подлетели десятиместный флейт с алой мигалкой «Аида» и куттер с группой экспертов безопасности. Из них высыпали молчаливые крепкие ребята и споро принялись устанавливать какие-то приборы, тянуть провода и антенны. Филипп был теперь им не нужен, да он и не навязывался в помощники. Узнав, что он инспектор отдела безопасности, старший тревожной группы попросил только обеспечить установку зоны внимания, что Филипп и сделал без особого энтузиазма. Захотелось вдруг спать, навалилась усталость, скорее всего от пережитой нервной нагрузки, и, потеряв интерес к событиям, Филипп ушел со стройки.

Наутро стало известно, что первые концы найденных кабелей тянутся на восемнадцать километров к горам Макдональд и заканчиваются в заплывшем песком бункере с аппаратом выдачи команды подрыва, а вторые уходят прямо под стройку на глубину в двадцать с лишним метров и подсоединены к подготовленному для испытаний взрывному ядерно-

му устройству. Возраст кабелей, устройства и бункера оценили в двести шестьдесят лет, тем не менее они находились в рабочем состоянии и не потеряли своего зловещего предназначения.

— Очевидно, кто-то двести с лишним лет назад здесь тоже экспериментировал со взрывом, — сказал Томах, встретившись с Филиппом утром возле громады почти готовой установки.

— Странное совпадение, если не сказать больше. Странно уже то, что взрывное устройство оставили не законсервированным, а готовым к взрыву. Набирай код на командоаппарате и взрывай. Не найди мы кабели, могла бы произойти катастрофа. Что здесь было до полигона?

— Кажется, космодром. Но точно ли на этом самом месте, утверждать не берусь. Сюрприз, конечно, отмененный. Ты докладывал Керри?

— Он только что отправился домой, в отдел.

— Удалось установить, кто принял решение разместить установку именно на этом месте?

Томах неопределенно повел плечом.

— Нет, и это весьма удивительно. Компьютер СЭКОНа, ведущий запись заседания рабочей комиссии, момент решения почему-то не записал, так что никто не знает, чья это идея. В связи с этим у Никиты появились важные соображения, он просил найти его до оперативки у Керри. Да вот он, кстати.

От стоянки малых машин-антигравов к ним шел Богданов в сопровождении вечно озабоченного Бруно Осинниго, помахал издали рукой.

— Однако Наблюдатель добрался сюда раньше нас, — сказал он со странной интонацией, пожимая друзьям руки.

— Что ты этим хочешь сказать? — прищурился Томах.

— Потом поймешь. Пошли посмотрим?

Томах посмотрел на часы.

— Времени у нас мало, но посмотреть надо.

Все четверо двинулись к подъемнику.

— Точно такой же, — сказал Богданов, погладив пальцами продолжавшую мигать «звезду Ромашина» в металле крышки прибора, когда они проникли в помещение каскада автоматики. — Где мы их только не встречали, а?

— Впервые на промежуточной ТФ-станции, — начал загибать пальцы Бруно и мельком посмотрел на Филиппа. — Но узнали об этом, кстати, в последнюю очередь. Потом на орбитальных станциях над Орилоухом, на Шемали, на Истории, на бортах разведкораблей, на Триасе.

— Непонятно, с чего вдруг Наблюдатель взял человечество под столь недвусмысленную опеку.

— Вероятно, потому, что мы долго раскачиваемся, — сказал Филипп. — «Звезда» скорее всего не что иное, как знак внимания, а не запрета. Запретить нам Наблюдатель ничего не может, а вот предупредить, обратить внимание компетентных органов может. Что и делает.

Томах посмотрел на Богданова.

— Мы его возможности испытали на себе, так что ты не прав насчет «не может запретить». Не хочет, так будет точнее. А цель его понятна, ты сам ее сформулировал недавно. Как только мы задумываем вмешаться в природу иных миров или провести эксперимент, способный повлечь за собой какие-то последствия космического масштаба... кстати, вот вам вектор вмешательства Наблюдателя — экоэтика космического, галактического масштаба! Правда, я назвал бы «звезду» не знаком внимания, а знаком предполагаемой беды. Для нашего времени даже один равнодушный взгляд может стать знаком беды, не то что «звезда».

— Наблюдатель вроде няньки? — хмыкнул Бруно. — Плохо верится. Мало нам СЭКОНа? Вообще сама идея глобального контроля над деятельностью человечества — фикция.

— Фикция? — обманчиво ласково переспросил Томах. — А факты, которые мы имеем, тоже фикция? Что бы ты сказал, если бы вечером, когда ты сел смотреть интересный фильм, стена твоей комнаты вдруг рухнула из-за действия соседа, который решил проложить кратчайший путь к другому твоему соседу? Через твою комнату. Чем мы отличаемся от этого чудака? Привести примеры?

— Пример ты уже привел, не совсем удачный, но образный, — сказал Богданов. — У меня вопрос иного плана: как он это делает? Я имею в виду «звезды».

Бруно пожал плечами.

— С точки зрения технологии такую «звезду» сделать нашими средствами невозможно. Я уже говорил, что в этой

точке наблюдаются странные эффекты типа нарушений причинно-следственной связи на микроуровне.

— Как невозможно? — удивился Станислав. — Сфокусировал на поверхность слабенький лучик ТФ-эмиттера...

— И разнес эту поверхность вдребезги! Даже самый мощный ТФ-импульс разрушает любую броню разведкораблей, несмотря на подпитку каркаса силовым полем. Вы что, не изучали в школах ТФ-физику? Судя по всему, «звезды» — это следы каких-то обратимых во времени процессов, и проявляются они бесшумно и без каких-либо деформаций зоны в материале. А это уже уровень внутрикварковых процессов! Я, пожалуй, останусь здесь со своими орлами.

Богданов кивнул.

— Понадобись, я тебя найду.

Они выбрались в солнечный день, царивший вне гулкого помещения взрывной установки.

— Зачем ты нас искал? — спросил Томах, из-под козырька руки глядя на конус, имевший вполне законченный вид.

Богданов помолчал минуту.

— Вас не насторожило совпадение места установки ТФ-взрыва с местом предполагаемого двести шестьдесят лет назад ядерного взрыва?

Филипп и Станислав переглянулись.

— Мы говорили об этом. Случайность.

— Вы еще верите в подобные «случайности»? После того что произошло на орилоухских станциях? После смерти Василия? После «зеркал» и всего прочего?

— Ну и что? — Томах начал сердиться. — Не говори недомолвками, начальник.

— Пошли посидим, неудобно говорить на виду у всех.

Томах направился к антиграммам. Сели в кабину четырехместного пинасса.

Филипп был заинтригован необычным поведением Богданова, но не подал виду.

— Знаете, кто определил место строительства установки? — спросил Никита, глядя на друзей сквозь прищур век.

— И об этом мы успели поразмышлять. По-моему, определить это уже невозможно. Запись заседания СЭКОНа оказалась неполной.

— Ошибаетесь. То есть я хочу сказать, что запись дейст-

вительно неполная, и тем не менее я нашел того, кто первым посоветовал выбрать окраину полигона, именно этот район.

Томах приподнял брови.

— Интересно. Ну и кто?

— Керри!

— Ты с ума сошел! — Станислав встретил взгляд Богданова и поежился. — Неужели ты хочешь сказать, что...

— Совершенно верно, — подтвердил Богданов вежливо. — Оказывается, человечество контактирует с высшим разумом уже сорок лет и не знает об этом!

Томах скептически покривил губы.

— Керри не сорок, а шестьдесят. Ты что же, веришь, что Керри Йос и есть Наблюдатель? Чушь! Извини.

— Именно такой реакции я от вас и ожидал. И все же прошу поразмыслить на досуге. Только не показывайте этого самому Керри, я не хочу, чтобы кого-нибудь из вас постигла участь Василия. Высаживайтесь, мне пора.

Томах и Филипп, одинаково ошеломленные словами Никиты, вылезли на землю. Пинасс захлопнул фонарь и взлетел. Проводив его глазами, инспекторы снова переглянулись, и холодок тревоги струйкой протек вдоль лопаток Филиппа. Словно очнувшись, он оглядел панораму строительства. Кругом было полно людей, веселых, уверенных, сильных, знающих, что они делают и что им предстоит сделать. Филипп глубоко вздохнул: жизнь шла своим чередом, и природа не выглядела обиженной, несмотря на безрадостный ландшафт пустыни. Но тревога в душе осталась...

Точна такая же заноза тревоги сидела в душе Томаха, который знал, что Богданов никогда не бросает слов на ветер.

Старт первой межгалактической экспедиции, состоящей из двух космолетов «Витязь» и «Дерзкий», передавали по всемирному информвидению во все уголки Солнечной системы. Лишь немногие, в том числе Аларика и Филипп, видели его непосредственно в пространстве хотя и через оптику, но без фотоэлектронных умножителей и передатчиков изображения.

Оба корабля неподвижно висели в двух тысячах километрах от поверхности Луны, в ее тени, озаряемые только пепельно-голубым светом полной Земли. Они не предназна-

лись для посадок на планеты, в отличие от крейсеров УАСС, и форму имели даже отдаленно не напоминающую стремительные обводы первых ракетных кораблей: «Витязь» представлял собой четыре диска, насаженные на три трубы длиной около полутора километров, «Дерзкий» — три конуса на одной четырехугольной трубе.

Филипп и Аларика стояли на обзорной палубе монитора предстартовых операций, плавающего над Луной на той же высоте, что и уходящие космолеты. Из зала управления они ушли давно, как только закончился последний перед отлетом контроль систем обоих кораблей. Все слова были уже сказаны, прощальные речи произнесены, оставалось ждать времени старта.

До «Дерзкого» было без малого двести километров, и выглядел он на фоне звездных россыпей слабой искрой света, словно оправдывая название. Но оптический панорамный квадрат позволял видеть корабль во всех деталях, как и «Витязя», отошедшего от напарника на расстояние безопасности — сто километров.

Первым стартовал флагман экспедиции «Витязь». Май Ребров находился на его борту.

Космолет вдруг стал терять четкую форму, расплываться в сияющий голубой факел. В какой-то миг этот факел пронзили изнутри ослепительно белые тонкие лучики света, а когда факел погас, пространство оказалось пустым. «Витязь» начал первый прыжок в «струнном» режиме к Большому Магелланову Облаку, выглядевшему с расстояния в сорок шесть тысяч парсеков маленьким пятнышком света в созвездии Золотой Рыбы.

Старт «Дерзкого» для непосвященных ничем не отличался от старта его предшественника. Лишь Филипп, знавший, что в конструкции космолета были использованы новые ТФ-антенны, разработанные согласно формуле Ромашина, различал нюансы в стартах обоих кораблей, но это не заставило его ощутить сопричастность к большому событию. В настоящий момент его больше волновала близость Аларики и ее настроение, поэтому он думал преимущественно о том, как отвлечь ее от горьких дум. И придумал. Прямо с монитора, опустившись лифтом в Геоград и на метро добравшись до

Москвы, он увлек ее на концерт современного нью-балета в Большом театре.

В десять вечера они медленно возвращались с концерта, отпустив такси за несколько кварталов-зон до жилой зоны Басова, где жил Филипп. Пешеходные дорожки, прорезанные в лесном массиве и соединяющие дома и зоны, были пусты; плоские квадраты светопанелей, подвешенные на пятиметровой высоте, усиливали свечение при их приближении и угасали позади.

Шли молча. Филипп держал Аларика за руку. Издалека изредка долетал чей-то смех, голоса, звон тормозящих антигравов. Аларика думала о чем-то своем, и Филипп не мешал ее мыслям. Она сама назвала киб-пилоту машины его адрес, и это было единственное, в чем он не сомневался.

— Вот и улетел Май, — сказала наконец Аларика, когда они прошли с полкилометра, вслушиваясь в шум листвы и скрипы каких-то ночных насекомых. Филипп невольно поднял голову, бросая взгляд на вызвездившее небо. На западе бесшумно вспыхивали зарницы и вонзались в зенит туманные шпаги орбитальных лифтов. Где-то далеко-далеко от Солнца посланцы человечества продолжали путь к цели, с каждым прыжком удаляясь от Земли на десятки световых лет...

— Они уже прошли дельту Золотой Рыбы, — пробормотал Филипп и внимательно посмотрел на спутницу. Аларика отвернулась, но он успел заметить выступившие в ее глазах слезы.

— Они вернутся. — Филипп обнял ее за плечи, повернул к себе и осторожно вытер ладонью две мокрые дорожки на щеках. — Через пять лет они вернутся. Экспедиция защищена от всех существующих опасностей.

— Я знаю. — Аларика зябко поежилась, прижалась щекой к его ладони. — Пойдем быстрее, мне стало холодно.

Дома они уселись друг против друга и, заказав напитки, безмолвно подняли бокалы с золотистым шампанским. Отпили по глотку.

— За тех, кто в пути, — сказал Филипп.

— За нас с тобой, — ответила Аларика.

Выпив шампанское и попробовав коктейль, Филипп открыл стену-окно, выбрал программу в пенале музыкального «Орфея», и комнату заполнили нежные звуки виолы. Алари-

ка смотрела на него, чуть прищурясь, и медленно потягивала тоник из бокала.

— Дождь, — тихо сказала она. — За окном дождь... Природа оплакивает кого-то. У меня такое чувство, будто случится что-то ужасное!словно какой-то злой рок навис надо мной, преследует, не дает покоя... Не знаю, откуда взялась эта тревога, ты ли ее принес или кто-то другой?

Филипп молча подошел к ней, наклонился, тронул застегжку пенелона на плече. Но женщина покачала головой, провела рукой по волосам, поцеловала в висок.

— Ты стал другим, Филипп, и... дорог мне... но не торопи меня. Я все еще не... — Она поискала слово. — Не уверена. Молчи, — остановила она попытку Филиппа заговорить, знакомым жестом прижав пальцы к его губам. — Я не уверена в себе, понимаешь? Не торопи события, так не хочется ошибаться...

Она встала.

— Потанцуем?

Наплывающая темнота — автомат пригасил светопанели — выбелила лицо Аларики, и глаза ее казались неестественно черными на этом нежном фоне. Филиппу вдруг показалось, что между ним и женщиной прошла призрачная фигура Сергея Реброва, но он только сжал губы и осторожно, словно боясь причинить боль, обнял Аларику.

Человек, помоги себе сам...

— Ничего мы там не нашли, — сказал Томах, отворачиваясь. — Никаких следов. Обыскали снизу доверху тридцатикилометровую шахту, все оборудование — «звезд Ромашина» нет. А почему ты уверен, что «звезды» обязательно должны быть?

Богданов со вздохом откинулся в кресле, разминая кисти рук.

— Потому что «звезда» появилась на установке в Австралии, которая отличается от установки на Тритоне только мощностью взрыва. Наблюдатель не мог не предупредить нас об опасности эксперимента на Тритоне, если дал предупреждение на Земле.

Томах подумал.

— Логично. И что же теперь? Обследовать весь Тритон?

Наблюдатель, если он в Системе, от наших поисков, наверное, уже скончался от смеха. Ты все еще грешишь на Керри?

— А ты нет?

— Не знаю. Мне кажется, мы ошибаемся в оценке ситуации. Не знаю только, в какую сторону, лучшую или худшую. Если бы Наблюдатель хотел контактировать с нами, он давно сделал бы это. Видимо, в какой-то момент мы что-то где-то там задели в его области влияния или повели себя неэтично, с его точки зрения, вот он нас и предупредил... и исчез. И Керри к этому непричастен.

Богданов упрямо покачал головой.

— Тогда он не оставил бы «звезду» на установке в Австралии. Нет, он здесь, в Системе, и его что-то беспокоит.

— Что его может беспокоить, кроме предстоящего эксперимента? Но расчеты взрыва проверены и перепроверены не один раз. СЭКОН тоже заседал дважды и не нашел причин, по которым можно было бы запретить эксперимент.

— Я знаю. Меня это не успокоило.

— Меня тоже, — со вздохом признался Томах. Они невесело улыбнулись друг другу, собираясь расходиться. В отделе уже никого не было, кроме них двоих.

— И все же, почему ты так уверен, что Керри и есть Наблюдатель? Я долго ломал голову, пытаюсь оправдать твою уверенность. По-моему, его решение о проведении австралийского ТФ-взрыва — просто случайность.

Богданов перестал массировать кисти.

— Ты хорошо знаешь Керри?

— Достаточно, как мне кажется.

— Он способен удивляться?

Томах озадаченно посмотрел в глаза Никиты.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты был когда-нибудь свидетелем его удивления по какому-либо поводу?

— Ах, это... конечно, и не один раз.

— А появление «зеркальных перевертышей», исчезновение грузов и все события с Наблюдателем его не удивили.

Томах подождал несколько минут, пока Богданов ходил в приемную отдела и умывался.

— И только на этом основании ты заподозрил...

— Не только. А тот факт, что на установке на Тритоне не обнаружена «звезда», лишь подтвердил мое предположение.

«Звезду» он мог не оставить по двум причинам: из боязни обнаружить себя или по причине безопасности Большого Взрыва.

— Но какова в таком случае его цель?

— Его цель — заставить СЭКОН действовать эффективнее, пристальнее «оглядываться вперед» на последствия действий человечества и думать не только о нуждах человеческой цивилизации, но и о сохранении среды ее обитания.

Томах невольно покачал головой.

— Эти песни о последствиях поются уже больше трех столетий. Я и сам их пою время от времени. Но если дела действительно обстоят таким образом, ты рискуешь, как Василий. Ты ведь становишься опасным для Наблюдателя своей информированностью. И он не остановится на предупреждении, он тебя уберет как свидетеля.

Никита потряс кистями, улыбнулся.

— Перетренировался вчера — побаливают. Убрать меня непросто, хотя и возможно. Но обещаю — буду осторожен. К тому же, если он умный Наблюдатель, а он, без сомнения, очень умный, то, добившись цели, не станет расшифровываться до конца.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Киб кабинета, повинуясь мысленной команде Богданова, притушил светопанели. Комнату заполнили сумерки. Вдруг в соседней комнате что-то легонько скрипнуло. Томах вздрогнул, не столько от неожиданного звука, сколько от реакции друга.

Никита замер, бесшумно вскочил, скользнул к двери, в его руке оказался «универсал».

В следующее мгновение дверь отворилась, и на пороге возник Керри Йос. Не обращая внимания на последовавшую немую сцену, он прошел в кабинет и сел лицом к обоим инспекторам.

Томах перевел взгляд с его спокойного лица на пистолет в руке Никиты, и ему стало жутко.

— Вы все слышали, — утвердительно сказал Богданов, переходя на «вы», продолжая держать Керри на прицеле.

Начальник отдела кивнул.

— Случайно вы не выключили интерком.

— Значит, наше предположение...

— Вы даже не представляете, ребята, с кем играете в прятки. Подумайте трезво: будь я Наблюдателем, разве я разрешил бы вам сомневаться в себе, разве стал бы раскрываться? Вы бы просто умерли от вполне естественных причин, как Василий, вот и все. Слишком большие и важные материи затронуты в нашем осязательном контакте с Наблюдателем, чтобы он позволил себя раскрыть. А возможностей у него хватает, вы это знаете.

Богданов подумал и опустил пистолет. Керри Йос смотрел на него без улыбки, устало и задумчиво.

— Помните, у меня сгорел пульт? При вас буквально. После этого я обнаружил внутри «звезду Ромашина». Неужели вы поверили объяснению техника, что я «перепутал» силовой и слаботочный размеры? Это было предупреждение, ребята. А самое интересное, что тот молодой техник в штате управления не числится, я проверил. Такие вот пироги.

Томах откашлялся.

— Извини, Керри, мы... в общем, никто не сомневался.

— Неправда, — тихо и твердо сказал Богданов. — Я сомневался, вернее, не то слово — был уверен. Я и сейчас уверен, что вы — Наблюдатель.

Керри Йос продолжал смотреть на него, но взгляд его ушел в себя, словно он решал, что ему делать.

— Да оставь ты пистолет, — буркнул Станислав.

Богданов озабоченно посмотрел на «универсал», спрятал его в карман куртки, отошел от двери и сел рядом с Томахом.

Керри почесал шрамик на лбу, слабо улыбнулся.

— Ну и ситуация. Не хватало мне заботиться о вашей охране. Спасибо еще, что вы не сообщили о своих подозрениях в Совет безопасности. И что вы собираетесь делать со мной дальше?

— Ничего, — сказал Богданов, подумал, встал и вышел.

Керри посмотрел ему вслед и перевел взгляд на Томаха.

— Извини его, — хмуро сказал тот. — Не знаю, что на него наехало, обычно он сдержаннее.

— Я его понял. — Начальник отдела закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла. — Просто он не увидел другой возможности, прошел мимо, увлекшись цепью совпадений. Разгадка лежит на поверхности, Василий до нее докопался, работая с компьютером, — временные парадоксы. И «звезда Ромашина», и «зеркальные перевертыши», и ваше путешест-

вие на «Красную книгу» связаны с эффектом обратимости времени, подумайте над этим на досуге.

Томах подождал немного, кивнул, сказал:

— Ну, я пойду?

Керри Йос не ответил.

Станислав еще немного подождал, на цыпочках вышел из кабинета и перевел дух только на крыше здания. Щеки горели, было стыдно и зябко одновременно, и было жаль Никиту за его необычную ошибку. «Впрочем, почему ошибку? — пришла вдруг здравая мысль. — А если он-таки прав? Керри-то не доказал обратного...»

Полюбовавшись безоблачным фиолетовым шатром неба, Томах вызвал по видео Филиппа:

— Ты уже дома?

— А где мне еще быть? — ответил бывший конструктор.

— Неважно выглядишь. У тебя все в порядке?

— У меня все, а вот ты явно не в своей тарелке. Получил нагоняй от Керри?

— Не в бровь, а в глаз, ясновидец ты наш. Мне просто не спится.

— Мне тоже. Сiju и зачем-то жду вызова, хотя вызова быть не должно, мы предусмотрели все, что могли предусмотреть. Ребята дежурят на полигоне, а я вот... жду.

— Честно говоря, у меня тоже на душе кошки скребут. Эксперимент завтра, в десять по московскому, а у меня мандраж, как перед схваткой на татами. Слушай, давай еще раз проверим все на полигоне, прощупаем своими руками.

— Для очистки совести? — иронически приподнял бровь Филипп. — А впрочем, спать все равно не придется. Встретимся через час на базе. Кстати, как дела у Никиты? Подтвердился его сомнения насчет... э-э?

— Нет, — коротко ответил Томах и выключил видео. Постояв еще несколько минут, опираясь руками на ограждение, опоясывающее площадку на крыше, и глядя на мерцание огней вокруг здания Центра, он решительно шагнул к лифту.

Травицкий закончил расчет, откинулся в кресле, глядя перед собой невидящими глазами, затем дрожащими от невероятной усталости руками снял эмкан и выключил вычислитель.

— И все же мы ошибаемся, — прошептал он, растирая лицо ладонями. — Я тоже ошибаюсь...

Прежде чем встать, он долго сидел перед пультом вычислителя и с брезгливой жалостью рассматривал свое отражение в зеркале. Перед ним сидел совсем старый, рыхлый человечек с синими от усталости и нервной перегрузки тенями под глазами и большими залысынами.

— Эк тебя! — пробормотал Травицкий с сочувствием к своему отражению. — Не хватает таким явиться на эксперимент!

Он встал, вспомнил об аптечке, достал две таблетки витаминизатора, медленно прожевал и проглотил. Стало легче. Тогда он вызвал такси и покинул институт, высившийся на фоне лучистого сияния на горизонте темной неживой громадой.

Домой не полетел. Подумал и назвал адрес Кристины. Через сорок минут бесшумного скольжения над темным океаном парка с редкими огнями пинасс доставил его в третий округ Деснянска, к большому зданию, формой напоминавшему пшеничный колос. Отослав машину, Травицкий неизвестно зачем обошел его кругом, прошелся по речному откосу; снизу, от невидимой реки, доносился плеск волн и шуршание камыша. Травицкий поймал себя на желании оттянуть визит, рассердился и вызвал лифт, вознесший его на девятнадцатый этаж.

Дверь открыла Кристина, уютная, спокойная, одетая в домашний халат, не скрывающий ее несколько полноватых форм.

— Не поздно? — пробормотал он, стараясь улыбнуться.

Она поглядела на него, не узнавая, и по тому, как расширились ее глаза, он понял, что выглядит все так же скверно.

— Ты?! Проходи. — Кристина отступила в глубь прихожей.

— Извини, я только на минутку... — Он прошел за ней, спотыкаясь обо что-то мягкое, потом вернулся и снял обувь. Она обернулась, и Травицкий, остановившись, с жалкой улыбкой развел руками. — Понимаешь, Крис, мне плохо сейчас, вот я и пришел.

— Это я вижу, — усмехнулась она. — Проходи в зал, я уложу детей и приду.

Травицкий прошел в гостиную, потом вернулся снять

куртку. Из детской доносились смех, звонкие голоса детей и ворчание Кристины.

«Ну да, дети, — подумал он почти спокойно, без обычной боли в сердце. — Живут с ней... Почему она не отдаст их в школу полного цикла? Разве можно уделять им все время? Брала бы на выходные или по вечерам, как все... странная привязанность... А может быть, вовсе не странная, а нормальная? Любовь матери?»

Он на цыпочках проскользнул в гостиную и сел в свое любимое кресло, принявшее его в объятия как старого друга.

«Три года прошло... я был здесь три года назад... и четыре, и семь, и одиннадцать, и ничего не изменилось... кроме обстановки... и не изменится... Почему она не выходит замуж? Ей же всего сорок три... Впрочем, я ведь до сих пор не нашел пары... Странно, что я никогда об этом не задумывался, просто жил, и все. Может быть, она ждала моего слова? Нет, нет, — вспомнил он, — дети — вот главное, что удерживало меня... и ее. Дети не мои, это всегда казалось мне главным... хотя теперь кажется, что ошибался. Какая разница, чьи дети, если она мне нужна? Несмотря ни на что... Вероятно, я что-то упустил из виду. Когда? Три года назад? Одиннадцать, когда появились дети? Когда все еще можно было поправить?...»

Кристина с подносом в руках, на котором лежали бутерброды и дымился в бокалах голубоватый лунный кофе, вошла в комнату, освещенную рассеянным светом вечернего бра, остановилась. Травицкий спал. Голова его сползла на валик кресла, лицо было измученное, осунувшееся, с черными тенями под глазами, губы вздрагивали, словно он с кем-то разговаривал во сне и морщился при этом. И было ему плохо, так плохо, что хуже не бывает.

Кристина поставила поднос на столик, села рядом и тихо, почти неощутимо коснулась рукой его лба. Травицкий вздрогнул, брови его страдальчески изогнулись, но он не проснулся.

«Он же совсем один! — подумала она вдруг, ужаснувшись. — Он всегда плохо сходился с людьми, и все это время был один, а работа — не отдушина для сердца...»

— Бедный... — прошептала женщина, снова касаясь пальцами его лба. — Бедный мой...

Травицкий пошевелил губами и внятно прошептал ее имя.

Над коричневой пустыней было сумрачно, дул холодный ровный ветер. Метеотехники постарались, и сплошной облачный покров, обложивший небо с утра, к середине дня достиг такой толщины, что невольно душа ждала снегопада.

Филипп по видео проверил посты, расставленные вокруг ТФ-установки по радиусу в двадцать километров, доложил о готовности всех подконтрольных служб Томаху и остался стоять на открытой галерее, соединяющей бронированные конусы наблюдательных пунктов.

Отсюда до раструбов ТФ-установки, готовой к взрыву, было около двенадцати километров по прямой, и выглядела она неэффективным светящимся клинышком. Но недаром вокруг нее чуть ли не сплошной стеной расположились поглотители ударной волны, защитные башни и прочие грозные машины, начиненные киб-техникой и молектроникой, готовые вмешаться в ход событий при первых же признаках опасности для людей за границами охраняемой зоны. Все-таки мощность ТФ-взрыва, довольно скромная по масштабам современной эпохи, намного превышала мощность многих земных природных катаклизмов, и, вырвись эти адские силы из-под барьера защиты, они многое бы натворили на Австралийском материке.

Начал сеять мелкий холодный дождик. Филипп разочарованно покачал головой, посмотрел на часы — оставалось всего двадцать минут до пуска — и спустился в люк наблюдательного пункта, служившего одновременно и центром управления экспериментом.

В круглом зале с наклонными стенами, представлявшими собой контрольные виомы и экраны оптических усилителей, было тихо, у центрального пульта монитора управления стояли и сидели научные руководители эксперимента, в том числе выглядевший больным Травицкий, Керри Йос, Владимир Дикушин в своей неизменной белой паре и Генри Бассард.

Филипп не понял, почему Бассард, руководитель второго космического сектора, изъявил желание присутствовать в ходе эксперимента, но ничем не выдал своих чувств.

— Посты готовы, — доложил он, подходя к Йосу. — Деактиваторы на исходных, тревожные группы в готовности «один».

— Один, — отозвался начальник отдела, пряча в глазах усмешку: Томах только что доложил ему об этом, причем теми же словами.

Филипп извинился и подошел к Травицкому.

— А, это ты, — сказал тот вместо приветствия. — Побудь здесь пока, я сейчас вернусь. У меня к тебе есть разговор.

Начальник конструкторского бюро кивнул и быстро вышел из зала, оставив Филиппа в полном недоумении относительно своего замысла.

Кто-то включил видеосистемы, и слепые до сих пор окна дальновидения прозрели, показывая ТФ-установку во всех мыслимых ракурсах, в том числе и сверху, откуда на нее смотрели зависшие над пустыней видеозонды.

— Одного не пойму, — сказал Дикушин, превратив глаза в узкие щелочки. — Почему установки здесь и на Тритоне неоднотипны? Там под слоем материковой коры, здесь на поверхности земли...

— Потому что эксперименты преследуют разные цели, — живо отозвался один из ученых. — Эксперимент на Тритоне глобален, с его помощью мы «высветим» всю Галактику, а то, что взрывное устройство спрятано на тридцатикилометровой глубине, так это для устранения влияния каких бы то ни было факторов и незагрязнения Солнечной системы. Здесь же, в Австралии, ТФ-взрыв на шесть порядков слабее, поэтому «осветить» всю звездную систему Млечного Пути он не сможет, и мы решили энергию взрыва сфокусировать в узкий луч. Такая направленная ТФ-волна пронзит Галактику по радиусу через активное ядро, а мы попытаемся уловить эхо с помощью уже готовых антенн.

— Уяснил, спасибо, — кивнул Дикушин.

— Внимание! — гулко разнесся по залу голос координатора. — Три минуты до окончания инициации! Даю счет.

Из динамиков раздалось клацание метронома и голос автомата, считывающего секунды в обратном порядке. Над башнями силовой защиты загорелись угрожающие алые огни, над пустыней прокатился вой сирен, предупреждая людей о необходимости укрыться в убежищах.

Филипп, с нарастающей тревогой дожидаясь прихода Травицкого, вспомнил его последнюю фразу, и тревога переросла в панику. Выбравшись из толпы возбужденных спе-

циалистов, он незаметно включил рацию и тихо проговорил появившемуся над браслетом изображению заместителя:

— Келвин, проверь-ка быстренько, никто не появлялся в зоне без сигнала? И предупреди посты. Только быстро, аллюром!

— Жди, — кивнул заместитель.

Рядом с Филиппом вдруг очутился Томах.

— Что случилось?

— Травицкий... — Инспектор не договорил, пискнул сигнал вызова.

— В зоне пинасс! — доложил встревоженный Келвин. — Держит курс за линию перехвата, догнать его мы уже не успеваем. Никто не думал, что он...

— Эх, что же вы сами-то не догадались! — скрипнул зубами Филипп и крикнул на весь зал: — Остановите пуск!

— Остановите пуск! — эхом подхватил Томах. — Немедленно!

Но было уже поздно. Автомат досчитал секунды, реакция инициации ТФ-распада достигла критического сечения, и началась цепная реакция, которую уже нельзя было остановить ничем.

В двенадцати километрах от наблюдательных пунктов над утрюмой мокрой пустыней вспыхнул изумрудный огонь, клинком воткнулся в низкие тучи. Дрогнула земля. Чудовищный вихрь вывернул тысячетонные пласты песка и бросил во все стороны с громадной, непреодолимой силой! Сразу стало темно. Но через секунду наэлектризованные песчаные валы пронзила первая молния, а еще через секунду грохотало и сверкало отовсюду. Эта кипящая электрическая туча ударила в невидимую силовую стену, закрутилась волчками смерчей, прорвала тучи на десятки километров в стороны и вверх, обрушилась назад, снова с гулом ударилась в защитные барьеры...

Воздушные потоки, словно из исполинского дуршлага выдутые взрывной волной сквозь очищающие раковины поглотителей ударной волны, выстрелили за пределы двадцатикилометровой зоны, мгновенно сдули с барханов корку такыра и накрыли наблюдательные конусы непроницаемой желто-коричневой пеленой...

Филипп вместе с работниками своей группы выскочил из

зала, не обращая внимания на предостерегающие крики, но пробиться сквозь беснующуюся плотную песчаную мглу не смог. Лишь через полчаса, когда ветер несколько стих и мгла рассеялась, они добрались к машинам в капонири и вылетели на поиски неизвестного антигравипинасса.

Травицкий лежал под разбитым корпусом пинасса в трех километрах от защитных устройств. Целыми у него остались только руки, прикипевшие к рукояти аварийного выброса.

Филипп с помощью товарищей вытащил его из-под обломков и безучастно смотрел, как суетятся врачи «скорой», примчавшиеся вслед за спасателями. С врачами прилетел Томах. Он посмотрел на тело Травицкого, опутанное проводами, на врачей, разворачивающих бесполезные свои аппараты, и дотронулся до плеча Филиппа:

— Пойдем, инспектор. Никто не виноват в том, что случилось. Предусмотреть такое мы не могли. Пойдем, ему уже не поможешь.

Филипп не шевельнулся. Станислав повздыхал, потоптался рядом и отошел к врачам.

— Плачь, плачь, — пробормотал он с тоской. — Кто не плакал — тот не жил!..

— Простите. — К Филиппу подошел старший из врачей. — Мы прибыли слишком поздно... тридцать семь минут... многочисленные кровоизлияния, три десятка переломов... Вот, возьмите. — Врач протянул ему какой-то небольшой плоский предмет. — Это нашли в его руке.

Филипп спрятал предмет в карман, встал и пошел прочь, в пустыню, не разбирая дороги.

Врач растерянно смотрел ему вслед.

— Эксперимент, в общем-то, удался, — подошел к Станиславу с мрачно-довольным видом Генри Бассард. — А ваша служба подвела, подвела. СЭКОН теперь не слезет...

Томах посмотрел на него, багровея, и Бассард быстро отошел.

— Зачем его сюда понесло? — пробормотал Станислав, почувствовав за спиной дыхание Керри Йоса, успокоил дыхание.

— Спешил, — понял тот, глядя на тело Травицкого. — Значит, рассчитывал успеть.

— Куда успеть? Всем оборудованием комплекса можно было командовать из НП.

— Не всем. По моим сведениям, он установил в главном конусе взрывной установки дополнительную ТФ-антенну с блоком аппаратуры управления и резонатор. Как ты думаешь, что его задержало? Ведь он мог успеть туда и обратно, времени хватало.

— Я задаю себе тот же вопрос.

Они встретились глазами.

«Генри прав, — сказал взглядом Керри Йос, — подвела наша служба».

«Я знаю, — ответил этим же способом Томах. — Разберемся».

Станислав подождал, пока врачи заберут тело Травицкого, и сел на крыло своего флейта ждать Филиппа.

Природа наконец успокоилась, и сквозь редящие тучи проглянул настороженный лик солнца.

Глава 14

ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД

Зона взрыва была все еще обнесена цепью маркерных огней и предупреждающих надписей, но ионизация почвы уже снизилась до безопасного уровня, поэтому робота-сторожа сняли и Филипп мог пройти по зоне, не рискуя вызвать сиренный гнев автомата.

Снизившись, он спружинил на ноги и выключил пояс-антиграв.

Пустыня уже почти залила нанесенную взрывом рану шершавым языком песков, но в том месте, где стояла ТФ-установка, зияла стометровой глубины воронка, и на километр вокруг почва была покрыта слоем странного голубого праха, текучего, как вода.

Поднимая облачка голубоватой пыли, Филипп прошлепал к краю воронки, заглянул вниз. В глубине пропасти увязла густая тень, но все же благодаря низкому солнцу, лучи которого высвечивали противоположный край воронки, можно было разглядеть, что желтые стенки провала усеяны порами так густо, что напоминают полурастаявший в стакане чая

кусок сахара. От ТФ-установки, конечно, не осталось и следа. Филипп представил, какие силы бушевали здесь месяц назад, чтобы, стиснутые фокусирующим полем, могли ударить в зенит, и ему на миг стало не по себе.

Присев на край воронки, он свесил ноги в пустоту и задумался над своими ощущениями, гонявшими его по Земле в поисках утраченного равновесия, в поисках неведомой истины. Кирилл Травицкий погиб, не успев сообщить, что он хотел доказать экспериментом. Почти все в управлении считали, что погиб он глупо, и только Томах, Филипп да Никита Богданов имели другое мнение, но и у них не было доказательств. Единственный известный факт состоял в том, что по заданию Травицкого строители смонтировали на дне установки сложную антенну, способную возбуждать ТФ-волну необычайной, сверхвысокой частоты, и ТФ-резонатор, но зачем они ему понадобились, не знал никто.

— Убежден, он хотел до эксперимента подключить резонатор с антенной к главной антенне установки, — сказал после трехдневных разбирательств трагического случая Томах на коротком совещании у директора УАСС. — В каскад управления была встроена, кроме всего прочего, еще и аппаратура синхронизации пуска.

— Но проверить это невозможно, — буркнул Спенсер, не глядя ни на кого. — Поэтому конкретный виновник его гибели — ваш отдел.

— Мы и не снимали с себя вины, — поморщился Керри Йос. — Но, к сожалению, Травицкий не оставил никаких записей, свидетельствующих о его намерениях, и что он хотел проверить — неизвестно.

— А я думаю, это не случайность, — проговорил Богданов, покосившись на Томаха. — Снова вмешался Наблюдатель.

— Наблюдатель не может быть равнодушным, — покачал головой Керри Йос. — В этом случае он действовал бы гораздо более жестко. Смерть Василия Богданова, конечно, связана с появлением Наблюдателя, но в смерти Травицкого гораздо больше загадочного и случайного. То же самое можно сказать и о совпадении точки взрыва с древним ядерным устройством. Кстати, не мешало бы просчитать все характеристики построенной по указанию Травицкого колебатель-

ной ТФ-системы. Вспомните, «зеркальные перевертыши» тоже использовали запредельные частоты. Зачем Кириллу понадобилось разрабатывать ТФ-контур с теми же параметрами?

— Не совсем с теми же, его антенна-резонатор способна излучать ТФ-поле на гиперчастотах, не изученных даже теорией.

— Вот и давайте привлечем теоретиков, пусть покумекают, на что рассчитан ТФ-луч с такими частотами.

— Что нам это даст?

— Не знаю. — Керри Йос поднял на Спенсера прозрачный взгляд. — Может быть, ничего. Глаза подчас бывают слепы, надо искать сердцем...

— Может быть, ничего, — пробормотал Филипп вслух, поднимаясь на ноги; солнце зашло, и в пустыне резко похолодало. Какая-то мысль родилась в мозгу, смутная, неопределенная, ускользающая...

— Характеристики ТФ-антенны.

Да, ученые провели расчеты ТФ-волны, которую могла излучать построенная по заказу Травицкого антенна, но выводы оказались такими необычными, что в них трудно было поверить: в зоне излучения должны были наблюдаться эффекты «сдвига» и даже «поворота» времени на макроуровне, и к чему это могло привести — никто предугадать, а тем более рассчитать не мог. Теоретики в том числе. Они только начинали свои колдовские исследования.

«Что хотел проверить Кирилл? Новую конструкцию антенны? Ценой жизни? Ерунда! Он плохо рассчитал время в пути до установки, кто-то его задержал или отвлек, вот и не успел долететь. С другой стороны, кто мог его задержать? В зону его пустили без единого вопроса, все были уверены, что он через минуту вернется. Но цель, цель его полета?»

Филипп слепо побрел прочь от воронки, остановился, вернулся и уставился в глубокую темноту ее дна.

Эксперимент в Австралии прошел удачно... если не считать гибели Травицкого, который так и не успел включить свой контур повышения ТФ-частот излучающей системы в общую систему и сингнализировать ее работу. ТФ-луч пронзил Галактику и ушел за ее пределы, приемные антенны поймали эхо отражений от сгущенной материи, черных дыр и

квazarов, оказавшихся на пути луча, а ученые засели за циклы новых расчетов, с нетерпением ожидая Большого Взрыва на Тритоне.

Частота тайм-фага... нестандартная частота... Кирилл не оставил ни одной зацепки, никаких записей на этот счет... не оставил...

Филипп вдруг вспомнил, как один из врачей «скорой помощи» сунул ему в руку какой-то плоский предмет, коробочку. Что это было? И где этот предмет?

Он слепо пошарил себя по карманам, с досадой поморщился: костюм был другой. Старый, месячной давности, уже, наверное, в утилизаторе. Но не мог же он не проверить карманы, прежде чем опустить костюм в щель утилизатора?

Филипп включил антиграв и дал полную тягу. Фиолетово-синее небо с розовыми перьями облаков, еще освещенных упавшим за горизонт солнцем, распахнулось навстречу...

Дома он вытащил из стенного шкафа старую одежду и обнаружил в кармане куртки голубую плоскую коробочку. В ней дребезжал какой-то небольшой предмет — кристаллическая кассета домашнего видео.

У Филиппа вдруг задрожала рука с зажатым в ней кристаллом. Как же он мог забыть о коробке? Целый месяц в голове ералаш, полное отсутствие памяти!.. Он лихорадочно развернул видеопроектор в комнате и вложил молочно-белый стерженек кассеты в отверстие копира. В углу за клубился радужный туман, рассеялся, и взору явилось «продолжение» комнаты, созданное голографическим генератором видео. У пульта вычислителя сидел живой Кирилл Травицкий и разговаривал сам с собой.

Филипп сглотнул вязкую слюну и подался вперед, словно хотел поздороваться с учителем.

— Кирилл! — глухо выговорил он. — А все думали, почему не осталось записей...

— Итак, проблема не решается трансгрессивно, — сказал Травицкий, глядя куда-то в стену комнаты перед собой. — Может быть, она вообще не решается с позиций нашей современной физики. Ты разберись, Филипп, ты сможешь...

Филипп окаменел. Травицкий, мертвый Кирилл Травицкий обращался к нему, живому. Словно знал, что Филипп первым прочтет запись.

— Пойдем дальше. — Травицкий переменял позу, положил руку на пульт. — Эксперимент необходим, спору нет, но, боюсь, малая мощность взрыва даст качественно иные характеристики ТФ-поля. Во-первых, бедность спектра и, может быть, даже отсутствие гармоник, на которых работают метро и ТФ-станции Даль-связи. Во-вторых, следует еще раз вспомнить, что ТФ-поле не имеет ничего общего с материальным силовым полем, это свойство пространства, связанное с его топологией; образно выражаясь, это «судорога» пространства. И в-третьих... — Начальник бюро поднял глаза, и у Филиппа невольно сжалось сердце. — В-третьих, как оказалось, ТФ-теория органично связана с теорией времени — одна переходит в другую при увеличении частоты и мощности ТФ-поля. А ведь мы собираемся ни много ни мало сотрясти всю ТФ-метрику космоса! — Кирилл пожевал губами, обдумывая последнюю свою речь. — Короче, если я прав, мне не дадут провести эксперимент с новым колебательным контуром, потому что это чревато разрушением ТФ-скелета мироздания. Если я прав, я погибну, если нет — тревоги напрасны, и отделу безопасности не стоит беспокоиться о судьбах человечества и Вселенной...

Изображение комнаты растаяло цветным туманом. Чуть слышно щелкнул замок копира, запись кончилась.

Несколько минут Филипп сидел неподвижно, глядя перед собой ничего не видящим взором. Кирилл Травицкий запрограммировал свою смерть! А поскольку он оказался прав, его убрали. Его убрали!.. Филипп достал кассету видео-записи, оделся и покинул дом, не оглядываясь, как обычно.

В вычислительном центре управления он появился через час. Вечер уже властвовал над природой, примирив земное с небесным, и здание ВЦ было на две трети погружено во тьму.

В отделе эфанализа «ФА-Шторм», где когда-то работал Василий Богданов, горел свет, а на его бывшем месте работал незнакомый Филиппу грузный мужчина в ярко-голубом костюме, бросавшем вызов мягкому цветовому комфорту комнаты. Присутствие чужого неприятно поразило Филиппа, хотя мгновение спустя он признался себе, что глупо упрекать себя в том, что он незнаком с другими аналитиками.

Поздоровавшись, Филипп после некоторых колебаний прошел к терминалу Богданова и сел в спарринг-кресло. Муж-

чина снял с головы эмкан и с раздражением посмотрел на непрошеного гостя круглыми, немигающими, как у совы, глазами.

— Собственно, кто вы такой? — спросил он неожиданно высоким голосом. — Может быть, ошиблись дверью? Это «ФА-Шторм», молодой человек.

— Не ошибся, — пробормотал Филипп. — Очень прошу вас уступить канал Умника, это очень важно. Я Ромашин.

Незнакомец мигнул, на лице его появилось озабоченное выражение.

Филипп молча закрепил эмкан и перешелкнул задатчик терминала в положение «прямой контакт». Василий Богданов перед смертью сделал точно такое же переключение, пришла мысль, но Филипп отогнал ее.

Мужчина в голубом быстро собрался и через несколько минут привел сухого и длинного начальника сектора ФА, заменившего Богданова. Войдя в комнату, сухопарый подошел к Филиппу и тронул его за плечо. Филипп вопрошающе посмотрел на него снизу вверх.

— Самостоятельная работа с Умником запрещена, — сказал новый начальник сектора.

— У меня карт-бланш операции «Наблюдатель».

— В таком случае возражения снимаются, но предупредить об опасности режима «один на один» я обязан. Помощь нужна?

— Спасибо, понадобится — обращайтесь. — Филипп поправил эмкан. — Только прошу не отвлекать, мне необходима полная сосредоточенность.

— Ради Бога! Жора не в курсе, вы на него не обижайтесь.

Филипп мельком посмотрел на недовольно-недоуменную физиономию толстяка в голубом и включил режим «один на один», вспомнив свой удобный конструкторский комбайн. «Бывший, бывший свой! — подумал он с неприязнью к самому себе. — Довольно уже напоминать людям о причастности к институту, мешать им, наконец. Здесь, в секторе футур-анализа, да и в техническом секторе управления, не менее мощные вычислители, так что дорогу в Институт ТФСвязи пора забыть, тем более что там уже нет Кирилла. Ну, Умник, держись! Ты мне скажешь, что узнал Василий и отчего он умер!...»

Сначала Филипп прошелся по этапам расчета свойств антенны, которую соорудил в Австралии Травицкий. Это заняло полтора часа, несмотря на применение мыслерапида, и уйму энергии, так что пришлось прибегнуть к тонизирующим препаратам, хотя их применение во время работы запрещалось инструкцией медкомиссии СЭКОНа.

Результат оказался более поразительным, чем представлял Филипп, но ему не хватало данных, чтобы довести исследование до конца.

Прихлебывая тоник, Филипп полегал в кресле, наслаждаясь ощущением уходящей психологической усталости.

— Проблема не решается трансгрессивно, — повторил он слова Травицкого. — Или я прохожу мимо решения, не замечая его. Почти все характеристики антенного комплекса я рассчитал, эффекты перемены знака времени определил, но ничего страшного не обнаружил. Взрыв на Тритоне ничем не грозит ТФ-метрике, хотя и потряхнет ее хорошенько. С самим Тритоном ничего не случится, разве что пробежит восьмибальная волна «тритонотрясения». Что еще?

Перемена знака в уравнении пространства-времени, вспомнил он снова. Кирилл упомянул об эффекте обратимости ТФ-поля в тангенциальное поле времени... что он хотел сказать? При чем здесь встряска ТФ-метрики всего мироздания?

Филипп отхлебнул глоток сока и поперхнулся. Он вдруг понял, что хотел сказать Травицкий своей смертью. Не хватало только одного звена в цепи гипотез и предположений, чтобы цепь стала прочной и вещественно осязаемой. И звено это было запрятано в колоссальной памяти Умника, вернее, «размазано» по всем его блокам эфемерным «пеплом» электронных облаков, следов работы Василия Богданова.

Торопясь, Филипп кое-как натянул эмкан, удивляясь, отчего он так неловок, потом увидел в руке бокал с соком, залпом допил и швырнул бокал в угол.

Дважды во время работы срабатывал автомат психонагрузки, и дважды Филипп выключал его, пока не заблокировал насмерть.

Во втором часу ночи он дрожащими руками снял эмкан и усталился перед собой слепым взглядом беспредельно уставшего человека. Проблема была решена. Точно так же сидел в

этом кресле Василий Богданов, пришедший к такому же выводу, только с помощью фантазии и интуиции, разве что организм его оказался слабее, чем у Филиппа.

Инспектор просидел полчаса, не думая ни о чем, вслушиваясь в оглушительный гул крови в голове и пытаясь умерить сверлящую головную боль. Наконец сказались результаты йога-тренинга, боль слегка утихла, но все тело казалось ваты, хотелось лечь и закрыть глаза, пока истощенный нервной перегрузкой организм сам не приведет себя в порядок. Но вот сквозь утихающий гул кипящей крови в мозг пробились посторонние звуки. Филипп прислушался и понял, что это сигнал входного автомата. Кто-то просил разрешения войти.

Филипп удивился: в четвертом часу кто-то решил поработать? Кое-как встал, поморщился и открыл дверь. Перед ним стояла Аларика.

— Ты здесь? О Господи! — Женщина, всхлипнув, прижалась к нему, обняв за шею так, что стало трудно дышать.

— Задушишь, — глухо сказал Филипп. — Как ты меня нашла?

— Помог дежурный по управлению. Думала, что с тобой что-то случилось... вдруг заболело сердце... начала искать, спрашивать, звонить, пока Жора Тунгусов не признался, что ты у эфаналитиков, если еще не ушел... Я позвонила, но ты не отвечал, и я чуть не сошла с ума... Господи! Целый месяц ты не звонил, не приезжал, исчез куда-то, и я поняла — нуждаешься в помощи, но просить уже не...

— Не стал бы, — пробормотал Филипп и поцеловал ее в ухо. — Рика, мне было плохо, потому что погиб Травицкий.

— Я знаю, но ведь ты же не виноват.

— Может быть, и не виноват, но он дал мне такую мысль!..

В мозг вдруг выплеснулась волна тревоги: Тритон! Эксперимент опасен! Скорее в управление...

Он отстранил Аларика и едва не упал от нахлынувшей слабости. Испуганная женщина помогла ему добраться до кресла, и он, ничего не объясняя, потянулся к пульту связи.

Несколько минут ушло на бесплодные вызовы Керри Йоса, потом Филипп вспомнил, что уже ночь, и легче всего позвонить диспетчеру отдела. Обругал себя, вызвал дежурного. Керри Йос вместе с Томахом должны были находиться в

этот момент на Тритоне или в центре управления экспериментом, то есть на крейсере УАСС над Тритоном, и дозвониться к ним можно было только через трек — тревожный канал спасательной службы.

Вспыхнул глаз виома, развертывая световую нить в объем передачи, и вырезал «окно» в диспетчерский пункт.

— Слушаю вас, — подняла голову над пультом диспетчер, строгая женщина с пристальными серыми глазами.

— Ага... — пробормотал Филипп, опомнился. — Извините. Я Ромашин, официал отдела безопасности. Мне необходимо срочно связаться с Керри Йосом или с любым из его заместителей, по косвенным данным, они сейчас не дома, а на Тритоне, где готовится эксперимент «Галактическое просвечивание».

— Ждите, — лаконично отозвалась женщина. В течение нескольких минут она дозванивалась до узла связи на Тритоне. Аларика в это время положила на затылок и лоб Филиппа прохладные ладони и наскоро провела сеанс биопереноса. Филиппу стало легче. Дежурная выслушала ответы абонентов и отрицательно покачала головой.

— На Тритоне никого нет, все руководители эксперимента находятся на борту крейсера «Святогор». Но Керри Йоса нет и среди них, час назад он покинул крейсер и улетел на Землю. Нет его и в управлении, связи с ним нет.

— То есть к-как улетел на Землю?! — Филипп ошеломленно смотрел на дежурную. — Зачем улетел?

Женщина-диспетчер сочувственно оглядела его растерянное лицо и протянула руку, собираясь выключить связь.

— Подождите, — взмолился инспектор. — Тогда дайте связь со Станиславом Томахом или Никитой Богдановым, они-то на крейсере.

Диспетчер, сказав кому-то: «Минуту, я занята», снова принялась искать названных безопасников. Но ни Томаха, ни Богданова на «Святогоре» также не оказалось.

«Ну конечно, — пронеслось в голове. — Проверяют готовность постов по всей Системе. Что же делать? Кому звонить? Морозову?»

Диспетчер, видимо, заинтересовавшись странным абонентом, медлила выключать виом.

— Может быть, вам дать канал с руководителем эксперимента на крейсере? — предложила она.

Филипп посмотрел на часы: до начала эксперимента оставалось немногим более двух часов.

— Попробуйте, — хрипло сказал он, откашлялся. — Хотя... н-нет, спасибо, лучше вызовите кого-нибудь из ответственных за безопасность от управления.

Через минуту переговоров — диспетчер проделала это профессионально: четко, быстро, без лишних слов — виом мигнул, изображение в нам сменилось. Вместо круглого помещения диспетчерского пункта перед Филиппом раскрылся треугольный командный зал крейсера «Святогор», заполненный группами специалистов всех рангов, несмотря на то что до начала эксперимента оставалось еще достаточно много времени.

Возле центрального пульта координатора команд стояла небольшая группа людей, среди которых Филипп узнал Дикущина и вездесущего Генри Бассарда в форме офицала УАСС. Видимо, он здесь и был официальным представителем управления, отвечающим за безопасность по Системе в целом.

Бассард в ответ на вызов удивленно посмотрел на диспетчера центра и подошел ближе к видеокамере. Филиппу совсем не улыбалось докладывать о результатах своего бешеного ночного бдения кому бы то ни было из официальных лиц других секторов, а Бассарду в особенности, но делать было нечего, время уходило, выбора не было.

— У вас ко мне дело? — спросил Бассард, подчеркивая последнее слово.

— Ко всем ответственным, — мрачно сказал Филипп, — и к вам тоже. Дело в том, что я проделал новые расчеты ТФ-взрыва, с учетом некоторых сомнений... вернее, рекомендаций Кирилла Травицкого. Эксперимент проводить нельзя, он опасен, и опасен настолько, что...

— О чем вы?! — перебил его Бассард. — Расчеты взрыва сделаны давно, причем проверялись специалистами высокого класса, и ваш новый расчет на основе «сомнений»... — Руководитель сектора с улыбкой пошевелил пальцами, подбирая выражение. — Согласитесь, несколько легкомысленно на такой основе поднимать вопрос — опасен или не опа-

сен взрыв в «подвале» Тритона. Да и что может случиться? Тритон разнесет в пыль, что ли?

— Дело не в Тритоне...

— Что еще? Нептун? Солнечную систему? Не смешите меня.

— А вы не иронизируйте, — разозлился Филипп, чувствуя на затылке вздрагивающие пальчики Аларики. — Последствия взрыва более грандиозны, чем вы представляете, Наблюдатель не зря начал кампанию предупреждения задолго до взрыва.

— С этим вашим мифическим Наблюдателем еще далеко не все понятно. Кстати, а какое нам до него дело? С чего вы взяли, что он предупреждает нас именно об опасности эксперимента на Тритоне? Взрыв не опасен даже этой планете, а вы беспокоитесь за всю Галактику!

— В прежних расчетах взрыва не учтены фазовые переходы ТФ-поля в ветвящиеся поля времени...

— Простите, но это голая теория, а меня ждут. И поверьте, нами сделано все необходимое для безопасности Системы. — Бассард повернулся к Филиппу спиной и добавил через плечо с кривоватой улыбкой: — Вас, кажется, тоже ждут? Ночь как-никак.

Кровь бросилась Филиппу в лицо, но усилием воли он сдержал готовое вырваться проклятие. Очнулся от голоса диспетчера. Женщина смотрела на него из виома и что-то спрашивала.

— Что? — переспросил он, сожалея, что не рассказал все Дикушину. — Простите.

— Связь в ТФ-диапазоне прекращаю, — повторила диспетчер. — По Системе объявлено «штормовое предупреждение», приказано перейти на световую и радио. Прошу извинить.

Виом погас.

«Так! Интересно, что сказал бы я на месте Бассарда, обратиться ко мне кто-нибудь с подобным заявлением? Наверное, высмеял бы наглеца... Но что же все-таки делать? Звонить в управление нет смысла, в отделе никого. Может, действительно найти Морозова? Как-никак председатель СЭКО-На... или сразу выйти на Спенсера? Успею ли?»

Аларика стояла рядом, гладила затылок и виски, и это

было до того приятно, что не хотелось ни думать, ни шевелиться.

С пульта вдруг прозвучал трехтональный сигнал общего внимания. Филипп машинально протянул руку и включил виом.

— Передаем объявление, — сказал диктор центрального информвидения. — В связи с проведением эксперимента на спутнике Нептуна Тритоне пассажирские линии метро не будут работать с четырех до шести по среднесолнечному времени. Повторяю...

«Керри подстраховывается, — подумал философски Филипп. — Если бы он знал, что нас ждет!.. Однако я теперь даже со Спенсером не успею связаться, особенно если он не на Земле!»

Инспектор включил часы видеобраслета: шел четвертый час ночи по московскому времени, иначе — четвертый час по среднесолнечному времени.

Что же делать?

— Надо лететь на Брянский полигон, — тихо подсказала Аларика, поняв все из переговоров Филиппа. — Только от туда ты сможешь попасть на Тритон... если докажешь целесообразность вылета дежурного крейсера.

— Туда легче позвонить...

— Ты же слышал, ТФ-связь уже отключена, а радиосвязь неоперативна. Пойдем, до четырех мы еще успеем добраться до полигона на такси, а по пути что-нибудь придумаем насчет того, как попасть на «Святогор».

Она протянула руку. Филипп с усилием поднялся, заставляя работать вялые мышцы.

Идущий по коридору дежурный механик вычислительно-го центра с удивлением посмотрел вслед бегущим: тоненькая, хрупкая на вид женщина буквально волокла здорового, спотыкающегося на каждом шагу мужчину...

На стоянке такси стояла всего одна машина, да и в ту сажались двое парней и девушка.

— Подождите, — задыхаясь, сказал Филипп, ухватился за крыло флейта. — Пожалуйста, нам очень нужна машина... Разрешите взять... эту.

— Что за спешка, дорогой? — засмеялся один из парней,

подсаживая девушку. — Позвони через ноль-ноль-два, и будет тебе машина.

— Мы не можем ждать... это очень важно! Прошу вас.

— Может быть, отдадим? — заколебалась девушка, тонко уловив в волнении инспектора неподдельную тревогу.

— Пусть берут, — коротко сказал второй, уступая сиденье.

— Спасибо, мужики! — хрипло поблагодарил Филипп, с трудом забираясь в кабину. — Может быть, вы спасаете сейчас все человечество.

Флейт вонзился в ночное небо. Филипп «с мясом» вырвал ограничитель скорости, и аппарат сразу перешел звуковой барьер.

В отделении Брянской общетранспортной инспекции диспетчер услышал сигнал контрольного спутника, схватился за голову и дал сигнал тревоги по воздушному коридору, в котором появился лихач.

Все закончилось бы хорошо, не смени Филипп горизонт, по привычке выбирая кратчайший путь к северной оконечности города, за которой располагался полигон УАСС. Именно в этот момент на пути заработал один из орбитальных лифтов Брянска, выключенных до этого времени на профилактические ремонтные работы. Филипп не заметил светящихся в воздухе предупреждающих знаков, а когда впереди вдруг вырос световой столб, было уже поздно — шел он на ручном управлении.

Шедший в полукилометре на перехват нарушителя патрульный автомат инспекции успел применить «красную завету», но на таком расстоянии компенсирующее силовое поле только ослабило инерцию удара. Флейт вонзился в защитное поле канала лифта («Надо было идти на «джордже!» — мелькнула мысль), хрустнул колпак кабины, разлетаясь прозрачными брызгами, вскрикнула Аларика, в кабину хлынула тьма.

В сознание Филипп пришел от боли и, еще не открыв глаз, вспомнил удар, фейерверк осколков фонаря кабины, крик Аларики и резко поднял голову. Он лежал на склоне холма, лицом вниз. Рядом, у неровной стены кустов, лежала Аларика, накрытая смятым сиденьем флейта. Поодаль что-то горело, и на мокрую траву и обломки машины, рассыпанные полосой, на тело Аларики ложились оранжевые блики от языков

пламени. Вглядевшись, Филипп понял, что горит патрульный автомат, успевший перехватить разбитое такси и ценой своей гибели предотвратить смерть пассажиров.

Инспектор с усилием встал, скрючившись от боли в спине, подошел к женщине, сбросил с нее остатки сиденья, опустился рядом на колени.

— Рика, — позвал он глухо. — Ты слышишь меня, Рика?

Кто-то вдруг тронул его за плечо. Филипп поднял голову, сзади стоял Керри Йос.

— Отойди-ка, парень.

Филипп послушно встал, как во сне отодвинулся.

— Вы?! Здесь? Как вы тут... а я только что искал вас. Помогите ей... видите?

— Вижу. — Начальник отдела безопасности опустился на корточки возле женщины. — Зачем ты искал меня?

— Эксперимент на Тритоне... но Аларика!

— Сейчас здесь будет «скорая». Помогите-ка...

Вдвоем они положили женщину удобнее. Аларика чуть слышно застонала, и Филипп едва не закричал от радости: жива!

— Итак? Я слушаю тебя.

— Да, я искал вас, — шепотом сказал Филипп, сглатывая комок в горле. — Надо остановить эксперимент на Тритоне, он опасен.

— Ясней, пожалуйста, и покороче. — Керри выпрямился и вытер пальцы платком.

Филипп несколько мгновений боролся с собой: наступила реакция, и тело снова стало слабым и непослушным.

— ТФ-взрыв такой мощности, какая готовится, даст гармоника частот высших порядков вплоть до вакуум-барьера, — наконец выговорил он, не поднимаясь с колен. Потом поднял голову и с мольбой посмотрел на начальника отдела. — Где же «скорая», черт возьми?! Аларика будет жить?

— Травма серьезная, повреждена грудная клетка, сломаны руки, но жить будет. «Скорая» в двух минутах лета. Продолжайте.

Филипп подумал и сел, виновато улыбнувшись.

— Простите, я работал с Умником... в режиме «один на один» и перегрузил мозг, а тут еще это! Не заметил охранной зоны лифта! Простите... Что я говорил? Да... значит, взрыв

на Тритоне возбudit ТФ-поле на запределных частотах, а это может послужить причиной цепной реакции фазового перехода пространства. Это полное разрушение континуума, понимаете?! Родится новый вакуум с новыми свойствами, существующая материя будет уничтожена, а вместе с ней и человечество, и... другие разумные существа! Все!

— Не преувеличиваешь? — Керри Йос остро, без тени усмешки глянул в глаза инспектора.

— К сожалению, нет.

— И ты до этого открытия дошел один?

— Нет, помог Травицкий, я нашел его записи... а до меня подобный финал взрыва просчитал Василий Богданов... вернее, он считал, конечно, не взрыв, а характеристики «зеркальных перевертышей» и сумел на минимуме фактов сделать правильный вывод.

— Я догадывался. — Керри помрачнел. — Я догадывался, но не хотел верить. Значит, в самом деле все упирается в обратимость времени?

— Не обратимость, а переход времени в иное качество. Кирилл близко подошел к решению, а в Австралии хотел проверить, так ли он понял предупреждение Наблюдателя.

— Он понял правильно, а я вот нет. Наблюдатель предупреждал об опасности некоторых видов знания...

— Нет, — тихо возразил Филипп, — об опасности незнания.

Керри Йос, помедлив, кивнул.

— Ты прав. Кажется, мы подошли к пределу, за которым наши действия могут привести к гибели Мироздания, несмотря на то что творятся они из лучших побуждений. — Начальник отдела поднес к глазам браслет видео. — Та-ак, до начала взрыва около часа, но эксперимент уже запущен. Ты сообщил о своих выводах на крейсер?

— Пытался, но... там Бассард, он не захотел меня понять.

Керри мгновение размышлял, потом повернул кольцо включения видео. Вспыхнул миниатюрный объем передачи — лицо главного диспетчера центра.

— «Шторм» по всем секторам УАСС! — сказал Керри Йос. — Выключить и заблокировать не только пассажирские и транспортные линии метро, но и линии ТФ-связи и контроля, кроме спецканала трека! Системам СПАС и ПОД на

время эксперимента отключить от прослушивания ТФ-диапазон, сразу после эксперимента перейти на низшие регистры частот! Дежурным патрулям проверить станции метро, убрать обслуживающий персонал из аппаратных на линиях, соединяющих дальние звездные системы!

Диспетчер смотрел на Керри, открыв рот.

— Да вы что, Керри?! Отключив метро, мы минимум на месяц прервем сообщение по Системе! Чтобы запустить каналы, надо...

— Знаю. Поэтому и не блокирую станции звездных систем, а только внутрисолнечные метро. Кроме того, дайте аварийную проводку крейсера «Искатель» к Тритону. Время расчета траектории — четверть часа, время отработки вспомогательных служб — пять минут. Записал? — мягко произнес начальник отдела. — Действуй, Мартин!

— Я обязан доложить Морозову в СЭКОН и Спенсеру...

— Докладывай, но параллельно с включением тревоги. Минут через десять я свяжусь с ними сам.

Диспетчер мотнул головой, словно пробуждаясь ото сна, и отключился.

Керри Йос повернулся к Филиппу, все еще сидевшему на земле. Аларика слабо вздохнула, и оба одновременно посмотрели на нее.

— Тебе надо спешить, — тихо проговорил Керри. — Бери мой пинасс. С полигона тревожной линией ты еще успеешь добраться до австралийской базы, там возьмешь «Искатель»...

— Зачем? — поднял на него запавшие глаза Филипп. — Легче связаться с крейсером, вам поверят больше, чем мне.

— Поздно. Таймер уже сработал, и через час реакция ТФ-инициации достигнет, говоря словами специалистов, критического сечения. Остановить эксперимент можно, лишь уничтожив бланкет с активным веществом или генератор ТФ-возбуждения... не знаю как, об этом подумаешь сам. И только ты сразу сможешь определить на месте, что надо сделать. Остальным надо объяснять.

Керри достал из кармана куртки необычный значок золотистого цвета в форме закрывшего голову руками человечка, протянул Филиппу.

— Это сертификат официала УАСС по сигналу «Шторм»,

возьми. Предъявишь командиру «Искателя». Таких значков изготовлено всего три, и рассчитаны они на такой жестокий случай. Карт-бланш на спецрейс возьмешь в сейфе, в рубке крейсера, шифр замка на оборотной стороне значка. Надо успеть на Тритон и остановить взрыв. Делай что хочешь, но успей! И вернись живым!

Филипп взял значок, преодолевая себя, поднялся с земли, сморщился: блокада воли прошла, и ушиб спины давал о себе знать дергающейся занозой боли.

— Что? — встревожился начальник отдела.

— Спина... ушибся, кажется. Справлюсь.

Филипп шагнул к пинассу Керри, оглянулся на догоравший костер и остановился. Лицо его отразило душевную муку. Керри Йос понял.

— Не беспокойся за нее, сынок, «скорая» на подлете. Все будет хорошо. Удачи тебе! И всем нам тоже.

Филипп поцеловал Аларику и побежал к машине, припадая на ногу, неловко придерживая локтем бок, кусая губы. Но по мере приближения к машине бег его становился все более свободным, движения целеустремленными, и в кабину он уже запрыгнул, как будто полный сил и ловкости.

Начальник отдела подождал, пока он улетит, подошел к Аларике. Женщина дышала с трудом, на губах ее при каждом вздохе пузырилась кровавая пена. Керри нахмурился, посмотрел на видео: с момента катастрофы прошло шесть минут, «скорая» запаздывала. Он нагнулся, поднес ладони рук к груди Аларики, застыл так, полузакрыв глаза. Потом перенес руки к ее голове и снова замер. Лицо Аларики заметно порозовело, разгладилось, кровь на губах исчезла. Она вздохнула с тихим стоном, повернула голову набок...

Керри Йос вытер со лба выступивший пот, разгладил посеревшее лицо ладонями, руки его дрожали. «Постарел, — подумал он как о чем-то само собой разумеющемся. — Раньше биоперенос я выдерживал легко...»

Над головой послышался короткий вой «скорой», вспыхнул свет, и рядом опустился бело-красный галион медслужбы. Из кабины выпрыгнули врачи «скорой помощи», двое мужчин и женщина. Керри помог им перенести Аларику в саркофаг реаниматора, но лететь отказался. Галион умчался,

но следом прилетели две машины инспекции, и начальнику отдела пришлось рассказывать, что случилось.

Через четверть часа он освободился наконец, пешком направился к белому столбу лифта в сотне метров через кусты орешника и мокрую, по пояс, траву. Мысленным взором он видел, как стартует с полигона крейсер УАСС «Искатель», беря курс на Нептун, как тысячи, десятки тысяч людей готовятся по первому зову броситься на помощь, и грустная улыбка появилась на губах Керри Йоса.

«Тяжело тебе придется, парень, — подумал он. — Наблюдатель не оставит тебя в покое и когда-нибудь выйдет навстречу... когда я уже не смогу подстраховать тебя, как сегодня. Слишком много ты знаешь. Единственное, чего ты еще не понял, что Наблюдатель живет впереди, в будущем, только так можно объяснить все происшедшее с момента появления «зеркальных перевертышей». Дай Бог, чтобы ты не ошибся, остался спортсменом и человеком...»

Керри Йос вдруг остановился.

Навстречу из-за кустов вышел молодой человек в костюме техника ремонтного сектора УАСС. Керри узнал в нем парня, который «ремонтничал» когда-то пульт в его кабинете.

— Доброе утро, — слегка поклонился он. — Кажется, пришла моя очередь? Богданов, Травицкий, теперь я...

«Техник» покачал головой.

— Все обстоит несколько иначе, чем вы думаете. Богданова мы не убивали, а Кирилл Травицкий... если бы он догадался вызвать нас — был бы жив.

— Почему же вы убили его?

— Мы не хотели убивать, хотели только остановить, но он рассчитал все слишком вплотную к порогу контроля. Он был прав, как прав и Филипп Ромашин: при возбуждении высших частот ТФ-поля возможен спонтанный фазовый переход вакуума и, как следствие, рождение новой Вселенной с уничтожением старой. Травицкий решил формулу Ромашина до границ ее полного применения и высчитал тот диапазон частот, на котором ТФ-метрика наиболее неустойчива. Один толчок и...

— Понятно. Кто вы?

— Если речь обо мне лично, то я интеллект-автомат — че-

рез несколько лет будут говорить: интелмат. Так вот я — интелмат с конечной целью, в мои функции входит и связь с вами. А если вы о тех, кто меня создал и послал...

— Наблюдатель.

— Наблюдателя как такового не существует, есть прошлое, настоящее и будущее, так вот мои хозяева и друзья — будущее. Вернее, существа, которых можно назвать вашими потомками. Вселенная родилась около двенадцати миллиардов лет назад и пока еще расширяется, через сто миллиардов лет она начнет сжиматься, придет фаза фиолетового смещения, а так как потомки за этот кажущийся гигантским промежутком времени не сумели найти способ уберечь Вселенную от гибели в черной дыре, они решили повернуть время вспять. То есть у них от конца эры расширения до начала снова остается сто с лишним миллиардов лет, и они надеются, что этого хватит для решения задачи сохранения Мироздания и себя самих.

Керри почесал лоб. Собеседник сочувственно кивнул.

— Сложно?

— Не вижу связи...

— Закончу. Итак, мы повернули во времени и пошли назад, но поскольку мы реализовали не прямо идущие обратные процессы типа «старые начинают молодеть», «звезды начинают не излучать, а поглощать энергию», то можем вмешиваться в дела прашуров, способных в неведении запросто перевернуть мир и уничтожить все — и прошлое, и настоящее, и будущее. И все мы хотим, чтобы Вселенная, в которой мы живем, уцелела. Как и другие вселенные с уникальными наборами свойств, позволивших родиться разумной жизни, наша Вселенная не менее уникальна, но ее так просто уничтожить!

Помолчали. Потом посланец будущего вполне натурально вздохнул.

— Я мог бы и не открываться вам, потому что верю — вы поняли все и без прямого контакта, но еще долго люди будут ошибаться, тяжело и больно, пока не научатся вовремя останавливать свое любопытство, порой жестокое и злое. Прощайте.

Молодой человек превратился в облачко света, потом в плоское «зеркало»: на Керри Йоса глянул из зеркала он сам.

А затем его отражение вдруг подмигнуло ему и исчезло. «Зеркало» свернулось в световую нить, ушло в зенит.

Керри Йос, прищурясь, посмотрел в ночное небо Земли.

«Прощайте, — сказал он мысленно. — Надеюсь, пути наши больше не пересекутся. Прошлое и будущее не должны пересекаться в местах, не предусмотренных природой, кроме точки настоящего, где одно вытекает из другого, остальное — схоластика. Может быть, мир устроен гораздо сложнее, и мои внуки и правнуки жили и умерли задолго до того, как родился я? Иначе откуда иногда всплывает ощущение, что все это уже было со мной в иные времена?»

— Да, это так, — раздался ниоткуда, из воздуха или прямо в голове, чей-то негромкий голос. — Время — не кольцо и не спираль, а тем более не прямая линия, время — гораздо более сложная фигура, и все живущие в нем соединены незримой цепью бытия. Цель жизни не есть человек, нет, цель жизни есть Вселенная. Вы поймете это и без особого контроля.

Голос уплыл из сознания, потерялся в шумах звездного ветра, да и не голос это был — тень будущего. Керри постоял еще немного и двинулся к шатру света, зорко глядя под ноги, думая о людях, своих предках и современниках, о тех, кто борется и живет в пространстве покоя и нуждается только в одном виде контроля — контроля совести и доброты.

ОГНЕТУШИТЕЛЬ ДЬЯВОЛА

Но однажды из страшных орудий
Я пальну по себе самому.

Л. Филатов

Глава 1

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА

Багровое, покрытое оспинами фиолетовых и коричневых пятен и малиновыми космами протуберанцев светило медленно опускалось за горизонт, протягивая дорожку бликов, похожую на жидкое пламя, по льду замерзшего моря к мрачному строению на берегу, напоминавшему проросший черной травой панцирь черепахи. «Панцирь» был огромен: два километра в поперечнике и полкилометра в высоту — и представлял собой одну из десятка уцелевших на всей планете жилых зон некогда могучей цивилизации. Эта зона была защищена от катаклизмов лучше других, так как в ней обитало правительство планеты во главе с Великим, Имеющим Право Контроля, но и она постепенно умирала. Цивилизация мантоптеров, переставшая получать от светила требуемое количество энергии, чахла и деградировала, не способная бороться со свалившейся на нее бедой.

О переселении речь уже не шла. В звездном скоплении, к которому принадлежало светило системы, и даже в ближайших галактиках звезд с такими характеристиками обнаружено не было, а у похожих по параметрам мантоптеры жить не могли, уж слишком узким оказался диапазон условий, позволивший миллиарды планетарных циклов назад появиться жизни и разуму возле этой зеленой циркониевой звезды. Теперь же она быстро угасала, превратившись в багрового карлика, температура поверхности которого падала все ниже.

В резиденции правителя, расположенной под куполом панциря «черепахи», в огромном Зале Приемов возле плоской наклонной стены экрана стояли трое мантоптеров и смотрели на заход светила. Один из них, закутанный в блистающую перламутром чешуйчатую мантию, из-под которой высывались лишь две пары конечностей и голова с выпуклыми фасетчатыми глазами, был последним правителем пла-

неты, Великим, Имеющим Право Контроля. Его молчаливыми собеседниками были двое мантиптеров в мундирах поскромнее: Первый, Имеющий Право Исполнять Волю Великого, и Второй, Имеющий Право Докладывать о Происходящем.

— Наше время уходит, — нарушил мысленное молчание Великий. — Время старых разумных. Надежды нет.

— Есть, Великий, — не согласился Второй. — Нам на смену идет молодая волна разума, она способна отразить агрессию Останавливающих и помочь нам.

— Они слишком далеко.

— Мы негласно провели поиск ближайших «разумных» систем, одна из них расположена в тридцати тысячах световых единиц. Ее обитатели — существа, называющие себя людьми, а систему Солнечной, — вполне могли бы справиться с Останавливающими.

— Мы не успеем.

— Но это шанс, Великий, — вмешался Первый, Имеющий Право Исполнять. — Мы пошлем в эту систему курьера, который предупредит их и снабдит всей информацией, которая нам доступна.

Великий, Имеющий Право Контроля, долго молчал, глядя на тускнеющую малиновую полосу заката. Потом глянул на своих помощников.

— Что ж, как говорится: попытка — не казнь. Попробуйте. Отберите лучших, пошлите не одного курьера, а команду, которая сможет дойти до Солнечной системы и передать наше послание.

— Почтительно признаемся, что подготовка такой команды уже началась. Через три-четыре суточных цикла курьеры будут готовы.

— Необходимо принять все меры для обеспечения секретности миссии. Останавливающие не должны знать о наших планах.

— О цели экспедиции не будет знать никто, даже командир пространственного преодолевателя. Нами запущена дезинформация о попытке поиска подходящей для переселения звезды. Командир экспедиции узнает об истинной цели похода лишь в точке поворота преодолевателя.

— Боюсь, это не гарантирует безопасности экспедиции, — мрачно проговорил Второй, Имеющий Право Докладывать

о Происходящем. — Останавливающие имеют уши везде. — Он подумал и добавил: — Кроме разве что резиденции Великого.

— Ступайте, — отвернулся последний правитель колонии мантоптеров. — И да поможет нам Всевидящий, Имеющий Право Всех Прав!

* * *

Пространственный преодолеватель был огромен и стар, но еще вполне оправдывал свое название: «Проникающий в глубины». Таких давно не строили, колония мантоптеров с трудом поддерживала технологический потенциал сферы обслуживания и практически не мечтала о создании новых технологий и разработок.

Команду «Проникающего» составили пятеро космолетчиков, самых опытных и сильных, которые еще работали в Сфере космоплавания. Двое из них служили в корпусе звездной разведки: Сто Второй Высокого Ума и Двести Шестой Исполняющий, один ведал защитой: Девятьсот Девяносто Девятый Исполняющий, и один имел ранг Прокладающего Курс к Цели. Командиром экспедиции был назначен сын Первого, Имеющего Право Исполнять Волю Великого, — тоже Первый, но уже рангом ниже: Первый, Поднимающийся к Крыльям Великого. Он прожил на свете более ста планетарных циклов и был одним из самых известных космолетчиков мантоптеров, побывавшим даже в соседних галактиках.

Прощаться мантоптеры не умели, хотя в какой-то мере были эмоциональными существами. Правда, эмоции они выражали в мысленном диапазоне, так как гибкие хитиновые оболочки тел не позволяли им визуально изображать чувственные переживания.

Цель экспедиции не скрывалась ни от членов экипажа, ни от остающихся на планете сородичей. Надо было найти пригодную для обитания звезду с планетной системой, куда могла бы переселиться колония мантоптеров.

«Проникающий в глубины» стартовал не с поверхности планеты — для этого он был слишком велик и громоздок, — а от узла контроля гигантской древней сети энергоприемников, окружающей светило. Путь его лежал в сторону ближай-

шей галактики, самой большой в местном скоплении, содержащей около трех триллионов звезд. По ложной информации, запущенной в общую информационную сеть системы, косморазведка якобы обнаружила там звезды, близкие по составу и параметрам излучения к родному угасающему светилу.

Пятеро заняли места в гнезде управления, и командир — Первый, Поднимающийся к Крыльям Великого — мысленно приказал быстродействующему обслуживателю космолета начать разгон. Полет начался. И уже через несколько единиц времени, являвшихся десятыми долями планетарного цикла, родное светило скрылось за кормой в сиянии сотен тысяч звезд шарового скопления, самого старого звездного образования в местной системе галактик.

Цивилизация мантоптеров насчитывала уже миллиарды планетарных циклов и в миллион раз была старше человеческой, но рассчитывать могла только на помощь людей, существ углеродно-азотного цикла, развивающихся очень динамично, бурными темпами осваивающих свою Галактику. Остальные цивилизации в шаровом скоплении давно прошли свой путь и исчезли, оставив после себя только следы былого могущества. У людей же все еще было впереди.

Но о цели экспедиции экипаж «Проникающего» узнал лишь на третий день полета, когда космолет преодолел одну сотую расстояния до Галактики и командир вскрыл секретный кокон целеуказания. По объему гнезда управления растеклось тяжелое молчание экипажа.

— Нам предписано лететь к желтой звезде во втором рукаве Галактики, — сказал командир, прочитав приказ. — Курс меняется.

— А как же поиск системы для заселения? — спросил Сто Второй. — Разве может быть задание важнее этого?

— Может, — рассеянно кивнул Первый.

Члены экипажа переглянулись.

— Что нам предстоит сделать? — выразил общую мысль Двести Шестой.

— Доставить разумникам с планеты Земля — так они называют вскормившую их планету — послание Великого, Имеющего Право.

— Что за послание? — осведомился Прокладывающий Курс.

— Оно закодировано. — Командир космолета погладил хваталом чешуйчатую шишку секретного кокона, подключенного к обслуживателю. — Но я думаю, что это просьба о помощи и предупреждение о возможном появлении Останавливающих.

— Почему же нам не сказали о цели полета на базе? — недовольно спросил Сто Второй.

— Потому что об этом могли узнать Останавливающие.

В объеме гнезда управления установилась тишина. Члены экипажа переваривали полученную информацию. Первый Поднимающийся смотрел на них с пониманием и сочувствием. Он-то знал о цели полета с самого начала.

«Проникающий» изменил курс на десять градусов и окутался слоем анизотропного вакуума, вспарывая пространство со скоростью, в сто тысяч раз превосходящей скорость света. А на второй день после поворота корабля следящие системы зафиксировали погоню.

Сначала Девятьсот Девяносто Девятый, отвечающий за безопасность экспедиции и защиту космолета, принял догнавшее их тело за второй корабль родной цивилизации, посланный для поддержки первого; с расстояния в пять световых единиц форму и размеры тела определить было трудно. Затем стало ясно, что это не пространственный преодолеватель, использующий принцип «вакуумной смазки». Тело — сфера идеальной формы, отражающая многие виды излучений, — двигалось иначе, прыжками, исчезая в одной точке пространства и появляясь в другой, но уже ближе к «Проникающему», и скорость его была в результате почти вдвое больше, чем у корабля мантиоптеров. Вскоре сферу можно было разглядеть на экране обзора, невозмутимо мчавшуюся вприпрыжку за кормой корабля.

— Что это такое? — осведомился встревоженный Сто Второй.

Никто ему не ответил, даже командир, хотя он и догадывался о характере погони.

— Мы можем увеличить скорость? — не унимался Сто Второй.

Первый молча отдал приказ обслуживателю, и космолет начал новый разгон, сотрясающий метрику пространства примерно так же, как крейсер взбаламучивает воду, создавая за кормой кильватерный след.

Зеркальная сфера отстала, затем снова подтянулась к «Проникающему», держась в пределах прямой видимости, не отставая и не перегоняя его.

Космолет достиг максимальной скорости, в двести тысяч раз превосходящей скорость света. Сфера начала отставать, но снова догнала корабль. Тогда командир принял решение атаковать ее имеющимися на борту средствами активной защиты.

Попытки связи с преследователями и подготовка атаки не заняли много времени. Убедившись, что неведомые повелители зеркальной сферы не собираются контактировать, командир «Проникающего» отдал приказ уничтожить сферу, и Девятьсот Девяносто Девятый, занявший особое гнездо боевой зоны корабля, открыл по ней огонь из метателя антиматерии.

Однако ничего не произошло!

Сгусток антипротонов врезался в отражающее свет как зеркало тело сферы и пропал, будто нырнул в бездонную пропасть. Сфера как ни в чем не бывало продолжала полет, но уже не в режиме «мигания», а как обычный преодолеватель пространства, имеющий генератор «вакуумной смазки».

Девятьсот Девяносто Девятый повторил атаку.

Новый антипротонный луч вонзился в бликующую поверхность сферы. Его энергии хватило бы для испарения одного из морей родной планеты мантоптеров. Однако и на этот раз луч бесследно канул в недра гигантского зеркального шара, не вступая в реакцию аннигиляции с его веществом.

— В чем дело? — неприятно удивленный Сто Второй посмотрел на командира. — У нас нет оружия помощней?

— Возможно, материал сферы имеет экзотические свойства, — проговорил Прокладывающий Курс. — Мы уже сталкивались в системе с телами, частицы которых имеют отрицательную массу.

— Левая материя? — скептически хмыкнул Двести Шестой.

— Попытайся разрезать его монохроником, — посоветовал Сто Второй.

Девятьсот Девяносто Девятый привел в действие лазерное устройство, но с тем же результатом: высокоэнергетический луч света бесследно утонул в теле сферы, вызвав лишь слабенький лучик отражения. По всей видимости, шар дей-

ствительно отражал только фотоны в узком диапазоне электромагнитного спектра, поглощая все остальные виды энергии и материи.

— Запускаю ядерный резонатор, — доложил Девятьсот Девяносто Девятый, имея в виду взрывное устройство на основе спонтанного ядерного распада.

Однако запустить ракету с атомной бомбой мантоптеры не успели, сфера вдруг ответила на их атаки, выпустив по космолету точно такой же антипротонный сгусток, каким угостили ее. Девятьсот Девяносто Девятый едва успел перестроить защитные экраны «Проникающего» таким образом, чтобы отклонить сгусток, а затем второй и — через некоторое время — третий, но уже не антипротонный, а лазерный. Впечатление было такое, будто выпущенные космолетом лучи проникли внутрь сферы, поплутали там и вылетели обратно, практически не изменившись.

— Великий Всевидящий! — пробормотал ошеломленный Сто Второй (ругаться мантоптеры не умели). — Что за жаба нас догнала?! Неужели мы не можем от нее оторваться?

— Мы и так идем на пределе.

— Внимание, включая форсаж! — предупредил экипаж Первый Поднимающийся.

«Проникающий» устремился вперед с возрастающей скоростью, жадно глотая энергию запасных генераторов хода. Все помещения космолета заполнил низкий гул: корпус преодолевателя пространства начал резонировать в унисон с пульсацией защитных полей.

Зеркальная сфера, выворачивающая «наизнанку» все, что в нее попадало, начала отставать и вскоре затерялась в черноте космоса на фоне россыпи звезд и далеких галактик. Еще некоторое время мантоптеры вглядывались в пустой экран обзора, ожидая доклада искусственного интеллекта корабля о маневрах погони, и лишь потом расслабились, позволив себе отметить это событие глотанием «жидкости счастья», приводившей их в легкое эйфорическое состояние.

Не пил «счастье» лишь командир «Проникающего», почувствующий близкую беду. До цели полета оставалось чуть больше половины пути — около восемнадцати тысяч световых единиц, и все еще могло повториться.

* * *

Предчувствия Первого Поднимающегося сбылись, когда до спирального рукава Галактики, в котором находилась желтая звезда Солнце — цель экспедиции, осталось каких-то две тысячи планетарных циклов. На той скорости, с какой мчался сквозь пространство корабль миссии, ему требовался для преодоления оставшегося отрезка пути всего один суточный цикл, а то и меньше. Он уже был в пределах внешнего спирального рукава Галактики и слегка изменил курс, точно нацеливаясь на Солнце, и в этот момент обслуживатель корабля доложил о появлении в кильватере знакомой зеркальной «жабы». Преследователи догнали «Проникающий». А командир космолета вдруг понял, что отставание погони было просто хитрым маневром. Преследователи не знали, куда направляется корабль, и появились, как только определился курс и стала видна цель экспедиции.

— Внимание! — объявил Первый Поднимающийся. — Тревога первой степени! Начинаем маневр сближения и атаки! Шанс — один из тысячи, что мы уцелеем. Прошу приготовиться к небытию.

— Что ты задумал, командир? — подал голос Сто Второй.

— Мы пошлем к Солнцу автономную капсулу с посланием и атакуем преследователей в режиме «таран».

Тишина в гнезде управления.

— Может быть, есть другое решение? — нарушил молчание Прокладывающий Курс.

— Я его не вижу.

— Но мы не использовали всего нашего арсенала...

— Его недостаточно, нужен нестандартный подход. За нами идет не просто погоня Останавливающих. Это сферический хроноинверсор.

Пауза. Возглас Двести Шестого:

— Сохрани нас Всевидящий!

— Почему ты уверен, что Останавливающие послали за нами хроноинверсор? — спросил Сто Второй. — Зачем? Он не сможет нас остановить.

— Но сможет задержать, — тяжело сказал Первый Поднимающийся. — Тогда наша миссия теряет смысл. К тому же инверсор послан не за нами. Останавливающим нужно было узнать, куда мы направляемся, чтобы предотвратить утечку информации о положении дел в Метагалактике. Они

своей цели добились. Теперь на очереди — те существа, которым мы должны передать послание. Оно дойдет, если только мы уничтожим посланца Останавливающих. Вы готовы?

Долгая пауза.

— Другого выхода нет?

— Нет.

— Тогда мы готовы, — ответил за всех Прокладывающий Курс.

— Начинаем маневр.

Корабль увеличил скорость.

Зеркальная сфера начала отставать, и некоторое время казалось, что он оторвется от преследования, но спустя несколько долей суточного цикла она снова догнала корабль, и Первый привел в действие разработанный план.

Гигантский космолет вдруг сделал неожиданный пространственный кульбит: прыгнул вверх — вниз, влево — вправо, развернулся носом к настигавшей его сфере и ощутимо «уперся в вакуум» — затормозил, на мгновение выключив генератор «вакуумной смазки». И преследователи не успели затормозить, чтобы избежать столкновения. Но перед тем, как столкнуться лоб в лоб, Девятьсот Девяносто Девятый выстрелил из корабельного деформатора, изменяющего метрику пространства, и словно огромным ножом буквально вспорол сферу как воздушный шарик.

Деформатор — по сути преобразователь кривизны пространства — изменил топологию сферы таким образом, что она «лопнула» и «вывернулась наизнанку» сама, пропустив сквозь себя корабль мантоптеров. Затем она развернулась в сложной формы «цветок», напоминающий земную гвоздику, и стала складываться в плоскость, пока не превратилась в идеальный зеркальный квадрат, продолжавший лететь в прежнем направлении и с прежней скоростью. Корабль мантоптеров отразился в нем во всех деталях, догоняя это чудовищное «зеркало», и обслуживателю космолета с трудом удалось избежать столкновения: «Проникающий» тоже продолжал мчаться в прежнем направлении кормой вперед, оказавшись позади бывшей сферы благодаря своему маневру.

Они сбросили скорость, наблюдая, как гигантский плоский зеркальный лист уносится в темноту космоса, отражая звезды и туманности, затем командир напомнил экипажу о выполнении служебных обязанностей, и очнувшийся Про-

кладывающий Курс занялся наведением «Проникающего» на цель. Вскоре космолет, на безопасном расстоянии миновав «зеркало», устремился к звезде людей — Солнцу, до которой оставались всего доли суточного цикла полета. Неожиданная метаморфоза сферы на мантоптеров особого впечатления не произвела, их техника тоже могла вытворять подобные фокусы с формой предметов, а о смысле происходящего должны были размышлять исследователи, сородичи с соответствующим образованием и функциональным предназначением. Таких мантоптеры обычно называли «яйцеголовыми».

При подходе к Солнечной системе «Проникающий» сбросил скорость до десяти световых и вошел в нее уже не так стремительно, как покидал окрестности родной планеты. Всего местная система насчитывала девять крупных планетарных тел, около двух тысяч тел размерами поменьше и множество искусственных сооружений, но корабль направился сразу к третьей планете системы, на которой обитали люди.

Беда случилась, когда космолет пролетал мимо второй с краю планеты, которую хозяева системы называли Ураном.

Внезапно впереди по ходу корабля, всего в тысячных долях радиуса орбиты планеты мантоптеров, объявился такой же преодолеватель пространства, шедший встречным курсом. Расстояние между ним и «Проникающим» было столь мало, что ни Прокладывающий Курс, ни обслуживатель корабля не успели предотвратить столкновение или отвернуть в сторону. Шедший на скорости в десять световых космолет мантоптеров врезался в лоб чужаку... и промчался сквозь него, как сквозь голографический призрак!

«Зеркало!» — успел подумать Первый Поднимающийся, прежде чем потерять сознание. Это всего лишь зеркальное отражение...

В следующее мгновение в гнездо управления хлынула тьма, и пятерка мантоптеров перестала что-либо ощущать. Никто из них уже не увидел, как «Проникающий в глубины», вонзившийся в зеркальный лист хрономембраны, через несколько долей суточного цикла вылетел обратно, странным образом развернувшись в неведомых измерениях «зеркала», и направился туда, откуда прибыл, к границам Солнечной системы, только с гораздо меньшей скоростью. Радарные комплексы людей, следящие за пространством Солнечной

системы, засекли его в тот момент, когда он пересекал орбиту Плутона.

Однако экипаж корабля к этому моменту был уже мертв.

Глава 2

НЕБОЛЬШИЕ ЛИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Сначала их было трое на плоту, неторопливо дрейфующем по водной глади Валлес Маринерис — Великой Марсианской Долины, расположенной в экваториальной области Марса в окружении величественных стен гигантской системы каньонов. Потом Ходя (Хасид Хаджи-Курбан, перс, уроженец Исфахана, безопасник-бобер¹, полковник и друг Кузьмашина) и Гера (Герман Алнис, социолог по образованию, лирик по натуре, ксенопсихолог, сотрудник Института внеземных культур, поэт и сорвиголова) почти одновременно получили вызовы из своих засекреченных контор и улетели. Таким образом Кузьма (Кузьма Ромашин, двадцати девяти лет от роду, специалист-теоретик в области таймфазовой физики, женатый, детей нет; шатен, метр восемьдесят росту, лицо открытое, глаза карие, упрямый подбородок, крупные губы, нос далеко не греческого происхождения) остался на плоту один. Торопиться ему было некуда, в Институте ТФ-проблем его ждали через месяц, отпуск же только начинался, и к рабочему комбайну еще не тянуло. А отсутствие на плоту жены объяснялось двумя причинами. Первая: отдыхать собирались сугубо мужской компанией. Вторая: Алевтина все равно не полетела бы с мужем на Марс, предпочитая отдыхать в более комфортных условиях в окружении друзей, бездельников и трепачей, называющих себя «служителями муз» или «артистами свободного поиска».

Аля действительно когда-то закончила театральный институт, некоторое время работала в Магаданском театре оперетты, потом переехала в Петербург, вышла замуж за Кузьму и устроилась в знаменитый Мариинский театр, которому исполнилось уже почти полтысячелетия. Однако в Мариинке она не прижилась, имея довольно склочный характер (Кузь-

¹ Бобер — боец обоймы риска (жаргон спецслужб УАСС).

ма поначалу считал эту ее черту склонностью к независимости), и кочевала из театра в театр по всей Земле, нигде не задерживаясь подолгу. Признаваться же в малом калибре таланта ей не хотелось, женщиной она была красивой и все неудачи привычно сваливала на мужа. В результате чего, прожив с ней пять лет, Кузьма понял, что их брак был ошибкой. Уйти от Алевтины следовало еще четыре года назад, когда у нее завелись друзья, бесцеремонно вмешивающиеся в семейную жизнь Ромашина.

Над головой раздался писк.

Кузьма лениво открыл глаз, увидел радужную кружевницу — бабочку Марса размером с две ладони, и снова зажмурился, подставив лицо лучам солнца.

Солнце с поверхности Марса виднелось размером с человеческий зрачок и почти не грело, но благодаря искусственно созданному парниковому эффекту практически на всей экваториальной полосе планеты от шестидесятого градуса южной широты до шестидесятого градуса северной было тепло. Летом в иных местах температура поднималась до плюс тридцати пяти по Цельсию, зимой на равнинах не опускалась ниже восемнадцати, и лишь на плато и выше — на горных складках царил тридцатиградусный мороз. По сути, после появления атмосферы, таяния подкорковых льдов полярной шапки и создания лугов и лесов Марс превратился в одну из самых комфортных зон отдыха в Солнечной системе с немного меньшей, чем на Земле, силой тяжести¹, что, естественно, доставляло удовольствие всем отдыхающим и проживающим здесь и способствовало хорошему настроению. В том числе — Кузьме Ромашину, избравшему романтическое путешествие на плоту по рифтовой долине длиной около трехсот километров.

Конечно, внезапное отбытие друзей на Землю на некоторое время повергло его в уныние, однако все же он решил достичь намеченной цели: они намеревались пересечь Валлес Маринерис по диагонали, провести несколько дней в заповеднике Эола с его причудливым ландшафтом и лишь потом стартовать домой на Землю. Покинуть же Марс труда не составляло: Кузьма, как и любой другой специалист с высо-

¹По последним данным ускорение свободного падения на Марсе равно не 3,74, а 8,39 метра в секунду.

ким социальным статусом, имел тайф и мог в любой момент «внедрить» себя в систему метро, соединявшую все планеты и спутники, а также искусственные сооружения человеческой цивилизации, почти полностью обжившей околосолнечное пространство. Тайфом называли разработанный еще дедом Филиппом ТФ-эмиттер, позволявший обходиться без громоздких передающих и приемных антенн, и Кузьма пошел по его стопам, закончив семь лет назад Московскую физическую академию и став теоретиком тайфага. Теперь он был уже доктором наук, ведущим специалистом Института ТФ-проблем и метил в академики, значительно продвинув науку вперед. Мешала ему в этом лишь авантюрная жилка, присущая всему роду Ромашиных, заставляющая иногда резко менять направление деятельности, жизненные концепции, философские установки (но — не принципы!) и при этом попадать в опасные ситуации.

Таков был дед Кузьмы Филипп, которому пошел девяносто пятый год, но который все еще работал директором Управления аварийно-спасательной службы (УАСС). Лет семьдесят назад он, конструктор тайфаговой аппаратуры, вдруг ушел из Института ТФ-связи в службу безопасности УАСС и с тех пор сам стал частью этой системы, отвечающей за безопасность человечества.

Таков был отец Кузьмы Игнат Ромашин, безопасник, пограничник, косморазведчик, рисковавший жизнью сотни раз и едва выживший после столкновения с Артефактом, которому дали название Спящий Джинн или Демон. Случилось это около сорока лет назад, когда Кузьмы и в проекте не существовало, но историю он знал досконально, тем более что сохранились записи контакта спецслужб с Артефактом — забытым на Земле миллионы лет назад «роботом, выполняющим желания». Многие тогда хотели включить этого «робота», добиваясь своих личных целей, пока не произошла экологическая катастрофа и люди не поняли, что если Спящий Джинн и исполняет желания, то только не человеческие.

Слава богу, за ним прилетели создатели, вспомнившие о ценном объекте, так и не пожелавшие вступить в контакт с людьми, забрали своего «робота», и все закончилось более или менее благополучно. А главную роль в этом деле сыграл отец Кузьмы, протаранивший Демона и заставивший его оч-

нуться от миллионнолетнего сна, оценить ситуацию и убраться с Земли.

Два года после этого Игнат Ромашин пролежал в коме, но все-таки выжил и снова влился в ряды безопасников. В свои шестьдесят шесть лет он все еще занимался боевыми искусствами и работал комиссаром погранслужбы УАСС. Однако приучить к единоборствам сына ему не удалось. Ромашин-младший не полюбил этот вид самореализации, хотя спортом занимался — довольно неплохо играл в гимнасион¹. Отец и мать Кузьмы жили под Волоколамском, на берегу небольшого живописного озерца, и Кузьма, давно имевший свое жилище в Московском мегаполисе (Строгинская жилая гроздь, сто десятый уровень, парковое кольцо, зона тысяча первая), любил гостить у них в свободное от работы время. Правда, удавалось это нечасто, ритм работы комиссара погранслужбы не позволял отцу отвлекаться от дел надолго.

Снова раздался прерывистый настойчивый писк.

Над плотом кружили уже три кружевницы и явно требовали от лежащего человека еды. Эти существа на самом деле были не бабочками, а термитами, завезенными на Марс и претерпевшими мутацию. Как правило, они селились возле человеческих жилищ и нахально требовали пищи. Кузьма перевернулся на бок, кое-как дотянулся до походной кухни, достал из блокпласта банку сгущенки. Открыв, поставил на край плота и стал смотреть, как кружевницы длинными хоботками едят сгущенку. Потом искупался в прозрачно-зеленоватой воде, испытывая восхитительное чувство легкости, и включил интервижн, чтобы послушать новости.

Ничего особо выдающегося узнать он не надеялся, по привычке меняя каналы и выбирая спортивный, однако неожиданно заинтересовался сообщением Информцентра Солнечной системы об обнаружении искусственного объекта за орбитой Плутона. Объект больше всего напоминал суковатое полено размерами десять на полтора километра и представлял собой гигантский космический корабль. Как он оказался у границ Системы, почему следящие устройства, контролирующие пространство Системы, не заметили его приближения, в сообщении не говорилось.

¹Игра в мяч (ведение мяча сквозь систему колец) с элементами гимнастики в условиях пониженной силы тяжести.

И еще одно известие неприятно подействовало на Кузьму: так называемые «мертвяки» — «мертвые зеркала» появились уже не только на других планетах Системы, но и на Земле. «Мертвяками» же их назвали по той простой причине, что от обычных «хронозеркал», возникших в Солнечной системе и вообще в Галактике более семидесяти лет назад, они отличались смертельным воздействием на человека и вообще на любое живое существо. Если в простое «зеркало» можно было войти как в дверь и выйти через какое-то время обратно живым и невредимым — время задержки варьировалось от минут до нескольких дней, — то войдя в «мертвое зеркало», человек возвращался уже мертвым. Без всяких видимых причин. Медики пришли к выводу, что у людей просто останавливалось сердце. И таких случаев с момента обнаружения «мертвяков» насчитывалось немало.

Выключив аппарат объемной видеоинформсети, Кузьма поразмышлял над услышанным, оглядел акваторию озера, сильно вытянутого в меридиональном направлении и сверху похожего на банан, заметил в лесу на западном берегу столбик дыма: там явно жгли костер, — и решил устроить себе праздник знакомства. Одному отдыхать уже поднадоело, захотелось внести в размеренную растительную жизнь толику разнообразия.

Кузьма развернул десятиметровой длины плот, сварга-ненный из четырех полос пенокремне-лита, идущего на строительство подземных холодильников, прочного и легкого, как пробка, и погнал его к берегу, используя небольшой струйный движитель. До берега было километров семь, и когда плот приткнулся к темно-коричневым базальтовым столбам и валунам, еще недостаточно обточенным прибоем, солнце заметно сползло к горизонту. Наступал вечер, шестой вечер на озере Валлес и седьмой вообще на Марсе, куда прибыла троица друзей с Земли, уповающая на увлекательный и необременительный отдых.

Кузьма вздохнул. Ходя и Герка давно были на Земле и лишь позвонили по разу, не обещая скорого возвращения. А отпуск без них все-таки терял смысл.

Кузьма вспомнил, как два дня назад, когда они были еще вместе, над озером пролетели на антигравях две девушки, транспортирующие за собой капсулу стандартного турком-плекса. Они искали место для стоянки и приглашали друзей

в гости. Герка, необычайно быстро сходящийся с людьми, даже пообещал завернуть к ним на чай. Одна из девушек, блондинка с роскошными золотыми волосами, весьма заинтересовала ксенопсихолога, не обремененного узами брака, она понравилась и Кузьме, ответив ему заинтересованным взглядом, но познакомиться они не успели. Спутница блондинки потянула ее за собой, и они умчались вперед, скрывшись за полосой тумана. Теперь Ромашин прикидывал, не принадлежит ли костер, дым которого он обнаружил, биваку незнакомок. После разлуки с друзьями это было бы неплохой компенсацией за одиночество.

Привязав плот к одному из валунов, Кузьма натянул шорты, белую футболку и кроссовки, положил в гостевую сумку бутылку шампанского, коробку конфет (все это богатство принадлежало Герману, предусмотрительно запасшемуся атрибутами знакомства именно на такой случай), нацепил пояс-антиграв и поднялся над береговой линией на десяток метров.

Струйка дыма, которую он заметил с озера, несколько посветлела, но была видна хорошо на фоне серо-фиолетовой стены рифта. До нее было всего около двух километров по прямой, но если бы Кузьма решил идти пешком, преодолеть каменистый, усеянный обломками скал и валунами береговой откос ему пришлось бы не менее часа, несмотря на меньшую, чем на Земле, силу тяжести.

Под ногами поплыли трещины, изломы скал, ямы с водой, пласты горных пород, покрытые зеленоватым налетом ила и водорослей. Чуть выше этот налет сменился куртинами голубоватого мха, а у самой стены каньона рос уже настоящий кустарник — марсианский можжевельник, крапивник, суходол, буревей, переходивший в редкий лес, состоящий из плосковершинных сосен и карликовых — не выше трех метров — секвой. Секвойи на Марс завезли американцы еще двести лет назад, надеясь, что эти земные гиганты покорят марсианские просторы, но секвойи хоть и выжили в суровых условиях чужой планеты, расти, как на Земле, до двухсотметровой высоты отказывались.

Вскоре Кузьма услышал музыку, шум и среди высоких столбовых скал заметил палатки лагеря: их оказалось не две, как он думал, а целых восемь. Настроение слегка упало. Он надеялся еще раз увидеть золотоволосую незнакомку с теп-

лыми янтарными глазами, но ей с подругой хватило бы и одной, в крайнем случае двух палаток, а тут располагалось восемь, что означало: лагерь принадлежал какой-то большой группе путешественников. Золотоволосая девушка здесь скорее всего не отдыхала.

Однако делать было нечего, отступить не хотелось, и Кузьма опустил на каменистую марсианскую почву, еще не измененную травой так, как на Земле. Последние полсотни метров до лагеря он решил пройти пешком.

Прислушиваясь к долетавшим из лагеря звукам, он медленно двинулся вперед, разглядывая скалы и деревья.

Местность здесь была живописная, скалы диаметром от двух до десяти метров и высотой до сорока-пятидесяти придавали ей необычный «археологический» колорит. Так и казалось, что сейчас он увидит жилище марсианина или его самого с копьем в руке. По-видимому, лагерь отдыхающие разбили в этом месте не случайно, о чем говорил и ручей, сбегаящий к озеру по камням. Подумалось, что здесь поработали ландшафтные операторы, создавшие уголок «дикого» отдыха для какой-то важной персоны.

Кузьма остановился, зачерпнул пригоршню воды, попробовал на язык. Вода была вкусная, пресная, колючая, как нарзан, и пахла мятой. А поскольку ключей и минеральных источников на Марсе не водилось, Кузьма сделал окончательный вывод: источник создали искусственно, а скалы обработали для придания ландшафту «археологической законченности». Это подтверждало прежнее заключение Кузьмы о вмешательстве в пейзаж терраформистов. Захотелось посмотреть на людей, отдыхающих в этих местах, ради которых хозяйственники пошли на значительные затраты для облагораживания дикой природы.

Кузьма двинулся было дальше и вдруг услышал голоса. Невольно сбавил шаг, прислушиваясь, потом и вовсе остановился. Разговаривали двое: мужчина и женщина — и, судя по эмоциональной окраске речи, ссорились.

— В конце концов, я мог бы тебя и не приглашать, — зло бросил мужчина.

— Тогда зачем пригласил? — сдавленным голосом отозвалась женщина.

— Да уж не для того, чтобы ты демонстрировала свою зависимость. Если ты со мной, изволь делать то, чего я хочу.

— А если не хочу я?

— Тогда не надо было соглашаться. Я специально выбрал место с «зеркалом», угрохал уйму кредитов на подготовку лагеря, пригласил известных людей, и после этого ты закатываешь истерику на глазах у всех и выставляешь меня на посмеище!

— Я не игрушка и не твоя вещь! Со мной так нельзя...

— Я так хочу, поняла?! И будет по-моему! Если я тебя хочу, ты будешь моей где угодно, даже в зале приемов Правительства, даже на Солнце!

— Не буду!

— Будешь!

Возня, стук раскатывающихся камней, тихий вскрик:

— Пусти, мне больно!

Кузьма без колебаний шагнул вперед, отбрасывая ногой камни, чтобы его услышали, и увидел борющихся собеседников. Мужчина повалил женщину, одетую в шорты и майку, на землю и пытался снять с нее шорты, затем одним движением разорвал на ней майку и дал пощечину. Женщина снова вскрикнула.

— Эй, красавец, — окликнул Кузьма. — Нельзя ли обращаться с дамой повежливей?

Мужчина гибко вскочил, оглядываясь, яростно сверкнул глазами. Он был выше Кузьмы на голову и шире в плечах, великолепно сложен, красив, смугл, курчав, носил бородку и усы. Кузьма перевел взгляд на поднимавшуюся женщину и вздрогнул: это была та самая золотоволосая незнакомка, с которой их свела судьба два дня назад. Она попыталась натянуть майку, закрыла грудь рукой и торопливо пошла к лагерю. Мужчина оскалится, догнал ее в два прыжка, рванул за плечо, разворачивая к себе, и дал еще одну пощечину.

— Ты уйдешь, только когда я тебе позволю! Поняла?—Он оглянулся на Кузьму. — А ты проваливай отсюда, пока я не позвал охрану!

Кузьма увидел слезы, стекающие по щекам девушки, и покачал головой.

— Сударь, вы не джентльмен. Она не хочет быть с вами, зачем же удерживать ее силой?

— Проваливай, я сказал, защитник хренов! — Мужчина толкнул девушку в спину. — Иди в лагерь, там поговорим.

В то же мгновение какая-то сила оторвала его от земли и

отбросила в сторону. Кубарем прокатившись по каменистому пригорку, он ошеломленно вытаращил глаза и на несколько мгновений затих, затем вскочил.

— Ты... меня... ударил?!

— Остановил, — спокойно сказал Кузьма, поворачиваясь к незнакомке. — Извините, вас проводить?

— Не вмешивайтесь, — покачала головой незнакомка. — У вас могут быть неприятности. Это мое личное дело.

— Может быть, вас проводить на Землю? У меня есть тайф.

— Не надо, я справлюсь сама, уходите.

Девушка вытерла ладошкой мокрые щеки, на одной из которых рдело пятно от удара, и быстро зашагала к лагерю.

— Стой, Екатерина! — рявкнул смуглолицый красавец.

Но она не откликнулась, скрылась за скалой. Тогда мужчина посмотрел на Кузьму, раздвинул губы в нехорошей усмешке и проговорил, растягивая слова:

— Что ж, рыцарь, ты сам захотел на свою задницу приключений, и ты их получишь! Придется тебя проучить, чтоб неповадно было связываться с уважаемыми людьми. Ты же понимаешь, что бывает со свидетелями, попадающими не в то место и не в то время.

— Еще раз ее ударишь — поломаю руки! — глухо сказал Кузьма, включая антиграв.

— Я же тебя везде достану! — донеслось с земли.

— Я тебя тоже, — пообещал Ромашин.

На берег озера он возвращался в недобром расположении духа. Угроз незнакомца Кузьма не боялся, но сам факт конфликта подействовал на него угнетающе. А главное, не хотелось верить, что золотоволосая девушка является женой мерзавца, поднявшего на нее руку, или же любовницей.

Кузьма бросил сумку с шампанским и конфетами в палатку, отвязал плот, собираясь отчалить, и в этот момент из-за скал посыпались с воздуха на берег мужчины в ярких нарядах популярной объемной расцветки по моде «какаду». Всего их было семеро, а возглавлял отряд смуглолицый красавец, не стеснявшийся поднимать руку на женщину.

— Никак ты куда-то спешишь, приятель? — осклабился он. — Погоди, мы еще не договорили. — Он обернулся к своим сопровождающим. — Парни, этот козел напал на Катю и пытался изнасиловать. Накажем мерзавца?

— По полной программе, — отозвались парни, кидаясь сверху на Кузьму.

Тот понял, что отдых его закончился, чем бы ни закончилась «встреча». Драться, доказывать свою правоту не хотелось, но и покорно ждать расправы от компании каких-то высокопоставленных подонков не стоило. Молодые ребята жаждали развлечений, и эти развлечения им надо было предоставить. По полной программе. Впервые в жизни Кузьма пожалел, что не послушался отца и не стал мастером рукопашного боя.

Он вздохнул, одним движением застегнул антиграв и ввинтился в воздух, избегая рук и ног первых нападавших.

Собственно, боем эту воздушно-наземную свалку назвать было трудно. Самыми опасными из всей компании были только двое парней в серых комби — та самая охрана, о которой упоминал смуглолицый богатырь. Они владели рукопашкой, как говорил Ходя, и быстро перекрывали Кузьме пути для маневра. Остальные только размахивали кулаками и сильно вопили, вероятно, считая себя крутыми бойцами. Однако их было много, и справиться с ними Кузьма не мог. Спустя минуту он был сбит на камни, и за него принялся предводитель компании, судя по специфике движений, владевший одним из так называемых «ближневосточных» стилей, присущих адептам боевых искусств Междуречья. Кузьма любил наблюдать за тренировками Ходи и знал, что это такое.

Смуглолицый красавец был выше, шире и мощнее сухощавого на вид, без чрезмерно развитой мускулатуры Кузьмы, и если бы не слишком много говорил, издеваясь над соперником, явно рассчитывая на психическую поддержку приятелей, то быстро расправился бы с неопытным противником, метя в так называемые «точки смерти» на его теле. Он явно хотел покалечить Ромашина или вообще убить. Когда Кузьма понял его намерения, демонстрировать свою решительность ему окончательно расхотелось. К тому же берег марсианского озера мало походил на арену спортивных состязаний, на которой можно было бороться без риска сломать себе шею. Поэтому Кузьма, получив несколько мощных ударов в грудь и в голову, собрался включить свой тайф и сбежать, но не успел: ударом выпрямленной руки в грудь смуглолицый отбросил его на камни. Оглушенный Кузьма

грохнулся спиной о валун и сполз по каменистой осыпи к воде.

— Это будет тебе хорошим уроком, — осклабился смуглолицый. — В следующий раз подумай, прежде чем вмешиваться в чью-то личную жизнь. Вставай, я еще не закончил тренировку.

Кузьма с трудом встал.

Смуглолицый шагнул к нему, начиная картинный разворот для удара, и в этот момент откуда-то вынеслась рубиновая нить, и камень под ногой парня пересекла огненная черта. Он остановился, выхватывая оружие, оглянулся.

Из-за скал появилась летящая на антиграве золотоволосая женщина, одетая в походный комби-костюм песочного цвета. В одной руке она держала большую белую сумку, в другой — пистолет, называемый в обиходе «универсалом».

— Оскар! Прекрати!

Смуглолицый оглянулся.

— Катя?! Почему ты здесь? Кто тебе позволил покинуть лагерь?

— Я сама себе позволила. Опusti «универсал»!

— Ты не понимаешь...

Катя выстрелила, но использовала на сей раз не лазерный импульс, а плазменный разряд. Бледный сгусток вихрящегося перламутрового пламени ударил под ноги Оскару, он отшатнулся и едва не сорвался со скалы вниз. Изумленно вскрикнул:

— Ты что, с ума сошла?! Ты же чуть в меня не попала!

— Брось пистолет и уходи.

Оскар оглянулся на приятелей, не знавших, что делать в такой ситуации, пожал плечами и спрятал «универсал» под куртку.

— Хорошо, я найду этого засранца позже. Не скажешь, куда ты собралась?

— Тебя это не касается. — Девушка опустила рядом с Кузьмой, удивленно наблюдавшим за ней, помогла ему встать и добраться до плота. Встретила его взгляд, невесело скривила губы.

— Вы так и будете стоять столбом? Поплыли.

Кузьма с готовностью включил движитель, задал автомату курс, и плот двинулся прочь от берега.

— Эй, мастер, — насмешливо позвал Ромашина Оскар, —

ты с ней поосторожней в постели, она и укусить может. Лучше привязывай.

В то же мгновение Кузьма выхватил у девушки «универсал» и выстрелил, используя его в качестве полевого разрядника. Невидимый сгусток силового поля вонзился в скалу, на которой стоял Оскар, раздробил ее на куски, и смуглолицый с воплем свалился вниз, на камни, сразу умерив красноречие. Послышались невнятные восклицания, ругань, шум камней, приятели Оскара бросились вытаскивать его, мешая друг другу, и девушка рядом с Кузьмой невольно засмеялась. Потом покачала головой и нахмурилась.

— Напрасно вы так с ним, Оскар злопамятен и обязательно отыщет вас, чтобы отомстить.

— Он слишком много говорит. — Кузьма протянул ей «универсал». — Извините, не сдержался, но хамства не терплю ни в каком виде. Откуда у вас оружие?

— Неважно. Я имела в виду другое. Оскар — сын Артура Мехти, знаете такого?

— Нет.

Девушка удивленно взглянула на Ромашина.

— Артур Мехти — министр общественной безопасности Правительства Земли.

— А-а... То-то этот красавчик показался мне знакомым, отца-то я лицезрел в новостях. Да вы не волнуйтесь за меня, я ведь тоже не беззащитен. У меня тоже есть друзья.

— Как вас зовут, рыцарь? — Катя окинула исцарапанное лицо Ромашина оценивающим взглядом.

— Кузьма.

— И все?

Кузьма засмеялся.

— Кузьма Ромашин, физик-теоретик, ведущий спец института ТФ-проблем. Достаточно?

— Вполне.

— А вас, кажется, зовут Катей?

— Екатериной. Катя я для знакомых, Катька — для друзей. — Она по-новому взглянула на лицо Кузьмы с упрямой складкой губ и прозрачно-кариими глазами. — Комиссар погранслужбы Игнат Ромашин случайно не родственник вам?

— Отец.

Брови Екатерины прыгнули вверх. В ее взгляде сквозь любопытство и удивление протаяло уважение.

— Надо же, какая встреча. А я Катя Лапарра, внучка Яна, советника СЭКОНа¹. Не помните такую фамилию? Ваш отец и мой дед когда-то работали вместе в секторе безопасности УАСС.

— Отец мне рассказывал. Действительно, мир тесен. А как вы оказались среди... этих... любителей острых ощущений?

Свет в глазах Екатерины погас, она отвернулась.

— Подруга уговорила.

— Та самая, с которой мы вас встретили?

— Да, это она, Майга.

— Судя по поведению, Оскар — не муж вам?

Катя искоса посмотрела на Кузьму.

— Это имеет какое-то значение?

— Никакого, — покачал он головой. — Просто меня поразили ваши отношения.

Она покраснела, отошла к краю плота, повернулась спиной к Ромашину, глядя на заходящее солнце. Помолчав, проговорила с какой-то необычной тоской:

— Оскар меня спас... рисковал жизнью... и я ему должна быть благодарна.

Но не до такой же степени, хотел возразить Кузьма, однако вслух говорить это не стал. Подкорректировал курс плота, направляя его на северо-восток, к горам Эола, до которых оставалось не так уж и много — километров сорок пути, и занялся уборкой в палатке, мечтая о том, что Катя останется с ним на плоту до конца путешествия. Однако все вышло иначе.

— Где же ваши друзья? — очнулась девушка от каких-то горестных воспоминаний.

— Увы, они себе принадлежат реже, чем хотелось бы. — Кузьма вылез из палатки с надувным матрасом в руках. — Обоих вызвали по какой-то надобности, и я теперь кочую в одиночестве. Если хотите, располагайтесь в палатке, там вполне уютно и тепло, а я переночую на открытом воздухе.

— Спасибо, я, пожалуй, воспользуюсь вашим тайфом, если он у вас действительно есть. Не хочется больше здесь оставаться.

— Что ж, дело ваше. — Кузьма с разочарованием вынес из палатки персональный тайф — тяжелый браслет из лосня-

¹ К Н — Комиссия социального и этического контроля за опасными исследованиями (отдел ВКС).

шегося чернотой материала с выпуклым синим глазом антенны. О таком в свое время мечтал дед Филипп, рассчитавший вошедшую во все учебники физики «формулу Ромашина».

— Вам его вернут, — усмехнулась Екатерина, застегивая брашлет на запястье, — не переживайте.

— Я не переживаю.

— Спасибо за помощь, рыцарь. Может быть, вам тоже не стоит оставаться одному? Этот аппарат вполне потянет двоих.

— Нет, я еще попутешествую.

— Будьте осторожны, не лезьте на рожон, если Оскар начнет вас провоцировать. Я уже говорила: он злопамятен.

— Как-нибудь справлюсь. Я могу надеяться на встречу с вами?

Девушка приподняла бровь, разглядывая нарочито простодушное лицо Ромашина, снова улыбнулась.

— Не обещаю, это зависит не только от меня. Но кто знает? Прощайте.

Над синим глазом антенны тайфа за клубилась серебристая пыль, окутала фигуру девушки снежным вихрем, затем этот вихрь сжался в тонкий луч, ударивший в зенит, и погас. Золотоволосая внучка Лапарры стала частью гигантской сети мгновенного транспорта, соединявшей все планеты Солнечной системы и сотни ближайших звезд, превратилась в суперпозицию информационных полей и переместилась с Марса на Землю, за одно мгновение преодолев более ста миллионов километров.

Кузьма снова остался один, ощутив вдруг прилив горечи и тоски, а также такой властный зов сердца, что едва удержался от поспешных решений: бросить плот, на антиграве добраться до ближайшей станции метро, перелететь на Землю и немедленно отыскать золотоволосую принцессу по имени Катя. Трезво оценив свое положение, он растянулся на плоту лицом вверх, закинув руки за голову, понаблюдав за быстро тускнеющей малиновой полосой заката, вспоминая все детали знакомства с внучкой Лапарры, и неожиданно поймал себя на мысли, занозой торчавшей в подсознании: откуда у нее «универсал»? С каких это пор молодые девушки носят штатное оружие безопасников? Ведь даже общественная охрана городов имеет право применять лишь парализаторы и электрошокеры. «Универсалы» — уровень спецслужб. На кого же тогда работает Екатерина Лапарра, бросившая

вызов сыну министра безопасности? На пограничников, безопасников, на Даль-разведку?

Кузьма приподнялся на локтях, вспоминая поведение девушки, ее решительные действия, и покачал головой.

— Надо было сразу догадаться, — проговорил он вслух. — Если ее дед — советник СЭКОНа, то и она небось там же. Вот только Оскар...

Вот только Оскар, подумал он. Зачем ей такая грубая свинья? Разве что — любовь? Недаром говорят: любовь зла, полюбишь и... м-да. Или все-таки долг? Хорошо бы — только долг... ведь он ее где-то спас... а долг, как известно, платежом красен. Как же этот бандит умудрился ее спасти? Неужели хватило мужества? Надо бы выяснить...

С этой мыслью Кузьма уснул.

Утром он свернул палатку, упаковал снаряжение в походный кокон, повесил его на антиграве, перепоясался вторым антигравом и взял курс на запад. Примерно в ста двадцати километрах от озера Валлес Маринерис в долине Арес Валлес располагался второй по величине город Марса — Патфайндер, откуда можно было по линии метро добраться до Земли.

Весь путь до Патфайндера занял около трех часов. Никто за Кузьмой не следил, никто не преследовал, и останавливался он всего один раз — посмотреть на обнаруженное сверху «зеркало».

Давно было известно, что «зеркала» представляют собой не только пассивные накопители информации, но и своеобразные хрономембраны, особые объекты с «глубокой хронопотенциальной ямой». Их создателей не удалось обнаружить до сих пор, хотя погранслужба и служба безопасности УАСС сделали все возможное и невозможное для их поисков. Однако таинственный хозяин «зеркал», прозванный Наблюдателем, отказывался контактировать с людьми, а его «зеркала» продолжали появляться в контролируемой землянами области космоса и следить за деятельностью человеческой цивилизации, и поделаться с этим ничего было нельзя, приходилось как-то мириться, а в последнее время и охранять «зеркала», чтобы любопытствующие экспериментаторы, в основном дети и студенты учебных заведений, не рисковали

своей жизнью ради бахвальства, бравады и эффектных фокусов с «хроновывертами». Эксперименты с «мертвыми зеркалами», неотличимыми от обычных, все чаще заканчивались гибелью людей.

В Патфайндере Кузьма задержался лишь для того, чтобы сдать туркокон в грузовое окно метро, а сам налегке отправился на Землю.

В Москве стоял поздний вечер середины марта: леса вокруг жилых комплексов были еще все в снегу, температура минус пять, безветрие, небо ясное, вспыхивающее полотнищами реклам, сквозь которые не всегда могли пробиться лучи звезд. Однако в конце двадцать четвертого века это было обычным зрелищем и особых эмоций ни у кого не вызывало. Хотя сам Кузьма рекламу не любил, зная ее агрессивную направленность на увеличение объема материального потребления.

Строгинская жилая гроздь со стороны действительно напоминала исполинскую виноградную гроздь высотой около двух километров. Такси-антиграв доставило Кузьму на сто десятый ярус комплекса, он вышел в парковое кольцо и направился к своему жилому блоку под номером «1001». Блок имел пять комнат: рабочий модуль, гостиную, спальню, каминный зал, мастерскую — для театральных репетиций жены — и узел хозяйственного обслуживания. Алевтина готовить не умела, кухню не любила, и чета Ромашиных питалась с помощью линии доставки или в ресторанах парковой зоны.

Входная дверь разошлась лепестками диафрагмы, узнавая хозяина, Кузьма вошел, и его сразу оглушили звуки музыки: у жены были гости. Он уезжал под этот шум и приехал — в такой же шум. Складывалось впечатление, будто компания друзей Алевтины отсюда не уходила, и гуляния продолжались все шесть дней, пока отсутствовал Ромашин. Кроме того, он не узнал своей собственной квартиры.

Современное градостроительство давно перешло на городские ландшафты с «плывущей геометрией», используя принципы индивидуальной застройки, хотя и подчиняющейся единой концепции того или иного жилого массива. Однако главным звеном этой геометрии были жилые модули с конформно изменяющимся интерьером, использующие материалы с многовекторной внутренней симметрией, ко-

торые могли изменять форму комнат, мебели в широком диапазоне используемых программ. Такой же программой руководствовался и Ромашин, подогнав убранство модуля под свои (плюс жена) вкусы. Теперь же его дом был полностью изменен, гостиная превратилась в подобие пляжа, а во что превратились другие помещения, можно было только догадываться.

Кузьма прошествовал на «пляж» гостиной, увидел ряд шезлонгов, пляжные диваны, матрасы, на которых сидели и лежали обнимающиеся и целующиеся молодые люди в нарядах, которым трудно было подобрать эпитеты, жены среди них не увидел, пересек гостиную (на него не обратили никакого внимания) и открыл дверь в спальню.

Это помещение тоже претерпело трансформацию, превратившись в круглый будуар с небольшим бассейном у стены. На огромной роскошной кровати, занимавшей чуть ли не всю спальню, удобно расположилась обнаженная парочка (Аля когда-то познакомила мужа с актером Милославовым и его подругой Соней — это были они) и, воркуя, пила вино из высоких зеленоватых бокалов. Больше всего Кузьму взбесило именно это невинное обстоятельство — бокалы, доставшиеся ему в наследство от прабабки Маши.

Он шагнул к смятой кровати, дал оплеуху актеру Милославу, так что тот выронил бокал (Кузьма успел его подхватить) и слетел на пол. Затем бросил ему одежду.

— Одевайтесь, и чтоб духу вашего здесь не было!

— Как ты смеешь?! — заикнулась было Соня.

Кузьма сдернул ее с кровати, шлепнул по голому заду и подтолкнул к двери.

— Вон!

После этого он вернулся в гостиную, выключил конформатор (гостиная приобрела вид бункера с голыми серыми стенами), затем эйдомузыкальную установку и в наступившей тишине сказал отдельно:

— Все вон!

Кто-то охнул, удивленно хихикнули девицы с невообразимо сложными прическами. Мужчина, обнимавший их, проворчал что-то насчет «узурпаторов, не имеющих никаких прав». Кузьма подошел к нему, рывком за воротник блузы поднял с дивана и толкнул к двери.

— Вон!

Мгновение все гости Алевтины немо взирали на вернувшегося хозяина, потом засуетились, стали собираться и потихоньку исчезать. Какой-то молодой «носитель творческой свободы» попытался было устроить революцию и даже снова включил музыку, но Кузьма без особых церемоний скрутил ему руку, довел до двери и вышвырнул на светящуюся дорожку паркового кольца. Остальные гости бузить и сопротивляться не решились.

Гостиная опустела. Кузьма заглянул в свой рабочий модуль (никого, слава богу!) и открыл дверь в мастерскую Алевтины. В лицо пахло сложным набором запахов: пот, духи, наркотический дым сигарет, ароматы выпитых напитков.

Жена была не одна. Двое блестящих от пота мужчин танцевали с ней, полуобнаженной, под медленную музыку «магической эротики», по очереди целуя Алю, прижимаясь к ней и сбрасывая с нее одежду. Еще двое мужчин и женщина смотрели на этот эротический спектакль блестящими глазами и молча курили тонкие и длинные черные кайфьяносы — запрещенные минздравом Земли сигареты, возбуждающие подкормку и вызывающие психическую аберрацию сознания.

Эра повальной «виртуализации» человечества прошла. Видеоигры, достигшие чуть ли не абсолютного совершенства, уводившие людей в виртуальные миры до полной потери чувства реального, сильно сократившие численность населения наименее развитых зон Земли, таких, как Северная Америка и Восточная Азия, канули в прошлое. Возвращалась эра биохимических стимуляторов и психоделитиков нового поколения, поражающих центральную нервную систему исподволь, медленно и неотвратно, снижающих интеллект и создающих слой моральных уродов, готовых ради кайфа на все. Кузьма не раз слушал сообщения о распространении индустрии «химических» развлечений, от которой особенно страдали дети наиболее обеспеченных родителей, имеющих средства и не контролирующих досуг своих детей, но сам сталкивался с кайфьяносами впервые.

Стараясь не дышать, он выхватил у курящих сигареты и вытолкнул мужчин за дверь. Вернулся, дал под зад женщине в псевдомехах, так что та взвизгнула, выключил музыку и одного за другим вышвырнул танцующих мужчин в коридор, не обращая внимания на оцепеневшую, обхватившую руками грудь жену.

Выгнав последних гостей, он вернулся в дом и принялся наводить порядок, придавать комнатам первоначальный вид и убирать мусор, призвав на помощь домового, который подключил к процессу юрких домашних уборщиков.

Квартира почти приобрела прежний идеальный вид, когда в гостиную вошла Алевтина, одетая в длинное облегающее платье, похожее на полупрозрачную, мерцающую зеленоватым светом, змеиную кожу.

— Тебе не кажется, что ты себе много позволяешь?

Кузьма молча рассматривал жену, красивую до умопомрачения, вызывающе женственную, уверенную в себе, и вдруг понял, что она ему абсолютно чужая!

Это не было откровением или озарением, они шли к этому состоянию достаточно долгое время, чтобы понять и принять отдаление душ, а затем и тел, и все же это было грустное открытие.

Алевтина занервничала, обеспокоенная его молчанием.

— Может быть, ты объяснишь, что происходит? — Она вдруг заметила синяки и царапины на его лице. — Что с тобой? Ты подрался?

Кузьма продолжал изучать лицо жены, находя в нем новые черточки: морщинки у припухлых губ, часто складывающихся в ироничную полуулыбку, тени под глазами, на дне которых прятался испуг. И одновременно агрессивное желание оправдаться. Интересно, найдет ли она довод, который заставит его перейти на ее сторону?

— Давай поговорим без обычных истерик, — сказал он наконец почти миролюбивым тоном. — Пора рубить этот затянувшийся узел. Время показало, что мы совершенно разные люди, а подстраиваться под твоё настроение и «творческие поиски» я больше не хочу. Предлагаю мирно разойтись по разным квартирам.

— Ты нашел другую женщину, — утвердительно проговорила Алевтина, с интересом окинув его взглядом.

Кузьма вздрогнул. Раньше жена не обнаруживала такой прозорливости, но ведь и он не давал повода. А женская интуиция редко прогнозируема и срабатывает именно тогда, когда этого не ждешь.

— Я сыт по горло твоими друзьями и постоянными тусовками в моем доме. Если хочешь, чтобы мы жили вместе, измени образ жизни. Иначе...

— Что? — высокомерно приподняла брови Алевтина. — Иначе что?

— Мы расстанемся.

— Тебе не кажется, что ты ведешь себя как тупой мещанин?

Кузьма покачал головой, с сожалением глядя на изменившееся лицо жены.

— Зато ты ведешь себя как... — Он хотел добавить: «С кем из своих друзей ты еще не спала?» — но не стал этого делать. — Давай не будем опускаться до обывательской перепалки. Я сейчас отделию свой рабочий модуль от всей квартиры, сделаю отдельный вход, и ты сможешь заниматься в оставшейся части всем, чем угодно. Потом что-нибудь придумаем. Возможно, я переселюсь к родителям.

— Что же все-таки произошло? — любопытствовала Аля, отнюдь не огорошенная и не расстроенная решением мужа. — Ты же всегда терпел...

— Запасы терпения не вечны. Мы не любим друг друга, не стоит сохранять вид благополучной пары.

— И как же ты будешь жить без меня? Уже есть программа?

Кузьма невольно улыбнулся.

— А я уже давно живу без тебя, ты просто этого не замечаешь. Я ведь нужен тебе только в качестве фирменной этикетки: мальчики — это мой муж Кузя Ромашин, знаменитый ученый, он участвовал в экспедиции к центру Галактики, умеет петь, плясать и готовить барбекю. Кузя, покажи свое искусство.

— Ты болен, — поджала губы Аля. — Тебя надо лечить.

— Нельзя вылечить больного, который считает себя здоровым. Итак, Алевтина свет Венедиктовна, я могу считать, что мы мирно разошлись по сторонам?

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Наоборот, я наконец понял, что надо делать.

— Не пожалеешь?

— Вряд ли.

— А если я заставлю тебя изменить решение?

— Каким образом? — удивился Кузьма.

Алевтина приблизилась к нему, ступая по-особому соблазнительно и призывно, закинула ему руки за шею, прижалась всем телом, облизывая губы языком. Волна желания ударила в голову Кузьмы, закружила, заставила напрячься мужское естество, ощутить жар и упругую податливость пре-

красной женской плоти. Он едва сдержался, чтобы не стиснуть ее в объятиях и не усыпать лицо и шею поцелуями, как делал всегда, когда она этого х о т е л а. Чувствуя, что теряет волю (все-таки у нее явно задатки колдуньи), Кузьма грубо отстранил Алю от себя, сделал шаг назад, сказал хрипло:

— Прием хорош, но однообразен. Кончим на этом.

В гостиную неожиданно вошел длинноволосый молодой человек в ярко-голубом унике с радужными просверками в паху и под мышками. Его Кузьма уже видел в компании с Алей, это был один из актеров Архангельского театра оперетты, где сейчас выступала Алевтина.

— Я немного опоздал, — сказал он с улыбкой, не здороваясь и не глядя на Кузьму. — Что у нас сегодня запланировано?

— У нас сегодня развод по-настоящему, — усмехнулся Кузьма. — И ты здесь лишний. Выйди и подожди в парке, пока не позовут.

Молодой человек с модной степенью небритости на лице мотнул головой, убирая волосы со лба, перевел взгляд на Кузьму, пожал плечами, снова повернулся к Алевтине:

— А где остальные? Биткин обещал принести черный кайф...

Кузьма шагнул к нему, перехватил руку и повел пискнувшего от неожиданности гостя к выходу в полуприседе, вытолкнул за дверь, вернулся в гостиную, где Аля ждала его с задумчивым выражением лица.

— Сегодня заниматься разделом уже поздно, я перепрограммирую модуль завтра, не возражаешь? Спокойной ночи, дорогая.

— Зачем ты выгнал Митю? Он славный, талантливый, симпатичный мальчик.

— Конечно, славный, и, как все таланты, слегка невоспитанный. Посоветуй ему не убирать волосы со лба, а то на нем написано: идиот.

— Да, ты изменился, — покачала головой Аля не то с удивлением, не то с сожалением. — Жаль, я этого не поняла раньше.

Кузьма отступил еще на шаг, удерживая готовые сорваться с языка ненужные вопросы и слова, поклонился и вышел из комнаты, направляясь в свой рабочий модуль на втором этаже, который дед называл старинным словом «кабинет».

Душа молчала, будто ее происходящее не касалось вовсе, и лишь оказавшись один в четырех стенах небольшого помещения с комплексом видео, компьютерным анализатором и приставкой инка, Кузьма ощутил странное облегчение с оттенком грусти. Ощущение было действительно необычным, словно он долго решал какую-то сложнейшую задачу, решил-таки ее и при этом потерял часть личности — нечто эфемерное, прозрачное, неуловимое, но важное, необходимое, принадлежащее внутреннему миру и наполнявшее душу уверенностью в своей правоте.

Перед внутренним взором всплыла фигура Кати, внучки Лапарры. Она смотрела на него строго, ожидающе, с недоверием, и Кузьма молча развел руками, как бы приглашая девушку саму оценить его состояние.

Захотелось спать. Приказав домовому никого в кабинет не впускать, он устроился на диванчике как был — в одежде и мгновенно уснул, будто кто-то нажатием кнопки выключил сознание.

Однако выспаться ему не дали.

Ровно в два часа ночи позвонил дед Филипп:

— Надеюсь, я тебя не разбудил?

— Разве что самую малость, — пробурчал сонный Кузьма, плясая на физиономию деда в растворе виома. — Как ты узнал, что я уже дома?

— Или я уже не директор УАСС? Сорока на хвосте принесла.

— А ты знаешь, директор, который сейчас час?

— Всего лишь двенадцать по среднесолнечному. Кончай ворчать, собирайся и выходи. Тебя встретят.

Сон слетел с Кузьмы окончательно, он даже зевот проглотил.

— Кто меня встретит?!

— Узнаешь. Жду тебя через полчаса на второй лунной базе.

Виом превратился в белесое облачко, свернулся в нить и погас.

Кузьма почесал в затылке, размышляя, что могло случиться в конторе деда и зачем он ему понадобился в такое время, потом очнулся и побежал умываться. О том, что квартира ему как бы уже и не принадлежит, Кузьма вспомнил, встретив в коридоре полуодетую жену. Хотел было поинтересоваться, что она тут делает, но вовремя прикусил язык.

— Ты далеко? — спросила Аля, кутаясь в ажурный кусок ткани, почти не скрывающий прелестей тела.

— За кудыкины горы, — буркнул он. — Извини, если разбудил.

— Может быть, посидим за бокалом вина, поговорим?

— Мне некогда.

— А куда ты спешишь, если не секрет?

— К деду.

Объяснять больше ничего не хотелось, поэтому Кузьма скрылся в туалетной комнате, ополоснул водой лицо, решая, стоит бриться или нет, потом порылся в своем платяном шкафу, переоделся в уник со стандартной энергоподпиткой и, не отвечая на красноречивый взгляд Али, вышел из дому.

К удивлению Кузьмы, его действительно ждали, и не кто иной, как Ходя собственной персоной. То есть Хасид Хаджи-Курбан, по его уверениям — чистокровный перс в тридцатом колене, улыбчивый, смуглолицый, чисто выбритый, черноволосый и черноглазый, высокий, гибкий и сильный. Однако отличительной его чертой Кузьма считал немногословие. Выражался Ходя исключительно лаконично.

— Привет, — протянул он руку Кузьме, демонстрируя свою обычную извиняющуюся улыбку.

— Ну, дед, погоди! — проворчал в ответ Кузьма. — Мог бы и предупредить. Или ты ко мне по другой надобности? Дед сказал, что меня ждут, но не объяснил — кто.

— Я.

— Понятно. Зачем я ему понадобился?

— Он сам расскажет.

Кузьма давно убедился, что из Ходи лишнего слова клещами не вытянешь, поэтому расспрашивать его больше не стал.

— Где твоя машина?

— Рядом.

Они обогнули парковое кольцо, свернули в проход, ведущий из парковой зоны к выходу из «виноградины» сто десятого яруса Строгинской грозди, сели в четырехместный кутер с красной полосой по борту и мигалкой аварийно-спасательной службы, и автомат открыл им окно в прозрачном колпаке сферозоны.

Пока летели к метро в ночной темноте, Кузьма рассказал другу о своих приключениях на Марсе, и Ходя пообещал ра-

зобратся с Оскаром Мехти, выяснить, что он за человек, кем ему приходится девушка Екатерина, внучка Лапарры, и каким образом он ее спас.

Затем Хасид связался с каким-то «вторым» и «сто шестым», выяснил, что «горизонт чист» и все тихо, посоветовал «покачать частоты визинга», и через минуту они вышли у станции метро, располагавшейся практически рядом со Строгинской жилой зоной, прямо над рекой возле Серебряного Бора. Но пошли не в зал станции, способный отправить и принять одномоментно около четырехсот человек, а обошли купол станции и свернули к двери с табличкой: «Только для технического персонала».

Кузьма хотел спросить: «Куда это мы?» — но Ходя опередил его:

— У нас своя линия.

«У нас» означало — у сектора безопасности, и Ромашин поежился, внезапно осознавая, что ночной вызов деда не является розыгрышем и не объясняется желанием старика пообщаться с внуком, а несет в себе некую тревожную информацию. В свое время, семьдесят или около того лет назад, деда Филиппа точно так же срочно вызвали в отдел безопасности, и это круто изменило его судьбу.

Никто не попался им навстречу, не смотрел вслед, никто не встречал и не охранял служебный вход, и тем не менее у Кузьмы сложилось впечатление, что постороннему человеку пройти здесь не удастся. Современные методы охраны тайны позволяли держать секреты под замком без видимого присутствия людей и технических систем.

Короткий коридор с плавающим сектором освещения идущих. Автоматически открывающиеся и закрывающиеся за спиной двери, световая нить опознавания, зеленый зигзаг разрешенного доступа, небольшая кабина метро.

Ходя вошел, посторонился, пропуская Кузьму. Свет в кабине погас, сердце на секунду сжалось, кольнуло глаза. Свет вспыхнул снова, дверь открылась. Кузьма почувствовал легкость во всем теле и понял, что они действительно перенеслись на Луну. Ходя вышел первым, доложил кому-то:

— По всем уровням — ноль.

— Хорошо, — раздался хорошо знакомый басовитый голос деда.

Кузьма вышел из кабины и оказался лицом к лицу с де-

дом Филиппом, одетым в уникум официала УАСС с нашивками высшего должностного лица.

— Привет, внук, — сказал седовласый, крупногабаритный, мощный, несмотря на возраст, директор Управления, обнимая Кузьму.

— Привет, дед, — ответил Ромашин-младший, чувствуя себя не в своей тарелке; хотя, с другой стороны, он был очень рад встрече. — Надеюсь, это не похищение и не арест?

— Обещать не могу, — хладнокровно проговорил Филипп с насмешливыми искрами в глазах. — Все будет зависеть от расположения звезд. Хасид, ты ему дал что-нибудь?

— Нет, — мотнул головой молодой человек.

— Хорошо. Тогда загружаемся обратно. Объяснять причину твоего вызова придется на месте, нас уже ждут эксперты.

Директор УАСС подтолкнул растерявшегося Кузьму в кабину метро, шагнул следом, за ним вошли Ходя и еще один мужчина в сером уникуме муниципала безопасности, и дверь закрылась.

— Куда мы?—вырвалось у Кузьмы.

— На Тритон, — ровным голосом ответил дед.

Глава 3

«ПОТРЯСАТЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ»

Спутник Нептуна Тритон, открытый земными астрономами еще в тысяча восемьсот сорок шестом году, представляет собой каменно-ледяное тело размером с земную Луну и точно так же, как Луна к Земле, всегда повернут к Нептуну одной стороной. С точки зрения ученых, это довольно необычный спутник, потому что его орбита не имеет эксцентриситета, а вращается он вокруг Нептуна в обратную сторону, причем синхронно с вращением самой планеты.

Значительная часть поверхности Тритона покрыта океаном жидкого азота глубиной всего в несколько метров. Атмосфера у него тонкая и разреженная и состоит в основном из азота с примесью метана. Сила тяжести на поверхности Тритона не превышает одной пятой земной, то есть близка к лунной, поэтому передвигаться в этом мире довольно легко, хотя это требует определенной сноровки.

По оценке ученых, Тритон обречен. Потери энергии вра-

щения в приливном взаимодействии с Нептуном таковы, что он постепенно приближается к своему патрону и через несколько миллионов лет должен войти в зону Роша, в результате чего приливные силы разорвут его на части. Однако это обстоятельство не помешало землянам построить на Тритоне несколько исследовательских станций и туристический модуль, а также пробурить в его коре несколько десятков скважин и две шахты. Одна из этих шахт, достигшая глубины ста с лишним километров, заканчивалась сферической полостью диаметром в километр, и в этой полости был смонтирован агрегат, получивший много десятилетий назад образное название «Потрясатель Мироздания».

От деда и отца Кузьма не раз слышал рассказы об Австралийском эксперименте «галактического просвечивания», в результате которого люди получили полную картину взаимодействия черной дыры, звезд и тяготеющих масс в центре Галактики. Знал он и о постройке на Тритоне более мощной установки для ТФ-взрыва, но видел ее впервые в жизни и был поражен масштабами строительства, а более того — замыслом экспериментаторов. По идее ученых, разработавших установку, мощный ТФ-взрыв должен был «высветить» не только ближайшие галактики, но и всю Метагалактику, что дало бы колоссальный прорыв в знании об устройстве Вселенной. Однако после Австралийского эксперимента, во время которого погиб ведущий ученый института ТФ-связи, учитель и руководитель деда Кирилл Травицкий, от эксперимента на Тритоне отказались. По многим причинам. В том числе — по причине вмешательства Наблюдателя. Но «Потрясатель Мироздания» не уничтожили и даже не разобрали на части, а законсервировали. Кузьму же, как известного теоретика тайфага, вызвали на Тритон для того, чтобы он в составе бригады экспертов оценил готовность «Потрясателя» к работе.

— Вы что же, хотите все-таки взорвать эту бомбу? — спросил ошеломленный перспективой Кузьма. — Но ведь ты сам считал, что взрыв опасен, он вполне способен расщепить метрику пространства во всем объеме Метагалактики...

— Во-первых, мои расчеты сделаны семьдесят лет назад, — ответил Филипп. — Теперь твоя очередь. Во-вторых, ты должен будешь продолжить с того момента, на каком рас-

четы закончил я. Но «Потрясатель» нужен нам для другого дела.

— Какого?

Филипп долго не отвечал, глядя на гигантский щетинистый шар в центре полости, похожий на каштан, удерживаемый шестью штангами толщиной в туловище человека и казавшимися издали металлическими паутинками.

Группа прибывших с Земли специалистов Управления аварийно-спасательной службы стояла на балюстраде, опоясывающей сферическую полость чуть выше плоскости, проходящей через ее центр. Воздуха в полости не было практически никакого, и люди пользовались поясами бижо — блоков индивидуального жизнеобеспечения, создающих невидимый кокон защитного поля и пригодную для дыхания атмосферу внутри кокона.

Директор УАСС наконец перестал созерцать «каштан» «Потрясателя» и покосился на Кузьму, стоявшего рядом с выражением недоверия и священного трепета на лице.

— По оценке специалистов, в Системе насчитывается около миллиона простых «зеркал» и около восьми сотен «мертвяков». Это пахнет уже не любопытством Наблюдателя, а агрессией. Смекаешь? «Зеркала» не просто мешают нам жить и работать, они начинают нас доставать. Есть идея уничтожить их все разом.

— С помощью «Потрясателя»?! — догадался Кузьма.

— Ты уже работал с «зеркалами» как с хрономембранами и топологическими преобразователями и знаешь границы применения ТФ-теории. Тебе и карты в руки. «Зеркала» можно уничтожить только с помощью ТФ-резонанса.

Кузьма хотел возразить, что под таким углом зрения он «зеркала» не рассматривал, но дед уже направился к площадке с капсулой доставки, и Ромашину ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

В капсулу доставки уместились не все, поэтому сначала к «Потрясателю» отправились трое прибывших вместе с директором, в том числе Кузьма и Ходя, следовавший за другом с невозмутимостью витса¹.

Вблизи установка для взрывного возбуждения ТФ-поля

¹ *Витс* — высокоинтеллектуальная техническая система; термин, заменивший устаревшие названия таких систем типа «кибер» и «робот».

уже не воспринималась как компактное техническое устройство, она скорее представляла собой некий гротескный город, состоящий из металлокерамических секций, которые крепились друг к другу с помощью специальных «вилки». Каждая секция, в свою очередь, состояла из множества гранул, соединяющихся по принципу пшеничного колоса, стометровый слой таких «колосьев» образовывал сферическую антенну для «высших гармоник» ТФ-поля, а собственно генератор тайфоговых, или, как их еще называли, торсионно-фрактальных полей, был вложен в шар «Потрясателя» как гигантская косточка в персик.

Вся сложнейшая аппаратура контроля и синхронизации взрыва и управления периферийной автоматикой располагалась в центре колючего шара. Командовал ею инк по имени Гром. Когда делегация экспертов добралась до центра управления через узкий тоннель, напоминавший червоточину в яблоке, Филипп объявил начало работы.

Эксперты УАСС должны были осмотреть все секции «Потрясателя» и дать заключение о готовности каждой к эксплуатации. Кузьме досталась задача включить центральный компьютер и побеседовать с ним в режиме «один-на-один» для выяснения характеристик колоссальной «интеллектуальной бомбы» и готовности Грома выполнить эксперимент в оптимальном режиме.

Никаких удобств для прибывших гостей, естественно, конструкторы «Потрясателя» не предусмотрели. Бомба она и есть бомба, предназначенная для уничтожения чего бы то ни было, а то, что эта бомба управляется мощным искусственным интеллектом, не меняло ее функционального назначения. Однако в небольшой шестиметровой каверне, в центре сферы управления взрывным устройством, все же наличествовало кокон-кресло для оператора, и Кузьма не без облегчения занял это сооружение, похожее на матово-белый цветок тюльпана. Работать с инком в режиме «один-на-один» без аудио-видео-мента-обмена он бы не смог.

— Никаких мысленных ускорений, никаких мозговых штурмов, — предупредил его Филипп. — Ты должен всего лишь оценить состояние Грома, проспавшего в консервации семьдесят лет.

— Он уже устарел, — пробормотал Кузьма. — Инк-техника сейчас использует квантовые осцилляции вакуума, а

Гром наверняка — электрон-фотонная машина с уровнем не выше «септа».

— Он создавался с большим запасом быстродействия и надежности и был самой мощной инк-машиной того времени. К тому же его быстродействия для решения прямой задачи хватало. Приступай.

Лепестки «тюльпана» ожили, прижались к телу оператора, и Кузьма оказался запеленутым в своеобразное упругое яйцо с теплыми шелковистыми стенками. Затем включилась аппаратура кресла, и Кузьма перестал ощущать материал кона и вообще чувствовать пространство вокруг.

Он оказался в некоем многоугольнике с перламутровыми стенами. Напротив в обычном кресле сидел приятной наружности человек средних лет в черном комбинезоне, с усталым строгим лицом. Заметив взгляд Кузьмы, он мысленно заговорил:

«Приветствую вас на борту «Потрясателя». Я Гром, инк-водитель этого левиафана. Прошу прощения, если мой интеллектуальный уровень покажется вам низким».

«Почему ты заговорил об этом?» — спросил Кузьма.

«Я слышал ваш разговор. Любая машина отражает уровень своих создателей. Я не исключение. Начинайте тестирование. Ведь вы прибыли для этого?»

«Не только. — Кузьма постарался скрыть смущение. — Мне поручено оценить состояние «Потрясателя», но прежде я хотел бы поговорить с тобой о цели эксперимента и о возможных последствиях. У тебя есть такие данные?»

«Разумеется, однако хочу заметить, что доступ к ним ограничен, а специфика эксперимента требует специальных знаний».

«У меня есть доступ, и я специалист в области ТФ-теории».

«В таком случае возражения снимаются. Цель эксперимента, доверенного мне, состоит в ударном возбуждении ТФ-поля в объеме Метагалактики. Эхо ТФ-взрыва, отразившись от всех объектов Мироздания, будет уловлено специальными антеннами, и мы узнаем точное расположение объектов, а также сможем оценить их параметры. Что касается последствий, то этими расчетами занимался аналитический отдел СЭКОНа, у меня их нет. Знаю только, что по каким-то причинам эксперимент был остановлен. Следовательно, он небезопасен».

«С момента постройки «Потрясателя» прошло много лет, получены новые данные, многие разделы ТФ-теории подкорректированы, разработаны краевые задачи применения, доказаны связи микроквантовых явлений с мегакосмосом через ТФ-поле».

«Это интересно, — вежливо сказал собеседник. — Тогда, может быть, начнем оперировать математическим аппаратом теории?»

«Изволь», — согласился Кузьма, мысленно выводя формулу ТФ-поля, которое можно было интерпретировать и как систему топологических свойств пространства, и как особое поле, создаваемое вращением виртуальных частиц, заполняющих вакуум.

Гром ответил каскадом уравнений, на котором базировался эксперимент «высвечивания» Метагалактики, и беседа приобрела иной уровень, разворачиваясь в «десятимерном» семантическом пространстве, форма которого менялась в зависимости от мысли каждого собеседника. Длилась эта беседа всего несколько минут — по независимому времени, но Кузьма устал от нее так, будто провел в дискуссии сутки. Режим «один-на-один» всегда отнимал у собеседника человека много психической энергии, поэтому и разрешался лишь в исключительных случаях.

Лепестки «тюльпана» перестали сжимать тело Ромашина, он попытался выбраться из операторского кресла, но Филипп жестом остановил его:

— Посиди немного, отдохни. Я знаю, каково после сеанса.

Подошел Ходя и протянул Кузьме открытую бутылку с тоником. Ромашин благодарно кивнул, залпом выпил полбутылки и откинулся на спинку кресла, чувствуя облегчение. Текущий хаос геометрических конструкций перед глазами — отражение беседы с инком — стал бледнеть. Возбужденный мозг, оперирующий сложнейшими математическими преобразованиями, начинал успокаиваться.

— Он в порядке, — сказал Кузьма сиплым голосом. — Никаких сбоев, тесты прошел блестяще, состояние всех цепей в пределах допустимых отклонений. Но эксперимент действительно проводить было нельзя.

— Я понял это еще семьдесят лет назад, — проворчал Филипп. — Успел заблокировать и отстрелить инициатор реакции буквально за несколько мгновений до взрыва.

Кузьма озадаченно посмотрел на деда.

— Этого не может быть. То есть я хотел сказать, что инициатор на месте, я его тестировал...

— Это второй экземпляр, резервный, из благих намерений он был смонтирован на случай отказа первого.

— Где-то я читал, — хмыкнул Кузьма, — что всякий раз, когда человек допускает глупость, он это делает из благородных побуждений. Итак, моя миссия закончена?

Директор УАСС покачал головой, с неопределенным сомнением глядя на внука, перевел взгляд на Ходю:

— Хасид, собирай экспертов у метро, мы подойдем чуть позже.

Безопасник ушел.

— Твоя миссия только начинается, — негромко проговорил Филипп, когда они остались одни в каверне управления с похожими на светящийся лед стенами. — Необходимо рассчитать параметры нового взрыва, который уничтожил бы «зеркала», не затрагивая метрику пространства. Ну, или почти не затрагивая.

— Вряд ли это возможно, — скептически усмехнулся Кузьма. — Параметры «зеркал» близки к параметрам «струн» метро, ты же знаешь. Изменяя одни, мы неизбежно изменим другие. Вся система метро полетит к чертовой матери!

— Вот и реши эту проблему, — обыденным тоном сказал Филипп. — Ты сможешь, я уверен. Если смотреть на «зеркала» как на хрономембраны, создающие тоннели перетекания энергии из прошлого в будущее и обратно, то, поискав в этом направлении, можно выйти на эксперименты с локальным изменением мерности времени.

— Это опасная мысль, дед.

— Как сказал классик: мысль, которая не опасна, не достойна того, чтобы называться мыслью. Ты же проводил цикл расчетов по мнимым структурам, введи эти расчеты в аппарат ТФ-теории с выходом на трехмерное тело времени.

Кузьма с любопытством и недоверием заглянул в прозрачно-серые умные глаза Филиппа.

— Дед, да ты никак занимаешься теорией?

— Для поддержки тонуса, — усмехнулся директор Управления. — Чтобы не потерять форму. Ну что, согласен?

Кузьма вылез из кресла.

— Как я могу отказать, если ты просишь?

— Я так и думал. Работать будешь не у себя дома и даже не в институте, а здесь, на Тритоне. Мы смонтируем отдельный терминал для связи с Большим Умником Управления.

— Зачем? — удивился Кузьма. — В институте у меня тоже хорошая машина...

Филипп, шагнувший было к выходу, обернулся к внуку и приблизил лицо к его лицу:

— Мальчик, эта работа секретна! Никто не должен знать, чем ты занимаешься. Ни жена, ни друзья, ни родственники.

— А отец?

— Отец знает. Но главное, чтобы не узнал Наблюдатель. Прежде чем собраться здесь, на Тритоне, мы выявили все «зеркала», следящие за «Потрясателем», и заблокировали их. Наблюдатель явно что-то готовит, и мы должны действовать быстро и тайно, чтобы если не упредить, то смягчить удар.

— Почему ты решил, что он готовит удар?

— Я передам тебе интенсинал по этой проблеме, сам все поймешь. Никому ни слова! Договорились? От этого будет зависеть не только успех операции, но и твоя жизнь. С этого момента ты будешь находиться под негласной опекой безопасников.

— Я сам могу за себя постоять.

— Это условие работы.

— Но я не работаю на Управление!

— Кто тебе сказал? — поднял бровь Филипп.

Кузьма невольно засмеялся.

— Ох и умеешь ты уговаривать, дед. Ладно, будь по-твоему, но пусть меня опекает кто-нибудь из знакомых, хотя бы Ходя.

— Хорошо, это будет полковник Хаджи-Курбан.

Они выбрались из недр «Потрясателя», дождались капсулы доставки, и та перенесла их на балюстраду, откуда открывался вид на «каштан» взрывной установки. Оба, не сговариваясь, оглянулись на нее. У Кузьмы мелькнуло странное подозрение, что за ними наблюдают чьи-то внимательные глаза, но проверить это ощущение он не успел. Филипп повернулся к шару «Потрясателя» спиной и направился по тоннелю к подъемнику, который около двух часов назад опустил их с поверхности Тритона сюда, на глубину ста километров. Кабину метро устанавливать здесь не стали, предполагалось,

что полость в недрах Тритона вместе с шахтой просуществует недолго, то есть только до момента взрыва.

Под куполом, венчавшим шахту, Филипп выслушал доклады экспертов, дожидавшихся его вместе с Хасидом, напомнил об ответственности каждого за утечку информации, и все заняли места в галионе, который за полчаса домчал группу до поселка исследователей, имевшего собственную станцию метро. Здесь Кузьма и Филипп задержались, попрощавшись с немногословными парнями из технической бригады УАСС.

— Я все понял, — пробормотал Кузьма в ответ на вопросительный взгляд деда, — кроме одного. В институте меня наверняка спросят о причине моей самостоятельности, и я должен буду что-то ответить.

— Отвечать ничего не придется. Твоему начальству позвонит зампред ВКС¹ и сообщит, что ты какое-то время будешь работать на Правительство Земли. Что, в принципе, в какой-то степени соответствует истине. Хотя конкретно работать ты будешь на сектор контрразведки. Еще вопросы?

— Разве у вас есть контрразведка?

— У вас, — передразнил Филипп. — Она неотделима от рода человеческого. Сектор контрразведки в Управлении существует уже десятки лет. Его первым начальником был мой друг Никита Богданов. — Ромашин-старший нахмурился, пожевал губами. — К сожалению, он погиб десять лет назад.

Кузьма хотел сказать: «Я знаю», — но не решился отвлекать деда (стариком его называть не поворачивался язык), ушедшего в воспоминания. Филипп оценил его деликатность, очнулся, похлопал внука по плечу:

— Не обращай внимания на мое занудство, мальчик, возраст берет свое, как его ни обманывай. Иди досыпай, я ведь, наверное, из постели тебя выдернул? Кстати, заскочил бы к нам на днях с Алькой, бабка Аларика вас заждалась.

Кузьма отвел глаза.

— Хорошо.

— Э-э, — внимательно посмотрел на него Филипп. — Что-то случилось?

— Ничего не случилось.

¹ВКС — Всемирный Координационный Совет.

— Я же вижу, что ты мнешься. Лучше говори все, как есть.

— Да что говорить, — нехотя буркнул Кузьма. — Разошлись мы с Алевтиной.

— Ага. — Филипп помолчал, прислушиваясь к чему-то, и снова повернулся к внуку (видимо, он получил сообщение по сети «спрута» и мысленно ответил на него). — Это окончательное решение или, так сказать, профилактическое?

— Окончательное.

— Понятно. Тем более забеги, поговорим.

— Хорошо, — кивнул Кузьма, — обязательно.

Филипп покачал головой, сжал ему локоть и скрылся за дверью метро вместе с мужчиной в черном комбинезоне. К задумавшемуся Кузьме подошел Хасид.

— Не возражаешь, если я тебя провожу?

Кузьма вспомнил наставления деда, криво усмехнулся.

— Ты же теперь мой телохранитель. Или тебе об этом еще не сказали?

— Разве ты возражаешь?

— Нет, — вздохнул Кузьма с унынием. — Черт знакомый лучше черта незнакомого. Надеюсь, ты не будешь вмешиваться в мою личную жизнь?

— Боже упаси! — осклабился Ходя.

— Ну и славно. А кто это с дедом? Станный какой-то тип, глаза — что локаторы.

— А его глаза и в самом деле локаторы. Это витс охраны. Такие системы положены только официалам уровня директора УАСС. Ты пока не тянешь.

— Вон в чем дело... — протянул Кузьма. — То-то я засомневался.

Они вошли в кабину метро, выдержали процедуру старта-финиша и вышли уже в зале Строгинской станции. Сели в пинасс, принадлежащий аварийно-спасательной службе, который вызвал по своему каналу Хасид, и аппарат поднялся над темно-зеленой шкурой хвойного леса.

— Слушай, Ходя, — рассеянно проговорил Кузьма, — зачем тебя вызывали в Управление во время нашего похода? Ты же в отпуске.

— Был, — коротко ответил безопасник и добавил: — Есть причина.

— «Зеркала»?

— Не только. Служба контроля засекала у границ Системы чужой корабль.

Кузьма вспомнил заинтересовавший его репортаж по информсети, встрепенулся.

— Я слышал, было короткое сообщение о чужаке. При чем тут ты, сотрудник безопасности?

— Как же в таком деле обойтись без нашей службы? А я в обойме твоего отца, которому поручили расследование.

— Значит, ты видел корабль?

Хасид кивнул.

— Что за корабль? Чей?

— Не знаю. Откуда-то издалека. Негуманы, похожи на огромных богомолов. Экипаж мертв. Остальное выяснится в ходе следствия. Там, между прочим, сейчас работает Гера.

— Вот как?—Кузьма присвистнул. — Мир тесен. Впрочем, чему удивляться, если он спец по внеземным формам жизни. Значит, и его вызвали по той же причине? Интересно было бы взглянуть на корабль поближе.

— Еще доведется. Туда сейчас никого не пускают, ни корреспондентов новостей, ни любителей острых ощущений, ни даже чиновников. История с гибелью экипажа выглядит довольно странно.

Пинасс аккуратно вписался в окно жилой сферозоны сто десятого яруса Строгинской грозди, без толчка сел на площадке общественного транспорта. Пассажиры спрыгнули на пол эллинга.

— Зайдешь?—посмотрел на браслет универсального инкома Кузьма: зеленые цифры показали среднесолнечное время — пять часов, что соответствовало семи часам утра по Москве.

— Если только на пару минут. Надо решить кое-какие проблемы. Но к обеду я полностью в твоем распоряжении. Дождись меня, и мы вместе отправимся к месту твоей дислокации, на Тритон. Думаю, к тому времени терминал для работы с Умником уже смонтируют.

Друзья подошли к жилому модулю Ромашина, однако дверь, вопреки ожиданию Кузьмы, не открылась. Ходя впросительно посмотрел на него, и Кузьма хладнокровно сказал:

— Она заблокировала вход.

— Кто, жена?

— Вчера у нас состоялось объяснение, и мы решили расстаться. Но не пускать друг друга не договаривались.

— Ты серьезно?

— А ты сомневаешься?

— Вот почему я до сих пор не женился. Один старый человек сказал: жениться — значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности.

— Это кто же такой шибко умный?

— Очень древний философ Шопенгауэр. Ты разве с ним не согласен?

— Согласен, только его сентенция запоздала лет на триста. Черт, как же мне домой-то попасть? Не ломать же дверь.

— Позвони Але, пусть откроет.

— Не хочу. — Кузьма подумал и через инком связался со своим рабочим компьютером. — Гоша, ты сможешь сориентировать домового, чтобы он открыл дверь?

— Попробую, — отозвался инк голосом отца.

Через полминуты входная дверь в жилой модуль бесшумно разошлась лепестками диафрагмы, и друзья вошли в небольшой холл, носивший следы чьего-то присутствия. Во всяком случае, покидая дом, Кузьма оставил его почти в полном порядке, теперь же интерьер холла был изменен, а на его «мраморном» полу валялись окурки сигарет и смятые обертки от жевательной резинки.

Кузьма заглянул в гостиную и понял, что, пока он отсутствовал, к Але успела присоединиться новая компания друзей. Видимо, она посчитала его ночной уход окончательным и перепрограммировала домового, чтобы он не пускал бывшего мужа.

Заходить в гостиную, превращенную в кусочек джунглей, а тем более в спальню, Кузьма не стал. Оглянулся на оставшегося в холле Хасида.

— Пойдем поднимемся ко мне в кабинет. Я соберу вещи, мы отправим их рапид-почтой к отцу и позавтракаем где-нибудь в кафе. Все равно спать уже не придется.

— Ты оставишь дом ей?

— У тебя есть другое предложение? Поживу пока у отца, он поймет, потом что-нибудь придумаю.

Из туалетной комнаты в коридор вывалился осоловелый длинноволосый молодой человек, застегивая на ходу уник, вытаращился на друзей.

— А вы что здесь делаете?

Кузьма и Хасид переглянулись.

— Хочешь, я их отсюда аккуратно выставлю?—предложил безопасник.

— Я уже это делал, — усмехнулся Кузьма. — Как видишь, не помогло. Выгони черта в дверь, он влезет в окно. Пошли.

Они двинулись к лестнице на второй этаж. Приятель Алевтины попытался было их задержать, и Хасид, не останавливаясь, щелкнул его в нос снизу вверх, так что тот охнул и отступил, хватаясь рукой за нос. Из глаз парня потекли слезы.

Собрав кое-какие личные вещи в сумку, Кузьма попрощался с Гошей, заблокировал дверь в кабинет, и они спустились вниз, где в холле наткнулись на четверых парней и трех девиц в ярких костюмах по моде «полный отпад». Из-за их спин вышла раскрасневшаяся Алевтина в облегающем тело «змеином» платье, и по лихорадочному блеску ее глаз Кузьма понял, что она одурманена дымом кайфьяноса.

— Заходить без разрешения в мой дом невежливо, — сказала Алевтина.

— Это пока еще и мой дом, — кротко отозвался Ромашин. — Пожалуйста, не меняй код замка без предупреждения, в следующий раз я сломаю дверь.

— Эй, домовладелец, — подал голос крепкий молодой человек с бритым черепом и небольшим чубчиком на затылке, — повежливей с дамой!

— А вас, Штирлиц, я бы попросил не вмешиваться, — посмотрел на него Кузьма. — Иначе я вас просто выгоню отсюда вместе с вашими мускулами.

Парень сжал кулаки, крылья носа его побелели.

— Да я же из тебя омлет сделаю, невежа ученая! Уматывай отсюда и больше не возвращайся!

Кузьма посмотрел на Хасида.

— Кажется, этому крутому дебилу хочется пободаться. Как ты думаешь, он понимает свое положение или нет?

— Вряд ли. Чтобы мысль попала ему в голову, ему надо сделать трепанацию черепа.

— Ах ты обезьяна! — бросился вперед бритоголовый и... сунул носом в пол, странным образом потеряв равновесие. Удар Хасида, точнее тычок указательным пальцем в энерготочку на шее, заметил только Кузьма, остальные зрители ничего не поняли.

— Не бейте моих друзей! — взвизгнула Аля. — Полицию вызову!

— Мы уже уходим, — шагнул вперед Кузьма. — Чао, мальчики и девочки, желаю хорошо развлечься. Впрочем, едва ли вы умеете делать что-либо еще. Дорогая, не забудь мою просьбу.

Группа гостей Али расступилась, Кузьма и Хасид вышли из дома, сопровождаемые шепотком и недобрыми взглядами парней и восхищенными — девиц. Дверь закрылась, отрезая начавшийся шум.

— Ну? — сказал Кузьма, покосившись на друга.

— Да! — ответил Ходя.

Они засмеялись.

— Что ж, попробую начать холостую жизнь. — Взгляд Кузьмы стал задумчивым, он вспомнил знакомство с Катей. — Может быть, стану философом.

— Ты и так долго продержался, целых пять лет. Мы с Герой удивлялись, как ты терпишь ее выходки.

— Творческие поиски.

— Творческий блуд. Извини, если я резок. Любовь зла, как говорится. Но я рад, что ты наконец прозрел. Куда идем?

— В кафе. Хочу чего-нибудь тонизирующего.

— Я тоже.

Они дошли до стоянки транспорта, бросили в кабину пи-насса сумку с вещами Ромашина и отправились на эскалаторе в зону отдыха над сто десятым ярусом, где располагались кафе и рестораны, работавшие круглосуточно. Выбрали уютный ресторанчик под названием «Живописный» — с видом на панораму Москвы-реки и лесных массивов, который обслуживался «живыми» официантами, а не витсами, и в золотоволосой посетительнице ресторана, сидевшей в одиночестве у прозрачной стены, Кузьма вдруг узнал Катю. Внучку Яна Лапарры.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга сквозь матовое стекло воспоминаний и решаемых каждым проблем. Потом Кузьма очнулся и быстро подошел, обрадованный и удивленный встречей.

— Вы? Вот уж никак не ожидал встретить. Доброе утро. Какими судьбами вас сюда занесло?

— Доброе утро, — улыбнулась Екатерина, обозначив тро-

гательные ямочки на щеках. — Я здесь живу недалеко, на сто шестнадцатом ярусе, зона тысяча сто один.

— А у меня сто десятый угол, зона тысяча один. Надо же, жить так близко и ни разу не встретиться!

— Вот и встретились. Честно говоря, я бываю здесь редко, это родина бабушки, она уже умерла, а дом остался. Основное время я провожу в доме отца, в Риге. Вы позавтракать заскочили? Тогда присоединяйтесь.

Кузьма вспомнил о Хасиде.

— Я не один.

— Это ваш друг? — Екатерина перевела взгляд на безопасника. — Кажется, я его где-то видела.

— На плоту, — отозвался Ходя, приблизившись. — Мы с этим типом и еще одним приятелем плыли по марсианскому озеру, когда вы...

— Да-да, припоминаю.

— Его зовут Ходя, — сказал Кузьма. — Хасид Хаджи-Курбан. Очень надежный товарищ.

— Спасибо, — заулыбался Ходя.

— Катя, — подала руку девушка. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Хасид галантно поцеловал ей пальцы и отступил от столика.

— Прощу извинить, у меня дела и я уже опаздываю. Как-нибудь в другой раз посидим. Кузьма, я тебе позвоню через пару часов.

Он ушел. Кузьма сел за столик, стараясь преодолеть внезапную робость. Девушка была одета в летнюю тунику, под которой почти ничего не было (во всяком случае, по ощущению Кузьмы), подчеркивающую формы тела, и вызывала восхищение не какой-то особой красотой, а естественной грацией и женственностью. Распущенные волосы падали за плечи тяжелым, ощутимо «массивным» водопадом, зеленые глаза сияли, полные губы необычного рисунка притягивали взор, чуть вздернутый носик говорил о легкости характера, а в глазах удивительным образом сочетались ум, ирония, грусть и решимость.

Она поняла его чувства, улыбнулась, продолжая потягивать через соломинку какой-то сок, протянула черный браслет с голубым камнем и мигающей внутри него красной искрой.

— Вот ваш тайф. Два дня ношу с собой на всякий случай, хотя могла бы отдать деду, а он уж нашел бы способ вас найти. Спасибо за помощь. Кстати, я у вас в долгу.

Кузьма, обрадованный скрытым смыслом сказанного, кивнул, принимая блок входа в систему метро.

— Всегда к вашим услугам. Может быть, перейдем на «ты»?

— Не рано? — прищурилась девушка.

— А мне кажется, в самый раз. Ведь это не первая наша встреча?

Катя засмеялась:

— Логично. Я согласна. Хотя штурм и натиск вам не к лицу, рыцарь.

— Я исправлюсь.

Подошел официант, принял несложные заказы у обоих и удалился. Разговор зашел о профессиональных пристрастиях Кузьмы, и он рассказал о своей работе, умолчав только о последнем предложении деда. В свою очередь Катя коротко сообщила о себе: закончила юридический факультет Рижского университета по специальности «Социальные конфликты и методы их разрешения», работала в отделе эфанализа службы безопасности Правительства, где и познакомилась с Оскаром Мехти, теперь работает в комиссии СЭКОНа по защите прав человека.

Однако завтрак быстро закончился, а вместе с ним и беседа. Катя торопилась по своим делам и не приняла предложение Кузьмы проводить ее до места назначения.

Они дошли до эскалатора.

— Но хоть вечером мы встретимся? — поинтересовался приунывший Ромашин, не решаясь взять собеседницу за руку.

— Не обещаю. — Катя мило сморщила носик. — Но ты позвони. — Она продиктовала номер личного инкома. — Если удастся вырваться, поужинаем где-нибудь по моему выбору.

Помахав рукой, она прыгнула на эскалатор, взметнулась туника, мелькнули загорелые икры и бедра, и эскалатор унес девушку на высшие этажи зоны. А Кузьма остался стоять с ощущением сердечного приступа, не обращая внимания на увеличивающийся поток людей. Город проснулся, многие его жители работали в других районах Земли и спешили на работу. Если бы Кузьма не находился под впечатлением встречи с Катей, он, наверное, смог бы определить пару человек, проявлявших к нему скрытый интерес, но он был занят своими переживаниями и мыслями и ничего не заметил.

Глава 4**ЧУЖИЕ В СИСТЕМЕ**

Корабль был огромен! Длина его от носа до кормы достигала почти двенадцати километров, а поперечник самой толстой части корпуса равнялся полутора километрам! Даже в эпоху гигантизма, закончившуюся полстолетия назад, люди строили вдвое меньшие — пяти-, семикилометровые космические корабли. Этот колосс поражал воображение, причем не только размерами, хотя термин «строить» к нему не подходил. Эксперты службы безопасности, прибывшие на борт чужака вместе с Германом, сделали вывод, что корабль выращен и представляет собой единый кристалл, а может быть, и живой организм.

Впрочем, особого удивления это открытие в среде специалистов не вызвало, люди тоже научились выращивать функционально зависимые квазиживые системы, в том числе — межзвездные корабли, хотя и гораздо меньших размеров. Зато материал, из которого был создан чужак, поверг экспертов в состояние шока: это был редкий, практически не встречающийся в контролируемой землянами области Галактики изотоп циркония ярко-голубого цвета. Все-таки выращивать такие гигантские «металлические кристаллы» люди еще не умели.

Кроме голубого циркония эксперты обнаружили еще целый ряд редкоземельных элементов, использующихся в различных системах корабля, а также удивительный трансурановый элемент под номером сто двадцать шесть¹, самый стабильный из существующих, не считая свинца. Именно из барашения, создаваемого земными инженерами в мизерных количествах для нужд промышленности, на чужом корабле были смонтированы камеры с вакуумгенераторами, дающими космолету энергию для движения. Короче говоря, чужак оказался кладом драгоценнейших материалов, запасов которых земной промышленности хватило бы на многие годы, если бы люди решились использовать космолет таким образом.

Однако об утилизации гиганта речь не шла. Во всяком

¹Ядро атома этого элемента насчитывает 126 протонов.

случае до тех пор, пока не выяснится тайна его появления из глубин космоса и тайна гибели экипажа. Когда земные корабли догнали чужака и проникли в рубку управления, обнаружилось, что существа, управляющие космолетом, погибли одновременно и совсем недавно. Их тела не были повреждены, никаких следов борьбы или насилия также найдено не было, и тем не менее эти существа, удивительно похожие на земных насекомых — богомолы, только в полсотни раз крупнее, были мертвы. Медики службы безопасности, обследовавшие разумных богомолы, пришли к выводу, что у всех пятерых астронавтов просто остановились сердца; каждый имел пару сердец, дублирующих энергоснабжение организма, и причина, по которой могли остановиться сразу оба сердца, земным биологам и врачам была неизвестна.

Еще одним открытием, смутившим умы исследователей корабля, оказался способ его движения в космосе. Если земные космолеты давно перешли на «струнную» технологию, то есть не ломились сквозь пространство, а преобразовывали его топологию, изменяли мерность и создавали квантовые тайфоговые «тоннели», позволявшие преодолевать огромные космические расстояния практически мгновенно, то цивилизация богомолы пошла другим путем.

Давно известно, что вакуум, заполняющий Метагалактику, — не пустота, а особое «виртуальное» состояние материи, океан рождающихся и тут же исчезающих частиц. Именно гиперчастотные осцилляции этих частиц и создают трение для любых энерговзаимодействий, когда сквозь пространство перемещается объект — будь то твердое тело, элементарная частица или фотон электромагнитного поля. Из-за такого «вакуумного трения» скорость передачи энергии (и информации) в нашей части Вселенной ограничена так называемой скоростью света¹. Земные ученые обошли этот закон созданием мгновенных «струн», богомолы же научились не й т р а л и з о в ы в а т ь вакуумное трение! По сути форма их корабля отражала реализацию этого принципа, а сам он являлся преобразователем ТФ-поля, создающим вокруг себя слой «анизотропного» вакуума. Точно так же земные летательные аппараты создают вокруг себя слой плазмы, позволяющий им летать в воздухе с любой скоростью.

¹300 000 км в сек.

Таким образом скорость, с какой чужак мог преодолевать межзвездные расстояния, в сотни и тысячи раз превосходила скорость света.

Все эти любопытные данные становились известны Герману по мере изучения корабля. Сам же он занимался другой проблемой, проблемой побуждений, заставивших этих интересных существ создавать такие огромные корабли, а также изучением особенностей их мышления и психологии, что в дальнейшем могло объяснить цель их путешествия и помочь отыскать их родину. Все специалисты сходились во мнении, что звезда, давшая жизнь богомолам, находится достаточно далеко от зоны космоса, контролируемой землянами. Не в рукаве Ориона, членом которого является Солнце, и даже не в рукаве Персея, располагавшегося от центра Галактики на два килопарсека дальше.

Чужак с мертвым экипажем был обнаружен за орбитой Плутона четырнадцатого марта по земному времяисчислению, и уже спустя несколько часов его догнали земные корабли — пылинки рядом с дредноутом. Разведчики проникли внутрь гиганта, определили, что он неуправляем, и приступили к операции торможения. «Дредноут», издали напоминавший суковатое полено, шел со скоростью около двухсот пятидесяти тысяч километров в секунду, имел массу в четырехста миллиардов тонн, и остановить его было нелегко.

Однако остановили, а потом и неторопливо повели обратно. К восемнадцатому марта он уже пересек орбиту Плутона, сопровождаемый свитой земных космических машин, и поплыл к Солнцу со скоростью всего в сто километров в секунду. Путь его должен был закончиться в поясе астероидов, где земляне выстроили целый исследовательский полигон, следуя глобальной стратегии СЭКОНа: выносить все опасные производства и экспериментальные центры за пределы обитаемых планет.

Поскольку исследованием ситуации с чужим кораблем с самого начала занялась служба безопасности Солнечной системы, доступ к нему был резко ограничен, и бригаде специалистов в количестве пятидесяти человек, в которую вошли пять представителей Института внеземных культур (ИВК), в том числе — ксенопсихолог Герман Алнис, пришлось разместиться на борту гиганта, чтобы не терять времени на дорогу домой и обратно и не допустить преждевре-

менной утечки информации. В одном из километровых гротов внутри чужака был развернут жилой комплекс типа АРМ — «автономный разведмодуль», где эксперты отдыхали, жили, обрабатывали результаты поисков, строили гипотезы и делились новостями. Если, конечно, новости того стоили. Каждая группа имела свою задачу, свою область ответственности и свои обязанности, координировала же их работу глава сектора контрразведки службы безопасности УАСС китаянка Юэмей Синь.

Герман не задумывался над такими мелочами, как координация усилий исследовательской бригады, и ему в голову не приходило поинтересоваться у кого-нибудь, почему ими руководит контрразведчик. Он с головой окунулся в привычную атмосферу творческого поиска и спустя три дня пришел к кое-каким интересным предположениям.

Во-первых, пятерка погибших астронавтов-богомолов (начальник группы экспертов ИВКа Абрахам Кларк предложил называть их мантоптерами) принадлежала к разным этническим группам своей расы. Все они достаточно заметно отличались друг от друга: длиной конечностей, формой головы, размерами фасетчатых глаз, рудиментами крыльев — хотя несомненно принадлежали одному виду. Они и одежду носили разную — нечто вроде пластинчатых доспехов и кольчужных сеток с разной формы накладками и бляхами. Роскошнее других — его костюм был ярче и сложнее — одевался, очевидно, руководитель экспедиции, занимавший в момент смерти центральное — и более сложное — сооружение, которое люди с некоторой натяжкой называли креслом. Вся же рубка управления больше всего походила на большое птичье гнездо, сложенное из металлических «прутьев» и разноцветных «камешков». Человеку было бы трудно чувствовать себя уютно в таком «гнезде», но мантоптеров оно вполне устраивало, а всего таких «гнезд» в корпусе исполина было обнаружено пять. Может быть, это были запасные центры управления, дублирующие или работающие в параллели, а возможно, некоторые из них несли другие функции, такие, например, как контроль за состоянием агрегатов и всего корабля или защита его в условиях нападения извне.

Во-вторых, Герман с товарищами пришли к выводу, что пятерка мантоптеров представляла собой не обычную команду астронавтов, а специальный отряд, посланный в Сол-

нечную систему с некоей секретной миссией. С какой именно — еще предстояло разобраться. Однако один тот факт, что экипаж такого исполина должен был состоять из команды в сто особей как минимум, говорил сам за себя. Посылать в космические дали всего лишь пятерых специалистов, какими бы асами они ни были, сородичей мантоптеров могли заставить только какие-то форсмажорные обстоятельства. Однако с ходу определить, что это были за обстоятельства, не удалось. Центральный компьютер корабля, работающий по принципу биомашин (такие компьютеры были когда-то в моде и на Земле), использующий тонкие биохимические реакции, также оказался мертвым и вряд ли подлежал восстановлению, и тем не менее Герману удалось разобраться с этим гигантским — по человеческим меркам — искусственным интеллектом, занимавшим чуть ли не треть объема корабля. А помогли ему в этом сами мантоптеры, подключенные к компьютеру и, очевидно, жившие с ним в своеобразном симбиозе.

Третий вывод группы ксенопсихологов не повлиял на ход следствия по делу гибели экипажа, но оказался не менее ценным. Кларк сформулировал его таким образом: цивилизация мантоптеров насчитывает как минимум полтора миллиарда лет. То есть люди наткнулись на представителей одной из самых древних цивилизаций в космосе, сумевшей прожить так долго. Другие цивилизации давно канули в прошлое, и разведка землян обнаруживала лишь их редкие следы.

Рабочий день девятнадцатого марта (на борту жилого модуля сохранялся обычный земной распорядок, сутки равнялись двадцати четырем часам, а утро начиналось в четыре часа по средне-солнечному времени) закончился для Германа довольно неожиданно: его вдруг вызвала на аудиенцию госпожа Юэмей Синь.

Герман только что поужинал и собирался уединиться в своей каюте, чтобы поработать с персональным инком, идти на прием к начальству ему не улыбалось, но посланец госпожи Синь был настойчив (странно, почему она просто не позвонила по инкому?), и молодому человеку пришлось скрепя сердце решиться на визит к руководителю контрразведки.

Сектор контрразведки занимал центральную часть жилого модуля, но каюта начальницы контрразведчиков располагалась в другом месте, прямо у стены защитного купола. Про-

водник Германа остался в коридоре, кольцом опоясывающем весь модуль. Алнис вошел и вежливо поздоровался.

Каюта высокого начальства ничем не отличалась от его собственной: та же спартанская обстановка, то же встроенное в стены хозяйственное обеспечение, вириал инка на столе, видеопласт. Правда, в отличие от Германа госпожа Синь предпочитала просто подсветку стен, создающую впечатление янтарно-звездной глубины, в то время как молодой ученый любил пейзажи и часто их менял.

Главная контрразведчица была не одна, ее гостем оказался еще один высокопоставленный чиновник — комиссар службы безопасности УАСС Владилен Ребров. С ним Герман был уже знаком, но с хозяйкой каюты встречался впервые и удивился. Он ожидал увидеть перед собой пожилую гримзу со строгим лицом и суровым взглядом, а перед ним сидела в низком кресле молодая красивая китайка с лучающимися теплотой глазами, цвет которых изменялся от черного до светло-коричневого, с крутыми бровями, изящным носиком и красивого рисунка губами. Одета она была в жемчужно-серый уник с эмблемой УАСС на рукаве.

Оценив его взгляд, она улыбнулась и проговорила нараспев, по-русски, чисто, без акцента:

— Сяньшэн Герман Алнис? Проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

— Спасибо, — опомнился Герман, вспоминая обращение к молодым китайским женщинам, и добавил:— Сяоцзе.

Оглядевшись, он сел в кресло рядом с комиссаром службы безопасности, разглядывающим его с благожелательным интересом.

— Кофе, чай, матэ, тоник?—предложила Юэмей Синь, и Герман мимолетно подумал, что это имя ей идет¹. В детстве он долгое время жил в Китае, в провинции Ляодун, и знал этот язык неплохо.

— Тоник, если можно.

Китайка хлопнула в ладоши, и тотчас же в комнату бесшумно вплыл поднос-антиграв, на котором стояли бутылки с различными напитками и соками, бокал и чашка из тонкого, почти прозрачного фарфора. Хозяйка самолично налила в бокал девясилового тоника, подала Герману, тот благодар-

¹Юэмей — цветок лунной сливы (кит.).

но кивнул, нечаянно дотронулся до ее пальцев и ощутил, как они вздрогнули.

— Спасибо.

— Не за что. Говорят, вы много лет прожили в Китае, хотя родились в Риге.

— Отец и мама работали в Шихуандинской обсерватории, и я жил с ними.

— Где именно?

— Недалеко от Ляодунского залива, там, где начинается Великая стена.

Юэмей Синь задумчиво пригубила чай из фарфоровой чашки, разглядывая гостя, чувствующего себя немного не в своей тарелке.

— Вам нравится наша Стена слез?¹

— Как памятник старины, — пробормотал Герман, не понимая, к чему клонит китайка.

— Что вы о ней знаете?

— Она была построена в третьем веке до нашей эры. — Герман вспотел, вспоминая историю создания «самого длинного кладбища мира», при возведении которого погибло больше полумиллиона человек. — При императоре Цинь Шихуанди. Длина стены — шесть тысяч пятьсот километров, ширина — до пяти с половиной метров, высота в среднем — около девяти...

— Это все?

— Все. — Герман разозлился и с вызовом встретил оценивающий взгляд женщины, на дне которого мерцали искры усмешки и ожидания. — Надеюсь, вы меня вызвали не для экзамена по истории Китая?

Юэмей и ее высокий гость переглянулись.

— Извините, сяньшэн, я не хотела вас обидеть. Просто захотелось узнать, любопытны ли вы.

— Зачем? Разве от этого что-то зависит?

— Ваша жизнь, — ровным голосом проговорил Ребров.

Герман вздрогнул, посмотрел на него с недоверием.

— Как это понимать?

— Как предупреждение. — ответила Юэмей Синь. — Наши службы не зря взяли под контроль изучение чужого кос-

¹Великая Китайская стена называлась еще Стеной слез и «Самым длинным кладбищем мира».

молета. Вы наверняка знаете, что Солнечная система и поселения людей у других звезд контролируются Наблюдателем с помощью «зеркал», то есть хрономембран.

— Какое отношение Наблюдатель имеет к машине мантоптеров?

— Наши специалисты только что обнаружили в его недрах и на корпусе несколько «зеркал», а это верный признак того, что Наблюдатель очень не хочет допустить, чтобы мы узнали, с какой миссией был послан в Солнечную систему корабль мантоптеров.

— Но ведь он шел в другую сторону — от Солнца, когда его засекли...

— Эксперты сделали вывод, что он сначала двигался именно к Солнцу, но потом наткнулся на «мертвяка» и...

— Его развернуло! — догадался Герман. — Экипаж, естественно, погиб...

— Именно так.

В каюте наступила тишина. Герман встрепнулся.

— Допустим, это правда. Почему вы говорите это мне? Зачем предупреждаете?

— Я недаром заговорила о вашем любопытстве, — улыбнулась Юэмей Синь, — и оно вполне оправдано. Каждый творчески мыслящий человек должен быть любопытным, иначе люди давно деградировали бы, не получая удовольствия от стремления узнать новое. В нашем случае это любопытство опасно. Вы хорошо подготовленный специалист и любите копаться в проблеме глубоко, а это может стоить вам жизни.

— Но почему?!

— Потому что Наблюдатель сделал все, чтобы мы не узнали истинной причины гибели экипажа космолета, а тут появляетесь вы, начинаете серьезно изучать проблему и во всеуслышание заявляете, что команда мантоптеров была отобрана с п е ц и а л ь н о и что она несла какую-то важную информацию. Как вы думаете, отреагирует на это Наблюдатель?

Герман в замешательстве перевел взгляд с лица китаянки на невозмутимое лицо Реброва и обратно.

— Ну-у... не знаю... если честно... и вообще, почему я должен об этом думать?

— Согласна, — кивнула начальница контрразведки, — об

этом обязаны думать мы. Поэтому я и вызвала вас к себе. С этого дня вы будете находиться под охраной безопасников, а отчитываться о работе будете не Кларку, а лично мне. Особенно если удастся выяснить, что заставило мантоптеров преодолеть бездну пространства глубиной в тридцать тысяч светолет.

— Разве уже известно, откуда они прибыли?

— Мантоптеры — циркониевые существа, — сказал Ребров, — цирконий в их крови играет ту же роль, что в нашей крови — железо. Так вот единственная известная нам циркониевая звезда находится в шаровом звездном скоплении М19 в Змееносце.

— Вы думаете, это родина мантоптеров?

— Хотелось бы. Мы это проверим, — спокойно сказал Ребров. — В ближайшее время Даль-разведка планирует экспедицию в том направлении, хотя и намного ближе, и мы немного подкорректируем задание. Разумеется, втайне от широкой общественной аудитории.

— Так далеко... тридцать тысяч световых лет!..

— Далековато, конечно, мы еще не залетали за пределы нашего звездного рукава, теперь попробуем.

Герман хмыкнул, но полемику о целесообразности такого полета затевать не стал.

— Я могу идти?

— Естественно. Только помните: о нашей беседе — никому ни слова!

Герман посмотрел на Юэмей Синь. Китайка мило сморщила носик, хотя глаза ее остались серьезными и чуть печальными.

— Извините, пожалуйста. Мы надеемся на вас.

Он поднялся, молча поклонился и вышел, унося в душе два разных по мысли, но одинаковых по эмоциональному наполнению взгляда. Когда дверь за молодым ксенопсихологом закрылась, Ребров повернулся к Юэмей Синь и встретился с ней глазами.

— Он умный симпатичный парень, но к службе в наших рядах непригоден.

— У него просто замедленная реакция, — задумчиво отозвалась женщина. — И он не видит, насколько серьезна угроза. Мне бы не хотелось, чтобы с ним что-нибудь случилось. Ученых такого калибра надо беречь.

— Я замкну на него «эшелон». Но не перестраховываемся ли мы? Ведь случаи гибели людей, связанные с «зеркалами», единичны. Мы всегда склонны преувеличивать вес кирпича, упавшего нам на голову.

Юэмей Синь невесело усмехнулась, превращаясь в сухо-вато-деловую женщину, какой ожидал ее увидеть Герман.

— Ты, Владилен, похоже, пытаешься уговорить сам себя. Давление Наблюдателя на нас увеличивается, и мы обязаны реагировать на это самым жестким образом, чтобы не проглядеть беду. За последние полтора года пропали две экспедиции Даль-разведки, посланные на поиски звезд, идентичных Солнцу, пограничники все чаще натываются на «мертвяки», Система пересыщена «зеркалами»... Неужели не понимаешь, о чем это говорит?

Ребров машинально отхлебнул остывшего чая.

— Об изменении поведения Наблюдателя.

— Это говорит о намеренном ограничении экспансии человечества. И я не удивлюсь, если завтра... — начальница контрразведки не договорила.

По сети «спрута», к которой они оба были подключены постоянно через личные рации, прилетел сигнал тревоги:

— Внимание всем ответственным! «Две девятки» по треку!

Ребров посмотрел на Юэмей Синь, та стремительно встала, включая настольный вириал инка, который через мгновение развернул виом связи с центральной диспетчерской Управления. На руководителей спецслужб смотрел дежурный системы СПАС Йоган Киршнегер.

— В чем дело, Йоган? — быстро спросил Ребров.

— В Системе появился опасный объект, — доложил дежурный. — Двигается по направлению к Солнцу в режиме «мигания» со скоростью около двух тысяч километров в секунду. Я разворачиваю «дхияну»¹.

— Что за объект? Почему он опасен?

— Это сфера диаметром около тысячи километров, отражающая свет.

— «Зеркало»?!

Дежурный некоторое время не отвечал, общаясь сразу с несколькими абонентами, затем нашел глазами комиссара.

¹Дхияна — императив службы наблюдения за опасными объектами.

— Умник тоже склонен полагать, что это сферическое «зеркало». Оно наткнулось на одну из антенн «Большого Уха»¹ и проглотило ее как пылинку.

Комиссар безопасности думал несколько мгновений.

— Проверьте вектор движения сферы!

— Она движется к Солнцу...

— Конкретнее! Какие планеты и сооружения она заденет?

Киршнегер снова занялся переговорами со службами Управления, в то время как волна тревоги двигалась по Солнечной системе, включая все новые и новые тревожные каналы. Наконец дежурному ответили аналитики службы наблюдения за пространством, и он сообщил их мнение:

— На пути сферы Нептун, десятки сооружений разного назначения, Венера и Меркурий. Землю он, к счастью, минует.

Ребров повернулся к Юэмей Синь.

— Тритон!

— «Потрясатель Мироздания»! — кивнула начальница контрразведки, мгновенно поняв его мысль. — Я ожидала чего-то подобного. Наблюдатель знает о наших намерениях уничтожить «зеркала» и решил нанести упреждающий удар.

Комиссар потер подбородок пальцем, задумавшись о чем-то, глянул на торчащую в виоме голову дежурного.

— Йоган, какая машина ближе всего к объекту?

— Спейсер погранслужбы «Ковчег».

— Вызывай туда командора Ромашина, я и госпожа Синь будем там через минуту.

Ребров и Юэмей Синь одновременно взяли за браслеты тайфов, которые они всегда носили на руках, посмотрели друг на друга и так же одновременно исчезли, перемещаясь на борт погранкорабля «Ковчег».

* * *

Спустя двое суток стало окончательно ясно, что гигантский сферический объект, вторгшийся в Солнечную систему и представлявший собой по сути такое же «зеркало», ка-

¹ Имеется в виду гравитационный телескоп, развернутый на периферии Солнечной системы.

кие использовал Наблюдатель, нацелен точно на Нептун. Мало того, расчеты показали, что в момент встречи сферы с планетой спутник Нептуна Тритон окажется именно в этой точке, и люди поняли, что «сферозеркало», получившее образное название «теннисный мяч дьявола», имеет своей целью Тритон. Вернее, установленный в его недрах более полувека назад «Потрясатель Мироздания».

Госпожа Юэмей Синь, руководитель сектора контрразведки УАСС, была права, утверждая, что Наблюдатель посчитал пассивное давление на человеческую цивилизацию недостаточным и перешел к активным действиям. А так как включение людьми «Потрясателя» действительно могло привести к уничтожению системы «зеркал», первым делом Наблюдатель решил покончить с этой угрозой и выстрелил, оставаясь недостижимым для спецслужб защитной системы человечества.

Выяснив назначение «теннисного мяча дьявола», аварийно-спасательная служба перешла в режим ликвидации потенциальной угрозы, к проблеме подсоединились многие научные институты Земли, и началась гонка: кто быстрее найдет способ остановки «сферозеркала» или хотя бы отклонения его от заданной траектории. Одновременно с этим служба безопасности спешно организовала оборону Системы, с согласия СЭКОНа решив использовать уже имеющиеся средства.

«Теннисный мяч дьявола» потратил на преодоление расстояния от границы Солнечной системы до Нептуна восемь дней, и все это время его обрабатывали, атаковали, бомбардировали, обстреливали из разных видов оружия земные корабли, имеющие мощные энергоизлучатели — плазмеры и лазеры, излучатели кварковой «праматерии» и антиматерии, генераторы гравитационных полей и вакуумные преобразователи. Однако «сферозеркало» без видимых последствий поглощало все эти виды излучений и продолжало мчаться в режиме «мигания» к своей цели, то появляясь в пространстве на несколько десятков секунд, то исчезая и появляясь снова, но уже дальше по траектории. Поскольку оно никаких ответных действий не предпринимало, земные космолеты зачастую пренебрегали правилами безопасности и подходили к нему все ближе, надеясь испепелить таинственный шар или разрезать на части, но через шесть дней после первой

атаки «теннисный мяч» внезапно ответил и в течение нескольких секунд уничтожил два спейсера с экипажами и повредил три пограничных брандера с исследовательской аппаратурой. И тогда всем стало ясно, что хозяева «сферозеркала» объявили людям войну!

Впрочем, такого мнения придерживались далеко не все высокопоставленные лица, вовлеченные в решение проблемы. Наиболее рьяно его отстаивал глава министерства общественной безопасности Правительства Земли Артур Мехти. Директор УАСС Филипп Ромашин и комиссар службы безопасности Владилен Ребров склонялись к другому выводу, но предпочитали об этом пока не распространяться. Хотя «теннисный мяч дьявола» и ответил на атаки людей, его стрельба весьма сильно смахивала на зеркальное отражение ударов, только с замедлением на шесть дней: энерготрассы, уничтожившие земные корабли, как две капли воды походили на торсионно-фрактальные всплески, изменяющие структуру вакуума, которыми люди пытались воздействовать на «сферозеркало». Мало того, шар начал «возвращать» и остальные виды излучений, а также ядерные ракеты, кварковые торпеды и генераторы полей, превращаясь в огрызающуюся огнем летающую крепость. Земному флоту пришлось защищаться от собственного «рикошета» и удалиться от «сферозеркала» на приличное расстояние, чтобы не попасть под удар.

Когда до Нептуна осталось всего два дня полета «дьявольского мяча», директор УАСС созвал на совещание всех руководителей тревожных служб, пригласив кроме комиссара безопасности и командора погранслужбы еще и председателя СЭКОНа Бернхарда Спенсера и министра безопасности Правительства Артура Мехти. Совещание состоялось на борту спейсера погранслужбы «Мощный», и в нем приняло участие пятнадцать человек.

На совещание был вызван и Кузьма Ромашин, все еще работавший на Тритоне над проблемой реанимации «Потрясателя», а также занимавшийся оценкой его воздействия на Солнечную систему. Однако в зал визинга, где собрались руководители спецслужб, Кузьму, которого теперь всюду сопровождал Хасид Хаджи-Курбан, не пустили под предлогом секретности переговоров. Узнав об этом, Филипп Ромашин, во власти которого было снять все запреты и провести с со-

бой любого человека, хотел было отдать соответствующий приказ охране зала, но передумал и сам вышел к внуку.

— Подожди меня в рубке, — сказал он озабоченно. — Я хотел, чтобы они услышали доклад о состоянии «Потрясателя» из уст профессионала, но теперь вижу, что это лишнее. Ты мне понадобишься в другом деле, поэтому жди.

Размышляя над словами деда, Кузьма вернулся к Хасиду, со скучающим видом прогуливающимся по коридору, и передал ему слова Филиппа и свои выводы.

— Правильно, — согласился безопасник, — нам с тобой лучше не появляться в той компании. Пойдем полюбуемся на «теннисный мячик дьявола».

Друзья пронзающим лифтом добрались до кокон-рубки спейсера и неожиданно нос к носу столкнулись с Оскаром Мехти, приятелем Кати, с которым Кузьма имел честь подраться на Марсе.

— Какая встреча! — с удивлением уставился на Ромашина черноволосый смуглолицый Мехти-младший. — Вот уж не ожидал встретить тебя так далеко от Марса. Может быть, сразу и объяснимся?

— Объясняться тебе придется со мной, — вышел вперед Хасид. — Обстоятельства инцидента мне известны, так что не стоит качать права, парень.

— А ты кто такой? — с недоумением посмотрел на него Оскар.

— Сотрудник службы безопасности, — спокойно сказал Хасид.

— Плевать я хотел на тебя и на твою службу! Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?

— Конечно, — кивнул Хасид, — с наглцом. С человеком, отец которого вполне может потерять из-за сына кресло министра.

— Да что ты говоришь?! — издевательским тоном проговорил Оскар. — И каким же это образом мой отец потеряет кресло? Вы пожалуетесь в комиссию по правам человека? Или прямо в прокуратуру?

— Зачем? Есть инстанции посерьезней. Его отец — командор погранслужбы, а дед — директор УАСС. Устраивает тебя такой вариант? Если да, то можно и объясниться.

Оскар перевел взгляд с невозмутимого лица Хасида на

Кузьму и, видимо, понял, что безопасник не шутит. Скривил губы, отступая в сторону.

— Ладно, поговорим в другой раз, еще встретимся на кривой дорожке.

Хасид и Кузьма проводили его взглядами.

— Парень уверен, что его власть безгранична, — сказал Кузьма задумчиво. — Интересно, как он сюда попал?

— Наверное с отцом, — предположил Хасид. — Скверный человек.

— Отец?

— Оба.

Они засмеялись.

— Как говорит старая пословица, — сказал Кузьма, — кресло власти сработано не по мерке головы.

— Согласен. Но ты будь поосторожнее с ним, этот парень «отморозок», хотя и выглядит цивилизованно. Всегда носит с собой оружие, всегда и всюду его сопровождает охрана, по моим сведениям, он замешан в десятках скандалов, из которых его, естественно, вытаскивал высокопоставленный папаша. В общем — своего рода реликт.

— Я его не боюсь.

— Дело не в страхе, а в том, что он всегда готов на подлость.

— Да черт с ним, пусть бесится. Кстати, ты обещал узнать, где и когда он спас Екатерину.

— Пытался, но дело темное, не сразу поймешь, что произошло. Дай мне еще пару дней.

Они вошли в рубку управления спейсера, представлявшую собой половинку эллипсоида со встроенными в стены и пол кокон-креслами экипажа.

Управлять кораблем мог и один человек, но по соображениям безопасности и для соблюдения качества ответственности команды земных космолетов насчитывали от трех до семи человек в зависимости от класса корабля. Спейсер «Мощный» вполне оправдывал свое название, имея запас хода около тысячи парсеков, и по энерговооруженности почти не уступал машинам Даль-разведки. Управлял им экипаж из семи человек во главе с капитаном Хорхе Луисом, с которым Кузьма, благодаря отцу и деду, был уже знаком.

В данный момент в рубке находилось всего три члена экипажа: драйвер-прима вел корабль, драйвер-секунда наблю-

дал за пространством (на его кресло были выведены все системы слежения спейсера), а командир Луис контролировал обстановку на борту, ведя неспешные переговоры с членами экипажа и с капитанами других земных кораблей. Увидев гостей, он, не вылезая из кресла, приветственно помахал им рукой и включил панорамный обзор, словно знал, зачем они пришли.

Стены рубки, словно сплетенные из бежевого цвета святищихся изнутри жил, нитей и растяжек, создающие впечатление ажурной губчатой массы, расплылись туманом и исчезли. Члены экипажа и гости оказались висящими в черной бездне космоса, проколотой лучами ярких немигающих звезд, среди которых одна была намного крупнее других. Этой звездой было Солнце.

Приглядевшись к «пейзажу», Кузьма стал замечать и другие огни, принадлежащие кораблям земного космофлота, а также увидел чуть в стороне от Солнца узкий серпик Нептуна, куда направлялся «теннисный мяч дьявола». Правда, самого «мяча» видно не было, и, словно угадав мысли гостей, командир спейсера включил дополнительный контур визуального наблюдения, позволявший людям видеть объекты в космосе объемно и в естественном диапазоне цветовосприятия.

«Теннисный мяч дьявола» появился на черном фоне маленьким серебристым пятнышком размером с ноготь. До него было примерно двадцать тысяч километров, и детали «сферозеркала» разглядеть на таком расстоянии не представлялось возможным. Впрочем, никаких деталей «мяч» не имел. Зрители убедились в этом, как только справа от убегающего шарика вариатор вырезал окно увеличения и показал «сферозеркало» почти в натуральную величину — как бы с расстояния в три-четыре километра.

Ничего демонического и опасного в этом шаре, отражающем свет, как металлический экран, не было. Ну, мчится себе эдакое гигантское сферическое зеркало и мчится, то исчезая из поля зрения, то появляясь вновь. Люди видели сооружения посложней и помасштабней. Однако исполинский шар представлял реальную угрозу всему космическому дому человечества, и с этим надо было считаться, тем более что он, как вулкан, все еще продолжал извергать энергетические фон-

таны из того, чем «кормили» его люди на протяжении шести прошедших суток.

Кузьме удалось увидеть один из таких фонтанов: блестящая сфера вдруг исторгла огромную ветвистую фиолетово-голубую молнию, пронзившую пространство на многие сотни километров. Это был импульс кваркового разряда, видимый в результате взаимодействия токовых¹ кварков с вакуумными флуктуациями. Попади он по какому-нибудь земному судну, вряд ли то спасла бы полевая защита.

Налюбовавшись «теннисным мячом дьявола», гости поблагодарили гостеприимных хозяев спейсера и вернулись к залу визинга, где все еще заседали члены «малого совета безопасности», как можно было назвать совещание. Кузьма ждал встречи с Оскаром Мехти, но сынок министра, наверное, уже покинул борт «Мощного», в коридоре его не оказалось, и Кузьма вздохнул с облегчением. Конфликтовать ни с кем он не любил.

Через час совещание наконец закончилось, его участники начали расходиться. Последними из зала наблюдения вышли Ромашины — отец и сын. Изрезанное морщинами, суровое и твердое лицо Филиппа было спокойно, Игнат выглядел задумчивым, но от обоих веяло такой тревогой и холодом, что Кузьма поежился, вдруг замечая, насколько похожи друг на друга его отец и дед. Впрочем, и он мало чем отличался от них, разве что разрезом глаз и ростом: отец был выше его на полголовы, а дед — на целую голову.

Хасид корректно отступил назад, но Филипп остановил его жестом:

— Не уходи, понадобится.

Они остановились в нише коридора, имеющей выход в систему пронзающих лифтов корабля. Витс охраны, сопровождавший директора УАСС, остался в коридоре.

— Твоя задача усложняется, — продолжал Филипп, разглядывая лицо внука так, словно только что его заметил. — Во-первых, ты присоединяешься к группе специалистов, рассчитывающих эксперимент с локальным изменением метрики пространства. Как ТФ-теоретика, решавшему подобные проблемы, тебе и карты в руки.

¹Токовые или так называемые «голые» — кварки, свободные от «шубы» других кварков и частиц.

— Зачем кому-то понадобилось изменять метрику пространства?

— Не кому-то, а службе безопасности. Мы хотим если не уничтожить, то хотя бы отклонить этот «дьявольский теннисный мяч».

Кузьма скептически покачал головой.

— До столкновения «мяча» с Тритоном осталось всего два дня...

— Все расчеты сделаны, монтируется установка, снижающая мерность до двух, в идеале — до единицы. «Мяч» или схлопнется в точку, или отразится от плоскости вырожденного трехмерного пространства. Ты должен проверить расчеты и дать рекомендации, если они будут.

Кузьма посмотрел на отца, и тот на мгновение прижал сына к себе.

— Постарайся, сынок. От этого зависит судьба не только Тритона с «Потрясателем Мироздания», но и многих других планет. «Теннисный мяч» сейчас — что слон в посудной лавке, наделает дел, если не остановим.

— Хорошо, постараюсь, па.

— Это еще не все, — проворчал Филипп. — Теперь главное. Даже если мы уберем «Потрясатель», все равно Наблюдатель найдет способ его уничтожить или повредить. Пока мы будем изо всех сил защищать установку, кто-то должен рассчитать новый «Потрясатель», не менее мощный, но с иными характеристиками, не затрагивающими основы Мироздания, а главное — стопроцентно гарантирующий уничтожение «зеркал».

Стало тихо.

Кузьма некоторое время молчал, взвешивая решение. Он прекрасно понял недосказанное. Наконец проговорил:

— Об этом никто не должен знать, не так ли?

— Так, — одновременно кивнули директор Управления и командор погранслужбы.

— И это задание очень опасно, — добавил Филипп. — Стоит Наблюдателю узнать о расчетах...

— Я понял.

— Поэтому я не настаиваю.

— Я согласен. Но мне потребуется независимый и неконтролируемый выход на Больших Умников.

— Ты получишь консорт-доступ к Стратегу Управления. Знать об этом будут только трое, не считая тебя и Хасида.

— Вы двое и кто еще?

— Советник СЭКОНа Ян Лапарра.

Кузьма с удивлением посмотрел на отца, мимолетно подумав, что случайного ничего в мире не бывает, и его знакомство с внучкой Лапарры лишь предваряет знакомство с ним самим.

— Помнишь, я рассказывал тебе о нем? — понял его взгляд по-своему Игнат. — Это бывший комиссар отдела безопасности.

— Я думал, он погиб... когда вы с ним таранили Спящего Джинна.

— Он жив.

— Сколько же ему лет?

— Девяносто шесть.

— Патриарх, однако.

— В СЭКОНе работает еще один наш давний знакомый, Керри Йос, он когда-то возглавлял службу безопасности, а недавно ему исполнился сто двадцать один год. Тебе неплохо было бы встретиться и с тем, и с другим.

— Зачем?

— Мало ли, может быть, посоветуют что-то дельное. Старики мудрые. Итак, ты берешься?

Кузьма выпрямился под испытующим взглядом Филиппа.

— Берусь!

— Тогда ни пуха ни пера!

Филипп так же на мгновение прижал к себе внука и скрылся за диафрагмой входа в ячейку пронзающего лифта. Витс охраны последовал за ним. Игнат задержался:

— Дома тебе лучше не появляться, чтобы избежать расспросов Алевтины. Будешь жить и работать у Хасида.

Кузьма хотел сказать, что он разошелся с женой, но передумал.

— Хорошо, отец. Значит, на Тритон мне можно не возвращаться?

— Можно. Группа технарей Управления дислоцируется на спейсере «Гиперборей», направляйся сразу туда. Когда эксперимент с остановкой «мячика» закончится, вернешься на Землю и поживешь какое-то время у Хаджи-Курбана. Он уже дал согласие. Удачи тебе!

Командор погранслужбы сжал локоть сына, кивнул Хасиду и удалился вслед за директором УАСС. Друзья проводили его глазами и одновременно вскинули кулаки с прижатыми пальцами. У Кузьмы было прижато три, у Хасида — два.

— Победила дружба, — хладнокровно сказал безопасник.

Кузьма улынулся. Хотя думал он в данный момент не о счете пальцев и даже не о задании, а о том, что получил вполне легальное обоснование визита в дом Лапарры. У которого имелась изумительно красивая внучка Екатерина. Катя...

* * *

Нептун всего лишь в четыре с половиной раза больше Земли: его экваториальный диаметр¹ равен пятидесяти тысячам двумстам километрам. Тем не менее это настоящая планета-гигант, имеющая протяженную — толщиной в семь тысяч километров — водородно-гелиевую, с примесями метана и аммиака, атмосферу, ледяной слой толщиной около десяти тысяч километров и твердое каменное ядро. Кроме того, вокруг него вращаются восемь спутников и два пылевых пояса.

Жизнь на Нептуне есть, но это жизнь бактерий и микроорганизмов, населяющих плавающие на дне воздушного океана планеты облака пыли и «газовые острова» из кристалликов водяного льда, аммиака и метана.

Эти сведения успел почерпнуть Кузьма в беседе с одним из технарей Управления, перед тем как наступил долгожданный момент истины: к Нептуну приблизился «теннисный мяч дьявола», и люди включили установку, изменяющую метрику пространства. Установка, называемая трансформатором измерений, а среди специалистов — «делителем», располагалась на орбите второго «крупного»² спутника планеты — Нереиды.

«Делитель», напоминавший собой десятикилометрового осьминога с вытянутыми во все стороны щупальцами, впечатления какой-то особой мощи не производил, но Кузьма

¹Планета заметно сплюснута у полюсов, ее полярный диаметр на два процента меньше экваториального.

²Диаметр Нереиды — около ста шестидесяти километров.

знал его возможности и ждал момента запуска с нетерпением. Точно так же вместе с ним ждали тысячи людей на кораблях космофлота, на станциях систем СПАС, в погранпостах, в кабинетах УАСС и у виомов информвидения в поселениях людей на спутниках внешних планет.

«Теннисный мяч дьявола» продолжал двигаться в прежнем направлении и с прежней скоростью, все еще изрыгая пламя и дым развернутых вспять энергетических атак, по-прежнему не отвечая на запросы и предложения вступить в переговоры. По-видимому, он и вправду представлял собой «пулю» или самонаводящуюся «торпеду» без экипажа, что дало основания СЭКОНу разрешить спецслужбам применение любых средств для ее уничтожения.

Установка, трансформирующая метрику пространства, то есть, выражаясь «по-простому», изменяющая мерность континуума в данном локальном объеме пространства, сработала точно в нужный момент, когда мигающее «сферозеркало» достигло орбиты Нереиды.

Это засвидетельствовали приборы наблюдения, установленные на десятках зондов вблизи «делителя». Увидеть сам процесс человеческий глаз был не в состоянии.

Казалось, ничего не произошло, только мигнули звезды, на фоне которых виднелся «осьминог» трансформатора. Однако последствия мигания сказались мгновенно.

Мчавшийся вперед к цели тысячекилометровый шар «сферозеркала» наткнулся на «вздыбленный» слой измененного вакуума, представлявший собой двухмерное пространство, которое сработало как абсолютно твердый плоский лист, и отскочил от него! Отразился! Изменил траекторию полета!

По всем залам наблюдений земных кораблей пронесся единый выдох сдержанного ликования, и снова наступила тишина, потому что схватка земной техники с пришельцем еще не закончилась. Сохраняя прежнюю скорость, он должен был преодолевать расстояние от орбиты Нереиды до Нептуна целых пять минут¹ и вполне мог успеть вернуться на старую траекторию, выводящую его к Тритону.

Однако все обошлось. Пришелец, очевидно, был так потрясен ударом «плоскомерия», что не успел прийти в себя

¹ Радиус орбиты Нереиды равен пяти миллионам пятистам пятидесяти тысячам километров.

(Кузьма невольно оразумлял объект, приписывая ему какие-то человеческие черты) и изменить вектор движения. Спустя пять минут, протянувшихся улиткой под жуткое молчание эфира, он воткнулся в Нептун. А так как планета была окружена целой сетью спутников, имевших спецаппаратуру для наблюдения за процессами в недрах гиганта, люди смогли увидеть весь процесс прохождения «теннисного мяча» сквозь тело Нептуна.

Внешний слой атмосферы толщиной в семь тысяч километров, состоящий из молекулярного водорода и гелия, «мяч» проскочил за три с половиной секунды, не встретив сопротивления. Второй слой, образованный жидким водородом, водой, метаном и аммиаком, слегка изменил скорость «сферозеркала», но не намного. Притормозил «мяч», лишь когда преодолевал твердое ядро планеты, сжатое до одного миллиона атмосфер, и тем не менее не застрял и не был раздавлен. Спустя восемь секунд с момента входа в атмосферу Нептуна он вынырнул с противоположной стороны и со скоростью в полторы тысячи километров в секунду умчался в космос, сопровождаемый длинным газовым хвостом. В Тритон, ползущий по своей орбите на расстоянии триста пятьдесят тысяч километров от Нептуна, «теннисный мяч дьявола» не попал.

Люди, наблюдавшие за прохождением «мяча» системы Нептуна, бросились обниматься и поздравлять друг друга. Лишь Кузьма и Хасид, стоявшие среди разного рода специалистов в зале визинга спейсера «Гиперборея», реагировали более сдержанно.

— Это пристрелка, — сказал безопасник, не отходивший от друга ни на шаг. — В следующий раз Наблюдатель выстрелит удачей.

Кузьма был с ним согласен. Тот, кто запустил «теннисный мяч» в Солнечную систему, просто проверил возможности людей «брать его подачу». Первый эйс не прошел, надо было ждать второго.

К друзьям подошел с рассеянным видом Филипп Ромашин.

— Ваши впечатления?

— Мы приняли подачу и отбили «мяч», — сказал Кузьма, — но он вернется. Или же Наблюдатель подаст другую подачу. Надо не отбивать удары, а нападать самим.

— Согласен, мы уже думали над этим. Начинаем новый этап схватки с Наблюдателем. Ты хорошо поработал здесь, это оценка моих людей, и я тобой доволен, но впереди более ответственная работа, не подведи.

— Не подведу, дед, — слабо улыбнулся Кузьма.

— Внимание! — раздался вдруг под куполом визинга чей-то властный голос. — Объявлены «две девятки»! В Системе обнаружен еще один сферозеркальный объект! Диаметр — около десяти тысяч километров, скорость — пять тысяч километров в секунду. Направление движения — на Солнце!

В зале установилась пугливая тишина.

— Вот вам и ответ Наблюдателя, — усмехнулся Филипп, поворачиваясь спиной к внуку, оглянулся. — Немедленно отправляйтесь на Землю, вечером я вас найду.

— Вот гадство! — мрачно сказал Кузьма, мысленно прощаясь с отдыхом и с мечтой о встрече с Катей.

Глава 5

ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ

В две тысячи сто восемьдесят втором году на Земле заработал первый матричный репликатор, позволявший на основе нанотехнологий воспроизводить молекулярные дубликаты любых веществ и предметов. Бриллианты, золото, одежду и продукты можно было с этих пор делать из любой материальной субстанции, хоть из воздуха, хоть из воды, хоть из грязи.

Через двадцать лет промышленность (за исключением строительной и монтажной) и сельское хозяйство утратили смысл и прекратили существование, как еще раньше, после перехода транспортных систем на антигравитационную тягу, умерли нефтяная и газовая виды промышленности. Человеческая цивилизация лишилась своего главного занятия — работы ради выживания и пропитания. Резко возросли потребности в искусстве, играх, театральных представлениях, образовании. Индустрия развлечений пережила невиданный бум, сокративший, как уже говорилось ранее, численность населения наименее развитых зон Земли.

Хотя огромные промышленные и сельскохозяйственные пространства и превратились в леса и луга, экологическая

чистота не компенсировала начавшуюся деградацию человечества, и лишь ценой невероятных усилий правительству Земли и социальным институтам охраны здоровья удалось остановить безудержный рост виртуальных развлечений и распад главного социального института — семьи. Люди снова потянулись к работе в коллективах, находя себе занятия по душе (а также по оплате), и человечество ожило. Хотя о возврате оставшихся видов промышленности из космоса на Землю речь не шла. Земля к этому времени превратилась в скопление мегаполисов, окруженных зонами игр и парками развлечений, соединенных не наземными дорогами, а воздушными магистралями и сетью метро. Среди бескрайних лесов, полей и водных пространств стали появляться так называемые хилариты — башни удовольствий, вмещавшие все виды услуг, какие только мог себе позволить человек, в том числе наркообслуживание и программы сексуальных наслаждений. Человечество перешло на легальное предоставление желающим всего спектра удовольствий — в зависимости от фантазии жаждущего, ибо только так могло проконтролировать опасные тенденции в развитии общества и реализацию его агрессивных потенций.

Башни строились в самых живописных районах Земли, а также на других планетах, их количество постепенно росло. Желающих получать удовольствие, ничего не давая взамен, становилось все больше. Не спасала ни ставшая более изощренной религия, ни законы, ограничивающие зомбирование и кретинизацию населения техногенными системами, ни полиция нравов, ни моральные принципы цивилизации, нарабатывающиеся веками. Человечество стало стремительно стареть, детей рождалось все меньше, ничто не могло изменить этот дисбаланс долгое время, пока появление Наблюдателя в начале двадцать четвертого века не встряхнуло людей и не заставило их задуматься над ситуацией. Как известно, большие потрясения сплачивают и заставляют думать и бороться, а тот факт, что человечество находится под чьим-то неусыпным надзором, действительно явился ударом. Правда, позже это потрясение прошло, и люди снова занялись своими делами, предпочитая больше отдыхать, чем работать и напрягаться ради каких-то открытий и наград.

Но вот пришла весь о вторжении в Солнечную систему сферических «зеркал», способных простреливать планеты

насквозь и уничтожать сооружения людей, и человечество, взволнованное пугающими слухами о грядущем Апокалипсисе, начало просыпаться от долгого эйфорического сна. Хотя в массе своей и не помышляло о каком-либо сопротивлении. Первыми, как всегда, приняли на себя удар (пока еще только психологический) защитные системы человечества: аварийно-спасательная и пограничная службы. Причем удар этот был двойным: со стороны Наблюдателя, которому не понравилась идея человека уничтожить «зеркала», и со стороны Правительства Земли, которое мгновенно осознало опасность и истерически потребовало от спецслужб немедленной реакции. Как будто они никак не реагировали на вторжение и пассивно созерцали, как по Солнечной системе мечутся чужие гости.

Конечно, сектор контрразведки службы безопасности имел свою резиденцию — левое крыло здания центра УАСС, располагавшегося на берегу Оки, в сердце древнего Мещерского заповедника. Но руководитель контрразведки госпожа Юэмей Синь редко бывала здесь, предпочитая встречаться со своими подчиненными в более спокойных и менее контролируемых местах. Самым излюбленным уголком работы и отдыха для нее был небольшой тихоокеанский остров Науру, один из немногих, где не были построены жилые комплексы и хилариты.

Остров Науру представлял собой атолл, в продольном сечении имеющий форму гриба. Он почти весь зарос пальмами, скрывшими дикий «лунный» ландшафт, который образовался здесь три сотни лет назад из-за добычи фосфоритов, созданных залежами птичьего помета. Вокруг всего острова примерно в те же времена было проложено асфальтовое шоссе длиной около двадцати километров, сохранившееся до сих пор.

Купаться на атолле было можно, однако далеко заплывать не рекомендовалось: остров омывался быстрым течением, и с одной его стороны могло затянуть на рифы, а с другой — унести в открытый океан.

Население острова составляло всего четыре тысячи человек, занимавшихся в большинстве своем, несмотря на цивилизованный образ жизни, рыбной ловлей, сбором жемчуга и добычей раковин моллюсков. Остальные работали в отелях, которых насчитывалось на острове с дюжину, и обслужива-

ли туристов, изредка забредающих сюда в поисках экзотики и «древней австралийской магии». Своего метро остров не имел (спецлиния сектора контрразведки не в счет), и добирались сюда по воздуху или на морских судах.

Коттедж, принадлежащий Юэмей Синь, располагался на берегу океана, среди пальм и зарослей кустарника буш. Естественно, он охранялся, хотя заметить со стороны это было невозможно, и коттедж с виду ничем не отличался от других строений острова. Внутри он имел оригинальную отделку в духе китайских традиций, хотя встроенное в него инженерно-техническое оборудование обеспечивало широкий диапазон интерьеров и позволяло изменять «геометрию» дома в зависимости от вкусов владельца.

Гостей Юэмей Синь принимала в чайном зале коттеджа, где они могли расположиться на мягких ковриках или на подушках, обслуживаемые витсами в виде «живых» миниатюрных китайнок. Гостей было шестеро, и среди них оказались Кузьма Ромашин, Хасид, приставленный к нему в качестве телохранителя, и Герман Алнис. Ошеломленные и обрадованные встречей, друзья начали выяснять причины вызова, но были вынуждены отложить разговор, попав в тишину и покой. Они уже не удивились, встретив у кабины метро трех других гостей Юэмей Синь: двух старших Ромашиных — Филиппа и Игната и комиссара службы безопасности Владилена Реброва.

Их проводили до чайного зала, усадили на коврики, и хозяйка коттеджа пригласила всех поучаствовать в чайной церемонии, не уступавшей по торжественности и мироощущению японским традициям. Кузьма заметил необычную реакцию Германа на появление руководительницы контрразведки: ксенопсихолог порозовел, глаза его заблестели, — и обменялся с Хасидом понимающим взглядом. Реакция Геры означала, что он увлечен.

Мило поговорили об острове, о коралловых полипах, об экологии и местных обычаях, выпили по чашке ароматнейшего чая, и Юэмей Синь начала совещание, ради которого пригласила сюда руководителей спецслужб, своего непосредственного начальника Реброва и двух специалистов, волей судьбы оказавшихся в гуще событий.

Витсы-китайки собрали посуду и удалились, унося подносы с чайными приборами. Гости сели в кружок, поджав

ноги, лицом друг к другу, и в центре круга над полом возникла объемная модель Солнечной системы.

— Итак, джентльмены, вот что мы имеем. — Из пальчика Юэмей вырвался тонкий лучик света, уперся в пульсирующую алым светом движущуюся точку за орбитой Урана. — Это второй сферозеркальный объект, названный по аналогии с первым «футбольным мячом дьявола», который нацелен точно на Солнце. По нашим расчетам, он угрожает лишь двум сооружениям, располагающимся у него на пути. Его скорость такова, что через три недели он вонзится в Солнце.

Лучик переместился на еще одну мерцающую точку между орбитами Нептуна и Урана.

— Это первый объект, названный «теннисным мячом дьявола», который нам удалось отклонить. Однако вектор его движения меняется, и специалисты склонны полагать, что он скоро развернется и снова направится к Тритону. Вывод: мы столкнулись с целенаправленной акцией, смысл которой достаточно ясен. Наблюдатель узнал о наших планах уничтожения своих средств наблюдения и нанес упреждающий удар.

— Но зачем он послал еще одно «сферозеркало»? — поинтересовался Игнат Ромашин. — Для уничтожения «Потрясателя» — если речь идет о ТФ-эмиттере — хватило бы и первого «мяча».

— Этого мы не знаем, — ответила Юэмей Синь. — Возможно, цель второго «мяча» проявится позже. Я надеюсь, что это будет не Земля.

— А что будет, если «футбольный мяч» врежется в Солнце? — спросил вдруг Ребров.

Все, не сговариваясь, посмотрели на Кузьму. Тот невольно вздрогнул, смутился, взглядом спрашивая разрешения у деда, получил ответный понимающий взгляд и проговорил:

— Если свойства «мячей» идентичны, «сферозеркало», воткнувшись в Солнце, начнет сначала поглощать солнечную плазму, а потом извергать обратно. Я не знаю, что получится в результате столкновения потоков, нужны расчеты. Возможно, «мяч» переполнится, и на этом все закончится, но возможен и грандиозный взрыв.

Гости Юэмей Синь перевели взгляды на хозяйку.

— В любом случае, — сказала она, — объект надо останавливать. И одновременно работать над созданием ТФ-эмит-

тера нового поколения. «Потрясатель» скорее всего обречен, ему нужна компактная, хотя и не менее мощная, и безопасная для Солнечной системы замена. — Китайка посмотрела на Кузьму оценивающе. — Как продвигается работа по созданию «паньтао»?

— Чего? — не понял Кузьма.

Юэмей Синь улыбнулась.

— Паньтао в китайской мифологии — персик, дающий бессмертие. Предлагаю использовать этот термин в качестве названия операции и собственно ТФ-эмиттера. Не будем же мы наш проект называть по-старому — «Потрясателем Мироздания».

Мужчины обменялись короткими взглядами, но никто не возразил.

— Я закончил два цикла расчетов, — сказал Кузьма. — Однако решения пока не нашел. Для уничтожения «зеркал» требуется гиперволна с возбуждением солитонных кластеров, способных вызвать резонанс «зеркал» без сотрясения всей метрики Вселенной. Теоретически это возможно, и все же универсального решения скорее всего не существует.

— Что вы хотите сказать?

— Каждое «зеркало» придется уничтожать индивидуально.

— Это потребует слишком много времени и средств. Необходимо одноразовая акция. Учтите, Наблюдатель не стал бы вмешиваться и уничтожать «Потрясатель» просто ради развлечения, значит, угроза реальна, и «Потрясатель» м о ж н о доделать.

Кузьма опустил голову, пробормотал:

— Я учту.

— Постарайтесь решить проблему побыстрее, время не ждет. — Юэмей Синь посмотрела на пошевелившегося директора УАСС.

Тот проворчал:

— Боюсь, у нас меньше времени, чем мы думаем. В Правительстве активизировались те, кто хочет взобраться на вершины власти, используя любую возможность.

— Ты имеешь в виду Мехти? — понимающе кивнул Игнат.

— Министр безопасности давно ведет политику дестабилизации властных структур, и если он вдруг начал громче всех кричать, что мы не справляемся с работой, а «Потряса-

тель» — опасен и его надо немедленно уничтожить, значит, Наблюдатель начал действовать и в социальной сфере.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что у Наблюдателя в Системе есть агентура, — ответила за Филиппа Юэмей Синь. — И ее надо искать и обезвреживать.

Игнат скептически сморщился.

— Попробуй обезвредь Артура Мехти...

— Доберемся и до него, — возразила начальница контрразведки. — Мы не даром едим свой хлеб и кое-что имеем в досье на господина министра. Но нам нужны основания для более решительных действий, а эти основания можете дать только вы, сяньшэн, — Юэмей глянула на Кузьму совсем не по-женски, — и вы. — Взгляд на Германа. — Потому что только от вас теперь зависит, как скоро мы получим сведения о миссии мантоптеров и расчеты по «паньтао».

Герман хотел что-то сказать в ответ, но посмотрел на задумчиво-мрачного Кузьму и передумал. Филипп Ромашин понял его чувства, едва заметно улыбнулся.

— Они сделают все, что от них зависит, тайтай¹, и даже больше. Я их знаю. Хотя времени, конечно, мало. Меня почему-то особенно тревожит второй зеркальный «мяч» — «футбольный». Уж больно он велик — почти равен Земле! Мне кажется, он решает иные задачи, нежели первый.

— Знать бы, какие это задачи... — вздохнул Игнат, помолчал и повернулся к Реброву. — Что ты там намекал насчет Солнца?

— Просто поинтересовался, чем может закончиться рандеву «мяча» с нашим светилом, — ответил комиссар. — А что?

— Возможно, оно и есть цель Наблюдателя.

— Солнце?!

— Почему бы и нет? А вдруг этот «мячик» его действительно взорвет ко всем чертям?

— Зачем это Наблюдателю?

— Мы ему мешаем, где-то наступили на лапу в космосе, вот он и решил разом покончить с цивилизацией.

— Не проще ли покончить с ней, уничтожив Землю?

— За Землей еще надо погоняться, тем более что мы бу-

¹Тайтай — обращение к молодой женщине в Китае.

дем ее защищать, а Солнце — вот оно, запускай в него мину и жди. Ты можешь исключить такой вариант?

Ребров хмыкнул, снова помолчал, привычно потерев пальцами подбородок.

— Не могу. Но не вижу причин, по которым Наблюдатель мог бы предъявить нам претензии. Раньше он действовал достаточно мягко. К тому же он должен понимать, что таким образом не остановит экспансию человечества, расширение контролируемой нами зоны Галактики.

— Вот почему так важно знать о намерениях мантоптеров, — сказала Юэмей Синь. — Что заставило их пересечь пространство между рукавами галактической спирали? Какое важное сообщение они несли?

— Еще не доказано, что они его хотели передать нам.

— Зато доказано, что их гибель — результат столкновения корабля с «зеркалом», точнее, с «мертвяком».

Ребров мельком посмотрел на Германа.

— Компьютер космолета запустить не удалось?

— К сожалению, основной массив его памяти уничтожен, — виновато ответил молодой ксенопсихолог. — Но я не оставляю надежды решить проблему через мента-сканирование мантоптеров. Если только мне разрешат эту операцию.

Ребров кивнул, покосился на директора УАСС.

— Когда Даль-разведка планирует экспедицию в Змеено-сец?

— Старт перенесен на двадцать девятое марта. Если все сложится удачно, уже через десять дней после старта они подойдут к шаровому скоплению с циркониевой звездой. А сколько им понадобится времени на поиски родины мантоптеров, одному богу известно.

Помолчали. Затем Филипп Ромашин уперся кулаками в пол и встал. За ним поднялись остальные гости и хозяйка.

— Итак, судари мои, у нас три приоритетные задачи: «Потрясатель», то бишь «паньтао», корабль мантоптеров с его дохлым инком и... Солнце. Интуиция мне подсказывает, что последняя проблема самая важная. — Он помедлил и процитировал: — Как сказал Сократ: например, если угодно, о Солнце достаточно будет, по-моему, сказать, что оно самое яркое из всего, что движется вокруг Земли¹. — Он посмотрел на

¹Платон. Тезтет.

Кузьму. — Я еще раз советую тебе нанести визит Яну Лапарре и Керри Йосу. Они могут дать дельный совет.

— Какой совет могут дать старики? — вполголоса заметил Кузьма.

Филипп нахмурился.

— Они, конечно, старики, но ведь мудрость не имеет возраста? В отличие от глупости. Слетай, поговори, возможно, получишь ключ к новым расчетам.

Кузьма смешался под взглядами присутствующих, промямлил:

— Хорошо, я у них побываю.

Все потянулись к выходу. Юэмей Синь смотрела им вслед до тех пор, пока все не вышли, и позвала:

— Герман, я попрошу вас задержаться.

Выходившие последними Кузьма, Хасид и Герман переглянулись, Герман сделал им ручкой, и дверь за ним закрылась.

— Как ты думаешь, — спросил Кузьма безопасника, когда они были уже в кабине метро, — зачем она его оставила?

— Чтобы дать какие-нибудь инструкции, естественно.

— Но ведь уже все обговорено.

— Это тебе так кажется. Ты не безопасник и многого не улавливаешь. Может быть, она предложит ему работать на контрразведку.

Кузьма хмыкнул:

— Герка никогда не согласится.

— Если только не влюбился.

Они оценивающе посмотрели друг на друга.

— Ты думаешь?..

— Я вижу.

— Сколько же ей лет? Ведь явно не двадцать и даже не двадцать пять. В такие годы не становятся руководителем спецслужбы.

— Какое это имеет значение? Она красивая и умная, чего тебе еще надо?

— Мне — ничего.

Хасид засмеялся, улыбнулся и Кузьма, вспомнив о существовании Кати.

— Знаешь, я вдруг подумал, что эти люди встревожились не зря. Я имею в виду отца и деда... вообще спецслужбы... Что-то происходит, но никто толком не знает — что именно.

Хасид промолчал.

Через несколько мгновений они были уже в другом уголке Земли, выйдя из кабины метро в Исфахане, родном городе Хасида.

* * *

Спустя пять дней после того, как «теннисный мяч дьявола» прострелил Нептун насквозь, он сделал в Солнечной системе гигантскую петлю и вновь устремился к «раненой» планете, нацеливаясь на ее спутник — Тритон. А на шестые сутки «мяч» начал фонтанировать газами — водородом, гелием, метаном, аммиаком, а затем и плотными струями пыли и сгустками твердых каменных пород. Это были те объемы атмосферы Нептуна и его ядра, которые «провалились» внутрь «сферозеркала» при прохождении им недр планеты.

Однако людей больше взбудоражил не этот факт, а маневр «мяча», который заставлял их снова решать проблему его уничтожения или отклонения от цели. Тревожным службам человечества опять надо было напрягаться, изыскивать средства для нейтрализации опасности и рассчитывать последствия столкновения «теннисного мяча» с Тритоном в частности и Наблюдателя, до сих пор остающегося анонимом, с земной цивилизацией вообще.

Между тем «футбольный мяч дьявола» продолжал мчаться в прежнем направлении, не обращая внимания на возню вокруг себя космолота Земли, ни на йоту не отклоняясь от избранной траектории, упирающейся в Солнце. Не приходилось сомневаться, что именно оно является целью полета, хотя ни один теоретик не мог пока точно сказать, что произойдет при столкновении гигантского зеркального шара с центральной звездой Солнечной системы. К моменту старта дальней звездной экспедиции двадцать девятого марта, целью которой по официальной версии была Синистра — ню Змееносца, звезда светимостью в сто семьдесят солнц, расстояние до которой равнялось двумстам семнадцати световым годам, «футбольный мяч» достиг орбиты Юпитера.

Остановить его люди не пытались, таких возможностей человеческая цивилизация не имела.

Экспедиция, направленная «для изучения процессов, идущих в недрах цефеид и звезд-гигантов с нетермоядерным

циклом» в сторону созвездия Змееносца, стартовала точно в соответствии с планами Дальразведки двадцать девятого марта две тысячи триста девяносто девятого года. В ее состав входили два корабля: «Стерегающий» и «Мехико» — класса «независимый абсолют» с дальностью хода до тысячи парсеков. Но мало кто знал, что это были модули нового типа, при соединении дающие качественно иной уровень корабля, позволяющий ему преодолевать расстояния в двадцать и более тысяч парсеков.

Командовал экспедицией универсалист, доктор ксенопсихологии, директор Института внеземных культур Май Ребров, несмотря на почтенный возраст активно работающий и способный решать любые проблемы. Под его начало была отдана группа исследователей в количестве сорока человек.

Экипажи Далькораблей состояли из семи человек каждый. «Стерегающим» командовал Лешек Стецковский, «Мехико» — Альваро де ла Вега. Оба они имели беседы с руководством службы безопасности и так же, как и Ребров, знали истинную подоплеку полета.

Каждый космолет имел нейтральную оболочку и генераторы фазового возбуждения, создающие «анизотропный» слой вакуума, и, по мысли конструкторов, могли не бояться звездных катаклизмов. Кроме того, корабли по сути представляли собой генераторы «струнного» хода и в любой момент могли унести свои стотысячетонные тела из опасного района космоса. Выглядели они изящными, стремительными птицами, похожими на пикирующего сокола, и в отличие от космических машин недавнего прошлого не производили впечатления всеподавляющей мощи и монолитности. И тем не менее эти корабли были энергетически намного мощнее и защищеннее, могли выполнять множество не связанных с транспортной переброской функций и были практически независимы от внешних условий.

Их старт состоялся в десять часов по среднесолнечному времени с космодрома на Ганимеде, спутнике Юпитера, и особого ажиотажа среди обитателей Солнечной системы не вызвал. К звездным экспедициям, которые запускались чуть ли не ежемесячно, давно все привыкли.

Оба корабля плавно пошли вверх, в черное небо Ганимеда (Юпитер находился с другой стороны планеты и виден не был), окутались слоем бледного золотистого пламени и ис-

чезли. Их путь в бездну пространства, отделявшую Солнце и звездный рукав Ориона от шарового скопления М19, начался.

Глава 6

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

Из сияющей алой бездны выросло дерево причудливой формы, увешанное гирляндами мигающих разноцветных звезд. Оно плавно и быстро меняло очертания, цвет ветвей, перетекающих из одной геометрической формы в другую, и постепенно заполняло собой алую пустоту, которая, в свою очередь, пыталась вытеснить «дерево» или поджечь его ветви. Это был уже десятый вариант решения проблемы уничтожения «зеркал»-хрономембран — так называемый фрактал отображения многомерной информации, описывающий инварианты всевозможных состояний квантомеханических структур, которые влияли на метрику Мироздания, и этот вариант никак не хотел нейтрализовывать «зеркала», не трогая основу всех основ Вселенной — ее вакуум.

«Дерево» в растворе оперативного виома вспыхнуло мертвенно-синим пламенем запредельного режима, стало течь, рассыпаться в прах, который собрался в черные кляксы сингулярных кластеров, и Кузьма в сердцах сбросил с рук перчатки интерфейса, ударил по красной кнопке отбоя связи с инком, выключая всю аппаратуру. Посидел с гудящей головой, глядя перед собой невидящими глазами, дотянулся до бутылки с тоником и осушил ее в три глотка. Швырнул бутылку в стену комнаты, и тотчас же в дверь заглянул заботливый Хасид, удивительно быстро реагирующий на состояние друга, который жил у него уже вторую неделю.

— Что, не получается? — участливо спросил он.

— Я слепой, — горько ответил Кузьма, разминая пальцами лицо. — Решение где-то рядом, но я его не вижу.

— Отдохни, мозги загонишь. Тебе вообще надо отвлечься, сменить обстановку, погулять, поговорить с природой. Может, махнем на Марс, пройдем по старому маршруту?

Кузьма отрицательно мотнул головой.

— Я бы не против, но нет времени, ты же знаешь. Стоит

мне подумать об отдыхе, как я начинаю видеть перед собой укоряющие глаза мадам Синь, и внутри все холодеет.

— Ты ее так боишься?

— Не боюсь, но она в меня поверила, а я дал слово... Короче, не могу я все бросить и признаться в бессилии. Решение существует, я точно знаю, но не вижу.

— Тогда, может быть, посетим хиларит? В Исфакане, правда, их нет, мы придерживаемся традиций, но найти башню удовольствий нетрудно.

— Нет, — буркнул Кузьма, вставая и направляясь в ванную комнату. — Искупаюсь, попью кофейку и за... — Он вдруг остановился, лицо его прояснилось. — Впрочем, есть идея получше. Дед настоятельно советовал проконсультироваться со стариками, и я даже пообещал. Пришло время выполнять обещание. Который час?

— У нас вечер, в Системе — девятнадцать по среднесолнечному.

— Значит, в Риге сейчас восемь часов вечера, еще не поздно.

— Ты о чем?

— Поехали к Яну Лапарре. Надо все-таки встретиться с этим легендарным патриархом, ставшим советником СЭКОНа. Вдруг он и в самом деле даст хороший совет.

Друзья переоделись в гостевые уники, позволявшие менять форму и цвет костюма в соответствии с местными обычаями, временами и модой, и покинули гостеприимный жилой блок Хаджи-Курбанов, принадлежащий семье из одиннадцати человек, семь из которых были женщинами. Мусульманские традиции в этом доме чтились свято, в доме всегда царили тишина, чистота и порядок, женщины редко напоминали о себе, мужчины же занимались своими делами, и собиралась семья лишь вечером, на вечернюю молитву. Ибо первейшим долгом мусульманина было и оставалось — ежедневно молиться аллаху. Правда, если в прежние времена этот долг выполнялся пять раз в день, дома или там, где верующий находился в момент молитвы, то в нынешние времена фетва высшего муфтия разрешала это делать три раза в день: утром, в обед и вечером. Кузьма не раз становился свидетелем того, как город в одночасье замирал, когда муэдзин с Шахского минарета начинал призывать жителей Исфакана к молитве.

Несмотря на современный облик города, в жилых зонах которого использовались современные материалы и оборудование, Исфахан, как и все города Средней Азии, сохранил свой неповторимый облик, создаваемый мечетями и высокими стройными контурами минаретов. Веяния архитектурной моды не смогли изменить этот облик, и центральная площадь Исфахана — Мейдани-Шах, с ее мечетями — Шахской и шейха Лотфоллы, с дворцом Али-Капу пятнадцатого столетия — оставалась столь же красивой и торжественной, как и много веков назад, во времена шейхов, имамов и аятолл. Впрочем, аятоллы — духовные лидеры мусульманской религии — имелись и сейчас, разве что несколько утратили свое влияние на просвещенную паству.

Кузьма мог бы добраться до жилища Лапарры с помощью тайфа, не выходя из дома Хасида, однако предпочел дойти до метро «по воздуху» и с удовольствием полюбовался панорамой города, жилые зоны которого были мастерски вписаны в природу и дышали историей.

В начале девятого по местному времени друзья вышли из метро Риги, Хасид вызвал транспортное управление службы безопасности, и через минуту они получили в свое распоряжение скоростной куттер с синей полосой и мигалкой на крыше. Еще через четверть часа куттер доставил их в жилую зону номер семь Рижского мегаполиса, имеющую форму ажурного шатра и расположенную почти в центре бывшей столицы Латвии, рядом со Старым городом, сохраненным со времен Великого Распада¹ в первозданном виде. Или почти в первозданном. Во всяком случае, властям города удалось сохранить не только церкви Екаба, Петера и Домскую, Орденский замок четырнадцатого века и жилые дома пятнадцатого — восемнадцатого веков, но и брусчатку мостовых, и даже асфальтовые и плиточные тротуары. Несмотря на нетерпение, сжигавшее душу Кузьмы в предвкушении встречи с Катей, он все же нашел время полюбоваться Старым городом сверху и получил от этого эстетическое удовольствие. К жилому блоку Яна Лапарры, мало чем отличающемуся с виду от других блоков местной ветви, он подходил уже в философском настроении.

Дверь в дом открылась тотчас же, как только друзья ока-

¹Имеется в виду распад СССР в XX веке.

зались в поле зрения видеокамер. Хасид и Кузьма переглянулись.

«Нас тут ждут», — говорил взгляд безопасника.

У Кузьмы тоже появилось такое ощущение, но связывал он его с другим человеком и, как выяснилось, ошибся. Кати дома не оказалось, а ждал его сам Ян Лапарра, бывший глава службы безопасности, бывший зампред СЭКОНа.

Увидев его, Кузьма не сразу поверил, что перед ним девяностошестилетний патриарх. С виду Лапарра был цветущим мужчиной сорокапятилетнего возраста, бритоголовый, мощного сложения, с тяжелым неподвижным лицом, на котором выделялись прозрачные серые глаза. Но когда об этом зашел разговор, Ян сказал, обозначив специфическую кривоватую улыбку:

— Все это — не мое. — Он сделал жест рукой, как бы охватывая все тело. — Квазоид, искусственный организм. Когда мы с твоим отцом протаранили Спящего Джинна, я был без скафандра и вполне мог растаять, как кусок сахара. Игнат вытащил практически мой скелет и череп. — Старик снова усмехнулся. — Ну, и мозги с ним вместе, разумеется, иначе я бы тут с вами не беседовал.

Кузьма покачал головой, ошеломленный признанием патриарха, но продолжать эту скользкую тему не стал.

Беседа происходила в «келье» Лапарры на втором этаже дома, в его рабочем модуле.

Оказалось, что весь его интерьер — «твердый», единожды изготовленный из разных древних материалов типа дерева, пластика, керамики и стекла. В эпоху пластичных материалов, трансформируемых интерьеров и текучей архитектуры, «метаморфной реальности» и видеопласта, было удивительно осознавать, что есть люди, предпочитающие грубую материальность и неподвижность плывущей виртуальности и непостоянству.

Мебель в кабинете-спальне Лапарры была деревянной и прекрасно смотрелась на фоне кирпичных стен и плиточного пола. В нее входили полки со старинными книгами и коллекцией бело-голубых кувшинов, стол, шкаф, комод, подставки с разной формы мечами, модель ветряной мельницы в рост человека и такого же размера модель старинного звездолета «Илья Муромец».

Собственно спальный угол с большой деревянной кроват-

тью, убранной так тщательно и строго, что возникала мысль — спит ли здесь хозяин? — отделялась от рабочего пространства узорчатой металлической решеткой. На стенах висели не картины, а «окна» из декоративных тканей, и светильники на потолке поражали своей видимой массивностью и старинным декором.

Лапарра усадил гостей на резные деревянные стулья, предложил вино и более крепкие напитки, но они отказались. Тогда слуга домового — юркий многоног, единственная современная вещь в кабинете — приволок поднос с кофейным прибором, и Кузьме с Хасидом пришлось пить кофе. После чего началась беседа, продлившаяся около часа, инициатором которой был Ромашин, хотя сам он и не представлял, что хотел бы узнать, какую информацию получить от человека-киборга, едва не погибшего в результате столкновения с неземным «спящим роботом».

— А откуда он появился на Земле? — поинтересовался Хасид, пытавшийся поддержать друга. Впрочем, он и в самом деле был заинтригован. — Извините, что спрашиваю, но я родился уже после всех этих событий, а о Спящем Джинне ходят разные слухи, достоверной информации мало.

— Она до сих пор засекречена, — ответил Лапарра. — Джинном пытались завладеть разные властные структуры, что едва не привело к общеземной катастрофе. Нам с колоссальным трудом удалось разбудить его и уговорить покинуть Землю. Откуда он родом и почему оказался на Земле, точнее, в Солнечной системе, никто не знает.

— А вы?

Лапарра раздвинул губы в понимающей усмешке.

— Я тоже. Лет двадцать назад пытался разобраться, но не преуспел. Знаю лишь, что Джинн — объект не из нашей Галактики. Возможно даже — не из нашей Вселенной.

— Он и в самом деле мог исполнять желания?

— По-видимому, он действительно владел тем, что мы называем магическим оперированием. Но воли человека недостаточно для управления таким могучим объектом, он инструмент существ с иными возможностями.

— Вот бы его найти! — простодушно сказал Хасид. — Глядишь, уговорили бы помочь нам справиться с «мячами» и «зеркалами» вообще.

— Вряд ли.

— Но ведь вас он послушался?

Лапарра пожевал губами, оценивающе глядя на безопасника, перевел взгляд на задумчивого Кузьму.

— Нас было трое, один погиб... впрочем, это детали. У меня есть кое-какие данные по Джинну, все, что удалось выяснить в процессе его изучения и контакта с ним. Могу дать вам интенционал, авось пригодится.

— Спасибо, — пробормотал Кузьма, не зная, зачем ему информация о чужом «роботе». — Мы вам очень благодарны за помощь.

Где-то в глубине дома зародился легкий шумок, покати́лся по комнатам и коридорам, просочился в «келью» Лапарры. Послышались голоса, шаги, звуки музыки. В дверь постучали, она распахнулась, и в кабинет вошли трое новых гостей: внучка Яна Катя, улыбающийся, веселый Оскар Мехти и молодой бритоголовый парень с косичкой на затылке. Увидев сидящих, они остановились. Катя хотела что-то сказать деду, с удивлением перевела глаза с него на Хасида и Кузьму, нахмурилась.

— Извини, дед, я не знала, что у тебя гости. Добрый вечер.

— Добрый вечер, — в один голос ответили друзья.

С губ Оскара сбежала улыбка, глаза его сузились.

— Ну и ну, приятная встреча, ничего не скажешь! Как говорится, наш пострел везде поспел. Какого дьявола вам здесь нужно?

— Не забывайся, — одернула Оскара Екатерина. — Извините нас. Дед, я зайду позже.

Она повернулась к выходу, разворачивая обоих приятелей и подталкивая их к двери, оглянулась на Кузьму и вышла. Дверь закрылась, потом приоткрылась немного — отошел один сегмент, в щель высунулась голова Оскара, нашла глазами Кузьму:

— Я тебя подожду, господин хороший.

Голова скрылась.

Гости переглянулись, посмотрели на невозмутимого Лапарру.

— Не связывайтесь с этим человеком, — сказал тот. — Неприятностей наживете. Я терплю его только из-за Катерины, но придет время, когда он перестанет сюда приходить. Катя уверена, что он ее спас, поэтому считает себя обязан-

ной в какой-то мере... хотя вряд ли здесь стоит говорить о какой-то привязанности и высоких чувствах.

— А разве Оскар ее... не спас? — осторожно полюбопытствовал Кузьма.

Лапарра покачал головой.

— Я имею основания полагать, что он оказался на месте катастрофы не случайно. Если быть точным, он и его компания и стали причиной катастрофы, в результате которой погибли двадцать два человека. — Ян помолчал. — В том числе мой сын и невестка, родители Кати.

— Но если вы знаете, что Оскар... виноват, почему же позволяете ему приходить, встречаться с Катей?

— У меня нет прямых доказательств, — сухо сказал Лапарра, вставая и давая понять, что беседа закончилась. — К тому же не хочется травмировать душу девочки. Но это уже другая история. Надумаете побеседовать, заходите, буду рад. Всего доброго.

— Вы обещали интенционал, — напомнил Хасид.

— Да, конечно. — Советник СЭКОНа достал из кармана домашнего халата блестящий красный крестик молика, протянул Кузьме. — Надеюсь, это вам поможет.

Кузьма взял молик, почувствовав прикосновение сухих и горячих пальцев Лапарры («Биоплоти! — мелькнула мимолетная мысль»), с некоторым колебанием протянул руку Яну, и тот с улыбкой твердо пожал ее, поняв переживания молодого человека.

Друзья спустились на первый этаж дома, где их встретили Оскар и его бритоголовый компаньон с мышцами Геракла. Кати не было видно ни в коридоре, ни в холле.

— Эй, мужчина, — окликнул Ромашина Оскар. — Поговорить надо.

— Говори, — равнодушно пожал плечами Кузьма.

— Желательно тет-а-тет, если не боишься. — Черноволосый красавец осклабился.

— А со мной поговорить не хочешь? — кротко спросил Хасид.

— Ты в нашем деле лишний. У меня пара вопросов к твоему дружку.

Хасид посмотрел на Ромашина. Тот кивнул.

— Не волнуйся, все будет нормально.

Оскар сделал приглашающий жест, пропуская Кузьму в гостиную. Дверь за ними закрылась с мягким шорохом.

— Вот что, теоретик, — язвительно сказал сын министра, прищулив один глаз, — буду краток. Мне не нравится, что ты крутишься вокруг Катьки. Еще раз попробуешь с ней заговорить или предложить встречу, а также если будешь продолжать мелькать у меня перед глазами, утоплю в болоте! Не поможет и папаша-пограничник. Понял?

— Это все? — спокойно осведомился Кузьма.

— Тебе мало?

— Тогда пока. — Ромашин повернулся, собираясь выйти в коридор.

— Э-э, погоди! — рванул его за плечо Оскар. — Ты мне не ответил!

— Убери руку! — тихо сказал Кузьма, у которого скулы свело от желания ударить собеседника.

— А то что? — удивился тот. — Ты меня в порошок сотрешь? Или бросишь перчатку?

— Брошу перчатку, — глухо проговорил Кузьма и вlepил парню звонкую пощечину.

— Ах ты, придурок! — изумленно отшатнулся Оскар, держась за щеку. — Да я же из тебя червяка сделаю!

Он прыгнул к Ромашину и в ярости ударил его в грудь и голову, затем снова в грудь, и Кузьма, интуитивно закрывший лицо, пропустил последний удар и отлетел в глубь гостиной, спотыкаясь о мягкий пуф и падая на красивый стеклянный столик в форме кленового листа.

Тотчас же в комнату ворвались Хасид и накачанный приятель Оскара, игравший, очевидно, роль телохранителя. Оскар, не довольствуясь результатом, подскочил к Кузьме, намереваясь продолжить избиение. Однако Хасид действовал быстрее. Он на бегу рубанул бритоголового по мощной шее ребром ладони, так что тот сунулся носом в ажурно-серебристый «кактус» музфона, и успел перехватить Оскара, ударившего ворочавшегося среди осколков столика Кузьму ботинком в висок.

Черноволосый сынок Артура Мехти картинно изобразил позу «мастера восточных боевых искусств», давно утратившую функциональную необходимость и действующую только на детей и не разбирающихся в этом деле людей.

— Давай, давай, — оскалился он, поощряя Хасида жес-

том, уверенный в своем мастерстве, и в то же мгновение улетел в угол гостиной, наткнулся на диван, врезался головой в стену и сполз на пол. Его напарник, стоявший на полу на четвереньках, ничего не понял и только таращился на предводителя, не подающего признаков жизни.

Хасид вышел из темпа — состояния, позволявшего как бы замедлять время боя, приблизился к Ромашину, державшемуся за голову, и помог подняться.

В гостиную вбежала Катя с бокалами в руках, остановилась, расширенными глазами оглядывая мужчин, увидела кровоподтек и ссадину на лице Кузьмы, бросилась к нему, но потом заметила лежащего у стены Оскара и замерла.

— Что здесь происходит?!

— Это я виноват, — невнятно пробормотал Кузьма, морщась. — Он сказал глупость, а я не сдержался, дал пощечину.

— Но он же...

— Это уже моих рук дело, — виновато развел руками Хасид. — Ваш друг ударил Кузьму ногой — видите? — и мне пришлось вмешаться. Извините, больше этого не повторится. Мы уходим.

Оскар очнулся, сел, глядя перед собой мутными глазами, потом осознал, что произошло, и, оскалась, достал из-под молнии уника необычной формы пистолет с игольчатым дулом — парализатор «удав».

— Ну, гаденыш, молись!

Катя шагнула к нему, вытягивая вперед руку с бокалом:

— Оскар! Прекрати!

Мехти-младший с трудом встал, поднимая парализатор, в глубине его черных глаз загорелся злобный огонек.

— Уйди, защитница! Они подняли руку на меня, Оскара Мехти, а я такого не прощаю. Петро, вызывай наших, я их тут подержу на мушке...

В гостиную внезапно вошел Ян Лапарра, не торопясь, спокойно приблизился к замолчавшему молодому человеку, отобрал у него парализатор и повел стволом к двери:

— Уходи.

Оскар очнулся, прошипел:

— Вы еще пожалеете!

Лапарра смял парализатор в ком (!), вложил этот ком в ладонь оторопевшего черноволосого красавца и повторил:

— Уходи! И больше здесь не появляйся.

Оскар перевел взгляд на ладонь, посмотрел на Лапарру, на застывших свидетелей сцены, криво улыбнулся и направился к двери, подтолкнув к ней очухавшегося приятеля. На пороге оглянулся на Катю:

— Ты идешь с нами?

— Нет, — ответила девушка твердо.

— Ну, смотри. — Мехти-младший перевел взгляд на Хасида: — А с тобой мы еще встретимся, земля, гарантирую.

Хасид промолчал.

Дверь закрылась. Все посмотрели на Кузьму, на скуле которого все отчетливее становился виден кровоподтек, да и под глазом намечался красивый синяк.

— Я сейчас тебя полечу, — спохватилась Екатерина, бросаясь к двери.

— Не надо, — глухо проговорил Кузьма, пряча глаза от стыда и испытывая чувство унижения. — Мы пойдем. До свидания. Извините, что так все некрасиво вышло...

Не оглядываясь, он зашагал к двери, скрылся за ней. Хасид развел руками, поклонился и вышел вслед за другом, чувствуя спиной взгляды внучки и деда.

В кабине куттера они посидели немного, думая каждый о своем, потом Хаджи-Курбан тихо спросил:

— Ну что, летим домой?

— Куда же еще? — буркнул Кузьма. — Куда я с такой физиономией? Кстати, где ты научился так драться?

— Я этим с детства занимаюсь, — пожал плечами Хасид. — Отец приучил, он адепт кушти. Могу и тебя научить. Но ты ведь этим раньше не интересовался.

— То было раньше. Теперь понимаю, что был не прав.

Куттер поднялся в воздух, взлетел над сияющей огнями Ригой, нырнул в коридор скоростных машин и вскоре достиг станции метро. Через несколько минут друзья выходили уже из метро Исфахана. Кузьма старался идти боком и держался за скулу, пряча синяки. Жалел он лишь о том, что не занимался раньше физическим совершенствованием. Когда они вернулись в дом Хасида, Ромашин твердо решил освоить науку боя и отомстить Оскару за испытанное унижение.

Однако вопреки собственному настроению и желанию отойти от стресса в одиночестве оставаться в доме Хаджи-Курбанов Кузьма не стал. Кое-как подлечив и замаскировав

синяки, он огорошил друга тем, что отправляется в гости к Керри Йосу, и Хасиду ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

Стодвадцатилетний патриарх СЭКОНа, под руководством которого много лет назад работал Филипп Ромашин, жил в Сеуле, где уже наступило утро. Почему Керри Йос, датчанин по национальности, выбрал столицу Кореи для проживания в старости, Кузьма у деда не поинтересовался, но, как потом выяснилось, виновата в этом была третья жена патриарха, уроженка Корейского полуострова.

В Сеуле на данный момент насчитывалось около семнадцати миллионов человек, и это был один из самых больших, высоких и динамично изменяющихся мегаполисов Восточной Азии, умудрявшийся сочетать новейшие принципы градостроительства с традициями древней культуры. Особенно выделялась в нем жилая зона Еидо, представлявшая собой единый ансамбль в стиле гигантской пагоды высотой в четыре с половиной километра.

Сеул был основан за сто лет до знакомства Колумба с Америкой (открытой до него несколько раз). Раньше на этом месте существовали поселения Намген и Ханьян. Несколько веков он являлся резиденцией корейских королей. В дворцовом ансамбле Токсунун, сохранившемся до нынешних времен, трагически закончила существование династия Ли, правившая Кореей в течение пяти веков — до тысяча девятисот десяти года.

Переплетение старого и нового, их мирное соседство вообще характерно для Кореи с ее культом традиций и устремлением к достижениям современной цивилизации, и особенно заметно это переплетение стало в конце двадцать третьего столетия. Рядом со старинными комплексами зданий, таких, как дворец Кенбоккун с его Тайным садом, дворец Чхангенгун с древними — шестнадцатого века — воротами, усыпальница королей Чонме, буддийские монастыри, высились удивительного вида ветвистые башни из зеркального и серебристого материала, устремившиеся в небо. Многие из них имели форму старинных пагод, деревьев, животных, некоторые напоминали космические корабли, некоторые копировали древние дворцы, и все они с большим мастерст-

вом вписывались в живописный ландшафт мегаполиса со множеством садов и рош.

Керри Йос жил в башне-кристалле, имея двухкомнатный жилой блок со всеми атрибутами традиционного корейского дома — опдоля, но со встроенным инженерно-техническим оборудованием. Вставал старик рано и визиту гостей не удивился.

Чем-то патриарх напоминал Яна Лапарру: такое же тяжелое, разве что более морщинистое лицо, голый череп, прозрачные глаза, почти полное отсутствие бровей. Но в отличие от последнего Йос был очень худ, и традиционная корейская одежда — чогами и пачжи — болталась на нем, как на вешалке. Да и передвигался по дому он в своих тапочках из соломы с загнутыми носками, в отличие от более молодого коллеги, гораздо степеннее и медленнее.

Поздоровавшись с гостями, он отвел их в столовую — она же гостиная — и, ни слова не говоря, принялся накрывать на стол. Отказываться от угощения гости не стали, чтобы не обидеть хозяина, и Кузьма впервые в жизни попробовал корейскую кухню. До этих пор забредать в эту часть света ему не приходилось, несмотря на возможность в любое время посетить любой уголок Земли или Солнечной системы.

Керри Йос готовил сам, что выяснилось в ходе беседы. Он поставил перед гостями чашки с супом — отдельно бульон, отдельно рис, в центр стола поместил пулькоги — блюдо с ломтями жареной говядины, пропитанными вином и сладкой подливкой, и кимчхи — нечто вроде салата из сельдерея, китайской капусты, редьки и огурцов, приправленного красным перцем с добавлением лука и морских моллюсков. Кроме этого, он принес еще два блюда — особым образом обработанную рыбу и кусочки мяса лангуста на шпажках, затем налил в красивый хрустальный стакан соевого вина, отпил глоток и передал стакан Хасиду.

Безопасник, знакомый с корейской традицией укрепления дружбы и духовной связи, без колебаний отпил вина и передал стакан Кузьме, который с некоторым внутренним сомнением заставил себя сделать глоток.

За завтраком (для гостей это был скорее поздний ужин) практически не разговаривали. Затем Керри Йос убрал посуду, принес в чашках женьшеневый чай, и гости вынужде-

ны были попробовать этот специфичный напиток с отчетливо выраженным земляным привкусом.

— Я вас слушаю, — проговорил старик, удобно устроившись в низком бесформенном кресле в углу гостиной, в то время как гости сидели на простых деревянных скамеечках, покрытых циновками.

Кузьма прокашлялся и поведал историю появления «теннисного и футбольного мячей дьявола» и своего участия в ней.

— Я в курсе событий, — кивнул патриарх СЭКОНа. — Значит, вы считаете, что Наблюдатель начал с человеком войну?

Кузьма искоса посмотрел на Хасида, и он поспешил на помощь:

— Это мнение службы безопасности. А вы разве думаете иначе?

По сухим и бледным губам старика проскользнула улыбка.

— Давно никто не спрашивал моего мнения. Вас направил ко мне лично Филипп Ромашин или кто-то из его заместителей?

— Лично, — подтвердил Кузьма. — Это мой дед.

— Да, я уже догадался. — Старик задумчиво выцедил полчашки чая, разглядывая гостей по очереди. — Да, история повторяется... хотя и на более высоком витке спирали. В чем-то ты повторяешь путь деда, сынок. Так что вы хотели от меня узнать?

— Причину странных действий Наблюдателя, — буркнул Кузьма, сам не ожидая такого вопроса.

— Ни много, ни мало, — усмехнулся старик, прищуриваясь. — Неужели Филипп знает?

— Что знает? — не понял Кузьма.

Минутная пауза. Керри Йос допил чай, поднял на Ромашина чистые, как слеза, старческие глаза.

— Наверное, Филипп знает... или догадывается. Иначе не послал бы тебя ко мне. Дело в том, молодые люди, что я имел контакт с Наблюдателем. Давно, лет семьдесят назад.

По-видимому, друзья выразили свое отношение к этому заявлению одинаково, так как старик мягко засмеялся и тут же спросил:

— Прикидываете, не сошел ли я с ума на старости лет? Иногда я и сам так думаю. Но что было, то было.

— Где, когда? — пробормотал ошеломленный Кузьма.

— Наблюдатель вычислил, что я начинаю догадываться о сути явления, и послал своего представителя, нечто вроде антропоморфного динго¹. Мы поговорили с ним пару минут, потом он исчез.

— А вы?!

— А я остался. — В глазах Керри Йоса мелькнул насмешливый огонек. — Они даже не стали нейтрализовать мне память об этой встрече, знали, что я никому не скажу.

— Но почему?! — воскликнул Кузьма. — Это же эпохальное событие! Люди могли выйти непосредственно на Наблюдателя...

— Не могли. Кстати, вам не мешало бы ознакомиться с интенционалом по Наблюдателю, хранящемуся в контрразведке, отпали бы многие ваши вопросы. Попроси деда, он даст проводку в секретные файлы. А Наблюдатель — не живое существо и не разумная раса, а с и с т е м а цивилизаций из будущего, в которую когда-нибудь войдет и человечество. Если только до этого каким-нибудь образом не уничтожит Вселенную.

Новый насмешливый просверк в глазах патриарха.

— По тем сведениям, которые разрешил мне помнить Наблюдатель, его потомки — да и наши в сущности тоже — добрались до стенок Метагалактического домена, однако вынуждены были отступить, так как наступила эпоха фиолетового смещения: Вселенная начала сжиматься. Тогда они «вывернули» время, поменяли знак материи и пошли назад. Появление «зеркал», то есть петлевых инверсно-временных колодцев, означало лишь предупреждение людям, слишком безответственно экспериментирующим с базовыми законами Мироздания. А вот «мячи» — иное дело. Это действительно похоже на агрессию, и вполне возможно, их хозяин — вовсе не Наблюдатель.

— А кто? — выдохнул Кузьма.

— Ну, этого я не знаю, — добродушно усмехнулся Керри Йос. — Тот Наблюдатель, с которым я имел честь беседовать, не был врагом человечества, он был частью проекта, заставлявшего нас д у м а т ь. Чего хочет владелец «сферозеркал» и «мертвяков», сказать трудно. Во всяком случае, мне,

¹Видеофантом, динамическая голография.

старика. Теперь это ваша забота, молодежи. Кстати, сынок, что у тебя с лицом?

— Да так... — Кузьма в смущении отвел глаза. — Упал...

— Понятно. И кто тебя так упал?

Хасид усмехнулся, бросая косой взгляд на друга. Кузьма помрачнел, ерзая, не зная, как выпутываться из этого положения, и неожиданно для себя самого рассказал старику историю своих отношений с Оскаром Мехти.

— Я знаю его папашу, — кивнул Керри Йос. — Неприятный человек. А разве твой отец тебя не тренировал? Он ведь у тебя мастер единоборств.

Кузьма виновато опустил голову.

— Я не хотел... не считал необходимым... к сожалению...

— Мужчина обязан уметь защищаться и защищать своих близких. Хочешь, я разбужу твою родовую память, выведу на уровень сознания? В твоём роду воинов было — не счесть.

— Как это? — удивился Кузьма. — Разве это возможно?

— Если есть желание, то ничего невозможного нет.

Кузьма с сомнением посмотрел на Хасида. Тот кивнул.

— Выход на знания рода решает много проблем. Ты занимался гимнастикой, подготовка есть, остальное дело техники. Потом и я за тебя возьмусь всерьёз.

— Хорошо, согласен. Что мне надо делать?

— Ничего, расслабься и смотри на меня, — проговорил Керри Йос. — Думай о себе, о своих родителях, вспоминай детство.

Старик откинулся на спинку кресла, пристально глядя на Ромашина, лицо его окаменело, глаза налились голубоватолдыстым свечением, превратились в сияющие отверстия. Кузьма вздрогнул, замер, полуоткрыв губы, словно хотел что-то прошептать, лицо его полностью расслабилось, стало пустым, как у куклы, глаза как бы провалились в себя. Он ушёл в пространство памяти, скрытое десятками и сотнями лет прошедшего времени.

Длилось это погружение в прошлое несколько минут.

Керри Йос вдруг погасил свет глаз, провел ладонью по лицу, стирая следы напряжения и усталости. Кузьма же, наоборот, оживился, глаза его заблестели, щеки порозовели, он очнулся и с некоторым удивлением оглянулся, не узнавая, где находится, пока не пришел в себя окончательно.

— Кажется, я уснул... Ничего не помню... Эксперимент не удался?

— Память воина проснется в нужный момент, — ворчливо заметил Керри Йос, — как только появится реальная угроза жизни. Однако тебе необходимо постоянно держать себя в хорошей физической форме, иначе рискуешь получить ауто травму.

— Я прослежу за этим, — заверил старика Хасид.

— Спасибо за все. — Кузьма встал. — Я получил больше, чем ожидал. Особенно интересно ваше суждение о Наблюдателе: что это не он хозяин «мячей дьявола». Если бы у вас еще были какие-нибудь записи, воспоминания...

— Я подготовлю интенционал и передам. — Патриарх СЭКОНа проводил гостей до двери, пожал обоим руки. — Будьте осторожны, молодые люди. Если хозяин «мячей» объявил нам войну, он не остановится на достигнутом.

Кузьма молча поклонился и вышел вслед за Хасидом, унося в душе взгляд старика, в котором сквозь дружеское расположение мерцала печаль всепонимания.

В Исфахане все еще продолжалась ночь.

Богатый событиями поход друзей закончился, можно было ложиться спать, но возбужденная психика Кузьмы требовала действий, и он, отказавшись от предложения Хасида принять душ и лечь отдыхать, снова включил консорт-линию связи с Большим Стратегом службы безопасности, которая была доступна только ему. О том, что Ромашин-младший использует для своих расчетов «паньтао» инк-систему Стратега, знали, не считая Хасида, всего четверо: Филипп и Игнат Ромашины, Владилен Ребров и Юэмей Синь.

Заблокировав все виды связи с внешним миром, Кузьма вошел в директорию проблемы, превратившись в часть оперативного объема Стратега, вскрыл переданный Лапаррой интенционал, включил режим «один-на-один» и, пользуясь ключом карт-бланш, нейтрализовал блокировку мыслеускорителя. С этого мгновения он мог работать с инком почти с такой же скоростью, как и сам компьютер. Хотя этот режим применялся крайне редко, в исключительных случаях, так как грозил оператору нервным истощением и даже смертью от психических перегрузок.

Сначала Кузьма вырастил в виртуальном пространстве решений, воспринимаемом им в данный момент как реальное, дерево предварительного расчета, не упустив ни одного инварианта всевозможных многомерных преобразований. «Дерево», по сути, представляло собой фрактал усовершенствованной «формулы Ромашина», выведенной дедом Филиппом десятки лет назад.

Затем Кузьма «привил» к «дереву» дополнительные данные, полученные от Лапарры, а также свои выводы, и ввел себя в качестве семантического героя в виртуальную среду для оптимизации управления новой «реальностью» и слияния с «образом решения».

Он оказался в удивительном мире «дерева», ветви которого непрерывно меняли очертания, цвет и плотность и служили опорой для появления странных и зачастую непонятных фигур, а также черных клякс, по сути — вирусов, жаждущих уничтожить эти фигуры и само «дерево». Кузьма вынужден был тратить время на уничтожение клякс, что мешало ему участвовать в процессе изменения «дерева» в нужном направлении. Тогда усилием воли он создал группу виртуальных операторов, выпустил их на волю как стаю голодных собак и наконец услышал и ощутил процесс трансформации «дерева» решений в колоссальной информационной среде. Сжатие временного масштаба модели позволяло ему мгновенно реагировать на влияние надсистемных критериев и разрабатывать структуру «дерева» таким образом, чтобы соблюдалась гармонизация эффектов синхронизации появляющихся рассогласований и оптимизация соотношений собственных интересов с целями надсистемы.

В «реальности» созданного его воображением мира это выглядело как бой оператора-человека и стаи «собак» с многочисленными врагами-монстрами разных видов, пытающимися деструктурировать «дерево», исказить его очертания или вообще сожрать, растворить и сжечь. Процесс очищения «дерева» от «паразитов» шел медленно, силы Кузьмы таяли с каждой секундой, но он упорно продолжал сражаться с врагами фрактала решения, с коварными трансформационными вирусами, с чужой стратегией общего сброса в виртуальную бездну и с самим собой, пока в конце концов не оказался на вершине «дерева», под жемчужно-изумрудным небом пространства многовекторной свободы. «Дере-

во» засияло огнями, как исключительно красивая, стройная, геометрически безупречная новогодняя елка, разве что гораздо более сложная.

Кузьма с восхищением оглядел свое творение — он-таки решил проблему! — и почувствовал, как глаза застилает тьма. Сознание померкло, словно его кто-то выключил. Он уже не видел, как в комнату ворвался Хасид, отключил консорт-линию, подхватил на руки друга и отнес на кровать. Затем сделал укол и вызвал «Скорую».

Звонок в дверь раздался буквально через минуту.

Хасид насторожился: он не ждал прибытия «Скорой помощи» в столь сжатые сроки, вызвал эшелон прикрытия, подстраховывающий охрану Ромашина (сам физик не догадывался, что его охраняет целая группа оперов СБ), выслушал доклад бригады наблюдения и открыл дверь. Перед ним стояла Алевтина, жена Кузьмы, одетая в броское паэто с ярко выраженным эротическим эффектом: «парча» костюма не только переливалась жемчужными волнами, но и при каждом движении женщины становилась прозрачной на груди или на бедрах, подчеркивая «зовущий силуэт».

— Я вас не разбудила? — с понимающей улыбкой проговорила поздняя или, скорее, уже ранняя — шел шестой час утра — гостья. — Прошу прощения. Я знаю, что Ромашин у вас, и хотела бы с ним поговорить.

— Это невозможно, — опомнился Хасид.

— Почему? — подняла крутые, двойных линий, брови Алевтина.

— Он не в состоянии разговаривать.

— Что-нибудь случилось? Или он... не один?

— Он один, но сильно переутомлен.

— Проводите меня, пожалуйста, к нему.

Хасид хотел ответить резким «прошу вас уйти», но отказать женщине не смог, молча посторонился и провел ее в комнату Кузьмы.

— Что с ним? — наклонилась Аля над лежащим навзничь мужем.

— Он в шоке, — нехотя, после паузы ответил Хасид. — Перегрузил мозг. Я вызвал медиков.

— Он работал с инком?

— Да.

— Зачем ему понадобилось загонять себя до такого состояния? Что за проблему вы ему подсунули?

— Мы ничего не подсовывали, — сухо сказал Хасид, начиная жалеть, что уступил жене Кузьмы. Странная ее уверенность в том, что муж решал «подсунутую» службой безопасности проблему, его насторожила.

— Я могу вызвать знакомого врача.

— Не надо, сейчас приедет «Скорая».

Однако Ромашин пришел в себя до появления «Скорой помощи». Зашевелился, пытаясь протереть слезящиеся глаза и разглядеть склонившееся над ним лицо.

— Катя, ты?..

— Это твоя жена Аля, — поспешил ответить Хасид, испытывая неловкость и досаду на себя из-за создавшегося положения.

Кузьма перестал шевелиться, закрыл глаза.

— Зачем она пришла?

Алевтина выпрямилась, надменно смерила мужа взглядом, повернулась к смущенному безопаснику:

— Кто такая Катя?

— Моя знакомая, — ответил Хасид, почти не кривя душой. — Мы были в гостях у ее родственника.

Алевтина закусил губку в светящейся помаде и, не говоря больше ни слова, вышла из комнаты.

Кузьма открыл глаза.

— Зачем ты еепустил?

— Так получилось, извини.

— Что ей было нужно?

— Она не сказала.

— Как она меня нашла?

— Я сам задаю себе этот вопрос, — пробурчал Хасид, в самом деле встревоженный появлением ранней гостьи. — Почему ты не предупредил, что будешь работать со Стратегом в режиме «один-на-один»?

— Не хотел тебя волновать, — слабо улыбнулся Кузьма, ощущая возвращение сил. — Зато я, кажется, решил проблему.

— Да ну?! — не поверил Хасид.

— Можно приступить к созданию модели «паньтао» и экспериментам с «зеркалами».

— Ты гений!

— Я тоже так думаю, — скромно потупился Кузьма, подставляя ладонь.

Хасид хлопнул ладонью о ладонь друга и от избытка чувств обнял его. В таком виде их и застала Екатерина, вошедшая в комнату без стука.

— Извините, что я без приглашения, но дверь была не заперта, я услышала ваши голоса...

Хасид посмотрел на замершего Кузьму, глаза которого были полны радости, недоверия, тревоги и надежды, и попятился к двери, пробормотав:

— Ну, вы тут поговорите, а я встречу «скорую» и приготовлю кофе...

Дверь закрылась за ним. Хасид постоял немного, прислушиваясь к тишине дома, улыбнулся и поспешил на женскую половину, где располагался хозблок. Оттуда он дал отбой «Скорой помощи», которая была уже не нужна. Катя в данном случае была лучшим лечащим врачом.

Глава 7

ЧУЖИЕ В СИСТЕМЕ

Гигантское «полено» мантоптеров оживить не удалось. Ни одна его система не работала, в том числе — главный управляющий компьютер. Все, чего удалось добиться специалистам службы безопасности УАСС, это понять принцип компоновки корабля и законы управления им. Первоначальный вывод, что космолет представляет собой единый квазиживой организм или одну «супермолекулу», оказался неверен. Корабль мантоптеров состоял из пяти модульных систем разного назначения, каждая из которых управлялась из своего центра, а главный компьютер лишь координировал модули и служил для одной цели — организации собственно полета.

Таким образом, чужак представлял собой автономную консолидацию пятого уровня, способную не только служить транспортной системой, но и выполнять роль колонии в космосе, а также крупного инженерно-технического комплекса, решающего множество функционально независимых задач. Недаром исследователи корабля обнаружили именно

пять центров управления, один из которых, как удалось выяснить, служил для его защиты.

Кроме того, люди обнаружили огромный центральный отсек, представляющий собой ландшафтную зону, и множество линзовидных отсеков по периферии этой зоны, образующих жилую зону корабля, в данный момент пустующую. В результате усилий исследователей удалось установить, что корабль мог нести в себе до сотни тысяч живых существ, предоставляя им все удобства для сносного существования в течение длительного времени. И тем не менее им управляла всего лишь пятерка мантоптеров, что, несомненно, являлось расточительной и нерациональной роскошью с точки зрения использования такого гиганта в качестве транспортного средства. Подобные рассуждения и заставляли контрразведчиков выяснять причины появления корабля в Солнечной системе и загадочной гибели его экипажа.

Германа эта проблема особенно не волновала, вектор его интересов лежал несколько в иной плоскости, но он пообещал Юэмей Синь решить проблему и работал по двадцать часов в сутки, пытаясь разобраться в языке и в психике мантоптеров, общавшихся, судя по всему, с помощью ультразвука.

С Юэмей Синь он теперь встречался регулярно, что не являлось чисто служебной необходимостью, но руководительница контрразведки очень нравилась ему, и он ничего не мог с собой поделать. Да и не хотел, чувствуя с ее стороны далеко не деловой интерес. Не смущало его и то обстоятельство, что китаянка была старше его на двадцать лет.

Спустя две недели с начала исследований чужака, которого удалось направить на одну из баз Управления аварийно-спасательной службы, располагавшуюся на орбите Сатурна, Герман пришел к выводу, что экипаж чужого космолета успел до гибели послать в Солнечную систему зонд с дублирующим сообщением, и поделился этим выводом со своим непосредственным начальником доктором Кларком. И буквально через полчаса после этого на молодого ксенопсихолога было совершено нападение, едва не стоившее ему жизни.

Обычно Герман, возившийся с трупами мантоптеров в одном из центров управления, отработав смену, сразу отправлялся в свою каюту, которая находилась среди таких же кают жилого модуля, выращенного внутри космолета в его

ландшафтной зоне, и ложился спать. Но иногда его тянуло на подвиги, и тогда он совершал многочасовые экскурсии по гигантскому кораблю, словно надеясь встретить живых мантоптеров или случайно открыть тайну гибели экипажа. Так поступил он и вечером тридцатого марта, разочаровавшись до глубины души в своей несостоятельности. Такая самооценка была ему несвойственна, обычно он был уверен в себе и достиг многого благодаря этой уверенности, однако встреча с загадкой мантоптеров заставила его посмотреть на вещи иначе.

Космолет существ, похожих на огромных богомоллов, имел многослойную компоновку. Вокруг ландшафтной зоны длиной в один километр и диаметром в двести метров, с ее странными полуживыми «лесами» и мшистыми «лугами», располагался слой линзовидных отсеков жилой зоны толщиной в пятьдесят метров. Затем шел слой изоляционный, напоминающий толстую объемную сетку, еще один слой — сотовый, каждая ячейка которого была заполнена азотом, затем слой «пены», пронизанный силовыми коммуникациями, еще один изоляционный слой с изменяющейся геометрией и внешняя «чешуя», представлявшая собой антенну вакуумного преобразователя.

Все это Герман уже знал, но ему было интересно бродить по отсекам урбанозоны, которых насчитывалось не меньше десяти тысяч, в поисках следов пребывания мантоптеров, и ради изучения их быта иногда забредал в самые глухие уголки корабля, где еще не ступала нога человека.

На этот раз он избрал для экскурсии торцевую часть ландшафтной зоны корабля, откуда начинался коридор, охватывающий спиралью всю зону и связывающий все отсеки жилой зоны. Генераторы тяготения корабля не работали, в коридорах и отсеках гигантской машины пространства царила невесомость, доставлявшая людям немало неудобств, поэтому Герман для своих вылазок пользовался антигравом. Он знал, что его опекает служба безопасности, и перестал обращать внимание на постоянно следовавшего за ним в отдалении человека, который представлял охрану.

Полетав над сумрачным фиолетово-коричневым лесом ландшафтной зоны, деревья которого напоминали гигантских волосатых многоножек или дырчатые витые стены, Герман углубился в круглый тоннель, упирившийся в корму ко-

рабля, и свернул в овальной формы коридор, образующий многокилометровую спираль. Стены коридора были неровными, бугристыми, чешуйчатыми, металлическими на вид, но, по расчетам экспертов, их структура позволяла коридору течь, и при подаче энергии он, очевидно, представлял собой нечто вроде эскалатора с индивидуальным обеспечением. То есть соседние участки стен могли течь в разных направлениях в зависимости от того, куда направлялся тот или иной житель зоны.

Обычно двери в жилые отсеки, располагавшиеся вдоль коридора, были открыты. Точнее, дверей как таковых здесь не было, присутствовал ряд овальных отверстий, затягивающихся мембранами люков по команде обитателей отсеков. Герман заглядывал в отсек и, если интерьер его привлекал, начинал обследование. Однако еще ни разу не наткнулся на помещение, в котором бы кто-то жил и оставил или забыл свои личные вещи. Отсеки, напоминающие сложные перепончато-сотовые сооружения без единой прямой линии (иногда они представляли собой пустые линзовидные емкости), были стерильно чистыми, темными и давились тишиной. Однако встречались и закрытые отсеки, проникнуть в которые можно было, только пробив дыры в дверных мембранах. Едва ли эти помещения хранили какие-то тайны семейной жизни мантоптеров, исследователи-земляне уже взломали не один десяток закрытых дверей и ничего не нашли, но от этого жилые модули «разумных богомоллов» не становились менее притягательными, и Герману очень хотелось туда попасть.

Сделав несколько безуспешных попыток пробить проход в закупоренные отсеки, он пожалел, что не имеет оружия, и решил позвать на помощь охранника, маячившего за спиной. Охранник, молодой, сурового вида парень в комплекте бижо, как и сам Герман, не имел на этот счет никаких указаний, поэтому просьбу ксенопсихолога выполнил без колебаний: просто расстрелял мембрану люка из «универсала». Герман протиснулся в образовавшееся отверстие и начал осматривать «заросшее» грибообразными перепонками помещение, ворочая нарукавным фонарем. Затем зажег «лампу» — компактный источник света большой яркости — и повесил в центре отсека, чтобы составить общее впечатление о жилище мантоптеров. И в этот момент его ударили по

голове. Вернее, в него выстрелили из парализатора, что и вызвало ощущение удара, хотя сам Алнис этого не понял.

Сознания он тем не менее не потерял, просто застыл, медленно дрейфуя в невесомости, беспомощный и ослабевший. В отсек пролез какой-то человек, уже не охранник Германа, а совершенно незнакомый мужчина средних лет, с длинными висячими усами, держа в руке пистолет с игольчатым дулом. За ним появился еще один, помоложе, но угрюмее, смуглолицый, горбоносый, с волной блестящих черных волос.

— У нас мало времени, — сказал он на английском языке. — Мы не сможем заблокировать весь горизонт.

— Допросим и уничтожим, — сказал второй.

— Безопасность поставит всех на уши, нам это невыгодно.

— Не твоя забота. — Длинноусый притянул к себе за ногу безвольное тело Германа, уставился в его глаза своими маленькими, бесцветными, глубоко сидящими глазками. — Отвечай на вопросы! Откуда ты взял, что мантоптеры послали к Земле зонд с донесением?

— Результаты ментаобследования... — вяло прошептал Герман, не понимая, что с ним. — Эти данные... засекречены...

— Говори!

— Не имею... права...

Длинноусый ударил Алниса по лицу.

— Убью! Говори! Что вы знаете о послании?

— Их экспедиция — акт отчаяния... возможно — это предупреждение... больше я ничего не...

Еще один удар.

— Говори!

Однако больше ничего допрашивающим выяснить не удалось. Во-первых, Герман окончательно потерял сознание. Во-вторых, ситуация изменилась.

Внезапно потолок отсека, под куполом которого плавала сияющая белым накалом «лампа», лопнул, образуя две равные дыры, в эти дыры проскользнули две человеческие — на вид — фигуры, вооруженные необычного вида карабинами, и открыли огонь по допрашивающей Германа парочке. Те в свою очередь ответили стрельбой: длинноусый — из парализатора, смуглолицый — из «универсала», — однако операция по их захвату была продумана хорошо, и сражались они, конечно, не с живыми оперативниками, а с витсами, в задачу

которых входило отвлечь внимание налетчиков от Германа. Затем началась финальная стадия операции.

В отсек через дыру в центральной двери ворвались еще двое оперативников службы безопасности — витс-телохранитель Германа, сыгравший роль «убитого», и Юэмей Синь, лично обезвредившая длинноусого выстрелом из парализатора. Его напарника ранили и скрутили подоспевшие витсы группы захвата.

Руководительница контрразведки догнала уплывшее к стене от движения воздуха тело молодого ксенопсихолога, убедилась, что он в беспамятстве, но жив, и вызвала обойму прикрытия. Через полчаса Германа доставили в медцентр жилого модуля, где врачи сделали все необходимое, чтобы он вышел из шока. В себя Герман пришел спустя час после всех событий.

Черная мгла в глазах поредела, рассеялась, сквозь косые струи серого тумана проступило склонившееся над ним прекрасное женское лицо.

— Ю... — прошептал Герман, силясь встать.

— Не шевелитесь, — проговорила Юэмей Синь, положив ему на лоб узкую ладошку. — Вы еще очень слабы. Извините, что мы чуть-чуть опоздали.

— Они...

— Мы их задержали, не волнуйтесь.

— Чего они хотели?

— Вероятно, Наблюдателя встревожило ваше предположение о посылке зонда мантоптерами, и он направил своих агентов выяснить, что нам известно об этом.

— Но я никому не говорил...

— Кроме доктора Кларка.

— Неужели он... агент Наблюдателя?!

— Думаю, что нет, но мы это уточним. В дальнейшем постарайтесь не делиться своими предположениями и выводами ни с кем. Кроме нас, разумеется. А теперь отдыхайте и поправляйтесь.

— Я здоров, — приподнялся на локтях Герман, — и могу работать.

— Для всех вы тяжело травмированы. Возможно даже, вас придется госпитализировать на Землю, в одну из клиник Управления.

— Для дезинформации Наблюдателя? — догадался Герман.

Китайка улыбнулась.

— Из вас может получиться неплохой аналитик для нашей службы. Кстати, хорошо было бы действительно отправить вас на Землю на какое-то время. У вас есть друзья, которым можно доверять?

— Конечно, сколько угодно. Кузьма Ромашин, Ходя... э-э, Хасид Хаджи-Курбан, Олег Новиков... А что?

— Попробуйте договориться с ними о встрече.

— Но ведь Кузьма тоже сейчас работает с безопасниками.

— Ему, как и вам, требуется отдых. Вы оба должны на день-два выпасть из поля зрения Наблюдателя. Что, если я предложу вам довольно экзотическое место для отдыха?

— Спутники планет Системы? Плутон — Харон? Или вообще другие звезды?

— Нет, гораздо ближе: земная Антарктида.

Герман удивленно взглянул на Юэмей Синь.

— Антарктида же заповедная зона, там запрещено размещать туристические комплексы и отели.

— Я не говорю, что они там есть. Во льдах Антарктиды существует система тоннелей где работают палеовитологи, археологи и другие исследователи, а подо льдом, на твердой поверхности материка, создана сеть купольных городков, где они живут. Один из таких жилых модулей сейчас свободен.

— Вы хотите, чтобы я... чтобы мы там спрятались?

— Во-первых, это необходимо для вашей же безопасности. Во-вторых, экскурсия по горам Антарктиды, где найдены следы древней цивилизации, обещает быть весьма интересной. В-третьих, я в скором времени присоединюсь к вам.

Начальница службы контрразведки заглянула в глаза Германа, в которых сквозь сомнения и колебания протаяло радостное недоверие, и добавила:

— Если, конечно, вы не возражаете.

— Не возражаю, наоборот, буду очень рад, но это так неожиданно... — забормотал ксенопсихолог. — А вы точно присоединитесь?

Юэмей Синь засмеялась и вышла из медотсека в сопровождении молчаливого сотрудника. Герман откинулся на подушку, вспоминая тон китайки, каким были сказаны последние слова, ее взгляд, скрытое волнение, и не удержался от хлопка в ладоши и восклицания:

— Йехуу!

В комнату заглянул охранник медцентра, увидел радост-

но-возбужденную физиономию Алниса и скрылся. Герман заставил себя успокоиться, полежал немного, унимая сердцебиение, потом сел на край удобного ложа медкомбайна, следившего за состоянием пациента через сеть дистанционных датчиков, и набрал на своем инком-браслете номер инкома Кузьмы.

Связь дали через полминуты.

Над окошечком инкома выросла световая нить, развернулась в плоскость и превратилась в объем видеопередачи. На Германа, моргая, с сонным видом смотрел младший Ромашин.

— Ты что будишь людей среди ночи?

Только теперь Герман сообразил, что по времени Исфохана, где жил Кузьма, еще не кончилась ночь.

— Извини, Кузьра, у меня с головой плохо, еле жив остался.

— Что случилось? — забеспокоился Кузьма.

— Потом расскажу. Слушай, есть классная идея отдохнуть в приятной компании в интересном месте. Сможешь уговорить Екатерину полететь с тобой в Антарктиду?

— Куда?! — изумился Кузьма.

— В Антарктиду. У меня только что была Юэмей и посоветовала нам с тобой на пару дней исчезнуть. Короче, ищи Катю, договаривайся с Ходей, я через час позвоню и скажу, где встречаемся.

— Надеюсь, это не первоапрельская шутка?

Герман вдруг вспомнил, что уже действительно наступило утро первого апреля, рассмеялся.

— Совершенно забыл об этом. Но разыгрывать тебя не собираюсь. Думаю, тебе скоро позвонит твое эсбэшное начальство и все объяснит. Итак, когда мне звонить?

Кузьма поскреб макушку.

— Не представляю, каким образом мне удастся уговорить Катю поехать с нами. Да и зачем?

— К нам присоединится Юэмей.

Кузьма хмыкнул, разглядывая порозовевшее лицо друга.

— Тогда другое дело. Что ж, попробую, жди звонка.

Виом связи собрался в луч света, погас.

Герман слез с кровати, сделал два круга по комнате (в модуле поддерживалась нормальная сила тяжести) и вызвал медперсонал, чтобы принесли его одежду.

Кто-то включил освещение, и тоннель, проложенный в толще льда на глубине полутора километров под снежной поверхностью Антарктиды, превратился в бесконечную стеклянную трубу, пронизывающую полупрозрачное голубовато-белое желе, ничуть не похожее ни на воду, ни на лед.

В полярном лабиринте поддерживалась вполне терпимая температура — минус два градуса по Цельсию, что позволяло экскурсантам прогуливаться по тоннелям и штрекам достаточно долго, и они использовали предоставленную им возможность на всю катушку, в первый же день пребывания в глубинах ледяного щита Антарктиды пройдя около двух десятков километров. Очень уж было интересно бродить по блистающим рукотворным гротам, стены которых сформировались из льда и вкраплений пыли и камней сотни тысяч лет назад.

Когда первые шахты пробурили лед Антарктиды, люди обнаружили подо льдами самое настоящее «антарктическое» море: благодаря тепловому режиму материка температура поверхности гор и равнин поддерживалась на уровне плюс четырех градусов по Цельсию, и вся Антарктида оказалась накрытой слоем воды, а уж потом — льда.

Но самое необычное впечатление производили даже не тоннели, а очищенные ото льда и воды участки материковой поверхности Антарктиды, на которых были найдены следы древней цивилизации: фундаменты жилищ, остатки стен каких-то сооружений, предметы быта, сосуды, украшения из золота и драгоценных камней, а также скелеты древних обитателей материка, говорившие о том, что они были гигантами. Длина самого маленького скелета достигала трех метров.

Конечно, гостям, прибывшим «на дно» Антарктического материка тайно, по секретной линии метро, не везде разрешали совать свой нос, но и того, что они увидели, оказалось достаточно для восхищения и долгих споров о предках человечества и о зарождении жизни на Земле.

Сначала их было пятеро: Кузьма каким-то образом уговорил-таки Катю поехать с ним, Хасид взял с собой свою подругу Мариам, — и Герман расстроился, считая обещание Юэмей присоединиться к компании чисто «политическим» заявлением, тем более что он напрасно прождал ее целый день. Однако руководительница контрразведки слов на ве-

тер не бросала и появилась в пустующем временно поселке археологов к вечеру того же дня, после чего настроение ксенопсихолога резко изменилось. Он перестал чувствовать себя одиноким и стал душой общества, как это было в других компаниях. О том, какую цель преследовала главная контрразведчица службы безопасности, помимо создания условий для отдыха важных персон, какими стали Алнис и Ромашин, Герман не задумывался. Романтическая аура окружала происходящее, отношения с китайкой складывались странные, и его тянуло к ней все больше, хотя он и понимал свое положение.

Вечером они устроили пикник «на природе»: запустили программатор местной кухни на приготовление шашлыков, устроили соревнования по метанию стрелок в специальный щит (сюрприз приготовил Хасид), которые неожиданно выиграл Кузьма, затем организовали танцы вокруг скульптурной группы, обнаруженной археологами недалеко от модуля (купол возвели именно над этим местом, где когда-то стоял город антарктов).

Скульптурная группа представляла собой безголового гиганта, душившего не то змея, не то дракона, и компания изрядно повеселилась, сравнивая древнего змееборца с современными мужчинами.

«Пикник» закончился поздно ночью — по местному времени, после чего мужчины и женщины разбились по парам и разбрелись кто куда. Герман впервые остался с Юэмей Синь наедине, о чем даже и не мечтал, но поскольку всегда умел поддерживать нужный тон и вести себя соответственно обстоятельствам, скованным себя не чувствовал, хотя нет-нет да и мелькала пугающая мысль, что он прогуливается с одной из самых могущественных женщин Солнечной системы.

Сначала они обошли городок археологов по периметру, поглядывая на архитектурные находки исследователей: столбы, остатки стен и фундаментов, части статуй, — потом углубились в один из тоннелей, пол которого был каменным, а стены и потолок ледяными; когда воду из-под льда выкачали, лед осел, и тоннели и шахты пришлось делать заново.

Беседовали о самом разном, что только приходило на ум. От цивилизации антарктов перешли на космические цивилизации, о которых Герман знал больше, чем о земных, поэтому ему было что рассказать собеседнице о своем участии

в исследовании древних негуманоидных культур Орилоуха, Маата и Сферы Дайсона. Затем заговорили о мантоптерах, хотя китаянка больше молчала и задавала вопросы, с интересом поглядывая на ксенопсихолога, а говорил в основном Герман.

— Я понимаю, что вы много знаете о других разумных существах, — сказала Юэмей Синь после того, как он замолчал, прислушиваясь не только к речи Алниса, но и к переговорам своих подчиненных по сети «спрута»; ее уник был оборудован системой связи с выходом на сеть. — Но все же мне любопытно, из чего вы сделали вывод, что мантоптеры послали зонд в сторону Земли? Знание ведь не всегда означает понимание.

— Прямых доказательств у меня действительно нет, — не обиделся Герман на вежливое сомнение женщины. — Однако логические аппараты людей и мантоптеров очень близки, это доказано и не подлежит сомнению. А рассуждал я следующим образом.

Во-первых, будь на месте мантоптеров земляне, они не послали бы такой гигантский корабль со столь малым экипажем без железной необходимости. Во-вторых, люди, выполняющие особую миссию, при возникновении угрозы жизни всегда дублируют свои действия для выполнения задачи. В-третьих, анализ уцелевших файлов мантоптерского компьютера показал, что корабль на последнем участке полета к Солнечной системе производил весьма сложные эволюции, маневрировал, что почти впрямую говорит о его попытках избавиться от преследования. И, наконец, судя по локальному нарушению формы корпуса в носу корабля, он потерял некую системную консолидацию, то есть, грубо говоря, выбросил часть тела, которая вполне могла играть роль автономного аппарата. Вывод: мантоптеры з н а л и, что спасения нет, и послали зонд.

— Почему же мы его не обнаружили в Солнечной системе?

— Потому что они могли его направить не прямым путем, а в обход. Либо зонд, как и сам корабль, наскочил на «зеркало», его развернуло на сто восемьдесят градусов, и он теперь летит в обратном направлении.

Юэмей Синь остановилась, разглядывая не сразу отреагировавшего на ее задержку Алниса. Тот смутился, останавливаясь:

— Я что-то не так сказал?

— Нет, я просто передала мента-сообщение в Управление, — ответила руководительница контрразведки. — Пусть начинают поиски за пределами Системы. Если бы вы поделились своими мыслями со мной раньше, мы, наверное, уже нашли бы зонд.

Герман покраснел.

— Но это лишь мое предположение... его надо обосновать и доказать...

— Мы в вас не ошиблись, сяньшэн Герман, только у нас есть просьба: возникающие идеи сообщайте сразу же при их появлении, это позволит нам работать на опережение агенты Наблюдателя. Договорились?

— Но я могу и ошибаться...

— Вы знаете законы Спенсера?

— Вы имеете в виду законы принятия решений?—после паузы спросил ксенопсихолог.

— Совершенно верно. Каждый может принять правильное решение, располагая достаточной информацией. Хороший руководитель — и специалист вообще — способен принять решение, располагая недостаточной информацией. Идеальный руководитель может принять решение, не зная решительно ничего.

Герман усмехнулся.

— Идеальных руководителей не существует. — Он спохватился: — Извините, я не хотел вас обидеть.

— Ну, до идеала нам обоим далеко, — с тонкой иронией проговорила Юэмей Синь, — однако вместе мы вполне способны принять правильное решение.

Герман отвел глаза, не решаясь возражать, пробормотал:

— Мой учитель говорил, что особенно трудную задачу следует поручать лентяю: он найдет более легкое решение.

Китайка тихо рассмеялась: как ручеек зажурчал.

— Вы тоже лентяй?

Герман смешался, так до сих пор и не решив, как следует себя вести со столь властной особой, встретился с Юэмей глазами и увидел странный свет в их глубине, который можно было трактовать по-разному. Но ему очень хотелось верить, что выражал он не только практический интерес.

Возникло желание просто подойти к женщине, обнять и

поцеловать. Одновременно вспомнилось старинное изречение: «Я могу устоять против всего, кроме искушения»¹.

Однако он устоял.

— Вообще-то никто меня лентяем не называл, хотя и трудоголиком я никогда не был. Мечтал стать врачом, а стал ксенопсихологом. Как говорил поэт: «Мечты! Без них была бы жизнь бледна».

— Чьи это слова?

— Эдгара По.

— Вы любите старинных поэтов?

— Почему только старинных? Современных тоже: Харта-сара, Айвенго, Блаженного, Шилова. Но древних, пожалуй, больше. По, Вилкниса, Стивенсона, Лермонтова. А вы кого предпочитаете?

Юэмей ответила не сразу, останавливаясь на перекрестке двух тоннелей, один из которых вел в гроты, выплавленные во льду людьми:

— Пожалуй, и мне древние поэты больше по душе. У По мне нравятся такие строки: *

Скреплен союз кольцом,
Порукою согласья,
И с новым женихом
Стоим мы под венцом,
Но обрела ль я счастье?

Взгляд женщины стал задумчивым и даже печальным на мгновение, затем она как бы очнулась и тихо рассмеялась, пытаясь сгладить впечатление.

— А вообще-то я больше люблю Юй Цзы:

Со дня того, когда подул нежданно
Осенний ветер,
Думаю всегда: «Когда же наконец
Придет мой друг желанный,
Которого с такой тоскою жду?»

Герман заглянул в глаза китаянки, снова ставшие зовущими, дразняще ироничными и загадочно печальными, шагнул к ней, ощущая всей кожей ее волнение, прорывающееся сквозь барьер сдержанности, притянул к себе и поцеловал.

¹Оскар Уайльд.

И лишь потом, когда она не ответила, испугался, вдруг ощутив себя преступником.

Однако Юэмей хотя и не ответила на поцелуй, но и не оттолкнула его, словно не поняла, что произошло, и лишь минутой спустя, когда он отпустил ее, тихо проговорила:

— Вы смелый молодой человек, Герман, но я старше вас на двадцать лет.

— Это не имеет значения, — пробормотал сбитый с толку ксенопсихолог. — Вы красивая женщина, Юэмей, хотя и это не имеет значения. С недавнего времени вы для меня...

Тонкие пальчики китайки прижались к его губам.

— Не торопитесь говорить того, чего потом будете стыдиться или стесняться. Пусть время расставит все по своим местам. И не сердитесь на меня, хорошо?

Герман поцеловал пальцы женщины, прежде чем она успела их убрать.

— Я вас понимаю...

В глазах Юэмей Синь мелькнули насмешливые огоньки.

— Существует пословица: когда мужчина начинает понимать женщин, он уже не представляет интереса как мужчина. Мне с вами интересно, это правда, и даже более того... но не забывайте, что я китайка, а китайки относятся к мужчинам несколько иначе, нежели другие женщины.

Герман покорно кивнул, не зная, как расценивать слова Юэмей. Руководительница контрразведки смотрела на него с явным сожалением, и это больше всего уязвляло и угнетало молодого человека, никогда не чувствовавшего себя скованным и робким в отношениях со слабой половиной человечества. Внезапно китайка оказалась рядом, обвила его шею руками, поцеловала в губы и тут же отстранилась, поспешила прочь. Оглянулась на застывшего в шоке ксенопсихолога:

— Пойдемте обратно, сяньшэн. Вам надо отдохнуть, а у меня еще есть кое-какие незавершенные дела.

Не сказав больше друг другу ни слова, они вернулись к городку археологов. Юэмей Синь умчалась с помощью тайфа в Управление аварийно-спасательной службы, пообещав навестить их компанию днем, а Герман присоединился к сидевшим у камина в гостевой части модуля парам. Все отметили его похоронно-задумчивый вид, но расспрашивать ни о чем не стали, продолжая вести спор о возможных последствиях вторжения в Солнечную систему «мячей дьявола».

В конце концов тема заинтересовала Германа, и он, отложив на будущее анализ своих отношений с Юэмей, принял посильное участие в дискуссии, которая длилась больше часа. Потом он первым пошел спать, сославшись на усталость, и уже не видел, как пары разошлись по каютам, как Кузьма Ромашин проводил Катю, пожелал ей спокойной ночи и направился в свою спальню, но потом передумал, нарвал букет цветов в оранжерее и вернулся к спальному модулю Екатерины.

Дверь открылась и, после небольшой паузы, закрылась за ним.

* * *

Они встретились в Управлении, в рабочем модуле комиссара службы безопасности: Юэмей Синь, командор погранслужбы Игнат Ромашин и сам хозяин кабинета Владилен Ребров.

— Давайте суммировать наши наблюдения, — предложил невозмутимый Ребров. — Но прежде хочу предупредить, что мы зафиксировали попытки взлома наших систем ограничения доступа. Кто-то упорно пытается вскрыть секретные серверы Управления.

— Разве не удалось определить взломщиков? — поднял бровь седой Ромашин.

— Единственное, что удалось определить нашим специалистам, — вмешалась Юэмей Синь, красивое лицо которой отражало какую-то внутреннюю борьбу, — это векторы взлома. Те, кто пытается проникнуть в нашу инк-сеть, сидят в СЭКОНе и в Правительстве. Мы продолжаем работу и наверняка выйдем на хакеров.

— Если бы вам удалось сохранить жизнь перехваченным агентам Наблюдателя, мы бы уже знали, кто его резидент.

Юэмей рассеянно посмотрела на Реброва и промолчала. Комиссар имел в виду последние события на борту мантоптерского корабля, когда захваченные контрразведчиками мужчины, напавшие на Германа Алниса, внезапно потеряли сознание и скончались. У обоих сработала система самоликвидации. Впоследствии выяснилось, что оба они работали в службе охраны министерства безопасности под непосредственным руководством Артура Мехти.

— У вас какие-то неприятности, тайтай? — вежливо спросил наблюдательный Ромашин.

Китайка сделала усилие и стала прежней Юэмей Синь, сильной и властной начальницей службы контрразведки.

— Извините, сяньшэн, у меня личная проблема, но она разрешима. Могу добавить кое-какие выводы из наблюдений за нашими VIP. За ними ведется слежка, это совершенно очевидно. Методика проста: используются спутниковые метеосистемы и компьютерные сети с выходом на любой регион Солнечной системы. Если объект выпадает из поля зрения наблюдателей, например, долго не показывается из дома, к нему идет проверяющий — витс или специально подготовленный человек. Любое перемещение объекта фиксируется, тайфы при этом методе контроля малоэффективны.

— Это плохо, — сказал Ромашин. — Как оперативна их система слежки? Я имею в виду скорость отработки данных.

— Человек, использующий тайф, может быть обнаружен на новом месте в течение пяти минут.

— Это плохо, — повторил командор погранслужбы.

— С одной стороны, действительно есть о чем задуматься, с другой — мы имеем шанс вычислить центр контроля.

— Уже есть результаты?

— Мы только начали анализ систем контроля. Но уже ясно, что управляются они из комплекса зданий Правительства в Москве.

— Что дала вам идея спрятать наших молодых помощников в Антарктиде?

— Резидент ателя забеспокоился по поводу их исчезновения и послал на поиски проверяющих. К Яну Лапарре пришел сам сын Артура Мехти, чтобы узнать, где внучка Лапарры. В дом Кузьмы Ромашина вломилась команда противопожарной службы, якобы получившая сигнал о пожаре. Хасиду Хаджи-Курбану звонил его друг из отряда кобры Фомина.

— А мне лично позвонил господин министр, — усмехнулся Игнат Ромашин, — и поинтересовался, чем занят мой сын.

Ребров и Юэмей Синь озадаченно переглянулись.

— Артур Мехти позвонил сам? — хмыкнул комиссар. — Не побоялся раскрыть свое отношение к ателю? Я считал, что он и есть резидент.

Ромашин покачал головой.

— У него мог быть свой расчет, вплоть до намеренного обнаружения вторичной сети Наблюдателя, чтобы уберечь главную.

— Зачем ему понадобился твой сын?

— Министр предложил ему место эксперта в Правительстве, под предлогом того, что он хороший специалист.

В кабинете Реброва наступило молчание, которое первой нарушила Юэмей Синь:

— Я это предвидела, уважаемые коллеги. Наблюдатель готовил атаку долго и начал неожиданно, однако он — не гуманоидная система и допускает ошибки, вербуя агентов из чересчур заметных фигур. Он на этом погорит.

— Но пока что мы не успеваем за ним, — проворчал Ребров. — И у меня остаются сомнения, что «мячи дьявола» принадлежат именно ателю.

Командор погранслужбы пригладил серебристый ежик волос.

— Мало верится, что кого-то еще, кроме ателя, насторожила деятельность человечества. Не слишком ли много получается контролеров на нашу голову? Кому еще мы перешли дорогу? И где?

— Вы забываете об открытой вашим отцом Красной Книге¹, — сказала Юэмей Синь. — Мы — не единственные существа в Галактике, а тем более во Вселенной, где-то живут и другие разумные существа со своими контролирующими органами.

Помолчали.

— К сожалению, у нас пока мало данных, чтобы сделать правильные выводы, — продолжала руководительница контрразведки. — Возможно, вы правы. Надо объединить усилия наших служб в поиске внутренних и внешних систем слежки и передачи информации, но так, чтобы это не дошло до деятелей из Правительственных кругов и СЕКОНа, которых мы уже знаем. Пора переходить на независимую координирующую связь с двойной отсечкой и персональным кодированием.

— «Спрут-2» уже в стадии развертки.

¹Имеется в виду планета — заповедник исчезающих цивилизаций (см. книгу автора «Особый контроль»).

— Тогда у меня все. Есть сведения от экспедиции в Змееносец?

— Они оставили две группы на автономных модулях в системе Синистры, — сказал Ромашин, — которые будут имитировать исследования звезд Змееносца, и вышли за пределы Рукава. Еще пара прыжков, и они объявятся у границ шарового скопления.

— У них очень мало времени, — сказал Ребров. — Мы можем работать спокойно до тех пор, пока в Змееносце не появятся «зеркала». Как только Наблюдатель поймет, что экспедиция отправилась дальше в космос, он начнет охоту за ней.

— Ты что-то предлагаешь конкретно?

— Нет.

— Тогда продолжаем работать. Кстати, тайтай, как держатся наши молодые эксперты?

— Хорошо, — сказала Юэмей Синь, зардевшись как девочка. — Я провела с ними почти целый день. Они полны сил и оптимизма. Кое-кого из них я бы даже зачислила к себе в штат.

— Кого же? — добродушно усмехнулся Ромашин.

— Германа Алниса. Он мыслит быстро и точно. Готовый эксперт-эфаналитик.

Ребров бросил на контрразведчицу косой взгляд, хотел что-то сказать, и в это время над его столом вырос «бутончик» виома, развернулся в объем передачи с головой дежурного по Управлению.

— Экстренное сообщение, господин комиссар, — проговорила голова. — «Теннисный мяч дьявола» отбит и направляется сейчас под углом восемьдесят три градуса к плоскости эклиптики в сторону Змееносца. «Футбольный мяч» ни отбить, ни остановить не удалось. Через час он вонзится в Солнце.

— Хорошо, Дон, — отозвался Ребров.

Виом погас.

Трое руководителей спецслужб смотрели друг на друга в ожидании каких-то откровений и молчали. Потом Ромашин задумчиво проговорил:

— Интересно, это простое совпадение или точный расчет?

— Ты о чем? — очнулся Ребров.

— О том, что «теннисный мяч» направился к Змееносцу. Именно туда, куда ушла экспедиция.

— Он еще повернет.

— Дай-то бог!

Снова по кабинету разлилась прозрачная вода молчания. Наконец комиссар закончил свои размышления и встал из-за стола.

— Предлагаю посмотреть на этот спектакль.

— Ты имеешь в виду столкновение «мяча» с Солнцем? — догадался Ромашин.

— Хоть посмотрим, что произойдет. Может быть, «мяч» лопнет?

— Дай-то бог! А если нет?

— Тогда и будем думать, каких последствий следует ожидать.

Ребров пропустил Юэмей и Игната, включил систему охраны и вышел из кабинета.

Видеопередача о столкновении «футбольного мяча дьявола» с Солнцем транслировалась во все уголки Солнечной системы, и момент столкновения наблюдали сотни тысяч людей, кому было небезразлично, что происходит в их космическом доме.

Диаметр центрального светила Системы равен одному миллиону триста девяносто одной тысяче километров, поэтому десятитысячекилометровый «мяч» «сферозеркала» гляделся пылинкой на фоне пылающей дыры солнечного горнила, но специальные методы видеопередачи позволяли видеть «мяч» и детали солнечной поверхности в объеме с реальной цветопередачей (яркость гасили особые «виртуальные» фильтры).

Атмосфера Солнца состоит из трех слоев: короны, простирающейся на расстояние порядка десятка солнечных радиусов, хромосферы толщиной от десяти до пятнадцати тысяч километров и обрабатывающего слоя, состоящего из раскаленных газов многих химических элементов температурой в четыре тысячи четыреста градусов. Толщина этого слоя всего восемьсот километров. А ниже идет фотосфера, создающая видимые очертания Солнца, отличающаяся более яркой светимостью и особой гранулированной структурой. Однако

наиболее красивой является хромосфера, получившая свое название («хромос» — по-гречески «цвет») из-за ее розоватого цвета, вызванного преобладанием в излучении красной линии водорода. Хромосфера на солнечном лимбе напоминает луг, покрытый травой. Отдельные «травинки», толщина которых достигает пятисот километров, называемые спикулами, образуют «кусты», колеблются от «ветра», «растут» и «увядают» за несколько минут. За этим дивным раскаленным «лугом» можно наблюдать долго, его жизнь буквально завораживает, как, впрочем, и жизнь других образований солнечной поверхности — гранул, термотрещин, темных пятен, факелов и протуберанцев.

Тем не менее никто из многочисленных зрителей панорамой Солнца особенно не любовался, все ждали появления «футбольного мяча дьявола», пожирившего пространство со скоростью пять тысяч километров в секунду. И вот он наконец появился — блестящий шар, отражающий свет, но поглощающий все остальные виды материи, однако скорость его была так велика, что процесс столкновения удалось разглядеть и записать лишь автоматам, которые чуть позже показали его в замедлении. Для людей же это явление осталось практически незамеченным: «мяч» мелькнул перед глазами и мгновенно исчез, утонул в огненном море солнечной атмосферы.

Впрочем, процесс столкновения гигантского сферозеркала с Солнцем и при повторении замедленной видеосъемки большого впечатления на зрителей не произвел. «Мяч» без замедления скорости пронзил корону и «горящий луг» хромосферы Солнца, миновал эруптивный протуберанец высотой в двадцать тысяч километров и вонзился в край солнечного пятна — в его полутень — диаметром в тридцать пять тысяч километров. При этом он полсекунды погружался в вещество пятна с прежней скоростью, пройдя половину своего диаметра, затем замедлил скорость вдвое, как бы почувствовав растущее сопротивление солнечной плазмы, и тогда стали заметны эффекты в с а с ы в а н и я им потоков плазмы, сразу изменившие состояние пятна. Правда, проявляться эти эффекты стали уже после того, как «футбольный мяч дьявола» скрылся под слоем фотосферы. Выглядело же это следующим образом.

Пятно превратилось в гигантскую дыру в недрах Солнца, более яркую в центре, чем по краям. Затем вокруг дыры

вспыхнули еще более яркие факелы — флоккулы, образовав красивый гребенчатый «забор», и гигантская область вокруг них забурилась, закипела, как вода в кастрюле, выбросила множество изогнутых фонтанов и струй огня.

Длилось это явление несколько минут, пока дыра не исчезла, заплывла кипящей плазмой, скрылась под слоем вихрящихся раскаленных газов.

«Мяч дьявола» провалился в недра Солнца и продолжил движение, хотя и с меньшей скоростью. Ни огромная температура, ни давление, ни мощные электромагнитные поля на него не подействовали.

— Может быть, он не выдержит давления, когда нырнет поглубже? — задал риторический вопрос комиссар в тишине зала визинга спейсера погранслужбы «Мощный».

Никто ему не ответил, все еще рассматривая лик Солнца и ожидая каких-то событий. Лишь через минуту, когда стало ясно, что судьба шара откроется не скоро, присутствующий в зале Филипп Ромашин проговорил, обращаясь к командиру спейсера:

— Мы его больше не увидим?

— Лично мы — нет, — ответил Хорхе Луис. — Но обсерватории на Меркурии и на станциях пояса СПАС имеют нейтринные телескопы, они должны проследить траекторию «мяча» по вторичным эффектам.

Словно в ответ на его слова рации «спрута» принесли сообщение от координатора службы наблюдения:

— «Мяч» продолжает проваливаться в глубины Солнца со скоростью около ста километров в секунду. Скорость постепенно падает.

— Вы его видите? — спросил директор УАСС.

— Опосредованно, через синтезаторы изображения. Зато мы хорошо видим «кротовую нору», которая за ним тянется.

— Сообщите, если что-либо произойдет.

— Непременно, господин директор.

Филипп оглядел лица коллег, выражающие озабоченность и тревогу.

— Итак, судари мои, что скажете? Как нам понимать ате-ля или того, кто запустил шар «мяча» в «лузу» Солнца? Может, посоветуете, что нам делать?

Никто директору УАСС не ответил.

КРИМИНАЛИССИМО

Разговор с председателем СЭКОНа Бернхардом Спенсером был тяжелым и закончился ничем. Спенсер не захотел согласиться с доводами Яна, изложенными в докладной записке, а Лапарра не нашел нужного тона, чтобы доказать свою правоту, хотя чувствовал, нет — з н а л, что будет так, как он сказал. Оставшись наедине с самим собой, Лапарра глубокомысленно пробормотал: «Наши желания всегда ограничены чьими-то возможностями», — и стал ждать, когда сбудутся его предположения.

Ждать ему пришлось недолго.

Уже на второй день после аудиенции у председателя СЭКОНа события начали развиваться в точном соответствии с расчетами Лапарры. Их можно было разбить на две группы: внешние и внутренние. Внешними — по отношению к самому Яну — могли считаться события, связанные с «зеркалами», «мячами дьявола», и ответные действия людей, внутренними — все, что происходило в непосредственной близости от советника и касалось его самого.

Предсказания по внешним событиям о качественном изменении контроля за человечеством сбылись практически по всем пунктам. Лапарра предугадал даже появление нового типа «зеркал» — «мертвяков», а затем и «сферозеркал», нацеленных на активные эволюции внутри Солнечной системы. Не предвидел он только попадания одного из «мячей дьявола» в Солнце.

Внутренние события тоже развивались «по плану», хотя и с небольшими отклонениями.

Сначала к Лапарре заявился бывший дружок Екатерины Оскар Мехти в сопровождении своих «ковбоев» и учинил самый настоящий допрос. Особенно его интересовало, куда девалась внучка Яна, не приходил ли к ней Кузьма Ромашин, и не знает ли Ян, где тот сейчас живет. Лапарра в дом визитеров не пустил, отвечать на вопросы не стал, а когда Оскар вознамерился войти силой и осмотреть жилой модуль, Ян вышвырнул непрошенных гостей одного за другим за пределы дома и закрыл дверь. Не помогли им ни приемы рукопашного боя, ни демонстрация оружия.

Затем вечером того же дня Яну позвонил неизвестный и, не включая «обратку» (был слышен только голос, густой и хриплый, изображение отсутствовало), сказал:

— Старик, не суй нос в чужие дела, а то не доживешь до юбилея.

— Кто говорит? — хладнокровно спросил Лапарра, включая поисковую систему.

— Дед Пыхто. — Раздалось карканье, означающее, очевидно, смех. — Можешь называть меня заместителем Дьявола, как ты обозвал того, кто связан с ателем, в своей докладной записке. Это предупреждение первое и последнее. Не уймешься — мы займемся тобой и твоей красавицей-внучкой всерьез.

— Тронете девочку — найду и убью! — тем же спокойным холодным тоном проговорил Лапарра. — А вычислить тебя будет просто, господин заместитель, несмотря на твою конспирацию. Ведь звонишь ты небось из Дома Правительства?

Молчание на том конце линии связи, тихий щелчок консорт-отсечки: говоривший в недоумении проверял, включена ли защита.

Ян усмехнулся и выключил виом. Инк не успел определить точные координаты звонившего, но то, что звонили из Дома Правительства, сомневаться не приходилось. Подумав немного, Ян связался с Сеулом, где жил патриарх СЭКОНа Керри Йос.

Виом долго был белым и бесформенным, как облако, в доме Йоса не торопились включать линию, словно опасаясь чего-то, и даже домовый молчал, не отвечая стандартной фразой автоответа: никого нет дома, позвоните позже или оставьте свое сообщение.

Наконец виом обрел глубину и цвет, и перед Лапаррой возникла лысая голова Керри.

— Кому это я понадобился в Европе?

— Мне, — сказал Ян. — Привет, старик. Не разбудил?

— Привет, киборг. Сплю я мало, так что не стесняйся, звони. По делу или так?

— Хочу предупредить. Ты один из тех немногих, кто контактировал с ателем, и знаешь, чего можно ожидать от его «шестерок». Будь осторожен. Попроси у Спенсера обойму охраны. Или лучше у Филиппа, он даст.

— Ничего я просить ни у кого не буду. С чего ты взял, что мне угрожает опасность?

Лапарра помолчал.

— Мне звонили... и угрожали.

— Мне тоже звонили, — отмахнулся Керри Йос. — Нерезьезно все это. Если бы они хотели нейтрализовать нас, сделали бы это без предупреждений и детских угроз.

— Это не детские угрозы. Наблюдатель — джентльмен и заставляет своих представителей действовать в соответствии с некоей этикой, пусть и примитивной.

— Нам звонили не представители ателя.

— А кто?

— Ты прав, говоря о примитивности угроз и вообще всего, что происходит. Это не уровень ателя, тот действовал тоньше. В Системе появился новый фактор беспокойства, который я назвал бы Конкурентом. Он маскируется под ателя, но использует не только его технику — «зеркала», но и запрограммированных людей. А люди есть люди, дорогой коллега, они редко способны действовать безошибочно, особенно люди недалекие.

— Как Артур Мехти?

Керри растянул бледные губы в усмешке.

— Как Артур Мехти. И кое-кто еще. Вот закончу кое-какие расчеты и сообщу.

— Тем более я посоветовал бы тебе подстраховаться. Именно такие люди и способны выполнить угрозу.

— Я достаточно пожил на этом свете, чтобы не бояться их угроз. Это ты подстрахуйся да внучку береги. У тебя был Кузьма Ромашин?

— Навещал. Хороший парень, умный и упрямый... и рисковый. Только постоять за себя не умеет.

— Я дал ему выход на родовые знания, научится. Это все, что ты хотел сказать?

— Все.

— Тогда прощай, киборг. Будет свободная минутка, за-скакивай на чай, сам я редко куда выхожу.

— Я тоже, — проворчал Ян, выключая виом.

Спустившись вниз, он приготовил себе кофе по-балтийски — со льдом и толстой пенкой, посидел у видео, слушая последние новости, потом снова поднялся в свой кабинет и позвонил директору УАСС:

— Привет, спортсмен. Чем порадуешь?

— Ничем, — покачал головой Филипп Ромашин. — «Футбольный мяч» продолжает опускаться в недра Солнца, что сопровождается интересными эффектами.

— Только что наблюдал по интервидео сводку новостей. Что такое «горячая опухоль»?

— В месте погружения «мяча» на солнечной поверхности образовалась гора высотой около двух тысяч километров, со стороны действительно напоминает опухоль, фурункул с температурой около восьми тысяч градусов, более светлый, чем фотосфера.

— Понятно. Я, собственно, звоню по другому поводу. Не можешь ли ты прикрыть Керри?

— В каком смысле?

— Ему нужна охрана.

Филипп в задумчивости оттянул пальцами верхнюю губу.

— Ты думаешь, дело так серьезно? Ему угрожает опасность?

— Ему недавно звонили неизвестные доброжелатели и предупредили.

— Кто?

— Если бы он знал — сказал бы. — Ян не стал добавлять, что и ему звонил неизвестный доброхот, назвавшийся заместителем Дьявола.

— Хорошо, я организую. — Филипп остро посмотрел на Лапарру. — Может, и тебе заодно?

— Мне не надо. — Ян улыбнулся. — Что можно сделать с человеком, у которого не осталось ничего своего, кроме мозгов?

— Смотри. Если что почувешь, звони.

Разговор прекратился.

Ян посидел немного за столом, колеблясь, звонить Кате или нет, потом решил сделать это позже, переоделся в уник для прогулок и вышел из дома. Вскоре он высадился из маршрутного флейта, курсирующего от метро Риги до взморья, в Лиелупе, и направился через дюны к заливу.

Шел девятый час вечера, было довольно прохладно, везде еще лежали пласты ноздреватого снега, залив был покрыт льдом, весна о себе напоминала робко, и людей на берегу было мало. Ян постоял у кромки льдов, глядя на две башни хиларитов на фоне красноватого заката, затем направился по

пластолитовой дорожке к пивной «У Эдгара» и вдруг увидел «зеркало». Оно просто висело в воздухе на высоте дециметра над землей — двухметровый плоский лист, отражающий земной пейзаж в искаженном виде — и смотрело на сияние огней мегаполиса, подступившего вплотную к заливу.

Ян подошел ближе, увидел свое кривое отражение с вывороченными в разные стороны коленями. Вспомнилось чье-то изречение: будь поосторожнее с зеркалом, не то увидишь свое лицо. Отражение скорчило рожу.

— Красавец ... — проворчал Лапарра, прислушиваясь к посвистам ветра в дюнах, и неожиданно для себя самого шагнул прямо в квадрат «зеркала», как делал это не раз в бытность свою комиссаром безопасности.

Тело продавило упругую пленку «зеркала», свет в глазах померк, наступила полная темнота, по коже пробежала теплая волна. Ян сделал шаг, не видя, куда идет, другой, третий... и вышел обратно на берег залива.

Все так же сиял и дымился невдалеке Рижский мегаполис — невообразимо сложное «дерево» башен и геометрических фигур, все так же свистел ветер в сухих ветвях кустарника, но закат уже погас, небо было темным, ночным, если не считать вспыхивающие полотнища и объемные конструкции реклам, и Ян понял, что «зеркало» держало его не меньше часа.

Оглянувшись на хилариты, светящиеся изнутри как прозрачные стеклянные колонны, он собрался было вызвать такси, чтобы отправиться домой, и в этот момент с неба с двух сторон со свистом упали на берег два куттера без всяких опознавательных знаков и габаритных огней. Откинулись колпаки кабин, из них выпрыгнули по трое мужчин, вооруженные парализаторами и «универсалами», окружили стоявшего молча, без движения, Лапарру, и один из мужчин, темнолицый, с бородкой и усами, сказал густым хрипловатым голосом:

— Ай-яй-яй, как же вы неосторожны, советник! Мало того, что гуляете один, без охраны, так еще и с «зеркалами» балуетесь. А если бы это оказался «мертвяк»?

— Это и есть «мертвяк», — ровным голосом проговорил Ян. — Попробуйте, если хотите.

— Да что вы говорите? — удивился бородатый незнако-

мец; кого-то он напомнил Яну, но кого именно, вспомнить сразу было трудно. — И «мертвяк» вас не убил? Чудеса!

— Что вам угодно? — тем же тоном спросил Ян.

— Нам угодно знать, господин советник, над чем вы работаете сейчас. Мы покопались в памяти вашего домашнего инка, но, к сожалению, ничего не обнаружили. Очевидно, вы держите файлы где-то в другом месте или в голове. — Незнакомец посмотрел на своих подчиненных, повел стволом «универсала». — Курт, сними с него тайф на всякий случай, не дай бог дедушка захочет смыться.

Невысокий, но очень широкий приятель бородатого ощущал запястья Лапарры, ни тайфа, ни инкома не нашел и отступил назад.

— Ничего нет.

— Странно. Что же это вы путешествуете без тайфа и связи, старик? Недальновидно. Итак, я задал вопрос.

— Я рассчитываю режим ГО¹, — вежливо сказал Ян.

— Это мы видели. Однако нас больше интересует термин «паньтао».

— Впервые слышу.

— Ай-яй-яй, — с сожалением покачал головой бородач, — вы нас огорчаете, советник. Мы совершенно точно знаем, что вы контактируете с Кузьмой Ромашиным, а он как раз и является главным разработчиком «паньтао». Кстати, не подскажите, где его можно найти?

Лапарра усмехнулся, вдруг вспоминая, где видел этого человека: в свите Бернхарда Спенсера. Парень скорее всего возглавлял службу безопасности председателя СЭКОНа.

— Передайте шефу, что он ошибся.

— Какому шефу? — не понял бородач.

— Спенсеру.

Секундная пауза.

— Валите его! — выдохнул бородатый начальник секьюрити. — Допросим в центре. Старик знает больше, чем мы думали.

Помощник бородатого по имени Курт выстрелил в Лапарру из парализатора, двое других парней бросились к нему, собираясь подхватить его под руки, Ян дождался, когда

¹Режим ГО — «гражданская оборона», форма тревоги, предполагающая эвакуацию населения из опасных зон.

они дотронутся до него, и мысленным усилием включил тайф. Ему не нужно было носить блок ТФ-переноса на руке, тайф был встроен прямо в тело, как и инком, и многое другое, в том числе консорт-аппаратура для дистанционного управления компьютером УАСС, где он хранил свои расчеты.

Через секунду он вышел из рижского метро, связался с Владиленом Ребровым и рассказал ему о нападении.

* * *

Керри Йос закончил вычисления, вышел из оперативно-го поля инка (то есть «выдернул» свое сознание из виртуальной реальности мира формул и связей) и с полчаса сидел в кресле, отдыхая, ощущая себя старым, немощным, разбитым и больным. Потом записал выводы на кристалл молика¹, сделал копию, стер в памяти инка весь расчет, уничтожил файлы с базовой информацией и вызвал домового. Юркий гномик-витс принес таблетку адаптогена и стакан с морсом. Керри проглотил красную горошину таблетки, запил морсом и снова немного посидел, откинувшись на спинку кресла, ожидая возвращения бодрости и сил.

После смерти жены стимулов к жизни почти не осталось, спасала только работа на СЭКОН, связанная с оценкой деятельности ателя, редкие визиты детей и беседы с друзьями, не забывавшими его в трудную минуту. Но и они не могли помочь человеку, прожившему сто двадцать лет и потерявшему желание жить.

Двигаясь медленно и осторожно, он выкарабкался из кресла, воткнул одну иголку молика в шторку над окном, а вторую спрятал на самом видном месте — под кору одного из поленьев, лежащих у камина. Делал он это вполне сознательно, целеустремленно, так как чувствовал приближение смерти. Затем вернулся в кабинет, включил инк и сделал запись: «Обмануть Дьявола — не грех. Надо только помнить, что он не горит».

Раздался звонок инкома.

Керри включил обратку, и виом высветил фигуру озабоченного Филиппа Ромашина.

¹Молик — молектронный чип, заменивший в современных инках дискеты и файлетты.

— Добрый день, учитель. Как чувствуешь себя?

— Как выжатый грейпфрут, — усмехнулся патриарх. — Хотя это обычное мое состояние.

— Я тебя навещу в скором времени, побеседуем. Мне звонил Ян Лапарра, на него пытались напасть неизвестные люди. В связи с чем я посылаю к тебе «эшелон» охраны.

— Кому я нужен такой? — снова усмехнулся Керри.

— Боюсь, что нужен. Жди, ребята скоро объявятся, но тебе надоедать не будут. До скорого.

Виом погас. Но через несколько секунд загорелся вновь.

— Забыл сказать, — проворчал Филипп, лицо которого выглядело еще более мрачным, будто он за это время успел получить неприятное известие. — Я знаю, что у тебя в гостях побывал мой внук, он сейчас занят одним важным делом и просит твоей помощи. Не сможешь его проконсультировать?

— Я дал ему все, что знал сам. — Керри подумал. — Хотя в принципе не возражаю. Пусть приходит.

— Он не может, работа засекречена, было бы хорошо, если бы ты сам к нему прилетел. Я дам координаты. Сил хватит?

Керри пригладил блестящий череп.

— Ты же знаешь, тебе я отказать не могу.

— Спасибо, — кивнул директор УАСС. — Запиши код метро. — Он продиктовал ряд цифр, и виом связи окончательно потух.

— Меланезия, Ухуру... — пробормотал Керри Йос, повторяя адрес. — Не знал, что там есть база спасателей. Что ж, назвался груздем, полезай в кузов. Придется лететь.

Кряхтя, встал, глотнул тоника, переоделся в стандартный всепогодный уник и вызвал такси. Через несколько минут он входил в метро Сеула, ничем не отличавшееся от подобных станций всей Солнечной системы. Не обращая внимания на взгляды прохожих, зашел в кабину и набрал продиктованный Филиппом код, затем вышел. И лишь когда его подхватили под руки два роботоподобных витса, понял, что кабина метро находится, во-первых, где-то в подземелье, во-вторых, вообще не на Земле, судя по меньшей силе тяжести.

Из-за угла узкого коридора, проделанного в толще горных пород, вышел смуглолицый мужчина с бородкой и усами, соединявшимися вокруг рта в кольцо, сопровождаемый двумя мрачноватыми молодыми людьми в синих униках с эмблемами СЭКОНа.

— Приветствую вас, патриарх, на станции астероидного патруля, — сказал он на чистом датском языке. — Как вы сами понимаете, нам пришлось разработать специальную программу, имитирующую изображение и голос директора УАСС, зато в результате вы оказались здесь. Надеюсь, вы не владеете телепортацией, как ваш коллега Ян Лапарра? Ему каким-то образом удалось уйти.

Керри рванулся из рук державших его молодцов, но они стояли нерушимо, как металлические глыбы.

— Значит, в последний раз я разговаривал не с живым директором, а с динго?

— Совершенно верно, хотя это более серьезная программа. На вашем месте любой попался бы на эту удочку, не переживайте.

— Чего вы хотите от меня?

— В последнее время вы интенсивно работали над проблемой «зеркал» и, по нашим сведениям, добились каких-то результатов. Мы хотели бы знать — каких.

— Это все?

— Нет, не все. Хорошо было бы послушать ваш рассказ о проекте «паньтао».

— Впервые слышу о таком проекте, — честно признался Керри.

Незнакомцы в синей униформе переглянулись.

— И о своей работе вы, естественно, тоже ничего не сообщите.

— Естественно.

— Что ж, господин консультант, придется идти другим путем, более сложным, то есть сканировать вашу память. Процедура эта не болезненная, но с неприятными последствиями: вы можете стать дебилом. — Бородатый кивнул витсам, и те поволокли пленника вперед по коридору.

Керри Йос снова рванулся из рук, теряя последние силы, потом перестал сопротивляться, сосредоточил внимание на мозге, представил, что внутри тикает бомба, и «нажал на кнопку взрывателя». Перед глазами встала стена пламени, и больше он ничего не смог увидеть и почувствовать. Энергоимпульс замкнул все нервные пути и буквально выжег клетки мозга, стирая память.

— Эй, босс, — окликнул один из сопровождавших боро-

дача молодых людей, заметив, что тело патриарха обвисло в руках витсов, — он, кажется, потерял сознание.

Тело Керри положили на пол лицом вверх, смуглолицый приложил к шее палец, подержал и выругался.

— Старый осел! Он убил себя. Обыщите его.

Керри Йоса обыскиали.

— Ничего, даже таблеток нет, которыми он пользовался.

— Видимо, он предвидел свой конец. — Бородач поднес к губам браслет инкома. — Шестой, что у тебя?

— В памяти инка никаких следов, все стерто, — раздался тихий писклявый голосок. — Обыскиали весь дом, ничего.

— Найдите блок видео.

— Там полсотни моликов, легче забрать с собой и посмотреть на базе, не спеша.

— Хорошо, убирайтесь оттуда, не то столкнетесь с обещанной охраной. — Смуглолицый предводитель группы бросил взгляд на тело Керри. — Доставьте его в ближайший хиларит и сделайте пи-блокаду, пусть думают, что он умер от передозировки кайфьяноса.

Он толкнул носком ботинка лежащее навзничь тело, голова Керри Йоса откинулась, и стала видна ироническая усмешка, исказившая губы патриарха.

* * *

Первыми заметили появление «зеркал» на борту мантоптерского корабля не безопасники и даже не исследователи, а хозяйственники, обслуживающие земной десант: операторы систем жизнеобеспечения модулей, зон отдыха, медицинских блоков, энергопитателей и мусороуборщиков.

Сначала «зеркала» объявились возле жилых зон — обычные плоские двумерные листы, имеющие практически атомарную толщину. Затем такие же зеркальные квадраты и прямоугольники, с виду абсолютно ровные и гладкие, но искажающие любое отражение, появились и в центрах управления кораблем, и в ландшафтной зоне, на корпусе и в энергоотсеках. Росли они как грибы и вскоре стали мешать работе исследовательского отряда, опасавшегося контактов с ними, так как никто не знал, «мертвяки» это или нет. Для проверки «зеркал» на «киллеропасность» нужна была особая аппара-

тура или живые существа, например, крысы, которых еще надо было найти и доставить на космолет.

Однако не «зеркала» оказались для землян главным сюрпризом, отыскалось кое-что посерьезней. Служба контрразведки имела особое подразделение, укомплектованное интуитивами — людьми с паранормальной чувствительностью, и один из них, сориентированный на поиск опасности, отметил «нерасчетные» колебания ментальных полей в кормовом отсеке мантоптерского левиафана. Юэмей Синь направила туда группу следопытов, которые после двадцатичасовых поисков обнаружили взрывное устройство на основе аннигиляционного заряда. Если бы оно взорвалось, корабль мантоптеров был бы ощутимо поврежден.

Устройство обезвредили, подготовили засаду и через некоторое время задержали в месте установки бомбы агента ателя, которым оказался один из консультантов по науке министра безопасности. Его доставили в императив-центр службы безопасности УАСС, попытались допросить, но он оказался запрограммированным на самоликвидацию и умер от прогрессирующего отека мозга меньше чем за минуту. Аппаратура мыслескана, включенного всего за несколько секунд до этого момента, смогла поймать лишь последнюю мысль консультанта: «Надо предупредить Артура... они знают...»

После этого Юэмей Синь доложила о смерти консультанта комиссару, вдвоем они, минуя СЭКОН, обратились к директору УАСС и получили разрешение на «разработку» министра безопасности Артура Мехти и председателя СЭКОНа Бернхарда Спенсера. Первый этап «разработки» — наблюдение за подследственными — начался в день гибели Керри Йоса, советника-патриарха СЭКОНа, в течение последних двадцати лет бывшего комиссаром СБ, а затем и директором УАСС. Но о том, что за Артуром Мехти установлено наблюдение, знали лишь руководители спецслужб, что в общем-то противоречило закону, гласившему, что подобные мероприятия должны совершаться только с санкции генерального прокурора и комиссии СЭКОНа по правам человека. И тем не менее слежка, ведущаяся с помощью спецсредств, спутниковых видеосистем и компьютерных систем, уже через два дня после ее начала дала результаты, что доказывало ее правомерность. На корабле мантоптеров было обнаружено еще одно взрывное устройство, уже другого класса, представ-

ляющее собой инициатор мини-коллапсара. Если бы это устройство сработало, мантоптерский корабль превратился бы в элементарную частицу, в «черную мини-дыру» со всеми, кто находился на его борту.

Комиссар безопасности срочно созвал совещание, выработавшее план действий по предотвращению террористических актов и ограничению доступа к кораблю, включавший блокировку станции метро, которая была установлена на нем, и попытки уничтожения гиганта изнутри прекратились. Зато космолет попытались уничтожить извне.

Два когга класса «Свободный», принадлежащие погранслужбе Солнечной системы, один за другим атаковали мантоптерский корабль, имея на борту мощные ТФ-эмиттеры, свертывающие пространство в одномерную «струну», и успели серьезно повредить космолет, прежде чем были уничтожены. Вели их витсы, что впоследствии было установлено, но это не помешало СЭКОНу в лице председателя и министра безопасности объявить деятельность спецслужб «агрессивной», «превышающей пределы самообороны» и «противозаконной». Второго апреля состоялось заседание Правительства Земли, где Артуром Мехти был поставлен вопрос о частичном служебном несоответствии комиссара службы безопасности Владилена Реброва. Что автоматически вело к временному отстранению его от служебных обязанностей — до выяснения всех обстоятельств дела с защитой мантоптерского гиганта.

Атель нанес еще один упреждающий удар, используя для этого значимость социальной иерархии человеческой цивилизации. Ликвидация лидера, носителя идеи, всегда играла большую роль не только в победе того или иного мировоззрения, но и в войне физической.

Одновременно атель добился другой цели — уничтожения «Потрясателя Мироздания», самого мощного ТФ-эмиттера, когда-либо созданного людьми, хотя и не с помощью «теннисного мяча дьявола», наскоки которого успешно отбивала «ракетка» специальной ТФ-антенны. В тот же день, когда в Москве состоялось заседание Правительства Земли, Тритон содрогнулся от мощного взрыва, происшедшего в его недрах на глубине девятиста двух километров. Это сработала аннигиляционная бомба, заложенная в шахте, которая вела к полости с «Потрясателем Мироздания». Конечно,

«Потрясатель» имел многослойную полевую защиту и, возможно, не пострадал, но вместе с шахтой была уничтожена и недавно установленная кабина метро, позволявшая людям обслуживать установку, и на пару месяцев, требующихся для прокладки новой шахты, «Потрясатель» стал практически никому не доступен.

Глава 9

НАСЛЕДСТВО КЕРРИ

Кузьма был на Меркурии всего второй раз в жизни, поэтому с интересом рассматривал удивительные «текучие» и дымящиеся пейзажи дневной стороны планеты, нагреваемой Солнцем до температуры плавления многих металлов, а также снежно-ледяные черно-белые «зебриссимо» — так называли здесь испещренные полосами плато — «северной» половины Меркурия, обращенной в космос, где температура не превышала минус двести двадцати градусов по Цельсию. Однако большее впечатление на него произвели все же сооружения землян: большой нейтринный телескоп на «северной» стороне, ласково называемый специалистами Циклопом, и завод по производству МК — мини-коллапсаров, играющих роль генераторов энергии для космического флота человечества.

Завод был огромен — его площадь составляла около трехсот тысяч квадратных километров! — и со времени постройки около ста лет назад почти не претерпел изменений. Верхний его ярус составлял слой солнечных конденсаторов, второй ярус представлял собой зону трансформаторов энергии, а нижний состоял из преобразователей и реакторов синтеза и упаковки МК — «черных мини-дыр». Солнце располагалось точно в зените, над заводом, и казалось исполинским раскаленным туннелем, ведущим в ад.

Кузьма стоял под куполом обзорной башни завода, поднимавшейся над поверхностью Меркурия на триста метров, и с восторгом и благоговением смотрел на «солнечный туннель», просверленный в небе, выливающий на планету густой и ощутимо плотный поток света. Он не знал, что дед Филипп почти семьдесят лет назад точно так же стоял на этой башне и любовался горнилом Солнца.

Завод МК работал автоматически, под контролем инка, тем не менее участие людей требовалось. В шести обзорных башнях над территорией зоны солнечных конденсаторов дежурили двенадцать человек. Еще трое работали в централи управления, а кроме этого, на заводе круглосуточно дежурили смены инженеров, ремонтников и спасателей, всего около пятидесяти человек.

Здесь же, под всеми ярусами завода, располагалась экспериментальная мастерская защитных систем, о существовании которой знали очень немногие люди на Земле. Именно в ней и монтировалась установка по нейтрализации «зеркал», получившая название «малый паньтао». Кузьма курировал монтаж и жил вместе с инженерами и механиками здесь же, на территории завода, в хорошо защищенном от всех катаклизмов жилом модуле. Ритм работы был таким, что не позволял ему отлучаться, иначе он давно сорвался бы с места и улетел на Землю, к которой у него теперь появилась особая тяга, имеющая имя Катя.

Нет, они не стали любовниками, отдыхая подо льдами Антарктиды, но многое узнали друг о друге, это узнавание требовало интеллектуальных и душевных усилий, но обещало столь много открытий, что Кузьма думал о девушке больше, чем позволяла ситуация, и каждую свободную минуту звонил ей, мечтая о встрече, теряя настроение и покой при мысли, что Оскар Мехти может в любой момент встретить ее и обидеть, предъявить эфемерные права на ее внимание, а она не сможет отказать ему, считая его своим спасителем.

Хасид сдержал обещание, найдя в архивах криминальной полиции секретные материалы следствия по делу о катастрофе круизного надлунного лайнера «Серебряная чаша», в которой погибли родители Кати. В катастрофе оказались виноваты не диспетчеры лунных трасс — по официально принятой версии, а находившаяся на борту компания весельчаков под предводительством Оскара Мехти, которая «расшилась» до такой степени, что выгнала из рубки управления команду лайнера и попыталась показать «высший пилотаж» на ручном управлении. Естественно, в условиях довольно плотных транспортных потоков над Луной сделать это было весьма трудно, лайнер сбил три грузовых когга, повредил антенны радиотелескопа и в конце концов врезался в склон кратера, в результате чего погибло более двадцати человек, в

том числе сын Яна Лапарры и его жена. Катя Лапарра потеряла сознание от удара и пришла в себя на руках Оскара, и тот, используя создавшееся положение, доказал девушке, что он ее спас. Хотя вынесли ее из загоревшегося лайнера (огонь распространился по внутренним палубам от разрушенного генератора) спасатели, прибывшие к месту катастрофы через десять минут. Они успели эвакуировать сто двадцать пассажиров лайнера, после чего тот взорвался, похоронив экипаж, двух спасателей и два десятка пассажиров.

Следствие спустили на тормозах, слишком заметные фигуры были затронуты в ходе разбирательств причин катастрофы, и никто из компании Оскара не пострадал, в том числе он сам. Наказали диспетчеров лунного турцентра и координатора по транспорту. Молодые бандиты, сынки высокопоставленных чиновников — министра безопасности, заместителя министра торговли, депутата Земсовета, юриста СЭКОНа, — отделались легким испугом, как «свидетели» происшествия.

Все эти данные Хасид изложил Кузьме, однако ни тот, ни другой не знали, как ими распорядиться, как сообщить Кате, что она имеет дело с обыкновенным вымогателем, мерзавцем, а не с человеком, который рисковал ради нее своей жизнью. Да, она уже не проводила в его компании столько времени, сколько раньше, и отвергала все его приглашения, но порвать с Оскаром окончательно не спешила, и это выводило из себя Кузьму, впервые в жизни узнавшего, что такое ревность.

О смерти Керри Йоса Кузьма узнал на третьи сутки своего вынужденного сидения на Меркурии. Сообщение ввергло его в состояние болезненного недоумения.

Патриарха СЭКОНа обнаружили в одном из хиларитов на побережье Индийского океана, и вывод медиков мог озадачить кого угодно: смерть наступила от передозировки наркотических веществ, в частности — кайфьяноса. Что заставило сто двадцатилетнего старика отправиться в хиларит и накуриться до одурения, до остановки сердца, оставалось загадкой.

Впрочем, эта загадка решилась просто. После сообщения о трагическом происшествии Хасид, сопровождавший Кузьму и на Меркурий, срочно убыл на Землю и, вернувшись через несколько часов, сообщил результаты расследования.

Керри Йоса убили. Его мозг буквально сгорел от мощного энергоудара, а потом тело патриарха подбросили в хиларит. Однако кто это сделал, по какой причине, определить не удалось, преступники действовали изобретательно и следов почти не оставляли. Почти. В квартире Керри все же кто-то побывал. Что именно искали, Хасид не знал.

Кузьма порывался было сходить на похороны патриарха, надеясь оттуда навестить Катю в Риге, однако его отговорил дед, с которым он поделился идеей.

— Тебя там видеть не должны, — сказал необычно хмурый Филипп Ромашин. — Никто не знает, что ты с ним контактировал, а если узнает атель, могут возникнуть осложнения.

— Какие? — буркнул помрачневший молодой человек.

— За тобой начнется настоящая охота. Агентура ателя явно активизировалась, приближаются какие-то события, и твоя работа с «паньтао» настолько важна, что это понимают все. А у нас после фактического уничтожения «Потрясателя» нет больше шансов справиться с «зеркальной агрессией» кроме «паньтао». Работай, не отвлекайся.

И Кузьма работал, заставляя себя еще и еще раз проверять расчеты, анализировать активные формы «уничтожителя зеркал» и воплощать замыслы в материале. Единственное развлечение, которое он себе позволял на Меркурии, было регулярное посещение нейтринного телескопа. «Циклоп» следил за провалившимся в Солнце «футбольным мячом дьявола», и наблюдать за этим процессом было очень интересно.

Обычно вход посторонним на территорию обсерватории был недоступен. «Циклоп» охранялся серьезно, а его операторы не любили, когда им мешают. Но Хасид какими-то путями добился разрешения посещать обсерваторию, и младшего Ромашина пропускали туда без вопросов.

Из метро — обсерватория имела собственную станцию — его и Хасида провожал в зал визинга молчаливый витс obsługi, и Кузьма по часу глазел на синтезированное в главном куполовидном виоме зала изображение Солнца с «червоточиной» — долго не расплывавшимся следом «футбольного мяча». Сам «мяч», естественно, «Циклоп» видеть не мог, но по вторичным эффектам его взаимодействия с плотной солнечной плазмой можно было локализовать его положение в пространстве. На фоне алого сияющего «ананаса»

Солнца с его удивительной сетчато-ячеистой структурой «футбольный мяч» походил на черное маковое зернышко, тихо опускавшееся в ядро звезды. Оно уже почти достигло центра, оставались каких-то двадцать четыре тысячи километров, «мяч» продвигался теперь очень медленно, со скоростью в полторы сотни метров в секунду, и скорость эта продолжала падать, но никто не сомневался, что он скоро провалится в центр Солнца, где температура достигала двадцати миллионов градусов, давление — до десяти миллиардов атмосфер, а плотность вещества превышала плотность воды в сто раз.

Все ждали этого момента с волнением, интересом и даже страхом, так как никто из ученых не знал, что последует дальше. Вопреки прогнозам гигантское десятитысячекилометровое «сферозеркало» не было раздавлено при погружении в более плотные и горячие слои солнечных недр, что заставляло физиков строить гипотезы о его влиянии на внутрисолнечные процессы одну смелее другой, но все они в конце концов оказались несостоятельными. Шар «зеркала» просто поглощал проваливающуюся в него солнечную плазму, и процесс этот сопровождался лишь незначительным падением температуры вокруг него. За семьдесят лет контактов с «зеркалами», обладающими хроноинверсией, земная наука так и не смогла разработать теорию «хронозеркал», хотя уже могла описывать эффекты их взаимодействия с небольшими материальными объектами вроде астероидов и специальных зондов. Но не с такими, как Солнце. Поэтому не только беспопасники, но и все специалисты в области физики звезд и ТФ-полей затаив дыхание ждали финала столкновения «футбольного мяча» с центральной звездой Системы.

Все уже знали, что «теннисный мяч» разворачивал и выбрасывал попадавшие в него объекты спустя шесть суток после столкновения. Период замедления времени «футбольным мячом», пока он пересекал Солнечную систему, выяснить не удалось, и теперь оставалось только ждать, когда истекут эти шесть суток, и гадать, что произойдет.

Наконец отмеченное время истекло.

«Сферозеркало», до этого момента продолжавшее поглощать водородно-гелиевую плазму, должно было начать извергать ее обратно. Однако ничего не произошло. Вернее, произошло, но совсем не то, чего ожидали люди.

Специалисты считали, что потоки «возвращенной» солнечной материи с идущими внутри нее термоядерными реакциями превращения водорода в гелий столкнутся с плотным напором «живой» плазмы, и произойдет либо гигантский объемный взрыв, либо наступит равновесие, и «сферозеркало» перестанет функционировать как поглотитель вещества и хроноинверсор. Однако, судя по реакции зоны солнечных недр вокруг «футбольного мяча», поглощение вещества сферой продолжалось как ни в чем не бывало, а вот температура этой зоны резко упала. Настолько резко, что это сказалось на скорости термоядерных реакций: солнечный «котел» в этом месте практически остыл, перестал работать!

Известие об этом облетело Солнечную систему за считанные минуты. Достигло оно и ушей Кузьмы, который не преминул заглянуть в обсерваторию и полюбоваться на «маковое зернышко» в центре Солнца, вокруг которого образовался темно-коричневый слой остывшего солнечного вещества. Но монтаж «малого паньтао» близился к завершению, и Кузьма вернулся к работе, чтобы закончить ее как можно быстрее.

Установка по нейтрализации «зеркал» была готова шестого апреля в два часа по среднесолнечному времени. Почти по всей Солнечной системе это было время «ночи», в том числе и на Меркурии. Но время не ждало, поэтому испытания «малого паньтао» откладывать не стали, а поскольку «зеркал» на Меркурии хватало, решили испытать его на местном материале.

«Малый паньтао» представлял собой трехметровую серую линзу, утыканную черными стержнями. Издали он сильно смахивал на земного ежа, и конструкторы установки между собой называли ее «ежиком». Весил «ежик» около двухсот килограммов даже в условиях малого меркурианского тяготения, поэтому для его перемещения пришлось делать специальную платформу-антиграв.

Так как надо было соблюсти абсолютную секретность испытаний, «малый паньтао» разместили на борту вакуумплотного куттера, после чего «ежика» доставили к ближайшему «зеркалу», расположенному на скале, которая нависала над краем завода МК. За «зеркалом», наблюдавшим за террито-

рией завода, в свою очередь следила видеокамера, которую на время эксперимента отключили. Одновременно контрразведчики Юэмей Синь развернули спутниковые следящие системы над Меркурием таким образом, чтобы часть гор Максвелла со скалой «зеркала» вышла из зоны наблюдения на полчаса. И эксперимент начался.

Присутствовали на испытании «малого паньтао» всего шесть человек: Филипп Ромашин, Юэмей Синь, Кузьма, конструкторы «паньтао» Андрей Гредас и Лю Тао и Хасид, ответственный за охрану присутствующих лиц и за обеспечение режима секретности. Прикрывал место эксперимента «эшелон» службы безопасности, имеющий возможность прибыть сюда за считанные секунды, но с виду все было тихо и благопристойно, никто никуда не спешил, перед глазами не мельтешил и переключки в эфире не устраивал.

«Ежика» выгрузили из куттера, подвели к скале с «зеркалом» на расстояние в десять метров, специально не ориентируя в пространстве: его антенная система сама настраивалась на объект. Куттер со зрителями поднялся чуть выше, куттер с руководителем эксперимента, которым формально числился Гредас, встал слева от «ежика», и Кузьма, у которого горло пересохло от волнения, проговорил:

— Внимание, начинаю отсчет!

Вириал дистанционного управления заиграл огнями, контролирующей программу инк начал отсчет, и на цифре «ноль» антенны-иглы «ежика» засветились бледным фиолетовым светом, стали прозрачными, и в тот же момент «зеркало», невозмутимо отражающее ландшафт Меркурия с зернистыми панелями солнечных конденсаторов, начало трансформироваться, изменять форму, превратилось в колючий кактус, потом в нечто, напоминающее металлический ствол саксаула с длинными — до десяти метров — нитевидными ветвями. Инк выключил «паньтао», и в установившейся звенящей тишине послышался чей-то сдавленный взглас:

— Вот это да-а!..

— Это все?—после паузы раздался в наушниках рации голос директора УАСС.

— Все, — ответил Кузьма, пораженный результатом опыта не меньше остальных. — Прошел расчетный импульс... «зеркало» должно было схлопнуться в одномерный объект... в точку...

— Попробуйте еще раз.

Гредасов дал команду управляющему инку, и тот снова запустил программу испытаний. «Паньтао» выстрелил гармоникой ТФ-полей на гиперчастотах, изменяющих состояние вакуума в локальной области пространства.

«Саксаул» «зеркала» зашевелился, меняя очертания, выбросил блестящие нити еще дальше, одна из них пробила куттер с тройкой руководителей эксперимента, но, к счастью, никого из пассажиров не задела. Куттер отвалил назад, аварийная автоматика заделала пеной проделанное отверстие, «паньтао» выключили и в шуршащей тишине стали разглядывать диковинное дерево, выросшее на месте «зеркала». Больше всего оно походило на наглядное объемное изображение фрактала из учебника математики, разве что существовало наяву. Некоторые его «веточки» достигали длины в сто метров.

— Контроль-два, — позвал Филипп Ромашин, — выясните, как вели себя другие «зеркала».

Служба наблюдения отозвалась через минуту:

— В Системе все спокойно. В радиусе трехсот километров от места эксперимента все «зеркала» незначительно изменили форму.

— Отбой связи! Отбой контролю-два! Контроль-один — сворачивайтесь. Всем участникам явиться в Управление через два часа для обсуждения проблемы.

Куттер с руководителями спецслужб улетел.

Кузьма осоловело посмотрел на коллег, лица которых выражали неподдельный интерес, — они были практиками и жаждали узнать, что случилось, — и пробормотал:

— Кажется, я нашел лишь промежуточное решение...

Эксперимент по уничтожению «зеркал» закончился.

* * *

Обсуждение результатов неудачного опыта с «зеркалом» на Меркурии длилось недолго. В кабинете Филиппа Ромашина собралось всего восемь человек, среди которых, кроме Кузьмы, были двое видных ученых, известных своими работами в области ТФ-теории, но и они не могли объяснить, что произошло. Поговорив и поспорив о деформации метрики пространства, о «фрактальных хроноструктурах» и «петле-

вых инверторах», ученые сошлись лишь во мнении о том, что плотности ТФ-поля не хватило для преодоления хроно-квантового порога, мерность пространства «не скатилась» к единице и «зеркало» не успело «провалиться в вакуум». Что это означало, знали только сами ученые и Кузьма, уже пришедший в себя и сделавший кое-какие выводы. Правда, делиться ими он ни с кем не стал, лишь сказал на совещании, что учтет все замечания.

После обсуждения Филипп отпустил специалистов, но оставил в кабинете Кузьму и Хасида.

— Я не виню тебя в неудаче, — сказал старший Ромашин, разглядывая угрюмое лицо внука, — но ты должен понимать, что мы проигрываем ателю почти по всему полю. Если не уничтожим «зеркала», особенно сферические, человечество ждет нелегкие испытания, а я не уверен, что оно к ним готово.

Кузьма отвел глаза, предпочитая не отвечать.

— Сделай все, что можешь, — продолжал Филипп, — сделай невозможное, но реши задачу до конца! Никто тебе не поможет, кроме тебя самого. Я пригласил экспертов, чтобы ты понял, насколько они неспособны объяснить теорию самим себе. Их перепалка — это драка двух лысых из-за расчески.

Кузьма криво улыбнулся.

— Упрямство не всегда является визитной карточкой дураков, — закончил свою длинную речь директор УАСС, — тебе оно сейчас очень бы пригодилось. Мне оно помогло в прошлом, когда я решал примерно такую же по важности задачу, что и ты.

Кузьма молчал.

Филипп посмотрел на Хасида, усмехнулся:

— Я оптимист и верю в счастливый конец света. Идите, и пусть вам сопутствует удача.

На пороге Кузьма оглянулся, встретил сочувствующий, понимающий и немного печальный взгляд деда, вернулся, стремительно обнял его и выбежал из кабинета.

— Куда теперь? — спросил его Хасид в метро Управления.

— Мне кое-что надо проверить, — рассеянно ответил Кузьма. — Но сперва мы навестим дом Керри Йоса.

— Зачем?

— Он должен был оставить мне послание.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю, я верю. Достанешь разрешение? В его дом теперь, наверное, никого не пускают.

Хасид пожал плечами.

— Это не проблема.

— Тогда полетели в Сеул.

— Не так быстро, мне надо сориентировать «эшелон». — Хасид отвернулся, о чем-то переговорил со своим начальством и подчиненными по рации «спрута», тронул Кузьму за рукав. — Все в порядке, местные сеульские власти будут предупреждены. Хотя фамилии будут названы другие. Мы с тобой теперь инспекторы уголовной полиции центральной администрации.

— Зачем?

— Учись не задавать глупые вопросы. Никто не должен знать, что к дому погибшего патриарха проявляет интерес физик Кузьма Ромашин. Тебя ищут агенты ателя, это еще не охота, но уже и не домыслы.

Кузьма молча направился к открывшейся кабине метро.

В Сеуле они сели в подготовленный для них флейт (их вела группа подстраховки СБ) и через несколько минут добрались до башни-кристалла в северной части города, где жил Керри Йос. Его двухкомнатный жилой блок не охранялся, но был опечатан. Пришлось вызывать местные районные власти, десятиминутные переговоры которых (чем меньше область ответственности чиновника, тем он значительнее себя ведет) завершились приходом корейца — стража порядка, который дезавуировал печать и открыл дверь.

В доме патриарха ничего не изменилось со времени прошлого визита к нему друзей. Гости, представившиеся инспекторами центра, молча осмотрели столовую-гостиную, затем спальню-кабинет Керри с камином и ультрасовременным вириалом инка. Было видно, что в комнатах прошел обыск. Кузьма примерно представлял себе, что искали, и тем не менее сам потратил больше часа в поисках нестандартного решения, к которому наверняка прибег Керри Йос, чтобы спрятать послание. Известное изречение: прячь елку в лесу, а также другое такое же: хочешь спрятать — прячь на самом видном месте, — не помогли, и тогда Кузьма включил персональный инк патриарха, уже не надеясь на открытие.

В памяти инка тоже покопались неизвестные читатели,

судя по количеству стертых файлов, но больше всего Кузьму озадачила оставленная хозяином запись: «Обмануть Дьявола — не грех. Только помни, что он не горит». По-видимому, ее не стерли, посчитав ворчливой сентенцией старика. Зато Кузьма не сразу, но понял, что Керри Йос оставил эту запись именно для него. Вот только что он хотел сказать?

Бормоча: «Помни, что он не горит... помни, что он не горит», Кузьма еще раз прошелся по спальне патриарха, и его взгляд зацепился за камин.

— Он не горит, — машинально повторил Кузьма, опускаясь на корточки перед камином. — Не горит...

— Я уже осматривал камин, — сказал Хасид, терпеливо дожидавшийся решения друга.

Кузьма потрогал пальцами облицовку камина, перевел взгляд на поленья, начал осматривать одно за другим и вскоре наткнулся на иголку молика, зеленая головка которой величиной с маковое зернышко торчала из-под бересты.

— Ну, ты даешь! — хмыкнул Хасид с уважением. — Я бы ни за что не догадался, что старик спрятал молик в полене.

— Я бы тоже не догадался, — со вздохом облегчения признался Кузьма, — если бы не его подсказка. Керри наверняка чувствовал, что умрет, и подготовился к смерти на всякий случай.

— Он мог бы тебе просто позвонить или скинуть файл на твой сервер.

— Скинуть файл, не засвечивая его, невозможно. — Кузьма вставил иглу молика в гнездо на вириале инка, и виом развернул перед ним фантом Керри Йоса, не отличимый от живого человека.

— Привет, Ромашин. Я знаю, что ты разыщешь эту запись. К сожалению, я не нашел решения проблемы: ТФ-теория не дает общего обоснования хроновывертам «зеркал», даже на гиперчастотах возможны лишь частные определения, нуждающиеся в калибровке. Я дошел до кванта мерности пространства и оказался в сингулярном тупике. Попробуй пройти дальше, запись расчета начнется после этого видеовступления.

Керри помолчал, уходя мыслями в себя, пригладил ладню череп, с усилием вернулся из далей памяти.

— Потерпи маленько, старики говорливы, а я хочу порассуждать вслух, чтобы ты понял то, чего не понял я. Насколь-

ко мне помнится речь агента ателя, встречавшегося со мной, наши предки через десятки миллиардов лет в будущем не только повернули время вспять, но и преобразовали вакуум, изменили знак материи: она стала или «минус-материей» — не антиматерией, а именно «минус-материей», ты понимаешь, о чем я говорю, — или «левой», «зеркальной», со всеми вытекающими отсюда последствиями. И их время потекло вспять, встречу нашему. Эти потоки должны были пересечься, не влияя друг на друга, но... Но! Наша Вселенная имеет «вмороженный» в нее закон вероятностных отношений, из-за чего мы получаем кучу всевозможных флуктуаций материи на уровне фундаментальных принципов бытия. В пространстве эти флуктуации более заметны, как сетчато-ячеистая структура домена: гигантские войды перемежаются волокнами галактик и звездных скоплений. Но ведь и во времени непременно должны быть флуктуации! Почему об этом никто не подумал?

Керри вперил в Кузьму горящий взгляд. Тот вздрогнул, оглянулся на молчаливого Хасида, снова повернулся к виому.

— «Зеркала» — лишь следствие флуктуаций времени, — продолжал патриарх, — петлевые хроноколотцы разной глубины, ведущие в мир наших потомков с мнимой материей и обратным временем. Проходя через них, мы сбрасываем всю имеющуюся у нас информацию, оставляем ее там, где и сидит атель — те самые наши потомки, которые по-своему пытаются предупредить нас об ответственности за каждый наш поступок.

Теперь поговорим о сферических «зеркалах». С одной стороны они обнаруживают как будто те же эффекты хронозадержки и возврата прошедших через них масс. Но... — Керри покачал пальцем. — Это качественно иные явления! «Сферозеркало» — это, по сути, вылупившийся в нашем пространстве объем «мнимой Вселенной», связанной с нашей общим эффектом взаимодействия противоположных времен. И подход к ним нужен другой. Пойщи в другом месте, не в ТФ-теории. Поройся в теории квантово-механических экзотов — вакуумных структур с отрицательными массами, «суперструн», «черных дыр», «зеркальных кластеров», доменных стенок. Может быть, ответ лежит там?

Керри замолчал, как живой, выжидательно глядя на Ромашину.

— Спасибо, учитель, — глухо сказал Кузьма, хотел добавить: «А как же «мертвяки»? Почему обычные «зеркала» стали убивать проходящих через них людей?» — но не успел, с изумлением раскрыв глаза. Керри Йос предугадал его вопрос.

— «Мертвяки», — с улыбкой сказал он, — это всего-навсего «зеркала», исчерпавшие свой ресурс. Проанализируй ситуацию, и все поймешь. Перед тем как исчезнуть, испариться, «зеркала» на короткое время становятся хронометрами с односторонним просачиванием. В прямом направлении они пропускают всё, а обратно — только материальные конгломераты, не обладающие разумом. Человек умирает в момент обратного перехода, потому что лишается всего: сознания, подсознания, памяти, души, если хочешь. И последнее. — Патриарх СЭКОНа снова погладил свой мощный череп. — О «сферозеркалах». Боюсь, их хозяин — уверен, что это не ателье, — имеет хорошо рассчитанный план воздействия на Систему. Если быть точным — на земную цивилизацию. Как бы «футбольный мяч дьявола» не превратился в своеобразный детонатор, или, если говорить проще, в звездный огнетушитель. Прикинь-ка, что случится, если он понизит температуру солнечного ядра? Или, наоборот, повысит до каких-либо немислимых температур в триллионы градусов?

Кузьма прерывисто вздохнул.

Керри Йос усмехнулся, слабо помахал ему рукой:

— Прощай, сынок. Удачи тебе.

Виом стал белым, как облако, затем в нем завихрилось «дерево» виртуального расчета, но читать запись дальше не было сил, и Кузьма выключил инк, глядя перед собой ничего не видящими глазами. Очнулся он от прикосновения Хасида:

— Пойдем отсюда, мои ребята засекли «шевеление» эфира: сюда скоро заявятся представители настоящих правительственных служб. Нас засекли. Мы и так здесь сидим почти два часа.

Кузьма кивнул, вынул молик из вириала, и друзья покинули жилой блок Керри Йоса, чтобы никогда сюда не возвращаться.

Прямо из дома-башни, используя тайфы, они перенеслись в Ригу, где начиналось раннее утро. Кузьма не мог и не хотел снова окунуться в дебри нового расчета, не повидав

Катю, и Хасид его понял. Однако Ромашин вовремя вспомнил последнюю встречу с девушкой, нашел ближайший цветочный магазин и купил букет ярко-алых гладиолусов.

Их встретил у двери блока Ян Лапарра. Кивком ответил на приветствия друзей, оценивающе оглядел букет и махнул рукой в сторону лестницы на второй этаж, где располагались спальни и его кабинет:

— Она еще спит, но ей давно пора вставать. Попробуй разбудить спящую красавицу, сынок. А мы с тобой, — советник СЭКОНа увлек Хасида в столовую, — давай попьем чего-нибудь горяченького, если не возражаешь.

С сомнением в душе и нарастающим нетерпением Кузьма поднялся на второй уровень жилого блока, робко открыл дверь в спальню Екатерины и остановился у порога, разглядывая поверх букета спящую девушку. Полупрозрачная блестящая простыня не скрывала ничего, подчеркивая формы красивого женского тела, и Кузьма затаив дыхание стоял и смотрел, стоял и смотрел, пока сквозь туман в голове не проклюнулась неожиданная идея. Тогда он, бесшумно ступая, подошел к кровати, наклонился и поцеловал Катю в губы.

Брови девушки вздрогнули, глаза открылись, несколько мгновений она всматривалась в того, кто нарушил ее сон, увидела гладиолусы, зажмурилась. Вновь открыла ставшие огромными, глубокими и сияющими глаза, прошептала:

— Мне редко дарят цветы...

— Я буду дарить часто, — пообещал Кузьма сквозь онемение горла.

Катя взяла букет, зарылась в него лицом, от движения простыня сползла с нее, обнажив грудь, и Кузьма мысленно поцеловал ее, не решаясь сделать это наяву. Она заметила его взгляд, но не смутилась, отложила букет, вдруг потянулась к нему руками, и он отбросил все сомнения, терзавшие душу, притянул ее к себе и больше ни о чем не думал.

Они целовались как безумные, словно не видели друг друга много лет, и любили так же яростно, с неугасающей страстью, узнавая друг друга по-новому, словно давно сдерживаемые желания взяли наконец верх и прорвались сквозь барьеры норм светского общения, и длилось это блаженство узнавания и вихрь ласк до тех пор, пока не заговорила природа, остановив их усталостью и умиротворением.

Кузьма вдруг вспомнил, что пришел сюда не один.

— Меня там ждет Ходя...

— Подождет, — беззаботно махнула рукой Катя, снова прижимаясь к нему. — Дед его развлечет.

— Он же все поймет...

— Он и так все понимает. Не бойся, ничего он с тобой не сделает, он меня любит. С тех пор как погибли мама и папа, он мне... — по лицу Кати прошла тень, — он мне заменил всех.

Кузьма хотел было сказать правду об Оскаре, но только крепче сжал девушку в объятиях.

В ухе тихо скрипнула рация:

— Кузя, нас вызывают в Управление. Я пошел, присоединяйся.

— Иду, — отозвался Ромашин.

— Что? — встрепенулась Катя.

— Мне пора.

— Тогда побежали купаться.

Они постояли вдвоем под душем, то и дело обнимаясь и целуясь, оделись и спустились вниз, делая вид, что ничего особенного не произошло. Однако в гостиной их действительно ждал один Лапарра.

— Твоего друга вызвали по службе. Ты не очень торопиться? А то я приготовил вам завтрак.

Кузьма посмотрел на Катю и понял, что отказываться нельзя: обидятся оба.

— Нет, не тороплюсь.

— Ну и прекрасно.

Глаза Кати просияли, она подхватила Ромашина под руку и повлекла в столовую, где уже был накрыт стол.

Они позавтракали: расстегаи с грибами, творог с цветками одуванчика, чай с чабрецом, — болтая о разных разностях, потом Лапарра затронул тему «зеркал», и настроение Кузьмы упало. Он вспомнил о неудачном эксперименте и о том, что ему предстоит нелегкий поиск решения проблемы.

Ян заметил его нахмуренные брови и понял, о чем он подумал.

— Ничего, сынок, справишься. Ты был у Керри?

— Был, — нехотя признался Кузьма.

— Нашел его расчеты?

— Да, он оставил молик... но проблему «зеркал» не решил.

— Он оставил решение тебе. Или ты думаешь, что проблема неразрешима?

— Почему? Я надеюсь...

— Только любители живут надеждами, профессионалы работают. — Лапарра собрал посуду — он делал это сам, не доверяя гному-домовому, — и ушел на кухню.

Кузьма встал.

— Мне тоже пора идти.

— Я тебя провожу до стоянки, — с готовностью поднялась Катя.

— У меня тайф.

— Давай пройдемся по парку? Утром так красиво в лесу.

Кузьма заглянул в умоляюще-ждущие глаза девушки и не смог отказать. Пошутил:

— Как прикажете, господин начальник.

Они вышли на пластолитовую дорожку, обтекающую блок и ныряющую в парковую зону, которая охватывала каждый модуль жилой «грозди», углубились в березовую рощу, насквозь просвечиваемую лучами встающего солнца. Пейзаж был так уютен, тих, красив и светел, что оба замерли, боясь нарушить его гармонию словом или движением, впитывая токи природы всей душой и телом. Однако в полной мере насладиться покоем природы им не дали.

Внезапно заговорила рация:

— Ромашин, вами заинтересовались трое молодых людей, один из них Оскар Мехти. Перехватить или вы уйдете тайфом?

Кузьма вспомнил, что наблюдатели службы охраны по-прежнему ведут его, выполняя приказ комиссара, и коротко отозвался:

— Не трогайте их.

— Ты о чем? — покосилась на него Катя и замолчала, заметив идущие им навстречу фигуры.

— Какая неожиданная встреча, — ухмыльнулся черноволосый отпрыск министра безопасности, театральным жестом указал на остановившуюся пару. — Знакомьтесь, парни: Ромашин и моя девушка.

Спутники Оскара — бритоголовый крепыш с пучком волос на затылке и длинный, как жердь, молодой человек с пышными усами «а-ля запорожец» — заржали.

— Она не твоя, — глухо сказал Кузьма, чувствуя, как в душе поднимается волна ненависти.

— Она и с тобой такая же ласковая? — продолжал Оскар, окидывая пренебрежительным взглядом напрягшегося Ромашина. — Тихо, тихо, мужчина, мы с тобой уже беседовали, крутой ты только с виду, неужели еще хочешь схлопотать по физиономии? Кстати, я тебя предупреждал, не вставай у меня на пути. — Оскар перенес взгляд на девушку. — А ты меня разочаровала, подружка, и даже где-то огорчила. Наверное, не следовало тебя тогда спасать на Луне.

— Ты и так ее не спасал, — бросил Кузьма. — Скажи спасибо отцу, что он тебя от суда и следствия отмазал, не то сидел бы сейчас в зоне ограничения, спаситель фигов! Это ведь по твоей вине разбилась «Серебряная чаша», не так ли? Не ври только мне, я читал секретные материалы следствия.

Оскар пошевелил губами, не сразу найдя ответ.

— Не гони волну, Ромашин, тебе все равно никто не поверит. Решил взять девочку с помощью своих фантазий?

— О чем идет речь? — Катя повернула Кузьму к себе, глаза ее сузились. — Что это за намеки о вине Оскара?

— Это не намеки, — мрачно сказал Кузьма. — Извини, я не хотел вообще затрагивать эту тему, он первый начал.

— Это правда? — Катя требовательно посмотрела на младшего Мехти. — Ты виноват в катастрофе?

— Да что ты его слушаешь?! — деланно возмутился черноволосый красавец, картинным жестом взметывая гриву волос. — Всем известно, что мы уцелели случайно...

— А вот и неправда. — С неба ласточкой нырнул вниз Хасид на антиграве, хлопнул Кузьму по плечу, повернулся к девушке: — Кузя боялся тебя расстроить, Катерина. А спасли тебя действительно аварийщики, я их знаю, и передали медикам, да тут подвернулся этот тип и предложил свою помощь. А потом сказал, что спас тебя.

Стало тихо.

Катя зябко передернула плечами.

— Какая же ты дрянь!

— Сама дрянь, — отмахнулся, оскалась, Оскар. — Забирай ее, теоретик, я попользовался, теперь твоя очередь.

Катя ахнула.

Кузьма шагнул вперед с закружившейся от гнева головой.

— Извинись, мерзавец!

— А ты подойди, поговорим как мужчина с женщиной, — издевательски предложил Оскар. — Слабо?

— Не стоит, Кузя, — негромко сказал Хасид. — С подонками объясняться — только пачкаться.

— А за подонка ты еще ответишь! — ткнул в него пальцем Оскар, начал отступать. — Пошли, хлопцы. Чао, господа хорошие, я поговорю с вами в другом месте.

— Трус! — отчетливо выговорил Кузьма.

Оскар остановился, глаза его сверкнули зловещим удивлением.

— Что я слышу! Неужто захотелось блеснуть перед дамой красноречием? А кулаками помахать слабо?

— Не слабо, — выдохнул Кузьма, чувствуя тихий внутренний взрыв, ввергнувший его в удивительное состояние уверенности и силы, и через всю поляну прыгнул к черноволосому негодю, считавшему себя непобедимым.

Он не осознавал, что делает, но был абсолютно уверен, что все делает правильно, поэтому не дал противнику ни одного шанса ответить. Да Оскар и не был в состоянии ответить, потому что его слабенькое знание рукопашного боя столкнулось с умением рода Ромашиных, всегда дающих адекватный отпор. И атлетически сложенный, сильный, но высокомерный и злобный, исповедующий лишь один закон — закон силы и высокого положения, младший Мехти проиграл.

Кузьма не стал его бить. Он дал ему пощечину — за оскорбление Кати, а затем неуловимо быстро перехватил руку, закрутил тело противника спиралью и впечатал лицом в траву.

Все замерли.

Ошеломленный случившимся, растерявшийся, оглушенный ударом о землю, Оскар лежал немного, поднял измазанное зеленью и грязью лицо, и вид его был столь уморителен, что Хасид и Катя засмеялись. Даже на лицах приятелей Оскара промелькнули ухмылки.

— Теперь мы квиты, — сказал Кузьма. — Но не дай тебе бог снова оскорбить Катю!

Он повернулся к сопернику спиной и неожиданно для себя самого отклонился влево и нанес локтем короткий удар назад.

Вскрик, звук падения. Оскар, метивший Кузе в спину, получил резкий тычок в грудь.

Приятели Оскара наконец опомнились, бросились к Ро-машину, но остановились, когда им наперерез метнулся Хасид.

— Не надо, — покачал пальцем безопасник. — Будет только хуже.

Оскар заворочался, ошалело потряс головой, обвел поле боя мутным взором, с трудом встал и вытащил из-за спины «универсал».

— Ну что, герой-любовник, может быть, рискнешь против шпалера? Не бойся, я тебя только поджарю малость.

— Контроль-один! — бросил Хасид в бусину микрофона, вылезшую из воротника уника.

И тотчас же со свистом с неба упал на поляну куттер с опознавательными знаками аварийно-спасательной службы. Откинулся блистер кабины, и Оскар со своими рекрутами оказался в кольце вооруженных людей.

— Эй, вы это чего? — завертел он головой. — Знаете, кто я такой? А ну, убирайтесь отсюда!

— Отберите у всех оружие и свяжите, — скомандовал Хасид. — Доставьте в изолятор Управления.

Оперативники «эшелона» мгновенно скрутили компанию, затолкали в другой куттер, прибывший по их вызову.

— Да я вас всех уничтожу! — взвыл младший Мехти. — Я сын министра безопасности! Не трогайте меня! Уволю! Ботинки лизать будете!..

Но его вопли никто не слушал.

Куттеры подпрыгнули вверх, исчезли. Стало тихо.

Хасид с любопытством посмотрел на сгорбившегося Кузьму, похлопал его по спине.

— Неплохо, малыш, для первого раза. Потренируешься, меня превзойдешь. Поехали, нас давно ждут.

Кузьма исподлобья взглянул на Катю, ожидая встретить ее уничтожающий или презрительный взгляд, а встретил задумчивый и радостно-недоверчивый. Криво улыбнулся:

— Видишь, как все некрасиво вышло...

Вместо ответа Катя обняла его и поцеловала.

Женщина, разочарованная в мужчине, может простить ему все, кроме лжи и презрительного отношения. Оскар для нее умер.

Глава 10**ЗАБОТЫ ПРОФЕССИОНАЛОВ**

Наряду с мегаполисами, занимающими площадь от трех до пятнадцати тысяч квадратных километров, на Земле сохранились и сравнительно небольшие селения и городки, не утратившие прелести старины. Особенно отличались этим районы Прибалтики и России, сумевшей триста лет назад восстановить свое бывшее могущество и стать великой державой, объединившей в двадцать первом веке Восток и Запад, Европу и Азию, в длительном противостоянии двух этических систем: духовной — Евроазиатской — и меркантильно-материальной — Американской. Противостояние не было кровавым, но оно в конце концов привело к исчезновению Соединенных Штатов Америки как политической государственной единицы. Россия же сохранилась и стала лидером земной цивилизации, хотя и не таким, каким мечтали стать США, то есть не мировым жандармом и повелителем. Лишь в начале двадцать третьего века она утратила свое значение как государственное образование, когда окончательно исчезли границы и появилось единое Земное Правительство. Но и до сих пор Россия оставалась верной традициям предков и опорой всех позитивных сил планеты. И во многом ее неповторимый облик формировали маленькие старинные городки. Таким был и Одоев, стоящий на берегу реки Упы, притока Оки.

Название города происходит от греческих корней и означает «хорошая дорога». Неизвестно, были ли во времена его строительства в России-Руси хорошие дороги, но в нынешние времена дорог на Земле практически не осталось, их уничтожила транспортная революция, когда в двадцать первом веке был создан антигравитационный двигатель и транспорт ушел в небо. Однако Одоев, особенно его центральная часть, сохранился почти в первозданном виде вместе с улицами и площадями, хотя его окраины и представляли собой пояс современных зданий, устремившихся к облакам.

И все же Одоев был приветлив и уютен, как и населяющие его жители, много лет назад принявшие живое участие в воссоздании древнего облика города.

Сначала они разбили мемориальный парк на высоком бе-

регу Упы, где когда-то стояла крепость, упоминавшаяся еще в тысяча триста восьмидесятом году в Новгородской летописи, а потом восстановили и саму крепость.

Сохранились также и другие старинные здания и архитектурные памятники: Анастасов монастырь, возведенный в шестнадцатом-семнадцатом веках, разрушенный в годы революций и восстановленный в середине двадцать первого века, Богородице-Рождественская церковь, дом купца Курдюмова, здание Городской управы, дом князя-писателя Одоевского, а также старинные, мощенные камнем и асфальтом улицы и переулки, по которым, как и сто, и двести, и триста лет назад, любили прогуливаться жители и гости города.

На одной из улиц его центральной части, носящей имя Маши Порываевой, стоял и дом Филиппа Ромашина, принадлежавший еще его прадеду и вообще роду Ромашиных, насчитывающему более полусотни поколений. Дом этот, конечно, претерпел изменения, перестраивался и достраивался, но русский дух сохранил — дух доброты, улыбки, любви и гостеприимства.

Конечно, он охранялся, имея встроенные системы защиты и ограничения доступа, с тех пор как его владелец стал директором УАСС, однако все его интерьеры, убранство, архитектурные линии остались теми же, неся на себе печать старины и дружелюбного отношения к людям.

Командор погранслужбы Игнат Ромашин прибыл в дом родителей ранним утром седьмого апреля по вызову отца. Филипп встретил его в прихожей, одетый в рабочий уник официала службы, молча обнял и повел в свой кабинет.

— Мама еще спит? — тихо спросил Игнат.

— Спит, не буди, — отозвался Филипп. — Она поздно легла.

— А вот и не сплю, — раздался женский голос, и в коридор из спальни вышла Аларика в халате, совершенно седая, но почти не потерявшая красоты и женственности в свои девяносто с лишним лет. — Здравствуй, сынок.

Они обнялись.

— Надолго к нам?

Игнат посмотрел на отца, тот покачал головой:

— Боюсь, времени на разговоры у нас не будет.

— Но хоть чаю-то попьем вместе?

— Кофе, мамуля, — улыбнулся Игнат.

— Принеси в кабинет, — попросил жену Филипп. — Мы пока поговорим о делах.

Аларика с извиняющей улыбкой кивнула, она давно привыкла к такому ритму жизни мужа, почти не оставлявшему времени на отдых и личную жизнь, и поспешила на кухню. Отец и сын, похожие вследствие возраста друг на друга как братья, уединились в кабинете директора УАСС, где стояли вириал инка и консорт-аппаратура связи со всеми службами Управления. Стены кабинета были обиты натуральными соновыми планками и, казалось, светились изнутри.

— Контроль-один, — позвал Филипп, закрывая за собой дверь.

— Все спокойно, — отозвался координатор службы наблюдения. — Уровень эксклюзивной негативности «ноль три», фон ламинарный.

Это означало, что за домом Ромашина ведут наблюдение и другие заинтересованные силы (Филипп, конечно же, знал, что это за силы — собственная служба безопасности Правительства), но в обычном режиме.

— Что случилось? — спросил Игнат, присаживаясь на край диванчика; одет он был также в серо-голубой уник официала погранслужбы. — Зачем ты вызвал меня сюда? Боишься прослушки?

— Не боюсь, но опасаясь, — проворчал Филипп. — Наблюдатель подбирается к Управлению, и я не исключаю, что он уже установил свою микротехнику контроля. А вызвал я тебя по причине, тебе известной. Разобрался, каким образом когги погранслужбы, атаковавшие мантоптерское корыто, оказались в руках террористов?

— Расследование зашло в тупик, — поморщился Игнат. — Мы выяснили, что на транспортную базу номер семь на Ганимеде заявили инспекторы криминальной полиции, предъявили карт-бланш и забрали два когга. А когда мои следопыты попытались пойти дальше в деле расследования инцидента, их не пустили. Может быть, ты поспособствуешь?

— Управление криминальной полиции мне не подчиняется, — покачал головой Филипп. — И с ее руководителем я не дружу. Тем более что он дружен с Мехти.

— Плохо дело. Так мы никогда не выйдем на исполнителей теракта.

— Главное — выяснить заказчика, доказать, что он свя-

зан с Наблюдателем, только тогда я смогу встретиться с премьером и выложить на стол наши козыри.

Игнат помолчал.

— Как идут дела у Кузьмы? Что-то он домой не звонит. Дениз волнуется.

— Работает парень, бьется головой о стену ТФ-теории. Пока безрезультатно. «Малый паньтао» не оправдал наших надежд. Но у нашего парня появился стимул.

— Какой?

Филипп прищурился.

— Он тебе не говорил?

— Нет.

— Он разошелся с женой...

— Это я знаю, давно пора.

— И, похоже, влюбился в Катерину, внучку Яна Лапарры.

Игнат дернул себя за ухо, покачал головой.

— Симпатичная девочка, я ее видел как-то мельком, но не скажу, что она мне сильно понравилась.

— Главное, чтобы она нравилась ему. Плохо, что из-за нее у Кузи конфликт с ее прежним ухажером.

— С кем?

— С Оскаром Мехти.

— Черт! — сказал Игнат с расстановкой. — Только этого нам не хватало. Какого рода конфликт у них случился?

— Мало общаешься с сыном, старик. Кузьма славно отделал Оскара сегодня утром за оскорбление Катерины.

— Он же раньше никогда не дрался!

— У него тяжелая наследственность, — ухмыльнулся старший Ромашин. — Керри много лет занимался паранормальной практикой и дал Кузьме у м е н и е выходить на память рода.

— Это... здорово!

— И я того же мнения. Наверняка это ему пригодится в жизни. К тому же парень почувствовал свою ответственность и себя в обиду не даст. И о девочке позаботится.

— Драться нехорошо.

— Ну, я так не считаю. Хотя последствия будут. Ничего, Юэмей понаблюдает издали за Оскаром и даст ему точную оценку. Думаю, что сынок министра если и не агент Наблюдателя, то связан с агентом, а то и с резидентом.

— Где он сейчас?

— Оскар?

— Кузьма.

— На Меркурианской базе вместе с Хасидом, рассчитывает второй вариант «паньтао».

— А работает он с персональным инком или через консорт-линию с вашим Умником?

— Через консорт. А что?

— Если Наблюдатель проник в вашу компьютерную сеть, он знает, во-первых, над чем работает Кузьма, а во-вторых, где он находится.

Филипп задумчиво посмотрел на сына, такого же седого, как и он сам, включил кодовую отсечку и вызвал дежурного СПАС-сети:

— Тхакур, заberi к себе на СПАС-17 Кузьму Ромашина, он сейчас на второй Меркурианской базе, и поддержи, пока я сам за ним не приду.

— Выполняю, — без удивления кивнул смуглый индеец-дежурный.

Виом погас, затем вспыхнул снова: Филипп попросил инка показать Солнце с застрявшим внутри «футбольным мячом дьявола».

Метровый объем виома, конечно, не мог внушить всей грандиозности явления, но все же зрелище было впечатляющим: в кабинете Ромашина возник шевелящийся шар жидкого огня! Затем шар стал почти прозрачным, и в нем появилось коричневое зернышко в ядре Солнца — область с пониженной температурой, которую генерировало «сферозеркало».

Отец и сын некоторое время рассматривали изображение светила, потом глянули друг на друга.

— Ты думаешь, это серьезно? — кивнул на огненный шар Игнат.

— А ты так не думаешь? — хмуро сказал Филипп, выключая виом.

— Но ведь не станет же Наблюдатель тушить Солнце с помощью такого специфического «огнетушителя»? Зачем ему это?

— Наблюдателю действительно это ни к чему, ты прав, а вот хозяину «мячей», наверное, необходимо. Хотя на вопрос: зачем? — я не отвечаю.

— Но ты уверен, что «мячи» не принадлежат Наблюдателю?

— Керри первым высказал эту мысль, и за это его убили. Идея подтверждается фактами, вот что страшно. Просто деятельность хозяина «мячей» совпала с активизацией «зеркал», а мы приняли их за один и тот же процесс. Кстати, есть реальное объяснение, почему «зеркала» становятся «мертвяками».

— Кузьма нашел?

— Нет, снова Керри. Он доказал, что «зеркала» имеют определенный энергетический ресурс, и как только этот ресурс подходит к концу, они становятся хрономембранами, работающими по некоторым параметрам только в одну сторону. Тело человека назад выходит, а сознание и память — нет.

— Лихо!

Филипп помял лицо ладонями, сгорбился.

— Мне уже трудно держать себя в форме, пора на покой.

— Ты прекрасно выглядишь, старик.

— Спасибо. Бодрюсь. Но годы уже не те, а нагрузки увеличиваются. Ты-то как, справляешься?

— Тоже бодрюсь, — усмехнулся Игнат. — А мы с тобой действительно старики, господин директор, и ничего с этим не поделаешь. Вот расхлебаем кашу с Наблюдателем, и в отставку. Давно я рыбу не ловил в Упе.

— Ты только об этом маме не говори — насчет стариков.

Они улыбнулись, вполне понимая друг друга. Потом лицо Игната стало серьезным.

— Может, мы зря полагаемся только на Кузьму? Вдруг он не решит проблему «паньтао»?

— Не считай себя умней отца, — проворчал Филипп. — На нас работает, кроме Кузьмы, еще полсотни спецов разного профиля, что-нибудь да найдем. Уже было предложение загнать в «мяч» коллапсар и сделать из него «черную дыру».

— По-моему, неплохая идея.

— Посмотрим.

Вошла Аларика, толкая впереди себя поднос-антиграв с завтраком.

— Хватит шептаться, заговорщики, давайте кофе пить.

Мужчины посмотрели на ее притворно-строгое лицо и обняли с двух сторон, выражая свою любовь и нежность.

В два часа дня директор УАСС получил уведомление из администрации Правительства, что его ждет премьер.

Такого поворота событий Филипп не ожидал, к визиту в Кремль он готов не был, но игнорировать вызов, естественно, не мог. Прикинув все варианты встречи с премьер-министром, какие только могли произойти, он превратил уник в мундир директора Управления со всеми регалиями и отправился в Кремль.

Старинная русская крепость, бывшая резиденцией русских царей и правителей на протяжении тысячи лет, практически не изменила свой неповторимый облик даже с превращением Москвы в суперсовременный мегаполис, занимавший площадь в десять тысяч квадратных километров. Гигантские «грозди» жилых зон вовсе не давили на старинные здания центра бывшей российской столицы, а как бы подчеркивали его самобытность и красоту.

Филипп мог бы добраться до Дома Советов на территории Кремля — рабочего блока премьера — и на метро, однако предпочел добираться от центрального комплекса УАСС в Мещере на личном куттере и несколько минут любовался панорамой Москвы, а потом и Кремлем сверху, пока машину не посадила на Манежной площади охранно-защитная система комплекса. Дальше он ехал на специальном колесном каре, имевшем форму старинного автомобиля — такова была традиция въезда на территорию Кремля высоких гостей.

Премьер принял директора УАСС в своем рабочем кабинете на третьем этаже Дома Советов, отделанном ценными породами дерева и малахитовой плиткой. Он был один: ни охраны, ни секретарей. Но Филипп знал, как охраняется и обслуживается резиденция Правительства, и на видимое отсутствие живых людей не обратил внимания.

— Проходи, — кивнул премьер, отворачиваясь от виома, выключил инк-систему, встал навстречу, высокий, могучий телом, тяжелолицый, с коротким ежиком седых волос.

Они несколько мгновений смотрели друг на друга: Станислав Томах, знавший Ромашина чуть ли не с пеленок, бывший кобра СБ, бывший начальник отдела СБ, бывший комиссар, потом директор УАСС, министр безопасности и, наконец, глава Правительства, и Филипп, прошедший за семьдесят лет путь от конструктора ТФ-аппаратуры и спорт-

смена экстра-класса до директора Управления. Потом Томах подошел ближе, обнял Ромашина, постоял так немного, усадил гостя в углу кабинета и сел рядом.

— Рассказывай.

Филипп усмехнулся.

— С чего начинать?

Улыбнулся и Томах.

— Как всегда, с главного. Чем нам угрожает провал «футбольного мяча» в Солнце?

— Прогнозы самые разные: от «ничего не случится» до превращения Солнца в сверхновую звезду.

— Хорошая перспектива. А что говорят твои хваленые эксперты?

Филипп помолчал.

— Угроза, к сожалению, реальна. Если бы «мячи» были безобидны, мантоптеры не послали бы свой корабль в Солнечную систему. Однако дать точный ответ, что произойдет, я не в состоянии. Могу только сообщить, что в Системе орудует чужая разведка. Точнее, диверсионная группа, которая пытается помешать нам справиться с «зеркалами» и «мячами».

— Наблюдатель?

— Наблюдатель здесь ни при чем. В самое ближайшее время я проанализирую данные слежки и доложу вам.

— Тебе, — слегка поморщился Томах. — Мы же дружили когда-то, Филипп, неужели забыл?

— Я — нет, — философски пожал плечами Ромашин. — Но ты теперь такая важная персона, а я всего лишь твой подчиненный.

— Это для официальных процедур. Но продолжим. Что вы не поделили с Мехти? Он жалуется на твои службы, на Реброва, на тебя лично. Закатил скандал по поводу избияния его сына твоим внуком, требует судебного разбирательства.

— Его сын хам и бандит, — сказал Филипп. — Он оскорбил девушку, внучку Яна Лапарры, Кузьма вступился. Есть свидетели, сцена записана службой наблюдения.

Брови Томаха прыгнули вверх.

— Служба наблюдения? За кем же она следит?

— За обоими. Кузьма является особо ценным разработчиком специальной аппаратуры для службы безопасности и охраняется обоймой VIP-контроля, а Оскар... — директор

УАСС сделал паузу. — Оскар Мехти подозревается в связях с агентурой Наблюдателя.

— Вот как? Я этого не знал. У вас есть доказательства его связи с... э-э, агентурой?

— Пока только косвенные, но будут и прямые.

— Надеюсь, вы действуете законным путем? Слежка санкционирована надлежащим образом?

— Нет, — ровным тоном сказал Филипп.

Премьер задумчиво потер переносицу, не сводя оценивающе-внимательных глаз с Ромашина. Покачал головой.

— Если узнает Артур, тебе придется уйти в отставку.

— Если Оскар окажется замешанным в играх чужих на территории Системы, никакой отец его не спасет. Артур сам, кстати, под подозрением. Но главное не в этом: угроза, исходящая от хозяина «мячей дьявола», реальна! Поэтому у меня просьба. Дай поработать Реброву комиссаром еще некоторое время.

— Я не могу отменить решение Правительства.

— Ты можешь назначить его исполняющим обязанности комиссара, пока не найдется кандидат на замещение должности.

— Вас не устроит несколько дней, пока будет идти поиск кандидатуры и процедура его утверждения.

— Устроит.

— Хорошо, сделаю, что смогу. Теперь о другом вашем работнике, которого также не любит Артур Мехти. Речь идет о Юэмей Синь. Мехти предложил реструктурировать спецслужбы и ликвидировать сектор контрразведки, не имеющий, по его словам, «поля деятельности».

— Ты тоже так считаешь?

— Возможно, отчасти он прав. Ведь мы ни с кем не воюем и засланных вражеских лазутчиков не ищем. Контрразведка в нынешнее время не более чем дань традиции.

— Боюсь, ты ошибаешься. Контрразведку уже хоронили несколько раз, в том числе дважды в этом столетии, и каждый раз потом мы встречались с явлениями, которые можно было бы предупредить, имей мы особое подразделение.

— Что за явления?

— Демон, или Спящий Джинн, и Наблюдатель. А если мы сейчас снова расформируем контрразведку, это аукнется в ближайшее время и самым страшным образом.

— Не пугай.

— В мыслях не было. Но еще раз повторюсь: мантоптеры не послали бы к системе космолет ради любопытства. Давно известно, что негуманы и полугуманы весьма неохотно идут с нами на контакт. Что-то серьезное случилось в их доме, настолько серьезное, что они решились предупредить соседей и послали курьеров.

— Предупредить о чем?

— Может быть, об опасности «мячей дьявола», может, по другой причине. Мы это рано или поздно выясним. Хотя нам очень сильно мешают это сделать.

— Кто? Агенты Наблюдателя?

Филипп не отреагировал на сарказм в голосе премьера.

— В том числе и агенты. Но более всего — люди вроде Артура Мехти. Существует пословица: дьяволы бывают двух видов — разжалованные ангелы и сделавшие карьеру люди. Мехти — из последних.

Томах усмехнулся:

— Да уж, он не ангел, ты прав. Но, как сказал один умный человек, я не намерен портить отношений ни с небесами, ни с адом — у меня есть друзья и в той, и в другой местности¹.

— Никто не требует от тебя портить отношений, дай нам только возможность поработать на благо отечества. Система в опасности, поверь мне, старому служаке, а мы ослабляем себя, хватая друг друга за руки.

Премьер мысленно вызвал обслуживание кабинета, и лемуroidный витс принес на подносе соки и горячий шоколад. Томах взял чашечку шоколада, Филипп, поколебавшись, налил себе кокосового молока.

— Я придержу своих радикалов, — сказал наконец Станислав. — Пара недель у вас будет, от силы — месяц, потом придется предъявлять доказательства.

— Спасибо, Слава, — кивнул Филипп благодарно. — Большого не требуется.

— Но реорганизацию спецслужб все-таки придется проводить. Мехти не остановится на достигнутом, он пойдет дальше, в СЭКОН и ВКС, где у него наверняка найдутся сторонники.

— Что он предлагает?

¹М. Твен.

— Конкретно подчинить УАСС и погранслужбу министерству общественной безопасности. Соединить ваш следственный отдел и органы дознания с криминальным розыском Управления кримполиции. Контрразведку упразднить. Ну, и так далее.

— Он хочет соединить лебедя, рака и щуку в одну недееспособную химеру.

— Но кое в чем он прав. Ваша служба безопасности дублирует многие отделы министерства, это не есть хорошо.

— А может быть, наоборот, многие отделы министерства дублируют нашу службу? Министерство-то создавалось позже УАСС.

— Сути это не меняет.

— Мы подумаем, что можно будет сделать.

— Подумайте. — Премьер встал. — Рад был повидаться. Надо будет как-нибудь повстречаться в неформальной обстановке.

Филипп тоже поднялся.

— Вряд ли это достижимо при нашем обоюдном дефиците времени, но помечтать не грех.

Томах проводил его до двери кабинета, пожал руку. Они несколько секунд разглядывали друг друга, словно пытаясь отыскать следы прежних молодых людей, какими они были десятки лет назад. Потом Филипп повернулся и вышел.

Вечером он встретился с Ребровым и Юэмей Синь на базе УАСС на Меркурии.

База, оборудованная собственной станцией метро, связанная с местной сетью станций СПАС, располагалась на «северной» стороне планеты и имела изолированные отсеки, в одном из которых, защищенном от любого технологического контроля, служба контрразведки оборудовала свой запасной командный пункт.

Руководительница контрразведки, как всегда производившая впечатление юной ученицы колледжа, а не взрослой дамы с двадцатилетним стажем работы в службе безопасности, доложила Филиппу о результатах работы, и тот рассказал о своем визите к премьеру.

— У нас всего две недели на решение всех проблем, — до-

бавил он меланхолично. — Делайте что хотите, но найдите выход на резидентуру Дьявола.

Комиссар и контрразведчица переглянулись, обратили взоры на директора Управления. Тот понял их чувства.

— Я думаю, уже всем понятно, что явления «зеркал» следует разделить. Есть Наблюдатель, имеющий сеть плоских «зеркал», и есть хозяин «мячей», которого я предлагаю называть для конкретики Дьяволом. Возражения имеются?

— Ты читаешь наши мысли, — сказал Владилен Ребров.

— С кем поведешься, — усмехнулся Филипп. — Когда вы планируете пробить новую шахту к «Потрясателю»?

— Через неделю. Если ничто и никто нам не помешает.

— Попытки будут, будьте уверены. Теперь о смерти Керри Йоса. Я не услышал от вас результатов следствия.

— Оно еще не закончено, но уже можно говорить о преднамеренном убийстве. В связи с чем у нас появилась новая научно-техническая проблема. Наши следопыты утверждают, что Керри вызвал для аудиенции в Малайзию директор УАСС.

— То есть я.

— Так точно, сянъшэн.

— Но я его не вызывал.

— В этом все дело. Наш противник разработал программу динго-двойников, неотличимых от настоящих людей. Необходимо срочно разработать контр-программу для опознавания и нейтрализации динго.

— У вас нет нужных специалистов?

— Специалисты есть, но требуется опять-таки время. А пока надо удвоить осторожность при прямых контактах со своими друзьями, родственниками и подчиненными. Каждый из них может оказаться агентом Дьявола в «динго-маске».

— Веселенькая перспектива.

Помолчали.

— Что у Кузьмы? — поинтересовался Ребров. — Он нас ничем не порадует?

— Не дергайте его, — нахмурился директор УАСС. — Проблему «зеркал» наша наука пытается решить уже три четверти века и пока безрезультатно. Чуда ждать не стоит.

— Но очень хочется.

— Мне тоже. Кузьма, как и все Ромашины, начинает генерировать новые идеи и вообще трудиться в поте лица толь-

ко в экстремальных ситуациях. Надеюсь, конфликт с Оскаром подействует на него не хуже возбуждающих средств.

— Мы готовим сейчас испытания «черной бомбы», — заметила Юэмей Синь. — Возможно, она справится с «зеркалом».

Ребров и Ромашин промолчали, зная, что речь идет о подготовке искусственного коллапсара со шварцшильдовским радиусом всего в несколько десятков метров. При включении такой «бомбы» происходит сверхбыстрое сжатие материи в точку, в «черную дыру», и специалисты СБ надеялись, что в эту «дыру» провалится и «зеркало».

— Меня беспокоит ситуация вокруг мантоптерского корабля, — вновь заговорила руководительница контрразведки. — Во-первых, по нему все время шатаются эмиссары господина Мехти и мешают нам работать. Во-вторых, ни один из захваченных нами агентов Наблюдателя... простите, Дьявола, не заговорил, а ментасканирование не дало однозначного ответа на вопрос: кто заказчик. То есть резидент. И в-третьих, дистанционная защита ценных работников в таких условиях становится неэффективной.

— О ком ты говоришь? — проворчал Ребров.

На щеки Юэмей Синь легла легкая краска.

— О Кларке, Васильеве, Лю Тао... о Германе Алнисе. Я не могу защитить их всех, не хватит сил и средств.

— Я помогу, — пообещал Филипп. — Возьмите под контроль тех, кого считаете нужным, остальных прикроет отдел спецреагирования. Послание мантоптеров так и не нашли?

— Нет, — виновато развела руками Юэмей. — В Системе зонд не обнаружен, ищем за ее пределами.

— Если только ваш Герман не ошибся в выводах и зонд действительно существует.

— Герман хороший специалист и ошибается редко — это из его служебной характеристики. У него есть идеи, которые, возможно, приведут к открытию.

— Ну-ну, попутного ветра ему в парус. Итак, господа силовики, выкладывайтесь до предела. Времени у нас мало. Связь — только по каналам «спрута-2».

Филипп приложил к окошечку тайфа палец и исчез.

Ребров посмотрел на Юэмей.

— У меня такое впечатление, будто директор знает больше, чем говорит.

— Он мудрый человек, — отозвалась китаянка, — и точно знает, когда нужно выкладывать козыри.

— Дай-то бог, чтобы они у него были. Я тоже пошел. Кстати, кого ты возьмешь под свою защиту?

— Лю Тао, — ответила Юэмей и добавила после паузы: — И Германа Алниса. А что?

— Ничего, — пожал плечами комиссар. — Это специалисты высокого класса, их действительно надо охранять как зеницу ока.

Юэмей Синь подозрительно заглянула в холодно-спокойные глаза Реброва, но не увидела в них усмешки или иронии. Он не знал или делал вид, что не знает об отношениях руководительницы контрразведки с молодым ксенопсихологом.

Глава 11

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

Созвездие Змееносца состоит примерно из сорока звезд различных классов, но по сравнению с другими созвездиями оно считается бедным на экзотические объекты типа «черных дыр», квазаров и сверхновых звезд. За всю историю космоплавания земные корабли лишь однажды заходили в созвездие в поисках разумной жизни, экспедиция изучила окрестности Рас Альхаге¹ — альфы Змееносца, никакой жизни на огромных — с Юпитер — планетах звезды не нашла и в глубину созвездия идти не решилась.

Нынешняя экспедиция в составе спейсеров Дальразведки «Стеревающий» и «Мехико» имела задание достичь Синистры — ню Змееносца, звезды светимостью в сто семьдесят Солнц, располагавшейся на расстоянии двухсот семнадцати световых лет от Солнечной системы, в течение двух месяцев исследовать систему, а затем направиться дальше, к Дзете Змееносца, имевшей название Хан. Звезда была интересна размерами и светимостью в две тысячи сто восемьдесят восемь звезд типа Солнца.

О том, что экспедиция имеет еще одно задание, извест-

¹ Голова Заклинателя (араб.).

ное только ее начальнику Маю Реброву, директору Института внеземных культур, доктору ксенопсихологии, отцу комиссара СБ Владилена Реброва, и капитанам спейсеров Лешеку Стецковскому и Альваро де ла Вега, экипажи узнали только после того, как корабли, преодолев двести с лишним световых лет, достигли Синистры.

Как и было предусмотрено планом, разработанным экспертами Дальразведки и подкорректированным специалистами службы безопасности, у звезды оставили модуль типа «броненосец» с автономным энергообеспечением, высадили на него десант в количестве шести человек и направились дальше, послав на Землю успокаивающую депешу, что экспедиция «приступила к плановому изучению объекта, обнаружив систему пылевых и метеоритных поясов».

К дзете Змееносца корабли подошли спустя двое суток с момента посылки депешы и поступили точно так же: осмотрелись, оставили еще один «броненосец» с экипажем в шесть человек, рассчитали новый курс и соединили оба спейсера в один сверхкорабль, получивший имя «Магистр», способный преодолевать межгалактические просторы.

Первого апреля в десять часов утра по зависимому времени¹ «Магистр» начал первый прыжок в ТФ-режиме к шаровому звездному скоплению NGC 6273 или M19 (по каталогу Мессье), который вынес его на край галактического рукава Ориона. Этому рукаву принадлежит и желтая звездочка Солнце.

Неожиданностей не случилось.

Корабль вышел из «струны» ТФ-режима в сравнительно пустом пространстве, на расстоянии пяти светолет от ближайшей звезды, проверил функционирование всех систем и снова нырнул в «струну», чтобы выйти из нее уже в межгалактическом пространстве между шаровым скоплением и рукавом Ориона. Отсюда уже была хорошо видна вся Галактика — великолепная красивая трехрукавная спираль с мощной «шубой» галактического гало и ослепительно сияющим керном, окружающим ядро Галактики — центральную «черную дыру».

Но и здесь экспедиция задерживаться не стала.

Совершив еще два прыжка по «струне топологической

¹ По внутреннему времени кораблей.

сшивки» — как называли профи космоплавания этот процесс, «Магистр» вышел на край звездного скопления М19, содержащего около ста тысяч звезд возрастом от десяти до пятнадцати миллиардов лет. Теперь ученым экспедиции предстояло вместе с главным исследовательским инком по имени Пахарь найти среди множества звезд и их «огарков» — нейтронных звезд — одну-единственную с линиями циркония в спектре излучения, которая обогривала планету мантоптеров.

Задача не была простой, несмотря на то что земные астрономы знали координаты циркониевой звезды. Но свет от шарового скопления шел до Солнечной системы больше тридцати тысяч лет, и астрономы видели п р о ш л о е , то есть то состояние скопления, в котором оно находилось тридцать с лишним тысяч лет назад. Преодолев расстояние, отделяющее его от Солнца, всего за несколько суток, люди впервые увидели н а с т о я щ е е , то состояние, в котором пребывал звездный шар скопления на данный момент времени, соответствующий времени Земли. Скопление успело повернуться к Солнцу «другим боком», многие его звезды погасли, многие столкнулись, многие изменили состав излучения, и для того, чтобы найти в этом гигантском шаре нужную звезду, надо было проверять спектры в с е х его звезд.

Впрочем, экипаж «Магистра» это обстоятельство волновало мало. Все знали, с какими трудностями им предстоит столкнуться, и были настроены их преодолеть.

Результаты анализа звездных спектров начали поступать от Пахаря уже спустя час после включения исследовательских систем. Первый вывод был неутешителен: звезд с линиями циркония в скоплении как будто не было вовсе. Однако люди з н а л и , что такая звезда существует или по крайней мере была, и упорно продолжали искать ее следы, задействовав всю имеющуюся в их распоряжении аппаратуру.

Жизнь на борту «Магистра» протекала в соответствии с распорядком, формула которого была найдена еще первыми звездоплавателями: восемь часов — сон, шесть часов — активная фаза работы, два часа — обработка результатов, шесть часов — активный отдых, два часа — обязательные адаптационные процедуры, включающие в себя тестирование самочувствия, плавание и прогулки по ландшафтно-парковой зоне корабля. И как всегда, этот распорядок нарушался все-

ми, кто мог себе позволить заменить отдых работой. Нарушал режим даже начальник экспедиции, шестидесятилетний патриарх Май Ребров, продолжавший и в свои годы заниматься спортом. Правда, в отличие от подчиненных, предпочитавших отдыхать во время адаптационных процедур, Ребров вообще никогда не отдыхал, если не считать отдыхом время занятий спортом: еще полсотни лет назад он тренировал сборную команду Земли по волейболу, — и время занятий «чистой» наукой: втайне от многих он разрабатывал теорию «отклонений генетического Творящего Поля Вселенной», приводящих к возникновению разума у негуманоидов — существ, облик которых сильно отличался от человеческого.

Нельзя было сказать, что Ребров сторонится своих коллег или смотрит на них свысока, однако он действительно редко общался с ними, и за время полета к звездному шару М19 его лишь однажды видели в компании капитанов спейсеров, все остальное время он находился даже не в рубке управления или в зале визинга головного корабля «Стережущий», а потом и «Магистра», а у себя в каюте в обществе персонального инка, по мощности почти не уступавшего Пахарю. Это было место его работы и виртуальных блдений в шестимерных пространствах решений, а работал он над тем же, над чем бился оставшийся в Системе Герман Алнис — над дешифровкой «обрывков смысла», то есть отрывочных записей, сохранившихся в памяти компьютера мантоптерского корабля.

Ребров был, конечно, опытнее и мудрее молодого ксенопсихолога, но и у него дело продвигалось медленно, так как информации не хватало, а синтез логического аппарата разумных богомоллов требовал многокритериальных надсистемных подходов и просто времени.

И тем не менее именно Май Ребров, опираясь на свою «теорию отклонений», подсказал коллегам исследовательской бригады на борту «Магистра», где следует искать циркониевую звезду. Ровно через три дня после выхода корабля к шаровому скоплению Пахарь отыскал в указанном направлении звезду с параметрами, близкими к тем, которыми описывалась циркониевая звезда, известная земным астрономам. Единственным отклонением, которым можно было пренебречь, оказалось незначительное падение яркости звезды.

Обсудив находку на совещании руководителей экспеди-

ции, Ребров дал команду двигаться к найденной звезде в режиме «мигания» — короткими прыжками, продолжая изучать звезды скопления ради очистки совести: если бы нашлась еще одна циркониевая звезда, пришлось бы обследовать и ее. Однако за сутки «мигания» поиски не увенчались успехом, и когда до звезды осталось всего лишь около сотни световых лет пути, Ребров остановил космолет, чтобы перед последним прыжком систематизировать наблюдения и подготовиться к «атаке неизвестности». Интуиция подсказывала начальнику экспедиции, что их ждет неприятный сюрприз.

Однако сюрприз случился раньше, чем он думал, хотя тоже неприятный.

Как гром с ясного неба прозвучал сигнал тревоги, поданный карго-инком «Магистра», следящим за космосом вокруг спейсера. В кильватере за кораблем обнаружился зеркальный шар диаметром около тысячи километров, копия «теннисного мяча дьявола», оставшегося в Солнечной системе. Он целеустремленно догонял корабль в том же режиме «мигания», то появляясь в пространстве, то исчезая на несколько минут, и должен был настичь двоянный транспортный модуль через несколько часов.

Ребров, чье морщинистое лицо не отразило никаких эмоций при этом известии, занял место координатора в рубке «Стережущего» (она же — рубка «Магистра») и принялся командовать кораблем, лучше всех понимая ситуацию.

Для начала он попробовал проверить реакцию второго «теннисного мяча» при маневрировании корабля.

«Магистр» слегка увеличил скорость и отклонился от цели полета на десять градусов.

«Сферозеркало» послушно повернуло в ту же сторону, срезая угол, или, как говорили специалисты, спрямляя траекторию наведения.

«Магистр» прыгнул в другую сторону в режиме «струны».

«Теннисный мяч» повторил маневр, хотя и немного отстал.

«Магистр» выстрелил в его сторону зонд с ТФ-эмиттером, сворачивающим пространство в двумерное образование, в «топологическую складку континуума».

«Теннисный мяч» вполне сознательно затормозил, будто им управляли некие разумные существа, затем выждал мгновение и в прыжке проглотил зонд, автоматика которого не

успела включить ТФ-эмиттер. Хотя вполне возможно, она и включила его, но на форме «сферозеркала» это никак не отразилось. Оно по-прежнему держалось позади и упорно догоняло «Магистр», имевший преимущество в скорости, но огромный недостаток в виде ограниченности свободы маневра. Он мог оторваться от преследователей, если бы не имел задания достичь циркониевой звезды и выяснить у сородичей погибших у границ Солнечной системы мантоптеров, с какой целью они послали к Солнцу гигантский пустой космолет.

Ребров думал несколько часов, пока «Магистр» пытался оторваться от преследователей, стряхнуть с «хвоста» дьявольский шар. Затем принял решение.

«Магистр» разделился, превращаясь в два самостоятельных спейсера. «Мехико» устремился к звезде, второй — «Стерегающий» — должен был сыграть роль отвлекающего объекта. Поэтому старт разделенных кораблей синхронизировали таким образом, чтобы они исчезли из поля зрения пилотов «сферозеркала» (если таковые там были) или его наводчиков (к этой точке зрения склонялся и сам Ребров: шар наводили неведомые наблюдатели). «Мехико» направился к звезде, за один прыжок преодолевая остающиеся сто световых лет, а «Стерегающий» прыгнул чуть в сторону и на короткое расстояние — всего лишь на полтора световых года.

И «теннисный мяч» после короткого «размышления» повернул за ним!

* * *

Они промахнулись на десять световых лет!

Звезда в реальном пространстве оказалась не там, где по расчетам карго-инка она должна была находиться. Впрочем, не стоило печалиться по этому поводу. Для точных расчетов звездных траекторий в шаровом скоплении у космолетчиков не хватало информации о динамике скопления, и промах вполне объяснялся возмущениями гравитационных полей. И все же это была непредвиденная задержка экспедиции, омрачившая настроение экипажа, и без того минорное после прощания с товарищами.

«Мехико» вышел из «струны», огляделся и попытался связаться с командой «Стерегающего», пока инк рассчитывал но-

вую траекторию к циркониевой звезде, выглядевшей с этого расстояния бледнее, чем с расстояния в сто светолет. Но «Стерегуший» не ответил. Ни минуту спустя после вызова, ни через час, ни через два. Мало того, линия метро, соединявшая корабли, отказалась передать послание Реброва командиру спейсера Стецковскому: витс, направленный на борт «Стерегущего», вернулся «глухим и немым» вследствие внезапного обрыва линии. Впечатление было такое, что станцию метро просто отключили!

Это могло означать что угодно: аварию генераторов «струны», внезапный сбой синхронизирующих работу метро инков, расфокусировку канала — мало ли что случается в космосе, таящем немало сюрпризов для космоплавателей. В конце концов, «теннисный мяч» мог догнать и проглотить корабль, как проглотил до этого зонд с ТФ-эмиттером. Оставалось надеяться, что «сферозеркало» не является «мертвяком» и вернет спейсер, задержанный во времени. Но Ребров на это не надеялся, исподволь готовясь к самому худшему. Он собрал экипаж по интеркому и сделал заявление:

— Внимание! Прошу всех отвлечься от дел и выслушать предложение. «Стерегуший» скорее всего погиб. За нами, очевидно, тоже ведется слежка — техническую сторону дела обсуждать не имеет смысла, — и в скором времени следует ждать еще один «мяч дьявола». Поэтому предлагаю всем, кто не хочет рисковать жизнью, перейти на оставшийся автономный модуль, попытаться связаться с Землей или со «Стерегушим» и дожидаться помощи. Остальные пойдут дальше. На размышления даю полчаса.

Сообщение начальника экспедиции выслушали молча. Все члены экипажа и исследовательской бригады были опытными специалистами, не раз бороздившими глубины космоса, и понимали ситуацию.

Остаться в «броненосце» пожелали четверо ученых. Поколебавшись, к ним присоединился драйвер-секунда «Мехико» Лео Ютански. Таким образом, на борту спейсера осталось двадцать два исследователя и четверо членов экипажа. Плюс начальник экспедиции.

«Броненосец» снабдили всем необходимым для автономного плавания в пустоте в течение двух лет и оставили на орбите небольшой красной звезды спектрального класса М. После чего «Мехико» нырнул в «струну» и вылутился из про-

странства уже вблизи циркониевой звезды с довольно большой планетной свитой, внезапно обнаружив, что яркость звезды в сотни раз меньше, чем регистрировали приборы с расстояния в десять световых лет. Да это было видно и невооруженным глазом: звезда «сжежилась» и из зеленовато-желтой стала малиново-красной, с отчетливо видимой сыпью черных пятен. Она явно угасала!

— Лопни мои глаза! — с расстановкой произнес пораженный руководитель исследовательской группы, увидев звезду. — Не может быть! Мы опять промахнулись!

Однако на сей раз «Мехико» не промахнулся, это была именно та самая циркониевая звезда, родина мантоптеров. Аппаратура спейсера установила данное обстоятельство достаточно быстро, настроенная на поиск следов деятельности разумных существ. Такими следами была не только инфракрасная структура планеты, видимая издали, но и спутниковые сети, и архитектура всей системы, и потоки информации, циркулирующие внутри нее.

Правда, активность передач была очень низкая, а их мощность почти не выходила за уровень естественных электромагнитных шумов, однако люди знали, что и где искать, и обнаружили доказательства присутствия в системе разума уже через час после выхода к звезде.

Отыскалась и планета мантоптеров — вторая от потухающего светила. Она была чуть больше Земли и выглядела красивой опаловой каплей, скользящей на фоне яркой звездной россыпи скопления. Плотность звезд здесь была не в пример выше, чем в окрестностях Солнца, и ночей, наверное, таких, как на Земле, жители планеты не знали.

— Дешу на Землю, — сказал Ребров, появляясь в рубке спейсера. — Немедленно.

— Но мы еще ничего не выяснили, — возразил Альваро де ла Вега.

— Текст такой, — пропустил его замечание мимо ушей начальник экспедиции. — Вышли к звезде. Светимость ее упала в тысячи раз. Причина неизвестна. Судя по скорости падения блеска, она стала гаснуть примерно десять лет назад. Система имеет семь планет, одна из них — родина мантоптеров. Приступаем к процедуре контакта.

— Я не могу выполнить приказ, — ровным голосом произнес Альваро де ла Вега.

— Почему? — посмотрел на него Ребров.

Он стоял в рубке управления с пятью кокон-креслами, одно из которых пустовало, а четверо были заняты экипажем.

Командир спейсера вылез из своего кокона с «универсалом» в руке.

— Потому что о результатах экспедиции никто на Земле знать не должен. Да и передатчик поврежден.

В рубку вошел еще один вооруженный человек, точнее, витс, остановился и направил в спину Реброва свой «универсал». Тот оглянулся, смерил витса взглядом, снова повернулся к де ла Веге, оставаясь невозмутимым.

— Я предполагал нечто в этом роде. Вы — агент Наблюдателя, не так ли?

— Нет, не Наблюдателя.

— Ну, или кто там за вами стоит.

— Нас здесь двое. Третий остался на модуле.

В кресле пилота зашевелился драйвер-прима спейсера, показал флегматичную улыбку.

— Прошу прощения, господин доктор, но вы уже на борту лишний.

— Что здесь происходит?! — вскочил инженер корабля, хватаясь за оружие.

Тонкий луч разряда перечеркнул его шею, уник не выдержал энергоудара, инженер осел в кресло с изумлением в пустеющих глазах. Четвертый член экипажа понял все мгновенно и поднял руки:

— Не стреляйте! Я с вами!

— Ты тоже лишний, Бирк, — покачал головой драйвер-прима, стреляя в товарища. — Повернул ствол «универсала» к Реброву. — Теперь ваша очередь, патриарх.

— Причина, — спокойно проговорил начальник экспедиции. — Я хочу знать причину.

— Причину чего? — не понял Альваро де ла Вега.

— Я уже сообразил, что ваш хозяин гасит звезды, засылая сферические «зеркала». Сначала здесь, у мантоптеров, потом у нас. Хотя процесс мог идти давно, судя по количеству угасающих звезд в скоплении. Видимо, богомолы поэтому и послали в аварийном порядке корабль, чтобы предупредить или попросить помощи. Мы это выясним. Так вот, мне хотелось бы знать, какова причина такой неадекватной ненависти к разумным существам?

— К сожалению, мы этого тоже не знаем, — развел руками Альваро де ла Вега. — Наша программа не несет познавательного аспекта, мы лишь исполнители определенного задания. Прощайте, доктор. Жаль вас убивать, но и оставлять в живых не резон.

Драйвер-прима поднял «универсал».

— Контроль-два! — негромко произнес Ребров.

В то же мгновение витс за его спиной, принимаемый командиром спейсера за своего помощника, выстрелил в пилота из парализатора и тут же — в де ла Вегу, не успевшего сообразить, что происходит.

В рубку вбежали двое членов команды исследователей, которые представляли собой службу безопасности.

— Допросите обоих, — коротко сказал Ребров, занимая место командира корабля. — Возьмите Гоглидзе и Цереша, попытайтесь починить передатчик. Воронова ко мне. Идем к планете.

Внезапно заговорил инк спейсера:

— Внимание, тревога! В ста метрах замечено сферическое тело диаметром около тысячи километров. Приближается к нам со скоростью три единицы в секунду.

Ребров и безопасники переглянулись. Затем начальник экспедиции кивнул: «Действуйте!» — и зарастил коконкресло.

Глава 12

НЕУДАЧА

Глубокая бархатная чернота, пронизанная алмазными иглами звезд.

Глубокая бархатная тишина, пронизанная редкими по-свистами и скрипами электромагнитного «ветра».

Яркая звезда на краю света, даже не звезда — крохотный пламенный шар с тонюсенькими ворсинками протуберанцев — Солнце.

Бесшумные цветные зарницы — будто отрываемые и несомые ветром полотнища света — эффекты полевых взаимодействий человеческих сооружений, занимающих огромные объемы Солнечной системы.

Бегущие световые пунктиры и паутинки — тоже своего

рода «сооружения», но виртуального плана: это выбиваемые «струнами» метро из вакуума фотонные струи.

Чей-то одинокий печальный голос, выплывший из глубин звездной пропасти, потянувший за собой цепочку других тихих голосов, и снова тишина. Но тишина живая, пульсирующая, подчеркивающая биение жизни. Человек и здесь, вдали от планет и скоплений материи, не был случайным гостем. Он здесь жил.

— Мы готовы, — раздался голос погромче.

Зачарованный зрелищем и тишиной космоса, Кузьма очнулся.

Одетый в бижо-комплект, он стоял на куполе «черепахи» — автономного технического модуля, принадлежащего пограничной службе Солнечной системы. «Черепаха» же располагалась в поясе астероидов между орбитами Юпитера и Марса. Именно здесь удалось отыскать одинокое «зеркало», наблюдавшее то ли за Солнцем, то ли за поредевшим потоком камней астероидного кольца, на котором было решено провести испытание «черной бомбы».

В принципе Кузьмы это испытание не касалось, он занимался проблемой «паньтао», однако результат опыта был интересен и ему своими эффектами, а главное — мог оказаться полезным и для расчета «паньтао», поэтому Кузьма уговорил деда, а тот разрешил ему посмотреть на испытания «бомбы».

Суть эксперимента сводилась к следующему: специально разработанный генератор «черной дыры» подводился вплотную к «зеркалу», включался, и коллапсар схлопывался в точку, увлекая за собой все, что находилось в радиусе трехсот метров от него. По мысли разработчиков «бомбы», взрывающейся не вовне, а внутри самой себя, получавшаяся «черная дыра» должна была засосать и «зеркало», но на практике никто никогда не пытался уничтожить «зеркала» таким способом, и сомнений и споров хватало.

«Бомба» представляла собой стометровый ажурный многогранник с неярким рубиновым шаром внутри — инициатором особого поля, объединяющего электромагнитные, слабые и ядерные взаимодействия. Поле это называлось стринговым — от слова «стринг» — струна — и создавало колоссальные силы натяжения вакуума. Достаточно сказать, что каждый метр «струны» такого поля растягивают силы, эквивалентные массе ста миллионов Солнц. Естественно,

родившись в объеме «бомбы», такое поле мгновенно стягивается в точку, создавая мини-коллапсар.

— Начинаю трехминутный отсчет, — раздался в ухе Кузьмы тот же голос, принадлежащий руководителю эксперимента.

Бросив взгляд на «бомбу» — далекую искру света, похожую на звезду: в космосе человеческое зрение не позволяет ему ориентироваться в пространстве так же эффективно, как на планетах, и не дает оценить расстояние до видимых объектов, будь то звезды или недалекие предметы, — Кузьма спустился в люк на куполе «черепахи» и быстро добрался до зала визинга, в котором собрались все, кто имел отношение к испытаниям «бомбы».

Здесь уже находились старшие, Ромашины — Игнат и Филипп, Владилен Ребров, Юэмей Синь, Сауд ибн-Мохаммад — один из разработчиков проекта, двое инженеров и сотрудники службы безопасности, всего одиннадцать человек. Руководитель испытаний и его помощники базировались в другом месте, на борту когга с инком сопровождения. Еще один когг, принадлежащий погранслужбе, контролировал подходы к району с «зеркалом» и многогранником «черной бомбы».

Сначала «черепаху» и десятиметровый прямоугольник «зеркала» разделяло всего три километра, так как она была хорошо защищена, но директор УАСС, руководствующийся какими-то своими соображениями, велел отодвинуть модуль, и «черепаху» отвели на два километра дальше, хотя по расчетам зона сжатия не должна была превысить объем с радиусом в триста метров.

Инк досчитал положенное количество секунд до конца, и «бомба» взорвалась.

И ничего не произошло. Поле обзорного виома в зале визинга почти не изменилось, только пропала алая искорка на черном фоне с бисером звезд.

Однако техника видеосъемок позволяла увидеть весь процесс «антивзрыва» растянутым во времени и как бы на расстоянии вытянутой руки.

Начался он с неяркой вспышки света — засветились грани и ребра «бомбы», испуская бледное «перламутровое» сияние. Затем металлические ребра многогранника расплылись жгутами светящегося дыма и начали стремительно течь к яд-

ру «бомбы», превратившемся в колючий сгусток тьмы. Этот сгусток на какое-то неуловимое мгновение вырос в сотни раз — словно выстрелил колючками тьмы во все стороны — и тут же сжался, но не в точку, а в «запятую» — отчетливо видимый черный вихрь. Таким необычным образом сказалоь на процессе воздействие «зеркала».

Автоматике удалось проследить и записать трансформации самого «зеркала».

Сначала оно превратилось в квадрат света, в ослепительное окно в неведомые пространства, а когда его пронзили колючки тьмы, это окно разбилось на осколки — точь-в-точь осколки стекла! — соединившиеся в своеобразную «ромашку» с зеркальными лепестками, которая испустила сноп пронзительно синих лучей, потекла к центру, вращаясь и пульсируя светом. Причем каждая последующая вспышка сдвигалась по спектру к длинноволновому диапазону: синяя, голубая, зеленая, желтая, оранжевая, красная...

И, наконец, произошло схлопывание «лепестков ромашки» в спираль, в течение миллионных долей секунды превратившуюся во вращающуюся «запятую» диаметром в десять сантиметров. Это было все, что осталось от «зеркала». Но специалисты ждали иного — сжатия «бомбы» с «зеркалом» в невидимую точку, в элементарную частицу, а никак не в объект, который можно было разглядеть невооруженным глазом.

— Что это такое? — нарушил молчание в зале Филипп Ромашин.

Никто ему не ответил. Все понимали, что образовался новый экзот — объект с необыкновенными свойствами, как на Меркурии после испытаний «малого паньтао», но каковы эти свойства и насколько он опасен, предугадать было невозможно.

— В конце концов, и паллиативное решение — тоже решение, — проговорил командор погранслужбы. — Мы теперь знаем, что «зеркала» поддаются внешнему воздействию.

— Это не решение, — покачал головой комиссар СБ. — Возможно, эта черная «мини-галактика» опаснее, чем само «зеркало».

Возражений не последовало.

Руководители спецслужб начали расходиться. К стояв-

шему в сторонке с отрешенным видом Кузьме подошел Филипп.

— Что скажешь, теоретик?

Кузьма пожал плечами.

— Скорее всего образовался кольцар.

Директор УАСС оглядел лицо внука с неопределенным интересом. Он знал, о чем идет речь. Кольцарами физики называли кольцевые структуры — замкнутые сами на себя «струны». Согласно теории такие кольцары служат горловинами входа в зеркальный мир¹.

— Для образования кольцара нужны другие энергии. Хотя идея перспективная. Что у тебя?

— Чушь собачья у меня, — мрачно отвернулся Кузьма; он осунулся, под глазами залегли тени, и было видно, что держится он только на упрямстве. — Расчет «паньтао» дает странные результаты.

— Конкретнее.

— Получается хроносингулярность.

Филипп хмыкнул:

— Насколько я понимаю, речь идет об остановке времени?

— Решение приводит к образованию зоны деформации мерности и даже к области с застывшим временем. Я назвал такие области хроноконами.

— Почему хроноконами?

Кузьма хмуро улыбнулся.

— Хронокон — это сокращение слова «хроноконсервы».

К разговаривающим родственникам подошел отец Кузьмы.

— Как дела, сын? Давно не виделись.

— Он уже может предложить нам хроноконсервы, — пошутил Филипп. — Решение близко, я чувствую, но следует поторопиться. Дай знать, как только выйдешь на финишную прямую. Пошли, Игнат.

Старшие Ромашины пожали локти Кузьмы с двух сторон

¹Теория утверждает, что каждая элементарная частица имеет зеркального партнера: обычному электрону соответствует зеркальный (не позитрон!), протону — зеркальный протон и т. д. Зеркальное вещество не регистрируется нашими приборами, так как не взаимодействует с ними, и единственной силой, общей для обычного мира и зеркального, является гравитация.

и направились к выходу из зала визинга. К задумавшемуся Кузьме подошел Хасид.

— Куда направляемся? На явку?

Явкой он называл станцию СПАС, на которой теперь работал Кузьма.

— Нет, — буркнул ТФ-физик, глядя на черную спираль в центре виома: она была видна благодаря особым приемам видеообработки изображения. — Мне нужна разрядка. Можешь достать когг?

— Зачем?

— Хочу посмотреть вблизи на «теннисный мяч».

— Это опасно. Нам нельзя «светиться».

— Разве я сижу в изоляторе? — огрызнулся Кузьма. — И выпущен оттуда под твоё честное слово? Можешь или нет?

— Нас все равно не пропустят к «мячу».

— А ты добейся! — раздраженно бросил Кузьма. Потом очнулся, виновато глянул на невозмутимое лицо друга. — Извини, устал я, вот и психую.

— Я попробую, — сказал Хасид. — Подожди здесь, поговорю с комиссаром, пока он не исчез.

Он отошел и вернулся через десять минут.

— Порядок, разрешили. «Теннисный мяч» сейчас крутится за орбитой Нептуна, поэтому ближайшей базой, имеющей «пакмаки» и когги, является погранспейсер «Мошный». Нам дали проводку на его борт.

Друзья опустились в отсеке метро «черепахи» и через минуту вышли из кабины метро спейсера «Мошный».

Осложнений не возникло. Команда корабля уже получила распоряжение командора службы о выделении транспортного средства типа когг «особо важной персоне» Кузьме Ромашину и сопровождающим его лицам и о предоставлении режима наибольшего благоприятствования указанной персоне. Правда, для обеспечения режима безопасности им был дан пилот, которым стал драйвер-секунда «Мошного» Юрген Колциг, но это уже не имело значения.

В шестнадцать часов по среднесолнечному времени когг стартовал из эллинга спейсера и спустя четверть часа догнал «теннисный мяч дьявола», за которым как тень следовал спейсер. Аппаратурой когга «мяч» хорошо просматривался с любых расстояний, но Кузьма попросил подойти на предельно допустимую дистанцию, и пилот подвел аппарат на кило-

метр, так что «теннисный мяч» загородил обзор ощутимо массивной глыбой зеркально полированного металла.

Так они сопровождали «мяч» несколько минут, вслушиваясь в будничные шумы эфира: звоночки, свисты, резонансы, тихие голоса наблюдателей, следящих за мчавшейся по Солнечной системе махиной. И Хасид, и Кузьма занимали операторские ниши в кокон-рубке когга и не нуждались в экранах, датчиках, системах связи и виоме обзора: все это заменяла адаптивная система коккона, — и каждый из них чувствовал себя так, будто находился в пустоте один, без всякой защиты. Но стоило кому-нибудь подумать об изменении положения или попросить приблизить тот или иной участок видимого поля зрения, как инк когга послушно выполнял приказание — не вмешиваясь при этом в деятельность пилота, — и тогда души людей наполняло чувство уверенности и силы, опирающееся на сознание п о в е л е в а н и я мощной машиной пространства. Хотя у пилота это чувство, наверное, должно было быть абсолютным.

— Извините, Юрген, — напомнил о себе Кузьма. — Нельзя ли подойти еще ближе?

Пилот когга не отозвался, решая вводную и советуясь с начальством. Прошла минута, Кузьма уже думал, что его просьба невыполнима, и в это время когг плавно скользнул вперед и остановился всего в полукилометре от зеркальной поверхности «мяча».

— Это предел А-допуска, — раздался меланхоличный голос пилота. — Дальше нельзя. У вас пять минут.

— Что значит предел А-допуска?

— Он имеет в виду, — отозвался Хасид, — что наши действия вблизи этой штуки оцениваются максимальным баллом по шкале риска.

— Что тут рискованного? Мы же просто наблюдаем за объектом.

— Во-первых, еще совсем недавно «мячик» извергал из себя все, чем мы его потчевали. Во-вторых, ты забываешь о его размерах и скорости. Стоит ему тормознуть или свернуть в сторону, и нам, чтобы не врезаться в него, придется уходить с предельными ускорениями, что чревато.

— Понятно. Юрген, на борту когга есть зонды или аппараты типа флейта?

— Комплект аварийно-спасательных «орехов».

— Необходимо запустить один таким образом, чтобы он чиркнул бортом по зеркальной поверхности. Это возможно?

Пауза.

— Эксперимент санкционирован вашим руководством и службой безопасности?

Еще одна пауза, затем ответ Хасида:

— У нас карт-бланш.

— Запускаю.

Легкий толчок поколебал корпус когга, и в поле зрения Кузьмы появилась яйцевидная блестящая капсула автономного жизнеобеспечения, устремилась прочь, исчезая на фоне зеркальной стены «теннисного мяча». Однако тотчас же заработала видеосистема, и «орех» стал виден как светящееся зеленое колечко, приближающееся к металлической глыбе «мяча».

— Увеличение, — мысленно попросил Кузьма.

Слева по ходу движения когга перед глазами Ромашина возникла окружность — инк «вырезал» в поле зрения окно дальновидения, и «орех» стал виден во всех деталях. Вот он подошел к бесстрастно отражавшему свет звезд зеркальному слою, притормозил.

— Скорость сближения? — спросил пилот.

— Что?

— С какой скоростью «орех» должен коснуться поверхности «мяча»?

— Все равно... пусть будет небольшая, метров пять-шесть в секунду.

Яйцо капсулы подошло к «сферозеркалу» вплотную, отражаясь в нем трехгогим огурцом, коснулось боком зеркального слоя, и словно легкая судорога передернула этот слой, он на мгновение стал как бы жидким, по нему побежала волна, как по воде от падения камня, и тут же исчезла. Половина «ореха» вошла в зеркальную субстанцию, половина продолжала двигаться, скользить по зеркальной поверхности, как по льду.

И тотчас же раздался голос пилота:

— Внимание! «Орех» не слушается управления! Инк подает сигнал бедствия! Уходим отсюда!

— Подожди, — взмолился вспотевший Кузьма. — Можно как-то извлечь «орех» оттуда?

— Мне приказано возвращаться.

— Но это очень важно!

— Даю связь с командиром.

В ушах Кузьмы прозвенел тонкий звоночек, затем послышался гортанный голос командира спейсера:

— Хорхе Луис на связи.

— Это Ромашин. Мне нужно во что бы то ни стало выколотнуть «орех» из «мяча».

— Ничем не оправданный риск не поощряется. Я и так нарушил инструкцию, разрешив вам подойти к объекту вплотную.

— Я прошу вас! От этого зависит результат моей работы... очень важной работы! Если мои предположения верны... открытие перевесит все минусы. Мне позарез нужно вернуть капсулу!

— Но это могут сделать другие люди, причем дистанционно.

— Мы рядом, нет смысла откладывать. Операция не займет много времени.

Короткое молчание.

— Хорошо, за вас ручается командор. Даю еще четверть часа.

— Запускаю второй «орех», — мгновенно отозвался пилот, выказывая прекрасную реакцию.

— Спасибо... — пробормотал Кузьма, тут же забывая обо всем.

«Орех» достиг поверхности «мяча», приблизился к «прилипшему» собрату, остановился в десятке метров от него. Пилот когга, корректирующий движение аппарата, дал, очевидно, команду управляющему инку, и тот включил магнитные захваты.

Половинка первого «ореха» внезапно оторвалась от зеркальной поверхности, поплыла, поворачиваясь, к зависшему над ней коллеге, и стало видно, что это действительно половина аппарата! Часть его так и осталась внутри исполтинского «сферозеркала».

— Господи! — прошептал Кузьма. — Ну конечно! Это же клейн-эффект! Как я раньше не догадался!..

— Что это значит? — поинтересовался Хасид.

— Это значит, что я решил проблему! Боже мой, как все просто!

— Объяснить можешь?

— Потом, сначала посчитаю, проверю на модели... Но это «зеркало» как небо от земли отличается от плоских «зеркал». Понимаешь? Плоские на самом деле являются хронембранами, реализующими временные петли, они не изменяют ни формы, ни информструктуры объекта, а «сферозеркала» деформируют пространство, изменяют мерность и геометрию, энергию и структуру. Та половинка «ореха», что осталась там, теперь состоит из зеркального вещества! Соображаешь? «Сферозеркало», по сути, тоже кольцар, сферический кольцар, тоннель в мир, откуда к нам прибыли эти «мячи» и где вся материя состоит из симметрично отраженных частиц.

— Я понял, — хладнокровно сказал Хасид. — Не стоит об этом рассуждать вслух, поговорим позже.

— Увожу машину, — прилетел голос пилота.

— Да, конечно, — отозвался Кузьма с запозданием. Ему вдруг смертельно захотелось спать, возбуждение схлынуло, и сил на торжество и радостные переживания по поводу открытия уже не осталось.

Через полчаса когг без приключений вернулся на борт спейсера, и друзья лифтом добрались из транспортного элинга в отсек метро, сопровождаемые пилотом когга. На лице драйвер-секунды было написано смущение, когда он, прощаясь у кабины метро с гостями, сказал:

— Я слышал ваш разговор, но не все понял. Если «мяч» превращает все, что в него попадет, в зеркальную материю, то почему же он через шесть суток возвращал ракеты, зонды, бомбы, энергоимпульсы точно такими же, что мы в него запускали?

— Потому что при переходе границы кольцара происходил обратный процесс — зеркальное вещество превращалось при выходе в наш мир в обычную материю.

— Вот теперь сообразил, спасибо. — Юрген потряс им руки, отступил. — Я надолго запомню этот полет.

Дверь кабины метро закрылась.

— Куда? — задал Хасид ставший привычным вопрос. — Работать?

— К черту, — покачал головой осоловелый Кузьма. — Спать. Сначала домой. Посплю и заберу кое-какие вещи. Пора переезжать, а блок пусть остается Алевтине. Потом... потом навестим Катю.

— Я так и подумал.

— Не о том подумал. У ее деда мощный инк, там я и поработаю.

Свет в кабине погас, волна тепла пробежала по телу, екнуло сердце, дверь открылась, и друзья вышли в зал строгинской станции метро.

* * *

Поспать в свое удовольствие не удалось. Слишком сильным оказалось возбуждение, вызванное открытием — пусть пока и чисто умозрительным — структуры «сферозеркал». К тому же и атмосфера дома не благоприятствовала отдыху: у Алевтины снова были гости, и отстроиться от музыкального и прочего шума, от ощущения неуютa и чужеродности Кузьма не смог. Вдобавок его дважды будили — сначала жена, попытавшаяся выяснить причину его появления, затем ее приятели, вознамерившиеся пригласить Ромашина в свою компанию «вкусить кайфа».

Естественно, после этого сон к нему не пришел. Промаявшись почти два часа в своем кабинете, где он вырастил себе тахту, Кузьма хотел было вызвать Хасида, но после недолгих размышлений решил дать другу отдохнуть: с тех пор как Ходя стал его телохранителем, безопаcник не имел ни минуты покоя.

Сердце заработало чаще. Кузьме захотелось, во-первых, увидеться с Катей, во-вторых, сесть за вириал инка. Он оделся, покидал в сумку одежду, блоки моликов, безделушки, хранившиеся с детства, зашел в туалетную комнату и привел себя в порядок, а выходя оттуда, наткнулся на трех крепких парней, загораживающих выход в коридор.

— Мы тут подумали, — сказал один из них, длинноволосый, с раскосыми глазами, явно находившийся под воздействием кайфьяноса, — и поняли, что ты нас не уважаешь.

Кузьма пригладил влажные волосы, не зная, что делать.

Конфликтовать не хотелось. Зря остался, пришла трезвая мысль. Надо было забрать вещи и сразу направляться к Лапарре. Там выспался бы и отдохнул по полной программе.

— Мужики, — вздохнул он с почти искренним огорчением, — я вас уважаю, но очень хотелось бы не предъявлять доказательств. Разрешите пройти, я спешу.

— Нет, тебе придется с нами немного потусоваться, — сказал второй, тоже длинноволосый, но заросший щетиной чуть ли не до бровей; в актерской среде считалось особым шиком ходить небритым, поддерживая длину волос на лице не более двух-трех миллиметров.

— Выпьешь с нами за здоровье жены, — поддержал приятеля третий, волосы которого были заплетены в косички, — расскажешь чего-нибудь интересное из мира науки.

— Я бы с удовольствием, но нет времени. Как-нибудь в другой раз.

— Не, — покачал головой первый, — так мы не договоримся. Или ты идешь сам, или мы тебя принесем.

Кузьма помрачнел, сжал зубы.

— Вот что, мои милые, шли бы вы отсюда по-хорошему. Этот дом пока еще мой, и вы находитесь здесь на птичьих правах гостей моей жены. Не доводите до греха. Позвольте. — Он отодвинул плечом волосатика с раскосыми глазами, сделал шаг из туалетной комнаты и получил удар кулаком по шее.

Боль огненной струйкой ударила в голову, затуманила сознание. Еще одна вспышка боли — ударили в спину. И тотчас же сработали рефлексy рода — включилась память боевого реагирования.

Он и сам толком не понял, что произошло в дальнейшие несколько секунд, тело само выполнило то, что надлежало делать в создавшейся ситуации, а когда Кузьма пришел в себя, то увидел трех гостей Али, лежащих на полу коридора. Один держался за живот, хватая ртом воздух, второй скулил с вывихнутым плечом, у третьего было разбито в кровь лицо.

«Черт, пересгарался!» — с сожалением подумал Кузьма, расслабляясь. Ребята только с виду крутые, имидж такой, а на самом деле просто трепачи. Алевтина их нарочно подставила.

И в этот момент в коридоре появилась Аля в своем полупрозрачном кимоно и еще двое мужчин. Но эти мужчины были уже из другой оперы. Кузьма не сразу сообразил, что они одеты в голубые униформы официалов криминальной полиции.

— Что я говорила! — театральным жестом указала Аля на своих друзей. — Он устроил самое настоящее побоище! И уже не в первый раз!

Кузьма ошеломленно воззрился на жену.

— Ты о чем, Аля?! Они же первыми напали!

— Мои гости никогда ни с кем не дрались! — Алевтина сдвинула брови. — Это ты их спровоцировал. Вспомни, как ты с ними обошелся в прошлый раз.

Полицейские двинулись к нему, положив руки на рукояти служебных парализаторов.

— Сам пойдешь или тебя нести?

«И эти туда же, — мелькнула мысль, — всем почему-то сегодня хочется меня нести...»

— Да в чем дело? — возмутился Кузьма. — Это мой дом! Не имеете права вторгаться в него без моего разрешения! Я требую...

— Требовать будешь в другом месте, — вышел из-за спин полицейских еще один, со знаками отличия офицера, смуглолицый, с бородкой и усами, кольцом охватывающими рот. — Мы здесь по вызову вашей супруги и имеем полное право не только тут находиться, но и применить оружие, если потребуется, так как вы избили ни в чем не повинных людей. Проходите с нами!

— Кузьма, ты не спишь? — пискнул в ухо Ромашина голос Хасида. — Что у тебя происходит? Мои ребята заметили возле твоего дома полицейский патруль.

— Меня хотят забрать в полицию, — мысленно ответил Ромашин.

— Задержи их на пару минут, вылетаю.

Смуглолицый офицер уловил перемену в настроении Кузьмы, нахмурился, угрожающе взялся за рукоять «универсала».

— Если ты надеешься на помощь, то напрасно. У нас достаточно широкие полномочия. Иди вперед.

— Да я верю, — миролюбиво сказал Кузьма. — Разрешите взять вещи? В моей комнате сумка.

Глаза полицейского стали колючими. Он кивнул одному из подчиненных:

— Принеси его сумку.

Кузьма посмотрел на Алевтину, державшуюся с преувеличенно надменным видом, улыбнулся.

— Спасибо, Аля. Ты помогла мне сделать окончательный выбор. Может, скажешь, чего ты добиваешься таким поведением? Я ведь не мешаю тебе жить так, как ты хочешь.

Аля закусил губу, смерила мужа уничтожающим взглядом и демонстративно помогла своим пострадавшим при-

ателям подняться. Они начали спускаться вниз, на первый уровень блока.

Полицейский принес белую сумку, покачал головой, держа в руке кассету с моликами.

— Больше ничего нет.

— Вы рылись в моих вещах? — удивился Кузьма. — Да вы представляете, что делаете? Я же подниму скандал!

— Не успеешь, — угрюмо буркнул офицер, кивая второму полицейскому. — В изоляторе не поскандалишь. Успокой его!

Полицейский вытащил парализатор, и в то же мгновение в коридор с двух сторон — со стороны лестницы и через окно — ворвались вооруженные «призраки» — люди в спецкомбинезонах, делающих их почти невидимыми.

— Стоять! — раздался чей-то энергичный голос.

Полицейские схватились за оружие, замерли, озираясь, но их противник был вооружен серьезнее, и стрельбу открывать они не стали.

Вперед вышел один из «призраков», превратился в «живого» человека в сером унике с блестящим узором эффекторов динго. Это был командир «эшелона», охранявшего Кузьму.

— Прошу сдать оружие, — вежливо произнес он.

— Кто вы такой?! — прошипел смуглолицый офицер.

— Майор Лукаш, служба безопасности. А вы?

— Я полковник Азеф.

— Попрошу предъявить документы.

— Как ты смеешь, майор?! —

Смеет, смеет, — раздался с лестницы голос Хасида.

Безопасник в два прыжка преодолел пролет и появился в коридоре. Глянул на Кузьму, кивнул командиру обоймы.

— Все в порядке, Игорь, забирай Ромашина и дуй на базу.

— Он пойдет с нами! — показал зубы офицер полиции.

— Он пойдет с нами! — спокойно отрезал Хасид.

— Это вам даром не пройдет. Он напал на людей, избил их...

— Разберемся.

Офицер выдохнул сквозь зубы, его пальцы побелели на рукояти «универсала», однако он понимал свое положение и открыто сопротивляться не решился.

Кузьма по жесту майора Лукаша направился к лестнице, забрал у полицейского свою сумку и кассету с моликами.

«Призраки» вывели его из дома, он оглянулся и увидел в глубине холла жену. Аля смотрела ему вслед, прислушиваясь к тому, что ей говорил на ухо офицер полиции. Дверь закрылась и отрезала ее странный взгляд. И прошлое вместе с ним. Кузьма был уверен, что сюда он больше не вернется.

В парковой зоне отряд остановился.

— Хорошо сработали, — похвалил Хасид сослуживцев. — Сворачивай «эшелон», Игорь; мы идем в зону ответственности СПАС.

— Надо бы последить за этой троицей.

— Этим занимаются другие люди.

«Призраки» растворились среди деревьев парка. Хасид повернулся к Ромашину.

— Тебя на минуту нельзя оставить одного, так и норовишь влипнуть... в историю.

— Извини, я не хотел, — виновато опустил голову Кузьма.

— Что произошло?

— Пристали трое гостей, врезали по шее ни за что ни про что, ну я и...

— Остальное понятно. Мог бы не ввязываться в драку, у тебя же тайф на руке. Забыл, что ли? Ушел бы в метро и конфликта не было бы.

Кузьма нахмурился.

— Никогда ни от кого не бегал и не собираюсь. Тем более от хамоватых дружков жены.

— Вот пожалуются они в уголовную комиссию СЭКОНа, и припаяют тебе превышение допустимого предела обороны.

— Я не хотел...

— Ладно, герой, иногда все же надо думать, прежде чем отстаивать честь, особенно если от тебя зависит решение жизненно важной проблемы. Тебя спровоцировали, и ты попался, как четырнадцатилетний пацан.

Кузьма проглотил возражения, отвернулся. Помолчав, спросил:

— Теперь мной займется полиция?

— Не займется.

— Почему?

— Я узнал этого человека. Его зовут ЮЮ, и он не полицейский, а кобра службы безопасности Правительства.

— Странное имя.

— ЮЮ? Это аббревиатура имени и фамилии Юзеф Юзефович. Очень сильный рукопашник, мастер по унибосу.

— Зачем ему понадобилось представляться полицейским?

— Это и я хотел бы знать. Сообщу начальству, пусть разбирается. Кстати, этого ЮЮ видел Ян Лапарра, когда на него напали на берегу Рижского залива.

Кузьма медленно повернул голову к Хасиду:

— Ты хочешь сказать... он — агент Наблюдателя?

— Я привожу факт, по выводам ты у нас специалист.

— Так, может быть, он и Керри Йоса убил?

— Не забивай голову ненужными рассуждениями, пусть этим занимаются контрразведчики во главе с очаровательной Юэмей, у нас другие заботы.

Кузьма вздрогнул, вдруг вспомнив о своем открытии, и заторопился:

— Поехали.

— Куда?

— В Ригу.

— Не лучше ли сразу на СПАС, где тебя легче охранять?

— Мне нужен совет Лапарры.

— Что ж, как скажете, босс.

Они включили тайфы, перенесшие их в общий транслятор метро, и переместились в Ригу.

* * *

Второй вариант «малого паньтао» собирали не на Меркурии, а на Земле, в одной из лабораторий технического центра УАСС, в режиме особой секретности. Кузьма был назначен главным разработчиком, от которого зависело воплощение в материале его теоретических выкладок, но без помощи инженеров он обойтись не мог, и ему помогали универсалисты Андрей Гредас и Лю Тао, прекрасно разбиравшиеся в ТФ-аппаратуре и создавшие немало технически совершенных систем.

Предварительные расчеты уничтожителя «зеркал» Кузьма закончил еще в Риге с помощью Яна Лапарры, находясь в состоянии лихорадочного возбуждения. Присутствие Кати не мешало ему, а, наоборот, придавало сил, и, просидев у них в доме за вириалом инка всю ночь, наутро он объявил о принципиальном решении проблемы. Отныне, как ему казалось,

«зеркала» были никому не страшны, даже «сферические», потому что их можно было нейтрализовать, превращать в своеобразные «черные хронодыры» — или в хроноконны — микрообъекты с застывшим временем.

Естественно, он получил за свои труды награду — поцелуй Кати (обещавший многое) и рукопожатие Лапарры, однако отдыхать не стал, а сразу доложил деду о победе и получил доступ к секретной лаборатории.

Двенадцатого апреля, в рекордно короткие сроки, «малый паньтао» был готов в материале, и его втайне от всех официальных лиц доставили на Плутон, где отыскивалось одинокое «зеркало», следящее за полигоном Института пограничных физических проблем. Здесь когда-то испытывались аннигиляционные и гравитационные двигатели для космолетов, ТФ-эмиттеры и топологические преобразователи вакуума, отчего огромный район Плутона превратился в удивительный ландшафт, описать который не смог бы ни один любитель изящной словесности. Больше всего этот ландшафт напоминал море замерзших гейзеров и водных струй, пятнистых от вкраплений камней и металлических капель. Но это была лишь приближенная поверхностная аналогия, на самом деле ландшафт был намного сложнее, и его отдельные арки, фестоны и снежно-ледяные «протуберанцы» поражали воображение. Да и глыба Харона над горизонтом добавляла экзотики в немыслимый пейзаж, создавая впечатление медленно падающей сверху округлой снежной горы.

Однако полюбоваться пейзажем Кузьма не успел. Времени на раскачку и отвлеченные разговоры не было, безопасники торопились, и подготовка к испытаниям «паньтао» длилась всего сорок минут. Установку — она теперь напоминала свернутую в трехметровое кольцо змею с глазастой бронированной головой — подвели к «зеркалу» на расстояние в тридцать метров, испытатели попрятались в бункеры с перископами, и бледный от волнения Кузьма, находившийся в одном из них вместе с отцом, руководительницей контрразведки и комиссаром СБ, если не считать нескольких человек обслуживающего персонала, дал команду инку включить «паньтао».

Видеокамер, следящих за «зеркалом» и «змеей» «паньтао», было не меньше десятка, поэтому инк видеоконтроля вырезал в общем обзорном виоме ряд оперативных окон, в

которых можно было увидеть эти объекты в любом ракурсе и с разных расстояний. Но все эти виомы показали одну и ту же картину: десятиметровый зеркальный квадрат, прилепившийся к ледяному куполу на краю полигона, внезапно сложился конвертом, затем еще раз и еще, и «зеркала» не стало.

Несколько мгновений в бункере и вообще в эфире стояла тишина. Все ждали каких-то дополнительных эффектов, вспышек или взрывов, но их не было, и тогда раздались крики «ура!», шумные возгласы, смех, Кузьму дружно оторвали от пола (при силе тяжести в два раза меньше земной) и подкинули вверх, так что он ударился макушкой в купол потолка. Его подхватили, снова подкинули, уже не столь сильно, опустили на пол, начали обнимать и жать руку. Подошел отец, обнял, шепнул на ухо:

— Молодец!

Затем наступила очередь комиссара и главной контрразведчицы. Ребров был немногословен, как и отец:

— Хорошая работа, Ромашин!

Юэмей Синь тоже пожала руку не знавшему куда деться от смущения Кузьме:

— Вы замечательный специалист, сяньюшэн. — И добавила с лукавой улыбкой, совсем тихо: — Но плохой дипломат.

Он понял, что китаянка имеет в виду его конфликт с друзьями жены и представителями закона. Понизил голос:

— Я больше не буду.

Руководительница контрразведки подмигнула ему и вышла из бункера в сопровождении Реброва и старшего Ромашина. Последними к Кузьме подошли Гредас и Лю Тао, молча пожали руку. Полный, добродушный, бородатый Гредас похлопал его по плечу:

— Все отлично, парень, хотя, конечно, потребуется еще несколько раз проверить машину на других «зеркалах». Но мы это сделаем уже без тебя, отдыхай.

Они отошли, потом китаец вернулся.

— Есть один маленький нюанс, сяньюшэн. Может быть, не существенный. Обратите внимание на побочный эффект.

— Какой? — не понял Кузьма.

— Температура в зоне эксперимента упала до абсолютно-го нуля.

— Ну и что? — полюбопытствовал стоявший рядом Хасид.

Лю Тао сморщил личико в улыбке, поклонился и засеменил вслед за коллегой.

Хасид проводил его взглядом, повернулся к задумавшемуся другу.

— Ерунда все это. Главное — мы таки уконтропупили «зеркало»! Чего приуныл, герой дня? Неужели китаец расстроил?

— Не знаю, — признался Кузьма. — Кошки на душе скребут... Я не рассчитывал побочных эффектов.

— Подумаешь, температура понизилась! Она и так на Плутоне под минус двести сорок.

— Чтобы понизить ее до абсолютного нуля в зоне испытаний, нужны особые ухищрения. Я даже не могу придумать какие. Вернее, знаю, но теоретически. На практике добиться этого трудно, если вообще возможно.

— Для нас нет ничего невозможного.

— Не скажи, — не принял шутки Ромашин.

— Поделись своими теоретическими соображениями. И вообще, потопали отсюда, раз уж нам разрешили отдыхать. Давай махнем на Марс? Геру позовем с собой, он тоже замучился там со своими мантоптерами. Может быть, и Катя согласится. Ну что, летим в Ригу?

— Не торопись, я хочу посмотреть на «зеркало»... вернее, на то, что от него осталось.

— Как скажешь.

Они двинулись по кольцевому коридору к люку, возле которого их ждал куттер.

— Все-таки я тебя не понял, — продолжал Хасид.

— Такое резкое падение температуры пространства, — рассеянно проговорил Кузьма, — возможно лишь в том случае, если «паньтао» «сдвинул» вакуум «назад».

— Как это?

— Время в зоне потекло вспять, образовался мощный всплеск частиц с отрицательной энергией, что и породило эффект падения температуры. Но это теоретически...

— Чем опасен эффект?

— Не знаю, — со вздохом сказал Кузьма. — Придется теперь делать анализ эксперимента и просчитать последствия. Никуда я отдыхать не полечу.

— Чертов китаец!

Кузьма нехотя улыбнулся.

— Он ни при чем. Наоборот, очень тонко предупредил и дал пищу для размышлений.

Они включили комплекты бизо, сели в куттер, пилотируемый работником службы безопасности, и взлетели в угольно-черное небо Плутона, направляясь к ледяной скале, на которой еще совсем недавно торчало «зеркало».

Вторые и третьи испытания «паньтао» на плоских «зеркалах» подтвердили результаты первого: «зеркала» сворачивались в «хроноконсервы» — микрообъекты с застывшим временем, сильно остужая при этом окружающее пространство в радиусе до сотни метров. Эффектом «вакуумного вымораживания» заинтересовались ученые, предложившие ряд оригинальных гипотез, но все они сходились во мнении, что ТФ-теория, включавшая в себя теории вакуума, торсионных полей, топологических временных многообразий и универсальных взаимодействий, по крайней мере неполна, и ее следует дополнить разделом сингулярных и невозможных¹ состояний. Правда, эти умозаключения академиков и универсалистов ничем не могли помочь Кузьме, взявшемуся за непосильный труд расчета последствий включения «большого паньтао». Он работал до изнеможения, чем сильно огорчал Хасида, но света в конце тоннеля не видел. Информации для точного расчета не хватало, и результаты получались самые разные, в том числе — совсем экзотические.

Один из них говорил, что при достаточно мощном импульсе (а «паньтао», по сути, оставался ТФ-эмиттером, генерирующим фазовые топологические колебания вакуума) возможно понижение температуры континуума до немыслимых температур порядка минус миллион градусов! Что это означало, не мог сказать никто. Теоретически такие температуры были достижимы, но только в особых состояниях возбужденного вакуума, характеристики которых еще надо рассчитать.

Тринадцатого апреля было решено провести испытания «малого паньтао» на «теннисном мяче дьявола», сделавшем петлю по Солнечной системе и повернувшим к Нептуну. Хо-

¹Имеется в виду — невозможных в нашей Вселенной, но возможных с точки зрения математики.

зьяин «мяча» не оставлял попыток уничтожить «Потрясатель Мироздания».

Кузьма за подготовку испытаний не отвечал, поэтому позволил себе немного расслабиться и провел два часа в компании с Катей в кафе «Звайзгне» на Рижском взморье. Он был грустен, выглядел устало, Катя чувствовала его переживания и старалась подбодрить, как могла, время пролетело незаметно. Кузьма получил чудесную эмоциональную разрядку и улетел из Риги с неохотой. На спейсер «Мощный», игравший роль центра управления испытаниями, он прибыл всего за час до их начала.

Суть эксперимента сводилась к запуску в лоб «теннисному мячу» куттера с «малым паньтао», инк которого должен был включить установку спустя рассчитанное по относительной скорости «мяча» и куттера время.

Все так и произошло.

Куттер набрал скорость в два километра в секунду (относительно «мяча»), догнал бликующее «сферозеркало», за которым, как привязанный, следовал в ста километрах «Мощный», и нырнул в зеркальную поверхность, как в воду.

Включился таймер.

Глубокая тишина, царившая в эфире и на кораблях погранфлота, нарушалась только голосом инка, отсчитывающего секунды. Прошла минута, другая, пятая, десятая. Куттер со «змеей» «паньтао» давно должен был не только достичь центра «теннисного мяча», но и пересечь его весь, однако ничего не происходило, «мяч» продолжал мчаться к Нептуну с его спутниковой семьей как ни в чем не бывало, куттер не показывался, и стало ясно, что результатов испытаний придется ждать шесть суток — именно с такой временной задержкой реагировал «мяч» на воздействие извне.

Правда, среди специалистов начался спор, все ли шесть суток надо ждать или меньше, так как куттер должен был достичь центра «мяча», а не пройти его насквозь. Затем спор начался и по поводу — есть ли у «сферозеркала» центр, поскольку оно только с виду имеет определенный пространственный объем, а внутри — многомерный континуум с двумерным временем и отрицательной массой и энергией. Спорили долго, приводя множество аргументов «за» и «против», с нетерпением ожидая реакции «мяча» на пуск «паньтао», но Кузьма в этих спорах не участвовал, пребывая в странном за-

торможенном полусонном состоянии, не затрагивающем эмоциональные центры. Видимо, организм сам решил восстановить утраченное душевное равновесие и запасы психической энергии, израсходованные на поиск решения проблемы «зеркал», не затрагивая сознания.

«Теннисный мяч» достиг орбиты Нептуна, и его траекторию снова пришлось корректировать, отклонять испытанным способом — с помощью высокочастотных ТФ-антенн, чтобы он не задел Тритон с «Потрясателем Мироздания», к которому люди в спешном порядке прокладывали новую шахту.

«Паньтао» сработал на третьи сутки после проникновения в глубины «сферозеркала».

Ажиотаж вокруг эксперимента несколько поутих, и за «мячом» следили только автоматы да операторы систем наблюдения. Все произошло настолько быстро — в течение нескольких секунд, что руководители испытаний не успели обратиться по тревоге у виомов обзора и вынуждены были изучать процесс в записи.

Гигантский зеркальный шар внезапно засиял изнутри, превращаясь в красивую опаловую каплю, в драгоценную жемчужину, затем растрескался на сегменты, превратился в ажурный многогранник и стянулся в немыслимо яркую точку. «Теннисный мяч дьявола» исчез! И тут же вырос из точки снова, будто кто-то одним усилием надул воздушный шар! А приборы зафиксировали скачок температуры — как в пространстве вокруг «мяча», так и внутри земных аппаратов, сопровождавших «мяч». Причем скачок этот был мгновенным и наделал немало бед в радиусе двух тысяч километров от «сферозеркала».

В зону «вакуумного вымораживания» попали все зонды и два «пакмака» с исследователями, превратившиеся в лед с температурой минус двести семьдесят-три градуса по Цельсию! Не помогли ни экраны, ни полевая защита, ни отопители, поддерживающие внутри кораблей комфортную температуру. Удар отрицательной температуры был слишком быстрым и мощным, что говорило о фундаментальности явления, затронувшего внутриядерные процессы. Даже воздух внутри коггов и бижо-комплектов мгновенно осел ледяной пленкой на стенки отсеков и одежду людей, а сами они пре-

вратились в ледяные статуи, не успев осознать, что произошло.

Правда, впоследствии все двадцать человек удалось разморозить и оживить, кроме одного, упавшего на пол отсека и разбившегося на куски, медицина уже имела опыт погружения людей в анабиоз посредством сильного охлаждения и обратного размораживания. Однако в тот момент все были потрясены случившимся, в том числе и Кузьма, вплотную подошедший к разгадке явления, но не успевший сделать последний шаг.

Спейсер «Мощный» уцелел только благодаря тому, что в момент «антивзрыва» «сферозеркала» выполнял маневр на расстоянии двух тысяч километров от «мяча» и в зону вымораживания не попал. Вернее, задел ее край, и температура внутри него понизилась всего на тридцать градусов, что тем не менее едва не породило панику среди специалистов и ученых, находившихся на борту.

Несколько раз просмотрев видеозапись «антивзрыва» и проанализировав записи приборов, Кузьма уединился в каюте, не отвечая на предложения встревоженного его поведением Хасида спокойно посидеть и во всем разобраться. Полдня он провел в полной прострации, ни о чем не думая, а потом, не говоря никому ни слова, включил тайф и переместился на Марс. В Патфайндере взял флейт и направился в горы Баунти, где на одном из перевалов дед Филипп много лет назад соорудил нечто вроде отшельнического бунгало.

О том, что своим поступком он подставляет Ходю, отвечающего за его охрану, Кузьма не подумал. Ему было все равно, что о нем подумают друзья. Жить не хотелось. Себя он презирал, виня во всех бедах. В глаза Кати и друзей было стыдно смотреть. Он не знал, что делать, и впервые в жизни, оставшись один, закурил кайфьянос.

Глава 13

ВОЙНА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Где-то далеко-далеко хрустальным голоском прощепетала птица...

Юэмей открыла глаза, и тотчас же в спальне засветился нежным розовым светом потолок, превратился в голубое не-

бо с легкими облачками, край которого налился золотистым свечением встающего солнца.

— Доброе утро, — раздался приятный голос домового.

— Доброе утро, — отозвалась женщина по-китайски.

Она лежала посередине огромной кровати с раскиданными по ней подушками.

Одна.

Вставать не хотелось. В голову поползли вредные мысли. Она представила, что рядом лежит сильный, красивый мужчина... Герман Алнис... Она целует его в плечо, он улыбается во сне, что-то бормочет... ее имя... потом просыпается и обнимает...

— Вас вызывает комиссар, — доложил домовой извиняющимся тоном.

Юэмей вздрогнула, очнулась от грез, со вздохом сбросила с себя воздушное, легкое как пух покрывало и встала с кровати в одной спальной тунике. Стена спальни напротив превратилась в зеркало. Самое обычное, без хроновыкрутасов. Юэмей сбросила тунику, прищурясь, критически осмотрела себя, дотрагиваясь пальцами до груди, живота, бедер. Вспомнила чье-то изречение: ничто так не старит женщину, как ее возраст. Улыбнулась, покачала головой и прошептала:

— Может быть, еще есть надежда?..

— Не понял, — откликнулся домовой. — Что ему ответить?

— Переключи консорт-линию сюда, — еще раз вздохнула китаянка, накидывая на себя кимоно.

В углу спальни сформировался виом консорт-связи, на руководительницу контрразведки глянул Владилен Ребров, собранный, уравновешенный, каменнолицый, очень похожий на своего отца Мая Реброва, директора ИВК, возглавившего экспедицию к Змееносцу. Вернее, к шаровому звездному скоплению M19, в котором предполагалось наличие звездной системы мантоптеров.

— Доброе утро, тайтай.

— Доброе утро, сяньшэн.

— Извини, что я так рано, однако в восемь нас ждет директор.

— Что-нибудь случилось? Мне ничего не докладывали...

— Я велел тебя не беспокоить, в последнее время ты практически не отдыхала.

— Спасибо за заботу, комиссар, — нахмурилась Юэмей Синь. — Я не нуждаюсь ни в отдыхе, ни в твоей заботе.

— Не обижайся, тайтай, но я забочусь больше о деле, чем о тебе, потому что мне нужны хорошо отдохнувшие работники, полные сил. Может быть, вернешься? Обещаю максимальную свободу.

Юэмей невольно улыбнулась.

— Мы это уже проходили, дорогой комиссар, не стоит повторять ошибки прошлого. У одного древнего писателя есть прекрасный афоризм: «Надо уметь часто повиноваться женщине, чтобы иметь право иногда ею повелевать»¹. Но ты не из таких людей.

— Да, я не из таких, — кивнул Ребров невозмутимо, и в его глазах мелькнула тень тоски. Но так быстро, что Юэмей засомневалась в своей оценке. К тому же это не играло для нее никакой роли.

— Зачем мы понадобились директору?

— Есть две новости, обе достаточно тревожные. По расчетам наблюдателей, диаметр «футбольного мяча» в недрах Солнца увеличивается. Сейчас он равен уже пятнадцати тысячам километров.

— А был равен десяти.

— И вторая новость: пришло сообщение из Змееносца. Отцу пришлось разделить экспедицию — за ними погнался «теннисный мяч».

— «Сферозеркало»?!

— «Стерегищий» остался, пытаюсь его отвлечь, «Мехико» вышел к скоплению и начал поиски звезды.

Нежное личико Юэмей, не поддающееся возрасту, затвердело, брови сошлись над переносицей.

— Когда пришла тээфграмма?

— Два часа назад.

— Больше ничего?

— Отец пошлет сообщение лишь в случае благоприятного исхода поисков. — Ребров подумал: — Или в случае угрозы гибели экспедиции.

— В правительственных кругах еще не знают, куда она направилась на самом деле?

— У меня сведений об этом нет. Тебя что-то тревожит?

¹ В. Гюго.

— Боюсь, в экипаже одного из космолетов есть агенты Дьявола.

— Никто не знал об истинной цели экспедиции, кроме нас и отца.

— Дьявол мог завербовать членов экипажа ради перестраховки, все-таки вылет дальней звездной — событие.

— Может быть, ты права. Мы еще поговорим об этом. Жду тебя в Управлении без десяти восемь.

Изображение комиссара подернулось рябью и растаяло.

Юэмей несколько мгновений рассматривала пустой угол спальни, кинула взгляд на свое отражение и начала спешно приводить себя в порядок. Через час она уже была в Управлении, жизнь на горизонтах которого не затихала ни днем, ни ночью. В восемь утра Юэмей вместе с Ребровым переступила порог рабочего модуля директора.

Филипп Ромашин был не один. Напротив него в креслах сидели двое мужчин: советник СЭКОНа Ян Лапарра и седовласый старик с пронзительно-голубыми глазами ясновидца. Ребров его знал, хотя встречался с ним всего второй раз в жизни, Юэмей Синь никогда прежде его не видела.

— Знакомьтесь, — сказал Филипп. — Владислав Дикушин, глобалист-проблемист ВКС. Юэмей Синь, начальник контрразведки.

Седоволосый старикан привстал, поклонился. Юэмей ответила.

— Располагайтесь, — указал на кресла директор УАСС. — Времени мало, поэтому сразу к делу. Советник Лапарра проделал нешуточный эфанализ ситуации в Системе и пришел к выводу, что мы имеем дело с крупномасштабной диверсией, имеющей цель либо уничтожить цивилизацию, либо ослабить до такого уровня, с которого начинается необратимый регресс или по крайней мере инволюционный процесс. Что в принципе равносильно гибели человечества как разумной системы. Господин Дикушин другого мнения.

Юэмей Синь встретила глазами с проблемистом Всемирного Координационного Совета и отметила его внутреннее душевное состояние, которое можно было охарактеризовать одним словом: равнодушие. Этот человек все знал, все понимал и все предвидел.

— Таким образом, «футбольный мяч», посланный Дьяволом, следует называть иначе — «холодильником» или лучше

«огнетушителем», потому что уже сейчас зона падения температуры в ядре Солнца растет со скоростью один метр в секунду. К чему это приведет, одному богу известно.

— Уже не только ему одному, — серьезно обронил Лапарра. — Вместе с расширением зоны охлаждения Солнце теряет в секунду один миллион тонн массы. Скоро оно начнет гаснуть и сжиматься.

— Как вы объясняете этот процесс?

— Объяснение дал Кузьма Ромашин после неудачной попытки уничтожения «сферозеркала». То, что в «теннисном мяче» произошло после включения «паньтао», в «футбольном мяче» почему-то происходит самопроизвольно. Массы кипящей ядерной плазмы Солнца проваливаются в «сферозеркало», превращаются в зеркальную или «левую материю» с отрицательной массой и энергией, становятся неосязаемыми для наших приборов и скорее всего пополняют запасы энергии зеркального мира.

— Почему же они не выбрасываются «сферозеркалом», обратно? Ведь его собрат — «теннисный мяч» выбросил все, что мы в него запихали.

— Существует довольно корректное объяснение этому явлению: временная задержка возврата превышает шесть суток, как в случае с «теннисным мячом». Возможно, она существенно больше этого срока.

— Насколько?

— В тысячи раз.

В кабинете Ромашина стало тихо.

Лапарра скупой улыбнулся:

— Но мой прогноз может и не оправдаться.

— Тем не менее, мы должны готовиться к худшему, — брюзгливо проговорил Дикушин.

— Что мы можем сделать в данном положении? — посмотрел на него комиссар. — Эвакуация землян из Системы к другим звездам — утопия. Для этого потребуется уйма времени и флот в десятки тысяч спейсеров, в то время как мы имеем всего около сотни машин такого класса. К тому же мы провели метро всего к двум соларанам¹ — к BS 4030 в созвездии Льва и ВУ Дракона. Вряд ли наши службы успеют эва-

¹От слов solar analogs — аналоги Солнца (англ.) — звезды, близкие по спектру и другим параметрам к нашему Солнцу.

куировать по этим двум веткам все население и создать ему нормальные условия существования. Сколько у нас времени до катастрофы?

— Если считать катастрофой угасание Солнца, — сказал невозмутимо Лапарра, — то процесс этот продлится долго, лет восемь-десять, но уже через год температура его фотосферы упадет до пяти тысяч градусов, что скажется на планетах гораздо сильнее. К примеру, океаны Земли начнут замерзать, наступит глобальный ледниковый период.

— Вот видите!

— Никто не собирается предлагать Правительству, ВКС и СЭКОНу начать немедленную эвакуацию, — хмуро сказал Филипп. — Во-первых, нас обвинят в раздувании паники и всех немедленно отправят в отставку, а во-вторых, нейтрализуют все наши программы спасения цивилизации. А когда ВКС спохватится, будет уже поздно.

— Что ты предлагаешь?

— Это не я, а вы должны предлагать, что делать.

В кабинете снова повисла тишина.

Ребров покачал головой:

— И все-таки я не понимаю... Зачем Дьяволу гасить Солнце, уничтожить цивилизацию? Чего он добивается?

— Возможно, наши определения некорректны, — ответил Дикушин. — Возможно, ни Наблюдателя, ни Дьявола не существует, а мы ощущаем удар вселенской биосферы по паразитическому виду хомо сапиенс, включение неведомых нам защитных механизмов Мироздания, направленных на резкое сокращение численности популяции. Ведь человечество так и осталось цивилизацией потребления с ее приматом материальных благ и примитивных зомбирующих игр.

Филипп покосился на Лапарру, как бы предлагая ему возразить, но советник молчал. То ли был согласен со словами коллеги, то ли просто не хотел спорить.

— Все это печально, судари мои, даже если мы преувеличиваем опасность. Надо искать выход из тупика. Моему внуку, к сожалению, не удалось решить проблему уничтожения «сферозеркал», привлечите других специалистов, найдите, в конце концов, агентов Наблюдателя, с которыми когда-то контактировал Керри Йос.

— Наблюдатель пока никак себя не проявил в связи с появлением «мячей дьявола», — скептически проворчал ко-

миссар. — И мне еще никто не доказал, что он и Дьявол принадлежат к разным лагерям.

— Это мы выясним в самое ближайшее время, как только станут известны причины посылы мантоптерами корабля в Систему. Или у тебя есть конкретное предложение?

— Нет, — после паузы признался комиссар.

— У меня есть, — проговорила Юэмей Синь, порозовев под красноречивыми взглядами мужчин. Мало кто из них догадывался, что милое смущение не является маской «железной леди контрразведки», а отражает состояние души. Один Владилен Ребров знал границы независимости женщины, ее решительности, жесткой целеустремленности в сочетании с ранимостью и незащищенностью, которые она тщательно скрывала.

— Мы вас слушаем, тайтай, — кивнул Ромашин.

— Необходимо проникнуть в недра Солнца и уничтожить «огнетушитель».

На этот раз молчание в кабинете длилось дольше. Потом Филипп обвел прищуренными глазами лица мужчин, усмехнулся:

— Что скажете, судари мои?

— Это очень интересное решение, — сказал Ян Лапарра без тени улыбки на губах.

Дикушин внимательно оглядел лицо главной контрразведчицы, кивнул, отвечая каким-то своим мыслям, одновременно явно не одобряя сказанное.

— А ты что скажешь, комиссар? — обратился к Реброву директор УАСС.

— Э-э... — протянул тот, не сразу находя ответ. — Идея, конечно, неординарная, только нереализуемая. Во-первых, нет такой машины, так сказать «подсолнцехода», который мог бы добраться до ядра Солнца, во-вторых, мы все равно не знаем, как уничтожить «мяч».

— Я верю в Кузьму Ромашина, — мягко и вместе с тем с непреклонной решительностью сказала Юэмей Синь. — Ему надо немного помочь, и он решит проблему.

— Вот когда решит...

В ухе Юэмей заговорила рация оперативной связи службы:

— Кобра Джонсон первому: мы вышли на базу фигурантов розыска под шифром «Д».

— Первый кобре Джонсону, — мысленно ответила руко-

водительница контрразведки. — Ничего не предпринимайте без меня. Где вы находитесь?

— Пояс астероидов, радиант Сатурна.

— Ждите. — Юэмей встала, поклонилась всем. — Прошу извинить, джентльмены, мне необходимо удалиться, срочный вызов.

— Помощь нужна? — спросил Ребров.

— Понадобится — попрошу.

Юэмей Синь вышла.

Мужчины переглянулись.

— Она справляется с обязанностями? — поинтересовался Дикушин.

— Еще как, — усмехнулся комиссар. — Это она только с виду мягкая и обходительная девочка, воспитанная в духе китайских традиций с их чинопочитанием и культом «великих кормчих», на самом деле ее волей можно долбать стены.

— Вы с ней давно работаете?

— Как с начальником контрразведки — второй год. Но я знаю ее уже пятнадцать лет.

— Ваша ученица?

— Жена, — не моргнув глазом ответил Ребров, помолчал и добавил: — Бывшая.

Гости Ромашина с любопытством посмотрели на комиссара, но продолжать тему не стали.

— Как вам ее идея? — спросил Филипп. — Я понимаю, что она технически почти неосуществима, но все же?

— Боюсь, нам еще придется обсуждать ее всерьез, — проговорил советник СЭКОНа. — Кстати, я слышал, что в Институте Солнца разрабатывался в свое время проект «солнечного крота» для изучения поверхностного слоя Солнца. По мысли конструкторов, «крот» мог проникать на сотню километров в глубь фотосферы. Поинтересуйтесь, вдруг аппарат уже готов?

— «Крот» с глубиной погружения сто километров не решит проблемы, но я выясню. Итак, судари мои, нам осталось выработать стратегию поведения с чиновниками Правительства. Дозируя информацию, мы должны заставить их суетиться и оправдываться перед ВКС, сами же будем делать дело. Как говорится: самое хорошее правительство — это правительство в состоянии крайнего испуга.

По губам присутствующих в кабинете мужчин промелькнули понимающие улыбки.

Астероид был невелик — около пятнадцати километров в поперечнике — и не имел названия, только регистрационный номер в каталоге пояса астероидов. Это был самый обыкновенный обломок базальта, покрытый оспинами небольших кратеров от соударений с другими небесными камнями, вращающимися вокруг Солнца сотни миллионов лет между орбитами Марса и Юпитера, и земных исследователей он не мог привлечь ничем: ни формой, ни массой, ни составом пород. Но именно здесь, в естественной пещере, занимавшей четверть его объема, и была обнаружена чья-то замаскированная база, по предположениям контрразведчиков принадлежащая агентам Дьявола.

Юэмей Синь, экипированная системой бижо и антигравом, с интересом осмотрела пещеру, образовавшуюся скорее всего при остывании расплавленных пород, еще когда эта глыба камня не была астероидом, и остановилась над чашевидной выемкой, в которой покоился странной формы аппарат с дырой в корпусе и деформированной кормой. А может быть, носом.

— Что это?

— Машинка явно неземная, — ответил сопровождавший начальницу кобра Джонсон. — Мы успели сделать спектральный анализ, материал тот же, что и у корпуса мантоптерского корыта.

— Зонд!

— Вероятнее всего.

— Они перехватили мантоптерский зонд! Герман был прав! Чувствуя приближение гибели, мантоптеры запустили зонд, но агентура Дьявола была предупреждена и среагировала вовремя. Немедленно доставьте сюда Германа Алниси и комплект аппаратуры, которая ему потребуется. Абсолютно секретно! А за его безопасность ответите головой!

— Слушаюсь, госпожа Синь.

Юэмей поднялась чуть выше, окинула взглядом освещенную прожектором объемного света пещеру, где, кроме мантоптерского зонда, были обнаружены вполне земные аппараты — когги, галеоны, «пакмаки», а также склады научного оборудования, оружия и продовольствия, и повернула к выходу.

Спейсер службы безопасности «Быстрый» — стометровый додекаэдр с абсолютно черной поверхностью — висел

рядом с астероидом и был бы вообще не виден, если бы не загораживал корпусом часть звезд Млечного Пути. А поскольку он выполнял многие деликатные поручения руководителей СБ и контрразведки, его незаметность и бесшумность хода (он умел двигаться в пространстве скрытно, без возбуждения электромагнитных полей) делали корабль мощным орудием защитной системы человечества, несмотря на малые размеры.

Однако подниматься на борт «Быстрого» Юэмей не стала. Предупредив подчиненных, она с помощью тайфа сразу перенеслась на Землю, в технический сектор УАСС, специалисты которого бились над решением проблемы опознавания динго-двойников. Здесь она пробыла около часа, затем вернулась в Управление, провела совещание командиров подразделений, посетила две базы, пообедала в обществе заместителя, поработала с Умником сектора и навестила родителей в Сиане, дом которых стоял неподалеку от раскопанной и воссозданной усыпальницы древнекитайского императора Цинь Шихуанди, которую охраняла целая армия теракотовых воинов численностью в десять тысяч человек. Усыпальницу — настоящую сокровищницу истории Китая, с павильонами и дворцами, хранящими изделия из драгоценных камней и жемчуга, кипы шелка, зоопарки редких зверей из золота и серебра, — строили в течение тридцати семи лет семьсот тысяч рабов¹, сотни лет она была спрятана под землей от человеческих взоров и лишь в конце двадцатого века ее нашли крестьяне, рывшие колодец в окрестностях Сианя, после чего начался новый этап ее истории.

Полюбовавшись на каменных воинов, коней, колесницы, барабаны и гонги, Юэмей вернулась домой, на остров Науру, вдруг со страхом обнаружив, что не хочет быть одна. Не радовали ни уютные интерьеры комнат, ни тишина, ни вежливая обходительность витсов-китайнок, запрограммированных на исполнение любых приказов хозяйки. Вспомнив о существовании подруг и приятельниц, Юэмей начала их обзванивать, чем немало удивила многих, привыкших к ее постоянной занятости. Затем она полежала в ванне, мечтая об отдыхе с человеком, которого не ожидала встретить в жизни, тщательно уложила волосы в икэбури, накинула ки-

¹В третьем веке до нашей эры.

моно с водяными лилиями и устроилась в гостевой комнате на подушках со старинной книгой в руке.

Рация «спрута-2» изредка оживала в ухе, передавая новости, пропущенные через ранговый отсев¹, однако они не требовали немедленного реагирования и личного участия начальницы контрразведки, и Юэмей пропускала их мимо сознания, как надоедливые, но жизненно необходимые природные шумы. В начале первого ночи она закончила чтение и направилась в спальню, с грустью подумав о запрограммированности своего бытия, и в это время ожил домовой:

— К вам гость.

— Что? — не сразу восприняла новость женщина. — Гость? Какой гость?

— Герман Алнис.

Брови Юэмей прыгнули вверх, ее бросило в жар, потом в холод, часто забилося сердце. Усилием воли она справилась с волнением, вышла в холл, предварительно связавшись с охраной и убедившись, что гость один.

— Впусти.

Входная дверь коттеджа скользнула вбок, в холл торопливо вошел молодой ксенопсихолог, остановился, увидев хозяйку. Его взгляд загорелся восхищением, он хотел что-то сказать, но только прерывисто вздохнул, немея, разглядывая прическу Юэмей, потом ее кимоно, облегавшее тело. Так прошло несколько секунд.

Юэмей сбросила оцепенение первой, приказала домовому закрыть дверь, коротко ответила «нет» на запрос Джонсона, ждать ли ему подопечного (командир обоймы охраны конечно же сопровождал Алниса, хотя тот мог об этом и не догадываться), и строго спросила:

— Что-нибудь случилось, сянъшэн?

— Нет, — мотнул головой опомнившийся Герман, — то есть да. Я частично расшифровал послание мантоптеров, сохранившееся в компьютерной системе зонда.

— Так быстро?

— У меня уже был ключ, и новые данные позволили...

— Проходите, пожалуйста.

Герман снял туфли, они прошли в гостиную, автоматика

¹ Инк-координатор связи сортировал сообщения и направлял их в соответствии с рангом абонента и уровнем его компетенции.

которой воспроизвела точный интерьер древних китайских фанз двадцать первого века. Юэмей кивнула на подушки возле низкого столика из вишневого цвета полированного дерева на резных — в виде дракончиков — ножках:

— Присаживайтесь.

— Вот, — протянул Герман иголку молика хозяйке. — Предварительный результат. Я не стал ждать, решил сразу сообщить, что узнал.

— В двух словах расскажете?

Герман сел на подушку.

— Мантоптеры хотели нас предупредить об опасности. Они тоже столкнулись со «сферозеркалами», одно из них провалилось в их солнце и за небольшой период времени — я еще не вычислил, какой — практически его погасило.

Лицо Юэмей затвердело.

— Вы уверены, что прочитали послание правильно?

— Абсолютно!

— Они надеялись на нашу помощь?

— По-моему, нет. Их цивилизация намного древнее нашей и находится в упадке, судя по некоторым намекам, так что особой трагедии оставшиеся в живых не испытали. Они бы и так скоро вымерли. Но нас они все же решили предупредить.

— Это весьма благородно с их стороны. А как они объясняют причину таких действий владельца «сферозеркал»?

— Этого я не знаю, — виновато развел руками Герман. — Похоже, в послании нет объяснений, только констатация факта. И одна любопытная оговорка: похоже, что их ближайшие соседи по скоплению также получили подарок в виде «футбольного мяча», который сработал аналогичным образом.

— Погасил звезду?

— Да.

— Тогда это не случайная стычка за жизненно важное пространство и не избирательно направленная агрессия, а стратегия. Кто-то гасит звезды, ставшие колыбелью разумных систем.

Герман вздохнул, понимая, что его миссия закончена, привстал с подушки.

— Так я пойду?

Юэмей улыбнулась, подошла к нему, глядя на него сверху вниз.

— А разве вы не хотите остаться?

Он вздрогнул, раскрывая шире глаза, встретил загадочный, манящий взгляд китаянки и хрипло проговорил:

— Хочу... но...

— Что-то вам мешает? Или кто-то?

— Нет, но... — Язык прилипал к гортани, рот пересох, и Герману стоило немалых усилий успокоиться и пояснить свои слова: — Вы очень красивая, тайтай, и я бы очень хотел... но вы же руководитель контрразведки!..

— Почему это вас смущает? Вы меня боитесь?

— Боюсь, — признался он.

Она взъерошила волосы у него на голове, засмеялась:

— Неужели я такая страшная?

— Нет. — Герман прижал ее руку к щеке, поцеловал, потом вдруг поднялся и закружил ее по комнате, прижимая к себе и целуя. — Я люблю вас, Юэмей!

Она выскользнула из его объятий, прижала палец к губам.

— По нашим обычаям, женщина первой признается мужчине в своих чувствах.

Герман отступил на шаг, лицо его вытянулось, глаза погасли.

— Простите, я не хотел...

Она засмеялась — волшебные нежные звуки! — подбежала к нему, закинула руки за шею, поцеловала и выбежала из комнаты.

— Я поговорю с директором Управления и переоденусь, — раздался из-за светящейся, словно сделанной из тонкой рисовой бумаги, стены ее голос.

Герман потряс головой, зажмурился, огляделся, и только теперь до него дошло, что Юэмей ему, по сути, призналась в любви. Он расслабился, опускаясь на подушку, и почувствовал, как устал. Захотелось лечь. Он подумал и прилег на пол, положив под голову подушку...

Он не знал, что минуту назад у дома Юэмей Синь приземлился куттер, из него вышел Владилен Ребров и хотел пройти в дом, но домовая дверь ему не открыл.

— В чем дело? — сухо поинтересовался комиссар, услы-

шав голос домового, спросившего, что ему нужно. — Меня здесь уже не узнают?

— У нас гость, — так же сухо сообщил хранитель коттеджа.

— Кто?

— Герман Алнис.

Ребров постоял немного, пристально разглядывая дверь, будто хотел сломать или разглядеть, что происходит за ней, затем кивнул витсу-телохранителю, сел в куттер и улетел.

Глава 14

ПРЕОДОЛЕНИЕ

След Кузьмы Ромашина отыскался на Марсе: один из наблюдателей СБ в Патфайндере узнал его, когда физик садился в четырехместный флейт. Остальное было делом техники, и спустя два с половиной часа после бегства Кузьмы с борта спейсера «Мощный» Хасид обнаружил на перевале Баунти крохотное бунгало, в котором беспробудным наркотическим сном спал младший Ромашин.

Судя по беспорядку и разбросанным по всем углам жестянкам из-под джина с тоником, а также по окуркам кайфьяносов, Кузьма пытался изо всех сил поднять свое подавленное настроение и теперь пребывал в мирах астрала и наркокайфа, вывести из которых его было трудно. Да он и не рассчитывал, что кто-то увидит его в таком состоянии.

Поблагодарив судьбу за то, что он первым отыскал «лежище» друга, Хасид организовал «эшелон» охраны, кое-как прибрался в двух маленьких комнатках каменного строения и стал терпеливо ждать пробуждения Ромашина.

Ждать пришлось долго, около десяти часов.

За это время Хасид успел полюбоваться закатом и восходом Солнца, немного поспать, доложить Реброву о местонахождении физика и уговорить комиссара какое-то время Кузьму не трогать.

— Я сам попробую вывести его из депрессии, — сказал он с вежливой непреклонностью. — К тому же ему необходим отдых, парень на грани нервного истощения.

— Сутки, — согласился Ребров. — Даю тебе сутки, полковник. Делай что хочешь, лечи его, чем хочешь, но приведи

в порядок. Он должен в конце концов решить задачу ликвидации «сферозеркал».

Хасид не был уверен, что за сутки сумеет довести Кузьму до кондиции, но возражать комиссару не стал. «Футбольный мяч дьявола», превратившийся в гигантский «огнетушитель», торчал в ядре Солнца и делал свое черное дело, с каждым мгновением выкачивая энергию и выбрасывая ее в «параллельный» мир с «левой» материей. Температура внутренних областей светила постепенно падала, ядерный «котел», превращавший водород в гелий, переставал работать, ядро сжималось, и худеющее Солнце начинало вздрагивать и «пошатываться», вызывая в околосолнечном пространстве сильнейшие магнитные бури. И единственным человеком, близко подобравшимся к решению загадки «сферозеркал», был Кузьма Ромашин.

Хасид заглянул в комнату, где спал физик, настроил климат-контроль — температура воздуха на перевале по ночам падала до минус тридцати градусов, пришлось доставлять сюда кое-какую бытовую аппаратуру — и вышел наружу с жестянкой тоника в руке.

Солнце, окруженное крестообразным гало, окрашивало вершины гор в нежный сиреневый цвет, туман же, заполнявший низины и скрывающий горные склоны, был зеленовато-жемчужным, и сочетание этих красок с фиолетовым небом порождало своеобразный эстетический эффект: пейзаж начинал казаться нереальным, вернее, созданным виртуальной программой инка. Хотелось войти в эту программу и подкорректировать цветность видеокартинки под привычные «природные» сочетания. Наверное, поэтому Хасида тянуло на Марс, как и множество туристов, жаждущих увидеть необычные картины, увлекающихся созерцанием иных миров.

Он долго наблюдал за погружением Солнца в дымку на горизонте, пил тоник, размышлял о своем положении телохранителя, но обиды не чувствовал никакой и Кузьме не завидовал, понимая, что каждому воздается по возможностям. В данном случае от Кузьмы и Германа зависело больше, чем от безопасника, и считать себя неудачником не стоило.

Кузьма проснулся семнадцатого апреля в пять часов по средне-солнечному времени, когда на Марсе в районе перевала Баунти начался день. Он зашевелился, лежа ничком на

топчане, покрытом шкурой неизвестного науке зверя, пошарил рукой по тумбочке у изголовья, не открывая глаз, нагнулся на стакан с тоником, кое-как поднес его ко рту и выпил. Выронил стакан, лег снова, потом почувствовал присутствие постороннего человека и с трудом разлепил глаза.

— А-а... это ты...

— Вставай, — сказал Хасид. — Пора ставить точку в споре с Дьяволом.

— К черту! — вяло отмахнулся Кузьма. — Я устал. Мне нужно поспать.

— Ты и так проспал уже больше десяти часов, накурился всякой гадости... Поднимайся, будем поднимать тонус.

— Отстань! — Кузьма отвернулся к стене, глухо пробурчал: — И уходи. Я хочу побыть один.

Хасид пошевелил его за плечо.

— Вставай, вставай, пролежни заработаешь. Пока ты тут отлеживался, Гера расшифровал послание мантоптеров.

— Меня это не волнует.

— А зря. Мантоптеры рвались в Систему, чтобы предупредить об опасности, но их убили. Их солнце почти погасло.

Кузьма не ответил. Хасид подождал немного.

— Будешь вставать?

— Оставь меня в покое! Ты мне надоел. — Кузьма подогнул колени к груди и затих.

Хасид постоял некоторое время над ним, прикидывая свои возможности, потом вышел в соседнюю комнату, выполнявшую роль столовой, кухни и гостиной одновременно, набрал в ковш воды из синтезатора и вылил на голову друга.

Кузьма вскочил, отфыркиваясь, вытирая мокрое лицо ладонями, ошалело глянул на безопасника.

— Ты что, с ума сошел?! Какого дьявола?!

— Пора умываться и чистить зубы, — хладнокровно сказал Хасид.

— Убирайся!

— Я дал слово, что приведу тебя в сознание. Положение аховое, ты знаешь, и только ты способен его изменить.

— Ты мне осточертел! Уходи, пока я...

Хасид с любопытством посмотрел на злое лицо Кузьмы с побелевшими ноздрями.

— Пока ты — что?

— Пока я не вышвырнул тебя отсюда! — глухо выговорил Кузьма.

— Не получится, дружище. Я для тебя же стараюсь.

— Ну, ты сам этого хотел!

Кузьма вскочил с топчана, бросился к Хасиду и атаковал его в стиле русбоя: двумя размашистыми «гэгами» с обеих рук — разведка боем и одновременно отвлекающий маневр — и ударом носком ноги вперед, чтобы тут же свернуться «ежом» от контратаки и ответить уже жалящими уколами в нервные узлы. Если бы Хасид не был мастером рукопашного боя, он этого нападения не отбил бы, но Кузьма все еще находился под воздействием алкоголя и дымов кайфьяноса, двигался не столь резво, как ему хотелось, и не мог оценивать ситуацию адекватно, поэтому Хасид без особого труда заблокировал двойную атаку и ответил «ханской плетью» — перехватом руки противника, ударом в скулу и броском через локоть и спину.

Кузьма перекувырнулся через голову, врезался спиной в стену, сполз на топчан, помотал головой, обретая способность видеть, и снова в ярости обрушился на Хасида, показывая недюжинную силу, сноровку и знание приемов, которыми владели бойцы рода на протяжении столетий, в том числе отец Кузьмы Игнат, бывший в свое время абсолютным чемпионом Земли по русбою.

На сей раз Хасиду пришлось демонстрировать умение отбивать серию мгновенных тычковых атак, имеющую название «дикобраз»: наносилось множество уколов пальцами в болевые и парализующие точки на шее, на голове и на руках, каждый из которых мог закончиться потерей сознания. Пришлось ответить грубо и прямо — ударом в грудь, а затем в промежность, чтобы охладить пыл Ромашина, а так как он продолжал рваться вперед, Хасид в конце концов нашел брешь в обороне Ромашина и ударил в полную силу.

Кузьма отлетел назад, сполз по стене на пол и потерял сознание.

Хасид постоял несколько секунд в позе «летающей белки», как бы ожидая нападения и отбивая его, опустил руки, оглядел разгром в комнате и пошел за водой. Вылил еще один ковш на голову друга, поднял того с пола, уложил на топчан. Снял с его руки тайф и спрятал в карман.

— Что это было? — открыл мутные глаза Кузьма.

— Сон, — ответил Хасид. — Отдыхай, я буду рядом.

Кузьма некоторое время смотрел в потолок, потом вспомнил, что произошло, сморщился, отвернулся. Из глаза выкатилась слеза, сползла по щеке.

— Прости...

— Ерунда, спи. — Хасид накинул на грудь Ромашина покрывало и вышел. Позвал мысленно:

— Контроль-один.

— Кобра Волков слушает.

— Постерегите его без меня, парни, никуда одного не выпускайте. Я буду часа через два.

— Без проблем, полковник.

Хасид включил тайф и переместился на Землю.

Сначала он посетил дом Игната Ромашина в Рязани, встретился с Дениз, матерью Кузьмы, несмотря на раннее утро, рассказал ей о состоянии сына, опустив некоторые подробности, и договорился встретиться с ней через полтора часа в метро марсианской столицы.

Затем он добрался до отдельного коттеджа на Камчатке, стоявшего на берегу залива Шелихова и принадлежавшего директору УАСС в качестве второго жилого модуля (по статусу особо важной персоны Филипп Ромашин мог иметь три таких модуля, первый — в Одоеве).

Здесь уже начинался вечер. Он поговорил с бабушкой Кузьмы Аларикой, выглядевшей сорокалетней красивой, осанистой и спокойной женщиной. Дать ей девяносто лет было нельзя. С ней он тоже договорился о встрече в метро Патфайндера и с Камчатки направился в Ригу, чтобы успеть за оставшееся время найти Катю и сообщить ей о том, что Кузьма нуждается в помощи.

Однако Кати в доме деда не оказалось. По словам Яны Лапарры, она должна была ночевать в своем жилом блоке в Строгине, собираясь провести время с подругой.

— А что случилось? — полюбопытствовал философски настроенный советник СЭКОНа.

— Ничего особенного, — сказал Хасид, не желая объясняться со стариком, но все же добавил: — Кузьма немного переутомился, и ему нужен отдых.

— Где он?

— На Марсе, — лаконично ответил безопасник и поспе-

шил покинуть дом Лапарры, сопровождаемый его задумчивым взглядом.

Строгинское метро ремонтировали и расширяли, станция была временно закрыта, поэтому Хасиду пришлось использовать транспортную сеть УАСС, чтобы добраться до второй жилой «грозди» северо-западной части московского мегаполиса, где располагался жилой блок Екатерины. А также Кузмы. Правда, младший Ромашин возвращаться сюда не намеревался.

Катя и ее подруга Майга еще спали, когда Хасид позвонил в дверь блока.

— Вы? — удивилась внучка Лапарры, выходя в холл в красивом пеньюаре. — А где Кузя?

— Он... в одном месте...

Лицо Кати изменилось, в глазах зажглась тревога.

— Что с ним? Почему вы один? Говорите!

— Все в порядке, — поспешил успокоить ее Хасид. — Он жив и здоров, но ему потребуется ваша помощь. Можете поехать со мной прямо сейчас?

— Господи, да что случилось? Конечно, я поеду. Ждите, сейчас переоденусь.

Катя выбежала из холла и вскоре вернулась с зевающей подругой, одетая в уник цвета маренго.

— Идемте.

— Мне тебя ждать? — спросила Майга у Кати, окидывая безопасника оценивающим взглядом.

— Я не знаю, когда освобожусь. Досыпай, завтракай, занимайся своими делами, я позвоню.

Катя и Хасид вышли из дома, пересекли парковый пояс и у стоянки такси наткнулись на Оскара Мехти с тремя приятелями, с которыми безопасник уже был знаком. Видимо, встретить здесь его Оскар не ожидал, так как не сразу поборол удивление.

— Ну и ну! — присвистнул он. — Какие люди — и без охраны! Катюша, неужели ты бросила своего Кузьму ради бравого командира?

Хасид помог Кате сесть в куттер аварийно-спасательной службы, сел рядом и сказал, перед тем как опустить блистер:

— В следующий раз, если ты скажешь гадость, я вобью тебе слова в глотку вместе с языком!

Куттер взлетел, оставив не успевшую среагировать четверку на стоянке с запрокинутыми головами.

Катя фыркнула, покосилась на профиль Хасида:

— Неужели вы бы это сделали?

— Что?

— Ну, вбили бы в глотку.

— Я не бросаю слов на ветер, — спокойно сказал Хасид. Подумал и добавил: — В этом мы с Кузьмой одинаковы. Кстати, позвоните Майге, предупредите. Оскар может заявиться в дом и допросить ее.

— Она ничего не знает. — Катя подумала и выполнила совет. — А теперь выкладывайте, в чем дело.

Хасид коротко поведал девушке историю о неудачном испытании «малого паньтао», о нервном срыве Кузьмы (о драке он не сказал ни слова), и по мере того, как он говорил, лицо Кати становилось все более озабоченным и тревожным.

— Что же делать? — спросила она, когда Хасид закончил.

— Его надо вывести из состояния хандры. Мне это не под силу. Я вызвал его маму и бабушку, вместе вы должны справиться.

Катя бросила на безопасника странный взгляд и промолчала, но Хасид вдруг подумал, что, возможно, делает что-то не то.

Через несколько минут они приземлились возле второй станции метро Северо-Запада Москвы, нырнули в свободную кабину и вышли уже на станции Патфайндера, на Марсе.

Дениз и Аларика — мать и бабушка Кузьмы, одетые в одинаковые жемчужно-зеленые уники и похожие друг на друга как сестры, ждали безопасника в центре зала.

— Знакомьтесь, — подвел к ним Катю Хасид. — Это Катя, моя знакомая и друг Кузи. Дениз, мама Кузьмы, Аларика, его бабушка.

Женщины с одинаковым интересом посмотрели на внучку Яна Лапарры, она ответила таким же заинтересованным взглядом, и Хасид, переживавший столь драматичный момент, успокоился. Катя явно понравилась женщинам, это было заметно по их лицам, хотя Дениз не без женского лукавства не преминула спросить:

— А где же Аля?

— Кузьма вам сам расскажет, — дипломатично ответил Хасид, покосившись на Катю, и уловил ее беглую улыбку.

Эту улыбку заметили и женщины, переглянулись, но продолжать задавать вопросы относительно семейного положения их сына и внука не стали.

Хасид усадил всех троих в салоне флейта службы безопасности, дожидавшегося его у метро, и задал курс инк-пилоту. Когда они уже взлетели, вызвал наблюдателей по мыслекавалу «спрута-2»:

— Контроль-один, как обстановка?

— Нормально, — отозвался кобра Волков, чья смена еще не закончилась. — Клиент выходил по малой нужде, выпил литр тоника, что-то искал, теперь спит.

— О'кей, продолжайте в том же духе.

Женщины, сидевшие сзади в некотором оцепенении, внезапно разговорились. Начала Аларика, задав какой-то невинный вопрос Кате. Та ответила, спросила в свою очередь, часто ли бабушка видит внука, потом призналась, что никогда бы не поверила, что Аларика — бабушка, и та смягчилась, заговорила о внуке, потом о муже, сравнила их, сказала, что Кузьма весь в деда, тут вмешалась Дениз, и разговор стал общим, так что скучать никому в течение часа полета не пришлось. В том числе и Хасиду, которому изредка разрешали вставить веское слово мужчины.

Куттер в пределах прямой видимости вели два скоростных галеона СБ, но это был «эшелон», прикрывавший Ромашина, и Хасид мог на время забыть о своих обязанностях телохранителя.

Долетели до перевала без приключений. Хасид посадил аппарат, помог женщинам вылезти и заскочил в бунгало, чтобы проверить, в каком положении Кузьма.

Ромашин-младший лежал на топчане лицом к стене, но скорее делал вид, что спит. Хасид улыбнулся, вышел наружу и махнул рукой:

— Проходите, он вас ждет.

Выждав минуту, он зашел в бунгало и увидел растерянно-го, помятого, удивленного, ничего не соображающего Кузьму в окружении женщин. Катя молчала, не решаясь подойти ближе, Дениз что-то выговаривала на ухо сыну, Аларика гладила его по волосам, как маленького.

Хасид засмеялся.

Кузьма покраснел, вырвался из рук мамы и бабушки, шагнул к безопаснику.

— Твоя идея?

В комнате стало тихо.

— Вообще-то идея принадлежит Зигмунду Фрейду, — скромно признался Хасид, — я ее только применил. Надеюсь, не обидел?

Одно мгновение казалось, что Кузьма сейчас снова сорвется, но вместо этого он вдруг улыбнулся, поднял вверх ладонь, Хасид ударил в нее кулаком, и инцидент перешел в стадию эндшпиля. Кузьма посмотрел на Катю, подошел к ней.

— Извини, что я в таком виде... впервые в жизни... но больше этого не повторится. Веришь?

— Верю, — тихо сказала девушка, искоса посмотрев на замолчавших родных Ромашина.

Кузьма обернулся к ним, оценил их взгляды, кивнул.

— Мама, бабуля, это Катя...

— Мы уже познакомились, — хмыкнула Дениз.

— Я вам не говорил, хотя собирался... в общем, я не живу с Алей. Катя стала мне...

— Мы понимаем.

— Вы не понимаете, — упрямо мотнул он головой. — Я собираюсь взять ее в жены, если только она согласится. — Кузьма глянул на Катю, явно обескураженную его заявлением. — Ты согласишься?

Катя покраснела, беспомощно посмотрела на Хасида, и тот пришел ей на помощь:

— Согласится, согласится, только не надо торопиться, гнать лошадей, всему свое время. Ты еще сам ни в чем не уверен. Знаете что, дорогие дамы, у меня с собой есть бутылочка шампанского, может быть, хватим по глоточку за встречу? Или за успех безнадежного дела, если хотите. Потом и за меня выпьем, мне уже тридцать стукнуло.

— У тебя же день рождения в январе, — озадаченно посмотрел на друга Кузьма.

Дениз фыркнула. Аларика мягко рассмеялась. За ней засмеялись остальные. Хасид подмигнул Кузьме, сбегал к флейту и принес бутылку «Абрау-Дюрсо». В бунгало отыскивались чашки и стаканы, шипучий напиток разлили по разной формы сосудам, чокнулись, Дениз произнесла два слова: «За знакомство!» — посмотрев при этом на Катю, и все отпили по глотку, оценивая вкус вина.

— А теперь предлагаю всем поехать к нам в гости, — ска-

зала Аларика. — Я приготовлю домашний торт, расстегаи, посидим и дождемся деда, Филипп обещал быть сегодня пораньше.

— Нет, бабуля, — нахмурился Кузьма, проведя пальцем по щетине на подбородке. — То есть я не против, но не сегодня. Спасибо вам за то, что примчались меня спасать по просьбе этого типа, однако, на мой взгляд, я не нуждаюсь в спасении...

Он помолчал, опустив глаза, с усилием заставляя себя сделать признание, и продолжил более твердым тоном, глянув на мать, бабушку и Катю:

— Не буду врать, я бы не справился с собой, если бы не вы... ну, или справился бы гораздо медленнее. В общем, простите за слабость. А сейчас оставьте меня одного на часок, мне нужно привести себя в порядок. Обещаю исправиться и никогда вас не разочаровывать.

Женщины переглянулись.

— Ты действительно хочешь побыть один, сынок? — спросила Дениз.

— Да, мама, — выдержал он ее испытывающий взгляд. — Не волнуйся, все будет хорошо.

— Что ж, твоя воля. Пойдем, бабушка? — повернулась она к Аларике. — Он справится. — Дениз пошла к выходу, оглянулась на Катю. — Вы с нами, Катюша?

Катя очнулась, заторопилась к двери, но Кузьма вдруг догнал ее, поцеловал, затем обнял одной рукой, второй притянул к себе мать, проговорил тихо: «Вы так похожи!» — и отпустил. Отступил назад.

— Ждите, я скоро вернусь, и мы побеседуем.

Женщины вышли.

— Я их провожу, — индифферентным тоном сказал Хасид.

Кузьма усмехнулся, но беззлобно, с грустью.

— Дипломат хренов... дал ты мне урок, однако... конечно, проводи и возвращайся. Только бутылку оставь. И не смотри на меня укоризненно, через час я буду как огурчик.

Хасид протянул ему бутылку шампанского, пошел к двери.

— Слушай, — сказал ему в спину Кузьма с какой-то виноватой нерешительностью. — Как ты думаешь...

Хасид оглянулся.

— Как ты думаешь, — продолжал Кузьма, — они подружатся?

Хасид понял, что речь идет о взаимоотношениях матери и Кати. Уверенно ответил:

— Непременно! — И добавил: — Если только объект их обожания будет вести себя умней, чем сегодня.

Безопасник вышел.

Кузьма проводил его задумчивым взглядом, налил в стакан вина, поднес ко рту, но пить не стал. Передумал. Проговорил вслух:

— Интересно, кто сказал: не борись с собой, все равно проиграешь?

Внезапно бугристая, сложенная из крупных камней стена бунгало превратилась в гладкое зеркало, карикатурно отразившее интерьер комнаты и человека в ней. Кузьма вздрогнул, разглядывая свое кривое отражение, потом вдруг по какому-то наитию швырнул в это зеркало стакан с шампанским. Тот беззвучно нырнул в стену, исчез, по зеркальной поверхности пробежала волна блеска, словно круговая волна по воде, и тотчас же изображение Ромашина обрело самостоятельность, шагнуло вперед... и вышло в комнату со стаканом в руке!

— Привет, — сказал совершенно реальный с виду, живой Ромашин-два. — Что это ты посудой бросаешься? Да еще с вином. — Он отпил глоток, пришелкнул языком. — Отличное шампанское!

— «Абрау-Дюрсо», — выговорил Кузьма пересохшими губами, настраивая себя на всякий случай на военные действия. — Кто вы?

— Кузьма Ромашин, — с улыбкой ответил незнакомец. — Ну, или, если быть точным, твой двойник.

— Откуда?

— Оттуда, — кивнул на «зеркало» Ромашин-два. — Мы долго искали момент встречи, пока ты сам не помог нам.

— Кто это — мы?

— Скажем, ваши далекие потомки. Из будущего.

— Наблюдатель?

— Наблюдатель — не совсем удачное название феномена «зеркал», но в общем-то нас действительно можно назвать наблюдателями. Хотя наша цель в другом.

— В чем? В гашении звезд, уничтожении цивилизаций?

— Конечно, нет. Мы хотим только заставить вас, наших предков, действовать разумнее, осторожнее, ответственнее. Уничтожение цивилизации означало бы для нас уничтожение самих себя. Это цель того, кого вы называете Дьяволом. Хотя в каком-то смысле он тоже ваш потомок.

— Ты хочешь сказать, что Наблюдатель и Дьявол — братья?!

— Я же говорю — в каком-то смысле. В далеком будущем человечество войдет в Галактическую, а потом и в Интергалактическую семью цивилизаций, большинство которых представляют собой негуманоидные расы. Изменится все, в том числе физический облик носителя разума. Но я представляю тех, кто по возможности сохранил что-то человеческое, а Дьявол...

— Понятно, он — из негуманов.

— В действительности положение гораздо сложнее, чем ты думаешь. Но «сферозеркала» между тем придется уничтожать, тут мы вам помочь бессильны.

— Зачем же вы запускаете «зеркала»?

— Это совсем другое дело. Мы не только повернули время на миллиарды лет назад, то есть для вас — вперед, но и ушли в «левоматериальный» мир.

— Зеркальный...

— Зеркальная материя, отрицательные массы, отрицательная энергия, ну и так далее.

Кузьма очнулся, вспомнил о рации в ухе, хотел было вызвать Хасида, но гость предупредил его желание.

— Не спеши звать на помощь, — сказал он серьезно. — Я пришел только поговорить.

— О чем?

— Ты в шаге от решения, и мы хотим, чтобы ты этот шаг сделал. Самостоятельно. Ты погрузился в проблему «зеркал» достаточно глубоко, но не стал ее частью.

Кузьма почувствовал озноб, вылил в чашку Кати остатки шампанского, поднес к губам под внимательным взглядом пришельца, поколебался и чуть отпил. Поморщился.

— Я сделал все, что мог.

— Не все, мой милый, — покачал головой Ромашин-два. — Есть поговорка: не можешь решить проблему — начни ею руководить. Ты же стал ее рабом.

— Я не вижу выхода...

— А ты посмотри в другую сторону.

— Это куда еще?

— До сих пор ты шел к цели через пространство и его топологические преобразования, попробуй теперь идти через время. Ведь ты еще ни в одном расчете не использовал геделиану, хотя знаешь, что «зеркала» — хрономембраны, «струи» с петлевым временем.

— Я это учитывал.

— Опосредованно, через уравнения и топологию вакуума. Все «зеркала» направлены в прошлое. Тебе это ни о чем не говорит?

Кузьма замер с открытым ртом.

— Господи!..

Двойник усмехнулся:

— Дошло?

— Если поменять знаки корреляции... и послать в будущее... или по крайней мере хотя бы просто ускорить время в локальном объеме...

— Браво, мой зеркальный брат! Тебе вполне по силам самостоятельно разработать теорию хроносингулярных состояний. Вот видишь, как иногда полезно получать по морде от друга.

— Ты... следил?

Ромашин-два с видимым удовольствием допил шампанское, улыбнулся:

— Тебе повезло, у тебя классные друзья, береги их. И прощай.

— Но я еще не все узнал! — попытался остановить гостя Кузьма, и его рука прошла сквозь плечо двойника, как сквозь пустоту.

— Главное, знать — как делать, остальное детали. — Двойник шагнул в зеркальную плоскость, по которой снова побежала волна блеска, подмигнул ему и исчез. Вместе со стаканом. Затем «зеркало» свернулось в кольцо, в точку, пропало, что-то звякнуло об пол — стакан!

Кузьма недоверчиво посмотрел на него, поднял: стакан был холодным, как лед, — потряс головой.

— Бред!

Никто не отозвался и возражать не стал. Но Кузьма знал,

что встреча с двойником — не бред. После драки с Хасидом болели бока и грудь, а в бреду таких ощущений не бывает.

Он походил по комнате, собираясь с мыслями, немного прибрался, умылся, побрился — в тумбочке нашелся бритвенный прибор деда, и стал ждать появления Хасида, прокручивая в памяти разговор с двойником и уже включаясь в работу. Однако спокойно поразмышлять ему не дал командный писк рации:

— Извините, сеньор Ромашин, я вас не сильно отвлекаю?

— Кто говорит? — не сразу ответил Кузьма, вспоминая, как включается ответчик рации.

— Кобра Монтерос, начальник смены вашего «эшелона». Только что сменил коллегу Волкова. Вас вызывает отец.

— Куда?

— Я имею в виду систему «спрута». Могу переключить канал.

— Переключайте.

Щелчок в наушнике, затем тихий голос отца с характерными металлическими интонациями:

— Привет, теоретик. Говорят, ты вплотную подобрался к решению проблемы «зеркал». Где скрываешься?

Кузьма почувствовал, как запылали щеки. Он не встречался и не говорил с отцом уже несколько дней.

— Я на Марсе, пап. Дед в горах соорудил избушку, помнишь? Я ее нашел.

Пауза.

— Помню. Ты мне нужен. Можешь подскочить?

— Прямо сейчас?

— Немедленно. Я нахожусь в Ухуру, на борту океанохода «Сильва». Найдешь меня там. — Еще пауза. — Хотя нет, мне надо быть в другом месте. Запоминай код метро, я тебя встречу. — Игнат продиктовал семизначное число и две буквы. — Только постарайся прибыть один, это важно.

— Без Хасида?

— Я ему позвоню, он присоединится к нам позже.

— Ты знаешь, где он сейчас?

— Естественно, в Патфайндере, провожает маму и бабушку. Жду тебя через четверть часа.

Связь прервалась.

— Отбой консорт-линии, — раздался голос кобры Монтероса. — Извините за беспокойство.

— Ничего, все в порядке, спасибо за услугу, — пробормотал Кузьма, размышляя, что ему не понравилось в речи отца. Вспомнил: отец раньше никогда не сворачивал разговор, не получив объяснений. В данном случае он явно пытался ограничиться репликами, не узнав, с чего это сын болтается на Марсе, когда его место на базе СБ. Правда, тут же пришла мысль, он мог просто остерегаться чужих ушей.

Кузьма успокоился, но спустя несколько секунд снова задумался, найдя еще одну причину своего неуютa: отец знал, где находится в данный момент Хасид, а для этого надо было наблюдать за безопасником или по крайней мере держать постоянно связь с дежурным диспетчером службы безопасности.

— Черт! — в сердцах сказал Кузьма, забыв, что не выключил рацию.

— Что-нибудь не так? — тотчас же откликнулся Монтерос.

— Я забыл сказать отцу, что у меня нет тайфа.

— Можем одолжить на время.

— Буду премного благодарен.

Кузьма вышел из домика и увидел пикирующий на перевал куттер. Через несколько секунд аппарат приземлился, смуглолицый улыбчивый испанец, оказавшийся тем самым коброй Монтеросом, передал Кузьме браслет тайфа и отдал честь:

— Будьте осторожны, сеньор.

— Вы слышали мой разговор с отцом?

— Так точно.

— Передайте его Хаджи-Курбану, когда он освободится.

— Будет выполнено.

Куттер улетел.

Кузьма закрепил браслет на запястье и активировал тайф. Через мгновение он перенесся в кабину метро Патфайндера, набрал код, продиктованный отцом, и вышел уже из метро Ухуру, где должен был его ждать старший Ромашин. Прислушался к своим ощущениям: сила тяжести в данном месте явно была ниже земной. Да и станция метро выглядела странно — как подземный бункер, а не вокзал, пронизанный потоками солнечного света, какими обычно строились терминалы метро.

Помещение, в которое выходила дверь кабины, освещалось тусклым красноватым светом. Стены его серебрились

инеем и были сложены из грубо обработанных каменных глыб. Потолок тоже блестел, но как полированный металл, а пол устилала толстая коричневая дорожка.

Из незаметной ниши вышел человек, направился к озиравшемуся в недоумении Ромашину. Кузьма узнал отца, с облегчением вздохнул, шагнул было навстречу и остановился. Все его подозрения всплыли вновь: приближающийся «Игнат Ромашин» двигался не т а к, как отец. Более свободно, с грацией гимнаста, быстрее и сосредоточенней.

«Двойник!» — запоздало сработал в голове сигнал тревоги.

— Привет, сынок, — озабоченно проговорил «командор погранслужбы». — Что это ты скукожился? Замерз? Здесь действительно прохладно.

— Это не Ухуру.

Ироничный блеск в глазах старшего Ромашина.

— Ты прав, это не Ухуру.

— И вы... не отец!

Игнат Ромашин усмехнулся, из воротника его серо-голубого уника вылезла на тонкой иголочке горошина рации.

— Взять его!

Со свистом в стенах помещения образовались проемы, из которых выскочили люди в «призраках». Один из них вскинул парализатор — Кузьма отметил это инстинктивно, не своим опытом, и за мгновение до выстрела активировал тайф. Тело свела судорога двойного ТФ-перехода, и он оказался в кабине метро с одной-единственной кнопкой. Набрать код было не на чем, панель стартового задатчика отсутствовала.

— Неплохая реакция, — донесся в проеме двери голос псевдо-Игната. — Выходи, теоретик. Это конечная станция. Отсюда тебе никуда не удастся сбежать, так что не мучай тайф, он не поможет. Бункер заблокирован. И не пытайся показывать чудеса рукопашного боя, которые ты демонстрировал Оскару Мехти. Мы тебя просто вырубим.

— Что вам нужно?

— Да ничего особенного, кое-какие сведения о работе службы безопасности в обмен на жизнь. Первое: как продвигается работа по созданию «паньтао»?

— Никак, — хмуро огрызнулся Кузьма, лихорадочно соображая, что делать; рацию он давно включил, но никто ему не отвечал. — Откуда вы знаете, над чем я работаю?

— Слухом земля полнится, — улыбнулся псевдоотец. — Не слышу ответа.

— И не услышишь!

— Ошибаешься, мой дорогой, услышу, но тебе будет уже все равно. Устраивает тебя перспектива стать зомбированным идиотом? Итак, попробуем спросить еще раз: что вы задумали, посылая экспедицию в Змееносец?

— Куда? — удивился Кузьма. — Какую экспедицию?

— Верю, ты мог и не знать этого. Третий вопрос: что такое «солнечный крот»?

— А это что за зверь? — снова удивился Кузьма, на сей раз совершенно искренне.

— И этого не знаешь? Вай, вай, придется проверить, уж слишком неестественно ты делаешь круглые глаза. Алан!

Один из «призраков» за спиной двойника отца вышел вперед, и Кузьма прыгнул ему навстречу, не дожидаясь выстрела в упор.

Он дрался как тигр, попавший в засаду. Приемы боя в тесном помещении с превосходящими силами противника выполнялись как бы сами собой, на уровне рефлексов, без участия сознания. Кузьма не контролировал блоки, уклоны, удары и прыжки, и тем не менее контролировал ситуацию! Знание боевых искусств, разбуженных в подсознании Керри Йосом, руководило телом и сознанием так, будто он всю жизнь занимался рукопашным боем, и Кузьме оставалось только исполнять приказы инстинктивной психики, не пытаясь оценить, проанализировать и осознать то, что он делает.

«Призрака» он видел плохо и поэтому драться с ним не стал: отобрал парализатор и выстрелил в туманно-бликующую фигуру, похожую на бегущую по воде рябь. С трудом ушел от выстрела второго «призрака», хотя разряд все же задел его «боковым лепестком» и замедлил реакцию. Затем Ромашин разрядил парализатор в противника и, не успев защититься, отлетел назад, к стене бункера, от удара псевдоотца. Тот отлично видел обстановку и профессионально разбился в рукопашной схватке, зная, что нужно сделать, чтобы не позволить Ромашину победить.

— Мне говорили, что ты хороший боец, — сказал он снисходительно, — однако ты даже лучше, чем я думал. Что ж, давай потягаемся.

— Маскуними, — хрипло выговорил Кузьма, приходя в себя.

— Зачем? — философски заметил двойник отца. — Разве это тебе поможет?

— Буду знать, за упокой чьей души ставить свечку в храме.

— Пожалуйста. — «Игнат Ромашин» сделал движение пальцами и превратился в смуглолицего и черноволосого мужчину с бородкой и усами, кольцом охватывающими рот.

— ЮЮ! — пробормотал Кузьма.

Глаза человека метнули молнию, он зловеще улыбнулся.

— Узнал, теоретик.

— Еще бы, — усмехнулся Кузьма. — Такой колоритный был офицер полиции.

Рука смуглолицего метнулась к поясу, хватаясь за рукоять «универсала», но Кузьма уже был готов к этому и туго *выплеснул* себя вперед, навстречу противнику, потерявшему несколько мгновений на доставание оружия.

Пистолет он выбил, но и сам получил мгновенный ответ, отозвавшийся в голове всплеском боли. Затем начался танец мастеров боя, внешне ничем не примечательный, — казалось, они просто стоят друг против друга, покачиваясь, — но полный внутреннего напряжения, драматизма и *движения*.

ЮЮ ударил.

Кузьма уклонился.

Еще один удар — проверка на концентрацию внимания и вслед блестящая серия колено-локоть-грудь-голова. Кузьма едва среагировал на малозаметный поворот тела противника, но тут же ответил в стиле русбоя — гибким нырком под руку, перекатом и ударом ногой назад и вверх. На Земле такой удар наверняка вывел бы противника из строя, здесь же, в условиях пониженной силы тяжести, сила удара не имела значения. только скорость движений играла роль, и смуглолицый ЮЮ почти не пострадал.

Он отлетел назад, не удержался на ногах, но группировался он великолепно и темпа не потерял, переходя в атаку и не давая противнику ни секунды передышки.

Зашевелились приходящие в себя «призраки». Их костюмы отразили большую часть излучения парализатора, поэтому сознание они потеряли ненадолго. Кузьма понял, что начинает увязать в бесперспективном поединке, ситуация меня-

лась на глазах, надо было что-то предпринимать, подбирать «универсал» у дальней стены и начинать стрельбу. Или бегать.

Кузьма примерился сделать бросок вперед, чтобы успеть схватить «универсал» раньше ЮЮ, и в это время сработало метро.

Дверь кабины с шелестом закрылась, через мгновение открылась, и в помещение вбежали три «привидения» — бесплотные тени неуловимых глазу очертаний.

Спецкостюмы «хамелеон», отозвалась память Кузьмы, опираясь на опыт предков. Вторая его мысль была: каюк! С шестью ему не справиться!

Но это оказались свои, а не коллеги ЮЮ, и тот вычислил это мгновенно. Метнулся к стене бункера, скрылся в нише, тотчас же закрывшейся каменной плитой.

— Догнать! — раздался знакомый голос. Кузьму схватили за локоть. — Жив, слава богу!

Одно из «привидений» превратилось в человека в блестящем комбинезоне, откинулось забрало шлема, и на Кузьму глянули светящиеся желтизной тигриные глаза Хаджи-Курбана.

— Черт бы тебя побрал, Ромашин! Ты когда перестанешь самовольничать? А если бы Карлос не запомнил код метро?

— Какой Карлос? — расслабился Кузьма, чувствуя гудение мышц тела и пульсацию крови в голове.

— Это я, — слышался еще один знакомый голос, и второе «привидение» превратилось в кобру Монтероса. — Простите, сеньор, я не должен был выпускать вас из поля зрения, не предупредив полковника. Боюсь, моя инициатива выйдет мне боком.

— Потом разберемся, — сказал Хасид.

Кабина метро выбросила еще две «порции» спецназа службы безопасности, «привидения» сковали наручниками «призраков», даже не пытавшихся сопротивляться, разбрелись по бункеру, обнаружили скрытые выходы, начали операцию зачистки объекта. Однако сбежавшего руководителя сэкьюрити Правительства догнать не смогли.

— Где мы? — спросил Кузьма.

— На Ганимеде. Скорее всего это еще одна замаскиро-

ванная база агентов Дьявола. Не узнал, кто пытался тебя похитить?

— Отец, — скривил губы Кузьма.

— Кто?!

— ЮЮ на самом деле. Но использовал он динго отца, я не сразу разобрался.

— Юзефович?! — Хасид выпятил губы трубочкой, словно хотел свистнуть, покачал головой.

— Упорный парень. Пора ограничить ему свободу. Ну что, поехали домой?

— В Ригу. Катя поухаживает за мной, а ее дед даст поработать на своей персоналке. Я, кажется, знаю, где искать клад.

Хасид понял.

— Ты имеешь в виду «паньтао»? Нашел решение?

— Еще нет, но вижу, где надо искать.

— Так вот почему они торопятся, даже не просчитали всех вариантов операции, не подстраховались, не заблокировали вход в метро.

— Они все знают. Ну, или почти все. Во всяком случае, ЮЮ интересовался экспедицией в Змееносец, моими исследованиями и «солнечным кротом».

Хасид сжал губы в узкую полоску.

— Ты понимаешь, о чем это говорит?

— Еще бы. В нашем лагере завелся предатель. Или глубоко законспирированный агент Дьявола.

— Кто?

— Тут я вам не помощник, ищите сами. Но одно ясно, что он один из руководителей службы безопасности. В крайнем случае, человек, имеющий неограниченный доступ к секретным файлам вашей сети.

Хасид задумался, потом встрепенулся и повел Кузьму под руку к кабине метро, в которой уже копались безопасники.

— Ума не приложу, кто это может быть... Как говорится: не было бы счастья... Орлы, мы уже можем стартовать?

— Хитрая инконики, — отозвался один из специалистов, — сразу на козе не подъедешь. Подождите пару минут, мы ее скоро разблокируем.

Через четверть часа Хасид и Кузьма были в Риге.

Глава 15

ПОПЫТКА НЕ ПЫТКА

Он закончил расчеты «паньтао» с учетом всех теоретических нюансов поздно ночью, в доме Лапарры. Катя поила его морсом, тоником, кофе, делала массаж шеи. Ее дед то исчезал, то появлялся, посматривая на виом — Кузьма работал на его инк-комплексе, — но не вмешивался. Режим «одина-один» Кузьма включал дважды, продираясь сквозь математические дебри новой теории, пока наконец не вырастил «дерево решений», красивое, легкое, эстетически безупречное, уходящее корнями в прошлое, а ветвями — в будущее.

Полюбовавшись «деревом», чувствуя затихающий гул крови в голове, Кузьма внезапно потерял сознание — работал он все-таки на пределе сил, и очнулся уже в кровати, в спальне Кати. Слабо улыбнулся, увидев сердитую Екатерину с пневмошприцем и Лапарру в дверях, державшего поднос с какими-то склянками и сосудами.

— Как я здесь оказался?

Лапарра молча скрылся за дверью. Катя фыркнула:

— Неужели думаешь, сам дополз? Дед тебя принес. Хотел вызвать «скорую», но Хасид сказал, что придет врач из их бригады.

— Он мне не нужен. — Кузьма привстал на локтях и обнаружил, что под покрывалом он совсем голый. — Раздевал меня тоже дед?

— Я помогала. А что?

— Ничего. — Кузьма порозовел. — Надо бы маме позвонить... и бабуле... а то обидятся.

— Не обидятся, я уже позвонила. Они все прекрасно понимают.

— Ты и о моем отключении сообщила?

— Нет, конечно. Зачем волновать... будущую свекровь. — Последние слова Катя произнесла с сарказмом.

— Но ведь ты не против? — забеспокоился Кузьма.

— Сначала надо было меня предупредить, а то получилось, как в мелодраме. Я привыкла решать сама.

— Значит, ты против?

— Посмотрю на твое поведение. — Девушка вышла с неприступным видом.

Кузьма нахмурился, потом улыбнулся, вспоминая объятия Кати и ее ласки, представил, как она раздевается, и в это время в спальню вошел Хасид.

— Чего разулыбался, победитель «зеркал»?

— Потому что мне хорошо.

— Не было бы хорошо, коли б не стало плохо. Врач сейчас будет. А твои записи я уже передал кому следует, пусть изучают. Между прочим, тебя ожидает сюрприз.

— Какой?

— Скоро узнаешь.

Вернулась Катя и привела молодую женщину в бело-голубом унике с эмблемой УАСС — врача безопасников. Женщину звали Долорес, она быстро и ловко опутала торс Кузьмы датчиками, поколдовала у вириала медицинского комбайна, который принес витс сопровождения. Обследование длилось всего две минуты. Затем Долорес быстро собрала спецаппаратуру, свернула комбайн в обыкновенный дипломат, и витс унес его, чтобы вернуться и принести две вещи: ампулку серебристого цвета и некий прибор с двумя ручками, выпуклым фасетчатым глазом и экранчиком.

— Глотайте, — сказала Долорес, протягивая Кузьме ампулку.

— Что это? — с опаской глянул на врача Ромашин. — Тонизирующее?

— Слабительное, — пошутил Хасид.

— Адаптоген. — Врач включила прибор и направила фасетчатый глаз на грудь Кузьмы. — Нейтрализует шлаки. Лежите спокойно.

Кузьма повиновался, чувствуя проникающее в тело тепло. Сердце заработало ровней. Захотелось двигаться, говорить и даже петь, но он сдержался.

— Все. — Долорес выключила прибор, протянула витсу. — Полежите еще полчаса и можете травить себя снова.

— Не буду, — пробормотал Кузьма.

Врач вышла, за ней Катя, но тут же дверь открылась вновь и в спальню вошли Юэмей Синь и Герман.

— Вот и сюрприз, — усмехнулся Хасид.

— Наконец-то мы тебя нашли, — бодрым голосом сказал ксенопсихолог. — Что же ты себя не любишь до такой степени, что врача приходится вызывать?

Кузьма отметил словечко «мы» в речи друга, с любопыт-

ством посмотрел на его необычно оживленное лицо, перевел взгляд на лицо китаянки и сделал открытие, сначала показавшееся ему забавным: обоих связывало нечто общее, какое-то поле взаимопонимания и взаимозависимости. Кузьма хотел было пошутить — мол, не родственники ли они? — но вовремя прикусил язык. Его связывало с Катей точно такое же в з а и м о п о н и м а н и е.

— Все в порядке, — ответил за него Хасид. — Сильное переутомление. Скоро будет бегать.

— Спасибо за работу, сяньшэн, — сказала Юэмей Синь своим нежным голоском со стальными интонациями. — Мы уже начали разработку нового «паньтао». Выздоровливайте, вы нам понадобится в скором времени.

— Я уже готов, — сказал Кузьма, приподнимая покрывало, и вовремя вспомнил, что лежит раздетый.

— Не спешите. — Юэмей погрозила ему пальчиком. — Если испытания «паньтао» пройдут успешно, а я не сомневаюсь в этом, то мы пошлем в Солнце специальный аппарат — «солнечный крот», чтобы найти «огнетушитель дьявола» и уничтожить. Пойдете членом экипажа?

В комнате установилась хрупкая тишина. Глаза Кати стали круглыми и большими. Хасид тоже выглядел удивленным. Лишь Герман остался спокойным с виду.

— Я тоже иду, — сказал он. — Но ты решай, конечно. Никто заставлять тебя не собирается.

— Вы не шутите? — тихо проговорила Катя. — Разве можно пройти сквозь Солнце?!

— Мы попытаемся, — с мягкой улыбкой сказала Юэмей Синь. — Начальник экспедиции еще не назначен, но экипаж предположительно будет состоять из четырнадцати-пятнадцати человек.

— Если пойдет Кузьма, пойду и я! — заявил Хасид.

— А кто еще идет? — спросил Кузьма.

— Инженеры-операторы по обслуживанию систем «крота», ученые, кое-кто из профессионалов Управления.

— И я, — появился в спальне Ян Лапарра.

— Согласен, — сказал Кузьма.

И по комнате прошла волна движения, гости с облегчением вздохнули, будто от решения Ромашина зависела судьба всех.

— А я? — жалобно проговорила Екатерина. — Может

быть, и меня возьмете? Разве не нужен для такого важного дела аналитик, представитель СЭКОНа? Кто будет соблюдать квалитет ответственности?

Тишина, затем общий смех. Лишь Катя осталась серьезной.

— Я не шучу! Дед, если ты не возьмешь меня с собой...

— Мы подумаем, — пообещала Юэмей Синь. — Работа по подбору экипажа только началась. Возможно, участие аналитиков СЭКОНа будет действительно необходимо. — Она повернулась к лежащему Кузьме: — Поправляйтесь, сяньшэн, до встречи на борту «Мощного».

Китайка пошла к двери.

Герман торопливо обнял Кузьму, шепнул на ухо:

— Я сделал ей предложение...

— Я понял, — так же тихо ответил Кузьма. — Это заметно. Она согласилась?

— Еще нет, но у нас уже...

— Рад за тебя. Желаю удачи.

— Взаимно.

Герман вышел вслед за руководительницей контрразведки. За ним Лапарра, потом, помедлив, Хасид. Катя осталась.

— Вы сумасшедшие, — сказала она уже не сердито, а задумчиво. — Это же надо придумать — пробуравить Солнце!

— Просто у нас нет иного выхода, — пожал плечами Кузьма. — Но ты же слышала, Юэмей пообещала похлопотать за тебя. Хотя я лично этого не одобряю.

— Хорошо хоть не запрещаешь.

Кузьма сделал вид, что ему плохо: закрыл глаза, положил руку на грудь, застонал.

— Что с тобой? — встревожилась Катя, подходя к кровати. — Сердце?

— Сердце... — прошептал он. — И ниже...

Он вдруг схватил ее и повалил на кровать, начал целовать, снимать с нее уник. Катя ахнула, напряглась, пытаясь вырваться, потом замерла и ответила на поцелуй...

* * *

Очередной вариант «паньтао» создавали в таком темпе и с таким режимом секретности, что окончание разработки оказалось неожиданным даже для руководства УАСС. В мате-

риале уничтожитель «зеркал» был готов ровно через пять дней после завершения Кузьмой цикла расчетов. Поскольку противостояние защитных систем человечества и агентуры Дьявола, не считавшегося с потерями, достигло апогея, каждый отвоеванный у времени день увеличивал шансы людей на победу, и Дьявол делал все, чтобы этому помешать.

Предположение о том, что в руководстве УАСС завелся агент противника, Хасид высказал только Реброву, однако об этом стало известно и Юэмей Синь, и Филиппу Ромаши-ну, которые и позаботились о секретности создания «большого паньтао», отбивая нападки министра безопасности и председателя СЭКОНа. Было очевидно, что эти люди работают на резидента Дьявола, если сами не являются таковыми, однако о «солнечном кроте» они знать были не должны. Существовал еще один источник утечки информации, который предстояло вычислить и нейтрализовать.

«Паньтао» был готов двадцать третьего апреля, его установили в носовом отсеке спейсера «Мощный» и отправили к «теннисному мячу дьявола», дрейфующему недалеко от Нептуна по воле гравитационных волн Солнечной системы. После взрыва внутри него «малого паньтао» он потерял всякий интерес к Тритону, в недрах которого ждал своего часа «Потрясатель Мироздания», самостоятельности не проявлял, и это обстоятельство было единственным положительным следствием эксперимента, позволившем аварийно-спасательной службе немного отдохнуть. Однако утром этого же дня стало известно о вторжении в Солнечную систему еще одного сферозеркального объекта, и, посоветовавшись, руководители спецслужб решили испытать новый вариант «паньтао» на нем.

Объект получил имя «мотобол дьявола» — из-за больших, чем у его брата — «футбольного мяча», — размеров: диаметр сферы достигал тридцати тысяч километров. Радары систем слежения поймали его над плоскостью эклиптики на расстоянии ста астрономических единиц от Солнца и повели дальше, целеустремленно направляясь к центру Системы. Были сделаны расчеты, и стало ясно, что «мотобол» должен обязательно пересечь орбиту Земли, а если скорость не изменится — мчался он со скоростью около двух тысяч километров в секунду, — то и столкнуться с Землей. Замысел хозяев «мяча» разгадать было нетрудно. Они не удовлетвори-

лись посылкой «огнетушителя дьявола» в недра Солнца, слишком мощной оказалась защитная система цивилизации, агентуре не удалось сильно ограничить ее деятельность, и тогда Дьявол решил перестраховаться и уничтожить сам оплот человечества — Землю.

О том, что «паньтао» испытуют на «мотоболе», Кузьма узнал от Хасида и упросил деда взять его на борт «Мощного». Все это время физик провел на базе СБ на Титане, где создавался «большой паньтао», и практически не виделся с Катей. И не только с ней, но и с отцом и дедом. Он заканчивал новый цикл расчетов, предваряющих теорию хроносингулярностей, а также участвовал в практической реализации своей идеи: создавал модели «паньтао» и прокручивал в виртуальной реальности инк-системы базы их воздействие на «зеркала». Пока что эти виртуальные эксперименты подтверждали его расчеты и выводы. Дело оставалось за малым: испытать установку на реальных объектах.

В шесть часов по среднесолнечному времени двадцать четвертого апреля «Мощный» стартовал с базы Ганимеда в открытое пространство «для несения патрульной службы и выявления «зеркал» на периферии Солнечной системы» — так звучал формуляр командира спейсера для тех, кто вознамерился бы проверить маршрутную карту и полетное задание. Стартовав, спейсер ушел на «струну» и вышел уже над плоскостью эклиптики, в которую под малым углом входил «мотобол дьявола» — жуткая зеркальная махина, почти равная по размерам таким планетам, как Уран и Нептун¹.

Земля еще не успела направить сюда свой исследовательский флот, и сопровождал «мотобол» только один корабль погранслужбы — «Лангхаар». Его командир не знал о намерениях испытателей и отреагировал на прибытие коллеги как на рядовое событие, хотя не преминул при этом спросить, что ему нужно.

— Обычный патрульный вояж, — ответил командир «Мощного».

Так как эксперимент был опасен, на борту спейсера находилось, кроме экипажа, всего шесть человек: директор УАСС, комиссар службы безопасности, Кузьма Ромашин, конст-

¹Экваториальные диаметры обеих планет почти равны и составляют около 50 000 км.

рукторы «паньтао» Гредас и Лю Тао и Хасид. Все они занимали места в кокон-рубке корабля, имевшей дополнительные контуры защиты, а не в зале визуального контроля, как обычно.

Кузьма, естественно, волновался, однако интеллектуальная и психологическая усталость притупили его чувства, и вел он себя почти так же сдержанно, как дед.

Кокон-рубка спейсера, самой современной из машин пространства, созданных людьми в последнее время, могла вместить двадцать человек, и для каждого создавалась своя органелла — ниша индивидуальной информационной аудиовидеообработки, создающая впечатление безраздельной власти над умным и мощным кораблем, над пространством и временем, над всеми объектами космоса. Когда включалось инк-сопровождение, у человека возникало удивительное ощущение парения в пустоте и владения колоссальными возможностями внезапно увеличившегося, наполненного энергией тела. И еще казалось, что он невидим и находится в космосе совершенно один.

Кузьма уже немного привык к подобным ощущениям, но и его окрылял «полет без опоры и веса тела», которым можно было управлять мысленным усилием.

«Мощный» догнал «Лангхаар», идущий в кильватере за «мотоболом дьявола» в пределах пяти тысяч километров. Хорхе Луис, командир спейсера, вызвал коллегу и передал ему пожелание директора УАСС подойти ближе для оценки опасности объекта. Командир «Лангхаара» немец Ульрих флегматично ответил отказом, имея задание от командора погранслужбы охранять объект и никого к нему не подпускать. Филипп Ромашин вынужден был выйти в эфир и лично засвидетельствовать Ульриху свое почтение, а также изменить приказ. Но и после этого командир «Лангхаара» не послушался директора и сообщил, что имеет предписание воспрепятствовать любому аппарату подойти к объекту ближе, чем на пять тысяч километров.

— Кто вам дал такое предписание? — осведомился Филипп и услышал ответ:

— Министр безопасности Артур Мехти.

В корабельном эфире, пронизанном каналами связи «спрута-2», стало тихо. Возразить Ульриху было нечего. Потом слышался голос Хорхе Луиса:

— Мы можем уничтожить предателя или повредить.

— Он не предатель, — сердито бросил директор УАСС, — просто выполняет приказ вышестоящего начальника. Придется идти к «мячу» шпугом. Нам надо подойти к нему практически вплотную.

— Может быть, рассчитать «струну»?

— Прوماхнемся.

— Риск есть, но минимальный. Мы уже ходили такими мелкими прыжками. Эта машина способна ювелирно просочиться сквозь игольное ушко.

Филипп помолчал.

— Сколько у нас времени на расчет и прыжок?

— Мой коллега вряд ли успеет доложить своему боссу о нашем своеволии. Все давно рассчитано.

— Тогда поехали.

— Внимание! Приготовились! Уходим на нештатную «струну»!

Короткая темнота, сердце сжала чья-то беспощадная рука, свет в глазах померк и появился снова.

Кузьма увидел впереди себя зеркальную стену и понял, что спейсер вышел из «струны» буквально в сотне метров от мчавшегося к своей цели гигантского «мяча». К счастью, «мотобол» не использовал режим мигания, как его предшественники, иначе пристроиться к нему вплотную было бы очень трудно.

— Запускаю зонды!

Спейсер выплюнул очередь шаровидных капсул — зонды с аппаратурой, которая должна была записать весь процесс битвы «паньтао» с «мотоболом».

— Пошел объект «П».

Носовой отсек «Мощного» раскрылся и освободил «паньтао». Для Кузьмы и остальных пассажиров это выглядело так, будто перед ними внезапно выскочил ниоткуда двадцатиметровый эллипсоид аппарата и начал удаляться, уходить к зеркальной стене, загородившей большую часть поля обзора. Приблизившись к поверхности «мотобола», отражавшей свет звезд и казавшейся пленкой ртути, подрагивающей от каких-то внутренних напряжений, «паньтао» затормозил и остановился в трех метрах от нее. Передняя часть аппарата встопорщилась чешуйками, эти чешуйки съехали воротни-

ком к середине корпуса, открывая пакет черных стержней диаметром с туловище человека каждый.

Было странно видеть впереди зеркальную «металлическую» равнину, которая не имела массы и *не притягивала* к себе предметы и космические объекты. По сути «мячи дьявола» представляли собой мыльные пузыри, пустые шары, и даже не шары — не материальные объекты, а свернутые объемы хронополей, подчинявшиеся иным физическим законам, законам зеркального мира.

— Включаю инициацию!

Стержни засветились бледным, призрачным, «лунным» светом, стали стеклянными на вид, начали удлиняться, пока не достигли зеркальной поверхности «мотоболла».

Внезапно в эфире прорезался голос командира «Лангхаара»:

— «Сотый», «сотый», я «тридцать первый», остановитесь! Немедленно покиньте опасную зону! Предупреждаю: если не подчинитесь, буду вынужден открыть огонь на поражение! Даю минуту!

— «Тридцать первый», я «сотый», — ответил Хорхе Луис обыденным тоном. — Вы мешаете проведению важной операции. Если откроете огонь, я вас уничтожу! Отойдите от объекта на двадцать мегаметров.

Молчание в эфире, чьи-то далекие невнятные голоса, серии тихих тресков, свисты, звоночки: Солнечная система «под» кораблями жила своей жизнью и не ждала каверз от пришельца. Да и конфликты между представителями спецслужб ее не волновали.

Между тем «паньтао» продолжал разворачиваться.

Раскрылись боковые антенны, похожие на крылья бабочки, над ними из корпуса вытянулись пучки ало светящихся игл, образовали еще один «воротник» у основания стержней.

— Готовность к прыжку по умолчанию! Пошел импульс!

Стержни, соединявшие зонд с поверхностью «сферозеркала», превратились в облачка искр, алые иглы вспыхнули ярче, и тотчас же бесшумная судорога передернула металлическую равнину. Она превратилась в стремительно увеличивающуюся воронку, в черный провал, в глубинах которого за клубилась самая настоящая снежная метель!

— «Тридцать первый», уходите! — рявкнул Хорхе Луис. — Объект сейчас взорвется!

Спейсер задрожал: изменение метрики пространства в районе «мотобол» отразилось и на нем. Людям внутри показалось, что воздух вокруг них загустел. Стало трудно дышать.

А «мотобол» продолжал изменяться все быстрее. Он превратился в колоссальный кратер с выворачивающимися наружу краями, захватил эллипсоид «паньтао», бросил в бездну проваливающегося в будущее пространства.

«Мощный» дернулся вперед — гигантские силы, разбуженные импульсом «паньтао», захватили спейсер и повлекли в дыру хроносингулярности.

— Старт! — послышался сквозь хриплый рев взбесившегося эфира голос Хорхе Луиса, и все прекратилось как по волшебству.

Спейсер прыгнул в «струну» ТФ-режима и вышел из нее уже в двадцати пяти тысячах километров от «сферозеркала». Прыжок длился всего пару мгновений, еще несколько секунд понадобилось адаптивной автоматике корабля на включение систем обзора, но и этого времени оказалось достаточно, чтобы процесс трансформации «мотобол» завершился. Хотя и не до конца, как ожидали люди. На том месте, где только что происходил «провал» сферы в саму себя, обнаружился странный объект, напоминавший искаженные, зеркально бликующие песочные часы поперечником в сотню километров. Тридцатитысячекилометровый шар «мотобол» исчез.

— Вижу осколок объекта, — доложил Хорхе Луис. — Большая часть, судя по всему, уничтожена.

— Он должен был сжаться в точку весь, — хмыкнул Ребров. — В чем дело, господа конструкторы?

— Прокрутим записи — выясним, — отозвался Гредас.

— Возможно, мощность импульса оказалась недостаточной, — добавил Лю Тао.

Стало тихо — если не считать возбужденных голосов где-то на грани слуха: аппаратура спейсера отсеивала фоновые шумы.

Кузьма понял, что все ждут его объяснений.

— Нужно изменить форму импульса, — сказал он твердо. — Асимметричный импульс создает векторную зону деформации мерности пространства. Необходимо сфериче-

ское топологическое преобразование. Расчет не займет много времени.

— Вы уверены, Ромашин?

— Уверен, — угрюмо ответил Кузьма.

— Уже одно хорошо, — философски заметил командир спейсера. — Остаток «мотоболо» не столь опасен, как сам «мячик». Мы его добьем подручными средствами.

Филипп Ромашин промолчал.

Кузьма представил, какие чувства обуревают сейчас директора Управления, и ему захотелось утешить деда, успокоить, обнадеежить. Но при всех это делать не стоило. Директор УАСС этого бы не понял.

— Черт вас возьми! — раздался в ушах всех экспериментаторов возмущенный голос командира «Лангхаара». — Что происходит?! Где объект? Что за шутки? Я буду вынужден доложить...

Ответом ему был ехидный смешок кого-то из членов экипажа спейсера «Мощный».

* * *

Скандал, разгоревшийся по инициативе министра безопасности Артура Мехти, обвинившего директора УАСС и комиссара службы безопасности в «превышении полномочий и преступном сговоре, едва не повлекшем катастрофические последствия», потушил премьер Правительства, эксперты которого признали действия безопасников по уничтожению «сферозеркала» правомочными. Хотя было вынесено и порицание главным действующим лицам — за несоблюдение качества ответственности и несогласование эксперимента с комиссиями СЭКОНа.

Тем не менее решение премьера ограничиться «выговором» в отношении руководства УАСС позволило спецслужбам продолжить работу в нужном направлении. Филипп Ромашин выступил на заседании Совета безопасности Земли с докладом о предпринятых мерах по ликвидации «зеркал» — в том числе сферических — и сообщил о разработке проекта «солнечного крота» для «бурения» светила и уничтожения застрявшего в нем «огнетушителя дьявола».

Артур Мехти выступил с резкими возражениями, заявив, что деятельность УАСС в последнее время явно «направлена

на ухудшение экономической обстановки в Солнечной системе, что влечет снижение уровня жизни на всех планетах Федерации, а также на создание волны паники, чреватой сменой кабинета». Однако его никто не поддержал, кроме главы СЭКОНа, и все единодушно проголосовали за предоставление службе безопасности особых полномочий в деле борьбы с Дьяволом. Правда, главу УАСС попросили привести доказательства деятельности в Системе агентства Дьявола, хозяина «мячей», и Филипп вынужден был пообещать в скором времени предоставить эти доказательства. А так как он знал о наличии разведчика в Управлении, то, посоветовавшись с Юэмей Синь, решил подготовить два альтернативных проекта, один из которых можно было бы сохранить в абсолютной тайне.

Через день после исторического заседания Совета безопасности началась операция «Погружение», рассчитанная аналитиками СБ по императиву «двойной удар».

«Солнечный крот», о котором вспомнил Ян Лапарра, действительно существовал, причем — в натуре, хотя до экспериментов на Солнце дело у физиков Института Солнца не дошло. Когда они узнали, что их детищу нашлось применение, восторгам ученых не было границ, хотя на головы им и вылили ушат холодной воды в форме всевозможных оговорок, главной из которых оказалось условие «не брать с собой в экспедицию обузу — академиков и универсалистов». Безусловно, специалист в области физики Солнца на борту «крота» должен был присутствовать, однако непременно молодой, физически здоровый и бесстрашный. Этого представителя Института предлагалось выбрать на конкурсной основе.

После довольно успешных испытаний «большого паньтао» на «мотоболе» Кузьме доверили усовершенствовать установку, что он и сделал в течение ночи, рассчитав не один, а целых пять вариантов уничтожителя «зеркал». Новый «паньтао» изготовили еще быстрее, чем предыдущий, испытывали на шатающемся по Солнечной системе «теннисном мяче», превратив его в ничто, в элементарную частицу, и Кузьма впервые с момента появления «сферозеркал» почувствовал себя счастливым. И свободным. Он свое дело сделал, сделал неплохо, теперь можно было отдохнуть, расслабиться, заняться личными делами и не бояться при этом динго-двойников, пытавшихся его закодировать или убить.

Однако в таком радостном расположении духа Кузьма находился ровно полчаса с момента уничтожения «теннисного мяча». Внезапно его вызвали прямо из зала визинга спейсера «Мощный», где он наблюдал за испытаниями «паньтао», в одну из кают корабля, в которой его ожидали двое: директор Управления и руководительница контрразведки. В зале визинга оба во время испытаний замечены не были.

— Здравствуйте, сяншэн, — приветствовала молодого человека Юэмей Синь. — Поздравляю с окончательной победой. Я верила в вас.

Филипп молча обнял внука, кивнул на выращенное специально для него кресло.

— У нас несколько вопросов к вам и одно предложение, — продолжала китаянка. — Можно ли перестроить «Потрясатель Мироздания» таким образом, чтобы он уничтожал «сферозеркала» дистанционно, на любом расстоянии? Его мощности хватит?

— Дело не в мощности, — осторожно сказал Кузьма. — В таком виде, в каком он находится сейчас, «Потрясатель» использовать нельзя, вот дед... э-э, директор, может подтвердить. Может произойти фазовый сдвиг вакуума...

— Я читала выводы комиссии.

Кузьма прикусил губу, посмотрел на Филиппа.

— Даже если перенастроить «Потрясатель» согласно расчету, риск все равно останется. При включении ТФ-эмиттера содрогнется сразу вся торсионная матрица Вселенной. Возможно, вакуум устоит, сохранит основные характеристики — базу нашего «правого» физического мира, а возможно, и нет. Ни я, ни теория гарантий дать не можем.

— Печальный вывод.

— Ничем помочь не могу. К тому же «сферозеркала» появляются в единичных экземплярах, их легко выявлять и уничтожать поодиночке.

— А если их количество резко возрастет? Справимся мы сразу с тысячей «огнетушителей», запущенных в Солнце? Или с миллионом?

Кузьма смешался, пытаясь найти ответ.

— Не напрягайся, — посоветовал старший Ромашин. — Это чисто теоретические предположения. Не думаю, что наш анонимный противник начнет бомбардировать Систему «мячами». Но вот оружие против него мы иметь обязаны.

Посчитаешь, что мы должны сделать с «Потрясателем», чтобы он стал гарантом нашей безопасности?

— Проще пойти другим путем, — успокоился Кузьма.

— Каким?

— Ясно, что Дьявол, как и Наблюдатель, сидит в «левом», или зеркальном, мире, пронизывающем наш. Можно будет закинуть туда «Потрясатель» или даже «паньтао», превратив его в зеркального двойника, и пригрозить привести его в действие, если Дьявол не прекратит попытки гашения Солнца.

Филипп и Юэмей Синь обменялись красноречивыми взглядами. Контрразведчица улыбнулась.

— Об этом мы не подумали. Возможно, это и в самом деле кардинальное решение проблемы. А откуда вы знаете, сяншэн, что Дьявол и Наблюдатель сидят в зеркальном мире?

Кузьма сообразил, что проговорился. О своей встрече с представителем Наблюдателя он не рассказывал никому, кроме Кати.

Филипп усмехнулся, заметив его растерянность.

— Колись, внук. У тебя был гость?

Кузьма поднял голову.

— С чего ты взял?

— Керри Йос имел дело с агентами Наблюдателя и, рассказав об этом, передал эстафету мне. Порученец Наблюдателя сначала заявился ко мне, и я направил его к тебе.

Глаза Кузьмы выдали его состояние, и собеседники засмеялись.

— Надо было рассказать все директору, — сказала Юэмей. — Мы бы смогли оценить степень опасности новых контактов с Дьяволом. Еще один вопрос, если не возражаете. Вы сможете вместе с другими нашими экспертами проверить готовность «солнечного крота» к эксплуатации?

— В каком смысле? — не понял Кузьма. — Я же не специалист в технике...

— Ваша задача — прикинуть возможность установки внутри «крота» кабины метро. Плюс оценка существующей ТФ-защиты.

— Тогда согласен.

— Отправляйся в Институт Солнца с Хаджи-Курбаном, — добавил Филипп. — Другие наши эксперты уже там. Координаты метро института Хасид знает.

Кузьма в нерешительности потоптался на месте.

— Что еще? — поинтересовался директор УАСС.

— Можно я загляну в Ригу, буквально на часок?

Юэмей, прищурясь, посмотрела на Филиппа, тот помолчал немного, что-то прикидывая в уме, потом кивнул:

— Я буду в институте в двадцать один по средне-солнечному. Встретимся там. У тебя на все твои эмоции пять часов. Хватит?

Кузьма поймал насмешливо-сочувствующий взгляд китаянки, но не обиделся, поклонился и быстро вышел из каюты, опасаясь, как бы дед не передумал.

* * *

«Солнечный крот» порастил воображение не размерами, хотя и они впечатляли: диаметр линзы аппарата достигал ста двадцати метров, толщина равнялась двадцати метрам, — а продуманностью решений. Такие аппараты назывались моноконсолидациями и состояли из замкнутых кокон-блоков, способных заменять друг друга в случае повреждения или функциональной необходимости.

Всего «крот» имел девять отсеков, komponующихся вокруг центрального кокона управления и образующих двояковыпуклую линзу. Каждый отсек имел собственную защиту, а все они были вложены в многослойный корпус из экзотического нейтрида — особого рода сверхплотного материала, состоящего из нейтронов и практически не проводящего тепло. Кроме этого, корпус «крота» защищался слоем анизотропного вакуума, магнитоплазменной завесой, антигравитационным полем и криогенными генераторами, создающими «соты» с температурой близкой к абсолютному нулю.

Сердцем «крота», несомненно, являлся нейтритализатор полей инерции и гравитации, от которого напрямую зависела жизнь экипажа. Ускорение свободного падения на поверхности Солнца в двадцать восемь раз превышало земное, и ни один человек, естественно, выдержать такой гравитационный пресс не мог.

Кроме нейтритализатора «крот» был снабжен антигравитационным двигателем, аннигиляционным буром, кварковым реактором типа «кессон-универсал», рассчитанным на полную энергоотдачу в течение двух лет, и имел запас МК-бата-

рей, которых хватило бы на уничтожение такой планеты, как Меркурий.

Условия жизни в жилом отсеке «крота», в общем, тоже вполне удовлетворяли экспертов, но вот кокон управления подвергся их довольно резкой критике, и вполне справедливо, по мнению Кузьмы, который быстро решил возложенные на него задачи и с интересом бродил вслед за дедом по внутренним помещениям гиганта. Рубку конструировали несколько лет назад, техническая мысль человечества успела уйти за это время далеко вперед, и теперь надо было подгонять параметры центра управления под новые идеи и открытия. Но не это обстоятельство оказалось главным недостатком аппарата. Он не был рассчитан на погружение в недра Солнца, давление в ядре которого достигало десяти миллиардов атмосфер, плотность плазмы в пятнадцать раз была больше плотности железа (или в сто раз — плотности воды), а температура приближалась к двадцати миллионам градусов.

То есть, по расчетам конструкторов, он должен был выдержать такие условия, но теоретически. Практически же никто никогда эти расчеты не проверял. «Крот» был первым и единственным аппаратом для путешествий в глубины фотосферы земного светила с температурой всего в пять с половиной тысяч градусов, толщина которой не превышала трехсот километров.

— Твое мнение? — спросил Кузьму Филипп, когда они выбрались из недр аппарата на божий свет: сначала под купол хорошо освещенного ангара, а потом и во двор Института Солнца, расположенного в Калининграде. Здесь уже вечерело, и территорией института завладели сумерки.

— Нет слов! — рассеянно ответил физик. — Я готов влиться в команду хоть сейчас.

— И никаких сомнений?

— ТФ-защита вполне соответствует назначению «крота», хотя можно поставить дополнительный контур. Кабину метро тоже можно разместить, причем прямо в жилом отсеке, вместо одной из кают.

— А нельзя оборудовать машину собственным генератором «струны»? Чтобы она в случае опасности могла выброситься из Солнца в ТФ-режиме?

Кузьма скептически покачал головой.

— Придется переделывать всю конструкцию, менять компоновку, реактор, защиту...

— Понял, вопрос снимаю. Легче сделать новый аппарат. Эксперты сошлись во мнении, что «крот» требует дополнительной защиты от давления.

— Тут я — пас, расчет внутренних напряжений и методов защиты от давлений не моя епархия. Могу только посоветовать, как переориентировать ТФ-экраны, чтобы они держали оптимальную конфигурацию полей при любых ударах, встрясках и нагрузках.

— Сделай милость, проконсультируй наших парней. Как тебе понравился бур?

Кузьма равнодушно пожал плечами.

«Крот» имел аннигиляционный бур, выходное сопло которого кольцом охватывало линзу аппарата, что давало ему возможность маневрировать в широких пределах.

— Я думал, тебе понравилось это конструктивное решение. — Филипп искоса посмотрел на отрешенное лицо внука. — О чем задумался?

— О жизни, — слабо улыбнулся Кузьма, выходя из транса. — Вернее, о своем месте в жизни. Честно говоря, не хочется возвращаться в институт. Привык я уже к гонкам, опасности, к тревогам и страхам, к экстремальным ситуациям.

— Ну так не возвращайся. Могу похлопотать перед начальством о твоем переводе в технический сектор Управления.

— Я еще не решил...

— Передо мной тоже когда-то стоял подобный выбор. Уходить с работы, менять образ жизни надо сразу и бесповоротно, без колебаний. Тогда это называется управление судьбой.

— Не могу я так...

— Думай. Посоветуйся с друзьями, с мамой... с Катериной. И переходи к нам. Уверяю тебя, мы решаем не менее интересные проблемы, чем твой институт.

— Я подумаю.

— Вон как раз Гера идет, поговори для начала с ним. Он уже решился.

Кузьма оглянулся и увидел выходящего из здания во двор Института Солнца Германа в сопровождении Юэмей Синь. Пробормотал:

— Похоже, она к нему присосалась как пиявка...

— Не груби, — укоризненно покачал головой Филипп. — Ты же не знаешь, что их связывает. А если это любовь?

Кузьма хотел съязвить, но передумал.

— Что ты имел в виду насчет его решимости?

— Он ушел из своего ИВКа и теперь работает в контрразведке под началом Юэмей.

— Кем?

— Экспертом по контактам с негуманами. Очень перспективная работа. В самом ближайшем будущем мы планируем заняться установлением связей со всеми негуманоидными расами, которые знаем.

— Орилоух?

— Орилоух, Барнард, Дайсон, Маат, сто первая Щита... Как только справимся с Дьяволом, можешь присоединяться к программе.

Кузьма вспомнил встречу с агентом Наблюдателя.

— Дьявол — это в основном потомки негуманов...

— Я знаю. Поэтому и стоит начать мирные переговоры с их предками, чтобы в будущем исключить рождение таких агрессивных систем.

— Дед, а ЮЮ нашли? — вдруг спросил Кузьма.

Филипп остро заглянул ему в глаза.

— Зачем его искать? Он на рабочем месте, охраняет Правительство.

— Но он же террорист, агент Дьявола!..

— Это еще надо доказать.

— Он пытался захватить Лапарру, напал на меня... убил Керри! И вы после этого не можете ничего доказать?!

— Не спеши с выводами, мальчик. Мы работаем. Его возьмут, когда назреет необходимость. А что это ты им интересовался?

— Просто спросил.

— Смотри, не начни играть в крутых полицейских, голову сниму!

— Да я что... — пробурчал Кузьма, — я ничего...

— Добрый вечер, господа Ромашины, — вежливо поздоровалась главная контрразведчица, одетая в самое настоящее платье, а не в стандартный уник, как прежде. — Извините за опоздание. Вы уже осмотрели «подсолнечход»?

— Я убываю по делам, — сказал Филипп. — Кузьма покажет вам «крот» и поделится своими соображениями. — Он повернулся к внуку: — Завтра утром прошу ко мне.

Директор Управления кивнул всем и направился к зданию Института, похожему на глыбу зеркального стекла. Витс охраны, маячивший в отдалении, догнал патрона, и они скрылись за золотистым зеркальным листом двери.

— Подождите меня минутку. — Юэмей Синь отошла, разговаривая с кем-то по рации, тоже скрылась в здании.

— Нам надо поговорить, — торопливо сказал Герман с необычными извиняющимися нотками. — Я и Юэмей...

— Ты мне уже говорил, — улыбнулся Кузьма. — Не переживай, все нормально. Она красивая, умная, сильная женщина, а тебе как раз такая и нужна.

— Ты одобряешь? — обрадовался Герман.

— А если бы не одобрял, это что-нибудь изменило бы?

— Нет, но все же... Кроме того, я ушел из института, буду работать в контрразведке. Не хочешь присоединиться?

— Не знаю. Ходя давно советует менять стиль жизни, да и дед тоже, но я еще не решил.

Во дворе появился Хаджи-Курбан.

— Во, и Ходя тут, легок на помине!

Друзья обнялись.

— Давненько мы не встречались, мужики, — сказал Герман. — Вам не кажется это символичным, что мы встретились именно здесь, не сговариваясь?

— В чем символика? — полюбопытствовал Хасид.

— Это территория Института Солнца — и нас всех тоже ждет Солнце. Рискнем ради света? Взорвем этот чертов «огнетушитель»?

— Ты стал поэтом, спец по чужим психологиям. Вряд ли экспедиция к центру Солнца будет легкой и приятной прогулкой.

— Я все понимаю, ответственность жуткая, но ведь нас трое и мы вместе?

— Один за всех? — улыбнулся Хасид.

— Все за одного!

Вышедшая в этот момент из здания Юэмей Синь с интересом смотрела на друзей, сжимающих друг другу руки.

Несмотря на повреждения, вызванные взрывом заминированных коггов, мантоптерский корабль не выглядел покалеченным или разрушенным ни с далекого, ни с близкого расстояния, и Герман пояснил удивленному этим фактом Кузьме:

— Он рассчитан таким образом, что любое внешнее энергетическое воздействие только подпитывает силовой каркас. Но так как взрывы были очень мощными, скорее всего использовались аннигиляционные бомбы, то корпус космолета не смог переварить весь энергоимпульс в точке удара и потек. Если бы работала его собственная энергетика и компьютерное управление, разрушений вообще не было бы: энергию взрывов инк направил бы по касательной или использовал для разгона корабля.

Кузьма кивнул, разглядывая исполинское «полено» мантоптерского спейсера через видеосистему галиона. Решение побывать на чужом корабле созрело мгновенно, еще на территории Института Солнца, когда они решали, что делать и куда направиться, а поскольку Герман не был загружен до предела, то и согласился сыграть роль гида, тем более что хорошо успел изучить расположение внутренних помещений космолета. Юэмей Синь поняла желание мужчин побыть вместе и осуществлению задуманного не препятствовала. Таким образом Хасид, Герман и Кузьма оказались чуть ли не на всю ночь (по времени Управления) предоставленными сами себе и решили использовать случай для отдыха и обмена новостями, благо было чем поделиться во время экскурсии по гигантскому пришельцу.

Конечно, их сопровождал «эшелон» охраны СБ, однако друзья так привыкли к своему положению, что не замечали подстраховывающих их людей. Перед тем как отправиться в самостоятельный вояж, они выслушали инструктаж руководительницы контрразведки и нацепили на указательные пальцы перстни с опознавательной системой «свой-чужой». Эти перстни предназначались для декодирования видеодвойников и сразу начинали подавать сигналы предупреждения, если встреченный человек носил голографическую маску и был не тем, за кого себя выдавал. Секретов здесь никаких не было: перстни-опознаватели были у всех безопасников, кто имел отношение к проблеме Дьявола, и подгоня-

лись индивидуально для каждого. Красть их или передавать другому лицу не имело смысла.

Галион облетел двухкилометровое «полено» мантоптерского исполина с явно выраженным «древесным» рисунком, завис над брешью в его слегка вздутой корме, среди целой дюжины других земных аппаратов.

— Что они делают? — поинтересовался Кузьма.

— В основном это исследователи, — сказал Герман. — Копаются потихоньку в корпусе, разгадывают технологические секреты. Но есть и пограничники, и безопасники, и аналитики СЭКОНа. Ну что, налюбовались? Поехали внутрь, я вам покажу местные достопримечательности.

Галион плавно скользнул в брешь, окунулся в полную темноту, через секунду сменившуюся гаммой бордово-коричневого цвета: видеосистема аппарата переключилась на другой диапазон визуального наблюдения. Толщина корпуса в этом месте достигала чуть ли не двадцати метров. Миновав неровные края дыры, образованные серебристого цвета потеками, галион попал в овальной формы карман, который вывел его в ландшафтную зону корабля, освещенную несколькими плазмарами по оси цилиндра зоны. Вся полость от этого казалась заполненной туманом или голубоватой дымкой, скрывающей пейзаж.

— Как вам объемчик? — продолжал Герман. — Не любили наши приятели-богомолы экономить пространство.

— Минуту, — сказал вдруг Хасид, глядя куда-то назад; они сидели в кокон-рубке галиона, оборудованной сферическим виомом, и могли видеть все, что творилось вокруг.

— Ты чего? — оглянулся Герман.

— За нами ползет чей-то когг.

— Охрана небось.

— Берегись! — крикнул Хасид.

Пилот галиона отреагировал мгновенно, но не на предупреждение пассажира, прозвучавшее запоздало, а на сигнал тревоги инка. Когг, крадущийся следом за галионом, метнул в него клинок ослепительно голубого огня — стреляли из «мэrsa» — сверхвысококачастотного электроразрядника, — не попал, и галион успел увернуться. Когг ударил снова, на сей раз удачнее: разряд вонзился в корму машины и расплескал ее на расплавленные металлические капли, превратил в застывший кратер.

Галион закрутило штопором, третья молния наверняка развалила бы его на части, но в этот момент вмешался «эшелон» охраны. Откуда-то из туманной глубины ландшафтной зоны мантоптерского корабля протянулась к атакующему коггу трасса бледных огоньков, и он превратился в яркую вспышку жемчужного света. Не осталось даже мелких обломков! Безопасники, отвечавшие за жизнь подопечных, применили более мощное оружие — «глюк», именуемый в среде специалистов «раздирателем кварков».

Финала боя неизвестного террориста с охраной пассажиры галиона не увидели. Они были заняты собственным положением. За секунду до столкновения поврежденной машины со стеной грота пилот катапультировал кокон рубки, сработала система спасения, и четырехметровая полусфера кокона улетела к центру цилиндра ландшафтной зоны, откуда плавно спланировала на высохший мантоптерский лес, раздавив часть растений в пыль.

Рядом упал модуль патруля, из него вынеслись фигуры безопасников, подлетели к полусфере спасательной капсулы.

— Выходим, — будничным тоном произнес пилот, выбираясь из своего раскрывшегося, как бутон кувшинки, кресла. — Проверьте бизо.

Полусфера лопнула, в ней образовалась щель люка, с шипением выпустившая воздух кабины. Потерпевшие с некоторым трудом выкарабкались наружу: внутри мантоптерского «полена» царила невесомость. К тому же они сели на заросли кактусовидного леса с торчащими во все стороны колючками. Пробираться между деревьями было не особенно приятно.

— Интересно, как гуляли по этому лесу сами хозяева? — высказал общую мысль Кузьма, повиснув на антиграве над колючей чащобой.

— Живы?! — подлетел к ним взволнованный командир «эшелона». — Простите ради бога за опоздание! Но напавшая на вас машина ответила на запрос как «свой»!

— Выяснили, кому она принадлежала? — осведомился Хасид.

— Не успели, выясняем.

— Нам нужна другая машина.

— Отставить! — раздался в наушниках всех троих чей-то суровый голос.

Рядом повис еще один аппарат — сизо-серебристый «орлан» с эмблемой УАСС, из него появился мрачный Ребров, а за ним Юэмей Синь.

— Отставить все прогулки, — продолжал комиссар службы безопасности. — Тем более по режимным объектам. Война с Дьяволом не закончилась. Полковник Хаджи-Курбан, объявляю вам служебное замечание. Вы должны понимать, насколько рискованны такие эйфорические экскурсии.

— Виноват, — подтянулся Хасид.

— Прошу прощения, джентльмены, — проговорила Юэмей Синь шелковым голосом. — Я забираю у вас господина Алниса. — Она сделала приглашающий жест.

Герман сконфуженно посмотрел на друзей, развел руками и скрылся в кабине «орлана». Туда же забрались и начальница контрразведки с комиссаром. «Орлан» улетел.

— Отдохнули, — проворчал Кузьма, глядя ему вслед.

— Погуляли, — в тон другу отозвался Хасид.

Они обменялись понимающими усмешками.

— Придется поискать более спокойное место для отдыха, чем этот мантиптерский голиаф.

— На базе, что ли?

— Ну почему? Полетели в Ригу, Лапарра только рад будет, не говоря о его внучке.

— А потом туда заявится комиссар и сделает тебе еще один выговор за неоправданный риск.

— Дом Лапарры легче контролировать, да и не станут террористы атаковать нас в мегаполисе, рискуя быть обнаруженными и захваченными.

— Ну, меня уговаривать долго не надо, я согласен. Тайфы здесь работают?

— В корабле уже стоит метро, должны работать.

Кузьма поднялся чуть выше над серо-зелеными зарослями леса, огляделся.

— Да, кораблик ничего себе, есть где разгуляться и что посмотреть. Жаль уходить, не познакомившись с техникой мантиптеров. Идея была неплохая.

— Еще погуляем. — Хасид махнул рукой командиру обоемы охраны. — В Ригу, Олег.

— Понял. — Молодой человек дал какую-то команду, и безопасники, и пилот сбитого галиона один за другим исчезли. Улетел и когг дежурной смены.

— Давай первым, — кивнул Хасид.

— Внимание! — заговорила рация. — Сообщение Хаджи-Курбану и Кузьме Ромашину: немедленно прибыть в Управление к директору!

Друзья переглянулись.

— Что случилось? — поинтересовался Хасид.

— ЧП, — коротко доложил оператор связи «спрута-2». — Нападение на Институт Солнца.

Кузьма в изумлении посмотрел на Хасида.

— «Крот»?!

— Узнаем, — коротко ответил Хасид, нажимая пуск тайфа. За ним стартовал на Землю и Кузьма.

Глава 16

ДЕСАНТ В ТЕРМОЯДЕРНУЮ ГЛУБИНУ

Диверсанты просчитались. Охрана ангара с «солнечным кротом» была усилена, и команде агентов Дьявола, прибывшей ночью для уничтожения аппарата, пришлось спешно ретироваться, после того как их засекли еще на подходе. Они успели уничтожить витса охраны первой линии защиты территории Института, взорвать дверь ангара, и тут же были атакованы с трех сторон десантом службы безопасности. Три диверсанта погибли, двоим удалось бежать: они имели тайфы. Сопровождавший команду АИСТ¹ сражался до последнего, пока осерчавшие безопасники не полоснули по нему из «глюка». После этого разрезанный пополам АИСТ, похожий на трехметровую безголовую гориллу в доспехах, попытался самоликвидироваться, но не смог, не сработала система самоуничтожения. В результате безопасникам наконец удалось добыть первые свидетельства того, что против них работают зомбированные резидентом Дьявола сотрудники службы безопасности Правительства.

Ребров доложил об инциденте директору УАСС, и тот созвал срочное совещание руководителей секторов Управления, на котором дал задание всем начать проверку личного состава с целью выявления агентуры Дьявола. Рапорт о слу-

¹А И С Т — активная интеллектуальная система.

чившемся он послал и Артуру Мехти, министру безопасности, и премьеру, хотя скорого ответа не ждал. Министр сам подозревался в связях с резидентом Дьявола и должен был на время затаиться, притормозить деятельность своих помощников, премьеру просто требовались более весомые результаты расследования.

После совещания Филипп принял в своем кабинете доверенных лиц, среди которых оказались и Кузьма с Хасидом. Кроме них, здесь собрались Ребров, Юэмей Синь, Герман Алнис, Ян Лапарра, Игнат Ромашин, аналитик службы безопасности и он же заместитель комиссара Дзарковский и глобалист Дикушин.

— Теперь поговорим о главном, — сказал директор УАСС, оглядев лица присутствующих бесстрастным взглядом. — Мы получили сообщение от экспедиции к шаровому звездному скоплению М19. Работникам спецгруппы Управления удалось разоблачить агентов Дьявола, и хотя при этом два человека погибли, а шестеро ранено, задача выполнена.

По кабинету прошло движение. Дикушин, лицо которого на миг потеряло значительность, стало растерянным, хотел что-то сказать, но встретил острый взгляд Реброва и передумал.

— Планета мантиптеров найдена, — продолжал Филипп, делая вид, что не заметил реакции глобалиста. — Звезда их почти погасла из-за работы «огнетушителя», подобного тому, что торчит в нашем Солнце. Они без особого восторга пошли на контакт с нашими представителями, но зато дали карту цивилизаций Галактики с подробными координатами звезд. По словам начальника экспедиции Мая Реброва, в нашей Галактике насчитывается около сотни цивилизаций — на все три триллиона звезд, и восемьдесят пять из них — негуманы.

По кабинету пролетел легкий шелест одежды присутствующих, хотя никто из них не решился высказать свое отношение к сообщению.

— Теперь мы можем послать экспедицию к негуманоидным расам Галактики с надеждой на более весомую отдачу. Первую из них — к Орилоуху и Дайсону — возглавит молодой ученый-ксенопсихолог Герман Алнис.

Все посмотрели на заерзавшего на своем стуле Германа, по-видимому уже знавшего о назначении.

— Вы же хотели взять его в экипаж «крота», — брюзгливо заметил Дикушин.

— Численность экипажа по настоянию СЭКОНа существенно сокращается. Вместо пятнадцати человек пойдут девять.

— Кто, если не секрет?

— Для вас не секрет. Это начальник экспедиции Ян Лапарра. — Головы повернулись к невозмутимому советнику СЭКОНа. — Заместитель начальника физик Кузьма Ромашин, специалист в области ТФ-теории и главный разработчик «паньтао». — Все посмотрели теперь на обалдевшего от известия Кузьму. Он не ожидал, что станет замом руководителя отряда.

— Кроме них, в состав экипажа включены начальник особой группы СБ полковник Хаджи-Курбан, — продолжал директор УАСС, — конструктор «паньтао» Андрей Гредас, универсалист Уве Хесслер, специалист в области физики звезд, драйвер-прима Жан Иванов, который будет пилотировать «крота», инженер защиты Беата Полонска и еще два человека, имена которых назовут министр безопасности и председатель СЭКОНа. Кроме своих непосредственных функций, каждый член экипажа будет выполнять обязанности обслуживающего персонала «крота» — операторов и техников систем, инк-программистов и дежурных по хозблоку. Придется подучиться. Вопросы по составу экипажа есть?

— Кто занимался подбором кандидатур? — поинтересовался Дикушин.

— Кадровая комиссия службы безопасности, — ответил Филипп, — и я. Еще вопросы?

— Они все понимают, на что идут?

Директор Управления мельком посмотрел на Кузьму.

— Думаю, понимают. Хотя у каждого еще есть время подумать и отказаться от участия в столь рискованном предприятии. Если вопросов к присутствующим здесь членам экипажа нет, продолжим наш малый совет.

— Господин директор, — вдруг прервала Филиппа Юэмей Синь. — Разрешите вас на два слова? — Она подошла к Ромашину и что-то прошептала ему на ухо.

— Извините, судари мои, — встал из-за стола директор и вышел из кабинета вместе с руководительницей контрразведки.

Кузьма придвинул губы к уху Хасида:

— Что стряслось?

— Сигнал «три двойки», — так же шепотом ответил безопасник, получивший по радиации информацию по своим каналам. — Зафиксирована попытка прослушать нашу беседу в кабинете.

— Это хорошо.

Хасид с удивлением покосился на приятеля, и тот пояснил:

— Раз кто-то пытается нас прослушать в кабинете самого директора, значит, все здесь сидящие не работают на агента Дьявола.

— Ну, это еще ни о чем не говорит. Я, например, кое-кого из гостей недолюбляю.

Вернулся Филипп Ромашин — один, без Юэмей Синь.

— Прошу прощения, совещание переносится на более позднее время, я извещу вас заранее. Все свободны. А ты останься, — посмотрел он на Кузьму.

— Я подожду тебя у фонтана, — тактично напомнил о себе Хасид.

Все вышли.

— Слушаю вас, господин директор, — вытянулся по швам Кузьма.

Филипп окинул его недовольным взглядом.

— Садись.

Кузьма сел, пристыженный.

— Прости, дед, я просто попытался пошутить. Что случилось? Опять козни Дьявола?

— Начали пачками исчезать плоские «зеркала». То ли Наблюдатель решил убрать свои системы слежения за нами, убедившись в наших благих намерениях, то ли «зеркалам» просто пришел срок. Но я хотел поговорить с тобой о другом. Ты дал согласие войти в команду «крота»...

— Какие могут быть сомнения? Конечно, я пойду. Не ожидал только, что ты сделаешь меня замом Лапарры.

— Это его предложение, а не мое. Но все ли ты взвесил, все ли обдумал, просчитал ли степень риска?

Кузьма нахмурился:

— Не понимаю, к чему ты клонишь. Я ведь не один иду, а вместе со всеми. К тому же риск сведен к минимуму, коль на борту «крота» устанавливается специальная станция метро.

Филипп включил информканал, одна из стен кабинета

стала прозрачной, провалилась вперед и превратилась в виом, в центре которого вспыхнул кипящий шар Солнца. Кабинет затопил плотный поток жгучего белого света. Кузьма прикрыл глаза ладонью.

Тотчас же цвет и плотность светового урагана изменились, автомат включил видеофильтры, спасая человеческое зрение. Цвет Солнца стал алым, на него теперь можно было смотреть, не рискуя ослепнуть. Видеокамера была установлена скорее всего на одной из обсерваторий Венерианского пояса на расстоянии семидесяти-восемидесяти миллионов километров от Солнца, на его диске с такого расстояния нельзя было разглядеть мелких деталей и оценить изменение температуры поверхности, но Кузьме вдруг показалось, что лик Солнца весь покрыт черными пятнами и от него веет холодным ветром.

— Десять лет, — сказал Филипп с необычным выражением, от которого у Кузьмы побежали по спине мурашки. — А может быть, и меньше.

— Что? — не понял молодой человек.

— Звезда мантоптеров почти погасла за десять лет после падения на нее «футбольного мяча», то бишь «огнетушителя». Но уже через несколько месяцев на нашем солнышке начнутся необратимые изменения светимости и спектра. Если мы не успеем уничтожить «футбольный мяч».

Филипп выключил виом, глянул на потрясенного внука, сдвинув брови.

— Теперь ты понимаешь цену риска и степень ответственности, лежащей на вас? Вы о б я з а н ы дойти! Во что бы то ни стало! Бежать из Солнца через метро можно будет лишь в одном случае — в случае прямой угрозы жизни экипажа, когда вас будет ждать неминуемая гибель! Э т о ты понимаешь?

Кузьма сглотнул ставшую вязкой слюну, кивнул. Слова не шли на язык, и прошло какое-то время, прежде чем он смог выдать:

— Мы дойдем, дед.

Филипп хмуро улыбнулся.

— Я не сомневался. Однако хочу предупредить кое о чем... только никому ни слова, мальчик! Никому! Даже Лапарре.

— Могила, дед!

— Это очень важно... не знаю даже, с чего начать. В общем, если обнаружишь что-то странное... в обстановке, в поведении людей, в их речи... сообщи сразу Хасиду. И только ему одному!

— О чем ты, дед? Что это значит? Что я должен обнаружить?

— Не должен, может быть, все и обойдется, но кто знает? Короче, в экипаж могут затесаться агенты Дьявола, выявить их не представляется возможным, но ты не должен предпринимать никаких самостоятельных действий, не посоветовавшись с полковником Хаджи-Курбаном. Понял?

— Да я и не собирался... однако еще ничего не...

— Понял, я спрашиваю? — Глаза Ромашина-старшего стали грозными. — *Никаких* самостоятельных действий! Обещай мне!

— Хорошо, хорошо, дед, я понял, обещаю, но ведь дед Кати тоже должен знать...

— Лапарра будет знать все, что ему положено знать. Иди и помни, что я сказал. Бери Хасиду, лети с ним в Институт Солнца, проконтролируй установку метро, твоего любимого «паньтао» и системы защиты. Первого мая состоится ходовые испытания «крота», и если они пройдут удачно, третьего мая начнется основная экспедиция.

Кузьма поднялся и, чувствуя легкое головокружение, пошел к двери.

— Подожди. — Филипп вышел из-за стола, обнял внука, прижал к груди, отстранил. — Теперь иди. Ни пуха тебе, ни пера, мальчик!

— К черту! — ответил Кузьма, суеверно сплевывая через левое плечо.

* * *

Ходовые испытания «солнечного крота» прошли вполне успешно.

Он нырнул в фотосферу Солнца на двадцать с лишним километров и благополучно выбрался обратно, вопреки мнению скептиков выдержав небывалые температуры, давление и всплески электромагнитных полей. А поскольку руководством спецслужб были развернуты беспрецедентные меры безопасности, агенты Дьявола не рискнули вмешаться в ход

испытаний, хотя и развернули информационную войну, пытаясь напугать, во-первых, общественность — непредсказуемыми последствиями вмешательства в работу естественного солнечного ядерного реактора, во-вторых, экипаж «крота» — страхом неминуемой гибели, в-третьих, Правительство — падением рейтинга, ведущим к непременной досрочной смене власти.

Ни того, ни другого, ни третьего Артуру Мехти и компании, его поддерживающей, добиться не удалось. Общественности по большому счету было наплевать на то, что делают спецслужбы и Правительство, лишь бы не мешали ей — общественности — жить и развлекаться, а также защищали ее от опасности. Особой поддержки в Правительстве министр безопасности также не встретил. Его не любили за высокомерие, пренебрежение к законам этики и откровенный карьеризм. Ну а экипаж «крота» был подобран таким образом, что испугать его было невозможно, и даже «две темные лошадки» — люди министра и председателя СЭКОНа, вошедшие в команду, не имели на основую группу должного влияния, несмотря на свои чины и регалии.

Одним из них стал сын министра Оскар, получивший недавно статус советника и чин генерала, вторым — доктор психологии и социологии, доктор исторических наук, академик, эксперт СЭКОНа, интуитив, генерал юстиции, бывший чемпион Канадской федерации по универсальным видам борьбы Гарри Ширер.

Второго мая после возвращения «крота», пилотируемого Жаном Ивановым и Яном Лапаррой, экипаж «подсолнечода» собрался в зале визинга второй Меркурианской базы УАСС. Кузьма уже знал о включении в состав команды Оскара Мехти, поэтому никак не выразил своего отношения к нему при встрече. Черноволосый же красавец повел себя странно: он вдруг раскрыл объятия и пошел навстречу Кузьме, улыбаясь ослепительной улыбкой киноактера:

— Ба, как я рад видеть знаменитого теоретика в нашем дружном коллективе! Надеюсь, вы не держите обид на генерала Оскара?

Кузьма остановился, покосившись на Хасида. Сказал сдержанно:

— Не держу.

— Вот и отлично! — Оскар потряс руку Ромашина, при-

близился к его лицу и добавил тихо и быстро, все так же улыбаясь: — Лучше бы ты остался дома с мамочкой, пай-мальчик, так как, боюсь, этот поход плохо для тебя кончится. Привет Катюше от меня... если только вы встретитесь.

Оскар раскланялся с Хасидом с преувеличенным пиететом и отошел с уверенным и пренебрежительным видом, заговорил с Уве Хесслером, с превосходством оглядываясь на друзей и подмигивая им.

— Что это он на себя не похож? — понизил голос Хасид. — Неужели пошел на примирение? Или что-то задумал? Что он тебе сказал?

— Предупредил, что я могу и не вернуться.

— Ну, тогда все в порядке. Есть хорошая поговорка на этот счет: предать могут только друзья. А он в наших друзьях не числится. Мы знаем, что он за птица, и будем держать уши на макушке.

— Не нравится мне его мерзкая улыбка...

— Мне тоже, но тут уж ничего не поделаешь, придется терпеть.

— И намеки не нравятся...

— Какие намеки?

— Он Катю упомянул... намекнул, что мы можем с ней не встретиться. Между прочим, я ее уже два дня не видел, и даже на звонки она не отвечает.

— Улетела куда-нибудь, к другим звездам, куда проложены ветки метро. Она же работает аналитиком в экологической комиссии СЭКОНа, мало ли куда они погли ее послать. Что дед говорит?

— В том-то и дело, что ничего не говорит. Отделяется отговорками. Он с ней тоже давно не встречался. Катя ему звонила откуда-то, просила не беспокоиться.

— Вот видишь, и тебе позвонит.

— Прошу подойти ближе, — подозвал членов экипажа Ян Лапарра, включая обзорный виом зала. — Все друг с другом знакомы, поэтому нет необходимости никого представлять. Сейчас мы посмотрим кое-какие видеозаписи, сделанные инком «крота» во время ходовых испытаний, выслушаем водителя, обсудим пожелания всех присутствующих и начнем подготовку. Старт завтра, в двадцать два часа по среднесолнечному.

Виом, показывающий ландшафт сумеречной зоны Мер-

курия, мигнул, и зал визинга залил могучий поток оранжевого света: видеосистема развернулась к Солнцу, край которого вырос над зубчатой линией горизонта. Затем изображение изменилось: включилась запись. Солнце заняло все поле обзора. Алое сияние невероятной интенсивности заполнило зал визинга, проникло во все щели, пронзило тела людей, растворяя их в себе, сбilo все ориентиры, стало густой массой, которую можно было резать на куски и есть как желе.

Затем сияние померкло, поверхность Солнца потускнела, стала темно-вишневою, на нем обозначились конвективные ячейки, пятна, альвеновские петли, столбы газа и протуберанцы, более светлые, чем остальное поле.

«Крот» пронзил хромосферу светила, вошел в его приповерхностный слой, и виом стал чисто багровым, без каких-либо деталей и структур.

— Видеосистема «крота» отказала, — пояснил Лапарра. — Интенсивность в световом диапазоне излучения оказалась слишком высокой. Специалисты разбираются с этой проблемой и должны настроить видеосистемы должным образом. Кроме нее, на борту «крота» будет установлен дистанционный задатчик курса — часть системы наведения на цель.

— Как же пилот ориентировался под... э-э, — Дикушин чуть не сказал «под землей», — под фотосферой?

— Кроме видеоаппаратуры, «крот» оборудован множеством других систем, в том числе нейтринным и гамма-телескопами. Вот картинка с подключением нейтринного телескопа.

Цвет виома изменился на густо-сиреневый, стали видны какие-то голубые прожилки и белесые волокна, уходящие в невероятную глубину. Некоторые из волокон на грани видимости заканчивались беловатыми клубеньками, похожими на клубни картофеля.

— Эта «картошка» — система конвективных течений, пронизывающих подповерхностную зону Солнца толщиной около ста сорока тысяч километров. «Клубни» располагаются на границе переходно-волновой зоны, ниже которой начинается слой ядерной перекачки.

Лапарра посмотрел на Уве Хесслера.

— Об этом лучше меня может рассказать специалист, Солнце — его епархия. Если появятся вопросы — он ответит.

Физик мотнул кудлатой головой.

Изображение в виоме изменило цвет на коричневый, «стебли картофеля» исчезли, на темно-коричневом фоне появились довольно быстро вспыхивающие и исчезающие оранжевые, алые и малиновые геометрические фигуры: дуги, овалы, петли, спирали, окружности.

— Это уже картинка с гамма-телескопа, — сказал Лапарра. — Видны так называемые «духи» — зоны активных возмущений плазмы, в которых происходит процесс аннигиляции магнитных полей. Их нам придется обходить.

Виом погас.

— Вопросы?

— Как вел себя «крот» на глубине? — спросила Беата Полонска, круглолицая светловолосая женщина с яркими фиолетовыми глазами.

Все посмотрели на пилота. Жан Иванов в своем «кибернетическом» унике напоминал былинного богатыря в латах: размерами, разворотом плеч, сильной шеей, открытым симпатичным лицом и копной русых волос. Держался он достойно: уверенно, спокойно, с профессиональной сдержанностью.

— «Крот» вел себя отлично, — ответил он. — Никаких претензий. Мы с Дэвом быстро подружились.

— Кто это — Дэв?

— Инк «крота», — вместо Иванова ответил Лапарра. — Интеллект-компьютер класса «супер», или «Большой Умник». Таких компактных машин в Системе всего несколько штук, нам выделили одну. Итак, господа единомышленники и соларнавты, готовы ли вы спасти человечество?

В голосе Яна прозвучала завуалированная ирония, понятная только тем, кто хорошо знал патриарха. Остальные приняли его слова за чистую монету.

— Готовы... — слышались голоса, и даже на Оскара подействовало общее эмоциональное поле, возникшее у *команды*, сплоченной не столько волей командира, сколько смыслом, который стоял за его словами.

Поиски Кати ни к чему не привели.

Ее не было дома, она не появлялась на работе, в командировку ее тоже не посылали, и никто не знал, в том числе и подруги, где она может находиться. Лапарра же по-прежнему

му не желал обсуждать исчезновение внучки с Кузьмой, и отправлялся тот в экспедицию с тяжелой душой и дурными предчувствиями. Лишь обещание отца найти Катю слегка повысило тонус младшего Ромашина, и устраивался он в кокон-рубке «крота» уже с надеждой вскоре услышать голос любимой женщины.

Рубка занимала второй сверху — от купола линзы аппарата — отсек и могла катапультироваться в случае непредвиденных обстоятельств, грозящих гибелью экипажу. Она имела собственные контуры защиты. Правда, ее энергозапасы были незначительны, и продержаться в условиях непрекращающегося термоядерного взрыва, каким являлось Солнце, она могла не более двух часов. Впрочем, команда «подсолнцехода» не рассчитывала спастись таким образом, надеясь на проверенную в ходе испытаний аппарата линию метро. И все же опасения и страхи имели место быть.

Во всяком случае, у Кузьмы сперло дыхание и сердце ухнуло в пятки, когда он разместился рядом с Хасидом в ложемент-органелле единого кокона, и квазиживые лепестки органеллы накрыли его полупрозрачной тугой мембраной.

«Крот» еще находился в ангаре спейсера «Крузерштерн», который двигался в короне Солнца на расстоянии миллиона километров от его поверхности. Процедура старта экспедиции выглядела так.

Спейсер начинал разгон, нырял в тоннель ТФ-режима, пронизывая хромосферу, выходил в сотне километров от фотосферы, в так называемом обрабатываемом слое, и выстреливал «крота». Дальше «подсолнцеход» должен был двигаться самостоятельно.

Он пересекал нижнюю часть обрабатываемого слоя, состоящего из раскаленных до температуры в четыре с половиной тысячи градусов газов множества химических элементов от лития до железа, и со скоростью около двух километров в секунду врзался в фотосферу, включая аннигиляционный бур. С такой скоростью он должен был пересечь всю фотосферу и слой верхней конвекционной зоны толщиной около сорока тысяч километров, называемый «слоем кудрявой фрагментации». По мере роста давления и плотности плазмы скорость аппарата должна была падать, и оставшуюся до ядра часть пути он должен был преодолевать со средней скоростью в один километр в секунду.

Все это Кузьма знал, цифры его не пугали и не впечатляли, но замысел экспедиции был грандиозен, от него невольно захватывало дух: *никто никогда* не пытался пронзить Солнце, пройти его насквозь! — и воображение рисовало жуткие картины гибели «крота» в раскаленной бездне.

Однако все оказалось намного прозаичней умственных фантазмагорий. Внутри кокона поддерживались комфортные условия: температура, давление, влажность, гравитация — никакие рывки аппарата, удары и тряска до людей не доходили, автоматика надежно гасила все колебания корпуса, и будничные реплики пилота и командира, управлявших «кротом» как обычным космическим аппаратом, вселяли в души людей уверенность и спокойствие.

Стартовали точно по расписанию — в двадцать два часа по среднесолнечному времени. Через две минуты «Крузерштерн» вышел в расчетный район солнечной атмосферы между двумя протуберанцами, напоминающими согнувшиеся кустистые водоросли бордового цвета, и члены экипажа увидели удивительный алый «луг», образованный более светлыми столбами газа — спикулами.

— Прошли хромосферу, — раздался в голове Кузьмы (аппаратура связи работала прямо на слуховой нерв, а видеоаппаратура — на зрительный нерв человека) голос Иванова. — Отделение!

«Крот» вырвался из теснины ангара спейсера, как пуля из ствола старинного мушкета.

— Пошли своим ходом.

«Травинки луга» стали увеличиваться, превращаться в гигантские столбы и колонны, одна из них засветилась сильнее, превратилась в колоссальный факел сложной тюльпанообразной формы. «Крот» вильнул, по дуге обходя его «лепесток» поперечником в сто километров. Внизу сквозь сияющий алый туман проступила ячеистая поверхность фотосферы в виде сетки с более светлыми зернами-гранулами и темно-вишневыми нитями. Размеры гранул достигали пятисот-восьмисот километров, они довольно быстро двигались, возникали, исчезали — время жизни каждой ячейки не превышало восьми минут, — а представляли они собой выходы конвекционных течений из глубин подповерхностного слоя Солнца. Существовали еще два уровня грануляции — с размерами ячеек до тридцати тысяч километров и до четырех-

сот тысяч километров, отражающие самые глубокие очаги конвекции, но их аппаратура «крота» «не брала» из-за огромных размеров.

— Входим в фотосферу.

Ярким радужным всполохом резануло глаза — это включился аннигиляционный бур аппарата, и с тяжким плеском он нырнул в кипящий слой солнечной плазмы, имеющей температуру около шести тысяч градусов по Кельвину. И сразу картина перед глазами изменилась, все пространство впереди заполнило ровное красное сияние, пронизанное мириадами вспыхивающих и гаснувших алмазных звездочек.

— Прошу доклады! — прилетел шелестящий голос Лапарры.

— Самочувствие нормальное, — отозвался дисциплинированный Уве Хесслер. — Пока никаких неожиданностей.

— Все о'кей, — коротко бросил Гарри Ширер.

Доложили о своих ощущениях и остальные члены экипажа. Не ответил только Оскар Мехти. Видимо, хотел подчеркнуть свою значительность, однако Лапарра сделал вид, что не заметил этой паузы, и вопросов больше не задавал, оставив новоиспеченного генерала наедине с его спесью.

Истекла минута, другая, третья.

«Крот» продолжал вгрызаться в солнечную плазму, уплотнявшуюся и разогревающуюся каждую секунду, превращая ее в ничто, в излучение. Ничего особенного не происходило, ход аппарата был плавным и быстрым, магнитные поля в месте погружения оказались достаточно спокойными, защита прекрасно справлялась с раскаленной массой «пород», и соларнавты постепенно успокоились, расслабились, перестали напряженно всматриваться в глубины кипящей ядерной бездны.

Через три минуты прошли фотосферу, миновали изогнутое стебельчатое образование, удивительно похожее на гигантское шупальце спрута с присосками — силовую магнитную трубку, и углубились в зону «кудрявой фрагментации». Этот конвекционный слой кипел так жаростно и мощно, что «крот» тотчас же был увлечен одной из струй беснующейся плазмы и отброшен от места входа на пятьсот километров. И хотя на ощущениях людей этот горизонтальный рывок не отразился, все же они почувствовали колоссальную не-

управляемую мощь стихии, для которой земной аппарат представлял собой не более чем пылинку.

Вообще этот слой толщиной в десять тысяч километров для «крота» оказался самым сложным препятствием. В нем происходило дробление конвекционных струй, их разбегание, круговорот, столкновение, уничтожение и еще более мелкая фрагментация, в результате чего аппарат швыряло из стороны в сторону, кружило, переворачивало, сносило, бросало вверх, а он упорно лез вниз, вниз, вниз, проскочил два гигантских газовых пузыря, нагретых больше, чем окружающая их среда, — зародыши протуберанцев и факелов, и с трудом ушел от сложной формы магнитной петли, способной захватить его в ловушку. Магнитоплазменная завеса «крота», предохранявшая его корпус от прямого соприкосновения с кипящей плазмой, по сути тоже представляла собой магнитное поле, которое взаимодействовало с магнитными полями Солнца, иногда отталкиваясь от них, а иногда «прилипая», и тогда приходилось на мгновение выключать ее, чтобы оторваться от магнитных «присосок» и «щупалец». Выручали при этом нейтральная броня корпуса, почти не проводящая тепла, и создаваемый ТФ-генераторами слой «анизотропного вакуума», принимающий на себя основную нагрузку в виде растущего по мере спуска вниз давления.

Через час «крот» прошел около семи тысяч километров по сложной кривой, считая от точки погружения в фотосферу, — скорость его возрастала, когда его подхватывала масса очередного конвекционного потока, — и углубился в подповерхностный слой светила на тысячу двести километров. Последнее обстоятельство настораживало: по расчетам, экспедиция должна была добраться до ядра за неделю, максимум — за десять дней, а падение скорости сразу отодвигало сроки выполнения задачи.

— Прошли первый токовый слой, — доложил Дэв, которому Лапарра передал функции информатора.

Кузьма, проштудировавший перед стартом монографию Хесслера о процессах на Солнце, знал, что при движении и «всплытии» магнитных полей в плазменной трубке вокруг них возникают мощные электрические токи, но самые сильные токи текли в приповерхностном слое Солнца, где наиболее разнообразна иерархия вихревых движений различных масштабов.

Прошел еще час.

Цвет поля обзора сгустился до темно-вишневого, в этой вибрирующей массе появились зеленовато-сизые узелки — блэргулы, зародыши вихрей и турбулентных ячеек диаметром до тысячи километров и температурой свыше двадцати тысяч градусов. Они выстреливали во все стороны нитевидные отростки, «псевдоподии», и шевелились как невиданные живые организмы, рыщущие вокруг в поисках пищи. Дэв подключил к слуховому каналу звуковые датчики, и соларнавты впервые услышали синтезированный шум солнечных недр.

Волны — магнитозвуковые, альвеновские, звуковые — переносят всего одну тысячную часть всей энергии конвекционных движений, и скорость их намного выше скорости звука в атмосфере Земли, но их можно уловить и адаптировать к полосе звуков, улавливаемых человеческим ухом, и Дэв это сделал.

Кузьма услышал торжественно-звонящий гул, шелестящее шипение, удары, бульканье, быстро затихающий и возникающий снова рев, похожий на грохот океанского прибоя, длинные вибрирующие гулкие свисты разной тональности, низкое — на грани слуха, — почти инфразвуковое бормотание, вздохи и серии отголосков, напоминающие женский смех. По мере погружения «крота» эти звуки почти не менялись, разве что становились все более дрожащими, вибрирующими и объемными.

Кузьма перестал ощущать ход времени и очнулся только от чьего-то прикосновения: киб-стюард принес кофе, тоник и тосты. Лишь после этого Ромашин отключил видеосистему и огляделся по сторонам, обнаружив, что большинство коконов-органелл пустует. Разве что коконы пилота и командира экспедиции оставались закрытыми: они работали.

— Где остальные? — спросил Кузьма осоловело, заметив сидевшего рядом с чашкой кофе в руках Хасида.

— Давно разбрелись кто куда, — равнодушно пожал плечами безопасник. — Надоело. Один ты у нас такой терпеливый, эстет. Может быть, тоже найдем себе другое занятие? Например, я хочу искупаться в бассейне.

— А если возникнет какое-нибудь препятствие?

— Нас известят, мы постоянно будем находиться в поле динамической интерсвязи. Все равно от нас ничего не зависит.

— Значит, ты тоже не любовался подсолнечным миром? Неинтересно?

— Почему же, интересно, однако я не фанат термоядерных реакций, как некоторые, а пейзаж довольно однообразен.

— В этой зоне нет термоядерных реакций, они идут в самом ядре, на глубине около шестисот сорока тысяч километров.

— Ты созрел для лекции?

Кузьма окончательно пришел в себя, взял чашку с кофе, отхлебнул.

— Пожалуй, я больше созрел для бассейна.

Откинулись гибкие «лепестки» кокон-кресла Лапарры. Он помял лицо ладонями, взял с плавающего неподалеку подноса чашку с горячим шоколадом, посмотрел на замолчавших друзей.

— Не страшно лезть в ад?

Хасид и Кузьма переглянулись, проговорили в один голос:

— Нет!

Лапарра усмехнулся, сделал глоток.

— Молодо-зелено, на подвиги тянет, это нормально. Как говорится, в жизни всегда есть место подвигу. — Ян сделал еще один глоток. — Надо только быть подальше от этого места. Или у вас другое мнение?

Друзья снова обменялись взглядами, не понимая внезапной разговорчивости патриарха. Ян усмехнулся.

— Не возражаете, если я составлю вам компанию в бассейн?

— Нет, — озадаченно промямлил Кузьма.

— Вот и отлично. — Лапарра глянул на кокон пилота. — Жан, отправь сообщение вверх: у нас все в порядке, прошли «кудрявую зону», идем дальше.

Один за другим они выбрались в коридор, но вместо того, чтобы повернуть налево, к лифту, ведущему к бассейну и спортзалу, Лапарра вдруг прижал палец к губам и подтолкнул друзей направо, к подъему на самый верхний уровень «крота», где был установлен «паньтао». Не понимая, в чем дело, оба поспешили за командиром экспедиции.

Движущийся пандус вынес их под купол линзы «крота». Лапарра подошел к люку в торце переходного отсека, приложил ладонь к зеленой окружности на стене, затем приблизил лицо к черному окошку. Из окошка выстрелил зеленоватый

лучик, ощупал лицо старика, заглянул в его глаза и скрылся. С тихим шорохом люк разошелся лепестками диафрагмы, открывая проход в отсек с «паньтао».

— Дэв, регламентное тестирование систем, — будничным тоном произнес Лапарра.

— Слушаюсь, командир, — мягким глубоким баритоном отозвался инк управления «крота».

Лапарра подтолкнул молодых людей к люку, вошел за ними, дождался, когда проход закроется и вспыхнет свет, проговорил:

— Теперь можно говорить. Мы временно выпали из поля связи, никто нас не услышит. В следующий раз, если захотите сказать что-нибудь, чтобы вас услышал только я, назовите пароль: Дэв, регламент, — и он отключит вас от интеркома. Это было предусмотрено заранее. Теперь о деле. Слушайте, анализируйте, думайте, решайте, что делать, но не перебивайте. Катю похитили. Тихо! — остановил он попытку Кузьмы вставить слово. — Выразать свои эмоции будете потом. Ко мне пришли от имени министра безопасности, я не мог их не принять. Они где-то захватили Екатерину и потребовали от меня код метро «крота» в обмен на ее свободу. Я обещал подумать. Через шесть часов заканчивается срок ультиматума. Боюсь, мне придется сообщить код Оскару, иначе они убьют Катю. Вряд ли их что-либо... или кто-либо останавливает. Кроме... — Ян помолчал, с явным трудом возвращая себе утраченное душевное равновесие. — Кроме вас.

— Что мы можем сделать? — сразу все понял Хасид.

— Оскар должен знать, где Катя, или по крайней мере тех, кто знает. Начните с него. Я даю вам карт-бланш. Жан, Андрей и Беата на нашей стороне, Хесслер и Ширер — люди министра, я возьму их на себя. Однако лучше всего захватить Оскара врасплох, так, чтобы его помощники этого не заметили, и допросить.

— Как мы это сделаем?

— Я вызову его сюда, якобы для передачи кода. Остальное — ваша проблема. Справитесь?

Кузьма, потемневший от гнева, яростно ударил кулаком о ладонь.

— Я его в... — он произнес несколько слов без звука.

— Справимся, — покосился на него Хасид.

— Спрячьтесь. Удачи! — Лапарра быстро вышел.

Свет в отсеке погас. Люк закрылся.

— Ты влево, я вправо, — сказал Хасид. — Начну я, ты поддержишь. Дэв, подсоединяй нас к интеркому.

Тихий звоночек. Стали слышны голоса переговаривающихся членов экипажа: Беата что-то объясняла Гредасу, Ширер беседовал с Уве Хесслером. Оскар молчал. Затем раздался голос Лапарры:

— Оскар Мехти, прошу вас подойти ко мне.

Пауза. Ленивый, с нотками торжества, голос Оскара:

— Я отдыхаю. Что-то важное?

— Да, весьма, у меня есть кое-какие предложения.

Еще пауза.

— Где вы?

— Сейчас подойду к отсеку с «подарком дьяволу».

— Хорошо.

Кузьма почувствовал, как напряглись мышцы живота. Заставил себя успокоиться, настроился на физическую отдачу и стал видеть в темноте.

Он стоял за первым от люка шпангоутом отсека, в центре которого была закреплена линза «паньтао» — копия «солнечного крота». Хасид прятался за таким же шпангоутом, но слева от люка. Отсек был круглым и представлял собой по сути шахту запуска аппарата, поэтому весь был покрыт изнутри слоем нейтрида, излучавшего слабый ультрафиолет. И все же Кузьма неплохо ориентировался в помещении, благодаря заработавшему пси-резерву, который включал в себя опыт и память предков.

Диафрагма люка сложилась веером, открывая двухметровый проем. Вошел сосредоточенный Лапарра, не спеша включил свет в отсеке. Сказал невозмутимо:

— Дэв, регламентное тестирование отсека «паньтао».

— Слушаюсь, командир, — ответил инк.

В отсек шагнул Оскар, остановился, глядя на продолжавшего двигаться к линзе «паньтао» Лапарре.

— Эй, капитан, почему здесь нет света? Что вы хотите мне предложить?

Лапарра остановился и обернулся.

— Проходите, здесь нас не услышат коллеги. А свет включать не стоит, Дэв имеет здесь видеокамеры.

Оскар в нерешительности оглянулся на отверстие люка, из которого в отсек падала полоса призрачного света, шагнул вперед, люк начал закрываться, и в то же мгновение Хасид прыгнул к генералу и нанес ему два мгновенных удара, отшвырнувших младшего Мехти к шпангоуту, за которым стоял Кузьма. Ромашин подхватил обмякшее тело молодого человека, перехватил его шею сгибом локтя, но удержание не понадобилось. Оскар потерял сознание.

— Держите. — Лапарра протянул Хасиду два парализатора. — Пригодятся в дальнейшем. Я буду в рубке, отвлеку Ширера. Он интуитив и может почуять неладное.

Ян вышел, по пути включив освещение отсека.

— Раздевай его, — кивнул на Оскара Хасид. — Отсчет пошел. У нас всего несколько минут.

Они сняли с генерала уник, имевший спецкарман с оружием, нижнее белье, оставив его совершенно раздетым. Хасид пошлепал парня по щекам, и тот открыл мутные глаза. Затем вскочил, внезапно вспомнив, что произошло, и замер, глядя на дуло парализатора в кулаке Хасида. Затем сообразил, что стоит голый, взвыл, бросился было на обидчика и наткнулся на руку Ромашина. Затравленно огляделся.

— Ах вы, с-собаки! Я же вас по стенкам размажу! В колонии сгною! В дерьме закопаю! На куски резать буду!..

Прозвучала хлесткая пощечина.

Оскар отшатнулся, хватаясь за щеку, замолчал, бледнея.

— Сейчас сюда прибежит Гарри, и вам всем крышка!

— Не прибежит, — спокойно сказал Хасид. — Прекрати истерику. Ты же понимаешь, что у тебя нет шансов. Или ты сейчас скажешь, где Катя, или мы засовываем тебя в инъекторную камеру бура.

Оскар снова начал озиаться, ощерился.

— Я не знаю, где ваша...

Удар!

Лязгнули зубы. Оскар отлетел к стене, чуть не откусив язык, сполз на скользкий блестящий черный пол. Кузьма шагнул к нему, нагнулся. Глаза его засветились, стали бешеными.

— Я же предупреждал тебя насчет Кати, урод!

Оскар вжался спиной в стену, пытаясь отодвинуться. На лбу его и на виске обозначились багровые припухлости —

следы ударов Хасида, на подбородке выросла гуля от удара Кузьмы. Смотреть на его перекошенную бледную физиономию с бегающими глазами было противно.

— Ты все понял? — осведомился Хасид. — Спрашиваю в последний раз: где Катя?

— Не знаю! — огрызнулся Оскар, не спуская широко раскрытых глаз с лица Кузьмы.

Хасид поднял парализатор, Мехти-младший заторопился:

— Я в самом деле не знаю! Катю захватила команда ЮЮ. Скорее всего она в его рабочем модуле в резиденции Правительства или у него дома.

— Где он живет? — почти не разжимая губ, спросил Кузьма.

— Я знаю, — сказал Хасид. Бросил Оскару уник: — Одевайся, пойдешь с нами.

— Куда?!

— На Землю. — Хасид усмехнулся. — Побудешь заложником. Мы тебя обменяем на Катю. Заодно посмотрим, как тебя ценят в вашем департаменте.

— Вы с ума сошли! Об этом сразу же станет известно... мои друзья начнут...

— Твои друзья не узнают, что ты у нас. Ян сейчас обрабатывает господина Ширера, а Хесслер, если он и на вашей стороне, слишком хорошо понимает, чем рискует. Ведь метро, код которого вы так жаждете узнать, из «крота» запускается иначе. Так что никто отсюда не выберется без команды Яна. Усек, дружок? Шагай!

Хасид подтолкнул Оскара дулом парализатора.

— Дэв, передай командиру: мы идем к метро, пусть откроет старт-кабину.

— Слушаюсь, полковник, — бархатным звучным голосом отозвался инк.

Они вышли из отсека, бегущей дорожкой добрались до лифта и, никого не встретив, спустились в центр «крота», в жилую зону, где были установлены кабины метро — финишная и стартовая; здесь они работали раздельно. Дверь старт-камеры открылась.

— Вы пожалеете... — начал Оскар, но получил толчок в спину и влетел в кабину первым.

Хасид и Кузьма зашли следом. Дверь за ними закрылась.

Глава 17

ПЕРЕХВАТ ИНИЦИАТИВЫ

Большой меркурианский нейтринный телескоп «Циклоп» представлял собой гигантский пузырь диаметром в один километр, заполненный пустотой. Или вакуумом. Но вакуумом идеальным, в котором атомы каких-либо химических элементов можно было пересчитать по пальцам. Кроме того, это был не обычный вакуум, а «фазированный», возбужденный определенным образом с помощью ТФ-эмиттера, образующий особую анизотропию вакуумных осцилляций. Стоило в объем пузыря попасть нейтрино, как возникающие и пропадающие с огромной частотой частицы — электроны и позитроны — «поворачивались», создавая почти не фиксируемый всплеск спин-торсионного поля. Одно такое событие действительно невозможно увидеть или зарегистрировать прибором, но космос пронизывает довольно плотный поток нейтрино — мюонных, электронных и тау, этих удивительных частиц почти нулевой массы, свободно проходящих через любые объекты, материалы, поля и даже звезды, поэтому их суммарное взаимодействие с «анизотропно фазированным» вакуумом можно обнаружить и поставить на службу человеку.

«Циклоп» и был таким инструментом, способным воспринять нейтринный поток и «снять» с него информацию, которую переносили нейтрино.

Солнце, как гигантский естественный термоядерный реактор, также излучает поток нейтрино, в основном электронных, «легких», слабо поглощающихся «глазом» «Циклопа», но за те две секунды, что тратили эти сверхлегкие нейтрино на преодоление раскаленного тела Солнца, они успевали трансформироваться в мюонные и тау-нейтрино, которые уже хорошо реагировали с объемом «фазированного» вакуума, и «Циклоп» неплохо видел недра звезды, фиксировал все уплотнения и разряджения в ядре и мог проследить за ходом отдельно взятого процесса и движением объекта диаметром до пятисот километров.

Именно «Циклоп» и стал основным компонентом системы наведения «солнечного крота» на цель.

Естественно, он охранялся, в особенности пункт управ-

ления телескопом, оборудованный тремя комплексами обеспечения независимого энергопитания и дублирования, а также инк-системой ограничения доступа ко всем важным узлам телескопа. Кроме того, пограничники и служба охраны важных объектов приняли дополнительные меры безопасности, зная о намерениях агентуры Дьявола помешать «солнечному кроту» найти «огнетушитель» в недрах Солнца. Об этих мерах знали только те, кто отвечал за сохранность и бесперебойную работу «Циклопа». И несмотря на все это, третьего мая, сразу после старта «солнечного крота» с экипажем на борту, некие силы попытались уничтожить телескоп.

Всего на Меркурий прибыли три группы диверсантов.

Одна должна была нарушить герметичность «глаза» «Циклопа», то есть, проще говоря, взорвать часть его оболочки. Вторая собиралась уничтожить кварк-реактор, третья — взорвать или хотя бы повредить вириал инка вместе с самим «Циклопом» — инком класса «Большой Умник». В первой и второй группах было по четыре человека и по одному витсу, третья насчитывала шестерых и два витса. Ее задание было наиболее сложным, потому что пункт управления, запрятанный в толще скал на глубине сорока метров под поверхностью «зебриссимо» («Циклоп» смонтировали на противоположной от Солнца стороне Меркурия), охранялся серьезнее, чем остальные сооружения телескопа.

В двадцать два часа двадцать минут по средне-солнечному времени диспетчер «Циклопа» Юлий Еремеев получил распоряжение директора Объединенной Обсерваторской сети Солнечной системы Хамада бин-Халифа аль-Тхани провести замену обслуживающего телескоп персонала. На вопрос Еремеева: «С чем это связано?» — директор веско ответил:

— Из соображений безопасности. — И добавил: — Это решение согласовано с комиссаром службы безопасности Ребровым и министром безопасности Артуром Мехти.

Диспетчер поскреб макушку, сказал:

— Есть провести замену персонала.

Однако после разговора с директором все же рискнул связаться с комиссаром. Ждать пришлось несколько минут: инк-аппаратура связи телескопа с внешним миром не сразу вошла в режим (чего с ней не случалось никогда), долго искала Реброва и наконец нашла. В общем виоме оперативно-

го поля диспетчерской протаял объем консорт-линии. На Еремеева глянули светло-серые холодноватые глаза комиссара.

— В чем дело?

— Ничего, господин комиссар, — пробормотал диспетчер, — я получил приказ директора заменить персонал. Он сказал, что с вами этот вопрос согласован.

— Что вам не нравится?

— Я только хотел узнать, в курсе вы или нет...

— Все нормально, приступайте к замене. Люди придут через четверть часа. Что-нибудь еще?

— Нет, рутинная работа...

— Вот и работайте.

Виом связи стал белым, как облако, растворился в панорамном виоме, показывающем пейзаж Меркурия над местом расположения телескопа и одновременно все помещения, коридоры, узлы и аппараты станции.

— Что-то он сегодня не в духе, — сочувственно заметил более молодой напарник диспетчера. — Обычно комиссар более коммуникабелен.

Еремеев дал команду инку пропустить по паролю в бункер пункта управления новую смену, подумал и позвонил своему приятелю, работавшему в контрразведке. Через минуту приятель ответил:

— Юл? Глазам не верю! Не прошло и года, как мы с тобой общались. Неужели хочешь пригласить меня в хиларит? Или в ресторан?

— Губы раскатал, — в том же тоне ответил диспетчер и посерьезнел. — Слушай, Гриф, тут такое дело... Не мог бы ты осторожненько выяснить у своей начальницы, знает она о смене персонала на «Циклопе»?

— Ты откуда звонишь?

— С Меркурия. Только не переводи все в шутку, у меня плохое предчувствие.

Стал серьезным и контрразведчик.

— Ладно, выясню, хотя имею полное право отдыхать и не суетиться. С тебя бутылка.

С этими словами он исчез.

— Ты что, серьезно? — хмыкнул напарник Еремеева. — С чего ты взял, что затевается лажа?

— В самую точку, — пробормотал диспетчер. — Именно

лажа. Знаешь поговорку: коней на переправе не меняют? Скажи на милость, с какой стати директору вздумалось заменять персонал «Циклопа» через два часа после того, как он приступил к дежурству? Из каких таких соображений безопасности?

— Ну, не знаю... начальству видней.

— И я не знаю, а когда я не знаю, да еще и не понимаю, то сильно...

— Волнуешься?

— Потею. — Еремеев ухмыльнулся. — И предпочитаю перебдеть, чем недобдеть. Гляди в оба, салага, даже после того, как нас сменят.

Диспетчер переключил каналы подачи видеoinформации, и виом зала диспетчерской заняла красно-вишневая пелена с более темными пятнами и светлыми прожилками — синтезированное «Циклопом» изображение недр Солнца. Самым ярким пятном, похожим на кочан цветной капусты, была зона охлаждения в ядре светила, с центральной желтой звездой — «огнетушителем дьявола». Белая нить, начинавшаяся от края фотосферы Солнца, обозначала траекторию движения «солнечного крота». Но она была еще очень короткой. «Крот» только начинал свой путь в термоядерный ад.

Через четверть часа инк впустил в станцию вновь прибывшую смену — шестерых мужчин в специальных костюмах типа «кокос» и двух витсов, хотя раньше витсы не принимали участия в работе дежурных операторов телескопа. Глядя, как они целеустремленно идут по коридорам — без шуток и вообще каких-либо реплик и разговоров, диспетчер все больше мрачнел, ощущая дискомфорт и тревогу, и наконец снова вызвал комиссара. Но было уже поздно.

В зал диспетчерской вошли трое незнакомцев и витс, мало похожий на человека: у него было три руки, или, скорее, лапы, разделенное на три части, как у некоторых насекомых, туловище, яйцевидная голова с вогнутым безносым лицом и пластиной глаза, и трехколенчатые ноги с круглыми ступнями и десятью длинными пальцами. Это был робот-монтажник, использующийся на строительстве сооружений в открытом космосе.

— Прошу всех покинуть помещение, — сказал один из прибывших дежурных, смуглолицый, с бородкой и усами, кольцом опоясывающими губы. — Вас это касается тоже. —

Он вытянул палец в сторону вириала, за которым работали ученые, следящие за процессами на Солнце.

— Но мы только начали работать, — возразил худой, костистый, с огромным лбом, универсалист Лэмюэль.

— Вышвырни их отсюда, Корн, — сказал смуглолицый без выражения, посмотрел на Еремеева: — Что застрял? Особое приглашение нужно?

— Особое, — кивнул диспетчер и включил сигнал тревоги.

По всем отсекам станции разнесся леденящий душу вопль сирены, заставивший вздрогнуть и хозяев, и гостей, а главное — настороживший живую охрану телескопа. Сразу же после сигнала перед вириалом диспетчера вырос виом оперативной связи с начальником обоймы охраны коброй Маляховым внутри:

— В чем дело, Юлий?

В ту же секунду смуглолицый незнакомец с бородкой выстрелил в играющую огнями свечу вириала из пистолета.

Вспышка, негромкий взрыв, стеклянный звон разлетающихся осколков. Все виомы в зале погасли. Под куполообразным потолком заблеял аварийный автомат.

— Все вон отсюда! — повысил голос начальник прибывшей группы. — Церемониться не будем! Ахмед, приступай.

Один из «сменщиков», лоб и волосы которого были перехвачены зеленой лентой, подошел к застывшему витсу, откинул у него на спине панельку, что-то повернул, нажал и закрыл.

— Готово, полковник.

— Гоните всех в бункер отдыха на втором уровне.

— Взрыв рассчитан на уничтожение всей станции, они не уцелеют.

— Не рассуждать! Вперед! Руки на затылок! Выходите по одному!

Трое ученых, два оператора вспомогательных систем, напарник диспетчера потянулись к выходу, сцепив руки на затылке. Диспетчер медлил, все еще надеясь на чудо. Смуглолицый ткнул ему в лицо дуло «универсала».

— Пошел, смельчак! Жить надоело?

— Я тебя узнал, — проговорил Еремеев, вытирая с разбитой губы кровь. — Ты из элитарки, полковник Юзефович.

Элитаркой называли службу безопасности правительст-

ва, и отношение к ее сотрудникам специалистов других служб было презрительно-опасливым.

Глаза ЮЮ сузились.

— Это очень плохо, что ты меня узнал, начальник смены Еремеев. Теперь я не могу оставить тебя в живых. Эй, Ахмед!

Диверсант с зеленой лентой через лоб оглянулся.

— Ну-ка привяжи нашего brave диспетчера к витсу. Пусть первым отправится в рай, он заслужил.

Еремеев бросился на командира диверсантов, но получил еще один ослепляющий удар дулом пистолета в нос и упал. Его подняли, подвели к роботу-монтажнику, стоявшему с растопыренными лапами, как пугало в огороде, и скомандовали:

— Сорок первый, промежуточная готовность. Никаких самостоятельных действий! Возьми этого человека за руки и не отпускай в течение получаса.

Мощные длинные лапы-манипуляторы витса шевельнулись, голова развернулась к Еремееву лицом, пластина глаза на миг засветилась красным огнем.

— Приказ понял. Выполняю.

Передние лапы витса вцепились в запястья диспетчера, а третья сгребла его за воротник на спине.

— Отлично, — с удовлетворением проговорил ЮЮ. — Трогательное единение человека и его творения перед смертью. Прощай, господин диспетчер, был рад познакомиться. Уходим!

Диверсанты вышли из зала вслед за своими пленниками. Еремеев остался наедине со сторожем, чувствуя, как по губам и подбородку стекают капли крови из разбитого носа. Попробовал было вырваться, но витс даже не покачнулся, стоял как скала, находясь в полувключенном состоянии. Его мозг сейчас не работал и ничего не слышал, работала только программа жизнеобеспечения и подчинения.

— Сорок первый, полная готовность! — попытался достучаться до его сознания Еремеев. — Включайся! Тревога! Опасность!

Витс молчал. То ли ждал пароля, то ли более весомых аргументов, то ли голос диспетчера не соответствовал тому, которым витсу отдавали приказы диверсанты.

— Сорок первый, отзовись! Ты меня слышишь?

Превращенный в бомбу робот не ответил.

— Дурак безголовый! — рявкнул Еремеев. — Включайся, иначе взлетим на воздух вместе! Понимаешь?!

— Вряд ли он что-нибудь понимает, — раздался откуда-то сверху тихий голос.

Еремеев с трудом вывернул голову из-под лапы витса и увидел в потолке зала дыру люка, в которой виднелась полупрозрачная тень — не то струя газа, не то тень человека. Затем пришла догадка: это был человек в специальном костюме, превращавшем его почти в невидимку.

Тень пропала, затем что-то блеснуло в воздухе, словно плавно опускающий водяной блик, и на полу зала возникла текучая фигура неопределенных очертаний.

— Вы кто? — шепотом спросил Еремеев.

Фигура внезапно обрела плотность, цвет и объем. Это действительно оказался человек в комбинезоне типа «хамелеон», вооруженный вычурной формы пистолетом с квадратным дулом, в котором Еремеев, холодея, узнал «раздиратель кварков» — «глюк».

— Где они? — раздался откуда-то с пояса его тихий голос.

— Повели людей на второй горизонт, хотят запереть их в зале отдыха.

— Понятно. — «Невидимка» сделал жест рукой, и в зал из верхнего люка спикировали еще три «невидимки». — Свен, разблокируй витса, освободи мужика. Мы пошли дальше.

— Осторожнее, он заминирован! — предупредил Еремеев.

— Свен, попробуй разобраться, — бросил командир звена «невидимок». — В крайнем случае выброси железяку на поверхность. Остальные за мной!

«Невидимки» открыли люк и исчезли.

Тот, кого командир назвал Свеном, выключил аппаратуру костюма, делавшую его «прозрачным», зашел к витсу за спину, чем-то щелкнул, повозился с минутой, и лапы робота разжались.

— Уф! — с облегчением выдохнул Еремеев, начиная разминать затекшие кисти рук. — Сколько у нас времени?

Свен, не отвечая, продолжал возиться с витсом, затем вызвал подмогу (Еремеев догадался об этом, когда в зал спустились еще два спецназовца). «Невидимки» уложили робота на антиграв-носилки и куда-то увезли.

— Сейчас ремонтники заменят вириал, — сказал наконец Свен, — и можете приступать к дежурству.

— К-как это — к дежурству? — оторопел Еремеев. — А бомба? А террористы? Их же шестеро... все вооружены... плюс еще один витс...

Шлем спецназовца сложился гармошкой к плечам, и на диспетчера глянуло уверенное молодое лицо с голубыми глазами. По губам парня (совсем мальчишка, лет двадцать, не больше, но как держится!) скользнула улыбка.

— Все в порядке, господин Еремеев, с ними уже разбираются. Это последняя группа, две мы уже захватили. А вам спасибо за сигнал.

Свен кинул руку к виску, повернулся и выбежал из зала.

— Вам привет от вашего друга... — донесся из коридора его голос.

Еремеев крикнул, достал платок, промокнул подбородок и губы, пробормотал с легкой завистью:

— Да здравствует контрразведка!..

Затем встрепенулся и поспешил к своему рабочему месту, уже не думая о террористах. Судя по подготовленности мальчишки-контрразведчика, диверсантам недолго оставалось гулять на свободе.

* * *

Филипп Ромашин обедал в ресторане техцентра Управления с его главой, когда рация заговорила голосом Реброва:

— Сорвана попытка нападения на «Циклоп». Мы взяли двенадцать человек, двое ушли, в том числе командир десанта. Опытный волчара.

— Кто?

— Юзефович, его опознали. К сожалению, у всех захваченных сработали программы самоликвидации, спасти удалось только двоих. Один заговорил, выдал координаты базы и имя руководителя регионального отделения.

— Кто? — снова коротко спросил Филипп, давая понять собеседнику, что разговаривает по рации.

— Хамад бин-Халиф аль-Тхани.

— Директор сети обсерваторий?!

— Так точно. Можем брать и его, и Юзефовича.

— С ЮЮ повременим. Где находится база?

— Не поверишь: рядом с основным комплексом зданий

СЭКОНа, в Берне. Прямо под архивом. Мы начинаем готовить операцию захвата.

— Это надо сделать быстро и без шума, чтобы не всполошились основные фигуранты розыска. Иначе министр поднимет такой вой, что мало не покажется.

— Не волнуйся, старик, мы ученые, сделаем все так, что комар носа не подточит.

— Я буду у себя. Сразу после операции ко мне. — Филипп перешел на мыслесвязь по системе «спрута-2». — Как идет работа по запасному варианту?

— Через неделю закончим, — ответил Ребров. — Технологии отработаны, процесс пошел. Никто из исполнителей заказа не знает и не узнает, что именно он делает.

— Добро. — Филипп отключил связь, вполне понимая собеседника.

Речь шла об использовании мощностей существующих заводов и верфей по изготовлению космической техники и строительству спейсеров для создания второго «солнечного крота» и еще одного «паньтао». План был разработан таким образом, чтобы узлы «крота» и «уничтожителя зеркал» делались на разных заводах (всего было задействовано три десятка предприятий) и лишь на стадии сборки на базе УАСС должны были стать частями единой конструкции. Но об этом те, кто выполнял заказы на изготовление деталей и узлов, не догадывались.

— Проблемы? — посмотрел на директора начальник техцентра, тоже принимавший участие в разработке второго запасного варианта.

— У кого их нет, — отмахнулся Филипп.

— Помощь нужна?

— Пока нет. С тебя будет достаточно, если ты вовремя сделаешь свою работу.

— Я могу и больше.

— Что ж ты не предложил свою кандидатуру в экипаж «крота»? — съязвил директор Управления.

Начальник техцентра нахмурился, перестал жевать.

— Это удар ниже пояса, босс. Ты же знаешь, что я некомбатант.

Филипп вздохнул. Он помнил, что главный специалист Управления недавно заменил сердце и что нагрузки ему противопоказаны.

— Извини, я просто на взводе. Все время думаю о ребятах, что сидят сейчас в кабине «крота».

— Да, героические парни, — вздохнул и собеседник. — Хотя в какой-то мере я им завидую: они могут позволить себе выбрать такой образ жизни.

— Героизм — это род смерти, — отрезал директор сварливо, — а не образ жизни. Доедай один, мне надо бежать.

Филипп сделал глоток сока, вылез из-за стола и включил тайф.

Операция по захвату базы Дьявола в Берне прошла успешно, а главное тихо. Ее защитники даже не успели сообщить о провале своему непосредственному начальству. Прибывшие на базу оперативники службы безопасности быстро обыскали ее, вскрыли все отсеки, распотрошили инк базы и выяснили немало секретов резидентуры Дьявола, действующей в Солнечной системе с приличным размахом.

Филипп Ромашин тоже посетил Берн и не без интереса оглядел трофеи безопасников, среди которых оказались и поистине уникальные: неизвестного назначения и происхождения устройства, странной формы предметы, а также целый бункер «морской капусты» — метровой длины жестких зеленых стеблей, кудрявившихся на концах.

— Что это за фиговина? — кивнул на стебель Ромашин.

— Этой «капусты» здесь несколько тонн, — ответил Ребров, сопровождавший директора вместе с Юэмей Синь и Германом Алнисом. Филипп при встрече покосился на молодого человека, но ничего не сказал, хотя, по его мнению, присутствие молодого ксенопсихолога в данном месте было лишним.

— Пойдемте, кое-что покажу, — продолжал комиссар.

Они спустились на самый нижний уровень базы, представлявший собой разделенный на отсеки бункер с центральным залом. В отсеках находились те самые устройства и вещи, образцы которых показали директору Управления, центральный зал был почти пуст, если не считать какой-то шипастой ажурной конструкции, напоминавшей деформированный трехметровый куб. Он был собран из стеблей «морской капусты» и производил странное впечатление жи в о г о организма.

— Ну, и что это? — осведомился Филипп.

— Мы назвали эту штуковину «кубоидом». Его назначения никто не знает, но у нашего эксперта Германа Алниса есть вполне логичная гипотеза, объясняющая наличие здесь этих артефактов.

Директор Управления посмотрел на Германа, потом на Юэмей Синь, и женщина поняла его чувства.

— Надо было давно привлечь господина Алниса к работе в контрразведке, — сказала она с тонким намеком. — Его опыт ксенопсихолога оказался чрезвычайно полезен.

— Не сомневаюсь, — буркнул Филипп. — Так что это за артефакт?

— Это зародыш робота или АИСТа негуманоидов, — сказал Герман. — Кто-то начал его собирать, но не закончил. Вполне возможно, когда он будет смонтирован полностью, нас ждет встреча с самим резидентом.

Филипп окинул возбужденное лицо молодого человека скептическим взглядом.

— Вы считаете, это и есть резидент Дьявола?

— Не резидент, а его помощник, возможно, инк или система связи со своим миром.

— Почему вы уверены, что это изделие негуман?

— Потому что во всех действиях Дьявола вокруг Солнца прослеживается логика негуман. Сам он — явно негуманоидная система, мы это уже знаем, так почему же его резиденту не быть негуманом? Только этим можно объяснить тот факт, что Дьявол не считается с потерями, зомбирует людей и гонит их на убой. Судьба исполнителей-гуманоидов его ни капельки не интересует.

— Ну, судьба исполнителей никогда не интересовала и чисто земных террористов, и бандитов.

— Есть еще одно обстоятельство, — вмешалась Юэмей Синь, — подтверждающее предположение Алниса. Статистика и динамика всех событий, связанных со сферозеркалами, указывают на использование сигма-логики, присущей таким существам, как дайсониане.

— Час от часу не легче. По-вашему, в Системе гостит дайсонианин?

— Скорее всего нет, но дайсониане — теплокровные растения и тоже негуманоиды.

Филипп задумчиво обошел кубоид, больше похожий на

тюремную клетку или пыточную камеру, чем на «зародыш негуманоидного робота».

— Если эта конструкция и в самом деле принадлежит негуману, у нас появляется прекрасная возможность договориться с резидентом. Или скорее с его сородичами в Галактике. Но для этого надо захватить резидента живым. Кстати, никак не пойму, почему вам пришла в голову идея, что кубоид — недомонтированный робот. На кого же тогда должен быть похож сам резидент?

— Судя по материалу кубоида — а каждый стебель «морской капусты» представляет собой квазиживой организм, — мы имеем дело с разумом типа «симбиот», или «диффузный организм».

— Точнее, я в свое время изучал ксенозоологию и знаю термины. На кого похож резидент? На тучу комаров, мух, пчел? На муравьиную кучу? Плесень?

Ребров и Юэмей Синь переглянулись, но молодой ксенопсихолог не смутился.

— Я думаю, что это микробный кластер.

Филипп с любопытством посмотрел на Германа.

— Гера, ты в своем уме?

Герман порозовел, но уверенности не потерял.

— Я не физик, но, похоже, мы столкнулись с так называемыми метастабильными состояниями в биологии. Сначала выращивается или собирается организм — носитель разума со своей энергосистемой — вот этот самый кубоид, только гораздо больших размеров. Затем в нем поселяется кластер микроорганизмов типа микробов или бактерий, который организует своеобразный мозг негумана, и состояние кубоида резко меняется: он становится р а з у м н о й системой.

Филипп еще раз окинул молодого человека заинтересованным взглядом, повернулся к кубоиду.

— Весьма оригинальная идея. Значит, вы полагаете, что перед нами внешняя оболочка резидента, то есть его скелет.

— Не скелет, а, так сказать, кристаллическая затравка, играющая одновременно и роль скелета.

— Почему же он прибыл к нам в «разобранном виде»? Кто его должен собрать? И как он до сих пор руководил агентурой?

— Этого я не знаю, — беспомощно развел руками Герман. — Может быть, микробный кластер управляет сейчас

кем-то из людей напрямую, ждет, пока его соберут. А может, он способен внедряться в коммуникационные сети...

— Можем проверить, — сказал Ребров. — Доставим этот с позволения сказать «организм» на полигон на Плутоне, подсоединим к нему остальные «кости» и посмотрим, что получится. В конце концов, уничтожить кубоид мы всегда успеем.

— Хорошо, — после некоторых колебаний проговорил Филипп. — Попробуйте. С учетом всех последствий и соблюдением необходимых мер предосторожности. Чем вы еще можете похвастаться?

— Отойдем, — сказал Ребров, мельком взглянув на оставшуюся спокойной Юэмей.

Директор и комиссар вышли в коридор базы.

— Судя по той информации, которую удалось выкачать из чужого инка, мы, похоже, действительно скоро выйдем на резидента-человека. Того, кто координирует работу всей агентурной сети Дьявола. А пока у нас для тебя неприятный сюрприз: я могу назвать имя человека, через которого происходит утечка информации из погранслужбы и из нашего лагеря.

— Ну?

— Владислав Дикушин.

Филипп сжал губы в узкую полоску. Лицо его превратилось в маску. Он помолчал с минуту, что-то решая в уме, расслабился, качнул головой.

— Не верю. То есть все понимаю, но не верю. Я грешил на Дзарковского, своего зама.

— Сочувствую. — Ребров тоже помолчал. — Ты ведь давно знаешь Дикушина?

— Почти семьдесят лет, — горько проговорил директор УАСС.

Стодесятилетний патриарх, бывший космен, ученый и философ, глобальный проблемист службы безопасности, много лет назад разработавший концепцию космической безопасности человечества, по учебникам которого училось уже не одно поколение студентов-психологов, социологов и ксеноюристов, Владислав Дикушин подстригал розы вокруг своего личного коттеджа на одном из островов Малайзии,

когда начальник его «эшелона» охраны сообщил, что куттер директора УАСС просит посадку на территории владений патриарха.

— Он один? — поинтересовался Дикушин.

— Плюс витс-телохранитель.

— Посадку разрешаю. — Дикушин отложил инструмент и, вытирая руки фартуком, направился к взлетно-посадочной площадке за трехэтажным домом, которую окружали экзотические виды деревьев: панданусы на ходульных корнях, хлебное дерево, болотный кипарис, земляничное дерево, древовидные маргаритки, пахиподиумы, похожие на призраки заколдованных существ, и другие растения, названий которых не знал и сам хозяин участка. Одет он был в шорты и майку, хорошо загорел и стариком не выглядел.

Бело-голубой куттер с эмблемой УАСС завис над поляной, заросшей густой метельчатой травой, сел. Из него неторопливо выбрался Филипп Ромашин в костюме официала, за ним — витс охраны.

— Хорошо у тебя здесь, — сказал директор, кинув взгляд на цветущие заросли флердоранжа. — Тихо, покойно...

— Что-нибудь случилось? — проговорил Дикушин, понимая, что директор появился у него неспроста.

— У нас всегда что-нибудь случается, — рассеянно отзывался Ромашин. — Служба такая. Я к тебе ненадолго, посоветоваться надо. Где мы можем поговорить пять минут, чтобы нам не мешали?

— Пойдем в мое скромное бунгало.

Дикушин повел гостя по галечной дорожке к дому, у входа в коттедж остановил витса.

— А он пусть постоит здесь. У меня полно охранной автоматики и без этого болвана.

— Не обижай моего парня, — усмехнулся Филипп. — Он не болван. Илья, подожди меня здесь.

Витс кивнул, как живой человек, остановился у колонны входа.

Хозяин пропустил гостя в дом, внимательно оглядел небосвод, закрыл дверь. Провел Ромашина через сказочно красивый холл и усадил в одно из роскошных «кожаных» кресел гостиной.

— Посиди, я переоденусь и принесу кофе.

— Некогда мне пить кофе, — проворчал Филипп. — Садись, разговор не займет много времени.

Дикушин настороженно посмотрел на него, что-то прикидывая в уме, сел в кресло напротив.

— Слушаю.

— Мы захватили базу резидента Дьявола в Берне, — бесстрастно сказал Филипп. — Нашли много любопытного, в том числе «скелет» самого резидента. Он негуман. Кроме того, обнаружили список агентов. — Директор УАСС помолчал. — Я знаю тебя много лет, Владислав, мы с тобой работали рука об руку... и я не могу понять, чем Он тебя в 3 я л.

— Ты о чем? — поднял брови Дикушин.

— Брось, — поморщился Филипп. — Мы все проверили, проанализировали и сопоставили. Твоя сеть ликвидирована, ты последний. Так что Он тебе предложил? Дьявол?

Глаза Дикушина изменились. Помертвели, стали пустыми. Затем налились чернотой. В их глубине зажглись зловещие огоньки.

— Ты понимаешь, что я могу...

Филипп остановил его жестом, покачал головой, с грустью и сожалением глядя на старика.

— Ты ничего не можешь, Владислав. Район заблокирован. Выход на метро тоже, так что твой тайф бесполезен. Я понимаю, что у тебя есть где-то база отхода, и даже подозреваю, что не в Солнечной системе, а где-нибудь в системе Щита или Тукана.

Дикушин вздрогнул.

— Рано или поздно мы ее найдем, — продолжал ровным тоном Филипп. — И все же я не понимаю, чем можно соблазнить такого человека, как ты. Какова цена? Неужели на свете есть нечто, способное подвигнуть тебя на предательство?

— Берсеркер! — позвал Дикушин начальника охраны.

Ему никто не ответил. Тогда он достал из-под сиденья «универсал» и направил на Ромашина.

— Сейчас ты сядешь со мной в твою машину, доставишь меня к метро, откроешь линию, и мы расстанемся.

Филипп качнул головой, продолжая рассматривать хозяина с тем же выражением грусти и сожаления.

— Оставь, Владислав. Драки, погони, крутые виражи не

для тебя. Ты же знаешь наши возможности, тебя подстрелят независимо от моего положения, не успеешь нажать на курок.

— Пусть так, но я все же попытаюсь.

— Хорошо, попробуй, однако ответь на мой вопрос.

В глазах Дикушина мелькнула тень тоски, сменилась хищным блеском.

— Власть! — сказал он, скривив губы. — Власть, мой дорогой директор. Это единственный сильнодействующий наркотик, который не приедается и не влияет на здоровье.

— Ну, это ты перегнул, — не согласился Филипп. — Еще как отражается на здоровье. Недаром тех, кто особенно преуспел в борьбе за власть, называют короткоживущими. А я догадывался, но не хотел верить. Иногда это в тебе проглядывало, желание р у к о в о д и т ь, но ты справлялся. Пока тебе не предложили и н о й уровень власти. И ты сдался. Хотя скорее всего тебя подкорректировали, всунули в голову аккуратненькую скрытую программу, чтобы ты считал, что действуешь самостоятельно. Я не прав?

Дикушин потемнел, поднялся, шевельнул стволом «универсала».

— Вставай, директор, мне пора уходить.

Филипп остался сидеть, глядя на него снизу вверх.

— Еще один вопрос, Владислав. *Кто главный?* Я знаю, что не ты. Кто? Артур?

— Найдите сами, — гаркнул Дикушин. — Вставай, Филипп, иначе я не пожалею ни тебя, ни себя! Мне терять нечего!

Глаза глобалиста подернулись пленкой безумия. Он выстрелил из «универсала» над головой Ромашина (свист, удар, грохот обломков перегородок и мебели), направил ствол пистолета на Филиппа, и в то же мгновение сверху на него прыгнула смазанная скоростью тень, «универсал» вылетел из руки старика, а сам он оказался впечатанным лицом в пол.

Тень оформилась в витса-телохранителя директора, удерживающего Дикушина особым приемом. В гостиную вбежали несколько «призраков», шлем одного из них сложился веером на плечи, открывая голову Юэмей Синь.

— Рискуете, сяншэн, — неодобрительно покачала она головой. — А если бы он выстрелил в вас?

— Не выстрелил бы, — утрюмо проворчал Филипп. —

Чужая программа не смогла задавить в нем все человеческое. Отпусти его, Илья, — приказал он витсу.

Тот выпустил руку Дикушина, выпрямился, отступил на шаг. Однако старик остался лежать, не двигаясь, и Филипп, мгновенно поняв, что случилось, бросился к патриарху, перевернул его на спину и крикнул:

— Медиков сюда! Быстро!

— Самоликвид? — догадалась Юэмей.

Вбежали еще два человека, но уже не в маскировочных комбинезонах, а в белых униках врачей «Скорой помощи». Они быстро уложили Дикушина на антиграв-платформу, унесли. Филипп вышел из коттеджа вслед за ними.

На кремовой пластолитовой дорожке перед входом стояли три аппарата, один из них — белый галион с двумя красными полосами — имел яркие красные буквы «Т-СПАС». Это была машина экстренной помощи, оборудованная собственной кабиной метро. Если пациент нуждался в немедленной операции, его тут же отправляли «струной» в одну из дежурных клиник УАСС. Сейчас был как раз такой случай.

Дикушина погрузили в нутро галиона. Дверцы машины захлопнулись. Взыла сирена, полыхнул желтый огонь маячка. Галион улетел.

— Он так и не сказал, кто главный резидент, — проговорила за спиной директора Юэмей Синь. — Но это все-таки Артур Мехти. У нас на руках куча доказательств.

— Косвенных, — вздохнул Филипп. — Нужны прямые.

— Внимание, — раздался на волне «спрута-2» голос дежурного по Управлению. — Информация директору.

— Слушаю, — мысленно ответил Филипп.

— Кодированное сообщение от командира «солнечного крота». У них все нормально. И еще одно кодированное сообщение от полковника Хаджи-Курбана, всего два слова: возможны сюрпризы.

— Что? — правильно поняла его остановившийся взгляд Юэмей Синь. — Донесение о т т у д а?

— Поговорим в Управлении, — ответил Филипп, включая тайф.

* * *

Полковник Юзеф Юзефович, конквист правительственной службы безопасности, агент по особым поручениям министра безопасности, командир группы спецопераций, жил недалеко от старинного городка Лебы, на берегу Лебского озера, располагавшегося в западной части мыса Пшилёндек-Розеве. По статусу общественно значимой персоны он имел право на отдельный коттедж и два акра земельных угодий, но де-факто владел двумя жилыми блоками — в Познани и в Малайзии, и пятиуровневым коттеджем в Лебе, а также двумястами акрами земли. В сущности, окрестности озера и оно само являлись его собственностью.

Прибывшие к озеру Хасид и Кузьма расположились на северном холме с биноклями в руках и принялись изучать расположение объектов на территории владений ЮЮ, ожидая подкрепления. До этого они посетили квартиры полковника в Познани и в Ухуру, выяснили, что Юзефович «отдыхает», и начали готовиться к штурму «крепости», которую представлял собой коттедж «ценного работника», больше напоминавший рыцарский замок времен крестоносцев. ЮЮ любил экзотику и знал толк в старинной архитектуре.

Связанного Оскара друзья оставили в доме Хасида под присмотром витса, после чего начали поиск единомышленников. А так как этот поиск не должен был привлечь внимание агентуры Дьявола, задача усложнилась, обратиться можно было не ко всем, а только к проверенным людям, и помощников набралось всего пять человек. Зато все они были профессионалами высокого класса. Кузьма знал их почти всех — встречался с ними в компаниях, где вращался Хасид. Не знал Ромашин только одного — инк-оператора разведсистем Степанова, который согласился обеспечить информационное прикрытие операции.

Экипировка не заняла много времени: Ходя превратил свой дом в самую настоящую базу, и друзья быстро обзавелись комбинезонами типа «хамелеон», парализаторами, одним «универсалом» и одним карабином «дракон», способным стрелять пулями всех видов (калибр шестнадцать с половиной миллиметров), а также миниатюрными аннигиляционными капсулами тротильным эквивалентом в сорок пять тонн каждая. Капсулы эти почему-то назывались «хироси-

мами», и добыть их было почти невозможно, однако у Хасида отыскиались три обоймы «хиросим», с помощью которых вполне можно было превратить замок ЮЮ в груды развалин. Однако такой задачи друзья перед собой не ставили.

Кузьма поинтересовался, откуда «хиросимы» у безопасника, но ответа не получил. Видимо, источник столь мощных боеприпасов представлял собой служебную тайну.

Кроме оружия, «десантники» имели стократные бинокли, аппаратуру для дистанционного прослушивания разговоров, эфирные «глушилки», системы связи и, разумеется, тайфы. Из транспортных средств у них был шестиместный флейт с эмблемой экологической полиции.

Заговорила рация:

— Первый, второй, я третий, готов к работе.

— Мы на позиции, третий. — ответил Хасид. — Ждем остальных. Дислокация: северная часть Лебского озера. Степа, можешь просканировать всю территорию?

— Я этим сейчас и занимаюсь. Дайте пару минут.

— Чьей аппаратурой пользуешься?

— «Глонар».

Хасид посмотрел на Кузьму, лежащего рядом на вершине холма, поднял большой палец.

— Это глобальная топогеодезическая система. Различает детали площадью до одного сантиметра.

— Откуда у него доступ к «Глонару»?

— Степа — геонавигатор, стажировался в «Глонаре», всех там знает.

Помолчали, разглядывая в бинокли озеро с двумя пустыми пляжами, лес вокруг, луга, замок. Вечерело, и в поле зрения биноклей никто не попадал. Лишь однажды к замку полетел пузатый галион службы быта, что-то выгрузил во дворе, за стенами, и улетел. Но это спокойствие и мирная идиллия ландшафта были обманчивы. Территория замка просматривалась видеокамерами и охранялась серьезно, как самая настоящая крепость.

— Знаешь, о чем я думаю? — проговорил Кузьма, опуская бинокль.

— Знаю, — откликнулся Хасид, также отрываясь от окуляров. — Чтобы все это быстрее закончилось, мы вернулись на борт «крота», уничтожили «огнетушитель», а потом все

вместе — ты, я, Гера — отдохнули бы где-нибудь в глуши. Например, на Марсе.

Кузьма с недоумением посмотрел на друга.

— Ты читаешь мысли?

— Твои мысли написаны у тебя на физиономии, — хмыкнул Хасид. — Кстати, я тоже хочу, чтобы все побыстрее закончилось. До чертиков надоело гоняться за Дьяволом и его приспешниками.

— Первый, я третий, — заговорила рация. — Докладываю обстановку. Территория сканируется видеосетью на стандартных частотах, так что ее легко нейтрализовать дельта-пакетом, Вовчик с этим справится. Терминал охраны один, располагается в башне с крестом: пять человек, три витса, оружие штатное, но, по-моему, есть и кое-что потяжелее, что не разрешено законом: плазмоны и «бастинды». Так что поосторожнее там. Кроме охраны, в замке находятся четверо: три мужика и женщина.

— Катя?! — вырвалось у Кузьмы.

— Этого я сквозь стены определить не могу, — сухо ответил Степанов. — Возможно, это она и есть, так как находится одна в одной из башен — той, что с флюгером.

Кузьма поднес к глазам бинокль, найдя башню с флюгером. Она венчала стык мощных стен замка, сложенных из каменных глыб, и выходила стрельчатыми окнами к лесу.

— ЮЮ здесь? — спросил Хасид.

— Да, в замке, и, судя по телефонным переговорам, кого-то ждет. Я бы рекомендовал дожждаться гостей и только потом начинать.

— Четвертый, Эмир, — позвал безопасник. — Где вы?

— Занимаем позиции, — отозвался коллега Хаджи-Курбана, так же как и он, уроженец Исфахана. — Через минуту будем готовы.

— Ждем прибытия гостей.

— Понял. Какова стратегия? Надеюсь, огневой штурм?

— Не надейся, мы должны просочиться в замок без шума. Вовчик, готовь «хаммаду».

— Слушаюсь, сэр, — донесся голос Владимира Баковского.

«Хаммадой» на условном языке называлась аппаратура подавления электромагнитных сигналов и создания помех,

применявшаяся очень редко, но хранившаяся на складах службы безопасности.

— Вижу приближающийся с юго-востока борт, — доложил Степанов, контролирующий через спутники воздушную обстановку в районе Лебского озера.

Кузьма повел окулярами бинокля и в сгушающихся сумерках увидел красивый флейт типа «VIP-комфорт». Он заложил вираж над замком и приземлился на лужайке у тяжелых с виду деревянных ворот, обитых бронзовыми пластинами, полосами и заклепками. Из флейта спрыгнули на траву две женщины и молодой человек в шегольском серебристо-черном униформе. Ворота распахнулись, показался Юзеф Юзефович собственной персоной, раскрыл объятия, обнимая обеих женщин сразу, и повел их во двор. За ними, оглядываясь, вошел хорошо одетый молодой человек. Ворота закрылись.

— Не многовато ли девушек для полковника? — пробормотал Кузьма.

— В самый раз, — отозвался Хасид. — По слухам, ЮЮ весьма любвеобилен.

В половине десятого окончательно стемнело.

— Вовчик, туши свет, — скомандовал Хасид. — Пятый, шестой, ваша цель — охрана, башня с крестом. Седьмой, Лёва, страхуешь всех сверху. Четвертый, поможешь ребятам с охраной. ЮЮ и его компанию без нужды не трогать. Мы с Кузьмой идем к башне с девушкой. И никакой стрельбы! Огонь открывать только в крайнем случае. Степа, на тебе целенаведение и предупреждение о передвижении противника.

— Готов!

— Вовчик, копаешься!

— Шум пошел! Камеры нейтрализованы.

— Вперед!

Хасид и Кузьма прыгнули в темно-серый флейт, тут же взмывший в воздух. С трех сторон к замку ринулись машины безопасников, в считанные секунды преодолели отделявшее их от коттеджа расстояние. Флейт Кузьмы спикировал к башне со стрельчатыми окнами и флюгером наверху.

Окна оказались узкими, нечего было и думать пролезть через них внутрь башни, поэтому пришлось действовать в соответствии с «планом номер два».

— Степа, башня имеет три этажа, где женщина? — вызвал Степанова Хасид.

— На втором. Но будьте внимательны. В коттедже началось движение. К вам по первому этажу приближаются двое: ЮЮ и очень крупный субъект массой свыше ста двадцати килограммов.

— Витс?

— Нет, похоже, живой телохран.

— Начали. — Хасид достал «универсал», перевел ползунков рода стрельбы на «НП» и нажал на курок.

Разряд невидимого глазу поля, нейтрализующего молекулярные связи вещества, пришлось на левую плиту оконного переплета и проделал в ней полуметровой глубины выемку. Теперь в окно можно было протиснуться даже в спецкомбинезонах. Кузьма и Хасид включили аппаратуру маскировки, превратились в бесплотные прозрачные «привидения» и один за другим быстро пролезли в помещение третьего этажа башни, оставив флейт висеть в воздухе под окном.

Они оказались в темном зале с камином и овальным столом посередине, вокруг которого стояли шесть массивных стульев. Стены зала были увешаны алебардами, мечами, пиками, мушкетами и другим холодным и огнестрельным оружием. Судя по запахам, камин недавно топили настоящими сосновыми поленьями.

— Охрана оживилась, — доложил Славик (пятый). — Людей мы обездвжим, а витсов придется уничтожать, у них плазмоны.

— Эмир, помоги пятому. И не подставляйтесь! — бросил Хасид. — Уволю!

— Обижаешь, командир.

Где-то в недрах замка зародился шум, покатился по коридорам здания, раздался гулкий удар, за ним второй.

— За мной! — скомандовал Хасид, рывком открывая дверь (она здесь не имела автооткрывателя) и выскакивая на лестничную площадку.

Кузьма тенью метнулся за ним, переходя в состояние от-в е т а¹.

Они бесшумно скатились по лестнице на второй этаж

¹Имеется в виду состояние адекватного ответа на внешнее воздействие.

башни и ворвались в распахнутую дверь, где, по словам Степанова, находилась пленница.

Этот зал был копией того, в который проникли «десантники», разве что вместо оружия на стенах висели яркие ковры и картины, стол был стеклянным, а в камине ярко пылал огонь. ЮЮ стоял у роскошно отделанной кушетки и разговаривал с женщиной. Но это была не Катя. Это была Аля, бывшая жена Ромашина!

Кузьма почувствовал такое жестокое разочарование и одновременно изумление, что на какое-то время потерял способность реагировать на изменение ситуации. Хасиду пришлось действовать одному.

Безопасник выстрелил в гиганта, сопровождавшего ЮЮ, из парализатора и направил на дернувшегося за оружием хозяина замка карабин «дракон».

— Спокойно, полковник! Эта штука стреляет.

ЮЮ замер, глядя на переливающиеся перед ним «струи нагретого воздуха», из которых торчали стволы «универсала» и «дракона».

— Кто вы?! Что вам надо?! Или это ты, Корн? Твои шуточки?

Из глубины замка донеслись хлопки, стены башни вздрогнули. ЮЮ прислушался к шуму и к шепоту рации, рука его снова непроизвольно метнулась под мышку, где был закреплен пистолет, остановилась на полпути.

— Кажется, я знаю, что за гости к нам пожаловали. СБ УАСС, не так ли? За каким дьяволом, если не секрет?

— Вовсе не за дьяволом, — хладнокровно сказал Хасид. — Где Екатерина Лапарра?

— А я почему знаю? — Глаза ЮЮ сверкнули. — Впервые слышу это имя.

— Врешь! — не выдержал Кузьма, разглядывая ничуть не потрясенную появлением «привидений» жену. — Оскар сказал, что она у тебя!

При звуках голоса Ромашина Алевтина подняла брови, с интересом посмотрела на говорящий «блик воздуха».

ЮЮ усмехнулся.

— Кажется, и с вами мы знакомы. Господин Кузьма Ромашин, не так ли? Который, кстати, должен находиться сейчас на борту «солнечного крота». Неужели brave теоретик испугался и сбежал?

— Негодяй! — Кузьма выключил аппаратуру маскировки и шлема, не слушая предостережений Хасида, и стал виден. — Да, это я! Но я не сбежал, и ты прекрасно это знаешь! Где Катя?!

— Кузя? — очень натурально удивилась Алевтина. — Что ты здесь делаешь?

— А ты? — огрызнулся Кузьма.

— Мы теряем время, — сказал Хасид, не открываясь. — Юзеф, ты умный мужик и должен уметь проигрывать. Отдай нам Катю, и мы оставим тебя в покое.

— А если не отдам? — любопытствовал встревоженный, но не испуганный Юзефович.

— Мы сейчас не связаны нормами службы, то есть действуем неофициально, поэтому терять нам, как ты сам понимаешь, нечего. Мы просто превратим этот коттедж в развалины, из-под которых спасатели извлекут твой труп. Годится такой вариант?

— Я все-таки попробую посопротивляться и дождусь своих ребят. Сигнал тревоги уже пошел.

— Ну что ты, полковник, мы не дилетанты. Твоих ребят придержали мои люди, вряд ли они сюда доберутся. Но ты прав, времени у нас мало. — Хасид отобрал у Кузьмы «универсал» и выстрелил.

Огненная стрела вонзилась в красивую люстру в стиле «прибалтийского анархизма», разнесла ее на куски. Грохот, звон, фонтан обломков металла и стекла. Вскрикнула Алевтина. Дуло «универсала» глянуло в лицо хозяина коттеджа.

— Где Катя?

— Кажется, вы меня уговорили, — задумчиво проговорил ЮЮ. — Очень не хочется восстанавливать антикварный интерьер. Этой люстре, между прочим, около трехсот лет. Не скажете, с кем я имею дело? Голос знаком, но я никак не...

— Хасид, — вмешалась Аля. — Друг моего мужа.

— Ах вон оно что, полковник Хаджи-Курбан. Мне надо было сразу догадаться. Вы всегда появляетесь не вовремя. О вас прямо легенды ходят...

Хасид шевельнул стволом пистолета, ЮЮ заторопился:

— Идемте, отведу вас к пленнице. Каюсь, это была моя идея использовать ее в качестве заложницы. Стандартный прием, но весьма эффективный.

— Разве она здесь?

— Что вас удивляет, полковник?

— Наши системы слежения зафиксировали в доме только одну женщину. — Хасид указал на Алю.

— А какой системой вы пользуетесь? «Инмарсатом»?

— «Глонаром».

— «Глонар» не разведсистема, она бессильна против спецкранировки. Катя сидит в комнате с фазовой защитой. Не волнуйтесь, с ней все в порядке. Она не в моем вкусе. — По губам ЮЮ скользнула гаденькая улыбочка.

— Оружие!

ЮЮ задумчиво посмотрел на прозрачно-колеблющуюся «тень» безопасника, на торчащие из воздуха стволы «дракона» и «универсала», расстегнул уник и вынул из захвата свой пистолет.

— Кузьма, возьми.

Ромашин машинально принял протянутый «универсал».

— Оставайся здесь, жди нас.

ЮЮ и Хасид вышли. Кузьма и Аля встретились глазами.

— Не ожидала тебя здесь встретить, — задумчиво проговорила женщина.

— Да уж я тоже... — Кузьме вдруг стало грустно и весело одновременно. Грустно оттого, что Аля выбрала в друзья и любовники полковника, репутация которого была сильно подмочена связью с резидентом Дьявола, весело — оттого, что она явно не страдала от разлуки с мужем, сама сделала выбор и сняла с души Кузьмы пресс вины. Хотя виноват в создавшейся ситуации он по большому счету и не был.

— Ты ее любишь? — ироническим тоном спросила Аля.

— А ты его? — усмехнулся Кузьма.

— Пожалуй, нет... хотя он сильнее тебя... в определенном смысле.

— Представляю.

— Не представляешь. И все же, Ромашин, неужели ты любишь эту бывшую игрушку Оскара?

Кузьма потемнел, сказал глухо:

— Не смей ее оскорблять!

Она с пренебрежительным видом улыбнулась.

— Разве я не права?

— Прекрати!

— А то что? Ты меня застрелишь?

Кузьма смерил Алевтину взглядом, молча повернулся и пошел к двери.

— Эй, теоретик, — окликнула она его. — Повернись.

Кузьма оглянулся и увидел направленный на него ствол парализатора. Замер, глядя на ставшее злым и некрасивым лицо бывшей жены.

— Да, ты в меня не смог бы выстрелить, *теоретик*, но я не столь сентиментальна. И я *никогда* тебе не прощу, что ты посмел уйти от меня первым!

Аля была и оставалась актрисой по жизни и любила театральные жесты.

Темный зверь прыгнул на Кузьму — так ему показалось, а в следующее мгновение он уже ничего не соображал и не чувствовал. Бывшая жена выстрелила в него из парализатора. Подбежала к упавшему, собираясь отобрать у него «универсал» Юзефа, но не успела.

Вбежавший в зал Лёвчик выстрелил в нее из своего парализатора.

Кузьма уже не видел, как Хасид привел Катю и как вокруг началась пальба.

ЮЮ удалось вызвать подмогу, «десантникам» пришлось отбиваться с помощью «дракона», в результате чего от половины замка Юзефовича практически ничего не осталось. Затем к месту сражения примчалась обойма патруля УАСС, сверху на Лебское озеро опустился спейсер службы безопасности «Орел», и сражение закончилось. Защитники ЮЮ сдались.

Но сам он сбежал.

Глава 18

БЕГСТВО В СОЛНЦЕ

В глухой вздыхающей и шепчущей темноте возникли невидимые ласковые струи, коснувшиеся огромного окаменевшего тела Кузьмы. Он их почувствовал, однако не смог увидеть и определить, что это такое и почему их прикосновение так приятно.

Струи исчезли. Кузьма ощутил укол и стал проваливаться в темноту как в омут. Каменный панцирь, сковавший тело, треснул, начал отваливаться, но этот процесс сопровождал-

ся вспышками боли, Кузьма напрягся, закричал, не слыша своего голоса, и тут же появились нежные, ласковые струи, унимающие боль, а откуда-то из невероятной дали донесся тихий, успокаивающий гул, несущий заботливое тепло.

Темнота начала отступать, рассеиваться, в ней проявились светлые прожилки и пятна. Нежные струи превратились в удивительно мягкие пальцы, перебирающие волосы на голове, а гул — в убаюкивающий ласковый женский голос.

— Катя... — прошептал Кузьма, сбрасывая с себя остатки «панциря» и силясь разлепить глаза.

— Очнулся... — донесся до него чей-то шепот.

— Лежи тихо, — влилась в уши райская музыка голоса Кати. — Тебе нужен покой. Я рядом, все нормально, спи...

— Ка... тя... — Кузьма улыбнулся и стал тонуть в тишине. Но не испугался этого, просто уснул...

Следующее его пробуждение было гораздо более приятным.

Стоило ему выбраться из душной пещеры полной неподвижности на свет, как он стал различать чьи-то негромкие голоса, увидел смутные тени, попытался протереть открытые глаза и очнулся окончательно.

Он лежал в светлой просторной комнате с закругленными углами и матово-белыми стенами, на необычной кровати, напоминающей большую люльку. Рядом стояла хрустально-серебряная, играющая разноцветными огнями колонна вириала какого-то медицинского аппарата, подсоединенного к кровати. Еще два аппарата вырастали из стены и зорко следили за лежащим целой системой окуляров и антенн.

У огромного — во всю стену — окна стояли и разговаривали трое: мужчина и две женщины. Одна из них угадала движение больного и быстро подошла. Это была Екатерина. Приблизилась и вторая.

— Мама, Катя... — сказал Кузьма с блаженной улыбкой. — Где я?

— Я говорил — рано, — проворчал мужчина. — Мысли и женщины вместе не приходят. Он еще ничего не соображает.

— Дед!..

— Лежи, не напрягайся, — сказала мама, заботливо поправляя покрывало. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально... спасибо... так я в клинике? Сколько же я здесь пролежал?

— Двое суток.

— Не может быть!

— К сожалению, может. Тебе достался слишком мощный разряд парализатора. Стрелок дозировкой не озаботился.

Кузьма полежал, привыкая к своему положению.

— ЮЮ задержали?

— Ушел. Не волнуйся, задержим, он в розыске, — сказал Филипп. — А вы с Хасидом еще получите за свою самодеятельность по полной программе.

— Это не самодеятельность... Нам Ян разрешил... — все поплыло перед глазами Кузьмы.

На колонне вириала перемигнулись огни, и тотчас же к голове Кузьмы придвинулись два манипулятора с сеточками, подул холодный ветерок с запахом озона, стало легче.

Катя взяла Кузьму за руку, встретила его прояснившийся взгляд, но только покачала головой. Она выглядела потерянной и грустной. Кузьма представил, сколько ей пришлось пережить, и погладил пальцы девушки, уловив ответную ласку.

— Где Ходя? — посмотрел он на деда. — С ним все в порядке? Он подтвердит, что мы действовали от имени Лапарры.

— Полковник Хаджи-Курбан продолжает нести службу в экипаже «солнечного крота». Выздоровливай, потом поговорим.

— Он вернулся?!

— Это его работа.

— Мне тоже надо вернуться на борт «крота».

— Не дури. После парализатора тебе надо восстанавливаться по крайней мере три дня. Пошли, Дениз. — Филипп взял невестку под локоть. — Нам еще надо решить кое-какие неотложные проблемы.

Мама наклонилась над Кузьмой, поцеловала в висок, погладила по щеке и вышла вместе с дедом. Катя дождалась, пока за ними закроется дверь, быстро поцеловала больного в губы и села рядом с кроватью на выросший из пола стул, продолжая держать Ромашина за руку. Он улыбнулся.

— Это ты меня гладила? Я чувствовал... так приятно!.. Давно здесь?

— Почти двое суток. Мне разрешили, я даже спала здесь. Кузьма зажмурился, счастливо улыбаясь, потом вспом-

нил бой с командой ЮЮ, выстрел из парализатора, помрачнел.

— В меня стреляла моя жена...

— Я знаю, — кивнул Катя. — Не надо копаться в прошлом, лучше давай поговорим о будущем.

— Ты считаешь, оно у нас есть?

— Что ты имеешь в виду?

— А ты?

— Я говорила о нас с тобой.

— А я о будущем человечества. Представляешь, что будет, если нам не удастся нейтрализовать «огнетушитель дьявола»?

— Не представляю. Я чувствую, что все закончится благополучно и без твоего участия. Ты свое дело сделал.

— Нет, я должен быть там, вместе со всеми, с Ходей, с твоим дедом. Понимаешь? Должен! Никто не сможет лучше меня настроить «паньтао» и включить в нужный момент.

— Лежи уж, герой. — Катя снова поцеловала его в губы. — И без тебя найдутся специалисты. Слава богу, что ты пришел в себя. Наконец-то я могу на пару часов слетать домой и привести себя в порядок. Выдержишь тут без меня, никуда не сбежишь?

— Сбегу, — пообещал он. — Хотя лучше было бы сбежать вдвоем. Мне здесь нечего делать.

— Полежи хотя бы еще денек, потом я тебя заберу. Обещай мне вести себя хорошо.

— Обещаю, но только в обмен на... — Кузьма подумал. — На поцелуй.

— Обойдешься, — с притворной строгостью сказала Катя, направляясь к выходу из палаты, потом вернулась бегом, поцеловала его так, что он чуть не задохнулся, и убежала.

Кузьма остался лежать со счастливой улыбкой на губах, с сожалением подумав, что лежит в клинике, а не дома у Лапарры. Там-то он не отпустил бы Катю просто так.

— Эй, есть кто живой? — позвал он.

— Слушаю вас, — вежливо отозвался палатный инк.

— Включи мне программу новостей.

— Вам нельзя волноваться.

— Включи, не то выпрыгну в окно, — пригрозил Ромашин.

Стена слева от кровати потеряла плотность, приобрела консистенцию туманной пелены и превратилась в виом. В глубине голубой сияющей бездны вспыхнула радуга, образова-

ла земной шар, бегущих по нему коней, фон из голубого стал темно-фиолетовым, по нему поплыла череда планет Солнечной системы, по которым проскакало стадо лошадей: это была эмблема программы мировых новостей. Затем эмблема переместилась влево, а на ее месте протаяло черное окно с ведущими передачи: очень красивой девушкой по имени Полина, бывшей «мисс Вселенная», и приятной наружности седым мужчиной. Они перечислили основные события дня и начали программу с сообщения об успешном продвижении к ядру Солнца «солнечного крота».

Вiom вспыхнул непередаваемо густым оранжевым светом, показывая недра светила с более темным рисунком «стеблей», «петель», «жил» и «клубней» — уплотнений и разряжений в солнечной плазме, а также более светлых участков, обозначавших очаги «предварительного ядерного разгона». Температура в этих очагах достигала таких значений, что уже могли идти термоядерные реакции протон-протонного цикла¹. За те двое суток, что Кузьма пролежал в клинике без сознания, «крот» успел пройти почти треть пути до ядра — то есть около двухсот двадцати тысяч километров.

— Мне надо быть там... — прошептал Кузьма, залитый потоком ало-оранжевого сияния.

К вечеру ему стало намного лучше, и он даже встал, чтобы пройтись по палате и постоять у окна, полюбоваться дивным весенним пейзажем за стенами клиники: пойма реки, обширные луга, кромка леса, неторопливо плывущие по безмятежному небу облака, сверкающие шпильи какого-то мегаполиса на горизонте.

Катя прибегала дважды, занятая какими-то таинственными неотложными делами, и пообещала просить медперсонал, чтобы Ромашина отпустили из клиники на следующее утро. Скрепя сердце Кузьма позволил уговорить себя и теперь маялся, не зная, чем заняться. От нечего делать подключил к видеосистеме палаты игровую программу и начал строить виртуальный мир, моделировать ситуацию в ядре Солнца, и в это время в палату зашел Филипп Ромашин.

Директор был озабочен, скуп на слова и торопился. Он

¹Реакции превращения водорода в гелий.

молча выключил аппаратуру виртуального моделирования, усадил внука на кровать и сел на стул сам.

— Ну-ка повтори, что вам с Ходей сказал Лапарра, когда информировал об ультиматуме?

Кузьма пожал плечами.

— Да ничего особенного. Сказал, что Катю пленили и потребовали код линии метро «крота». Потом посоветовал захватить Оскара, выяснить, где прячут Катю, и освободить. Это все. А что?

— Он не имел права отпускать вас. Ни под каким видом!

— Почему? У него оставалось всего шесть часов на раздумья. Как бы он освободил Катю, если бы не отпустил нас?

— Для этого существует множество других способов. Он мог бы послать мне сообщение.

— А если он боялся утечки информации? А так нас никто не ждал, операция прошла успешно...

Филипп усмехнулся.

— Успешно... Министр в ярости обвинил нас в превышении власти и срочно созвал Совет безопасности. Ребров снят. Юэмей Синь переведена в начальники отдела криминальной полиции. Как говорится: ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Вот тебе и успешно...

Кузьма проглотил ком в горле.

— Я не знал... извини... а ты? Тебя оставили?

— Пришлось идти на поклон к премьеру. Мы еще кое-что можем. Ладно, не расстраивайся, все скоро изменится. Возвращайся в институт, работай.

— Вы же хотели зачислить меня в штат службы безопасности.

— Пока нет смысла. Потерпи дня три-четыре, все решится. Катю береги, она практически беззащитна, нет у нее никого, кроме тебя.

— А друзья, дед?

Филипп отвернулся, прижал ухо пальцем, получая сообщение от дежурного, грузно встал.

— Я пошел. Не раскисай тут и в игрушки не играйся. О нашем разговоре никому ни слова.

— Конечно, дед, я понимаю, мог бы и не предупреждать. Черт, как плохо все повернулось! Если бы мы знали тогда... А где Оскар?

— Пришлось вернуть папаше... в обмен на некоторую ло-

яльность по отношению к семейству Ромашиных. Он пообещал нас не трогать.

— И вы ему верите?

— Упаси боже! Но какой-то малый резерв времени у нас есть.

— Значит, Оскар сейчас на Земле?

— Нет, вернулся с полковником Хаджи-Курбаном на «крот».

Кузьма встал, сжав кулаки.

— Тогда мне тоже надо вернуться! наших там всего трое против пятерых.

— Может быть, даже меньше. Но тебе *не надо* туда идти! Знаешь поговорку? Если господь хочет наказать зайца, он дарит ему храбрость.

— Но почему?! — вскричал Кузьма. — Я уже здоров, и меня никто не заменит! И я действительно не боюсь!

— Я запрещаю тебе даже думать об этом! — тяжело проговорил Филипп и вышел.

Дверь за ним бесшумно закрылась, оставляя пациента палаты наедине со своими эмоциями и мыслями.

— Вот вздорный старик! — в сердцах сказал Кузьма. — Уел-таки... Я боюсь, и еще как! Но ведь храбрость, как говорил классик, это когда только я сам знаю, как я боюсь...

Постояв минуту у окна, бездумно глядя на красноватый закат, предвещавший ветер, Кузьма очнулся и начал торопливо собираться.

Уник отыскался в стенном шкафу, туфли тоже. Тайфа нигде не было. Чертыхнувшись, Ромашин переоделся, потушил свет в палате, не отвечая на вопросы инка, выглянул в окно — палата располагалась на третьем этаже клиники — и прыгнул вниз.

Через полчаса он сел в такси, которое доставило его к ближайшей станции метро; ею оказалась вторая Тульская. Затем Кузьма позвонил Кате из виом-пузыря связи, сказал, не давая ей открыть рта, что отбывает на Солнце, попросил беречься и отключил связь. В кабине метро он набрал код метро «крота», сохранившийся в памяти. Вышел он уже в финиш-кабине «подсолнцехода».

* * *

«Крот» вибрировал и трясся так, что нейтрализаторы инерции и гасители колебаний не справлялись, и часть вибрации передавалась модулям отсеков, в том числе — рубке управления и жилой зоне. Но если пилот не мог покинуть рабочее место надолго, то остальные члены экипажа предпочитали отсиживаться в своих каютах, а точнее — отлеживаться в гамаках, специально взятых именно для такого случая.

Лежал и Кузьма, прибывший на борт «крота» шестого мая, в самый разгар тряски.

Приняли его спокойно, если не сказать — равнодушно, и лишь Оскар, попавшийся ему в коридоре, заметил со своей обычной самоуверенно-ехидной улыбкой:

— Битому неймется? Ну-ну... все впереди.

Кузьма прошел мимо молча, словно не заметил генерала, хотя был готов задушить его голыми руками.

С Хасидом они встретились в зоне отдыха, и безопасник, не ожидавший появления друга, поведал ему последние новости. Особенно тревожным было известие о странной атмосфере среди экипажа, практически отказавшегося заботиться о системах «крота» и контролировать движение машины к цели. Даже Беата Полонска, женщина неукротимой энергии и любознательности, потеряла интерес к происходящему и проводила время в основном в своей каюте, нехотя откликаясь на вызовы.

Кузьма предположил, что все это результат огромного психологического давления на души членов экспедиции, эффекта «ожидания смерти», и Хасид с ним согласился, но легче обоим от этого не стало. А Лапарра даже не поинтересовался, чем закончился их поход. То ли уже знал все от Оскара или директора УАСС, то ли был слишком занят управлением и прокладкой курса. И это обстоятельство тоже не могло не беспокоить безопасника и его друга. Однако, что бы ни происходило на борту «крота», аппарат по-прежнему упорно «грыз» плазму солнечных недр и продвигался к ядру, преодолевая каждый час примерно три с половиной тысячи километров.

Седьмого мая он пересек границу слоя «ядерного возбуждения» с температурой в полтора миллиона градусов, и вибрация в отсеках машины усилилась. Ходить по ее коридорам

стало почти невозможно: позвоночник выдерживал не больше полминуты, а потом начинал нестерпимо болеть. Объяснил это явление Уве Хесслер.

— Мы идем через зону высокочастотной плазменной турбулентности, — сказал он. — Турбулентность же вызвана образованием коллапсирующих каверн и плазмонов — плазменных волн различных типов, интенсивно взаимодействующих друг с другом.

— Почему они коллапсируют, эти ваши каверны? — вяло поинтересовался Хасид; этот разговор состоялся после полудня седьмого мая по интеркому — все лежали в гамаках.

— Каверны образуются из-за микроядерных взрывов, — обрадовался появлению собеседника доктор Хесслер. — В этом слое все время возникают очаги термоядерных реакций, получается небольшой взрыв, в плазме возникает газовая полость с высоким давлением диаметром до сотен метров, затем реакция прекращается, и каверна схлопывается, коллапсирует. В результате образуется волна давления, передающаяся со скоростью, намного превышающей звуковую, которую воспринимает наше защитное поле, а вместе с ним и корпус «крота». А так как такие микровзрывы происходят часто, получается вибрация.

— И скоро она закончится?

— Как только мы пересечем «границу Сахарова» — границу слоя, за которым идет «буферная» зона. Давление достигает миллиарда атмосфер, скорость движения частиц плазмы начинает превосходить фазовую скорость расширения каверн, частицы убегают от поляризационной «шубы» и образуются Т-солитоны — струи термоядерных реакций. Их всего шесть типов: альфа, бета, гамма, дельта, сигма и каппа. В альфа-солитонах происходит реакция слияния ядер углерода-двенадцать с ядрами водорода, образуется азот-тринадцать, плюс нейтрино и гамма-излучение. Потом в бета-солитоне азот-тринадцать распадается на...

— Не так быстро, профессор, — остановил физика Хасид. — Голова плохо воспринимает информацию. Как долго нам ждать вашу «буферную» зону?

Хесслер помолчал, обиженный остановкой, потом сухо сообщил:

— Не меньше двадцати часов.

Раздался чей-то стон, потом голос Гредаса:

— Господа соларнавты, может, развернемся да полезем назад, домой? Мочи нет терпеть!

Это заявление вызвало оживление у экипажа, слышались даже смешки и шутки, но непрекращавшиеся гул и тряска заставили вскоре всех замолчать. «Кротом» снова завладела «тишина».

Кузьма включил внешний обзор и оказался внутри пузыря, окруженного сияющей оранжевой бездной. Видеосистема «крота» работала отменно, подкорректированная специалистами после ходовых испытаний, и создавала эффект непосредственного наблюдения человеческими глазами происходящих вокруг процессов. Кузьма увидел «лес» ветвистых саксаулов — пересечений плазменных волн, более темных, чем основной фон недр Солнца; мерцание вспыхивающих и гаснущих звезд — термоядерных каверн; пробивающиеся откуда-то снизу, из глубин светила, переливчатые золотые языки огня — солитонные струи, а когда включался нейтринный телескоп, еще ниже (или глубже) проявлялась темно-бордовая крупноячеистая решетка — граница ядра Солнца, вечно кипящего термоядерного «котла». До него оставалось еще триста тысяч километров пути, почти трое с половиной суток. Где-то там, в невообразимой плавильне, торчал «футбольный мяч дьявола» и делал свое черное дело — поглощал плазму и охлаждал солнечное ядро.

Вибрация пошла на убыль раньше обещанного Уве Хесслером срока — спустя шестнадцать часов. Объяснялось это просто: командир «крота» и пилот увеличили скорость движения аппарата, и он преодолел слой высокочастотной плазменной турбулентности быстрее. Правда, при вхождении в «буферную» зону с ее солитонными струями вибрация полностью не ушла, просто стала ультразвуковой, слух лишь изредка улавливал тонкие пронзительные свисты и пiski стен помещений, но терпеть эти звуки было несравненно легче. Хотя и возникало сомнение в прочности корпуса машины, терзаемого непрерывной дрожью.

Хасид стал исчезать из своей каюты, не сообщая Кузьме, чем он занимается. Ожились и другие члены экипажа, потянулись в «общественные» места — в рубку и в зону отдыха с бассейном. Начал «выходить в люди» и Кузьма, стараясь

избегать встреч с Оскаром. В один из таких полубесцельных походов по верхнему уровню «крота» он обнаружил на стене коридора, рядом с люком в отсек «паньтао», самое настоящее «зеркало».

— Привет! — сказал Кузьма первое, что пришло в голову.

«Зеркало» равнодушно отразило его кривую физиономию с выпученными глазами и не ответило.

Кузьма подошел ближе, разглядывая плоский двухметровый лист зеркальной субстанции, воровато оглянулся и сунул палец в блестящую поверхность. Палец вошел в нее, не встречая сопротивления, как в более холодный слой воздуха.

«Доэкспериментируешься, — неодобрительно проговорил внутренний голос. — А если это «мертвяк»?»

Кузьма выдернул палец, вызвал Хасида. Безопасник появился через две минуты, сосредоточенный и невозмутимый. Оглядел «зеркало», погрузил в него палец, как Ромашин, покачал головой.

— Это не к добру.

— Вы о чем, полковник Хаджи-Курбан? — тотчас же раздался голос Лапарры.

Друзья переглянулись.

— Мы обнаружили «зеркало».

— Где?

— В переходном тамбуре к отсеку «паньтао».

Пауза.

— Ждите, я сейчас подойду.

— Дэв, регламент переходного тамбура, — быстро сказал Хасид.

— Слушаюсь, сэр, — раскатисто отозвался инк.

Хасид схватил Кузьму за плечи, развернул к себе.

— Слушай внимательно! Тебе надо срочно бежать на Землю! Лапарра не тот, за кого себя выдает. Почти все члены экипажа зомбированы! Я нашел в каюте Хесслера программатор. Они хотят запустить «паньтао» мимо цели, чтобы «огнетушитель» не пострадал. На Земле об этом никто не узнает. Времени мало. Передай деду, чтобы выслал сюда десант.

— Но как же... — растерялся Кузьма. — Почему Лапарра? Ты уверен?

— Не теряй времени, беги!

— А ты?

— Я их отвлеку, ничего они со мной не сделают. Ну иди же!

Хасид встряхнул Кузьму, подтолкнул его к эскалатору. Кузьма, как сомнамбула, деревянно переставляя ноги, пошел прочь, потом очнулся, оглянулся на провожавшего его глазами безопасника, вскинул вверх сжатый кулак и вприпрыжку помчался вниз. Скатился на второй уровень, миновал зону отдыха и свернул к жилой зоне, где были установлены кабины метро. Однако дверь каюты не открылась ни на мысленную команду, ни на голос. Она была заблокирована!

— Дэв, открой доступ к метро! — позвал инка Кузьма.

— Приказ командира, — ответил Дэв сожалеющим тоном. — Никого не пропускать.

— Куда это вы собрались, милейший? — раздался сзади скрипучий голос.

Кузьма оглянулся. На него с легкой улыбкой смотрел одетый в «кокос» Гарри Ширер, поигрывая красивой тростью с инкрустациями. Представитель СЭКОНа с момента старта «крота» в Солнце нигде не появлялся, ни с кем не беседовал и не встречался, и Кузьма буквально забыл о его существовании.

— Уж не сбежать ли хотите, милейший? — продолжал доктор многих наук и мастер по рукопашному бою. — А меня с собой возьмете?

Кузьма посмотрел на трость в его руке и понял, что оружие вытащить не успеет.

Глава 19

СБОРКА НЕГУМАНА

Идею Юэмей Синь «собрать» негуманоида, найденного на базе Дьявола в Берне, пришлось осуществлять Герману Алнису и заместителю комиссара безопасности Дзарковскому. Ни Юэмей, ни Владилен Ребров не могли руководить этим процессом после скандального заседания Совета безопасности Солнечной системы (СБСС) и последовавшей отставки обоих руководителей спецслужб. С подачи министра безопасности Реброва перевели начальником охраны ВКС, а Юэмей Синь стала начальником отдела криминальной полиции.

Филипп Ромашин удержался в своем кресле директора УАСС, хотя было принято постановление о его неполном

служебном соответствии. Сохранил пост командора погранслужбы и Игнат Ромашин, что давало шанс всей команде борцов с Дьяволом довести дело до конца.

Седьмого мая, в тайне от всех официальных лиц Правительства, СЭКОНа и ВКС, безопасники особой группы под командованием самого Дзарковского, которому Ребров передал свои полномочия, переправили на Плутон последний контейнер с «морской капустой» с базы в Берне, затем с соблюдением всех мер предосторожности перевезли контейнеры на полигон Института физических проблем, почти заброшенный, пустовавший несколько лет, хотя и сохранивший инфраструктуру. После этого под руководством Германа группа экспертов СБ начала «сборку» негумана под куполом одного из уцелевших корпусов полигона.

Задача оказалась нехитрой: стоило только определить способ соединения «водорослей», и дело пошло. Спустя сутки в центре зала, в котором поддерживалась искусственная гравитация, почти равная земной, и необходимая температура, красовалась удивительная спиральная конструкция, похожая на гигантского свернутого змея, с которого сняли кожу. Диаметр тела «змея» равнялся трем метрам. Но оживать этот «змеиный скелет» не хотел, несмотря на то жуткое впечатление ж и в о г о организма, которое он производил.

Измерения показали, что в объеме тела «змея» появились слабые блуждающие электрические токи и поля, иногда некоторые участки его «скелета» начинали светиться, но дальше этого процесс не шел. Негуман не хотел просыпаться. Или не мог.

Герман мучился этой загадкой долго, почти всю ночь, проведя ее с Юэмей в доме на острове Науру. А утром его осенило.

— Воздух! — внезапно вскричал он, хлопнув себя ладонью по лбу и перепугав уснувшую только под утро женщину. — Ну конечно, воздух!

— Что ты имеешь в виду? — с удивлением посмотрела на него Юэмей.

— Мы действительно собрали «скелет» негумана, — сказал возбужденный Герман, — то есть его оболочку, носителя. Теперь нужен мозг, который будет им управлять. А мозгом этим служит вирусный кластер. Где он может быть?

— На базе его не нашли. — Юэмей накинула на себя кино.

— Мы не там искали! Вирусный кластер не наблюдается визуально и может прятаться где угодно. В том числе прямо в воздухе. Понимаешь?!

— Звони Дзарковскому, — сказала бывшая начальница контрразведки; она быстро схватывала суть вопроса. — Надо выкачать весь воздух на базе в Берне и доставить его на полигон. Я пока сварю кофе.

Через полчаса влюбленная пара была принята Дзарковским в Управлении аварийно-спасательной службы. Еще через полчаса началась операция по герметизации базы в Берне и выкачиванию воздуха из ее помещений.

Утром восьмого мая на плутонианский полигон были доставлены баллоны с воздухом, который после тщательной подготовки закачали внутрь «скелета» негумана.

И ничего не произошло!

Точнее, почти ничего. «Змей» вздрогнул, изменил позу, образовав нечто вроде вопросительного знака, в нем усилилась электрическая активность, изменилась плотность полей, однако на запросы людей он по-прежнему не реагировал. Носитель негуманоидного разума оставался глух и слеп.

— В чем дело? — осведомился сухой, костистый, бледнолицый Дзарковский. — Почему он остаетсядохлым?

— Не знаю, — признался уныло Герман, виновато оглядываясь на директора УАСС, также присутствующего в зале. — Видимо, воздух базы был инфицирован слабо, массы вирусов не хватило для возбуждения сознания негумана.

— Тогда возникает вопрос: где прячется этот ваш пресловутый вирусный кластер? На другой базе, которую мы не нашли?

Глаза Германа остановились и остекленели. Он смотрел в этот момент на одного из техников, одетого в защитный костюм, который осторожно возился с приборами возле «скелета змея».

— Мама миа! — прошептал ксенопсихолог. — Как я сразу не догадался!

— Нашел? — обняла его сзади Юэмей, не стесняясь посторонних взглядов.

— Временное помещение... при отсутствии оптимальных условий...

— Очнись, сяньшэн.

— Идеальный носитель вирусного кластера в наших условиях — человек!

Стало тихо.

Филипп Ромашин, Дзарковский, Юэмей Синь, начальник охраны полигона, эксперты, участвовавшие в «сборке» негуманоида, молча смотрели на молодого ксенопсихолога. Первым пришел в себя директор УАСС.

— Артур Мехти!

Юэмей Синь поцеловала Германа в щеку, с гордостью глянула на Филиппа и с торжеством — на Дзарковского.

— Наконец-то вы оцените участие господина Алниса в нашей работе. Теперь я могу начинать операцию «паньтао», господин директор?

— Начинайте, — сказал Филипп. — Обеспечьте «темный» перехват, чтобы у господина министра не успела сработать программа самоликвидации. И запишите все детали операции, чтобы запись можно было предъявить в качестве обвинения.

— Вы... серьезно?! — выдавил из себя Дзарковский. — Артур Мехти... резидент?!

Филипп мельком взглянул на него.

— У вас мало доказательств?

— Все равно никто из СЭКОНа не даст нам санкцию на его арест. К тому же у нас нет прямых доказательств!

— Есть способ их получить, — проворчал заметно повеселевший Герман.

Все повернулись к нему.

— Продолжай, — сказал Филипп.

— Артура надо быстро доставить на полигон и всунуть в «скелет» негумана. Уверен, вирусный кластер, сидящий внутри министра и управляющий им, заставит ожить оболочку негумана, и мы получим прямой контакт с обоими.

— Гениально! — пробормотал Ромашин-старший.

— Гера, ты сумасшедший! — нежно проговорила Юэмей. Повернулась к Дзарковскому: — Идемте, Юрий, будем готовить план захвата Артура Мехти. Хотя в целом план уже готов.

Дзарковский мотнул головой, исподлобья посмотрел на директора Управления.

— Она же отстранена...

— Вы поступаете в распоряжение временно восстанов-

ленного руководителя контрразведки, — сказал Филипп сухо. — Это приказ.

— Но я не могу так...

— Тогда мне придется вас уволить.

Дзарковский вспотел, вытер выступившую на лбу испарину.

— Хорошо, я согласен работать под началом госпожи Синь... хотя мы рискуем потерять свободу.

— Мы рискуем потерять гораздо больше, — буркнул Филипп, отворачиваясь.

— К вам девушка, — вдруг доложил по рации координатор базы.

— Что за девушка? — не понял Филипп. — Какая девушка? Где она?

— Ждет в метро, во втором блоке полигона. Назвалась Екатериной Лапаррой.

Филипп встретился глазами с удивленной Юэмей.

— Сейчас буду. — Он озадаченно пригладил волосы на затылке. — Любопытно... Что ж, пойдемте вместе, поговорим с внучкой Яна.

Он включил тайф, чтобы не терять времени на путь от купола со «скелетом» негумана ко второму блоку комплекса, где была установлена кабина метро, перенесся прямо в кабину и тут же, не диктуя автомату запуска код станции на Земле, вышел в помещение блока.

Внучка Яна Лапарры ждала его у прозрачной стены небольшого зала, сквозь которую открывался вид на снежно-льדיстую равнину полигона с зависшим над ней серо-серебристым пухлым снежным комом Харона, освещенным слабыми лучами невообразимо далекого Солнца. Рядом топтался безопасник из свиты Дзарковского, пытаясь разговорить девушку. Увидев директора, он тотчас же отошел к выходу из зала.

— Здравствуйте, — обернулась внучка Лапарры на шаги Филиппа; лицо у нее было бледное и расстроенное. — Вы знаете, что Кузьма сбежал из клиники?

Ромашин-старший усмехнулся.

— Этого следовало ожидать. Кузя впечатлительная натура и рисковая. Он должен был так поступить.

— Вы что же, знали, что он сбежит на «крот», и... не выставили охрану палаты?

— Так было надо, Катюша. Твоему деду нужна помощь, одного полковника Хаджи-Курбана мало.

Глаза Кати потемнели, стали виноватыми.

— Боюсь, мой дед... не мой дед!

— Что? — Глаза директора похолодели, впились в лицо девушки. — Поясни.

Катя зябко передернула плечами.

— Настоящий дед не стал бы посылать Кузю и Хасида выручать меня, он пошел бы сам. Кроме того, он не стал бы ждать так долго, нашел бы меня еще до старта «крота». И еще... — Катя снова зябко поежилась. — Он знает о запасном варианте... о строительстве второго «крота».

Глаза директора УАСС еще больше похолодели.

— А откуда ты знаешь... о втором варианте?

Катя слабо улыбнулась.

— Случайно включила инк деда и нашла странную запись о «контроле спецзаказов». Там были еще цифры... код заказа. Я проверила два завода: Воронежский и Лас-Аламосский... Заказы на узлы и детали для нового «крота» отложены. Думаю, что то же самое творится и с другими заводами.

В зале появились Герман, Дзарковский, Юэмей Синь, витс-телохранитель директора. Филипп, не сводя с лица Кати своих ледяных глаз, жестом подозвал Дзарковского и Юэмей.

— Повтори для них.

Катя, запинаясь, пересказала им все, что знала.

— Не может быть... — начал было Дзарковский.

— Немедленно проверьте все заказы! — перебил его Филипп. — Разберитесь в причинах срыва сроков выполнения. Выясните, кто отдавал распоряжения отложить заказы, и сразу сообщите мне. Идите!

Дзарковский, потоптавшись, пересек зал и скрылся в метро.

— Он тормозит, — осуждающе проговорила Юэмей.

Филипп мрачно кивнул.

— Недаром Владилен считал его агентом Дьявола. Никакой он, конечно, не агент, но вы правильно подметили: «тормозит» он очень сильно. Придется поручать ему второстепенные задачи. Однако, дорогая тайтай, у нас проблема? Если эта юная леди права, Ян Лапарра — их человек!

— Не понимаю, когда и где они успели его закодировать...

— Не имеет значения. Важен сам факт кодирования. Мы поставлены в такие условия, что отвлекающий вариант становится главным. Что будем делать?

— Высадить на борт «крота» десант!

— Они наверняка будут ждать его, устроят засаду и перебьют всех ребят. Или просто заблокируют финиш-линию. Кстати, надо срочно организовать перехват линии метро с «крота»! Они попытаются взорвать аппарат, но перед этим сами сбегут на Землю. Необходимо выход линии переориентировать на одну из наших баз. Там мы их и возьмем.

— Очень хорошая идея, сяншэн. Я срочно займусь этим.

Юэмей Синь и Герман тоже скрылись в кабине метро.

Филипп о чем-то задумался, изучая пол под ногами.

— Но как же дед? — напомнила о себе притихшая Катя. — И Кузя?..

— Не беспокойся, девочка, — очнулся Филипп. — Что-нибудь придумаем. Скорее всего мне придется влиться в команду «крота» и во всем разобраться на месте. Если, конечно, метро не заблокировано.

— Они убьют вас! — вырвалось у Кати; по ее щеке поползла слеза. — Они убьют всех!..

— Не убьют, — улыбнулся старший Ромашин, по-отечески прижимая девушку к груди.

* * *

Министра безопасности Артура Мехти охраняли две обоймы правительственной службы безопасности, одной из которых командовал полковник Юзеф Юзефович. Поэтому его проще было убить, используя современные снайперские комплексы, чем арестовать или захватить. Однако контрразведчики СБ УАСС не были дилетантами и разработали идеально простой с точки зрения логики план операции, предусматривающий применение тех же методов, какими пользовались сами агенты Дьявола.

Девятого мая во время планового заседания Правительства Земли к министру безопасности подошел сотрудник секьюрити и шепнул на ухо:

— В малой приемной вас ждет сын.

Артур Мехти, с проседью в черных волосах, с усами и бородкой, кольцом охватывающими влажные губы, с тяжелым

породистым с ы т ы м лицом, недоуменно покосился на охранника.

— Сын?! Он же находится в экспедиции...

— Он сбежал, ранен, избит...

— Почему же он мне сам не позвонил?

— У него нет ни рации, ни инкома, ни видео.

Артур Мехти хмыкнул, наклонился к премьеру (он сидел по правую руку от него):

— Прошу прощения, экселенц, мне на минуту надо отлучиться.

Премьер кивнул.

Министр вышел из «серебряного» зала резиденции Правительства, где происходило большинство рабочих совещаний, и в сопровождении двух витсов и координатора охраны поднялся на третий этаж здания, где располагалась малая приемная правительственной канцелярии.

В приемной на диване действительно сидел его сын, представлявший собой жалкое зрелище: изодранный обгоревший уник. кровоподтеки и царапины на лице и на руках, всклокоченные волосы, запекшиеся губы, затравленный взгляд.

— Привет, папа, — с трудом встал Оскар, криво улыбаясь. Тут же охнул, прикладывая руку к животу, закусил губу. — Нам надо срочно поговорить!

— Пошли ко мне.

— Нет, надо срочно действовать.

— Всем выйти! — приказал министр.

Операторы канцелярии и охранник вышли.

— Что случилось? — начал министр, подходя ближе. — Почему ты здесь?

В ту же секунду Оскар выстрелил в отца из парализатора, подхватил тело, чтобы не произвести шума, что-то переключил на поясе костюма... и превратился в копию министра! Исчезли синяки и царапины, изорванный и обгоревший уник трансформировался в костюм официала Правительства. «Новый» министр мгновенно нацепил на потерявшего сознание Артура узкий пояс с тремя черными пластинами, и тотчас же Мехти-старший перевоплотился в Оскара с теми же синяками и царапинами, одетого в тот же «обгоревший и порванный» уник. Это сработала аппаратура динго.

«Министр» бросил в микрофон рации одно слово:

«Жду!» — и выглянул в коридор, поманил пальцем начальника охраны:

— Зайди.

Крупногабаритный молодой человек в черно-сером униформе молча повиновался.

— Ему стало плохо, — сказал «министр», — я вызвал медиков. Проконтролируй, чтобы его доставили в клинику, а потом домой.

— Слушаюсь, — подтянулся охранник.

«Министр» вышел из приемной, столкнулся с бригадой врачей в бело-красных комбинезонах, посторонился. Бросил вслед:

— Головой отвечаете!

Медики не обратили на его реплику никакого внимания. Министр безопасности — настоящий — разговаривал так со всеми.

Проследив за тем, как врачи укладывают на антигравносилки тело «сына» и увозят к лифту, «министр» вернулся в зал заседаний и до конца совещания просидел молча, не проронив ни слова. Затем, выйдя из зала, включил тайф и исчез.

Точно так же поступили и «медики», только раньше.

В лифте они обезвредили молодого охранника, заменили на руке псевдо-Оскара тайф, привели его в действие, и Артур Мехти в облике своего «раненого» сына отбыл на базу УАСС на Марсе, где его тут же начали приводить в чувство. «Медики» же исчезли из лифта один за другим, оставив в кабине лифта висящий в воздухе пустой антиграв.

Они очнулись одновременно: Артур Мехти, помещенный внутрь «скелета змея», и негуман.

«Скелет», похожий до этого момента на вопросительный знак, распрямился и образовал длинную двадцатиметровую колонну, внезапно одевшуюся в сеточку голубоватых молний.

— Вот его источник питания — холодный ядерный синтез! — прошептал Герман. — А мы ломали голову!

Артур Мехти, оставшийся внутри колонны у самого ее основания, поднял голову, огляделся по сторонам. Глаза его

запылали темным огнем, по губам скользнула ехидно-пони-
мающая усмешка.

— Кажется, я допустил ошибку, — необычным вибри-
рующим голосом сказал он. — Вы нашли-таки мой схрон.
Могу я узнать, как вам это удалось?

— Долго объяснять, — сказал Филипп Ромашин, чей го-
лос гулко поколебал воздух пустого ангара. — У нас есть кое-
какой опыт.

В самом ангаре, кроме «скелета» негумана, никого не бы-
ло. Руководители и операторы эксперимента находились в
специальном зале управления, располагавшемся под скала-
ми и льдами полигона и хорошо защищенном от всех мыс-
лимых катаклизмов. Во избежание всякого рода неожидан-
ностей вокруг купола ангара сосредоточилась активная тех-
ника землян: лазерные установки, аннигиляционные пушки,
ТФ-эмиттер и даже «глюк», использующийся для горнопро-
ходческих работ. Кроме того, над полигоном висел спейсер
погранслужбы «Мощный». Вздумай оживший организм взбун-
товаться и попытаться бежать или того хуже — сопротив-
ляться, участь его была бы плачевной. Видимо, он тоже это
понимал.

Артур Мехти выбрался из ажурной колонны стоящего на
торце «скелета», сопровождаемый частыми змейками голу-
бых молний, обошел круглое помещение, к чему-то прислу-
шиваясь, остановился в центре ангара и поднял голову, раз-
глядывая зрачок верхней видеокамеры.

— Как я понял, вы все предусмотрели. С кем я имею честь
разговаривать?

— С директором Управления аварийно-спасательной
службы, — сухо ответил Филипп.

— Господин Ромашин, основатель династии Ромаши-
ных, — задумчиво протянул Мехти. — Я вас недооценил.

— Вы многих недооценили, — спокойно ответил Фи-
липп. — А вот насчет основателя династии ошибаетесь. Я во-
все не являюсь основателем рода, ему больше тысячи лет.

— Не будем вдаваться в такие детали. Чего вы хотите?

— Прежде всего представьтесь.

Министр безопасности рассмеялся.

— Артур Мехти, потомок древнего рода люксембургских
князей.

— Я спрашиваю имя того, кто вами управляет.

На миг лицо министра исказилось, стало страшным, но тут же успокоилось, стянутое маской добродушия.

— Мое имя непроизносимо человеческим языком, ведь я диффузно-компактный организм, да еще симбиот. Это тело, — Мехти небрежно махнул в сторону потрескивающей электрическими разрядами колонны, — всего лишь «скафандр». Но можете для определенности называть меня Спасителем.

— Может быть, лучше Дьяволом?

Мехти покачал головой.

— Разве вы называете Дьяволом своего соотечественника, идущего на смерть ради спасения коллектива, группы людей, государства или цивилизации в целом?

— Вы хотите сказать, что с п а с а е т е свою цивилизацию? Уничтожая при этом другие цивилизации, причем преимущественно гуманоидные?

— Каждый борется за жизнь как может.

— Возможно, однако мы привыкли называть таких, как вы, террористами, бандитами и убийцами. И у нас действительно есть богатый опыт борьбы с ними. Так что вы не первый и не единственный проигравший.

— Кто знает, — философски отозвался Мехти. — Мы еще не закончили игру, и я не сказал последнего слова.

— Вы хотите поторговаться?

— Почему бы и нет? В конце концов, посредник, — Артур показал пальцем на свою голову, — сделал свое дело и уже не нужен, а я, — жест в сторону «скелета», — хотел бы пожить подольше.

— Что вы задумали?

— Погасить Солнце, разумеется.

— Мы догадались. Я имею в виду ситуацию с «кротом».

— Ах, «крот», «солнечный крот», оружие пролетариата... шутка... он не дойдет до цели. Почти все члены экипажа инфицированы и управляются моим представителем. Можете их взять, конечно, но они ничего не смогут рассказать.

— Неинфицированных членов экипажа вы ликвидируете?

— Естественно, мне они не нужны.

Чей-то тихий вскрик на общей волне интеркома.

Артур Мехти сощурился, прислушиваясь.

— Знакомый голосок...

— Еще вопрос, — медленно проговорил Филипп. — Если мы оставим вам жизнь, вы нам поможете?

— Смотря что вы попросите.

— Отзовите своих агентов из «крота».

— Это невозможно.

— Почему?

— Программа не предусматривает их досрочного возвращения. Любая попытка отрыва будет расценена ими как сигнал провала и только ускорит гибель «крота». Второй ваш аппарат просто не успеет догнать первый. Даже если вы его успеете создать.

Молчание в зале управления, молчание в бункерах полигона и в рубке спейсера «Мощный».

— Тогда последний вопрос, — нарушил наконец тишину директор УАСС. — Зачем? Зачем вам, представителю высокоинтеллектуальной расы Галактики, понадобилось уничтожать гуманоидные расы? Ведь мы с вами даже незнакомы!

Колонна «скелета» негумана затрещала, заискрилась молниями, а министр вдруг затрясся в беззвучном смехе. Отсмеявшись, выговорил:

— Ваша земная логика даже не трехмерна, а двухмерна, и вы обо всем судите с ее точки зрения, не заглядывая в прошлое и будущее. Вселенная намного сложнее, чем вы себе представили. Вам ее не понять, как не понять и нас. Но я настолько хорошо освоил психику этого носителя, — палец Артура уперся ему в живот, — что могу себе позволить одну подсказку. У вас есть поговорка: два медведя в одной берлоге не уживаются. Мы же просто принимаем превентивные меры.

— Он слишком откровенен! — закричал вдруг Герман. — Он собирается сбежать!

— Хорхе! — тотчас же вызвал командира «Мощного» Филипп.

— Прощайте, — вскинул вверх руки Артур Мехти. — Мне пора домой. Спасибо за то, что вы собрали мой «скафандр», без него мне было бы трудно уйти отсюда.

Министр вздрогнул, глаза его стали пустыми, лицо помертвело. Он упал. И в то же мгновение колонна «скелета» негуманоида оделась в «кожу» лилового свечения и с гулким ударом исчезла. Резидент Дьявола, назвавший себя Спасителем, умчался в неведомые дали.

В зале управления полигоном поднялась суета, операторы начали поиск беглеца по всей округе, спейсер «Мощный» вышел на орбиту вокруг Плутона, включая свои радарные комплексы, но все было напрасно. Не нашелся беглец и в других районах Солнечной системы. Негуман действительно исчез. По-видимому, он тоже владел процессами «струнного» просачивания сквозь пространство.

— Это провал! — мрачно пробормотал Дзарковский, прибывший к развязке событий. — Пора сушить сухари. Где теперь искать этого... Спасителя?

— Найдем, — с мрачной уверенностью сказал Филипп Ромашин. — Не самого резидента, так его сородичей. Вот он найдет, — директор кивнул на Германа. — Головастый парень. Далеко пойдет. Единственное, что нам остается, не сплеховать с «кротом».

Никто директору не возразил. Потому что никто не знал, что делать в создавшейся ситуации.

* * *

Председатель СЭКОНа Бернхард Спенсер влетел в кабинет премьер-министра как торпеда, вытирая с одутловатого лица струящийся пот. Витс-секретарь, возникший за его спиной, в смущении развел руками, опасаясь применять силу, и Томах успокаивающе махнул ему рукой, что означало: оставь нас.

— Вы знаете, что произошло? — выпалил Спенсер, отдышавшись. — Это чудовищно!

Премьер молча предложил ему стакан воды, но гость этого не заметил.

— Ваши любимчики убили Артура! Я только что узнал! Вот до чего дошло ваше попустительство! Немедленно отстраните от должности Ромашина и предайте суду его подручных! Иначе я...

— Минуту, — остановил его премьер-министр, включая видео.

Стена кабинета превратилась в виом, и глава СЭКОНа увидел сцену превращения Артура Мехти в резидента Дьявола. Челюсть Спенсера отвисла, лицо позеленело.

Томах выключил виом, сказал ровным голосом:

— Контрразведка выяснила, господин председатель, что

вы и Юзеф Юзефович *единственные* люди из всех агентов Дьявола, кто пошел ему на службу добровольно. Юзефа мы отыщем, а вам я бы посоветовал застрелиться...

Глава 20

АВИССАЛЬ

Гарри Ширер был так уверен в своих силах, что решил позабавиться, дав противнику шанс освободиться в открытом бою. Оказалось, генерал юстиции по праву носил звание чемпиона Канадской федерации по рукопашному бою, он и в самом деле был мастером боевых искусств. Кузьма понял это очень быстро, «улетев» в нокдаун при первом же стремительном выпаде Ширера.

Перед схваткой Ширер заставил его выбросить оружие и демонстративно положил на пол свой «универсал».

— Теперь мы в равных условиях, — сказал он насмешливым тоном. — От Оскара я слышал, ты хороший боец. Пройдешь меня, и я тебя пропущу к метро. Не пройдешь — не обессудь.

Кузьма, никогда прежде не решавший проблемы таким путем, замешкался и пропустил бросок противника, отозвавшийся в голове грохотом мощного удара. Пришел он в себя не сразу, обнаружив, что лежит на полу. Начал подниматься и получил еще один удар ногой в лицо, от которого перед глазами вспыхнул ослепительный свет и боль волной затопила сознание.

Однако Ширер рано праздновал победу, ударив ногой лежащего еще дважды — по ребрам и в висок. Посмотрел на распластавшееся тело противника, довольно улыбнулся.

— Оскар преувеличил твои возможности, малыш, — сказал он. — А жаль. Я даже не согрелся. Придется тебе разделить участь «крота».

Ширер нагнулся к лежащему неподалеку «универсалу», протянул к нему руку и боковым зрением заметил сзади какое-то движение. С оторопью оглянулся.

Его противник встал!

Вид Ромашина был страшен: разбитые в кровь губы и нос, царапина на лбу, кровоподтеки на виске и под глазом! И тем

не менее он двигался и явно намеревался продолжить поединок.

— Ух ты, молодец какой! — восхитился Гарри. — Неужели тебе мало? Что ж, это даже интересно, давно не встречался с достойным противником. Давай, малыш, начи... — он не договорил.

Ромашин вдруг оказался рядом — словно владел телепортацией — и в голове Гарри Ширера взорвалась бомба.

Удар Кузьмы, действующего «на автопилоте», в бессознательном состоянии, был так силен, что представитель СЭКОНа отлетел в глубь коридора на несколько метров, плашмя упал на пол и затих. Сообразить, что произошло, он не успел.

Однако и Кузьма не смог воспользоваться плодами своей победы. Из лифта в десяти шагах от жилых отсеков появился Оскар Мехти и выстрелил в Ромашина из «универсала». Кузьма почувствовал тупой удар в спину, его снесло в конец коридора — Оскар стрелял гравитационными «пулями» — и впечатало в стену тамбура. Боли он даже не почувствовал, провалившись в беспамятство.

Сколько времени он провел без сознания, определить не удалось. Очнулся Кузьма от боли: ныли все суставы, болела грудная клетка, пульсировали огнем травмированные места, стреляло в висок, жгло губы и нос. Он попытался открыть глаза и зашипел сквозь зубы: показалось, веки покрыты коростой запекшейся крови и трескаются, отзываясь иглами боли.

— Слава богу, ожил, — донесся откуда-то издалека знакомый голос.

Кузьма разлепил веки и увидел над собой светящийся потолок. Скосил глаза — стена. Посмотрел в другую сторону и увидел лежащего в двух шагах от него Хасида. Безопасник был связан, а лицо его представляло собой кровавую маску. Один глаз совсем заплыл, второй лихорадочно поблескивал, губы походили на оладыи, нос распух.

— Что, не узнаешь? — подмигнул Хасид.

— Красавец... — прошептал Кузьма.

— Ты тоже хорош.

— Крепко нас отделали!

— Хорошо хоть в живых оставили.

Кузьма попробовал пошевелиться, застонал.

— Черт! У меня, кажется, все кости переломаны! Где это мы?

— Нас перенесли в зону отдыха. Там дальше бассейн и фитомодуль. Лежи, не шевелись, приходи в себя. Кстати, ты мог бы подлечиться и сам, без посторонней помощи, Керри разбудил твой псирезерв.

— Ты бы помалкивал о таких вещах.

— Не бойся, они отключили нас от интеркома и не слышат.

— Керри дал мне связь с воинской линией рода...

— Не только, каждый классный воин умел залечивать раны внутренним усилием. Попытайся, получится.

Кузьма промолчал, прислушиваясь к своим ощущениям. Напрягаться не хотелось, боль блуждала по телу и отбивала охоту двигаться. Однако он заставил себя сосредоточиться на восприятии текущей по сосудам крови, воспринимая ее как живое существо, и вошел в нервную систему зондом сознания, проверяющим ее состояние.

Это получилось у него само собой, без особых усилий, будто Кузьма занимался самолечением всю жизнь, поэтому он уже не удивился своей способности погружаться во внутренний мир и быть там г о с п о д и н о м положения.

Через некоторое время он почувствовал, что может свободно дышать, не ощущая жжения в легких и боли в сломанных ребрах. Пошевелился, ожидая уколов боли в суставах, но особого дискомфорта и болезненных ощущений не было, организм немного очистил сам себя от шлаков, вспомнив опыт предков, и подкорректировал реакции нервной системы. Хотя сломанные ребра требовали все-таки квалифицированного вмешательства врачей.

— Ну как, полегчало? — поинтересовался Хасид, наблюдая за другом здоровым глазом.

— Как будто, — осторожно ответил Ромашин. — Лежать могу. Как ты думаешь, что они собираются делать?

— Я не думаю, я знаю. Они перепрограммировали Дэва таким образом, чтобы он в нужный момент по команде остановил реактор. Через час после этого защита отключится, и «крот» будет раздавлен вместе с «паньтао». И со всем содержимым. Естественно, к этому моменту никого из наших спутников на борту «крота» уже не будет.

— Думаешь, нас они тоже оставят здесь?

— Какой им смысл оставлять лишних свидетелей?

— Весело...

— Да уж!

Помолчали.

— Ты точно знаешь, что Беата, Андрей и Жан не в их команде?

Хасид отвернулся, сказал глухо:

— Беата хороший специалист, но, к сожалению, не боец... и слишком красивая женщина. Оскар с ней...

Кузьма скрипнул зубами.

— Ублюдок!

— Эй, полегче, теоретик, — раздался зловеще-веселый голос Оскара, и к лежащим подошел, картинно поигрывая ножом, младший Мехти. — Поаккуратнее в выражениях, язык отрежу.

Он осмотрел связанных пленников, удовлетворенно поцокал языком, присел на корточки над телом Кузьмы.

— Ох и живучий ты мужик, Ромашин! Я же угостил тебя пятигравитудным импульсом, такой любого размажет по стенке, а тебе хоть бы хны! Поделишься секретом?

Кузьма прицелился и плюнул.

Оскар отшатнулся, вытирая глаз, покачал головой со злобной усмешкой и что есть силы пнул Ромашина носком ботинка в бок. Затем начал избивать его ногами. Однако этого Кузьма уже не почувствовал, потеряв сознание от первого удара, который пришелся на сломанные ребра.

В себя он приходил долго, то выныривая из вихревой огненной пропасти, то погружаясь в нее с головой. Наконец очнулся, смутно улавливая какие-то странные звуки: резонирующие гулы разной тональности, визги, удары, гулкое бормотание, бульканье и шипение. Сначала принял шумы за звуковую галлюцинацию, потом за толчки и шумы крови в ушах, однако вскоре понял, что эти звуки никакого отношения к его внутреннему состоянию (паршивое состояние, надо признаться, этот гад сломал по крайней мере еще пару ребер!) не имеют.

— Что... это? — вяло спросил Кузьма, не слыша своего голоса.

— Наконец-то! — раздался тихий голос Хасида. — Это с нами говорят недра солнышка. Кто-то в рубке включил нашу музыку для устрашения. Ты выкарабкался? Какого фига тебе понадобилось дразнить его? А если бы он тебя прикончил?

— Все равно... жить осталось... недолго...

— Пока голову с плеч не сняли, сохраняется и шанс выкарабкаться. Знаешь, сколько ты провалялся без памяти, смельчак? Восемь часов! Я уже подумал, что... а помочь не могу, связали меня со знанием дела.

— Тебя же не били, как меня...

— Ну, это как сказать. — Хасид помолчал минуту. — Они сломали мне обе руки.

Кузьма вздрогнул, поворачивая голову к другу, сглотнул ком в горле, прошептал:

— Ты... серьезно?! За что?!

— Их было трое... Хесслер мертв... Лапарра, конечно, боец сильный, но Оскар ударил меня в спину...

— Меня тоже. О, черт! Я не знал... — Кузьмой овладело горькое чувство безнадежности. — Что же делать? Если мы не освободимся, они уничтожат «крот»!

— Лежи, лечись, береги силы и не провоцируй генерала Мехти на избиение, он и так не сильно тебя любит. Что-нибудь придумаем.

— Что? Кто нас освободит? Наверху никто не знает, что тут творится. И вообще: сколько у нас времени?

— Может, час, может, сутки...

— Я не о том. Как долго «крот» будет идти до цели?

— По моим расчетам, осталось два дня пути, но боюсь, до ядра мы не дойдем.

— Тогда нашим наверху останется только одно средство — «Потрясатель Мироздания». Хотя его применение чревато последствиями.

— Почему одно средство? — не согласился Хасид. — Разве наши не могут сделать еще одного «крота» и еще один «паньтао»? Время-то у нас еще есть. Слава аллаху, «огнетушитель» действует не мгновенно. Тот, что погасил солнце мантоптеров, работал десять лет.

— Перед тем как сбегать сюда, я разговаривал с оператором «Циклопа», и он сказал, что зона охлаждения в ядре Солнца расширяется с возрастающей скоростью. Реакции углеродно-азотного цикла в самом центре ядра уже перестали идти, диаметр этой зоны равен всего пятидесяти тысячам километров, на очереди слой протон-протонного цикла. И если...

— Понятно, можешь не терять времени на ликбез, я и сам

понимаю, что может произойти. Значит, ты считаешь, что второй «крот» не успеет? Даже если он уже готов?

— Не знаю... не считал... мы идем уже шесть дней... и еще не дошли... Если бы там наверху был готов второй «крот» — это еще неделя, не меньше... но ведь у нас его нет!

Хасид помолчал.

— Разве дед тебе ничего не говорил?

— Нет. Что ты имеешь в виду?

Хасид снова притих, о чем-то размышляя.

— Правда, это уже не имеет значения...

— Что ты там бормочешь? — рассердился Кузьма, ощущая наплывающий звон в ушах.

— Наша экспедиция — не основная.

— А какая?

— Отвлекающий маневр для вскрытия сети агентуры Дьявола и отвлечения его основных сил. Альтернативный «крот» сейчас доделывается на заводах новых технологий по абсолютно секретной программе и скоро будет запущен в Солнце.

— Не может быть! — прошептал Кузьма.

— Может, — тихо возразил Хасид. — Извини, что я тебе этого не сказал — не имел права.

— Боже мой! Всего-навсего отвлекающий маневр!.. И какой ценой!..

— Это не самая страшная цена, дружище.

— Ах, дед, дед, — горько проговорил Кузьма, которому вдруг захотелось плакать. — Все знал и не сказал! Мне не с к а з а л! Не поверил...

— Если бы он тебе не верил, не позволил бы сбежать сюда из клиники. Твоему деду тяжелее нас всех, вместе взятых. Он взвалил на свои плечи великую *ответственность* и за исход операции, и за войну с Дьяволом, и за нас с тобой. Я им восхищаюсь!

— А я люблю...

Кузьма закрыл глаза, ощущая очередное погружение в болото беспамятства, напрягся, пытаясь остановить падение в черную глубину, и это ему удалось. Тогда он начал медитировать, отстраиваться от шумов и ощущений, пока вокруг не выросли стены из приятного света и он не остался наедине с самим собой. Время замедлило свой ход... он уснул...

Очнулся Кузьма от пинка в бок и чьих-то громких голосов. Открыл глаза, чувствуя себя уже не столь погано, как

раньше: медитативное самолечение дало положительный результат.

Рядом стоял Оскар с обычной издевательской ухмылкой на губах. Пнул Ромашина еще раз.

— Ну что, теоретик, не умер? Надо же. Ничего не хочешь мне сказать на прощание красивое? Чтобы я зарыдал?

Удар.

Кузьма стиснул зубы, чтобы не застонать от боли.

— Бить лежащего некрасиво, — тихо проговорил Хасид.

— Зато безопасно, — оскалился Оскар Мехти. — Молчи, полковник, не то сломаю тебе еще и челюсть, чтобы не вмешивался.

В коридоре появились еще двое: Лапарра и Ширер, который толкал впереди антиграв-платформу. Подойдя к пленникам, они сбросили на пол еще одного связанного человека. Его лицо представляло собой кровавое месиво и было неузнаваемым, и лишь по светлым волосам Кузьма узнал пилота.

— Он нам больше не понадобится, — спокойно сказал Лапарра, поймав взгляд Кузьмы. — Пусть побудет тут с вами... до конца.

— Мерзавец! — не выдержал физик.

Оскар ударил его по голове.

— Не надо, — остановил его дед Кати. — С них достаточно. Прощайте, парни, приятно было играть с вами, как с котятами. В этой жизни мы, наверное, уже не увидимся.

— Где Андрей? — негромко спросил Хасид.

— Он не выдержал... э-э, теста на целесообразность. Не захотел с нами сотрудничать.

— А Беата?

— Я оставлю ее тебе, — осклабился Оскар. — Хотя она уже не в той кондиции, что раньше.

— Обещаю, — сказал Хасид таким голосом, что Кузьму продрал мороз по коже, — обещаю, что найду тебя *везде* и у бью!

Оскар бросился к безопаснику, но был снова остановлен Лапаррой.

— Уходим. Отсчет пошел.

— Я бы с удовольствием с тобой встретился, полковник, — с презрительной усмешкой сказал Мехти-младший, — но это, к сожалению, невозможно.

— Может быть, прямо сейчас? Ты здоров, сыт, силен, ру-

ки не поломаны, я пролежал здесь без еды и воды больше суток... Поединок будет честным. Или слабо?

Оскар снова шагнул к лежащему на боку Хасиду, но вдруг споткнулся, встретив взгляд его здорового глаза. Прошипел:

— Жаль, я не выбил тебе оба глаза!

— Время, — бросил Лапарра, направляясь к лифту.

— Эй, советник, — окликнул его Кузьма. — Неужели то, чем тебя купили, ценнее жизни твоей внучки? Вспомни: ты — бывший комиссар безопасности! Оскар и компания убили твоего сына и невестку!

— Во-первых, как человека ни воспитывай, — равнодушно оглянулся Лапарра, — он все равно хочет жить хорошо. Во-вторых, я не бывший комиссар и не дед твоей любимой девушки, а витс нового поколения. Ваш упрямый Ян Лапарра не подчинился кодированию, пришлось сканировать его мозг, память, психику и делать двойника. Таким образом, я просто его двойник, и, как понимаю, экзамен прошел успешно.

— А где настоящий Ян? — пробормотал ошеломленный Кузьма.

— В бункере под домом председателя СЭКОНа, коль уж вам так необходимо это знать. Только вряд ли он еще жив. Да и вам туда не добраться, мы сейчас взорвем обе кабины метро. Кстати, — псевдо-Лапарра перевел взгляд на Хасида. — Спасибо за информацию о втором «кроте». Хотя она нам уже не понадобится: он не успеет дойти до ядра Солнца, до того как сработает «огнетушитель».

Лапарра и молчавший Ширер скрылись за мембраной лифта.

Оскар вернулся, молча избил Хасида, так что тот потерял сознание, ударил пару раз Кузьму, вскинул руку и с улыбкой сказал:

— Адью, самоубийцы. Мы знали, что вы вернетесь, и хорошо подготовились. Жаль, что надо уходить, а то я бы с вами еще позабавлялся.

Он ушел.

— Ходя, — позвал Кузьма и услышал неровное дыхание очнувшегося товарища. — Ты жив?

— Еще не знаю, — прохрипел Хасид. — Вот гад, печень отбил... будь у меня пистолет, я бы влепил ему пощечину.

Кузьма оценил юмор ситуации, издал слабый смешок. Хохотнул и Хасид, но тут же зашипел от боли.

— Нам тоже пора выбираться отсюда.

— Похоже, он повредил тебе и голову, а не только печень. Как мы отсюда выберемся?

— Ты же теоретик, вот и думай.

Сквозь гул и шипение солнечных недр донесся отчетливый стеклянный треск. Пол под пленниками вздрогнул.

— Что это? — прислушался Кузьма.

— Метро... они ушли и взорвали метро.

— Зачем ты говорил мне о втором «кроте»? Ведь ясно же, что они нас прослушивали.

— Все нормально, — ухмыльнулся безопасник. — Они должны были услышать что-то важное, чтобы побыстрее смыться отсюда. Но все дело в том, что линия метро «крота» — векторная.

Кузьма с недоверием посмотрел на друга.

— Ты хочешь сказать...

— Наши переориентировали выход.

— Значит, все беглецы во главе с Лапаррой... с этим новым витсом попадут к нашим в руки?

— Надеюсь. Правда, нам с тобой от этого не легче. Реактор «крота» остановлен, пора приниматься за дело. Кстати, там ведь еще осталось «зеркало». Не могли бы мы уйти через него?

— Нет, — с сожалением вздохнул Кузьма. — «Зеркала» всего лишь временные петли и накопители информации. Хотя мы, может быть, открыли далеко не все их свойства. Но это уже другая история. Действительно, пора спасать экспедицию. Так как твои руки сломаны, я попробую развязать тебя, потом Жана, а там что-нибудь придумаем.

Кузьма с трудом подкатился к Хасиду, пристроился к нему таким образом, чтобы кисти рук приблизились к лодыжкам Хасида, стянутым особого рода эластичной лентой. Несколько минут пытался разорвать ленту, перегрызть ее зубами или стащить ее с ног друга, но не смог. Растянулся рядом, тяжело дыша.

— Не поддается, зараза! Нужен нож...

Корпус «крота» поколебал мощный толчок, который не смогли погасить даже инерционные поглотители. Кузьму,

Хасида и пилота кинуло к закругленной стене помещения. Гулкий грохот донесся из недр аппарата.

— Дьявольщина! — скрипнул зубами Кузьма. — Что это еще за землетрясение?

— Абиссаль... мы вошли в солнечное ядро...

— Я не о звуках... Эй, Дэв, что случилось? Почему трясется «крот»?

Инк не ответил, продолжая транслировать в зону отдыха звуки солнечных недр, к которым добавились теперь басовитые шлепки и тонкие завывания.

— Дэв, скотина, ты же нас слышишь!

— Он не ответит, — не потерял хладнокровия Хасид. — Толчок, наверное, означает, что Дэв отключил бур. Теперь он начнет по очереди отключать все потребители, пока не закончится запас МК-батарей.

— Тогда нам пора петь за упокой!

— Подождите петь, — раздался осуждающий женский голос, и в коридор из лифта выбежала Катя Лапарра в комбинезоне спецназа, но с выключенной системой маскировки.

Глава 21

ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ

Появление внучки Яна Лапарры оказалось столь неожиданным — и для Кузьмы, и для Хасида, — что они не сразу поверили в реальность происходящего и только молча тарашились на гостью, с деловитым видом занятую их освобождением.

Продолжая ворчать, Катя ножом спецназовского комплекта разрезала путы, стягивающие руки и ноги пленников, на мгновение прижалась к Кузьме, целуя его в переносицу, и отстранилась.

— Хороши бойцы, нечего сказать! Дали себя захватить какой-то жалкой кучке зомбированных мерзавцев. Вставайте, чего уставились? Начнем спасать цивилизацию.

— У него сломаны руки, — очнулся Кузьма, начиная растирать запястья рук. Встал, начал помогать Хасиду. — Это действительно ты или галлюцинация? Как ты проникла сюда? Ведь метро взорвано!

— Я здесь пряталась все это время.

— Этого не может быть...

— Пошутить нельзя? — притворно рассердилась Катя, поддерживая Кузьму под руку. Она оглядела его бледно-голубую физиономию с коркой подсохшей крови, отметила позу: он держался за бок с осторожностью человека, несущего хрустальную вазу, — и лицо девушки дрогнуло, в глазах промелькнули нежность и любовь, забота и сожаление. И ненависть — к тем, кто избивал Ромашина. Затем все эмоции стерло выражение озабоченности.

— Главное, что я с вами, — продолжала девушка. — Устраивает вас это?

— Поздно... — выговорил Кузьма с великим трудом: разбитые губы трескались и саднили.

— Все плохое приходит слишком рано, — философски заметил Хасид, смуглое лицо которого приобрело металлический оттенок, — а все хорошее слишком поздно. Нам бы все-таки хотелось выяснить, как ты здесь оказалась.

— У нас мало времени...

— Я тоже хотел бы знать, — заупрямился Кузьма. — Докажи, что ты не агент Дьявола.

Катя усмехнулась, оглядела мужчин, мельком посмотрела на пилота, все еще не подающего признаков жизни.

— Хорошо. Если я скажу все, вы мне поверите?

— Да, — в один голос ответили друзья.

— И будете слушаться?

— Э-э... — сказал Хасид.

— М-м-м... — промычал Кузьма.

Катя засмеялась и сразу стала серьезной.

— Вам придется мне поверить и слушаться, потому что времени на размышления и колебания у нас и в самом деле нет. Я вышла из «зеркала» возле отсека с «паньтао». В данный момент я не только Катерина Лапарра, но и представитель Наблюдателя. Вы не все знаете о «зеркалах». Они связаны между собой. Можно войти в «зеркало» в одном месте и выйти в другом. Но хватит болтать. Вам дается шанс довести дело до конца, воспользуйтесь им. Потом будет поздно.

Мужчины в растерянности переглянулись.

«Ты ей веришь?» — взглядом спросил Хасид.

«Я ее люблю», — таким же манером — молча — ответил Кузьма.

— Что случится, — вслух проговорил Хасид, — если мы не успеем?

— Дьявол запустил в Солнце не обычный «огнетушитель», как в случае с мантоптерами, а инфляционный. Его энергопоглощение увеличивается по экспоненте и вскоре приведет к мгновенному «вымораживанию вакуума» в радиусе чуть ли не всей Солнечной системы.

Хасид покачал головой. Кузьма попытался присвистнуть, но разбитые губы не слушались.

— Вот почему они так торопились!.. А ты не преувеличиваешь?

— Смысл? — ответил за Катю Хасид. — Наблюдатель не посылает представителей ради того, чтобы нас попугать. Вспомни встречу с самим собой на Марсе. Но вот чего я до сих пор не понимаю, — он повернулся к девушке, — так это смысл действий Дьявола. Чем ему насолили люди, да и мантоптеры, что он решил их уничтожить столь экзотическим способом?

— Идемте в медотсек, по пути расскажу, — кивнула Катя. — Потом вернемся за Жаном. — Она повела обоих к лифту. — Все дело в сигмалогике негуман, полковник, которую можно назвать контралогикой. Вы уже знаете, что Наблюдатель — это наши невообразимо далекие потомки, через сто миллиардов лет после нас повернувшие время, чтобы спастись от коллапса Вселенной. Но, во-первых, они не только повернули время, но и изменили знак материи, ушли в «зазеркалье», не осязаемое для наших приборов, за исключением некоторых эффектов типа «вакуумного вымораживания», НЛО, «зеркал» и петель времени. Во-вторых, в том самом будущем наши потомки объединились со всеми расами Метагалактики и образовали две разумные Подсистемы: Наблюдатель и...

— Дьявол!

— Названия им дали люди, и это чисто человеческое отражение логик этих систем, отражение больше эмоциональное, чем строго научное и точное, однако в принципе правильное. Так вот, Подсистеме Дьявола стало тесно в «зазеркалье», и она решила заранее побеспокоиться о нейтрализации соперника, ограничить доступ в будущее всем гуманоидным расам. Результат вы видите.

— Но ведь будущего еще нет, — осторожно заметил Хасид, — а «огнетушители звезд» уже запущены...

— Время — более сложная конструкция, чем мы думаем, оно тоже многомерно, как и пространство. Тем более что те, повернувшие назад, *знают* о нас все, ибо мы — это они в их прошлом и в их же будущем. Наблюдатель же вмешивается лишь в крайнем случае, да и то минимизированно, когда угроза для его существования близка к потенциальной реализации.

— Значит, ты сейчас его полномочный посол? — уточнил Кузьма. — И поможешь нам уничтожить «огнетушитель», а потом уйти?

— Это вы сделаете сами, — просто ответила Катя. — То есть мы сделаем. Потому что я не знаю, как это делается. Я только помогла вам освободиться.

— Я думал, ты все знаешь и умеешь...

— Вы прослушали. Наблюдатель вмешивается по самому минимуму, потому что даже такое вмешательство колеблет Мироздание. Мы должны выходить из всех положений сами.

Лифт еще работал и доставил всех троих к медотсеку, где Катя быстро развернула два реаниматора, раздела и уложила в них мужчин, включила аппаратуру. Дэв молчал, но не препятствовал.

— Полежите минут десять, я попытаюсь поменять программу инка. Все-таки я заканчивала институт молектронных систем и неплохо разбираюсь в техноинтеллектах. Если мне не удастся договориться с Дэвом, останется одна надежда на Жана.

Она убежала.

Саркофаги реаниматоров закрылись, по телам больных побежали струйки воды и крохотные лапки манипуляторов, вытирающие пот и кровь. Над каждым вспыхнули виомы, показывающие состояние пациентов и векторы вмешательства медицинского инка.

У Кузьмы оказалось сломанным всего одно ребро, а не четыре, как ему представлялось, была повреждена носовая перегородка, выбит зуб, и компьютер насчитал на теле четырнадцать гематом. У Хасида были сломаны кисти рук, повреждены три ребра, лицо представляло собой сплошную рану, правый глаз выбит не был, но ничего не видел, а на те-

ле не было ни одного живого места. Очевидно, после боя с агентами Дьявола и гибели Хесслера безопасника обработал Оскар, склонный к садистским удовольствиям.

Через четверть часа Кузьме стало намного легче.

Саркофаг обработал его раны, заживил царапины, зафиксировал биндом ребро, и физик почувствовал себя почти счастливым. Инк реаниматора выпускать его не хотел, но он настоял на своем и с сожалением выбрался из невыразимо приятной и ласковой утробы саркофага.

Хасид тоже хотел вылезти из своей хрустальной «гробницы», однако Ромашин не позволил.

— Ты нам пока не помощник, Ходя. Понадобишься, я пришлю за тобой антиграв.

Кузьма вышел из медотсека, направился было к рубке, однако вернулся с полпути, взял антиграв-носилки и поднялся в зону отдыха за пилотом.

Жан Иванов по-прежнему не двигался, и пульс его не прощупывался, но Кузьма все же взвалил его на антиграв, довез до медотсека и уложил в реаниматор. И лишь после этого поспешил в рубку, прислушиваясь к гулам и свистам солнечных недр.

Катя сидела в кокон-гнезде пилота, упакованная прозрачными «лепестками» системы информационного обмена, и на появление Кузьмы не обратила внимания. Тогда он забрался в органеллу командира «крота», настроил канал обмена и включился в сеть связи и управления.

Сработали каналы аудио-, видео- и сенсоподачи.

Он оказался зависшим в центре огненной бездны с удивительно асимметричным рисунком малиновых и золотистых жил, стеблей и веточек, образующих красивый «коралловый» куст. Это был фрактал устойчивых солитонных струй с протекающими в них ядерными реакциями. Ниже, в самом ядре Солнца, ветви фрактала расплывались в общем свечении — солитоны теряли «индивидуальность» и тонули в модуляционных возмущениях ядерных реакций, оседая в протонный «конденсат». Именно в этой зоне происходили цепочки реакций протон-протонного цикла, дающие основной выход энергии Солнца. Два протона объединялись, излучая позитрон и нейтрино и образуя ядро дейтерия, тяжелого изотопа водорода, затем к нему присоединялся еще один протон, рождая ядро легкого изотопа гелия — гелия-3,

и, наконец, к ядру гелия-3 добавлялось еще одно такое ядро, образуя ядро обычного гелия (гелия-4) с испусканием двух протонов. Температура плазмы в зоне «конденсата» достигала уже восьми-десяти миллионов градусов. Реакции углеродно-азотного цикла — через цепочку превращений углерода в азот и кислород, который распадается снова на углерод и гелий, — приводящие к такому же результату, начинали идти еще ниже, почти у центра ядра, где температура плазмы достигала двадцати миллионов градусов. Но в Солнце эта зона уже не работала, замороженная «огнетушителем».

— Иди поешь, — раздался в глубине головы Кузьмы голос Кати. — Не то свалишься от недостатка энергии.

— Мне влили глюкозу и какие-то необыкновенные тоник, не свалюсь. Что тут у нас плохого?

— К счастью, они «не заклинили» инк-систему, Дэв начинает слушаться, уже включил реактор. Но связи с поверхностью нет. И все же я не устаю восхищаться!

— Чем? Что мы живы?

— «Кротом». Удивительная машина. Фантастический запас живучести! Проектировали ее необыкновенные по творческим потенциям люди.

— Ты говоришь сейчас как агент Наблюдателя или просто как человек?

— Как агент, — не обиделась Катя. — Дэв, ты меня слышишь?

— Слышу, — после паузы ответил инк «крота» своим обычным мягким бархатистым голосом. — Можете располагать мной, как и прежде. С великим сожалением должен заметить, что ваш товарищ мертв.

— Кто?! — испугался Кузьма.

— Жан Иванов. Он получил травмы, не совместимые с жизнью.

— Кто его... так?

— Оскар Мехти.

Кузьма еле сдержался, чтобы не выругаться.

— Если вернемся, я его!..

— Это моя забота, — послышался тихий голос Хасида. — Не отвлекайтесь там на пустяки. Какие у нас шансы достичь цели?

— С внешним целенавешением — почти стопроцент-

ные, — ответила Катя. — А так — пятьдесят на пятьдесят. Внешнее целенаправление не работает, Дэв не слышит Землю.

— У нас есть свой нейтринный телескоп, — напомнил Кузьма.

— самого «огнетушителя» он не увидит.

— Тогда его надо настроить по вторичным эффектам, пусть Дэв попробует, — предложил Хасид. — Нам просто нужно попасть в центр Солнца.

— Это не так просто, — возразил Кузьма. — Мы должны для гарантии подойти к «мячу» вплотную и запустить в него «паньтао».

— Тогда я умолкаю.

— Дэв, — позвала Катя.

— Я понял, — откликнулся инк. — Сделаю все, что смогу. Запускаю бур.

«Крот» вздрогнул, перестал бесцельно крутиться среди «веточек» фрактала реакций и устремился вниз, к ядру Солнца.

— Сколько нам осталось пройти до «огнетушителя»?

— Примерно семьдесят тысяч километров.

— То есть около двадцати часов. Тогда я пошел тестировать «паньтао».

Кузьма раскрыл свой кокон, вылез из кресла. Откинулись и «лепестки» кокона Кати.

— Я с тобой. Думаю, Дэв справится с управлением часок-другой.

Кузьма хотел возразить, напомнить девушке об ответственности, но увидел манящий свет в ее глазах и шагнул навстречу...

Спустя четыре часа, когда Кузьма, Катя и присоединившийся к ним Хасид, с перебинтованными и почти зажившими руками, обедали в зоне отдыха, обсуждая судьбу деда Екатерины, Дэв их вызвал в рубку по тревоге.

Кузьма домчался первым, нырнул в кокон органеллы, и Дэв подключил его к информсети «крота». Физик оказался внутри все того же огненного пузыря с узором термоядерных струй, но теперь внизу (прямо по курсу «крота») в ало-золотистой бездне стал виден кружевной узор черноты, уплотняющейся буквально на глазах.

— Температура ядра падает со скоростью один градус в секунду, — сообщил Дэв. — Зона охлаждения расширяется со скоростью два километра в секунду, и скорость эта растет. Процесс явно ускоряется. Если мы повернем назад и перейдем на форсаж, возможно, успеем уйти. Прошу указаний.

— Мы-то, может, и успеем... — проговорил подсоединившийся Хасид. — Только что мы будем делать без Солнца, если оно погаснет? По-моему, обратной дороги у нас нет. Или у кого-нибудь есть другие предложения, господа физики и агенты?

— Дэв, мы сможем продержаться какое-то время в условиях «вакуумного вымораживания»? — спросил Кузьма.

— Не больше нескольких минут, — после некоторого замешательства ответил инк. — Точнее сказать не могу. Защита от «вымораживания» потребует слишком большого расхода энергии.

— Что ты задумал? — поинтересовалась Катя.

— Ходя прав, у нас только один выход, — проговорил Кузьма ставшими непослушными губами. — Вперед! Надо дойти до стенки «огнетушителя» и нырнуть в него до того момента, как он превратит нас в суперлёд.

— Очень интересный способ самоубийства, — хмыкнул Хасид хладнокровно. — Хотя можно в принципе попробовать.

— Ты серьезно, Ромашин? — странным напряженным голосом спросила Катя.

Кузьма облизнул почти зажившие соленые губы, ответил не сразу:

— Хорошо, если бы меня кто-нибудь убедил, что это оптимальный вариант... но, боюсь, у нас нет выбора.

— Но ведь таким образом мы не спасаем ни себя, ни...

— Я не закончил. «Огнетушитель» — не обычное «зеркало», это вход в «зазеркалье», в мир с «левой» материей. То есть в тот, где живут наши потомки, Наблюдатель...

— И Дьявол!

— Бог с ним, с Дьяволом, потом мы с ним разберемся... короче. «Огнетушитель» сейчас работает как насос, откачивая энергию Солнца и превращая ее в минус-энергию «зазеркалья». Думаю, и нашего «крота» он просто переправит туда же. Вместе с нами. Мы настроим и выбросим «паньтао»

таким образом, что успеем первыми, а уж потом сработает он и уничтожит этот дьявольский «футбольный мяч».

На волне интеркома стало тихо. Потом заговорил Хасид:

— Допустим, мы уцелеем после этого маневра. Но как мы вернемся домой из «зазеркалья»? Ты это учел?

— Да, — тихо сказал Кузьма. — Мы можем не вернуться...

— Вы кое-что забыли, мужчины, — вмешалась Катя. — Во мне есть частица Наблюдателя, и она подсказывает мне, что Наблюдатель о нас не забудет, он найдет способ вернуть нас обратно... если, конечно, мы уцелеем. Или захотим.

Молчание.

— Ты думаешь, мы можем не захотеть? — с любопытством спросил Хасид.

— Уверяю вас, наша «правая» плюс-вещественная Вселенная мало отличается от «левой», «зеркальной». Во всяком случае — этически. Там тоже выживание возможно, но не слишком легко. Да и Дьявол не даст никому покоя.

— А это кто сейчас говорил? Землянка Екатерина или агент Наблюдателя?

— Ты с чем-то не согласен?

— Вы предлагаете мне прыгнуть с вами в «зазеркалье»? Это называется: руки вверх! — единогласно...

— Ходя, — начал Кузьма, не зная, что говорить дальше. — Я понимаю... мы с Катей... а ты один... но разве у нас есть выбор?

— А разве я отказываюсь? — осведомился Хасид. — Как говорил Гете, есть две формы насилия: закон и приличия. Я иду с вами из приличий.

Катя засмеялась.

— Мне все-таки повезло с вами, мальчики, я вас люблю. Итак, идем вперед?

— Только, пожалуйста, рассчитайте все правильно, — попросил Хасид. — Мне очень хочется вернуться домой... или по крайней мере оставить после себя хорошую память.

— Сделаю все, что смогу, — отозвался Дэв, принявший реплику за команду.

Через два часа «крот» вплотную приблизился к расширяющей клубящейся черной мути «на дне» солнечных недр. И чем ближе он подходил к этой черной бездне, тем сильнее

трясло корпус машины, защита которой начинала взаимодействовать с сильнейшими магнитными полями и потоками излучений. Дэв с трудом удерживал курс, то и дело маневрируя в потоках термоядерных реакций.

Звуки солнечных недр также изменились, сдвинулись в область ультра- и гиперзвуковых частот. То, что слышали оставшиеся в живых члены экипажа, напоминало им падение хрустальных сосулек, с тонким звоном разбивающихся о твердую поверхность. Или звон лопающихся бокалов.

Затем все звуки стушевал усиливающийся густой звон гитарной струны: навстречу «кроту» мчалась лавина холода, останавливающая, замораживающая даже термоядерные реакции.

Перед тем как нырнуть в этот сверхплотный замерзающий ад, трое соларнавтов выбрались из коконов, обнялись, затем Хасид снова залез в свою органеллу, и Катя с Кузьмой на несколько мгновений прижались друг к другу, ни о чем не думая, просто растворяясь в тихом взрыве невысказанной любви, нежности, печали и сожаления.

И все же они свято верили в будущее, в котором не будет ни Дьявола, ни войн, ни тревог и расставаний.

Дэв включил форсаж, и «крот» устремился вперед с возрастающей скоростью. За те восемь или десять минут, что оставались у него до момента полного истощения энергозапаса, ему предстояло пройти до оболочки «огнетушителя» около десяти тысяч километров. Он *должен* был уничтожить дьявольский «насос», *должен* был успеть нырнуть в ворота в иную Вселенную!

И он...

...успел?..

Москва — Харьков, январь 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ. *Роман*

Глава 1. ИГРА	7
Глава 2. СЕЗОН «ЗЕРКАЛЬНЫХ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ».	25
Глава 3. ФОРМУЛА	62
Глава 4. ДИЛЕММЫ	82
Глава 5. ЦУНАМИ	112
Глава 6. СТАРЫЙ ЗАВОД.	135
Глава 7. СОВЕЩАНИЕ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ.	159
Глава 8. БУДНИ.	175
Глава 9. ПРЫЖОК «ИСКАТЕЛЯ»	191
Глава 10. ТРИАС	206
Глава 11. ПРЕЛЕСТЬ НЕОЖИДАННОСТИ	218
Глава 12. КРАСНАЯ КНИГА	245
Глава 13. АВСТРАЛИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.	273
Глава 14. ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД.	303

ОГНЕТУШИТЕЛЬ ДЬЯВОЛА. *Роман*

Глава 1. МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА	325
Глава 2. НЕБОЛЬШИЕ ЛИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.	335
Глава 3. «ПОТЯСАТЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ»	359
Глава 4. ЧУЖИЕ В СИСТЕМЕ	375
Глава 5. ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ.	397
Глава 6. ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ.	408
Глава 7. ЧУЖИЕ В СИСТЕМЕ	427
Глава 8. КРИМИНАЛИССИМО	448
Глава 9. НАСЛЕДСТВО КЕРРИ	460
Глава 10. ЗАБОТЫ ПРОФЕССИОНАЛОВ	479
Глава 11. И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ.	492

Глава 12. НЕУДАЧА	501
Глава 13. ВОЙНА ОПРЕДЕЛЕНИЙ	523
Глава 14. ПРЕОДОЛЕНИЕ	536
Глава 15. ПОПЫТКА НЕ ПЫТКА	556
Глава 16. ДЕСАНТ В ТЕРМОЯДЕРНУЮ ГЛУБИНУ	579
Глава 17. ПЕРЕХВАТ ИНИЦИАТИВЫ.	599
Глава 18. БЕГСТВО В СОЛНЦЕ	624
Глава 19. СБОРКА НЕГУМАНА	635
Глава 20. АБИССАЛЬ.	648
Глава 21. ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ.	657

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Г. Гагарина*

В оформлении переплета использована работа
художника *Лео Хао*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

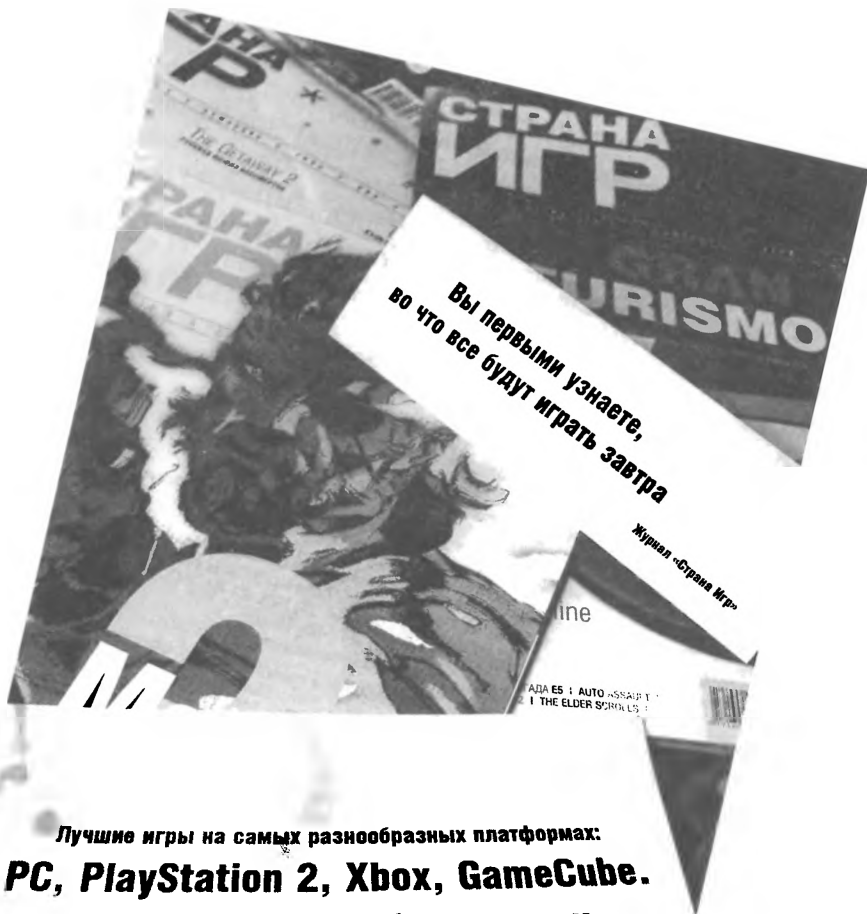
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 10.08.2005.
Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 35,28. Уч.-изд. л. 35,8.
Тираж 6000 экз. Заказ 7511.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru





Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.

**Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор**

Ca

НАИЛУЧШЕЕ
2
МЕНЕЕ

192
СТРАНИЦЫ

DVD
85
Голоса

Р О Б Е Р Т

ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-
ОСНОВАТЕЛИ»



Все произведения
знаменитого
американского
писателя
Роберта Шекли
в 6 томах!



ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!**



ТАКЖЕ В СЕРИИ:

А. Громов «Феодал»

Д. Янковский «Нелинейная зависимость»

В. Бурцев «Пленных не брать!», «Зеркало Иблиса»

А. Плеханов «Неестественный отбор»



ISBN 5-699-13040-3



9 785699 130405 >